

**Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Курский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации**

С.П. Щавелёв



ДАНЬ МНЕМОЗИНЕ

**Рецензии и отзывы на издания и рукописи
1990 – 2000-х годов по историографии
отечественной истории и археологии**

В двух книгах

Книга 1



Курск – 2013

УДК 930.1
ББК 63.3
Щ91

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ГБОУ ВПО КГМУ
Минздрава России

Щавелёв С.П.

Дань Мнемозине: Рецензии и отзывы на издания и рукописи 1990 – 2000-х годов по историографии отечественной истории и археологии. – В 2 кн. Кн. 1. Курск: Изд-во КГМУ, 2013. – 480 с.

Рецензенты:

докт. филос. н., член-корр. РАН *И.Т. Касавин* (Институт философии РАН);

канд. ист. н., зав. отделом археологических сводов и карт *А.В. Кашкин*
(Институт археологии РАН);

канд. ист. н., проф. *А.Н. Курцев* (Курский гос. ун-т).

докт. филол. н., проф., заслуженный деятель науки РФ *А.Т. Хроленко* (Курский гос. ун-т)

В двухтомной монографии собраны авторские отзывы, рецензии на мемуары учёных, словари, диссертации, другие издания, посвящённые развитию гуманитарной науки в России, прежде всего истории и археологии, а также философии, теологии, культурологии и палеолингвистики. Искренние похвалы соседствуют с беспощадной критикой. Стиль изложения далёк от сдержанно-академического, весьма выразителен, преисполнен живого интереса к обозреваемым сюжетам, похвал достижениям и открытиям коллег, юмора и сарказма по отношению к упущениям и вопиющей некомпетентности некоторых претендентов на учёное звание. Часть этих материалов публиковалась в ведущих научных журналах нашей страны, другая часть оставалась в рукописном виде — осела в архивах диссертационных советов, переписке с разными лицами — и впервые предлагается широкому читателю.

В качестве образцов произведений оцениваемого жанра впервые публикуются интереснейшие воспоминания русского инженера, одного из основателей Московского высшего технического училища (ныне МВТУ им. Н.Э. Баумана) С.А. Фёдорова (1860–1934) и одного из основоположников советской археологии А.Я. Брюсова (1885–1966).

Кроме собственно историографических материалов включены и некоторые авторские (и выполненные в соавторстве) статьи с анализом философско-методологических оснований исторического познания.

Для специалистов по истории и археологии, философии и филологии; студентов, аспирантов, преподавателей высшей школы и научных сотрудников, а также для всех, кто интересуется миром гуманитарной науки и культуры.

Оформление обложки М.В. Хрулова.

В оформлении обложки использована репродукция картины «Мнемозина» (1881 г.) Данте Габриэля Россетти (1828–1882). Картина хранится: Wilmington, Delawar Museum.

ISBN 978-5-7487-1628-4

© Текст — С.П. Щавелёв, 2013

© Оригинал-макет, оформление — КГМУ, 2013

*Льву Самуиловичу Клейну,
подавшему идею этого издания,
с уважением и признательностью за уроки общения
идейных союзников и противников
к его 85-летию посвящает эту книжку автор*

**«Дотянув до седин,
я смотрю, как буксир среди льдин
пробирается к устью.**

**Не ниже
поминания зла
превращенье бумаги в козла
отпущенья обид.**

**Извини же
за возвышенный слог:
не кончается время тревог,
но кончаются зимы.
В этом — суть перемен,
в толчее, в перебранке Камен
на пиру Мнемозины».**

И.А. Бродский.

**Стихи в апреле.
Из цикла «С февраля по апрель».
Апрель 1969 г.**

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|---|----|
| От автора | 13 |
| Памяти мастера (Некролог полиграфиста В.И. Колосова (1944–2011)) | 18 |
| Доисторический человек глазами геолога. А.А. Иностранцев. Воспоминания (Автобиография). СПб., Центр «Петербургское востоковедение», 1998 | 21 |
| «С чего начинается родина». А.А. Формозов. Древнейшие этапы истории Европейской России. М., Наука, 2002 | 24 |
| Дань хазарам. Отзыв на автореферат диссертации Н.А. Медведевко «Проблемы археологии и истории Хазарского каганата в исследовании М.И. Артамонова» (Воронеж, 1995), представленной на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07. 00. 06 — археология | 28 |
| Дань Москве. Отзыв на автореферат диссертации Н.Д. Борщик, «Эволюция государственной системы учёта населения России в XVII–XIX столетиях (На материалах Курского края)» (Москва, 2010), представленной на соискание учёной степени доктора исторических наук по специальности 07. 00. 02 — отечественная история | 32 |
| Страх божий. Отзыв официального оппонента на диссертацию Ю.В. Пустовойт «Феномен страха в античной культуре и патристике (этико-философский анализ)» (Тула, 2007), представленную на соискание учёной степени кандидата философских наук по специальности 09. 00. 05 — этика | 35 |
| Слово божие. Отзыв рецензента на диссертацию О.Н. Дьяченко «Риторическое слово Аврелия Августина (историко-философский анализ)» (Курск, 2011), представленную на соискание учёной степени кандидата философских наук по специальности 09. 00. 03 — история философии | 40 |
| Бог и Университет. Отзыв на автореферат диссертации Т.И. Сыпченко «Становление и развитие университетской культуры в Средние века (Культурно-философский анализ)» (Тула, 2009), представленной на соискание учёной степени кандидата философских наук по специальности 09. 00. 13 — религиоведение, философская антропология, философия культуры | 46 |
| Пропаганда кладоискательства, или «оборотень в профессорской мантии». В.А. Бердинских. История кладоискательства в России. М., «Захаров», 2005 | 48 |

| | |
|---|-----|
| У начала профессиональной археологии в России. <i>А.В. Жук.</i> | |
| <i>Василий Алексеевич Городцев в рязанский период его жизни, службы и научной деятельности. Омск, Изд-во Омского гос. ун-та, 2005.....</i> | 59 |
| Бог бронзы. <i>Отзыв на автореферат диссертации И.Е. Сафонова «В.А. Городцев и изучение эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи» (Воронеж, 2002), представленной на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07. 00. 06 — археология.....</i> | 65 |
| Русь изначальная. <i>Отзыв на автореферат диссертации Е.А. Шинакова «Генезис древнерусской государственности (опыт сравнительно-исторического анализа)» (Брянск – Воронеж, 2006), представленной на соискание учёной степени доктора исторических наук.....</i> | 68 |
| 1150: юбилей российской государственности. История и современность | 76 |
| А.С. Щавелёв, С.П. Щавелёв. Феноменология и археология..... | 101 |
| Философ журналист. <i>Отзыв на автореферат диссертации Д.В. Силаковой «Владимир Соловьёв и литературно-философская критика конца XIX – начала XX века» (Воронеж, 1997), представленной на соискание учёной степени кандидата филологических наук.....</i> | 124 |
| Писатели историки. <i>А.А. Формозов. Классики русской литературы и историческая наука. М., «Радикс», 995.....</i> | 126 |
| Писатель и история. <i>Отзыв официального оппонента на диссертацию Н.Е. Дорошенко «Историческое развитие России как отражение политического гено типа в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина» (Воронеж – Курск, 2002), представленную на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07. 00. 02 — отечественная история</i> | 131 |
| Некоторые рукописи не горят. <i>П.С. Уварова. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., Изд-во им. Сабашниковых, 2005; Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 144. М., 2005</i> | 138 |
| «Как жаль, брат Чичиков, что тебя не было на ярмарке...» <i>Отзыв на автореферат диссертации Д.В. Серых «Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв.», представленной на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности — 07. 00. 06 — археология.....</i> | 143 |
| Димитрий Яковлевич. <i>Д.Я. Самоквасов (1843–1911) и его вклад в познание далёкого прошлого Русской земли (К 100-летию со дня смерти).....</i> | 147 |

| | |
|--|-----|
| Последняя экспедиция. «Гочевские древности Обоянского уезда Курской губернии» Д.Я. Самоквасова 1909 г.: век археологического изучения комплекса памятников на Верхнем Псле..... | 163 |
| Очередной «Анти-Самоквасов». Л.И. Шохин. «Московский архив министерства юстиции и русская историческая наука. Архивисты и историки во второй половине XIX – начале XX века». М., «Памятники исторической мысли», 1999..... | 168 |
| «Товарищ хранитель...» А.В. Орешников. Дневник. 1915–1933. В 2 кн. Сост. П.Г. Гайдуков, Н.Л. Зубова, М.В. Катагощина, Н.Б. Стрижова, А.Г. Юшко. Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М., «Наука», 2010–2011. Кн. 1. 1915–1924. 659 с., ил.; Кн. 2. 1925–1933. 717 с., ил. (Научное наследство. Т. 34)..... | 177 |
| Власть археологии и археология власти: искатели древностей в «Большой Игре». Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М., Институт археологии РАН, 2011..... | 199 |
| Она знает всё. Отзыв официального оппонента на диссертацию Г.А. Бондаревой «Становление статистики в российской провинции середины XIX столетия — 1917 г. (на примере Курской губернии)», представленную на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07. 00. 02 — отечественная история..... | 222 |
| Историческое краеведение в Воронеже. Отзыв официального оппонента на диссертацию Н.А. Потапкиной «Деятельность воронежских краеведов по исследованию исторических древностей края (конец XIX – начало XX вв.)» (Воронеж, 2006), представленную на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07. 00. 02 — отечественная история..... | 227 |
| Историческое краеведение в Чернигове. Отзыв на диссертацию Л.В. Ясновской «Древнерусские древности Черниговщины в историко-культурном пространстве и научной жизни региона» (Чернигов, 2008), представленную на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07. 00. 01 — история Украины ... | 234 |
| Первый словарь курского краеведения: плюсы и минусы. Курск. Краеведческий словарь-справочник / Гл. ред. Ю.А. Бугров. Курск, 1997..... | 237 |
| Красная энциклопедия с белыми полями. Большая курская энциклопедия. Гл. редактор Ю.А. Бугров. Т. I. Персоналии. Кн. 1. А–К. Курск, 2004; Кн. 2. Курск, 2005; Кн. 3. Курск, 2005 | 245 |
| «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 гг. (Энциклопедическая статья) | 256 |

| | |
|---|-----|
| «Краеведы были в восторге...» Заслуги и недостатки исторического краеведения в прошлом и настоящем..... | 259 |
| Биографический словарь региональной науки: критерии составления (на примере энциклопедической статьи «Ю.И. Юдин»)..... | 268 |
| Юрий Иванович Юдин размышляет об искусстве..... | 272 |
| В пользу бедных и недостаточных студентов. Отзыв на автореферат диссертации Н.А. Калюжной «Исторический опыт деятельности советского государства по формированию системы социального обеспечения граждан: 1917–1941 гг. (на материалах Центрально-Промышленного экономического района РСФСР)», представленной на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07. 00. 02 — отечественная истории..... | 278 |
| Коллега по институту. Курский исследователь «Слова о полку Игореве» М.П. Парманин: дополнения к энциклопедической справке..... | 281 |
| | |
| От компиляции до плагиата [и обратно]. Об изданиях Т.Н. Арцыбашевой по «исторической культурологии» Курского края и диссертации А.В. Апанасёнка..... | 283 |
| Курские «американцы». Отзыв на автореферат и диссертацию А.В. Зорина «Индийская война в Русской Америке», представленные на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07. 00. 02 — отечественная история (Курск, 1999) | 305 |
| Курянин на Гавайях. Отзыв о рукописи А.В. Зорина «Тимофей Тараканов. Жизнь и время первопроходца Русской Америки». 199 стр..... | 308 |
| Земляк из Ленинграда. Отзыв на автореферат диссертации А.И. Раздорского «Торговля Курска в XVII веке (По данным таможенных книг 1619–1677 / 78 гг.)» (СПб., 1999), представленной на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07. 00. 02 — отечественная история..... | 310 |
| Областная археология в чёрно-белую полосу. О разграблении курских памятников археологии в 1990-е – 2000-е гг..... | 314 |
| Новый этап фальсификации нумизматических источников по истории и археологии Древней Руси (По курским и брянским материалам)..... | 321 |
| «Мой личный край Посеймье». Отзыв на автореферат диссертации В.В. Енукова «История Посемья — Курской волости на рубеже эпох (IX–XI века)» (Курск – Воронеж, 2008), представленной на соискание учёной степени доктора исторических наук по специальностям 07. 00. 02 — отечественная история и 07. 00. 06 — археология..... | 324 |

| | |
|---|-----|
| Древности Ельца. <i>Отзыв на автореферат диссертации Н.А. Тропина «Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII–XV вв.» (Москва, 2007), представленной на соискание учёной степени доктора исторических наук по специальности 07. 00. 06 — археология.....</i> | 338 |
| С бору по сосенке. <i>Рецензия на сборник статей аспирантов кафедры философии Курского государственного педагогического университета (Курск, 1999. 118 стр.).....</i> | 342 |
| Освящённый человек. <i>Отзыв на диссертацию В.В. Гаврилова «Проблема совершенствования человека и общества в философии С.Н. Булгакова» и её автореферат (М., 1999), представленные на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09. 00. 11 — «социальная философия»</i> | 349 |
| Цельный человек. <i>Отзыв официального оппонента на диссертацию С.А. Шемраева «Концепт целостности человека в социально-гуманитарном и религиозно-философском знании» (Белгород – Тула, 2011), представленную на соискание учёной степени кандидата философских наук по специальности 09. 00. 14 — философия религии и религиоведение.....</i> | 353 |
| Святая Русь. <i>Отзыв о реферате А.Ю. Бубнова «Иван Ильин об особенностях исторического пути развития России» (Курск, 1999).....</i> | 358 |
| Гностический постмодерн. <i>Отзыв на диссертацию А.В. Дьякова «Гностические мотивы в религиозно-философской системе В.С. Соловьёва» (СПб., 1999), представленную на соискание учёной степени кандидата философских наук по специальности 09. 00. 03 — история философии, и её автореферат.....</i> | 359 |
| Философия иконы. <i>Отзыв на автореферат диссертации Е.В. Ковалёвой «Философия иконы в системе идей русского платонизма (Е.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков)», представленной на соискание учёной степени кандидата философских наук по специальности 09. 00. 03 — история философии</i> | 361 |
| Чудо или предел исторического знания? (О происхождении Курской иконы Знамения Божьей матери) | 364 |
| Разноликая святость. <i>Отзыв официального оппонента на диссертацию Е.В. Завьяловой «История православной канонизации россиян в начале XX столетия» (Курск, 2006), представленную на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07. 00. 02 — отечественная история.....</i> | 369 |
| «Житие мое...» <i>Отзыв на автореферат диссертации О.В. Гжибовской «Жития святых в российской историографии XIX – начале XX вв.» (Сочи, 2009), представленной на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 — историография, источниковедение и методы исторического исследования....</i> | 375 |

| | |
|--|-----|
| А.С. Щавелёв, С.П. Щавелёв. Жизнь и житие (На историографических границах религии и науки: общее и особенное агиографии и биографии)..... | 378 |
| Странные странники. <i>Отзыв официального оппонента на автореферат диссертации В.И. Коровина «Нравственные основания русского странничества» (Тула, 2010), представленной на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 09. 00. 05— этика.....</i> | 389 |
| Старая вера. <i>Отзыв на автореферат диссертации А.В. Апанасёнка «Старообрядчество Курской губернии в конце XIX – начале XX вв.» (Курск, 1995), представленной на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07. 00. 02 — отечественная история.....</i> | 395 |
| Новая старая вера. <i>Отзыв на автореферат диссертации А.Н. Агальцова «Российское неоязычество как религиозно-нравственный феномен» (Тула, 2010), представленной на соискание учёной степени кандидата философских наук по специальности 09. 00. 14 — философия религии и религиоведение.....</i> | 398 |
| Старая новая вера. <i>Отзыв на автореферат диссертации Л.В. Тюриной «Государство и Русская православная церковь: эволюция отношений. 1917–2000 гг.», представленной на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07. 00. 02 — «отечественная история».....</i> | 408 |
| Бог архетипов. <i>Отзыв на диссертацию Н.В. Фишбейн «Социально-философский анализ психоаналитической концепции К.Г. Юнга», представленной на соискание учёной степени кандидата философских наук по специальности 09. 00. 11 — «социальная философия»....</i> | 410 |
| Финал человека — старт человечества. <i>Отзыв о диссертации Д.П. Кузнецова «Проблема социально-антропологического финализма в русской религиозной философии», представленной на соискание учёной степени кандидата философских наук (по специальности 09. 00. 11 — социальная философия.....</i> | 412 |
| Сон о сне. <i>Отзыв на автореферат диссертации А.В. Львова «Феномен сновидений в философской антропологии (на материале античной философии)», представленной на соискание учёной степени кандидата философских наук по специальности 09. 000. 01 — религиоведение, философская антропология, философия культуры....</i> | 415 |
| Человек на пенсии. <i>Отзыв официального оппонента на диссертацию А.В. Кульчитцкого «История пенсионного обеспечения россиян за 1827–1917 гг.», представленную на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07. 00. 02 — отечественная история.....</i> | 418 |

- Над вечным покоем.** *Отзыв на автореферат диссертации Ю.В. Озерова «История погребальной культуры российской провинции в конце XIX – начале XX веков (На примере Курской губернии)» (Курск, 2000), представленной на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07. 00. 02 — отечественная история* 424
- Народная религиозность.** *Отзыв на автореферат диссертации С.С. Воронцовой «Концептосфера «религиозная культура» в русском, английском и немецком песенном фольклоре (кросскультурный анализ)», представленной на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальностям 10. 02. 01 — русский язык; 10. 02. 19 — теория языка* 428
- Тело бытия.** *Отзыв на автореферат диссертации К.Г. Завалишиной «Концептосфера «человек телесный» в языке русского, немецкого и английского песенного фольклора» (Курск, 2005), представленной на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальностям 10. 02. 01 — русский язык и 10. 02. 19 — теория языка* 430
- Другое тело бытия.** *Отзыв на автореферат диссертации В.А. Савченко «Концептосфера «человек телесный» в русской и немецкой паремнологической картине мира (кросскультурный анализ соматизмов)» (Курск, 2010), представленной на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальностям 10. 02. 01 — русский язык; 10. 02. 19 — теория языка* 434
- Здоровье тела.** *Отзыв ведущей организации на автореферат диссертации Е.С. Климоновой «Парадигмы здоровья в контексте философской антропологии» (Курск, 2008), представленной на соискание учёной степени кандидата философских наук по специальности 09. 00. 01 — религиоведение, философская антропология, философия культуры* 437
- Выдуманная телесность.** *Отзыв на автореферат диссертации М.И. Цой «Эволюция взглядов на телесность человека (философско-антропологический аспект)» (Калуга – Тула, 2009), представленной на соискание учёной степени кандидата философских наук по специальности 09. 00. 13 — религиоведение, философская антропология, философия* 446
- Наша школа при фашистах.** *Отзыв на автореферат диссертации С.И. Гальченко «Проблемы развития системы школьного образования на территории Курской области в годы Великой Отечественной войны», представленной на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07. 00. 02 — отечественная история* 451

| | |
|---|-----|
| Позитивизм и гуманизм. <i>Отзыв на диссертацию Е.Е. Михайловой «Проблема социокультурного развития в российской позитивистской философии истории второй половины XIX – начала XX веков» (Тверь, 2005), представленную на соискание учёной степени доктора философских наук по специальности 09. 00. 03 — история философии</i> | 454 |
| История одного лагеря. <i>В.А. Бердинских. Вятлаг. Киров. Кировская областная типография. 1998</i> | 457 |
| Лагерь в истории интеллигенции. <i>Отзыв официального оппонента на диссертацию Ю.Н. Басенко «Судьба интеллигенции в контексте эпохи в творчестве А.И. Солженицына» (Курск, 2002), представленную на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07. 00 .02 — отечественная история</i> | 462 |
| Заключённое слово. <i>Фольклор ГУЛАГа и его мемориально-правственный потенциал</i> | 470 |
| Слишком «Личное дело». <i>Дело об издании учебного пособия А.Н. Илиади «Введение в марксистско-ленинскую философию» (1969–1970</i> | 473 |
| Золотая змея. <i>Отзыв на кн.: Сапковский А. Змея. М., 2011</i> | 477 |

ОТ АВТОРА

«Мнемозина (Мнемосина) — у древних греков богиня памяти; дочь Урана и Геи (либо Зевса и Климеи), титанида; её девять дочерей от Зевса — музы».

Мифологический словарь.

Больше всего на свете мне нравится читать мемуары. Двусмысленность этого заявления умышленная. Предпочитаю этот литературный жанр всем другим. А читать люблю больше, чем, допустим, общаться со студентами, возиться в саду или ловить рыбу. По воспоминаниям Александра Александровича Формозова (1928–2009), его учитель, профессор МГУ и член-корреспондент Академии наук АН СССР Арциховский (1902–1978) говаривал: «Вообще-то я работать не люблю. Я люблю лежать на диване и читать»¹ Флобера. Читал Артемий Владимирович своего любимого писателя, разумеется, по-французски. Но историку приходится читать не только беллетристику, но и работы своих коллег по научному цеху. Кроме воспоминаний, вообще всё то, что относится к историографии, то есть истории самой истории как науки. И не только истории, а целого ряда смежных дисциплин вроде археологии, нумизматики, топонимики, филологии, литературоведения, фольклористики, антропологии, философии, теологии и т.д. При этом нередко возникает желание, соблазн как-то откликнуться на прочитанное. На сей счёт есть мудрое наставление известного у нас полтора года назад пиита: «Свежим воздухом дыши / Без особенных претензий. / Если можешь — не пиши, / А особенно рецензий...»². К сожалению или к счастью, я этому совету не следовал. За тридцать с лишним лет сочинил десятки рецензий и, наверное, уже сотни отзывов на авторефераты диссертаций и сами диссертации³. Чаще всего авторы рецензируемых работ, другие товарищи мои отзывы хвалили, даже восторгались ими,

¹ *Формозов А.А.* Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. М., 2007. С. 153.

² *Василий Степанович Курочкин* (1831–1875). В оригинале: «Друг мой, вот тебе совет: / Если хочешь жить на свете / Сколь возможно больше лет / В мире, здравии, совете, — / Свежим воздухом дыши / Без особенных претензий; / Если глуп — так не пиши, / А особенно рецензий» (Дружеский совет (Посвящается рецензенту, который примет эту шутку на свой счёт). 1860 г.).

³ Разница между отзывом и рецензией небольшая, формальная. Первым словом чаще называют рукописное заключение по чьей-то диссертации или печатной работе, а вторым — критический разбор какой-то книги, помещённый в соответствующем печатном органе. Лат. *resensio* означает «осматривать», «обследовать» (в данном случае — до или после публикации, защиты научной работы). В общем, в обоих случаях имеет место критика, только не в обывательском смысле поношения недостатков, а в философском — как аналитика, взвешенная оценка — разбор достоинств и недостатков сочинения. Жанр, сами понимаете, тонкий, даже опасный. Похвалишь кого-то, избыдутся его противники; выругаешь — взъерепенится он сам и его сподвижники. Да где наша не пропадала, особенно на старости лет...

публиковали в престижных журналах и сборниках. В нескольких случаях эти отзывы превращались в предисловия к издаваемым после защиты в виде монографий диссертациям, кандидатским и докторским. В иных случаях, правда, мои разборы носили острокритический, даже разгромный характер, что уже не могло обрадовать «авторов» соответствующих опусов. Обиженные писали и публиковали (даже брошюрами!) запальчивые ответы (типа «сам хорош»), жаловались на меня начальству...

Но как прикажете заниматься историографией без юмора и даже сатиры? Член-корреспондент АН СССР Владимир Терентьевич Пашуто (1918–1983) отдельную работу посвятил техническим помощникам учёных — машинисткам, корректорам, редакторам издательств. Восторгаясь мастерами своего важнейшего для литературы, но со стороны невидимого дела, он, в частности пишет о таком умелом помощнике: «Сколько он всего найдёт и с усмешкой (эту усмешку надо ценить — в ней черта интереса к делу) покажет вам?»⁴ Так что оттуда же — интереса к «делу», то есть истории и историографии — и все мои похвалы да издёвки. Видит бог, не всеобъемлющие.

Рецензии — служебный, подсобный жанр в науке. Поэтому собирать их вместе для отдельного издания мне долго казалось ненужным, нескромным. Переубедил меня петербургский археолог, ветеран гуманитарной науки Лев Самуилович Клейн. После того как я сочинил отзыв на его воспоминания⁵, который ему в целом понравился, он узнал, что за мной числятся и другие рецензии на мемуары историков и археологов. Ну, и предложил собрать эти отзывы в сборник «Как писать мемуары» (или «Историки вспоминают», «Историки о себе»). Идея мне понравилась, но вот предложение Льва Самуиловича дописать цикл рецензий на все доступные мемуары наших предшественников; и даже те, что пока не опубликованы; наконец, сочинить воспоминания (?!) за тех, кто их не написал (например, Д.Я. Самоквасова (1843–1911)), поставило меня в тупик...

Вместо того чтобы взяться за некую энциклопедию исторического мемуароведения, я решил расширить эту тематическую нишу по собственной мерке. Кроме воспоминаний учёных, ниже реферируются и оцениваются некоторые исследовательские и популярные работы по истории русской науки. Или же историографии, если не придирается к словам, а сравнивать понятия. По содержанию историографические исследования примыкают к мемуарам да дневникам, нередко используя те как источники. При их сравнении получают своего рода воспоминания, записанные за другого... На философском языке всё это можно было бы назвать мета-историографией. Во-первых, рассказом о том, как вспоминали свои занятия

⁴ Пашуто В.Т. О профессиональном мастерстве // Восточная Европа в исторической ретроспективе / Под ред. Т.Н. Джаксон, Е.А. Мельниковой. М., 1999. С. 303.

⁵ См. ниже под названием «Записки прогрессора». Правда, в дополненном, по сравнению с тем, что оценивал Лев Самуилович, виде.

историей те или иные наши предшественники; а во-вторых, о том, как писали историю науки некоторые наши коллеги-современники.

Ещё больше у меня накопилось рецензий на труды по самой истории или же иным гуманитарным дисциплинам, но почти все эти отзывы оставлены за рамками этого издательского проекта. Отдельные исключения касаются работ А.А. Формозова, Е.А. Шинакова, В.В. Енукова и некоторых других авторов, включавших в себя историографические разделы.

Далее, будучи волею судьбы не только историком, но и философом, я сочинял отзывы и на философские диссертации, да и некоторые печатные издания по философии. В некоторых из них затрагивались вопросы историописания, историософии, а также некие проблемы истории культуры, отечественной и зарубежной. Я подумал, подумал, да и включил отдельные такие отзывы в этот сборник. Ведь у исторической науки имеется свой культурно-философский контекст, хотя вычленить его бывает нелегко. Ниже представлены некоторые попытки это сделать.

Наконец, мои друзья и коллеги по философскому цеху (в первую очередь член-корреспондент РАН Илья Теодорович Касавин), зная о моих занятиях древностями, побуждали меня на этом основании писать статьи по философии и методологии истории и археологии. Выручал меня в таких ситуациях Алексей Сергеевич Щавелёв (Москва), выступая соавтором и, правду сказать, идейным модератором (как выражается его поколение) соответствующих текстов. Ну, я и решил, что бесполезно будет вкrapить их как некие «философские декорации» конкретно-научных разборов.

Даже после этих разъяснений жанровой принадлежности настоящего издания и его составляющих, я заранее признаю эклектичность, даже разношёрстность его состава. Мнения возможных читателей скорее всего поляризуются. Пессимист в таком случае посетует на потерю времени с просмотром ненужных ему по узкой специальности работ. Оптимист порадует возможности расширить свой кругозор; может, сделать нечаянную находку по собственной тематике. Реалист укажет автору на его почти неизбежные в критическом жанре просчёты и недомолвки, пробелы и повторы. Заранее им всем сообщаю как Пабло Неруда в заглавии своих мемуаров: «Признаюсь, я жил» (А значит, в моём служебном положении, писал, в том числе все нижеследующие отзывы). И здесь публикуется примерно сотая часть того, что мне пришлось сочинить в «отзывном» жанре.

Большинство текстов приводятся в том виде, в каком они были в разные времена написаны, оглашены, опубликованы. Поэтому различается и форма библиографических ссылок в отдельных статьях — она в разных дисциплинах, изданиях разная. Унификация справочного аппарата озадачила бы читателей разных специальностей. Немногие уточняющие добавления, сделанные для настоящего издания, заключены в квадратные скобки. Ещё теперь прибавлены заголовки для всех очерков, которых рецензионный жанр обычно не предполагает. В некоторых рецензиях при публикации редакторами соответствующих изданий были сделаны купюры,

которые сейчас восстановлены по тогдашним оригиналам. Часть текстов публикуется впервые, и в их составе последняя предпечатная правка не оговаривается.

Те тексты, что выполнены как «отзывы ведущей организации», то есть кафедры философии Курского государственного медицинского университета, готовились мной в соавторстве с доцентом Дмитрием Петровичем Кузнецовым. Соавторство это везде отмечено. Ему же я весьма признателен за многочисленные консультации по теории и истории философии и науки.

Здесь же мы с Кузнецовым хотим выразить признательность ректорату Курского государственного медицинского университета, где мы всю нашу преподавательскую жизнь служим; особенно нынешнему ректору, профессору Виктору Анатольевичу Лазаренко — за неизменную поддержку нас, гуманитариев, особенно в нашей научной работе. В условиях перманентных реформ высшей школы последние четверть века такая поддержка дорогого стоит.

К большинству публикуемых в этом двухтомнике текстов имеют прямое отношение рецензенты издания, которым я приношу сердечные благодарности за долголетнее сотрудничество.

Александр Тимофеевич Хроленко (Курский государственный университет) в трудные для нашей науки 1990-е годы и позднее неоднократно публиковал мои работы; основал альманах «Курские тетради. Курск и куряне глазами учёных» (1–7, Курск, 1997–2005) и привлёк меня к его составлению и редактированию; доверял мне рецензирование нескольких диссертаций своих аспирантов и докторантов.

Александр Николаевич Курцев (Курский государственный университет) поддержал мою третью диссертацию — по отечественной истории — и в целом мои занятия историографией одобрительными рецензиями, доверял мне оппонировать нескольким из его многочисленных аспирантов.

Илья Теодорович Касавин (Институт философии РАН) привлекал меня к своим масштабным международным проектам по развитию современной эпистемологии, в том числе на страницах основанного и руководимого им новаторского журнала «Философия & эпистемология науки»; доверил мне соавторство в нашей книге, им задуманной и составленной, «Анализ повседневности» (М., 2004).

Надо ли говорить, что общение с этими учёными и группами их сотрудников оказало мне незаменимую помощь в работе, стимулировало её продолжение.

Название сборника я придумал сам, а эпиграф к нему предложил Алексей Сергеевич Щавелёв из Института всеобщей истории РАН (Москва). Ему я особенно благодарен за обсуждение всех содержащихся ниже сюжетов и множество ценных подсказок и поправок.

Л.С. Клейну название моего сборника показалось слишком претенциозным, «изячным». В этом автор со старшим коллегой не согласился.

Ведь именно правильная память, то есть правдивая историография питает все науки и искусства ⁶. Этому учил меня мой учитель в историографии Александр Александрович Формозов (1928–2009). Наш с Л.С. Клейном сдвоенный очерк о нём ⁷ не включён в это издание, доступен читателям как в бумажном издании, переданном в центральные библиотеки, так и в интернет-версии (на сайте В. Ерёменко «Археология-ру» и на сайте В. Ветчинова «Курск дореволюционный»).

Расположение текстов в сборнике отчасти произвольное, отчасти стремится следовать хронологии и тематике тех сюжетов, которыми занимались обозреваемые авторы.

Все возможные похвалы, замечания, претензии и поправки к публикуемым ниже материалам автор готов принять по электронному адресу: sergei-shhavelev@yandex.ru и ответить на них по соответствующим адресам. Когда возможности ответить самому у меня не станет, отвечать за меня будет должен Алексей Сергеевич Щавелёв (Москва): alexis-shhavelev@yandex.ru.

1 сентября 2012 г.

В оформлении издания использованы рисунки археологических находок С.П. Щавелёва. На титульном листе помещено граффити на фрагменте стенки лепного сосуда (тамга? кириллическая буква “шта”?), обнаруженного при раскопках археологического комплекса Липино (Октябрьский р-н Курской обл.). Рис. И.В. Гуреевой. На последней странице обложки — ювелирное украшение (височное кольцо?; фрагмент) с серпентинным орнаментом и руноподобным знаком. Из сборов на Липинском селище. Рис. Н.В. Срывковой.

ПАМЯТИ МАСТЕРА

Некролог полиграфиста В.И. Колосова

⁶ Согласно античным мифологам, перед нами персонифицированная память в широком смысле этого слова. Её антипод — забвение, мифосимвол коего другая титанида — Лето. Согласно автору «Мифологической библиотеки» Диодору Сицилийскому, именно Мнемозина открыла способ рассуждать и определила номенклатуру всего сущего. Чего же ещё ждать от философии да историографии?

⁷ См.: Клейн Л.С., Щавелёв С.П. Александр Александрович Формозов (1928–2009). Послесловие. Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2011. 112 с.

(1944– 2011) ⁸



⁸ Некролог, написанный в день похорон В.И. Колосова, но не опубликованный тогда по не зависящим от автора причинам.

«Не только грядущие гунны,
Не только огонь да броня —
Седеют, идя на трибуны.
Седеют, друзей хороня...»

В. Солоухин

Безвременно ушёл от нас Валерий Иванович Колосов. С момента открытия в нашем Курском медицинском университете собственной типографии, ровно десять лет он работал её директором, начальником редакционно-издательского отдела. Трудился не за страх, а за совесть. Был требователен к своему женскому в основном коллективу, но и заботился обо всех своих сотрудниках трогательно. Постоянно добивался в ректорате модернизации оборудования, совершенствовал качество многочисленных изданий. И добился своего. Типография теперь оснащена по последнему слову этой техники. Ведь лучшего специалиста полиграфического дела в нашем городе не было.

Начинал он свою трудовую биографию в картонажно-полиграфическом комбинате. Много лет трудился в издательстве «Курская правда», служил там начальником печатного цеха. Поскольку областные газеты были партийными органами, их руководители, издатели входили в номенклатуру обкома КПСС. Отсюда какие-то (по советским меркам) блага: путёвки в санатории, приличная квартира. Но работа была предельно ответственная: любая опечатка, брак в тираже вызывали бурные разносы с участием первых лиц области. Человек неробкого десятка, Колосов вспоминал, как после очередного такого разгромного заседания бюро обкома, он не смог подняться со стула, товарищи вытащили его под руки... В тираже «Курской правды» одна из полос с докладом Брежнева оказалась по вине бракованной печатной техники затенённой... Не в таких ли передрыгах — отдалённые истоки его смертельной болезни?..

Валерия Ивановича уважали и любили все его сотрудники, и начальники, и подчинённые, и авторы его печатной продукции. На его кончину некрологом отозвались не только личные друзья, но и все полиграфисты Курска. И те, и другие пришли на похороны. Редко кто из нас удостаивается такого признания в своей профессии. За тридцать с лишним лет работы в КГМУ я мало с кем из коллег мог так задушевно поговорить, выпить на праздник, как с Валерием Ивановичем. Вот даже успели отметить наступивший новый год... В его жизни оказавшийся последним...

Не все знакомые знают, что в юности он поступил в авиационное училище, мечтал летать. Но вскоре, на уборке урожая заступился за однокашника, повздорившего с местными жителями, и был отчислен (нашли крайнего...). Чтобы прошёл гнев отца, завербовался на заработки в сибирское Бодайбо (как в известной песне В. Высоцкого: «Ну, а я в товарный — и на восток, и на прииски в Бодайбо»). Отслужил в армии. С юных лет за-

нимался спортом — был классным велосипедистом (первый взрослый разряд), увлечённым болельщиком футбольного «Спартака». Стихов К. Симонova наизусть знал больше меня. Сам строил дачу. Смертельные болезни мужественно преодолевал, выглядел всегда подтянуто, на порядок моложе своих лет. В общем, личность. Каких мало.

Пока у нас в институте не было собственной типографии, свои первые книги я полуподпольно, на собственные деньги издавал крошечными тиражами то в педагогическом, то в политехническом университетах. Когда появился Колосов, участь моих опусов была решена — с максимальным для имевшегося оборудования качеством печати, великолепной редактурой и корректурой, красочными обложками они стали выходить в свет с нужной периодичностью. Ведь ни наука, ни образование без качественной полиграфии невозможны, даже в век компьютеров.

Я уверен, что многие коллеги будут гордиться тем, что их труды вывел в свет, к читателям Валерий Иванович. Нам будет его не хватать.

ДОИСТОРИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК ГЛАЗАМИ ГЕОЛОГА

А.А. ИНОСТРАНЦЕВ.

Воспоминания (Автобиография).

СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1998. 272 с.⁹

Александр Александрович Иностранцев (1843–1919) — выдающийся русский учёный-естествоиспытатель, профессор Санкт-Петербургского университета, член-корреспондент Императорской Академии наук. Будучи геологом и палеонтологом по основному профилю своих научных и вообще академических занятий, он внёс заметный вклад и в становление российской археологии. Подготовленный им фундаментальный труд «Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера» (СПб., 1882) по сути дела открывал объективное изучение первобытных древностей в нашей стране, для многих поколений русских археологов послужил образцом комплексного исследования. Такую оценку этой монографии дал А.А. Формозов, в работах которого обстоятельно рассмотрены собственно археологические заслуги А.А. Иностранцева (Формозов А.А., 1983 а; 1983 б, с. 70–82). Выпущенные теперь впервые в свет (благодаря гранту РГНФ) воспоминания этого корифея отечественной науки о древностях, природных и социально-исторических, превосходно дополняют наши представления о его личности, условиях жизни и деятельности. Издание весьма качественно подготовлено заведующим кафедрой исторической геологии СПбГУ В.А. Прозоровским и директором музея истории СПбГУ И.Л. Тихоновым.

С полевой археологией А.А. Иностранцев познакомился сразу после начала своей преподавательской деятельности, будучи, по тогдашнему обыкновению, отправлен в заграничную командировку. Большую её часть он провёл в Италии — своеобразной мекке европейских археологов того времени. Совершая геологические экскурсии вокруг Рима, «часто в сопровождении [М.А.] Чижова мы обходили значительное количество производящихся здесь раскопок древностей, и некоторые указания [этого] скульптора мне были крайне поучительны», — признавался натуралист (С. 103 «Воспоминаний»).

Уже в этом раннем эпизоде можно заметить счастливые для русской археологии черты личности А.А. Иностранцева — умение наладить коллегияльную работу, довести научное дело до нужного результата, несмотря на все житейско-бюрократические препоны; интерес к тому, что делается за рамками его собственного научного цеха. О своей знаменитой книге «Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера» (1882) мемуарист рассказывает в главе IX — «Об издании моих работ». По собственной инициативе он принял все необходимые меры к тому, чтобы из массы случайных находок при постройке Ново-Ладожских каналов

⁹ Рецензия, предлагавшаяся «Российской археологии», но не принятая там к публикации. Здесь публикуется впервые.

была собрана большая коллекция, «заключающая флору и фауну времени жизни здесь доисторического человека каменного века, а равно костяки и черепа самого человека и разнообразные изделия из дерева, рога, костей, глины и камня» (С. 158). К обработке разных частей этой коллекции Иностранцев привлёк выдающихся специалистов по смежным дисциплинам — первого русского антрополога, профессора Императорского Московского университета А.П. Богданова (Москва); его ученика, будущего академика Д.Н. Анучина; орнитолога М.П. Богданова (Петербург); ботаника И.Ф. Шмальгаузена (Киев); патоанатома М.А. Тихомирова (Киев). В итоге их совместных усилий по обработке и изданию ладожской коллекции по сути было положено начало новой междисциплинарной области исследований — экологии и палеоантропологии древнего человека.

В связи с отмечавшимся не так давно 100-летием со дня рождения советского антрополога и, так сказать, палеоскульптора М.М. Герасимова (1907–1970) любопытно отметить следующее воспоминание А.А. Иностранцева: известный живописец, барон М.П. Клодт (племянник скульптора М.К. Клодта) предложил «восстановить по наиболее сохранившемуся черепу облик ладожского человека». Согласившись на этот научно-художественный опыт, геолог про себя решил, что, судя по ладожским находкам, «наш человек должен был представлять наибольшее сходство как по образу жизни, так, вероятно, и по наружности с жителями лесов североамериканскими индейцами. Об этом выводе я ещё никому не говорил, и когда М.П. принёс мне свою реставрировку, то меня и в ней поразило сходство с североамериканскими индейцами. Такими различными путями мы оба пришли к одному и тому же выводу» (С. 159–160). К сожалению, не сохранилось сведений, какими именно соображениями руководствовался М.П. Клодт, соотнося череп и лицо ладожского человека.

Среди иллюстраций рецензируемого издания имеется фото с витрины Ладожской коллекции в геологическом музее Петербургского университета (ныне эта коллекция передана краеведческому музею Старой Ладуги).

Комментарии к тексту воспоминаний подробны, содержательны. Однако они не избежали отдельных лакун, в общем-то неизбежных в этом предельно сложном жанре историографии. Одна из них связана с весьма интересным для истории археологии эпизодом. Среди геологических материалов, с которых А.А. Иностранцев начинал создание геологического кабинета (в будущем музея) Петербургского университета, он упоминает «довольно значительную коллекцию, подаренную университету Киприяновым. Это окаменелости северского (т.е. собранного на территории Северской земли на Левобережье Днепра — С.Щ.) остеолита (фосфорита) ...» (С. 81). Стоит пояснить, что речь тут идёт о Валериане Александровиче Киприянове, инженер-капитане, геодезисте и геологе-любителе, члене Московского общества испытателей природы. Служа в Курске, он в 1850 г. произвёл полевую разведку геологической структуры почв и образцов древнейшей фауны между Орлом и Курском (Киприянов В.А., 1850).

Свою геологическую и палеонтологическую коллекцию он пополнял, скупая экспонаты с помощью объявлений об этом в «Курских губернских ведомостях». Газетная публикация курского же чиновника, гимназического врача В.К. Гутцейта с анализом собранных Киприяновым материалов в связи с историей первобытного человека, охотника на мамонтов (Гутцейт В.К., 1850), привела к цензурному скандалу в столице, задержавшему на некоторое время научное исследование первобытной эпохи в России (Формозов А.А., 1986, с. 178–179; Щавелёв С.П., 1997, с. 17–20). Датировки геологов и палеонтологов, видите ли, противоречили библейской «хронологии Моисея»!.. То есть изучать столь отдалённые эпохи учёным уже разрешали, но вот публиковать свои выводы в газетах — ещё нет. Как видно из иностранцевских воспоминаний, курские находки Киприянова оказались сохранены для науки, несмотря на вспышку цензурного произвола.

Впрочем, и книга про ладожского человека оказалась сразу после выхода изъята из всех публичных библиотек. Иностранцев поначалу недоумевал о причине запрета. Она оказалась та же, что и в «истории Гутцейта»: «Это распоряжение, — как выяснилось позднее, — было сделано за тот мой расчёт, который приведён в книге, о времени жизни в побережье Ладожского озера доисторического человека каменного века», и который резко разошёлся с библейской хронометрией сотворения мира и человека. Хотя автор расчёта сам подчеркнул в мемуарах его произвольность, что и подтвердилось впоследствии, когда ладожские находки А.А. Иностранцева оказались передатированы в сторону сокращения их возраста раз в пять (Тимофеев В.И., 1994).

Чтение живых и содержательных воспоминаний выдающегося русского натуралиста наводит и на такое соображение: как важно, чтобы и сегодня ветераны науки о древностях находили бы время и душевные силы для собственных мемуаров. Сколь увлекательной и поучительной могла бы получиться книжная серия под условным названием «Записки русского археолога».

Гутцейт В.К., 1850. Об ископаемых в Курской губернии // Курские губернские ведомости. № 16–17.

Киприянов В.А., 1850. Геогностическое обозрение пространств между Орлом и Курском // Курские губернские ведомости. № 6–9, 11–12.

Тимофеев В.И., 1994. О культурно-хронологической атрибуции находок каменного века из коллекции А.А. Иностранцева // Вопросы геологии и археологии. Тезисы докладов Международного симпозиума, посвящённого 150-летию А.А. Иностранцева. СПб.

Формозов А.А., 1983 а. Первый опыт комплексного исследования памятников первобытной культуры в России // Природа. № 1.

Формозов А.А., 1983 б. Начало изучения каменного века в России. Первые книги. М.

Формозов А.А., 1986. Страницы истории русской археологии. М.

Щавелёв С.П., 1997. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 2. «Золотой век» губернского краеведения: 1860-е – 1910-е гг. Курск.

« С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА »

А.А. ФОРМОЗОВ.

Древнейшие этапы истории Европейской России.

*М., Наука, 2002. 154 с.*¹⁰

А.А. Формозов — известный археолог и историк науки. Его публикации результатов собственных раскопок и разведок памятников каменного и раннеметаллического веков на юге нашей страны, труды по первобытной культуре и искусству, по истории русской археологии стали по сути дела историографической классикой (хотя бы по рекордной частоте их цитирования в научной литературе). В рецензируемой работе ярко сказались способности автора к сжатой формулировке выводов из громадного фактического материала, простой и выразительной манере письма, философской глубине суждений и прямоте в оценках возможностей науки в целом и отдельных учёных [1].

«Эта книга небольшая томов премногих тяжелей» потому, что их содержание (масса добытых несколькими поколениями археологов фактов о самых длительных эпохах прошлого) органично «переплавлено» автором в доступный широкому читателю рассказ о первоначальном заселении Европейской России первобытными людьми и о дальнейшем развитии здесь их культуры вплоть до I тысячелетия до новой эры, т.е. начала железного века (о котором появляются самые ранние письменные источники). Те — стартовые периоды развития человечества нередко называли и до сих пор именуют «доисторией». Термин подразумевает, прежде всего, что о столь отдалённом прошлом нет письменных свидетельств и его воссоздать способна только археология с её раскопками и прочими методами изучения «подземной старины». Помогают археологии в этой сложнейшей задаче сравнительное языкознание и некоторые другие гуманитарные и естественнонаучные дисциплины (их данными широко пользуется и автор рецензируемой книги). Ведь история на самом деле начинается вместе с человеком и обществом, только вплоть до появления первых цивилизаций с их производящим хозяйством, ранней государственностью, письменностью и прочими достижениями культуры историописание возможно именно как реконструкция этой последней, её структуры и динамики. А событийная, личностная, этническая стороны древнейшей истории лишь таинственно угадываются за пеленой культурно-хозяйственных типов и форм. Поэтому разделы о первобытном начале истории нашей страны, точнее, той территории, которую она заняла с определённого времени, отличались в соответствующих учебниках схематизмом и практически полной оторванностью от последующего изложения. Теперь перед нами работа, где специально анализируется влияние материальной и духовной

¹⁰ В несколько сокращённом и отредактированном виде первоначально опубликовано: Вопросы истории. 2004. № 3. С. 163–164.

культуры первобытных обитателей Восточной Европы на дальнейший ход исторического развития России.

Книга опубликована в научно-популярной серии нашего ведущего академического издательства, и сам автор адресует её тем, «кто от археологии далёк, но историей Отечества интересуется» (с. 12). Издание, начиная с обложки, неплохо иллюстрировано фотографиями и рисунками самых эффектных или типичных памятников археологии и находок из их культурных слоев. Будучи действительно доступной даже любознательному школьнику, его учителю истории, работа столь компетентного специалиста на самом деле будет интересна, поучительна и его коллегам историкам, археологам, антропологам, лингвистам (тем более, что в примечаниях к ней даны ссылки на их важнейшие работы по основным археологическим культурам и памятникам рассматриваемой территории, оцениваются гипотезы об их этноязыковой принадлежности). Дело в том, что сами археологи, особенно те, кто поспособнее, в своих академических отчётах скупы на историко-культурологические выводы и прочие обобщающие комментарии к находкам из раскопов. Уж больно велика степень гипотетичности такого рода обобщений (археологическая шутка гласит, что в далёком будущем выкопанные из земли монокли будут считать достоянием бедняков, а обычные очки — более зажиточных предков). Между тем читателям, особенно их учащейся части, необходимы не только голые сводки археологических фактов, но и внятные выводы из них этноисторического, культурологического форматов. А.А. Формозов во введении к своей работе довольно обстоятельно растолковывает сложности и риски исторической интерпретации археологических данных. Тем не менее он последовательно, от главы к главе рассматривает формы хозяйства, бытовой уклад, произведения изобразительного искусства крупнейших общностей первобытного населения Восточной Европы. Главы посвящены основным «векам» древнейшей истории нашей страны — древнему, среднему и новому «камню»; «бронзе»; их вариантам на севере, в средней полосе и на юге России.

Сквозная сверхзадача автора — нащупать с помощью археологии линии преемственности в развитии культуры, идущие от самых отдалённых предков к образу жизни и мысли ныне живущих на территории Европейской России народов, прежде всего русского. «Элементы древних культур (особенности костюма, своеобразные обряды, мотивы фольклора и т.д.) в той или иной мере вплетались в многоцветную ткань культур позднейших, вне зависимости от того, на каких языках говорили люди, оставившие памятники археологии и живущие здесь сейчас» (с. 6). Для исследователей отдалённого прошлого обычен прямо противоположный ход мысли — попытки объяснить сущность старинных обрядов и обычаев через материалы позднейших эпох (мифологические, фольклорные, этнографические). Кое-какие положительные результаты при этом вроде бы достигаются, но гораздо чаще даёт себя знать методологическая ущербность

такого рода предположений, обрекающая их на бездоказательность. Академик Б.А. Рыбаков, например, ища предков славян среди охотников на мамонтов, был щедр на аналогии типа той, что сравнивала узоры вышивки крестьянских полотенец со спилами мамонтового бивня. Логика рецензируемой работы более убедительная: данные самой «седой» древности, начиная с палеолита, сопоставляются с некоторыми особенностями образа жизни и менталитета нового и новейшего времён на тех же самых географических пространствах.

Привлекает осознанное стремление автора противостоять псевдосенсациям, каких, к сожалению, расплодилось на историко-археологической ниве великое множество. Наиболее оголтелые опусы по части «предыстории Руси» специально перечислены им на стр. 147, их аргументированной критике уделяется внимание по ходу изложения.

Тот или другой специалист, разумеется, будет готов поспорить с автором относительно отдельных его атрибуций и прочих выводов. Скажем, не согласится с его преувеличенным скептицизмом относительно существующих подходов к решению проблемы прародины индоевропейцев (с. 118–119). Или, допустим, относительно того авторского утверждения, что «славяне появились в Восточной Европе в середине I тысячелетия н. э.» (с. 139). Новейшие исследования массы раскопчного материала (прежде всего керамики), выполненные А.П. Медведевым (Воронеж), А.М. Обломским (Москва), Р.В. Терпиловским (Киев), М.Б. Щукиным (Санкт-Петербург) и некоторыми другими археологами, позволяют достаточно уверенно предполагать славянскую (осторожнее выражаясь — протославянскую) принадлежность ряда культур Поднепровья и Подонья первой половины I тысячелетия н. э. А также ещё более осторожно искать секвенции этих культур ещё глубже в европейской истории, вплоть до позднего неолита.

Особый интерес для гуманитариев разных специальностей и вообще мыслящих на общекультурные темы читателей представляет заключение к работе А.А. Формозова. Здесь он выходит на уровень историософских обобщений — делится своими размышлениями о том, как отразилось на историческом развитии России то, что дошло до нас от первых обитателей её сердцевиной территории. Собранные и оценённые им в этой работе данные позволяют автору более доказательно проследить основные этапы становления русского народа и российского государства. В том числе сравнить степени вклада в славянорусскую культуру её непосредственных предшественников, а затем многовековых соседей — финноязычных племён лесной зоны и тех народов, что периодически заселяли южнорусские степи (по языку сначала иранцев, затем тюрков). Оказывается, что роль культур северных, лесных в нашей историографии явно недооценена. Комплекс археологических данных весомо подтверждает лидирующую ныне в исторической науке концепцию об этнокультурном синтезе при рождении Руси, органично объединившей разные начала, прежде всего се-

верное (скандинаво-финно-балто-славянское) и южное (ирано-хазаро-славянское).

А как показал А.А. Формозов, ещё в каменном и бронзовом веках возникло деление археологических культур на северные и южные, с разными укладами хозяйства и формами остальной культуры. Некие отголоски этого деления и вместе с тем межкультурного взаимодействия населения соответствующих регионов автором просматриваются вплоть до наших дней (разница в диалектах языка, традициях сельского быта, ментальном складе «русских северных» и «русских южных»).

Что касается внешних, иноцивилизационных влияний на местные формы культуры и быта, то А.А. Формозов ставит под сомнение идеи евразийства. Они сейчас заново входят в политическую и научную моду, однако «не находят никакой опоры в материалах по первобытной археологии России. Связи с культурами Азии не были здесь первоначальными и редко играли большую роль в истории древнейших обитателей Восточной Европы» (с. 143). Их культура вплоть до эпохи Средневековья — это в основе европейское, а вовсе не евразийское явление. Только, начиная с эпохи производящего хозяйства, культурное развитие восточноевропейцев шло гораздо медленнее, чем на Западе. Сказанное звучит убедительно, однако стоит добавить, что восточно-азиатское культурное влияние на Русь, Россию достигло своего пика именно в Средние века — раннее Новое время (в связи с развитием международной торговли, войнами и дипломатическими отношениями со многими народами и государствами Востока и культурно тяготеющей к нему части географического Запада). Поэтому более уверенно судить о сочетании европейских и азиатских начал в «политическом генотипе» нашей Родины стоит применительно ко всей дистанции её исторического развития.

Как видно из сказанного мной, данная работа представляет собой настоящее введение в изучение отечественной истории. В таком — более или менее развёрнутом, систематическом виде, на том уровне знаний, какой достигнут к началу XXI века, такое введение появляется впервые и в научной, и в учебной литературе. И не скоро появится новый вариант подобных пролегомен к рассмотрению предельно отдалённого отечественного прошлого.

ДАНЬ ХАЗАРАМ

Отзыв

*на автореферат диссертации Н.А. Медведенко
«Проблемы археологии и истории Хазарского каганата
в исследовании М.И. Артамонова» (Воронеж, 2004),
представленной на соискание учёной степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.06 — археология¹¹*

На историческом факультете Воронежского государственного университета, много лет возглавляемом деканом профессором Анатолием Захаровичем Винниковым, за 1970-е – 2000-е гг. сложилось несколько научных школ. Одна из них посвящена историографии отечественной археологии. Надо заметить, что большинство археологов долгое время относилось к истории своей науки в достаточной степени потребительски, привлекая к собственным исследованиям работы предшественников в ограниченном объёме, прежде всего с источниковедческими целями (кто до нас и как копал тот или иной памятник или круг памятников). За последние годы самооценный интерес к истории развития археологических знаний и методов заметно возрос. Значительный вклад в разработку этой проблематики внесли лидеры воронежской археологии А.З. Винников, А.Т. Синюк, А.Д. Пряхин, А.П. Медведев, М.В. Цыбин, И.Е. Сафонов, их коллеги и ученики. Диссертация, чей автореферат мне предстоит оценить, продолжает цикл этих исследований. Продолжение, сразу видно, вышло закономерное и содержательное, ибо обращено к одной из центральных фигур археологии советского периода. Душа Михаила Илларионовича Артамонова немало порадована за последние годы — его творческому наследию посвящались конференции, сборники научных трудов ведущих научных учреждений его родного Санкт-Петербурга; сразу в двух вариантах (!) состоялось второе издание его «Истории хазар». Но Н.А. Медведенко имела полное право обратиться к хазарской тематике в творчестве этого автора хотя бы потому, что именно представители воронежской археологии внесли заметный вклад в алаано-хазароведение уже после М.И. Артамонова.

Как и другие воронежские работы по археологической историографии, эта диссертация опирается на большой и малоизвестный до сих пор комплекс архивных источников, а также практически исчерпывающую печатную библиографию. В этом видится первое достоинство и залог успеха исследования Н.А. Медведенко. Судя по автореферату, её диссертация выстроена вполне логично, заявленная проблема раскрыта действительно полно и комплексно. Подробно рассмотрены и оценены предшественники М.И. Артамонова в разработке хазарской тематики; воссозданы основные этапы этой его работы. При этом скрупулёзная реконструкция выполнен-

¹¹ Отзыв, заказанный мне воронежскими коллегами, оглашался на соответствующей защите. Публикуется впервые.

ных им и под его руководством полевых и камеральных исследований сочетается в диссертации с содержательно-проблемным анализом развития историко-археологической мысли М.И. Артамонова в связи с соответствующими материалами раскопок и письменных источников.

Обратим особое внимание на то, что диссертантка подробно отмечает, какая часть артамоновских материалов, раскопочных и литературных, была в своё время опубликована, а какая упокоилась в архивах. Тем самым диссертация, помимо прочего, даёт своего рода проспект дальнейшего издания научного наследия замечательного русского учёного. Такие публикации из архива М.И. Артамонова должны прямо повлиять на продолжающиеся споры учёных об истории, географии, этническом составе и цивилизационной роли Хазарии.

Мне особенно понравилось, как молодая исследовательница изложила самые трудные отрезки своей темы — конца 1940-х – начала 1950-х гг., 1960-е гг. Тогда хазарская тема попала под жернова сталинской идеологии, затем под пресс застойных установок. Хазария особенно плохо вписывалась в тогдашнее прославление начал отечественной государственности. За последние годы в оценке соответствующих страниц советской археологии наблюдается разнობой. Одним авторам «в сердце по-прежнему стучит пепел Клааса», и они обличают губителей ни в чём неповинных людей, в том числе учёных. Другие наши современники склонны «входить в положение» доносчиков и палачей, находя в их деятельности не только тёмные, но и светлые тона. На месте автора этой диссертации я бы обратил внимание на ту выдающуюся роль в профанации хазароведения, которую сыграл выдающийся советский учёный Борис Александрович Рыбаков. Не случайно другой замечательный советский учёный А.П. Новосельцев начал освобождение нашей исторической науки от гнёта примитивной идеологии с подготовки новой монографии о Хазарии (1990) и антирыбаковской статьи «Миф истории» (где критиковалась очередная популяризация этого автора под названием «Мир истории»).

Кстати сказать, автор диссертации останавливает своё рассмотрение на начале 1960-х гг., хотя сам М.И. Артамонов прожил лет на десять больше. На мой взгляд, стоило хотя бы эскизно наметить открытия, гипотезы и дискуссии отечественных хазароведов в 1970-е – 2000-е гг. Ведь окончательное «открытие Хазарии» (на которое претендовал даровитый, милый, но излишне для учёного самодовольный и плохо образованный Л.Н. Гумилёв) состоялось, на мой взгляд, именно тогда. Хотя без раскопок и гипотез Артамонова это открытие не было бы возможным, тут с Н.А. Медведенко не поспоришь, но именно М.Г. Магомедов нашёл первые — кавказские города хазар, их собственные могилы, а в работах С.А. Плетнёвой, Г.Е. Афанасьева, В.С. Флёрова, В.К. Михина и других исследователей очерчена (в исторической динамике) территория каганата в целом. Впрочем, современный этап хазароведения представляет собой

предмет самостоятельного исследования, прямого отношения к этапу артамоновскому не имеющий.

Любопытно, правда, отметить, как оценка вклада хазарского элемента в древнерусскую культуру раз за разом превращается в точку ожесточённого столкновения разных идеологий. Как в своё время Б.А. Рыбаков атаковал М.И. Артамонова по поводу «паразитической Хазарии», так и в наши дни академик В.В. Седов предлагал некий «каганат русов» на месте археологического волынцева — явно славянской окраины Хазарии (см. работы А.З. Винникова, О.А. Щегловой, да и мою скромную статейку ¹²). Причём накапливаемый многими поколениями археологов фактический материал обладает самостоятельной ценностью и превосходит химерические построения тех же самых авторов. Хотя никаких «русов» никто, кроме безвременно ушедшего из жизни Валентина Васильевича Седова да немногих внеаучных «неоантиноманистов» в ареале волынцева не усматривает, но эта сводка нумизматического и другого археологического материала подкрепляет более серьёзные версии восточнославянского политогенеза и важную роль в нём хазарского соседства. Применительно к летописным северянам — археологическим роменцам — северным сателлитам и соседям Хазарии см. хотя бы работы А.В. Григорьева (Москва), Е.А. Шинакова (Брянск), В.В. Енукова, А.В. Зорина, С.П. Щавелёва (Курск); ряда украинских коллег. Напротив, В.Я. Петрухин из Института славяноведения РАН «качает лодку в другую сторону» — нового чрезмерного возвеличения исторической роли Хазарии, главным культурным стержнем которой предлагается иудаизм.

Как видно, мои замечания на реферат Н.А. Медведенко относятся не к его содержанию, а к перспективам продолжения её исследования. Если такое продолжение состоится, автору стоит обратить внимание на вклад в хазароведение основных учеников и сотрудников М.И. Артамонова (не только талантливейшего И.И. Ляпушкина, что уже сделано в диссертации, но и того же Л.Н. Гумилёва, живого классика хазароведения — Светланы Александровны Плетнёвой и некоторых других). Без «команды» сподвижников такие масштабные проекты невыполнимы.

Ещё один частный, но немаловажный именно для «артамоноведения» вопрос: так ли уж надёжно локализован исторический Саркел на месте Левобережного Цимлянского городища? Как выяснил сам М.И. Артамонов, крепость на этом месте построена не византийцами, в ней командовали не этнические хазары... (как следовало бы из ясных письменных известий на сей счёт).

Содержательных претензий к автореферату Н.А. Медведенко у меня нет. Правда, в его тексте встречаются не выправленные корректором опечатки (на стр. 4, 17) и отдельные стилистические погрешности. Я не устаю протестовать против такой стилистической детали, обуявшей авторефера-

¹² См.: *Щавелев С.П.* Славянская дань Хазарии: новые материалы к интерпретации // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 141–146.

ты молодых исследователей, как постановка инициалов исследователей после их фамилий. Это «канцелярит» (одна из «болезней» русского литературного языка)! Нету никакого «Артамонова М.И.» (по такой записи он в своё время получал хлебные карточки). Есть М.И. Артамонов. Упомянутая на стр. 7 «группа кочевников Института археологии РАН» может быть понята иным читателем буквально...

В целом автореферат диссертации Натальи Александровны Медведевой отражает результаты серьёзного, нужного и учёным историкам, археологам, и преподавателям высшей школы исследования. Его результаты полно опубликованы во вполне академических изданиях и обнародованы на авторитетных научных конференциях. Оно вполне отвечает критериям Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации по такого рода работам, а его автор несомненно заслуживает искомой учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07. 00. 06 — археология.

ДАТЬ МОСКВЕ

Отзыв на автореферат Н.Д. Борщик

«Эволюция государственной системы учёта населения России в XVII–XIX столетиях (На материалах Курского края)» (Москва, 2010), представленный на соискание учёной степени доктора исторических наук по специальности 07. 00. 02 — отечественная история¹³

Актуальность темы диссертации не вызывает сомнения. Причём как во внутринаучном (историографо-академическом), так и в собственно практическом (социально-политическом) аспектах этого вопроса. Ведь, как известно (и особенно ярко отражено в настоящей работе), каждая общенациональная перепись населения в нашей стране приносила совершенно неожиданные для властей и учёных, экспертов результаты, которые заметно влияли и на политические решения, и на проведение гуманитарных исследований, и на публицистический дискурс о судьбах России. Достаточно сказать, что вопрос об очередной, 2010 г. общероссийской переписи довольно долго, что называется, висел в воздухе, но в конце концов решением руководства страны она была проведена.

Если вернуться к историографической традиции изучения такой — учётно-статистической стороны истории России, то эта традиция добросовестно реконструирована в работе Н.Д. Борщик, что вполне очевидно по её автореферату. Обзор трудов предшественников произведён, на мой взгляд, образцово — как по хронологии и тематике соответствующих публикаций, так и по выделенным ею периодам изучения вопроса. Достоинства и недостатки каждого из этих периодов изучения отечественной геостатистики отмечены вполне корректно, без имевшихся до сих пор перекосов с гиперкритицизмом в отношении то ли дореволюционной, то ли советской традиций статистического учёта.

Важно отметить, что взятый для рассмотрения регион — Курский край — вполне репрезентативен в масштабах всей страны историко-географически. Ведь он изначально представлял собой ключевую (для экономики, политики, социальных миграций) для Восточно-Европейской равнины территорию Руси, затем России. Курское Посеймье еще с IX века н. э. располагалось на стыке важнейших водных артерий Восточной Европы — Днепровской, Волжской и Донской; на границе Леса и Степи; оседлости и кочевья («Поля»); славянского и иноэтничного миров.

В социально-экономическое формирование и функционирование данного региона внесли весомый вклад все основные субъекты общественно-политической истории Восточной Европы, начиная с Киевской Руси, Хазарии, Волжской Булгарии; затем Великого княжества Литовского, Золотой Орды, Московской Руси и т.д. Автор оцениваемой диссертации правильно

¹³ Отзыв, приобщённый к соответствующему диссертационному делу. Публикуется впервые.

выбирает начальную точку отсчёта своего исследования — начало XVII в., когда Курское Посеймье и сопредельные ему территории (в дальнейшем частью отошедшие к другим субъектам Российского государства) окончательно вошли в состав этого последнего и начали современный в принципе этап своего исторического развития¹⁴. Хочу подчеркнуть, что столь широкий хронологический, да и географический охват в предыдущей историографии вопроса практически отсутствовал. Даже самые содержательные, объективные труды по исторической демографии и социально-экономической статистике отличались куда большей локализацией своего предмета по сравнению с работой Н.Д. Борщик.

Впечатляет источниковая исследования — и региональные, и центральные архивохранилища по предмету и объекту диссертации проштудированы её автором вполне и добросовестно. Видно, что открыт целый пласт нового фактически документального материала.

Структура диссертации, сколько можно судить по её автореферату, представляется мне вполне логичной. Она учитывает все основные вехи развития государственной статистики размещения и динамики народонаселения в России за последние три столетия. Особое внимание уделено региональным описаниям и дальнейшим всероссийским переписям населения, что отвечает их решающему вкладу в демографическое самопознание России.

Мои замечания к тексту автореферата носят характер предложений, пожеланий на будущее изложение данной темы, дополнений ко всему уже сделанному автором. Ведь текст этой диссертации необходимо будет издать в виде монографии. Хотя содержание диссертационного исследования уже почти полностью опубликовано и в книгах (трёх), и во многих статьях, но довольно широкий круг читателей, начиная со специалистов по истории, демографии, экономике, вправе получить единый текст по столь масштабному проекту. Так вот, при подготовке такой единой публикации, автор может подумать над следующими (правда, частными) предложениями.

- Где-то во введении или в начале первой главы стоит упомянуть о том, что некая система государственного учёта населения складывалась ещё до начала Нового времени, в эпоху Средневековья, причём для Восточной Европы довольно раннего; правда, источники упоминают об этом очень скупо и глухо, но всё же стоит вспомнить хазарскую, затем киевскую дань, выплачиваемую славянами (как раз Днепровского Левобережья, включая Курское Посеймье) по определённым принципам («от дыма», «от рала»); затем известный «Список русских городов, дальних и ближних»; встречавшиеся именно на Курской земле податные центры Великого княжества Литовского и Золотой Орды¹⁵; для настоящей работы всё это время выхо-

¹⁴ См., если угодно, специальное исследование автора этих строк: *Щавелёв С.П.* Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 1–3. Курск, 1998–2002.

¹⁵ См. ещё: *Щавелёв С.П.* Курск в XIII–XVI вв.: между Ордой, Литвой и Москвой // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и на-

дит за избранные хронологические рамки, но упоминания достойно — исследования В.П. Загоровского продемонстрировали почти полное совпадение концентраций населения в данном регионе после его присоединения к Московскому государству в XVI–XVII вв. и предшествующим, ещё древнерусским периодом; тем более что в автореферате глухо упоминаются «поземельные описания архаического характера» (с. 31), о которых я предлагаю сказать чуть конкретнее.

- По автореферату я не заметил и такого любопытного обстоятельства, как сопутствующие кадастровым, землемерным и т.п. социально-политическим мероприятиям, подробно прослеженным в диссертации, предприятия научного и культурного плана (учёт разных памятников старины, этнографических традиций населения, фольклорных образцов и т.п.); между тем такого рода сведения накапливались по ходу всевозможных переписей как вольно, сознательно (инструкции М.В. Ломоносова, В.Н. Татищева землемерам тому образец), так и невольно, сами собой (на картах отмечались старинные топонимы, городища и курганы; засечные черты; и т.д.; в сугубо деловые «Описания» земель попадали фольклорные рассказы местных жителей о прошлом их малой родины); понятное дело, что для исторической статистики и демографии, которым посвящена работа Н.Д. Борщик, всё это посторонние сюжеты, но и за беглые их упоминания многие читатели были бы признательны автору.

- В том же духе некоторого расширения хронологических рамок работы можно помечтать о сопоставлении последней императорской и советских переписей населения — данные по одному и тому же региону способны дать ценный материал в спорах о прогрессивности, либо реакционности советского строя, в особенности сталинского режима.

- Наконец, автор обязана продолжить работу по полному введению в научный оборот нескольких важнейших источников — так называемых «Описаний Курского наместничества» за XVIII в.; предварительная текстологическая выверка и комментарий к ним составляют важную научную заслугу соискательницы докторской степени (сколько мне известно, эта инициатива Н.Д. Борщик уже поддержана грантами РГНФ).

16 апреля 2010 г.

стоящем. Материалы VII региональной научной конференции по исторической демографии и исторической географии, посвященной 75-летию проф. В.П. Загоровского (1925–1994). Воронеж, 2000. С. 106–108; *Его же*. Курская тьма в составе Золотой Орды // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Материалы международной конференции (май 2002 г.). Тамбов, 2002. С. 232–236; *Его же*. Курск в «Списке русских городов, дальних и ближних» // Межславянские связи и взаимодействия в Восточной Европе: история, проблемы, перспективы. Материалы межгосударственной научной конференции (Брянск, 13–14 мая 2003 г.). Брянск, 2003. 75–78; *Его же*. Курская тьма — пограничье Руси и Золотой Орды // Уваровские чтения–VI. Граница и пограничье в истории и культуре. Материалы научной конференции. Муром, 16–18 мая 2005 г. Муром, 2006. С. 102–110.

СТРАХ БОЖИЙ

*Отзыв официального оппонента
на диссертацию Ю. В. Пустовойт
«Феномен страха в античной культуре и патристике
(этико-философский анализ)» (Тула, 2007),
представленную на соискание учёной степени
кандидата философских наук
по специальности 09. 00. 05 — этика¹⁶*

Предмет изучения в настоящей диссертации — страх — безусловно разнообразен и явно междисциплинарен. Поэтому, должно быть, изучен неравномерно. Соискательница учёной степени в своём историографическом обзоре и в последующих неоднократных экскурсах в историю мировой науки и философии справедливо отмечает это. Следует согласиться с её выводом, что страх полнее всего рассмотрен в конкретно-психологическом и общеметафическом ракурсах. В этом последнем, предельном и запредельном масштабе данный феномен глубже и полнее всех проанализировал, как известно, М. Хайдеггер. В диссертации его концепции, типологии страха уделяется достаточное внимание, равно как и тем моделям страха, что представлены во взглядах других корифеев экзистенциализма, а также фрейдизма.

Таким образом, первая заслуга автора диссертации — солидная историко-философская основа работы. Она позволяет надёжно обосновать её же исходный тезис: европейская философия страха своими идейными корнями восходит к античности, включая в особенности её поздние теории, сконцентрированные в рассматриваемом отношении отцами христианской церкви.

Оригинальность этой диссертации состоит в том, что страх едва ли не впервые в отечественной философской литературе рассмотрен в качестве этического фактора. Тем самым давным-давно «заигранный» набор этических категорий пополнен ещё одной, весьма важной. Такого уровня новизны достигает далеко не каждая кандидатская диссертация.

Диссертация Ю.В. Пустовойт выстроена вполне логично и основательно. Первая глава, как и положено, на мой взгляд, такого рода историко-теоретическим работам, посвящена общему определению термина и понятия «страх». Здесь дан весьма полный и обстоятельный разбор этого концепта с лингвистической точки зрения (параграф 1). Верно отмечено его центральное, системообразующее положение в целом кластере определений тревожности, дискомфорта души и тела. Лексикография и этимология вывели автора на принципиальное для её работы разделение страха-боязни (эмоции негативной, парализующей активность) и страха Божия

¹⁶ Отзыв, оглашённый мной как оппонентом на соответствующей защите. Публикуется впервые.

(благочестивого самоограничения, модуса совести, которая деятельность активизирует).

Второй параграф первый главы отведён для реферата экзистенциалистских штудий страха. Фигуры тут отобраны в правильной последовательности: Кьеркегор — Хайдеггер — Сартр и кое-кто ещё. Последствием и продолжением экзистенциального космического Страха представлен в той же главе онтический невротический страх, полнее всего истолкованный корифеями психоанализа. В дальнейшем автор показывает, что названными версиями страха его философия не должна ограничиться.

Вторая глава диссертации — основная с точки зрения научной новизны всей работы. Античные и раннехристианские версии страха рассмотрены здесь со знанием дела, по первоисточникам. Следует похвалить диссертантку за достаточное знание древнегреческого и латинского языков. А то у нас сейчас нередко пишут о китайской философии с южно-русским акцентом, а о французском постмодерне — не зная даже английского. Филологическая культура автора этой диссертации на высоте. Прежде всего, эвристична произведённая автором греческая этимология страха как не только оцепенения, но и изумления (из / умления, то есть выхода за пределы ума-разума). Уже у досократиков и эпических поэтов, как продемонстрировано Ю.В. Пустовойт, страх-трепет амбивалентен в отношении творчества жизни и мысли. Убеждает проведённая здесь же корреляция страха со счастьем, коего возможно достигнуть, лишь преодолев боязнь разных жизненных угроз. Прослеженное в этой главе разнообразие античных оценок страха суммируется автором в глубоком выводе: «Античные философы усматривают в страхе потенциальный стимул для исправления порочного состояния человека» (С. 13). Не случайно в русском языке «страхование» синонимично безопасности, то есть преодолению страха, избежанию риска.

Классификация отдельных вариантов страха и «противоядий» боязни у древних мыслителей и, соответственно, их современников — эллинов и римлян дана во втором и третьем параграфах второй главы. Похоже, что выделенные диссертанткой четыре варианта экзистенциального устрашения людей (богов, смерти, судьбы, общественного мнения) действуют в составе этической регуляции на всём протяжении европейской цивилизации. Замена богов на Бога; смерти на смертельную болезнь, даже инвалидность; личной судьбы на будущее социума; оценок света личным призванием вряд ли существенно меняет дело. То же касается способов преодоления страха — они находятся в осмысленной деятельности, будь то магия или наука, офис (агора) или домашний очаг. Тезис об античной «колыбели» европейской культуры лишний раз подтверждается в этой диссертации на новом материале.

Наконец, заключительная глава работы выполнена на стыке истории философии, этики, религиоведения и теологии. В тексте трёх её параграфов содержательность исследования достигает максимума. Источники

христианской патристики гармонируют с теоретическими экспликациями. Концепция страха Божия как духовного явления во всей христианской ойкумене — научное достижение Ю.В. Пустовойт. Можно только добавить, что некие вариации такого устрашения присущи не только истинно верующим христианам, но и всем тем, кто воспитан в христианской культуре, будь он внешне индифферентен или даже враждебен религии. Вместо Бога тогда источниками устрашения выступают некие подобия названных выше его античных инстанций.

В целом диссертация Ю.В. Пустовойт и её автореферат производят впечатление добротного, вполне оригинального и уверенно выполненного научно-философского исследования.

Серьёзных недостатков в тексте диссертации и её автореферата я не усматриваю. А вот над тем, какие аспекты страха можно было бы ещё затронуть для большей оригинальности и разносторонности рассмотрения заявленной темы, предлагаю диссертантке подумать.

- *Дилемма «Страх / трусость / мужество».*

Христианская концепция страха Божия, действительно, опорная для нашей европейской «культуры вины». Эта сторона менталитета так или иначе христианизированных народов в самом деле активно способствовала формированию и поддержанию их официальной этики и реальной морали. Тут автор диссертации права. Но стоит ли абсолютизировать боязливые стороны европейской души? Почему не обратить внимание на другую сторону того же самого менталитета. *Бытийный антоним страха — мужество* в той или иной форме требовалось в истории, как и в частной жизни не меньше, если не больше, чем боязнь. Более того, в большинстве человеческих практик результат достигается только при условии преодоления страха. Я не согласен с Н.А. Бердяевым, который утверждал, что де истинный христианин идёт в армию не убивать, а умирать. Да, есть такие, кто идёт умирать — они не обучены войне; может быть, и не рождены для неё (как известно, на десятки мальчиков рождается один воин...). Но мужественный и подготовленный человек постарается на войне выжить и убить врагов. Тем самым он поможет спасти своих родных и близких. Пацифизм, если вдуматься, антигуманен. Если же та или иная личность не возвышалась над трусостью, её к этому принуждал социум (в лицах других личностей, призванных правом и долгом «надзирать и наказывать», по М. Фуко). Вот наудачу две цитаты по этому поводу. «Христианская немочь бледная, именуемая душа...» (М.И. Цветаева). «В армии меня спасала способность терять рассудок в ответственные моменты» (С.Д. Довлатов, «Зона»). Пусть соискательница учёной степени прокомментирует эти цитаты с точки зрения своих выводов.

- *Природные, зоологические предпосылки страха.* В этологии К. Лоренца и социобиологии Э. Уилсона есть на сей счёт интереснейшие наблюдения. В их числе: страх как необходимая оборотная сторона агрессии; факторы, снижающие и повышающие порог боязни у всех животных,

включая нас, двуногих. Обратим внимание автора: страх-боязнь, как и большинство базовых эмоций — по сути общий у животных и людей (в страхе у зверей шерсть встаёт дыбом, а у нас, с потерей большей части волосяного покрова — мурашки бегут по коже); страх Божий — одна из привилегий культуры, но терапевтическая или же травматическая — это как и когда сказать.

● Просветительская, в особенности марксистская *концепция страха как решающей причины религиозности*. Пиши любой из нас работу о страхе лет двадцать назад, он бы именно на этом сделал бы акцент («Страх создал богов»). А страх Божий бы скорее всего заклеил за идеалистическое искажение этики мужества, бесстрашия в борьбе за светлые идеалы. Кому поставлены памятники по всей Европе? Не трусам, а тем, кто не знал страха; тем, кто преодолел страх. Не все они были верующими христианами (Сравни заключительные диалоги из «Одного дня Ивана Денисовича» А.И. Солженицына).

Выскажу и такой упрёк автору диссертации и, в особенности её автореферата — в недостатке, который становится общей стилистической «болезнью» наших российских соискателей учёной степени: пофамильные перечни предшествующих исследователей темы даны скопом, без какой бы то ни было логики. Века, страны, приоритеты — побоку. Покойный ленинградский философ В.П. Тугаринов (родом попович) в шутку называл эти перечни «акафистами». В настоящих акафистах есть хотя бы помесечная последовательность. А тут у нас современный психолог Р. Иззард опережает основателя психологии В. Вундта; впереди З. Фрейда поставлен никому не известный Прохоров... (С. 4). В следующем перечне престарелый специалист по историческому материализму А.В. Разин соседствует с самим Дж. А. Тойнби (С. 5). Последняя печатная работа товарища Разина датирована 1989 годом и называется «Исторический материализм — всеобщая теория социального познания». А варианты многотомного труда сэра Тойнби сейчас можно купить в любом книжном магазине мира, включая российские. Некорректна и такая датировка: «Учёные XX–XXI веков» (С. 6). В этот перечень, кстати, попал М.Ф. Лодыженский (1862–1917), принадлежащий скорее к XIX в., и никакой не учёный, а мистик мутнейшей воды (в частности, он произвольно уравнивал индийских йогов и православных святых). Впрочем, эту библиографическую сторону работы не сложно выправить, если готовить её текст к изданию в виде монографии или (лучше, на мой взгляд) учебного пособия для студентов гуманитарных специальностей, включая религиоведение и богословие. Я полагаю, что такое издание найдёт своего заинтересованного читателя.

И текст диссертации, и автореферат оформлены и отредактированы на совесть. Нередких в нынешних текстах этих жанров опечаток я у Ю.В. Пустовойт не встретил. Казалось бы, мелочь, но показательная для добросовестного отношения молодого учёного к своему делу.

Следует отметить добротную апробацию материалов диссертации — они представлялись вниманию коллег на ряде весьма представительных научных конференций, публиковались во вполне академических изданиях, включая журналы из недавно пересмотренного списка высшей аттестационной комиссии. Ещё два весьма важных требования этой последней к диссертационным работам вполне выполнены в данном случае: исследование велось и публиковалось не год-два, как некоторые, а почти 10 лет; общий объём публикаций не тезисно-мизерный, а целых три печатных листа. Наконец, солидна инстанция, согласившаяся сыграть роль ведущей организации этой диссертации — Санкт-Петербургский государственный университет (где и я, грешный, имел честь закончить аспирантуру и защитить обе философские диссертации).

Убеждён, что диссертация Ю.В. Пустовойт вполне соответствует всем требованиям, которые предъявляют к претендентам на кандидатскую степень недавно отредактированные Высшей аттестационной комиссией положения «О диссертационном совете» и «Об учёных степенях». Призываю Диссертационный совет поддержать мою высокую итоговую оценку этой работы единогласным голосованием за присуждение Юлии Владимировне Пустовойт искомой ею учёной степени кандидата философских наук по специальности «Этика».

7 мая 2007 г.

СЛОВО БОЖИЕ

*Отзыв рецензента на диссертацию О.Н. Дьяченко
«Риторическое слово Аврелия Августина
(историко-философский анализ)» (Курск, 2011),
представленную на соискание учёной степени кандидата философских
наук
по специальности 09. 00. 03 — история философии¹⁷*

Диссертация Ольги Николаевны Дьяченко может быть допущена к защите после некоторой редакционной правки, которая в основном относится к началу её текста, где излагаются теоретико-методологические предпосылки исследования.

«Феномен риторического слова» нельзя назвать «ключевой проблемой в истории средневековой философии» (С. 1). Можно сказать: «одна из ключевых проблем...»

В переделке нуждается прежде всего первый раздел введения в диссертацию и автореферата — «Актуальность темы». Пока тут наивно утверждается, что обращение к риторическому опыту Августина «*позволяет осмыслить причины происходящих ныне негативных процессов, связанных с появлением устойчивой тенденции обесмысливания языка — явления, ведущего к дегуманизации общества*» (С. 1). И далее на страницу расписываются страхи по поводу вырождения языка в условиях информационной цивилизации. Эти страхи преувеличены.

Суть моих поправок к этому тезису:

- история, как известно, никогда и ничему не учит; в данном случае, если сейчас язык и портится, то обращение к риторическому опыту эпохи Великого переселения народов ничего нам не даст для его улучшения;
- язык (национальный, конечно) не может обесмысливаться по определению своему как видовая черта сапиенсов, и сегодня этого не происходит;
- язык и гуманность в обществе прямо не связаны — наиболее анти-гуманные действия совершаются, как правило, под звонкие риторические речи политиков (см., например, хроникальные киноленты выступлений Муссолини, Гитлера, Сталина и т.п. выдающихся ораторов), а гуманизм выражается не в словах, а в делах, а они обычно молчаливы.

Поясню свои возражения.

О потерянной вместе с патристикой духовности. Историки и писатели на исторические темы внятно объясняют, когда в людях было больше духовности — сегодня или в IV–V вв. н. э. Пусть Ольга Николаев-

¹⁷ Отзыв для диссертационного совета в Курском государственном университете, потом доработанный (после устранения соискательницей учёной степени многих указанных мной недочётов) в отзыв официального оппонента на соответствующей защите. Публикуется впервые.

на почитает хотя бы замечательного автора фэнтези Анджея Сапковского, его циклы романов про Ведьмака или про таборитов. Именно в IV в. н. э., когда жил и творил блаженный Августин, началось Великое переселение народов в Европу. Это означало гибель античной цивилизации и образование новых — варварских государств. Мало в мировой истории найдёшь более кровавых и драматичных периодов. Во II в. начинается очередное глобальное похолодание, которое достигает максимума к V в. Изменение ландшафта и климата сдвинуло с места северные и азиатские народы. В 435 г. вандалы захватили Карфаген, где практиковал Августин, на его счастье успевший к тому времени помереть (в 430 г.). Африканские провинции, снабжавшие Римскую империю жизненно необходимыми продуктами, оказались потеряны для Рима. Готы проложили путь от Прибалтики до Крыма. Возникла так называемая «держава Германариха», известная археологам как Черняховская культура — самая высокая по уровню развития на границах античного мира. Её уничтожают гунны, после нашествия которых уровень культуры на востоке и в центре Европы значительно снижается. Зато освобождается место для славян, которые без этого катаклизма, не исключено, так и не отделились бы от балтов. В 451 г. в битве на Каталаунских полях чудом была спасена европейская цивилизация. Считать этот кровавый, убийственный для массы людей и множества народов период более духовным, чем последующие, никак нельзя. После Августина философия надолго угасла, времена стали для неё неподходящими. Риторическое христианское слово на время было лишено бытийствования... Его просто некому было слушать. Сегодня духовности в мире много больше, чем при отцах церкви. Иначе их деятельность лишилась бы смысла и кончилась крахом.

Преувеличение онтологичности слова характерно для языческого, дикарского мировоззрения (вот кину заклинание, и оно повлияет на что-то или кого-то... Чистая магия!). Этот тезис насчёт онтологизации слова в диссертации на разные лады звучит неоднократно. Тезис-то сам по себе правильный, но нельзя его абсолютизировать. Надо уточнить, когда слово онтологизируется, а когда нет. Нет, то есть остаётся фактом отнюдь не внешнего бытия людского поведения, а только идеального сознания оратора, мыслителя. Надо признать, что чаще всего слова — только сотрясение воздуха, и на бытие мира и человека они никак не влияют.

В общем правильный тезис автора насчёт онтологичности риторического слова нуждается в оговорках. Никто не отменял и никогда не отменит материальной силы того же самого слова, которое произносит или пишет **лицо, облечённое волей и властью**, по меньшей мере **авторитетом**. Точно так же (типологически), как сегодня представитель организованной преступности или же представитель государственной власти произносит приговор (допустим, 5% или же 10 лет лишения свободы), и эти слова меняют бытие конкретных субъектов непосредственно, так и в эпоху Августина после команды рыцаря: «Бей, убивай!», или инквизитора: «На

костёр её!»), следовали соответствующие действия. Как только судья прочтёт приговор или в загсе объявят вас мужем и женой, эти слова поменяют вам жизненный статус. Вот тут действительно имеет место «онтологический статус слова» (С. 6), о котором неоднократно пишет диссертантка. А как влияло на бытие современников и потомков риторическое слово Августина, это стоит уточнить. Потенциально, да; актуально — далеко не всегда и не везде. Автор убеждён, что «слово имеет бытийный статус, имеет значение само по себе, поскольку оно ещё и знак» (С. 9–10). Я бы уточнил: только при вышеуказанных условиях авторитетного подкрепления потенциальным материальным действием. Когда, например, Аэций командует наступление и солдаты ему подчиняются, слово полководца бытийно. А когда христианский проповедник обращается к пастве, а та по большей части дремлет, сплетничает или скучает, такое слово пусто и беспредметно вопреки всему риторическому накалу субъекта высказывания. Для онтологизации слова мало одного субъекта, нужен ещё объект воздействия. Стены всех храмов были исписаны сотнями надписей, которые скопированы и изданы археологами. Чего только нет среди этих граффити! От молитв до проклятий и сцен скотоложества (на притворе Киевской св. Софии, век за XII). Вот такое бытийствование противоречивое. Так что я бы рекомендовал чуть снизить христианский пафос, в ряде мест оговорить — как считал Августин. Его **риторическое слово потенциально, для определённых культурных условий обладало онтологическим эффектом**. В идеале христианской парадигмы культуры, но редко когда на практике жизни в странах, исповедавших христианство.

Гораздо точнее на сей счёт высказался, как обычно, поэт: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...»

Объявлять Августина «последним из мыслителей, кто стремился синтезировать личный опыт веры и всестороннее осмысление содержания христианских истин» (с. 10) тоже стоило с оговорками. Точнее, «один из самых ярких, глубоких» из таких объединителей. А вообще-то этим же самым занимались после него многие, очень многие светочи христианской мысли. А то можно подумать, что без Августина христианство так и не стало бы мировой религией.

Так что слово либо пусто, беспредметно, либо служит прямым медиатором действия, то есть бытийствования. Повторяю, что так было и так будет до скончания рода человеческого. Потому что речь и язык — один из наших, сапиенсов, видовых признаков, едва ли не главный. Поэтому **при обосновании актуальности патрологии надо отказаться от примитивного обращения к современности, сделать эту связь более точной и тонкой**. Может, *подчеркнуть научную и учебную важность работы, её интерес для мыслящих читателей, в особенности для учащихся христианских учебных заведений*. Вот в этом актуальность, а не в утопической претензии исправить с помощью Августина современный язык (какой? русский?) и даже вообще нравы.

О вырождении языка сегодня. Лингвисты объясняют нам, что любой *национальный язык жив*, здоров, покуда существует соответствующий этнос, носитель этого языка. Язык не болеет; напротив, он сопротивляется уродствам бытия, пытается блокировать их. Страдает, может деградировать *речь*, то есть использование языка отдельными социальными группами. Такого рода процессы происходили **всегда**, в том числе в Средние века. Малограмотные крестьяне или ремесленники наверняка туго понимали проповеди отцов церкви. Так они (простолюдины) и сегодня говорят в основном матом, а связную городскую речь понимают с трудом. И никакое обращение к патристике тут ничего не исправит. Язык вообще трудно поддаётся сознательной языковой политике, он существует как стихийное явление культуры.

То, что Ольга Николаевна пишет о проблемах языкового общения сегодня, может быть, и правильно, только эти проблемы стояли всегда, они вечные. Что, в Средние века не было «интеллектуального оскудения и бездуховности» (С. 1)? Кем были те князья, светские и церковные, которые беспрерывно враждовали друг с другом, обрекая на муки и смерть массы своих подданных? Наводили на Русь, скажем, поганых половцев? Или отправляли в крестовый поход, на явную гибель, толпы детей? А уж подданные князей светских и церковных отличались в Средние века ужасными нравами. Диссертантку надо переместить на денёк туда, в Средневековье... В лучшем случае её как приبلуду продали бы арабским купцам, в Багдад или Каир, а в худшем сделали бы рабыней на сельском подворье, и каждую ночь её бы насиловали все, кому не лень... Рожала бы она своих бастардов в кустах или в поле. Вот уж простор для духовности.

От всего этого вводного раздела работы можно было бы оставить только последний абзац: «Обращение к творчеству Аврелия Августина ... в свете задач современной философии...» (С. 2) — вот тут всё корректно, всё ясно — зачем работа писалась и зачем её стоит читать. Вряд ли диссертация, как и тысячи других работ про Августина как-то повлияют на сегодняшние нравы. Актуальность работы — книжная, научная, учебная, просветительская. Она сказала новое, своё слово по теме, у которой огромная литература. Такое бывает нечасто, и в этом заслуга диссертантки, её научного руководителя, которые по-новому, оригинально сформулировали тему, и сумели её содержательно, нетривиально раскрыть.

Вот содержащаяся тут же, в начале работы мысль про вытеснение устного слова экраном или другой картинкой, правильная, её можно развить. Можно глянуть на эту тему материалы конференции, которую провели в прошлом году в рамках Дней петербургской философии. На сайте философского факультета СПбГУ тогда была выложена большая статья Б.В. Маркова на эту тему. Но опять же, отмеченная тенденция «экранизации мышления» не только негативна, а с какой-то стороны и позитивна. Противоречива. Как почти всё в культуре. Я думаю, что в слове больше тоталитарности, догматизации, нежели в образе, слайде. Риторика во все вре-

мена была *средством манипулирования людьми*, а вот во благо им или же во зло, это отдельный вопрос. Поэтому автору диссертации стоит подумать над тем, за что можно покритиковать, поругать своего героя. Слов нет — этот блаженный (а в глазах католиков и святой) отец нашей церкви человек заслуженный перед историей философии и вообще общественной мыслью. Но разве он безгрешен, безупречен в своих поучениях? Надо подумать, и «кинуть в него камушек». Б. Рассел в своей «Истории западной философии» назвал философию Августина бесчеловечной. Я бы добавил про его экзальтированность, переходящую в фанатизм. А тот немислим без лицемерия. Ну, украл он мальчишкой у соседей груши. Ну, покался в этом проступке в своей исповеди. Но чего нагнетать вокруг этого мелкого факта психоз, когда кругом него настоящий апокалипсис. Гунны идут на Европу! «Бич божий Аттила» уже обосновался на Дунае. Предстоит битва на Каталаунских полях. Вот это действительно важные вопросы... А наш блаженный всё о каких-то грушах... Плохой урок нам, стоящим на краю постчеловеческой реальности.

Короче, «риторический *дискурс*» *Августина имеет достоинства и недостатки*. Как с позиций сегодняшнего времени, так и с позиций раннего Средневековья. Покажем же и это. Не можем мы сегодня просто звать читателей назад, в раннее Средневековье. Надо с Августином подискутировать, в чём-то согласиться, с чем-то поспорить, в чем-то его покритиковать.

Автор верно замечает, что Августин был одним из тех «отцов церкви», кто восстановил в правах «диалектические формы античности» (с. 9), преданные забвению предшествующими апологетами христианства. При этом стоит хотя бы в сноске уточнить, что и тут у него были предшественники. Прежде всего евангелисты, в особенности авторы апокрифов. Так, исследователи Евангелия от Фомы сравнивают его композицию с сократическими диалогами. Многие вопросы тут решаются в диалогах Иисуса с разными лицами, на его поучения следуют их реплики. Это именно диалектика, причём она подчинена рефлексии, совсем как в античности.

В тексте диссертации и автореферата встречаются *отдельные опечатки*, особенно странные для риторологической работе. Если ты других призываешь ценить Слово, то начни с себя... Исправлю некоторые бросающиеся в глаза опечатки: «Видение бытия» (С. 2); «... Теме, имеющей...»; «и свойства разума, и человеческого духа...» (С. 9) — запятые не надо пропускать. «В целом ряде работах» (с. 4) — две последние буквы лишние. «Были **также** привлечены... (С. 7) — пишется в данном случае слитно.

Историографию своей темы Ольга Николаевна излагает с завидной полнотой, литература об Августине найдена и изучена ей с редкой детальностью. Особенно радует привлечение иноязычных работ. Только их перечень на с. 3 надо местами уточнить. У одних авторов приводятся все инициалы, а других только один. «Д. Писарев», надо полагать, это Дмитрий Иванович, наш великий критик? Тогда он гораздо известнее каких-нибудь

семинаристов Фаворовых или Яхонтовых, у которых имена-отчества сохранены в целости. «Д. Риттер» это мужчина или женщина? Если мужчина, то надо его имя склонять (Кого? Чего? — в родительном падеже).

Неоднократно упоминаются «научные статьи и монографии», да ещё «широкой тематики». Научные или ненаучные — дело спорное. Просто «статьи». Вместо «фундаментальных трудов» лучше сказать «книжки». Вместо «зарубежного автора» надо писать «итальянского» или же «французского» (С. 4), или даже вовсе без эпитетов. Определение «**исследователь К. Киорун**» (с. 5) наивно. Да какой он там исследователь?! Автор он просто, да и то не факт. Укажите одну фамилию, как положено в библиографических обзорах, а компетентный читатель уж разберётся.

Очень важно уточнить, что это за «оригинальные, ранее не привлекавшиеся в историко-философских исследованиях» (с. 7) работы Августина, которые вошли в источниковую базу этой диссертации. Автор перевела их на русский язык (хотя бы в виде цитат)? Тогда это здорово, вот в этом в первую очередь новизна и важность её работы. Нужны ссылки на первоиздания! С которых автор делала переводы. Такой библиографический аппарат всем читателям покажет, насколько замечательная перед ними работа. Мода лишать авторефераты ссылок идёт, на мой взгляд, от депрофессионализации философии, её вульгаризации, насильном отдалении от науки. По крайней мере, источники надо цитировать в оригинале! В этом «фишка» историко-философского исследования. Без сносок будет опасение, что перед нами умелая компиляция. Поди проверь, что привлекались «оригинальные, ранее не привлекавшиеся» источники...

Как видно, все мои замечания носят сугубо редакционный, то есть внешний к содержанию работы характер. Их легко выправить перед сдачей автореферата в печать, а текста диссертации — оппонентам. В остальном же перед нами весьма оригинальное научное исследование, которое безусловно заслуживает искомой учёной степени. Я думаю даже, что, будучи переведено на один из европейских языков, оно могло бы быть представлено на европейскую учёную степень «доктора философии» (Phd), а это нечасто встречается среди наших российских диссертаций. Если автор знает разговорный английский, с такой диссертацией ей лучше уехать за границу, где постдокам платят в раз в сорок больше, чем у нас. Вот вам и «онтологизация риторического слова»...

3 октября 2011 г.

БОГ И УНИВЕРСИТЕТ

*Отзыв на автореферат диссертации Т.И. Сыпченко
«Становление и развитие университетской культуры в Средние века
(Культурно-философский анализ)» (Курск, 2009) ,
представленной на соискание учёной степени кандидата философских
наук
по специальности 09. 00. 13 — религиоведение, философская антропология,
философия культуры ¹⁸*

Работа Татьяны Ивановны Сыпченко посвящена средневековым университетам, точнее — самому феномену такого учебного, научного и общественного заведения. Эта тема изучалась неоднократно, с разных идейных позиций и самыми разными, в том числе очень авторитетными, авторами. Однако и настоящая диссертация вносит свою собственную научную лепту в обсуждение университетской тематики. Дело в том, что до сих пор первые университеты Запада рассматривались преимущественно с монодисциплинарных позиций. Причём имела место и редкая тематическая инверсия. А именно, великие историки (вроде Ж. Ле Гоффа) на своём источниковом материале философствовали насчёт роли интеллектуалов в Средние века, а выдающиеся философы (типа М. Хайдеггера или Э. Жильсона) рисовали вроде бы исторические этюды по поводу университетского духа. В данной же диссертации осуществлён добротный реферативный синтез всевозможных точек зрения на старинные учебные заведения Западной Европы, специально рассмотрено их архетипическое значение для судеб науки, образования и общественной жизни во всём мире.

Судя по автореферату, диссертация Т.И. Сыпченко — весьма добротное историко-философское исследование масштабной и актуальной темы. Автор безусловно заслуживает искомой учёной степени, ибо демонстрирует умение обобщать и самостоятельно анализировать огромный объём разнородной литературы, делать нетривиальные выводы и ставить новые вопросы перед теоретиками культуры. Констатируя это, отмечу несколько моментов в качестве «информации к размышлению» для автора. Ведь её работу стоит издать в виде учебного пособия для преподавателей и студентов гуманитарных факультетов высшей школы. Такое пособие найдёт немало заинтересованных читателей. Так вот, при дальнейшей редакции темы предлагаю автору учесть следующее.

- Выдающаяся и незаменимая роль первых университетов Европы в становлении и развитии всей западной культуры в диссертации показана весьма убедительно; но в тени остались *недостатки тех же самых учреждений*, причём по той же самой учёно-учебной части; ведь не бывает аб-

¹⁸ Отзыв неофициального оппонента прозвучал на соответствующей защите. Публикуется впервые.

солютно совершенных общественных институтов, и университеты тут не исключение; это обнаруживалось и в новые, и в новейшие времена — сервизизм перед властями, догматичность внутри научных школ и нетерпимость по отношению к коллегам из других центров — вот первое, что приходит в голову применительно к этому «храму науки», который далеко не всегда находился на высоте своего положения.

- Радующая меня внеидеологическая объективность изложения в одних частях работы как-то уживается с удивляющей меня же канонической ангажированностью стиля, а значит, и мышления того же самого автора в других местах диссертации; одной из примет чего служит увлечённость автора написанием относящихся к Библии и вообще христианской вере слов с заглавных букв — все эти *Писания*, *Откровения*, *Творцы* и *Бог*, *Бог*, *Бог*... Пусть так пишут в духовных семинариях, а в светских текстах стоит придерживаться нейтрального стиля мышления и письма (я вот пишу слово «бог» со строчной буквы, ну и пока ничего...).

- Относительно библиографической основы работы видна диспропорция источников и литературы вопроса — упомянуты авторы почти всех, даже самых мелких работ по теме; их соседство в одних и тех же абзацах опять-таки выглядит наивно (вперемежку с Вебером, Ортегой, Ясперсом, Маритеном и т.п. «небожителями» философии и науки возникают мало кому ведомые Захаровы, Ляховичи, Суворовы и иже с ними); а вот разноязычных хрестоматий, публикаций архивных источников о жизни средневековых университетов по автореферату не заметно.

Отмеченные пожелания автор диссертации может учесть, если будет угодно, при дальнейшей своей работе над темой. А пока я полагаю, что автореферат этой диссертации даёт все основания признать Татьяну Ивановну Сыпченко вполне достойной искомой учёной степени кандидата философских наук по заявленной специальности.

2 июля 2009 г.

ПРОПАГАНДА КЛАДОИСКАТЕЛЬСТВА, ИЛИ «ОБОРОТЕНЬ В ПРОФЕССОРСКОЙ МАНТИИ»

В.А. БЕРДИНСКИХ.

История кладоискательства в России.

М.: «Захаров», 2005. 240 с.¹⁹

На книжном рынке современной России за последние годы распродано несколько переводных и доморощенных изданий о кладоискательстве, написанных в квазинаучно-полярной манере. Ещё больше имеется интернет-ресурсов той же направленности. Однако впервые эту действительно увлекательную не только для учёных-гуманитариев, но и для широкого читателя тематику взялся систематически изложить профессиональный историк. Доктор исторических наук, специалист по отечественной историографии, профессор Вятского педагогического университета В.А. Бердинских известен своими основательными монографиями — об уездных историках XIX в., Вятском лагерном комплексе, спецпоселенческом контингенте ГУЛАГа, по устной истории страны в преданиях колхозного крестьянства. К тому же перед нами член Союза писателей и журналист со стажем, что для такой экзотической темы, как клады, немаловажно.

По своим внешним признакам новая книга похожа на учёную монографию — содержит Введение, Заключение и Приложения; 7 глав, охватывающих период от Древней Руси до наших дней; достаточно подробные библиографические ссылки на источники и литературу вопроса. Правда, издательская аннотация адресует книгу не только «историкам и краеведам», но и «любителям поисков и рискованных путешествий» (С. 4). На первых же страницах автор уточняет избранную им аудиторию — это, оказывается, отнюдь не коллеги-историки да музейщики, чьи профессии на нынешнем безденежье науки и культуры в нашей стране якобы вырождаются, а именно начинающие кладоискатели. «Убогое финансирование музеев, археологических институтов привело к тому, что в общество потёк ручеек ценностей из краеведческих музеев, картинных галерей, археологических раскопок. ... Теневой рынок антиквариата процветает. За металлоискатель берутся всё новые отряды молодёжи. Для них и написана эта книга» (С. 11). Написана, скажу сразу, не столько затем, чтобы предостеречь от опасного и незаконного занятия, сколько в качестве поощрения к таковому и, что самое печальное, ради ориентировки на наиболее археологически перспективные места использования металлоискателей.

Столь антинаучная сверхзадача новоявленного историка отечественного кладоискания решается им по ходу всего изложения. Отмечая районы

¹⁹ В несколько сокращённом виде рецензия публиковалась: Российская археология. 2006. № 4. С. 172–175. Здесь печатается в оригинальном и дополненном послесловием виде.

наибольшего отложения кладов в те или иные эпохи, автор вслед за официальными археологами зовёт туда же «археологов чёрных». «Там, где больше было археологических и прочих раскопок, найдено больше кладов» (С. 31). «...Детальное изучение, например, торгового пути «из варяг в греки» очень много даёт не только археологу, но и любому кладоискателю» (С. 34). А «сройте до основания землю Старой Рязани, Владимира или Суздаля — и вы найдёте гораздо больше кладов» (С. 32). «Вообще территория бывших кремлей русских городов исключительно кладоносна. Нередко сейчас в этой зоне нет жилых домов, а археологи раскопки вообще не ведут. ... Места вблизи земляных валов, городских стен — очень перспективны в отношении поиска кладов» (С. 41). «В южных степях, — напоминается сегодняшним поисковикам, — рыли курганы, на севере обследовали древние лабиринты, в лесах — памятные кресты на перекрёстках дорог и так далее» (С. 173). «Немало кладов скрывают старые разрушенные церкви, храмы, монастыри» (С. 170). Ещё лучше, если «вблизи есть древнее языческое святилище марийцев (удмуртов, чуди²⁰ и т.п.)» (С. 9).

Надо ли отмечать, что словосочетания «открытый лист» в этой книге историка археологии не встречается ни разу. Зато металлоискатели фигурируют на её страницах десятки раз. «Что добавить к этим всеобъемлющим советам? Вероятно, сапёрную лопатку, металлический щуп да нож копательный...» (С. 208). Забывает автор сказать лишь про передачи в места лишения свободы для рецидивистов «теневого рынка» национальных древностей... Хотя отрядные факты привлечения к ответственности грабителей памятников старины (например, в Липецкой области, где летом 2005 г. орудовали приезжие из Курска «чёрные археологи») уже сообщались за последнее время средствами массовой информации. А наш автор знай успокаивает грабителей: «Берут и привлекают к ответственности крайне редко и очень случайных людей» (С. 172); он де «не слышал ни об одном подобном случае в России за последние годы» (С. 204). Дескать, не работает у нас статья 243 УК РФ об уголовной ответственности за уничтожение или повреждение памятников истории и культуры.

«Практическая» направленность книги нарастает от главы к главе и достигает своего апогея в последней главе — «Кладоискатели XX века» и в Заключение. Последнее хотя и названо «Миражи и мифы русского кладоискания», но содержит перечень наиболее известных кладов России (от легендарной библиотеки Ивана Грозного до основательно затерянной Янтарной комнаты, включая и реальные клады археологического характера вроде восточного серебра, монетного и посудного; даже «золота скифских, сарматских и сибирских курганов» (С. 216)). Тем, кто проживает далече от предполагаемых мест упокоения крупнейших кладов, автор предлагает «искать клады недалеко от дома. ... Проверьте ... собственный огород...

²⁰ Характерная для нашего «историка» небрежность — путаница летописного и современных этнонимов. Видно, что автор так много пишет, что редактировать свои писания ему некогда...

Обойдите по берегу высокий склон реки, осмотрите осыпи. Найденная в речке монетка подарит вам больше радости, чем внеочередная премия по службе» (С. 208). О том, что на указанных местах находки «монеток» и прочих древностей почти наверняка располагается культурный слой, древние поселения и могилы, охраняемые законом от расхищения частными лицами, книга умалчивает.

Специальный раздел составляют «Практические советы начинающему кладоискателю». Оказывается, подземными кладами надо считать только те, что залегают на глубине более трёх метров. Такие пусть ищут опытные кладоискатели. «Ваше дело, — наставляет широкого читателя В.А. Бердинских, — это поверхностные клады: в зданиях, верхнем слое грунта. Их поиск не требует больших начальных затрат. ... Шансы на успех есть в любом регионе России. Очень важную роль при поиске конкретного клада играет предварительная проработка материалов в библиотеке и архиве ..., занятия историей родного края ... *Поиск мини-кладов* вполне по силам любому человеку, купившему простейший миноискатель и за пару часов его освоившему. *Очень интересны древние пещеры. Жизнь была ключом и на подступах к ним*» (С. 205–208); и т.д., и т.п.

Иначе как реквиемом по научной археологии и национальному музейному делу эти залихватские подсказки разрушителям культурного слоя и не назовёшь. А завершается данный раздел «истории русского кладоискательства» таким вот пассажем: «Будем надеяться, что в России на смену хмурым и оборванным одиноким волкам и браткам в джипах придут добродушные бюргеры с милым походом выходного дня» (С. 208) — за всеми теми монетными и вещевыми кладами, которые автор довольно подробно рекомендует их вниманию. Раз «на Западе кладоискательство давно стало развитой отраслью индустрии досуга со своей инфраструктурой: периодикой, техническим обеспечением, лавиной пособий, карт, справочников»

(С. 6), то негоже России отставать и в этом отношении... «От 5 до 10% населения могут реализовать эту свою склонность в благоприятных условиях» (С. 6). То есть автор в своих мечтах видит на «русском поле» миллионы людей с миноискателями!..

Оговорки отрезвляющего толка — «почти все клады люди находят случайно, когда их не ищут»; «желательно, естественно, не нарушать действующие законы России и не раскапывать курганы, могильники или древние города» (с. 9) — вновь и вновь перемежаются зазывными лозунгами. Один из ветеранов российской археологии поделился со мной впечатлением от книжки В.А. Бердинских: дескать, это всё равно, что в комментариях к уголовному кодексу, статье об изнасилованиях, поместить инструкцию как заламывать девок... Сравнение это отнюдь не хромает, если принять во внимание такие вот пассажи, навязчиво повторяемые автором книги: «Пройдите с металлоискателем огороды своих друзей и родственников, загляните к ним в подвалы, найдите в округе огромные де-

ревья или хотя бы пни от них... Что-то вы найдёте всегда» (С. 8–9). Среди этого «чего-то» в книге фигурируют якобы до сих пор укрытые в земле сокровища типа «сверкающего золотом и драгоценными камнями узорочья одежд русских князей» (С. 41); добыча средневековых разбойников и бунтовщиков (вроде Степана Разина или Емельяна Пугачёва); пресловутая «золотая баба» — идол сибирских аборигенов; многое другое, вплоть до схронов белогвардейцев и советских «теневигов».

Выяснив прикладную, так сказать, направленность рецензируемого издания, посмотрим на его научную основательность. Она, на мой взгляд, далеко не на высоте, особенно по сравнению с академической квалификацией автора. Более или менее подробно и систематично В.А. Бердинских пишет о кладях и принятых за таковые населением находках древностей в своём родном Вятском крае. Об остальных регионах страны и характерных для них типах кладов ему известно из нескольких (далеко не всех) специальных публикаций историков-источниковедов, археологов, фольклористов и этнографов, а также писателей и журналистов. Их всех он и пересказывает, то со ссылками, то без оных. Отдельные главы посвящены народным преданиям о кладях и сказочным же описям их местонахождения; легендам о зарытых разбойниками сокровищах; получившим отражение в исторической литературе эпизодам кладоискания в XVII–XX вв. Учитывая, что эта книга наверняка попадёт в руки и опытных, и начинающих кладоискателей, компилятивность её содержания должна не огорчать, а радовать коллег автора по историческому цеху. Ещё лучше, что автору остались неизвестны соответствующие фонды и центральных, и областных хранилищ архивной документации. Тогда в современные «кладовые росписи» могли бы превратиться документы вроде сводки А.А. Спицына обо всех кладях Российской империи, поступивших в Императорскую Археологическую комиссию; или же аналогичные данные разных Губернских статистических комитетов, Учёных архивных комиссий, советских Обществ краеведения. Между тем без такого рода архивной базы, как и достаточно полной библиографии, трудно говорить о научно-историческом изучении заявленной В.А. Бердинских темы.

Общее определение клада даётся им скорее на бытовом, нежели на научном уровне: «Спрятанное человеком сокровище». Как известно, сугубо материальная ценность многих кладов невелика или вовсе утрачена со временем; чаще всего они имеют чисто информационный (для учёного) да экспозиционный (для музейщика) характер. Читатель, специально не изучавший археологии, не отличит в этой «истории кладоискательства» настоящие клады от принимавшихся за таковые других памятников старины — древних стоянок, поселений, святилищ, могил, случайных находок. Среди иллюстраций, например, фигурирует «погребальная домовина XVII в.». Тем самым составленная В.А. Бердинских инструкция направит на разные археологические объекты новые отряды доморощенных кладоискателей. Ещё бы, ведь по мнению дипломированного историка, «искать

вятичские древнерусские гривны, одиночные монеты на свежераспаханных виноградниках юга ... — занятие вполне безопасное, хотя и волнительное» (С. 170). «Главное препятствие здесь, — объясняет профессор педагогического университета, — высокая стоимость хорошего зарубежного металлоискателя. Когда цена на металлоискатель будет приемлемой, нет сомнения, поиски кладов станут любимым развлечением россиян» (С. 172).

Основная для историографа сторона проблемы — как российское государство и общество относились к поискам и находкам кладов на разных этапах отечественной истории — прослежена автором далеко не полно. Эпидемии кладоискательства вспыхивали и гасли не всегда и не во всех регионах России, служили явственной приметой маргинализации отдельных личностей и малых социальных групп (пресловутых сибирских бугровщиков или же крымских «счастливиц»). У В.А. Бердинских же получается, что русский человек — прирождённый кладоискатель и тем самым культурный герой. Неоднократно цитируя крестьянские, по сути языческие поверья на сей счёт, автор оставляет в стороне позицию православной церкви, запрещавшей осквернять любые могилы, тем более в поисках сокровищ. Да и фольклорно-этнографическая подоплёка поиска кладов у славян и их соседей охарактеризована в книге не слишком систематично, без учёта большинства документированных первоисточников (Криничная, 1977; Левкиевская, 1999; др.).

По сути дела обойдена в книге и миссия первых поколений наших археологов, в своё время перешедших от сугубо коллекционерского, значительного восприятия кладов к их научно-историческому анализу и комплексной музеефикации (Щавелёв, 1997. С. 33–68). Примерами расхищения и утраты кладов «история» В.А. Бердинских изобилует, а вот фактов спасения найденных ценностей для музея, университета в ней не найдёшь (хотя и таких случаев, по сути подвигов честных и образованных людей, в нашей истории сыщется немало).

Будучи специалистом по новой и новейшей истории, автор допускает ляпсусы и пробелы по части истории древней и средневековой. Так, «гривны шейные» он считает «древнерусскими женскими украшениями». На его взгляд, «племенные союзы восточных славян легко различаются по типу таких гривен» (С. 231). Хотя на самом деле эти обручи, судя по погребальной обрядности и письменным источникам, не реже женщин носили мужчины, а «союзы славян» и Русь находились в сложных отношениях. Автору «неизвестно название небольшого городища Княжа Гора» (скорее всего, летописная Родня). Он считает, будто бы «единственное яркое и интересное начинание в России в деле подводной археологии» (С. 181) — это работы представителей ИИМК РАН в Финском заливе. Об уникальных находках московских археологов на Чёрном море наш историк не ведает. И прочее, и прочее в том же духе.

Общую тенденциозность изложения наглядно подтверждают иллюстрации. Большая их часть воспроизводит экспонаты Кировского краеведческого музея. Но к теме имеют прямое отношение только 4 фотографии кладов, вещевых и монетных. Группы крестьян 1910 – 1920-х гг. подаются как «активные раскопщики местных могильников». Находчик клада куфических монет в подписи под его портретом назван «крестьянином-кладоискателем». Читателю надо полагать, будто и этот клад он выпал не случайно, а преднамеренно... Искал его путем пахоты. Или взять фото с подписью: «Богатая невеста. Базар в райцентре. 1946 г.» Разбогатела ли она на кладоискательстве и не торгует ли она на базаре археологическими находками, остаётся только догадываться. И уж совсем некстати в иллюстративную подборку затесались репродукции золотых предметов из скифских курганов. В контексте авторского изложения они могут быть восприняты как наглядное подтверждение феноменального успеха самовольных копателей древних могил. Тем более что полиграфическое качество и этих иллюстраций, и всего остального издания выше всяких похвал. Книгу приятно взять в руки, удобно читать.

Издатель Захаров, вероятно, рассчитывал на успешный сбыт трёхтысячного тиража, и не без основания. Автор и издатель завершают книгу совместным обращением к «дорогим читателям». Их просят присылать в издательство любые материалы для подготовки «нового документального издания «История России в кладах» (С. 239) ²¹. Но, несколько раз упоминаемая о том, что клады — важный источник изучения родной истории, В.А. Бердинских ведь так и не раскрывает элементарных условий, при которых находка спрятанных когда-то вещей способна дать такого рода информацию. В действительности каждому мало-мальски образованному читателю должно быть ясно, что любой клад, не дошедший до учёных и музейных работников, безвозвратно потерян для науки и культуры. Никакой истории по разрозненным и беспаспортным вещам из антикварных лавок или частных коллекций изучить невозможно. Живописуя, как его родной дядя нашёл монетный клад идеальной сохранности, автор ни слова не говорит о том, куда его передали. По всей видимости, он оказался незаконно присвоен находчиком. Чего тогда стоит следующая за этим сюжетом декларация о том, что «любой монетный клад — это история села, города, страны определённого времени» (С. 186).

Вся книга только отпугивает потенциальных находчиков кладов от общения по их поводу с «алчным государством» или «растяпами-археологами». С точки зрения этого дипломированного историка, «грань между вещами, относящимися к памятникам истории и культуры и не относящи-

²¹ Для вероятного переиздания книги В.А. Бердинских предлагаю эпиграф из рассказа с подходящим сюжетом («Клад»), начинающийся так: «Существует много разновидностей дураков. Но только вы все, пожалуйста, посидите тихо, пока вас вызовут по имени и фамилии» (О. Генри, 2005. С. 132)

мися, часто провести очень затруднительно» (С. 203). После таких заявлений, ясное дело, ему «не видать находчиков кладов, штурмующих двери властных структур с желанием сдать клады». Между тем кроме тривиальной жадности у многих нормальных людей присутствует здоровое честолюбие. Увидеть свою находку, в огромном большинстве случаев вовсе не драгоценную, на витрине музея или на книжной иллюстрации для этих людей гораздо важнее, чем разжиться не принципиально великой суммой денег на её продаже. Поэтому хотя археологических находок несут в музеи для пожертвования или продажи то больше, то меньше, полностью этот ручеек никогда не иссякнет.

После всего процитированного мной из его книги уже не удивляет пристрастное отношение автора к археологам и музейным работникам. По мнению В.А. Бердинских, «вся археология — наука о мёртвых вещах. Ведь утеряны отношение, чувство, жизненное предназначение вещи» (С. 31); «предметы давних эпох, выставленные в музеях, вообще мертвы и не могут рассказать нам сегодня практически ничего о своих владельцах» (6). Получается, что учёные только омертвляют древности, а вот кладоискатели мистическим образом пронцают завесу времен... Между тем всё путное, что в этой книге всё-таки сказано о времени, причинах выпадения разного рода кладов, их составе и социально-историческом значении, заимствовано, понятное дело, из работ историков и археологов. Хотя автор книги о кладоискательстве не знаком со многими принципиальной важности их работами на его тему (См. прежде всего: Макаров, 1981).

В книге есть раздел: «Что думают «чёрные следопыты» об археологах?» Цитируя кладоискательские издания, автор явно сочувствует их идеологии. Оказывается, «расхищение материалов археологических раскопок поставлено на поток» (С. 196). Ими будто бы всю торговлю и студенты, проходящие там практику (таких студентов автор «видел сам»); и начальники раскопок («одна монетка — бутылка» водки) и «высшая каста — руководители музеев и экспедиций». Автор, правда, делает оговорку, сквозь зубы признавая: «худобедно, но науку и культуру двигают всё же археологи» (С. 197). Доверчивому историку не приходит в голову, что многие тексты на кладоискательские темы — не более чем плод досужей фантазии подрабатывающих «жёлтой» журналистикой субъектов²².

Апофеозом авторских претензий к учёным является раздел «Что думают археологи о «чёрных следопытах?»» Здесь выборочно пересказаны материалы «круглого стола» на тему «Незаконные раскопки и археологическое наследие России», состоявшегося в редакции «Российской археологии» в 2002 г. По мнению В.А. Бердинских, никто из участников того ме-

²² Не исключено, что из той же серии псевдосенсаций недавнее сообщение о находке на острове возле побережья Чили «крупнейшего в истории клада» — сокровищ то ли конкистадоров, то ли флибустьеров, оценённого в \$10 миллиардов (Ильин, 2005; Кирюнин, 2005). Последователей В.А. Бердинских в этом известии должно особенно впечатлить упоминание об использованном приборе — детекторе, действующем на глубину до 50 м.

роприятия «не поднял вопросов о неблагополучии с этикой самих археологов» (С. 197), о «заржавевшем механизме официальных археологических структур» (С. 200). На самом деле, эта сторона проблемы, наряду со многими другими, весьма заботит «ведущих учёных-археологов», как их назвал автор неадекватного дайджеста. Целый ряд авторов и того, и последующих выступлений на ту же тему обращал внимание на опасность коммерциализации охранных раскопок, низкое сплошь и рядом качество их методики; грубые нарушения отчётности по открытым листам со стороны части их держателей; материальную слабость и пассивность региональных служб по охране исторических памятников; аморальную роль отдельных экспертов-археологов при международной торговле древностями (Флёров В.С., 2004); некоторые другие недостатки как раз официальной археологической науки и практики. В моём собственном выступлении на том же «круглом столе» (Незаконные раскопки... С. 85–89), и в опубликованном журналом пространном отклике на это выступление (Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилёв А.Г., 2004) приводились постыдные факты сотрудничества археологов Курской области с кладоискателями и представителями лжеисторической паранауки, сообщалось о печальных последствиях и перспективах такого взаимодействия. О дальнейших шагах «чёрно-белой археологии» в этом весьма типичном регионе России см. в моих специальных публикациях: (Щавелёв С.П., 2009. С. 184–191; 2010. С. 146–149).

Но, как известно, «нет пророка в своём отечестве». В полевом сезоне 2005 г. грабители древностей поставили здесь новый «рекорд». Памятник, который уже несколько лет раскапывает Посеймская экспедиция, был ограблен не до, и не после её работ там, а в процессе раскопок — когда раскоп был покинут на выходной день почти всеми участниками экспедиции, остававшиеся недобранными под занавес полевого сезона остатки культурного слоя в ямах и котлованах построек были выбраны неизвестными посетителями. Об этом сообщили мне участники экспедиции. Если дело так пойдёт дальше, то «чёрные археологи» скоро будут безнаказанно вести свои «раскопки» рядом с действующими раскопами археологов официальных. Настоящим археологам в регионах надо не на словах, а на деле взаимодействовать с органами охраны правопорядка, прекращая, наконец, «металлоискательство» на городищах и курганах.

Слава богу, в книге имеется послесловие, написанное А.А. Формозовым — «Люди ищут клады». Отдавая должное труду В.А. Бердинских, он как профессиональный археолог, с присущей ему принципиальностью оговаривает самые важные моменты поднятой темы:

- кладоискательство — отнюдь не безобидное занятие романтической молодёжи, а нечто предосудительное, даже преступное;
- спасти для науки и культуры памятники старины могут только настоящие археологические раскопки, а кладоискатели всегда эти памятники разрушают;

• они вовсе не помощники и не заместители учёных археологов, а преступники; ими движет не романтика, а самая заурядная корысть; из-за них культурное наследие России несёт невосполнимые потери.

«Вот почему вспыхнувшее в нашей стране кладоискательство надо не поощрять, а всюду и категорически пресекать» (С. 236). Все ли читатели книги, изданной трёхтысячным тиражом, прислушаются к этим выводам? А не разделят ли они прямо противоположный манифест автора и издателя, согласно которым «клад — это игра, столь нужная человеку в нашем обществе, зажавшем его в тиски мощной индустриальной цивилизации» (С. 239)? Как было им вообще не стыдно впутывать в своё чёрное дело престарелого учёного?

Как видно из всего сказанного, я оцениваю новую книгу В.А. Бердинских в целом отрицательно. Стоило ли тогда её рецензировать в академическом издании? На мой взгляд, стоило. В чём безусловно прав её автор, так это в том, что противостояние учёных и грабителей в деле поиска древностей в России продолжается и, пожалуй, достигло сегодня своего апогея. Если разного рода кладоискателям не будет поставлен заслон, научная археология вскоре потеряет объект своего изучения и хранения для потомков. Замалчивание, недооценка реального масштаба угрозы означает фактическое согласие с этим печальным выводом.

Приведу на сей счёт свежие данные по Курской области — одному из лидеров подпольной продажи древностей в нашей стране. Курский областной музей археологии, кроме активных контактов «с чёрными археологами» (постоянная экспертиза и частичная скупка их находок), решил заняться самостоятельными поисками вырванных из культурного слоя вещей — приобретает новейший металлодетектор. Такие приборы уже имеет и активно использует краеведческий музей районного города Курчатова. Один из курчатовских кладоискателей передаёт в археологический музей Курского государственного университета всё новые интересные находки, сделанные с помощью того же металлоискателя на мысовых городищах р. Сейма. Места этих находок со слов самозваного поисковика наносятся на планы этих памятников, опубликованные в соответствующем своде А.В. Кашкина. Казалось бы, полезно для настоящих археологов — к ним поступает полезная информация. Но упомянутые находки означают, что местные и приезжие кладоискатели уже не довольствуются отдельными памятниками, где недавно поработали официальные археологи (и тем волей-неволей засветили их местонахождение). Грабители теперь пошли-поехали *по всем без исключения памятникам*, нанесённым на доступные им археологические карты. Кроме примитивных ям-закопушек, вырытых на памятнике произвольно по данным детектора, всё чаще грабители закладывают вполне правильные археологические раскопы, выбирая вещи по квадратам, слоям — ведь на подпольном рынке антиквариата стали особенно цениться археологические комплексы находок. Систематические рейды «чёрных следопытов» способны навсегда стереть с археологической карты целые субъекты Российской Федерации. Таков должен быть

правдивый вывод из новейшей истории отечественного кладоискательства. Однако автор рецензируемого издания его не сделал. Неразборчивый в выборе художественных приёмов беллетрист на сей раз победил в нём историка.

P.S. 2011 г. Как говорится, бог шельму метит... Имя профессора Бердинских недавно вновь оказалось на общем слуху при скандальных обстоятельствах. Губернатор Кировской области Н.Ю. Белых защитил в Удмуртском университете кандидатскую диссертацию по истории лагерной экономики на примере Вятлага²³ (См. ниже мою рецензию на монографию всё того же В.А. Бердинских об этом лагерном комплексе). После чего фонд «Историческая память» на своём блоге привёл факты несомненного плагиата в губернаторских статьях по теме диссертации — там содержались текстуальные совпадения с работами вятского историка-краеведа В. Веремьева (Зубакина Е., 2011). Надо ли удивляться, что научным руководителем сановного соискателя учёной степени выступил никто иной как профессор кафедры истории России Вятского гуманитарного университета Виктор Бердинских... Как было видно по его книге о кладоискательстве, торговать исторической наукой ему не впервой. Что касается федеральных начальников вятского губернатора, то им его «научные» занятия безразличны, что и продемонстрировал президент, милостиво встретившийся с вятским губернатором после отмеченного интернет-скандала и не вспомнивший про эту конфузию ни словом. Между тем в ФРГ недавно при той же самой ситуации с обнаруженным журналистами плагиатом в докторской диссертации был вынужден подать в отставку успешный и популярный министр иностранных дел. Как говорится, маленькая картинка для выяснения больших вопросов. Жаль, что уже скончался А.А. Формозов, к помощи которого Бердинских неоднократно прибегал, продвигая свои более или менее сомнительные книжные проекты. «Нет у их — и всё разрешено», напороочил поэт (Д. Самойлов).

P. P. S. 2012 г. Кладоискательский клич профессора Бердинских подхвачен не только в Интернете, но и в бумажной литературе. Среди многих других выделяется своей опасностью книжка: *Станюкович А. В десяти сажнях отсюда*. М., Группа «Искатели», 2010. 192 с. (Я иду искать). 1000 экз. Я узнал о ней из рецензии в номере «Книжного обозрения», прочитанном с опозданием. Рецензента книжка очаровала: «Поиск старинных сокровищ — дело завораживающее. Особенно если авторы обещают тексты с элементами документальности. ... Андрей Станюкович — доктор исторических наук, археолог, главный герой журнала "Родная старина", и гораздо больше, чем кокарды и рубли, ... его интересуют предметы, относящиеся к домонгольскому периоду Руси и неолиту». Интерес автора простирается до того, что им описаны соответствующие памятники и составлена карта «Чем богаты столичные окрестности». На схему Подмосковья

²³ См.: *Белых Н.Ю.* Экономика ГУЛАГа как система подневольного труда (На материалах Вятлага 1938–1953 гг.). М., РОССПЭН, 2011. 293 с. (История сталинизма). 1500 экз.

положены фотографии типичных археологических находок — металлических украшений, предметов культа, быта с ... указанием их рыночной цены — от 500 рублей за екатерининский пятак до 100 000 рублей за «редкую чешуйку городского княжества XV в. (Шулаков С., 2011. С. 8).

Перед нами ещё один оборотень в якобы учёной мантии. Своим беллетристическим приёмом он обаял малограмотного журналиста, сотрудничающего с одним из самых культурных, по идее, печатных изданий нашей страны. Если уж «Книжное обозрение» рекламирует грабёж подмосковных памятников старины, в честь вятского «оборотня» Бердинских пора вешать мемориальную доску с надписью «Первопроходцу грабежа памятников истории и археологии». Очевидно, на стене того офиса, где помещается издательство «Захаров». Ну, и в ректорате Кировского пединститута, где он, этот «оборотень» Бердинских, всю жизнь получает зарплату.

Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилёв А.Г., 2004. О проблеме сохранения археологического наследия // Российская археология. № 1.

Зубакина Е. Никиту Белых заподозрили в плагиате при подготовке диссертации // Коммерсантъ. Ру. 2011. Май.

Ильин Г., 2005. Найден клад на \$10 миллиардов // Известия. 27 сентября. С. 4.

Кирюнин В., 2005. Грузите миллиарды бочками // Российская газета. 27 сентября. С. 8.

Криничная Н.А., 1977. Историко-этнографическая основа преданий о зачарованных кладах // Советская этнография. № 4.

Левкиевская Е.Е., 1999. Клад // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2. М.

Макаров Н.А., 1981. Магические обряды при сокрытии клада на Руси // Советская археология. № 4.

Незаконные раскопки и археологическое наследие России, 2002. Материалы круглого стола», проведенного редакцией и редколлегией журнала «Российская археология» // Российская археология. № 4.

О. Генри, 2005. Самая малость. Рассказы. М.

Флёров В.С., 2004. Найдено на аукционе «Christie». Роль эксперта в торговле древностями // Российская археология. № 2.

Шулаков С. В поисках вчера (рубрика «Кладоискатели») // Книжное обозрение. 2011. № 4 (2302).

Щавелёв С.П., 1997. Глава 2. «Куряне — искатели кладов. Случайные находки древностей и магическая «археология») // Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 1. Курск.

Щавелёв С.П., 2009. Новый этап фальсификации нумизматических источников по истории и археологии Древней Руси (По курским и брянским материалам) // Проблемы истории Центральной и Восточной Европы. Сб. научных статей. Брянск, РИО Брянского государственного университета.

Щавелёв С.П., 2010. Областная археология в чёрно-белую полосу (О разграблении курских памятников археологии в 1990-е – 2000-е гг.) // Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 10-летию со дня рождения В.А. Городцова. Рязань, 20–22 апреля 2010 г. Рязань.

У НАЧАЛА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ В РОССИИ

*А.В. ЖУК. Василий Алексеевич Городцов
в рязанский период его жизни, службы и научной деятельности.
Омск.: Изд-во ОмГУ, 2005. 536 с.²⁴*

А.В. Жук — омский археолог и историограф русской археологии — известен своими статьями, часть которых в 1980-х — 1990-х гг. посвящалась им творческому наследию В.А. Городцова. Справедливо отмечая отсутствие научной биографии этого корифея в изучении древностей, автор решил создать её «предварительный вариант» (С. 7). Ради этого он обработал большую часть литературы о Василии Алексеевиче²⁵ и много занимался архивными поисками. Однако основной архивный фонд Городцова, находящийся в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея, оказался биографу недоступен — об этом позаботились его хранители во главе с Н.Б. Стрижовой. Пережив «отказ в откровенно невежливой форме» (С. 19), Жук обратился к другим архивохранилищам, где встретил уже нормальный, любезный приём. Московский Военно-исторический и Рязанский областной архивы, вполне понятно, содержали в основном материалы о начальных отрезках учёбы и службы будущего великого археолога. Таким образом, мы и получили в исполнении А.В. Жука как бы первые главы полной биографии В.А. Городцова, которая всё ещё остается делом будущего.

Глав в книге три. Первые две описывают рождение и детство, учёбу и военную службу этого уроженца Рязанщины. Детально охарактеризованы предки и родственники будущего учёного, включая двоюродных; быт и нравы провинциального духовенства (в тонах благостных); порядки в Рязанском духовном училище (которое Городцов закончил с низкими баллами, включая «четвёрку» по поведению) и в Рязанской же духовной семинарии (и её аттестат у этого выпускника вышел посредственным); возможности и этикет армейской службы, которую выбрал будущий археолог, которому «на заре туманной юности» не хватило успеваемости для поступления в университет. Подробно расписаны славные боевые пути и офицерские составы гренадерских частей, где служил Городцов: 12 Астраханского полка, с которого этот вольноопределяющийся, уже в мирной Рязани, начал путь к подполковничьим погонам (потолок его офицерской карьеры), затем 11-й Фанагорийского полка, где он получил первый офицерский чин.

²⁴ Опубликовано в немного сокращённом виде: Российская археология. 2009. № 1. С. 184–185.

²⁵ Среди нескольких пробелов в библиографии издания отметим наиболее существенный — работы воронежца И.Е. Сафонова, в том числе: *Сафонов И.Е.* В.А. Городцов и изучение эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. Воронеж, 2002.

Только третья глава обращает наше внимание на «первые шаги В.А. Городцева²⁶ в изучении древностей». Именно она оправдывает появление столь объёмистого тома, в ней и содержатся сведения и соображения, откуда появился такой энергичный и удачливый археолог. Разведки и раскопки неолитических стоянок на дюнах Поочья, в родных ему местах; раскопки Борковского могильника послужили для Городцова «первым классом» его археологической практики. А.В. Жук характеризует всех тех, кто помогал Василию Алексеевичу постепенно профессионализировать увлечение древностями на рубеже 1880-х – 1890-х гг. Среди его предшественников, учителей и партнёров по разысканию местных древностей отмечены и рязанцы (по месту тогдашнего жительства) Л.С. Голицын²⁷, А.В. Селиванов, А.И. Черепнин, и столичные учёные, начиная с А.С. Уварова, А.П. Богданова, В.И. Сизова.

В состав глав введены развёрнутые очерки рязанской археологии: во-первых, с начала XIX в. по 1870-е гг.; во-вторых, середины 1880-х; а в третьих, второй половины 1880-х – начала 1890-х гг. Можно подумать, периодизация провинциальных раскопок судьбоносно предвещала рождение светила отечественной археологии... Впрочем, такого рода «микроисториография» этой последней по-своему поучительна для современных представителей науки о древностях, чьи представления о предшественниках нередко слишком лапидарны.

Рецензируемая работа построена на учёте почти всей печатной «городцовианы» и на значительном массиве архивных документов, большая часть которых открыта именно автором и введена им в научный оборот этой книгой. Треть её текста составляют документальные приложения — подборка метрик, аттестатов, послужных списков семинариста, юнкера, наконец, подполковника Городцова. Наряду с этим ценным материалом, документальная концовка книги перегружена формулярами нескольких его начальников и сослуживцев; наконец, такими, по сути уже явно лиш-

²⁶ Автор начинает Введение в свою работу с дотошного разбора того частного обстоятельства (достойного в лучшем случае рядовой сноски), почему первоначальное написание фамилии героя — «Городцев» — сменилось на то, которое стало окончательным и привычным читателям — с огласовкой через «о». В заглавии книги тем не менее непонятно почему сохраняется архаичное именованное. И этот, и многие другие побочные экскурсы Жука вряд ли заинтересуют «специалистов в области археологии, этнологии и историографии» (С. 3), коим он адресует свою работу.

²⁷ В большом и довольно тщательном справочном аппарате монографии имеются некоторые неточности. Исправим те, что отнесены Жуком к фигуре князя Л.С. Голицына. Он не мог иметь «степени магистранта римского права» (С. 243) за отсутствием таковой вообще. Магистрантом называли лицо, оставленное при кафедре университета для подготовки к сдаче магистерских экзаменов, с перспективой приват-доцентского и профессорского званий. Голицына действительно оставили в магистратуре по двум кафедрам юридического факультета, но он, сдав магистерский экзамен по гражданскому праву, покинул университет ради службы по винодельческой части. См.: *Ламан, Борисова, 2000*. Дата кончины князя (у Жука под знаком вопроса) загадки не представляет: 1915.

ними тут справками, каковы мистические толкования имени «Василий» по П.А. Флоренскому ²⁸, список детей императора Александра II, текст воинской присяги того времени и т.п. частности. Становление личности учёного отчасти поясняют лишь некоторые приложенные к тексту книги документы — из архивов Рязанской учёной архивной комиссии да Московского Археологического общества.

Двойственное впечатление оставляют монархические пристрастия автора, а также его увлечённость военно-исторической тематикой. Это распространённое сегодня даже среди вполне мирных людей хобби оставило в тексте монографии обширнейшие следы. С одной стороны, мне, как и, наверное, многим другим читателям, любопытно узнать в подробностях, как эволюционировала русская военная форма (С. 140–143); чем вооружали тогда наших офицеров (С. 144–145); почему наганы вытеснили «Смит и Вессоны» (С. 171–178); чем так хорош игольчатый штык (С. 179–181); о преимуществах русских сапёров перед немецкими в обеих мировых войнах (С. 199–200); эволюции понятия «рейнджер» в США и Британской империи (С. 211–212); первых достижениях армейской кинологии (220–221); и прочая, и прочая по той же части. Офицерский старт биографии В.А. Городцова как будто даёт основания для всех этих и многих тому подобных экскурсов насчёт «выпушек, погончиков, петличек». С другой стороны, для историографии археологии все эти подробности носят вполне посторонний характер. Помещены они не в примечания, а внутрь изложения. У. Эко называет столь наивный писательский приём «сальгаризмом». Вот герои итальянского писателя Э. Сальгари (1863–1911) «бегут по лесу, спасаясь от погони, и налетают на корень баобаба. Тут повествователь откладывает в сторону сюжет и начинает ботаническую лекцию о баобабе» (Эко У., 2003. С. 44). Но то, что допустимо в детской литературе, вряд ли уместно в издании с подзаголовком «монография» на титульном листе. Идя по такому пути, не слишком трудно было бы довести объём издания о «первых шагах учёного» до нескольких томов (например, описать меню в офицерской столовой, цены в магазинах того времени, насколько модно одевалась супруга археолога и т.д.). Двигаясь в этом направлении, А.В. Жук неоднократно перемежает городцовское жизнеописание многостраничными опусами на самые разные темы. В текст второй главы имплантированы, в частности, очерк геополитической ситуации в эпоху Александра II (С. 183–187); история экспедиций Генерального штаба в Азию (С. 188–192).

К теме монографии некоторое отношение имеет только выборочное описание археологических занятий русских офицеров (далеко не всех, кстати говоря) того времени (С. 192–197). Заслуги на поприще раскопок полковников Н.Е. Бранденбурга (1839–1903) и Л.К. Ивановского (1845–1892), штабс-капитана С.С. Гамченко (1860–1934), генералов Г.А. Колпа-

²⁸ Предположениям о том, почему Городцова назвали именно Василием, посвящено в книге 15 страниц.

ковского (1819–1896) и А.В. Комарова (1830–1904) отмечены справедливо. Однако автором замалчиваются известные недостатки в деятельности некоторых военных археологов, раскопавших, как тот же Ивановский, тысячи курганов, но оставивших разбор и издание массы находок на долю вполне штатского А.А. Спицына.

Подкупающе наивны некоторые новации авторской стилистики. Так, упорно избегается определение «последний» — оно заменяется суеверной конструкцией «крайний по времени». Например, С.К. Гершельман — «крайний по времени окружной начальник штаба Городцова» (С. 15); Д.Ф. Трепов — «крайний по времени обер-полицмейстер Москвы» (С. 134); и т.д. В таком определении чувствуется затаённая надежда на восстановление этих постов когда-нибудь.

Отмеченные несоответствия жанра и содержания — лишний пример некоторой деградации научного книгоиздания, особенно в провинции, — формального обозначения рецензента (в данном случае — светлой памяти профессор В.И. Матющенко) и отсутствия научного редактора у книги молодого автора.

Ещё один печальный момент — символический тираж в 150 экземпляров. Конечно, лучше хоть столько, чем ничего, кроме рукописи, но подобная мизерность обрекает книгу на узковатый круг читателей из двух-трёх университетских центров (о загранице речь уже практически не идёт). А не выложить ли её оригинал-макет в Интернете? Боюсь, болезненные амбиции автора помешают сделать этот логичный шаг.

На первую и последнюю страницу обложки вынесены две иллюстрации — автопортрет В.А. Городцова в мундире и с лошастью в поводу, да фото Рязанского кафедрального собора. Как видно, бедность большинства энтузиастов археологической историографии препятствует копированию открываемых ими архивных материалов, нередко уникальных.

Посвятив большую часть солидного тома сугубо внешним аксессуарам биографии своего героя, автор вместе с тем миновал такие её моменты, которые куда более существенны для истории науки. Правильно отмечена ключевая для обращения недавнего поповича и солдата в археологи роль Алексея Васильевича Селиванова (1851–1915), акцизного чиновника, а на досуге ревностного изыскателя рязанских древностей. Генеалогии и биографии Селиванова посвящён десяток страниц, но об его непосредственном общении с Городцовым читатель мало что узнаёт. Отмечена переводная книга, которую сам Василий Алексеевич признавал своим первым учебником по археологии — «Досторические времена» Д. Лёббока в переводе Д.Н. Анучина 1876 г. А вот что именно в содержании этой, в общем компилятивной работы ориентировало любителя родной старины на её розыски, отмечено скороговоркой (С. 256). Между тем на рубеже позапрошлого и прошлого веков при объединении западного опыта и доморощенных инициатив как раз завершалось становление археологической теории и практики в России. Определить пропорцию заимствований и инно-

вадий, хотя бы на показательном городцовском примере, было бы любопытно.

По заключению автора, «церковь, армия, наука — вот та духовно-интеллектуальная триада, что сформировала личность В.А. Городцова как учёного» (С. 348). Наверное, это действительно так, только автор монографии видит и подробно излагает исключительно положительные стороны этих трёх жизненных ипостасей человека, который почему-то из церкви ушёл в армию, а оттуда — на музейную службу. Причём не дожидаясь логического завершения каждого биографического отрезка (незаконченная семинария; рассказы маститого археолога своим ученикам о генеральском чине, якобы вполне достижимом для него в прошлом). Кроме взаимной дополнительности его жизненных поприщ, наверняка существовали и противоречия между ними. Насколько такой жизненный опыт «компенсировал В.А. Городцову систематику высшей школы» (С. 349) — этот вопрос для читателя остается открытым.

Ю.М. Лотман как-то полусуто назвал известную книгоиздательскую серию ЖЗЛ «Жизнь замечательных святых». Авторы биографических сочинений склонны выстраивать их исключительно в панегирическом ключе. А.В. Жук не противится этой спорной традиции. При всём значении Городцова как исследователя и организатора науки, его отношение к собратьям археологам не всегда оказывалось безупречным. Он, как известно, допускал монополизацию «своих» районов и типов памятников; мог не упоминать о первооткрывателе того памятника, который привлёк его внимание (Формозов, 2004. С. 122); не всегда отдавал должное своим предшественникам и учителям (например, занял место Д.Я. Самоквасова в Московском археологическом институте, который тот задумал (Стрижова, 1991. С. 113–114); отказался (в письме к П.С. Уваровой) написать некролог этого заслуженного профессора Московского университета ²⁹, на чьи средства и под чьим руководством проводил свои первые масштабные раскопки Бельского городища и курганов вокруг него (Щавелёв, 1998. С. 163–164, 197). Конечно, всё это частности, не меняющие общей высокой оценки городцовского вклада в археологию, но А.В. Жуку стоило бы поискать детские и юношеские предпосылки сложного характера человека, по сути дела самоучкой достигшего высот науки.

Сделанные замечания к содержанию и стилю книги А.В. Жука не колеблют её общей положительной оценки. Трудлюбивый и увлечённый темой автор, что называется, вложил душу в свою работу, которая станет заметной вехой осмысления огромного вклада Василия Алексеевича Городцова в отечественную и мировую археологию.

По нынешним коррумпированным временам эта книга глядишь и защитится где-нибудь как докторская диссертация (в устной беседе

²⁹ «Сам Василий мечтал в 1879 г. поступить в университет, но в этом году последовало правительственное распоряжение о недопущении семинаристов в университеты; пришлось ему идти по военной части» (Цит. по: Жук, 2005. С. 101)

А.В. Жук выражал такое намерение). Что, конечно, прискорбно, ибо морально противоречит искренней увлечённости автора своей темой. Защиты диссертаций по отдельным персоналиям если и допустимы, то на кандидатском уровне. Предыстория же одной научной биографии тем более не докторская тема.

Ламан Н.К., Борисова А.Н., 2000. Князь Лев Сергеевич Голицын. Выдающийся русский винодел. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.

Стрижова Н.Б., 1991. Московский Археологический институт по материалам Отдела письменных источников Государственного Исторического музея // Очерки истории русской и советской археологии. М.

Формозов А.А., 2004. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М.

Щавелёв С.П., 1998. Историк Русской земли. Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова. Курск.

Эко У., 2003. Заметки на полях «Имени розы». СПб.

БОГ БРОНЗЫ

Отзыв

*на автореферат диссертации И.Е. Сафонова
«В.А. Городцов и изучение эпохи бронзы
восточноевропейской степи и лесостепи» (Воронеж, 2002),
представленной на соискание учёной степени кандидата исторических
наук по специальности 07. 00. 06 — археология³⁰*

На протяжении последних десятилетий XX века в российской археологии нарастал интерес ко всё более широкому и углублённому изучению её собственной истории. Должно быть, подобная степень историографической рефлексии свидетельствует о дисциплинарной зрелости этой гуманитарной науки; выражает внутрицеховую потребность свести идейные и нравственные счёты с прошлым, полнее усвоить его уроки. К началу XXI столетия работы по истории отечественной археологии стали всё чаще выполняться не посторонними раскопкам историографами и архивистами, а самими археологами. Тем самым и вообще-то условная грань между «историографией» и так называемой «историей исследования» древностей, которую иногда проводят археологи, просто стирается. К числу такого рода комплексных, синтезирующих историю и теорию, историю и историографию древностей работ относится, как видно по данному автореферату, диссертация И.Е. Сафонова. Она вполне подтверждает высокую репутацию той группы исследователей и преподавателей истории археологии (руководители — профессор А.Д. Пряхин, профессор А.П. Медведев, доцент М.В. Цыбин), которая сложилась в Воронежском государственном университете, и которую без преувеличения можно уже назвать научной школой в данной отрасли академического знания.

План диссертационного исследования логичен, полно раскрывает тему исследования. Эволюция взглядов В.А. Городцова на бронзовый век территории Южной России, этапы его практических (полевых, камеральных, музейно-экспозиционных, методических) работ в данной области, предпосылки и последствия городцовских работ прослежены вполне доказательно. Исследование И.Е. Сафонова помогает нам лучше понять едва ли не главный вклад его персонажа — классика русской археологии — в теорию и практику науки об исторических древностях нашей страны. Целый ряд утвердившихся в археологической литературе представлений на эту тему И.Е. Сафонов уточняет, конкретизирует, дополняет, поправляет. В его работе показано, как именно поначалу краевед-любитель В.А. Городцов поднялся до уровня творца новой парадигмы в изучении эпох бронзы и раннего железа.

³⁰ Отзыв, посланный мной в Воронежский государственный университет и оглашённый на соответствующей защите. Публикуется впервые.

Особенно сложную задачу решал и, судя по автореферату, успешно решил автор в III–IV главах диссертации, где объективно оценивается советский период деятельности В.А. Городцова-бронзоведа; сложные условия его работы в эти годы. Автор нашёл правильную пропорцию критцизма и понимания социально-политических условий работы патриарха отечественной археологии в те нелёгкие годы, что начинались для него с почета и поклонения, а кончились увольнением со всех постов и отчуждением большинства его учеников.

Диссертант верно отмечает (на с. 13, 15 автореферата), что предложенная Д.Я. Самоквасовым атрибуция древнейших курганов как «киммерийских» быстро устарела. Однако при этом стоило бы заметить перспективность впервые в данном случае применённого этим археологом методологического приёма: сопоставлять археологические находки со сведениями письменных источников, в данном случае античных. Долгий и сложный путь выдвижения такого рода гипотез представлен сегодня трудами М.Б. Щукина, А.П. Медведева, А.М. Обломского и других авторитетных исследователей. В.А. Городцов же, в силу того что он не получил университетского образования, а также потому, что на его долю пришлась выработка более строгого понятия археологической культуры, в упомянутой сфере историко-археологического синтеза оказался менее силён.

В тексте реферата мне встретились отдельные стилистические огрехи. Так, привычное для археологического сленга выражение «археолог-бронзовик» (с. 4, 17) на литературном русском языке должно звучать «бронзовед». Историк археологии из Омска А.В. Жук (кстати сказать, опубликовавший несколько содержательных статей о наследии В.А. Городцова) замечает на сей счёт, что «бронзовик» на самом деле — это такой жук. Географические имена, оканчивающиеся на «-о», вообще-то пока что по-русски склоняются («в Вильне» — с. 14). Не может быть «представления *на* памятники» (с. 15), а только «о них». Надо «вгляда», «воззрения», т.п. Или же «представления *о* памятниках». «Попытку..., которую можно считать предтечей» (с. 22), таковой по-русски считать нельзя. На с. 18, 19, 22 содержатся невыправленные корректором опечатки. Название главной работы А.С. Уварова (с. 13 автореферата) правильно звучит так: «Археология России. Каменный (бронзовый) период(ы)»

Замеченные мной стилистические огрехи носят явно второстепенный, пренебрежимый характер. В целом автореферат написан хорошим научным языком; замыслы, аргументы и выводы автора вполне понятны читателю.

Материалы диссертации, судя по списку публикаций и докладов автора, полно отражены в печати и на представительных научных конференциях, т.е. введены в научный оборот. Добротные диссертации нередко рекомендуют к публикации в виде монографий. В данном случае я бы предложил автору подумать о публикации выявленного им в архивах документального наследия В.А. Городцова. В этом случае текст этой диссер-

тации послужил бы необходимым введением и комментарием к очень ценным и для истории, и для теории, и для практики археологии документам. Как известно, жанр комментариев к научной классике — самый трудоёмкий и почётный среди профессионалов гуманитарного знания. Если пометать, то рискну предложить И.Е. Сафонову вместе с его воронежскими наставниками подготовить к печати те работы В.А. Городцова, которые остались в рукописи (в первую очередь том второй его «Археологии», от которого в архиве сохранились только черновики). Подобная публикация имела бы экстраординарное для археологической историографии значение; должна была бы получить финансовую поддержку федеральных фондов РГНФ, РФФИ, Министерства науки и образования нашей страны.

Итак, позволительно заключить: судя по автореферату, диссертация И.Е. Сафонова полностью соответствует требованиям, предъявляемым ныне ВАК Министерства образования РФ к работам на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07. 00. 06 — археология. Перед нами оригинальное, содержательное научное исследование, материалы и выводы которого будут иметь немаловажное значение и для академического изучения, и для практики преподавания археологии в высшей школе.

29 ноября 2002 г.

РУСЬ ИЗНАЧАЛЬНАЯ

Отзыв

на автореферат диссертации Е.А. Шинакова
«Генезис древнерусской государственности
(опыт сравнительно-исторического анализа)» (Брянск – Воронеж, 2006),
представленной на соискание
учёной степени доктора исторических наук
по специальности 07. 00. 06 — археология³¹

Последние годы уходящего XX столетия ознаменовались для отечественной историографии появлением нескольких обобщающих (в той или иной степени) трудов по истории Древней Руси. Они принадлежат представителям сразу нескольких научных школ — московской, ленинградской / петербургской, киево-черниговской, ряда провинциальных центров, отдельным авторам и обнаруживают, с одной стороны, плодотворную преемственность с лучшими достижениями историографии ещё советского периода (школ Д.А. Авдусина, А.В. Арциховского, А.А. Горского, Б.Д. Грекова, А.Н. Насонова, В.П. Пашуто, Б.А. Романова, В.Л. Янина и прочих корифеев славянорусомедиевистики), а с другой — концептуальное и источниковедческое новаторство. По сути, сейчас начинает складываться качественно новая парадигма изучения цивилизации восточных славян и Руси, преодолеваются многие идеологемы и просто устаревшие тезисы на их счёт.

К числу такого рода безусловно приоритетных (причём как в эмпирическом, так и в историософском планах) работ отмеченного тематического круга относится докторская диссертация Е.А. Шинакова, автореферат которой я попытаюсь кратко оценить. Сразу замечу, что эта работа отличается тем, что представляет собой едва ли не первый за последние десятилетия *опыт системной теории и истории начала отечественной государственности*. Аналогичные по тематике работы недавних лет издания, при всех их несомненных достоинствах, всё же так или иначе специализированы — *регионоцентричны* (имеют в виду разные очаги восточно-европейского политогенеза — северный, циркумбалтийский; центральный, поднепровский; южный, лесостепной); или же носят выборочный, *очерковый характер* (каково рассмотрение этнокультурных начал Руси, её князей, народа и религии В.Я. Петрухиным); либо обращены по большей

³¹ Отзыв оглашён автором и обсуждён на защите упомянутой в заголовке диссертации. Опубликован в качестве предисловия к первому монографическому изданию той же диссертации: *Щавелёв С.П. Предисловие // Шинаков Е.А. Образование древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект*. Брянск, изд-во Брянского гос. ун-та, 2002. С. 5–9. Во втором, сокращённом, как ни странно, издании этой книги в издательстве «Восточная литература» в 2011 г. предисловия уже нет.

части к прошлому опыту изучения этого периода и потому скорее *историографичны* (как «научно-популярная» книга Н.Ф. Котляра «Древне-русская государственность» (1998), соединившая его статьи разных лет); либо являются прежде всего *учебными пособиями*, лекционными текстами, а не собственно монографическими разработками (таков курс И.Н. Данилевского «Древняя Русь глазами современников и потомков» (1998); наконец, рассматривают Русь сквозь призму какой-то одной, пусть и очень важной проблемы (скажем, всплеск интереса к феномену первых городов на Руси в трудах В.П. Даркевича, А.В. Кузы, Е.Н. Носова, В.В. Седова, П.П. Толочко и мн. др.; или же недавние работы К.А. Соловьёва по легитимности средневекового государства на Руси). Более же ранние варианты книг со стереотипным названием «Киевская Русь» или т.п. были по большей части ограничены рамками формационно-феодальной теории, которая чем дальше, тем больше демонстрировала «потребительское отношение к источникам» (как выразился когда-то С.Н. Чернов на докладе Б.Д. Грекова «Рабство и феодализм в Древней Руси»).

Диссертации Е.А. Шинакова, напротив, в гораздо большей степени присуще, на мой взгляд, внутреннее единство теории, метода и результатов исследования, которое, повторюсь, представляется мне *качественно новым и по содержанию, и по жанрово-тематической форме*. По так давно, массированно, масштабно, можно сказать — увлечённо разрабатываемой теме, какова государственность восточных славян и Руси, появление столь оригинальной работы, какова эта диссертация, является неожиданным и приятным сюрпризом своего рода.

Будучи, пожалуй, единственным (если не считать Р. Дж. Коллингвуда) философом, специализирующимся одновременно на археологической историографии ³², могу уверенно констатировать, что высокой степенью научной новизны обладают обе части работы Е.А. Шинакова — и первая, политологическая, и вторая, историко-археологическая. Не менее бесспорна их логическая взаимосвязь. Приходится только удивляться, насколько корректно соискатель докторской степени проанализировал и подытожил огромную и противоречивейшую историографию проблемы происхождения государства, как отечественную, так и зарубежную, причём в их лучших образцах. Преодолев односторонность марксистской, тем более ленинско-советской модели политогенеза, автор диссертации сумел извлечь из неё рациональные моменты, причём показать их внеерадикалистский, вполне уважаемый научно генезис (основоположники марксизма, оказывается, и в этом вопросе многим обязаны либеральной науке своего времени). Остальные версии поздней потестарности и ранней политично-

³² 1 См.: Щавелёв С.П. Практическое познание. Философско-методологические очерки. Воронеж, 1994; *Его же*. Метод практики: природа и структура. Курск, 1996; *Его же*. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 1–2. Курск, 1997; *Его же*. Историк русской земли. Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова. Курск, 1998; др.

сти, их предпосылок и механизмов удачно сгруппированы и соотнесены Е.А. Шинаковым с восточнославянско-русским материалом. В столь толерантном, конструктивном, но и одновременно смелом, принципиальном подходе к потестарно-политической теории я вижу главный «секрет» успеха Е.А. Шинакова-диссертанта. Почти все его предшественники по данной проблеме или продолжали упрямо цепляться за давно устаревшие теоретико-методологические вехи, или совершали от них головоломный прыжок ко всем без исключения новым концепциям, оказываясь в болоте эклектизма.

Постараюсь иллюстрировать сказанное на примере одного, но особо важного в историософском отношении положения, выносимого диссертантом на защиту (стр. 15, пункт 3; стр. 31, пункт 7). Это новаторский тезис об отсутствии прямой функциональной связи между типом общественно-экономических отношений и формой государственности. Именно такой вывод превращается в сполна использованный Е.А. Шинаковым эвристичный подход сравнительно-исторического анализа множества образцов политогенеза — разновременных, иноэтничных, даже разноконтинентальных. Именно на этом тезисе *общественно-политического параллелизма* строится, между прочим, объяснение полиэтничного (славяно-финно-балто-скандинаво-тюркского, по меньшей мере) синтеза при сотворении древнерусской цивилизации и культуры, «снятие» (в гегелевском духе) нынешней историографией крайностей норманизма и антинорманизма. Строительством «державы Рюриковичей» ведь сообща занимались славяне, финно-угры, варяги и отчасти ирано-, тюркоязычные народы вкупе со своими многочисленными соседями в прямом и косвенном (через торговлю) взаимодействии со старыми державами Запада и Востока. Как видно, разность уровней общественного развития не помешала их объединению на древнерусском витке политогенеза. Что и вытекает наиболее логично из концепции Е.А. Шинакова.

Хотелось бы в той же связи обратить внимание автора верной в принципе концепции герметичности формы государства по отношению к типу общества на то, что с политогенезом слабо связан скорее хозяйственно-культурный тип, т.е. *качество прибавочного продукта* (есть, допустим, земледельческие социумы догосударственного уровня, а были скотоводческие или даже охотничье-промысловые, на путь политогенеза вступившие). Что касается *количества прибавочного продукта*, то оно всё же детерминирует темпы и саму возможность политогенеза. Это, в частности, блестяще продемонстрировал Л.В. Милов в цикле своих работ, названных «Великорусский пахарь».

Здесь же стоит внести похожее «зерно сомнения» относительно, в свою очередь, справедливого тезиса Е.А. Шинакова о гетерогенности образования государства (стр. 15, пункт 1). Единой причины политогенеза действительно не просматривается (тем более среди «развития производительных сил» и «деления общества на классы», как мы считали не так дав-

но). Однако более или менее универсальный критерий (или критерии), отделяющий догосударственный, потестарный этап истории того или иного региона, социума от этапов раннегосударственных, стоит всё же поискать. Иначе потестарность категориально сольётся в политичность. Предположу искомый критерий в *степени распределения свободы и принуждения* между личностью и общественными институтами, с которыми она сотрудничает. Разница (пусть относительная) в том, кто принимает решения: сам человек (прежде всего глава общественной «ячейки», хотя бы в составе народного собрания), или уже политические органы за него (налог, военная мобилизация, подсудность и т.д.). Остальные критерии, обычно приводимые как признаки государственности, в том числе диссертантом (территория огосударствленного социума, аппарат публичной власти над ним же, налоги, кодифицированное право и др.), в ослабленном, размытом виде, но существуют уже в зрелой первобытности, на вполне потестарном уровне сосуществования отдельных родов, племён, общин (что, между прочим, и позволило диссертанту правильно начинать своё изложение в части второй с вождеского этапа генезиса восточных «славиний» и государства «Русь»). Он же сам обращает внимание на *принципиальную корреляцию типа* (но не вида!) общества и вертикального уровня политогенеза, так что ранжированному обществу соответствуют вождества, а стратифицированному — уже государство, хотя и раннее (стр. 9).

Кстати сказать, в диссертации, похоже, обойдены трудности, неизбежные при характеристике дополитического — собственно потестарного этапа истории народов Восточной Европы. О так называемых нами теперь вождествами объединениях этого региона во второй половине I тыс. н. э. нам, как и о древнейших «королевствах» Африки и Азии, из письменных источников зачастую не известно ничего, кроме названий-этнополитонимов (анты, Север, вятичи и т.д.). Сложная проблема соотношения археологической культуры и этничности её носителей ещё пуще осложняется при попытках оценить степень их же потестарно-политического развития. Система археологических признаков вождеств, выработанная в западной литературе, нуждается в адаптации к археологической карте Восточной Европы и к этникону русских летописей и синхронных им известий.

Теоретическая новизна работы Е.А. Шинакова бросается в глаза на фоне исторических работ последних десятилетий по сходной тематике, но вполне истматовских по своему категориальному антуражу. Если же рассматривать эту диссертацию в более широком историографическом контексте, то она, на мой взгляд, достойно продолжает весьма плодотворную традицию изучения первых веков отечественной истории на стыке социологии, правоведения и истории, археологии. Имеются в виду представители так называемой государственной школы в российской историографии второй половины XIX — начала XX вв. К.Д. Кавелин, А.Д. Градовский, Б.Н. Чичерин, М.М. Ковалевский и др. Будучи известнейшими теоретиками права и государства, они же оставили фундаментальные тру-

ды по Древней Руси. Очень близкие диссертации Е.А. Шинакова по жанру работы (конечно, давно устаревшие по содержанию) имеются в наследии историка-юриста и археолога Д.Я. Самоквасова (1843–1911): Исследования по истории русского права. Вып. 1. Критический анализ теорий догосударственного быта русских славян. Вып. 2. Средства познания системы русского права языческой эпохи. М., 1896, где также использованы сравнительно-исторические материалы первобытных и архаичных этносов Сибири, Америки, Океании и т.п. «заповедников» политической антропологии. Так что исследователи, походя сравнивавшие славян-роменцев, допустим, с ирокезами и т.п. «племенами», просто повторяют неплохо забытое старое.

В современной российской науке такого рода материал накапливался исподволь, прежде всего московскими, петербургскими, дальневосточными этнографами и историками-античниками, востоковедами (см. цикл коллективных монографий: Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995; Символы и атрибуты власти. СПб., 1996; Потестарность: генезис и эволюция. СПб., 1997; Голубева Е.С. Община, племя, народность в античную эпоху. М., 1998; др.). Однако даже в этом, уже солидном по объёму и разнообразию тематики цикле потестарно-политологических штудий древнерусская тематика ютится на последнем месте, до диссертации Е.А. Шинакова, по сути, отсутствовала (не считая оригинального, но вполне «фрояновского» по духу реферата А.Ю. Дворниченко, можно отметить только опять же сугубо информационный, причём выборочный обзор Е.В. Пчелова в кн.: Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток, 1995). Таким образом, на современном этапе изучения политической истории Отечества диссертация Е.А. Шинакова являет собой совершенно приоритетное исследование, как по тематике, так и по формату.

Сформулированная им четырёхэтапная периодизация восточноевропейского политогенеза (вождества — «варварское» — раннее — зрелое государство) безусловно войдёт в научный обиход и учебники как вполне доказанная теоретически и эмпирически. К таким выводам шло обсуждение этой сложнейшей тематики, но именно Е.А. Шинаков внёс в неё заслуживаемую ясность. Этим своим мнением я вынужден ограничить последовательный разбор автореферата, который отличается удивительной насыщенностью интересными идеями и фактами.

Вполне естественно, что у разных читателей этой новаторской диссертации найдутся свои вопросы к автору и даже возражения ему. Это положительная сторона любой научной работы, тем более столь важной для российской историографии, какова эта. Мне показались проблематичными следующие положения диссертанта.

Тезис об акефальном состоянии «племён» Днепровского Левобережья в период их подчинения Хазарии (стр. 22). Сколько я могу судить, акефальностью отличаются вполне первобытные социумы, на какое-то

время адаптированные к внешним и внутренним условиям своего обитания. Это население, живущее дискретными общинами. Главным образом в условиях присваивающего хозяйства, с минимумом прибавочного продукта. Между тем само образование роменской археологической культуры (=северянского этноса) предполагало синтез аборигенных остатков волынцев с некими новыми волнами переселенцев с Правобережья и, как видно, не только оттуда; под влиянием салтова, и не его одного. Автору лучше меня знаком такой феномен, как массовое строительство городищ с начала X в. на Левобережье, которое прежде, в колочинско-волынцевский, да и в раннероменский периоды их почти не знало. Выполнение общественных работ такого масштаба вряд ли возможно без некоторого потестарно-политического прогресса, о степени которого, конечно, судить мудро по имеющимся у нас источникам. Да и сам сбор дани в пользу Хазарии скорее всего осуществлялся некими местными, славянскими инстанциями, поскольку опорные пункты салтова располагались куда южнее Посеймья и тем более Подесенья. О социальной стратификации (или по крайности, ранжировании) уже раннероменского общества говорят и «антские клады» второго периода (по О.А. Щегловой). Относительно же позднероменского социума сам Е.А. Шинаков (вкуче с А.В. Григорьевым) в своё время пророчески предположил альтернативное Киеву возникновение государственности. Пожалуй, этап вождеств стоит несколько удревить и несколько иначе периодизировать по сравнению с рассматриваемой диссертацией, по крайней мере для носителей роменской археологической культуры.

Некоторые положения автореферата способны вызвать сомнения потому, что поневоле скрадывают более обширную аргументацию самой диссертации. Поэтому мои замечания по ним могут быть поспешными. Это касается, скажем, упоминания на стр. 5 так называемого «Начального свода», против существования которого у летописеведов находится всё больше возражений; малоизученного пассажа о русах в житии Георгия Амастридского (не исключено, позднейшей вставки); сомнительной идеи с «раздвоением образа Олега Вещего».

В некоторых случаях многоаспектность, тематическая широта рассматриваемой диссертации идёт в ущерб глубине анализа её источников. В этой связи особо отмечу «Сагу о йомсвикингах», бегло затронутую Е.А. Шинаковым в связи с феноменом дружинных лагерей (с. 28). Очень и очень редко удаётся теперь найти *новый письменный источник по истории древней Руси*. Эта же сага, вскорости выходящая в русском переводе и с комментариями А.С. Щавелёва³³, даёт редчайшую возможность параллельного анализа с русскими летописями и другими уже давно известными источниками.

³³ См. теперь: Викинги. Между Скандинавией и Русью / Авт.-сост. А.А. Фетисов, А.С. Щавелёв. М., «Вече», 2009 (Terra Historica).

В других случаях, напротив, у меня напрашиваются добавления к изложению диссертанта (по принципу «видя бой со стороны...»). Допустим, среди очень кстати и четко намеченных автором внешних признаков раннего государства стоит отметить ещё *книжность*, в особенности переводную и хроникальную — так сказать, «самоанализ новорождённого государства». Вспомним «академию» Карла Великого, «роман» короля Альфреда с Павлом Орозием, да и киевские центры «учения книжного» при Владимире I, Ярославе Мудром, дружбу его сыновей с Феодосием Печерским и тому подобные ситуации.

Однако все возможные замечания по данному автореферату никак не умаляют его теоретической и исторической ценности, а только подчёркивают её.

В связи с рецензируемой работой особо отмечу поистине удивительное историографическое обстоятельство. Резюмированная в автореферате концепция Е.А. Шинакова составляет лишь своеобразную «вершину айсберга» — того вклада, что внёс этот автор в отечественную историографию. Археологи волей-неволей делятся на эмпириков (большинство) и теоретиков (чей авторитет в глазах упомянутого большинства невысок). Нередко эти ипостаси сменяют друг друга в одной и той интеллектуальной биографии. Автор оцениваемой диссертации был и остаётся активным участником и руководителем полевых экспедиций, умелым и удачливым открывателем древностей. И столь же успешно он занимается обобщением, интерпретацией, причём не только вещественных, но и письменных, иных источников. Ведь изложенные в диссертации выводы опираются на куда больший массив авторских аргументов, чем вместила в себя непосредственно эта работа. Речь идёт не только о сугубо эмпирическом материале разведок, раскопок, музейных коллекций, который введён этим исследователем в научный оборот в большом объёме, но и об их систематизации, интерпретации. Стоит припомнить, что в науку этот автор вошёл работой типологического плана — атрибуцией многолучевых височных колец, ставшей уже классической.

Кроме открытия массы артефактов и их типологий, Е.А. Шинаков сформулировал немало идей, теоретических моделей меньшего уровня абстрактности, чем его теория отечественного политогенеза, но, в свою очередь, весьма эвристичных для понимания древней Руси. Это, скажем, его концепции внутренних пограничій между восточнославянскими «славениями»; уточнение маршрута большого полюдья киевских князей; полевая фиксация и социально-историческая интерпретация новых для нашей археологии видов памятников (погосты, ловища, дружинные лагеря); корректное разведение понятий «русы» и «славяне» арабских источников; выделение так называемых восточных территорий Руси; северных древностей на её юго-востоке; экологических микрорегионов последнего; расширение понятия роменской археологической культуры; ряд других.

Очень мало кто из современных историков и археологов способен столь органично, как автор рецензируемого автореферата, сочетать в своём научном творчестве этапные работы источниковедческого, вещеведческо-типологического плана (кроме атрибуции лучевых височных колец, еще типология погребений известнейшего Гочевского некрополя, пахотных орудий, керамики Деснинщины, локализация нескольких летописных центров, многие др.) со столь масштабными историческими построениями, какова его же докторская диссертация и отмеченные выше историко-культурологические разработки.

Особенной ценностью обладают предлагаемые Е.А. Шинаковым методики археолого-исторических исследований. По крайней мере, в собственных исследованиях материалов соседнего с Деснинщиной региона — Курского Посеймья я (с соавторами) неоднократно отталкивался от идей и методов этого автора³⁴.

Всё сказанное позволяет мне сделать вывод о безусловном праве автора этой диссертации на докторскую степень. Подчеркну редкостную даже среди лучших наших докторских работ меру (я бы сказал, избыточную, опережающую) опубликованности результатов диссертационного исследования, причём в престижнейших научных изданиях обеих столиц и региональных центров России, на Украине, в Белоруссии. Индекс цитирования работ этого автора, судя даже по выборочному просмотру книжных и журнальных новинок, весьма высок. Его монография «От пращи до скрамасакса: на пути к державе Рюриковичей» с успехом используется в качестве учебного пособия в разных институтах и университетах страны.

Призываю диссертационный совет по достоинству оценить замечательный вклад Евгения Александровича Шинакова в русскую историю и археологию и присудить ему искомую учёную степень.

³⁴ См.: *Моргунов Ю.Ю., Щавелёв С.П.* «Курескъ на Тускоре»: к вопросу о происхождении летописного города // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 2. М., 1997; *Зорин А.В., Раздорский А.И., Щавелёв С.П.* Курск. История города от Средневековья к Новому времени: X–XI вв. Курск, 1999.

1150: ЮБИЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ ³⁵

«Для человека безмерно важно чувствовать себя как-то преемственно связанным с предшествующими поколениями, с событиями русской истории, с деятелями нашей культуры, чтобы не быть Иваном, не помнящим родства, хамом, которому море по колено, ибо он сам по себе, а всё окружающее для него чужое и даже враждебное».

*А.А. Формозов.
Записки русского археолога.*

Летописец Нестор под 862 годом своей «Повести временных лет» сообщает о приглашении северными «племенами», славянскими и финскими, в Новгород скандинавов-варягов «из-за моря» во главе с князем Рюриком. Тот стал первым правителем страны, получившей название Руси, а его семейный «род» и дружина составили ядро административного аппарата этого государства.



Рис. 1. В.М. Васнецов. Варяги (Прибытие Рюрика в Ладогу). 1909 г. Дом-музей художника, Москва.

³⁵ Часть моей актовой речи, прочитанной на заседании Учёного совета Курского государственного медицинского университета 9 февраля 2012 г. — в день 77-й годовщины этого учебного заседания См.: *Щавелёв С.П.* 1150: юбилей российской государственности. От «призвания варягов» (862) до основания житийно-летописного города Курска (1032: 980). Актовая речь в день 77-й годовщины университета на открытом заседании Учёного совета. Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2012. 40 с., илл. Тираж — 150 экз.

В публикуемом здесь виде принято к печати научно-популярным журналом «Достояние поколений».

Начало Руси: история юбилея

Почти тысячу лет спустя император Николай I своим указом от 21 августа 1852 г. официально признал 862 год началом российской государственности³⁶. А ещё через десять лет, 8 сентября 1862 года в Новгороде Великом был торжественно открыт памятник «Тысячелетие России».



Рис. 2. Памятник «Тысячелетие России». Новгород Великий. Справа Софийский собор (1045–1050 гг. постройки) — древнейший сохранившийся храм на территории Восточной Европы. Современный вид.

Его инициатором стал уже старший сын и наследник Николая Павловича император Александр II. При нём, как известно, в нашей стране было отменено крепостное право и проведён целый цикл других великих реформ, прежде всего военная, судебная, земская. Были раздвинуты пределы империи — за счёт Казахстана, Средней Азии. Достигнуты успехи в бесконечной Кавказской войне. Преобразования шли нелегко, вызывали не только одобрение, но и недовольство как «наверху», так и «внизу» общества. Реформаторам требовалась идейная поддержка. Тогда перед древнейшим Софийским собором и вознёсся символ преемственности русской истории. Первоначально министр внутренних дел предложил в придворно-самодержавном духе поставить памятник «первому русскому государю Рюрику», но по совету императора Комитет министров настоял на более широкой трактовке юбилея. Нужен был «народный памятник тысячелетию Государства Российского, где бы могли быть в барельефах или других изображениях показаны главнейшие события нашей отечественной истории, первым из них, конечно, призвание Рюрика».

³⁶ Николай Павлович первым из российских царей обратил пристальное внимание на памятники отечественной истории и культуры, их сохранение, реставрацию; установку памятных знаков выдающимся деятелям и событиям нашего прошлого.

Идея рассматриваемого здесь юбилея, по всей видимости, была почерпнута этим императором из знаменитого труда Н.М. Карамзина: «Начало российской истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай: ... расеянные племена славянские основали Государство...»

Народ по подписке собрал на памятник около 150 тысяч рублей, а государство добавило из своей казны ещё 400 тысяч (Для сравнения денежных курсов отметим, что годовое жалование университетского профессора составляло полтораста лет назад около 2000, а, допустим, батрак за летний сезон получал рублей 50). В конкурсе участвовало 52 проекта, которые подавались анонимно, под девизами. Конкурсный совет при Академии художеств выбрал сложный и выразительный монумент, чьим автором был художник Михаил Микешин. Помогали ему в декоре столь сложного сооружения скульптор Иван Шредер и архитектор Виктор Гартман. Все они тогда — молодые выпускники Императорской Академии художеств.

В торжествах по случаю открытия памятника участвовали члены императорской семьи, а также в полных составах правительство, Сенат, Синод, дипломатический корпус; войска столичного гарнизона; наконец, более 10 тысяч подданных — представителей всех сословий. Торжества длились три дня. Таким образом, вся Россия в тот момент как бы смотрела вперёд, во второе тысячелетие своей истории.

Чтобы по достоинству оценить этот шаг, следует иметь в виду, что вплоть до конца XIX века по всей тогдашней империи насчитывалось всего до 50 монументов (включая часовни), посвящённых историческим лицам и событиям. В самой Москве тогда имелось только три памятника: Минину и Пожарскому, Пушкину, Ломоносову.



Рис. 3. Б.П. Виллевальде. Открытие памятника «Тысячелетие России» 8 сентября 1862 г.

Монумент имеет общую форму огромного колокола. Эта художественная метафора подразумевала, что памятник станет «благовестить потомкам о героическом прошлом России». Верхняя часть сооружения моделирует державу — важнейший атрибут царской власти. Держава декорирована рельефным орнаментом из крестов и опоясана надписью, выполненной славянской вязью: «Совершившемуся тысячелетию царства Российского в благополучное царствование императора Александра II лета 1862». Вокруг державы расположены шесть скульптурных групп из 17 ко-

лоссальных фигур, запечатлевших ключевые моменты отечественной истории, начиная с Рюрика (в остроконечном шлеме, с остроконечным щитом; на его плечах — звериная шкура; рядом с ним поверженный ниц языческий бог Перун (или Велес?); группа обращена на юг, к Киеву). Каждая группа этого яруса ориентирована на ту часть света, где тот или иной государь расширял и укреплял границы державы.

Ниже, на цокольном фризе — горельефы 109 исторических деятелей. Они объединены в четыре группы: просветители народа (31 фигура); государственные деятели (26); военачальники и герои (36); деятели искусства — писатели, композиторы, художники (16 фигур). Думается, пропорция тех, других, третьих и четвёртых отражает особенности становления российской цивилизации.

По аргументированной огромным материалом экономической статистики теории академика Л.В. Милова, наша страна климатом и ландшафтом её сердцевиных областей, своей военно-политической историей была обречена отдавать львиную долю прибавочного продукта сельского хозяйства на нужды обороны, защиты своей целостности. Поэтому так поздно по сравнению с Западом у нас появилась возможность в сколько-нибудь широких размерах финансировать такие профессиональные практики, как искусство, наука, медицина и т.п. А роли педагога, психолога, агронома и лекаря в большинстве церковных приходов выполняли, как могли, священники, рядовые батюшки.

Идею такого фриза подал сам Александр II. Кое-какие персонажи оказались исключены из первоначального плана (например, Иван Грозный, в своё время разгромивший Новгород; или Тарас Шевченко, поднимавшийся на щит украинскими сепаратистами).

Фундаменты и цоколь выполнены из сердобольского гранита, кладка купола и внутреннее заполнение — из путиловской плиты, тротуар вокруг — из олонецкого песчаника.

Всего на памятнике представлено 128 фигур. В их создании принимал участие ещё целый ряд скульпторов и архитекторов, академиков и начинающих специалистов.

Наверху — две фигуры. Ангел с крестом (олицетворяет православную церковь) и коленопреклонённая женщина (Россия).

После революции монумент воспринимался как памятник свергнутому самодержавию и был зашит фанерой и досками. Но в конце концов, когда революционный фанатизм спал, снова открыт для обозрения.

Попутно заметим, что монумент едва не был утрачен нами — перед своей эвакуацией из Новгорода немецкие оккупанты распилили его на части и приготовили к вывозу в Германию — уже тянули ветку от железной дороги для погрузки (вес памятника — 10000 тонн, вес бронзового литья — 65,5 тонн). Но фрицы успели вывезти только чугунную ограду монумента. Неожиданная для противника атака партизан 20 января 1944 в тыл фашистам сорвала этот план. По указу Совета народных комиссаров СССР

монумент был восстановлен в прежнем виде уже ко 2 ноября 1944 г. Ограда и фонари вокруг восстановлены к 1978 г.



Рис. 4. Кукрыниксы. Бегство фашистов из Новгорода. 1944 г.

3 марта 2011 г. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев подписал указ «О праздновании 1150-летия зарождения российской государственности» — «в целях дальнейшей консолидации российского общества» — в 2012 г. органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления рекомендовано принять участие в подготовке и проведении празднования.

На этот же 2012 год приходятся и другие славные для нашей страны юбилеи:

400-летие освобождения московского Кремля от польских захватчиков 4 ноября 1612 г. (эта дата отмечается в современной России как День народного единства);

200-летие первой в истории нашей страны Отечественной войны — с Наполеоновской Францией и её многочисленными союзниками — 1812 года;

150-летие со дня рождения Петра Аркадьевича Столыпина (1862–1911);

наконец, 150-летие самого юбилея — открытия памятника «Тысячелетие России».

Поэтому ещё один указ Президента России — от 9 января 2012 г. — объявил о проведении в стране *Года истории* — «с целью привлечения внимания общества к российской истории и роли Российской Федерации в мировом историческом процессе».

Юбилеи исторических событий и персонажей — важная форма сплочения социума, преодоления его внутренних противоречий. Празднование памятных дат манифестирует политические цели властей, заявляет претензии державы на международной арене. Человек по природе своей нуждается в сакрализации некоторых моментов жизни. Не только церков-

ной святости, но и гражданской, политической. Праздники истории и культуры нации вдохновляют на дальнейшее преодоление житейских проблем, неизбежных коллизий биографии каждого из нас, за которыми указана масштабная цель, у которой осознаны героические примеры из прошлого.

Юбилейные мероприятия переводят факты истории из области строгой науки в сферу общественного сознания, политической практики наших дней. А здесь юбилей даёт прекрасный повод проявить внимание к памятникам истории и культуры, оказать им действенную поддержку, повлиять в патриотическом, гуманистическом направлении на умонастроения широких масс населения, особенно молодёжи. Так, на празднование 1150-летия начала российской государственности правительство решило выделить 393 миллиона рублей из федерального бюджета. К этой сумме добавится около 140 миллионов из бюджетов регионов и спонсорских пожертвований. Торжества пройдут в разных исторических городах, наиболее масштабно — в Москве, Вологде, Белозерске, Новгороде Великом, Костроме, Пскове, Ростове Великом, Старой Ладогe. В планах празднования — реставрация памятников архитектуры, съёмка документальных фильмов о 1150-летию Российского государства и о народах России, проведение цикла конгрессов и конференций, издание книг, открытие научно-популярных сайтов, проведение фестивалей исторической реконструкции и т.п. благие дела.

Отдавая должное культурно-воспитательному и политическому значению исторических юбилеев, нельзя забывать про условность их временных привязок, особенно для целой страны. Во-первых, весьма и весьма относительны первые летописные даты, в том числе и этот самый 862 г. Как полагают многие историки и лингвисты, речь должна идти о событиях примерно середины – третьей четверти IX века, а то и более поздних.

Во-вторых, возникновение государства — не одномоментный акт, а сложный процесс социального расслоения и особой организации общества. Отдалённые предпосылки этого процесса относятся ещё к расселению славян с их Дунайской прародины по разным сторонам света, в том числе на восток Европы.

Путь на родину: славяне осваивают Восточную Европу (V–VIII вв.)

Глубинные истоки славянской истории и культуры возможно представить только по данным сравнительного языкознания. Славяне по своей речи относятся к индоевропейской семье народов. Эти наречия постепенно отделялись от гипотетически единого праязыка вместе с народами, покидавшими изначальную территорию обитания индоевропейцев (однозначно локализовать которую учёным пока не удалось; их мысль в поисках её движется по просторам между Передней Азией, Южным Уралом и Северным Причерноморьем). Так возникли языки индийские, иранские, романские, германские, балтские, славянские и прочие, им родственные (включая древнеиндийский *санскрит*, на котором и говорили первые индо-арии). На них же говорят почти все народы, заселявшие Европу с рубежа неолита (нового каменного века) и эпохи бронзы (около середины II тыс. до новой эры). Их переселение сюда шло несколькими «волнами», с востока (скорее всего, из малоазиатской Анатолии) на запад. Они несли с собой передовые по тем временам достижения культуры — развитые отрасли хозяйства (разнопородное скотоводство, плужное земледелие, металлическое вооружение); начала социально-политической иерархии в обществе (воинов, жрецов, рядовых общинников); сложные мифо-религиозные представления (*Веды* — на санскрите *знание*). Жившее по разным сторонам Европы раньше население было уничтожено боевыми колесницами пришельцев-ариев или же смешалось с завоевателями. Представители иных языковых семей удержались только на крайнем севере (финно-угры, уральцы по происхождению) и на самом юге (носители разнотипных кавказских наречий).

Образование славянства определял целый ряд факторов — географических, политических и социально-экономических. Лингвисты с помощью компьютеров сравнили все славянские языки и постарались выделить у них общее словарное ядро. Оказалось, что древнейшие общеславянские слова описывают равнинную лесостепную территорию; с умеренным климатом; реками, озёрами и болотами; удалённую от морей и высоких гор. Сопоставление общеславянской лексики с результатами археологических раскопок указывает на области Центральной Европы, находящиеся в бассейнах Вислы, Одера, затем Дуная и, наконец, Днепра. Территория, на которой складывалось славянство, неоднократно меняла свои очертания, пересекаясь с землями предков иных народов. Соседями будущих славян на западе были кельты, на северо-западе германцы, на северо-востоке балты, а с юга — фракийцы, затем ираноязычные скифы и сарматы.



Рис. 5. Прародина славян (по данным археологии и лингвистики).

По ходу своего этногенеза эти народы взаимодействовали, обменивались культурными достижениями и соответствующими им языковыми терминами. Например, в славянских языках германизмами являются такие слова, как *князь, хлеб, купить, долг, меч, шлем, котёл, блюдо* и др.; иранизмами *бог, хорошо, топор, собака, лошадь, хата* и др.; почти у всех этих слов есть и собственно славянские кальки: *вождь, жито, всевышний, добро, секира, пёс, миска, конь, дом* и т.п.

Некие праславянские элементы культуры осторожно предполагаются археологами в лесостепной и лесной зонах Восточной Европы уже на рубеже старой и новой эр. Но стартовый период собственно славянского этногенеза археологи и лингвисты относят к середине I тысячелетия новой эры — финалу раннего железного века. Тогда на просторах Европы обитали многочисленные племена — общие предки будущих славян и балтов — пруссов, литовцев и латышей. Их языки в большой степени родственны друг другу. Разделило балто-славянское единство *Великое переселение народов*. Сначала *готы* в III веке новой эры прошли с боями от Прибалтики до Северного Причерноморья, а затем в конце IV века из глубин Азии последовало ещё более мощное нашествие — *гуннов*, которые уничтожили готскую «державу Германариха». Но и Гуннская держава долго не устояла перед внутренними раздорами. Освободившееся после этого пространство между Вислой, Дунаем, Днепром, Уралом и заняли славяне.

Их языковое и культурное единство сменилось на окончательных роинах обособлением таких ветвей, как южное, западное и восточное славянство. При этом отдельные группы ранних славян смешивались с аборигенным населением разных уголков Европы. Поэтому, между прочим, у славяноязычных народов столь разнотипная антропология (цвет волос, глаз, телосложение), да и культура.

Античные писатели, описывавшие этнополитическую карту Европы с начала новой эры, упоминают несколько народов, названия которых историки относят к ранним славянам (*венеты, анты, склавины*). Однако вплоть до середины, а то и третьей четверти I тысячелетия новой эры за-

труднительно определить те или иные *археологические культуры* ³⁷ как безусловно славянские. Дело в том, что этничность (начиная с языка) и материальная культура, остатки которой раскапывают археологи, не всегда совпадают. Предки славян могли входить как один из этнических элементов, преобладающий или подчинённый, в археологические культуры, сначала поочерёдно, а затем совместно занимавшие юг Восточной Европы с начала I тыс. н. э., каковы *зарубинецкая, киевская, пражско-корчакская* (склавины?), *пеньковская* (анты?), *колочинская* (венеды?), *волынцевская*. Их объединяют такие признаки, как обряд похорон (трупосожжение); тип жилища (полуземлянки, топившиеся по-чёрному, без дымоходов, с печками из глины или камней по углам); комплекс хозяйственного инвентаря (лепная от руки, без гончарного круга баночного типа посуда; железные серпы, топоры, двушипные наконечники стрел, ромбовидные наконечники копий, прочее); набор престижных украшений костюма, всегда различавшихся у отдельных группировок славян (разного облика фибулы — застёжки для верхней одежды; височные кольца, вплетавшиеся в женскую причёску, либо носившиеся в ушах как серьги; прочие подвески).



Рис. 6. Убор славянок «племени» вятичей (по материалам курганных раскопок). Реконструкция О. Фёдорова.

Всюду, куда приходили разные группы славян, они сохраняли этот относительно простой, но вполне функциональный для своей эпохи набор элементов материальной культуры, а затем изменяли, дополняли его за счёт полезных заимствований у предшественников и соседей. Раннеславянские поселения оставались по большей части неукреплёнными — селищами, культурный слой которых невелик и беден находками (сказались частые переселения и войны). Как видно, именно средний уровень благосостояния помог нашим предкам выжить и сохранить свою речь на фоне

³⁷ Археологической культурой называют совокупность однотипных памятников далёкой старины (поселений, могильников, святилищ, кладов). Чаще всего они оставлены одним народом, реже — группой родственных, либо союзных народов. Названия археологических культур условны — даются по месту первых раскопок, либо наиболее типичному памятнику.

гибели гораздо более пышных объединений, уничтоженных алчными агрессорами; либо более первобытных соседей, которых славяне сами ассимилировали.

Восточные славяне, в свою очередь, распались на группы, которые историки раньше неточно называли «племенами», либо «союзами племён». Племя, собственно, состоит из нескольких экзогамных *родов* (между которыми заключали браки). В результате долгих, многоэтапных переселений у славян сложились скорее *соплемённости* — более или менее тесные (культурно и политически) объединения семейно-территориальных общин. Их крупные группы отличались друг от друга диалектами общеславянской речи, особенностями костюма, некоторых других проявлений культуры, уровнями социально-политического развития.

Так, на Правобережье Днепра к IX веку сложилась *лука-райковецкая*, а на Левобережье — *роменская* культуры, обе уже бесспорно славянские.

К расселению славян подталкивали особенности их хозяйства — подсечно-огневое земледелие за несколько лет истощало пашню, а отгонное скотоводство — пастбища. Избытку населения приходилось искать новые земли. Там они селились вдоль по течению рек, их притоков отдельными хуторами, состоящими из нескольких дворов. На возвышенных речных берегах у леса огнём отвоёвывались новые участки для пашни деревянными сохами с железными наральниками; отыскивались деревья-*борти* с медоносными пчёлами; тропы охотничьих зверей, гнездовья птиц; в речных поймах размещались промысловые угодья — огороды, сенокосы, смолокурни, солеварни, поташные выварки; рыбные ловли; кузнечные, гончарные, ювелирные, косторезные мастерские.



Рис. 7. Славянский поселок.

Силами десятка-другого таких деревенок выстраивалось их центральное поселение (для археологов теперь — *городище*). В отличие от открытых *селищ* его укрепляли рвом, земляным валом и частоколом из огромных брёвен. Крепость служила общим укрытием на случай военной опасности; в мирных условиях там размещался руководящий округой род. Эти огороженные посёлки летопись именуется *градами*.



Рис. 8. Городище Капыстичи на р. Сейме в Курской области. Роменская археологическая культура IX – начала XI вв. Раскопки (разрез вала) и реконструкция перевоземляных укреплений А.В. Зорина (Курский музей археологии).

Одни из этих протогородов впоследствии запустели или были разрушены врагами, зато другие превратились в настоящие города отечественного Средневековья (вроде западного Смоленска, южного Киева или, допустим, юго-восточного порубежного Курска).

Таким образом, труд свободных земледельцев, ремесленников и промысловиков, способных прокормить свои семьи, защитить себя и своих близких от любого врага и грозных сил природы — вот материальная основа культуры и политического развития славян, затем Руси.

Соседями восточных славян на севере оказались финно-угры и те же балты, а на юге потомки ираноязычных сарматов аланы и задержавшаяся здесь часть болгар; наконец, новые кочевники — тюрки (авары, печенеги, затем надолго половцы).



Рис. 9. Расселение восточных славян накануне образования Руси.

В начале русской летописи уточняется, что на северо-западе, в лесной зоне, по соседству с финнами-чудью разместились чересполосно *словене ильменские* (вокруг озера Ильменя) и *кривичи* (потомки легендарного жреца Крива); на западе — *дулебы* (потом распавшиеся на *волынян* и *бужан*), *дреговичи* (между другими реками — Припятью и Двиной, среди болот-*дрягв*); в середине Поднепровья *древляне* (жившие в лесах-«*деревах*»); *поляне* (на равнинной местности, среди возделанных пашен-полей); на Левобережье Днепра — *северяне* (по Десне, Суле, Сейму; пришедшие сюда, как видно, уже с севера, согласно летописцу «от кривичей», где скудные почвы не могли прокормить избыток мигрантов); *радимичи* (по р. Сожу) и *вятичи* (в Поочье) — потомки легендарных вождей Радима и Вятко, приведших сюда своих сородичей из ареала западных славян, «от ляхов»; южнее, по южным течениям Днестра и Буга — *уличи* и *тиверцы*. Иные же из похожих восточнославянских группировок не пережили вражды с воинственными соседями и покинули свои земли, либо остались для потомков безымянными (как, например, носители боршевской культуры в Подонье).

Затем, на рубеже I и II тыс. н. э., в составе Руси все они сложились в древнерусскую народность — общего предка будущих русских, украинцев и белорусов.

Воинственные соседи: норманны и хазары

У части славянских народцев уже появились ранние политические объединения-*княжения*; остальные жили, по выражению иностранных наблюдателей «*в народоправстве*», а согласно летописцу Нестору, «*сами собой владели*». Политически их объединяло только ополчение вооружённых мужчин на случай войны, да выплата дани более сильным соседям, в чью политическую орбиту они поначалу входили.

Центры восточнославянского политогенеза — зарождения собственной государственности — возникли на периферии более развитых в культурном отношении историко-географических зон. При контактах с теми народами, у которых восточным славянам было чему поучиться в политике и военном деле.

На Северо-Запад, в районе Старой Ладogi, Новгорода, Смоленска, Ростова и других будущих городов с середины VIII в. надвигается, судя по типичным археологическим находкам (оружия, украшений, деталей кораблей), «скандинавская вуаль». Отсюда ясно, что в торговле и военных делах этого региона активное участие принимали *варяги* — выходцы из Швеции, Норвегии, отчасти Дании и островов Балтики.



Рис. 10. Образы субкультуры викингов.

Корабль-дракар: в процессе раскопок; после реконструкции и консервации; Шлем викинга. Европейские мечи раннего Средневековья.

Здесь перед нами скандинавы, то есть шведы, норвежцы и датчане. Германоязычные народы, обосновавшиеся на крайнем севере Европы. Начиная с конца VIII века их вооружённые отряды стали всё чаще покидать родину и пересекать моря в поисках добычи, славы, приключений. Отважными, даже авантюрными, и беспощадными их сделали природа и история самого северного полуострова Европы. Скучный ландшафт, суровый климат лесотундровой зоны контрастировал с претензиями их племенной верхушки, конунгов (князей обширных земель) и хёвдингов (вождей отдельных кланов) на обладания сокровищами, слухами о подвигах и прочими атрибутами власти. Добывать всё это приходилось на путях далёких странствий.

На западе Европы их называли *норманнами* — людьми с севера; на востоке — *варягами*³⁸ (что означало «наёмники», «стражники» — в византийской столице Константинополе они составляли гвардию императоров; или же синонимично — товарищи, члены одной корпорации, пока они до Царьграда добирались). Сами себя они именовали *викингами* (от глагола «отплывать, отворачивать в сторону»; «вик» — порт), мореплавателями. Они были и купцами, и пиратами, и воинами-наёмниками, и дипломатами — в зависимости от ситуации, куда заносила их бродяжья судьба.

³⁸ Русское слово «варежка», вероятно, означало первоначально «варяжская рукавица». Руку в кольчужной рукавице, с зажатым в ней оружием, эти воины поднимали, принося клятву верности вождю, нанимателю.

Сравните у Е.М. Винокурова: «Крестились готы. / В водоём до плеч / они входили с видом обречённым / Но над собой они держали меч, — / чтобы кулак остался некрещённым».

Начав с разграбления отдалённых североевропейских монастырей, викинги на больших быстроходных кораблях-*дракарах* совершали предельно дальние по тем временам плавания. Они достигали Британии, Франции, Испании, Италии, Северной Африки; открыли и заселили Гренландию (около 874 г.), Исландию (982); первыми из европейцев достигли берегов Северной Америки (около 985–995). Жертвами их агрессии становились такие города Европы, как Лондон и Дублин, Антверпен и Гамбург, Кёльн и Бонн, Париж и Орлеан, Пиза и Генуя, Лиссабон и Севилья.



Рис. 11. Похороны знатного руса. Генрих Ипполитович Семирадский (1873–1902). Панно для интерьеров Русского (теперь Государственного) Исторического музея в Москве. 1883 г. По мотивам рассказа арабского дипломата Ибн Фадлана о поездке на Волгу и раскопок кургана Чёрная могила конца X в. в Чернигове.

Одна из групп скандинавов (преимущественно шведов), что совершали походы на восток Европы, именовалась «*русью*». Учёные спорят о происхождении этого термина. Наиболее убедителен такой перевод, как *ruotsi* — *гребцы, участники похода на гребных судах*. В отличие от морских просторов на западном пути, восточный путь скандинавских северян пролегал по рекам, где чаще, чем под парусом, приходилось идти на вёслах. В таких географических условиях северянам было выгоднее торговать и служить местным предводителям, а не убивать и грабить. Уйти безнаказанно с добычей по Волге или же по Северной Двине, по Днепру или по Десне было мудрено. Поэтому варяги на востоке отличались от западных викингов. Предпочитали сотрудничество, а не агрессию. Среди славян

и их соседей пришельцы в итоге составили как бы офицерский корпус, возглавлявший военное ополчение аборигенов. Объединившись с аборигенами, они получили возможность совершать дальние походы на Византию и на её богатых соседей.

Сначала «русь» была одной из скандинавских дружин, ищущих счастья на «Восточном пути» викингов. Осев «в Гардах»³⁹, эта «русь», пополненная бойцами другого происхождения, превратилась в военно-политическую элиту нового государства, получившего такое же название. Наконец, по мере расширения и усложнения Руси как страны, «русичами», «русинами» стали звать все её население, формирующуюся народность.

В Среднем Поднепровье, в ареале Киева, сказывалось влияние Великой Моравии — раннего славянского государства в Центральной Европе, впитавшего часть культурных традиций и западно-, и восточноримской империй. Поэтому территориально небольшое объединение *полян* претендовало на гегемонию в центре восточнославянского мира.

На Левобережье Днепра, где разместились летописные *северяне*, *вятичи* и *радимичи* (их археологический коррелят — роменцы), сильнее сказывались культурные традиции степного, кочевого мира, ирано-тюркских объединений. На первый план среди них с VII–VIII веков выдвинулись *хазары* — небольшой, но воинственный народ, возглавивший широкую коалицию разноязычных племён и успешно до поры до времени сдерживавший на Северном Кавказе экспансию арабов из Халифата. Чтобы сохранить независимость от соседних больших империй, хазары пошли на экзотический шаг — приняли не христианство и не ислам, а иудаизм, то есть ещё одну «религию Писания» (книги) (в данном случае — Торы, прообраза Ветхого завета). Левобережные объединения славян вместе с другими народами стали на время платить дань хазарам.



Рис. 12. Хазары.

Хазарский всадник.

Битва русов с хазарами. По материалам раскопок рисунок-реконструкция О. Федорова.

³⁹ «Страна городов» — так скандинавы называли восточнославянский край из-за обилия укрепленных поселков-городищ.

Хотя северная и южная дани воспринимались славянами как тяжёлая повинность, и они копили силы, чтобы от неё избавиться, их общение с норманнами и хазарами имело и позитивные стороны. А именно, открылся *доступ к международной торговле*, взаимовыгодной её участникам. В Европу, бедную месторождениями драгоценных металлов, устремился мощный поток арабских серебряных монет — *дирхемов*. В обмен на эту тогдашнюю валюту восточные купцы получали продукты земледелия (зерно), промыслов (воск, пушнину) и рабов. Многочисленные клады дирхемов маркируют пути движения купцов и их товаров. А выдвинувшиеся на восток варяги и оттеснённые к Подонью хазары обеспечивали относительную безопасность на своих участках дальних маршрутов международной торговли. Арабский Халифат — молодое и бурно растущее мусульманское государство — втягивал в себя огромные товарные потоки. Потребность многочисленной арабской знати в престижном экспорте автоматически потребовала престижного импорта. Арабы и их торговые посредники охотно скупали восточноевропейские товары в обмен на универсальный тогда эквивалент — монетное серебро и женские украшения (бусы из стекла и полудрагоценных камней, браслеты и т.д.). Вот на таком встречном движении людей и товаров, с севера на юг и обратно, и оказались славяне Восточной Европы и их соседи. В этом силовом поле сотрудничества и соперничества у нескольких общественных объединений возникла потребность в новом, едином для разных «племён» государстве. Посреднике между Востоком и Западом.

«Призвание варягов»: условный 862 год

В первой сохранившейся русской летописи — «Повести временных лет» — под 862 годом описаны события, которые и получили в истории название «Призвание варягов». *«Варяги из [Балтийского] заморья взимали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей. А хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма».*

Соседние племена словен ильменских (вскоре новгородских), кривичей и финнов (летописные *чудь, меря и весь*) восстали против владычества варягов, прекратили выплату дани и изгнали варягов обратно «за море». Однако после этого перессорились между собой — *«восстал род на род».*



Рис. 13. Н.К. Рерих. Гонец («Восстал род на род»). 1897 г., Третьяковская галерея.

Выход из положения они нашли, собрав *вече* — народное собрание. Решено было послать за море послов, поискать для них всех единого князя с таким призывом: *«Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами, [но уже] по ряду [договору] и судить по праву [установившемуся у нас]»*. На призыв откликнулись трое братьев со своими семьями, родичами и союзниками — Рюрик⁴⁰, Синеус⁴¹, Трувор⁴². Сначала они обосновались в Ладоге, а потом Рюрик переместился в Новгород, рядом с которым доньше существует Рюриково городище — бывшая резиденция здешнего князя и его дружины. Синеус занял Белоозеро, а Трувор Изборск — соответственно, «племенные» центры финских соседей и кривичей, заключивших тогда со словенами конфедеративный союз.

Не один, а два или три правителя были не редкостью в раннесредневековых условиях. Должно быть, таким образом их подданные стремились предотвратить чрезмерную с их точки зрения концентрацию верховной власти. Но через два года умерли младшие братья Синеус и Трувор. Сосредоточив всю власть в своих руках, старший брат посадил во всех окрестных городах наместниками своих дружинников. Так что его Русь включала в себя такие центры, как Новгород (словене), Полоцк (кривичи), Ростов (меря), Белоозеро (весь), Муром (мурома).

В итоге **Русь Рюрика** объединила население и ресурсы большей части северо-запада Восточной Европы.

Может показаться странным, что горсточка «находников», как их называет летописец, то есть пришельцев, основала целое государство, даже в начале своего развития равное по площади среднему европейскому королевству. Однако аналогичных примеров в средневековой истории

⁴⁰ Сканд. Hrodrekr или же Rorik.

⁴¹ Явно славянская калька какого-то скандинавского имени. Видимо, Сигню.

⁴² Сканд. Truward.

много. Те же викинги и до, и после Рюрика возглавляли похожие государства:

- Дэнло (область датского права на севере Англии); потом временный захват практически всей Англии датским конунгом Кнутом;
- Дублин (с большей частью Ирландии почти два столетия контролировали скандинавские конунги);
- Йомсборг — порт-крепость в земле вендов — северобалтийских славян, призвавших в X в. дружину свободных пиратов, именовавших себя йомсвикингами, для защиты своей территории; затем превратившийся на время в центр датского владычества в регионе;
- весь север Франции (получил во владение в 911 г. скандинавский конунг Роллон и стал герцогом Нормандии (норманнской страны));
- прямой потомок Роллона Вильгельм в 1066 г. завоевал всю Англию;
- клан Отвилей основал Сицилийское королевство на юге Италии.

Как видно, в более развитых социально-политически землях норманнам просто отдавали часть государства, чтобы из опасных врагов превратить их в союзников. А там, где своего государства ещё не было, северяне помогали местной верхушке его создать.

Конечно, не везде викинги смогли закрепиться. Откуда-то они или вынуждены были уйти (как из Северной Америки — победить бесчисленных индейцев без огнестрельного оружия было нереально); или превратились в относительно мирных жителей (как в необитаемых до них суровых краях Гренландии, Исландии — там их противниками стали холода да вулканы).

Сравнение объектов скандинавской экспансии показывает, что создать государство, стать его военно-политической элитой скандинавы сумели там, где для этого уже сложились внутренние предпосылки:

- социально-экономическая *стратификация общества* (деление на вождей, их окружение и на рядовых общинников);
- устойчивый *прибавочный продукт* материального производства (у славян это прежде всего зерно и продукты разных промыслов);
- в результате чего появилась
- потребность и возможность *участвовать во внешней*, буквально межконтинентальной *торговле*, которая, в свою очередь, форсировала внутренние социально-экономические и политические процессы.

Все эти факторы имелись у северных славян, их соседей и союзников.

Так что варяги основали Русь потому, что местный социум был готов принять их помощь. Более того, стороны оказались нужны друг другу в равной степени. Аборигены не могли дальше развивать торговые связи и проводить военные операции (в то время тесно связанные между собой) без технического, информационного опыта варягов, их бесстрашного менталитета. Варяги, в свою очередь, нуждались в людских и денежных ресурсах больших земель, чтобы продолжить свою экспансию на широких

просторах континента. Так что славяне в той же самой степени «призвали варягов» в свои предводители, как варяги «призвали славян» в помощники и союзники.

Похожие межкультурные процессы шли на юге восточнославянского ареала. Во второй половине VIII века здесь располагался широкий ареал так называемой *волынцевской археологической культуры*. Она признана археологами славянской в своей основе, но с повсеместными вкраплениями вещей *салтовской культуры* — ведущей культуры Хазарского каганата. Предполагается, что гарнизоны хазарских воинов располагались на землях славян или же хазарские отряды посещали их периодически ради контроля за выплатой дани. А с началом IX в. следы хазарского присутствия здесь исчезают. Как видно, местная славянская верхушка добилась права самой собирать дань с рядовых общинников и делиться ею с хазарами. Между этими народами возникает пограничье, своего рода буферная зона — славяне с начала IX строят множество укрепленных посёлков на высоких речных мысах, а хазары южнее — цепочку крепостей из белого камня-мергеля. Опыт общения с южными соседями, более развитыми в военном и религиозном отношении, отсрочил покорение левобережных славян агрессорами с севера — русью и её союзникам с Правобережья Днепра.

«Русь Рюрика»: викинги на востоке Европы. От купцов и пиратов — до княжеской дружины и элиты государства

Археологи открыли несколько торгово-ремесленных и военных центров проживания выходцев из Скандинавии на просторах Восточной Европы. Кроме Ладоги и Рюрикова городища, это Гнёздово под Смоленском на Верхнем Днепре; Сарское, Тимерёвское, Михайловское и др., надо полагать городища в Поволжье, в земле мерян; Шестовица на Десне под Черниговом; ряд др., пока ещё не разведанных археологами. В этих посёлках выходцы с севера жили семьями, с женщинами и детьми; занимались ремёслами и торговлей; обслуживали караваны купцов и паломников; занимались к местным предводителям в качестве вооружённой охраны.

Удельный вес пришельцев в местной, преимущественно славянской среде был невелик, но они выступали носителями более сложной культуры и обладали соответствующим менталитетом — первооткрывателей, авантюристов, лидеров. Вооружённый каролингским мечом, секирой, боевым ножом для левой руки (скрамасаксом) и копьём с ланцетовидным наконечником⁴³; украшенный шейной гривной с подвешенными к ней «молоточ-

⁴³ Оружие всегда выдаёт разницу культур. Ромбовидные наконечники стрел и копий у славян были рассчитаны на серьёзную рану поражённого ими врага. «Ланцет» скандинавов — на многократное поражение заведомо слабейших жертв их нападений. То есть славяне в битве хотели выжить, остановить агрессора, а скандинавы как можно больше убить врагов.

ками Тора», ручными браслетами и перстнями из бронзы и серебра; снаряженный маленькими весами для драгоценных металлов и камней, шкатулкой и кошельком для их хранения; инструментом для ремонта ладьи и конской сбруи — таков внешний облик руса, восстанавливаемый археологами по находкам с их поселений и из могил.



Рис. 14. Варяжские воины на Руси.

Варяжский всадник. Варяжские воины. Знатный дружинник из черниговского кургана Гульбище. X в.

Художник О. Фёдоров, консультант-реконструктор С. Каинов.

Варяжские предводители X в. на Руси. С учётом материалов кургана Чёрная могила в Чернигове. Художник Н. Зубков.

Среди нескольких варяжских группировок новгородская «русь» оказалась самой дальновидной, настойчивой и удачливой. Со временем она прибрала к рукам остальные территории Восточной Европы, физически уничтожив местную элиту, как славянскую, так и скандинавскую. И как показал последующий ход событий при первых трёх русских князьях, постепенное объединение под их властью славян и их соседей послужило промежуточным политическим ходом, плацдармом для их совместного броска на Византию с её восточного тыла.

Сначала Рюрик послал на юг своего рода разведку — двух «мужей», то есть старших дружинников, бояр — Аскольда ⁴⁴ и Дира ⁴⁵ с их людьми. Те отпросились у него в византийский Царьград, где торговали и служили в армии уже несколько поколений их соотечественников, норманнов. Однако до Константинополя эти представители Рюрика не дошли, а остановились на половине Днепровского пути, в Киеве, тогда центре самого маленького восточнославянского объединения — полян. Здесь повторилась история с Ладогой и Новгородом: Аскольд и Дир наняли побольше северных воинов и возглавили землю полян. На свой страх и риск они совершили всё же поход на греков: в 860 (866 летописном) году осаждали Константинополь, ограбили его окрестности, но буря, разметавшая их флот из двухсот кораблей, заставила их повернуть назад.

Под 879 годом летописец сообщает о смерти Рюрика в Новгороде. Поскольку его сын Игорь оставался маленьким ребёнком, Рюрик передал власть Олегу, «своему родичу», согласно «Повести временных лет», или же «воеводе», по Новгородской первой летописи. Эти определения, впрочем, не исключают, а предполагают друг друга. Олег вскоре собрал армию из ополчения всех союзных ему народов, включая, разумеется, варягов — своего рода офицерского корпуса для местных ратников. С этим войском он отправился вниз по Днепру, покоряя попутные города (начиная со Смоленска, Любеча) и оставляя в них своих «мужей» в качестве правителей-посадников.

Этнокультурный синтез и его элементы, северные и южные. «Русь Олега Вещего»

Прибыв в Киев, Олег в лучших викингских традициях устранил Аскольда и Дира. Чтобы выманить их из-за стен крепости, он назвался купцом, их родичем, а когда правители лично явились за пошлиной и подарками, приказал выскочившим из кораблей дружинникам убить самозванцев: «*Не князя вы и не княжеского рода, но я княжеского рода, а это сын Рюрика*». Если вспомнить, зачем тот посылал их в поход, то у расправы появляется вполне законное с точки зрения военного положения основание: самовольное невыполнение боевого задания.

Так на карте Европы появилась **вторая Русь — Олега**, заслужившего в летописной традиции прозвание Вещего, то есть провидца ⁴⁶. Своей

⁴⁴ Сканд. Hoöskuldr.

⁴⁵ Сканд. Diugi; в переводе Д.Р.Р. Толкиена — Дьюрин.

⁴⁶ Скандинавское «Helgi» означало «Святой». Из этого имени летопись сохранила одну функцию — предвидения будущего. В данном контексте — судеб Киевской Руси. Но чтобы урезонить роль князя-язычника, летописец передал ещё из устной молвы версию гибели Олега от его любимого боевого коня (в чьём черепе гнездилась змея, ужалившая ветерана битв и походов). Этот сюжет, на первый взгляд легендарный, подтверждается скандинавской сагой об Одде Стреле, погибшем именно таким образом на востоке, в Гардах, то есть на Руси.

столицей он выбрал Киев, предрекая ему: «Да будет это мать городам русским» (по-гречески «метрополия»).

С тех пор у Олега и его непосредственных преемников на киевском престоле было два направления внешней и одно внутренней политики:

- *проторить* стратегический путь «из варяг в греки» — от Балтики, по речным магистралям Восточной Европы, с отдельными сухопутными волоками, вплоть до Чёрного моря и средиземноморских проливов, которые тогда контролировал Царьград;

- *покорить* одно за другим *соседние «племена»*, включить их в состав новой Руси;

- *установить* новый, вполне *государственный порядок* на своих, уже захваченных территориях — сначала, при Олеге, «ставить города и устанавливать дани», затем развить военную, финансовую, судебную системы тут и там (чем занимались Рюриковичи следующих поколений).

Все эти задачи выглядят взаимосвязанными: идти войной на всё ещё могущественную Византию можно было только усилившись войском и ресурсами, собранными с обширных территорий. А заинтересовать славянских и прочих союзников «руси» могла лишь перспектива сказочного обогащения в таком рискованном походе. Кроме разовой добычи, русь и её сателлиты добивались «режима наибольшего благоприятствования» при посещениях Царьграда и прочих центров международных обменов.

Поход состоялся в 907 г. и закончился куда успешнее предыдущего похода Аскольда и Дира. Гораздо больший по размерам флот Олега осадил Константинополь, и прятавшиеся там соправители Лев VI и Александр предпочли заплатить большой выкуп русам и их союзникам. Первая цель похода — обогащение — была достигнута. А в 912 летописном году Олег развил успех и заключил с Византией договор, регулирующий выгодные для русских условия торговли, службы, вообще проживания в Царьграде, выкупа пленных и т.п. вопросы. В знак победы Олег прибил свой щит на крепостные ворота.

Эти события демонстрируют нам конечный результат проекта Рюрика и тех, кто пригласил его на княжение. Судя по тому, как развивались события на стыке IX и X веков, вряд ли Рюрик и пригласившие его на правление народы ограничивались локальными целями наведения порядка и охраны границы у себя на северо-западе. Они уже познакомились с фантастическими возможностями международной торговли, знали сильные и слабые места соседних государств, прежде всего Византии. Как видно, они мечтали об «ограблении века», если пользоваться современной терминологией. Огрубляя, но и проясняя ситуацию, можно сравнить атаку на Царьград с сюжетом голливудских фильмов типа «Миссия невыполнима» или «Сколько-то там друзей Оушена». Не какой-нибудь заурядный банк, а, допустим, Форт Нокс с общегосударственной казной. Западная Европа к X веку уже была поделена между своими королями и герцогами, и викинги урвали там всё, что могли. На Западе Рюрику было тесно, и он обратил

свой взор на Восток Европы. Пусть не он сам, но его непосредственный преемник Олег захватил куда большую страну, чем любой из викингов на Западном их пути.

Сам Олег успел повоевать с древлянами и северянами, то есть ближайшими (и сильнейшими) соседями Киева с запада и востока, и наложить на них дань. Попытка же покорить более отдалённых уличей и тиверцев тогда успехом не увенчалась. Зато «отмстить неразумным хазарам» этому князю удалось раз навсегда. Их гегемонии на юго-востоке Европы пришёл конец.

Таким образом, Русь как страна и государство явилась результатом межкультурного синтеза, объединения, где количественно максимальное население составили славяне и их иноплеменные соседи, а качественно необходимую присадку образцов военного дела, дальней торговли и сложных ремёсел привнесли скандинавы. Впрочем, эти последние довольно скоро по историческим меркам, за два-три поколения ославились, путем межплеменных браков смешались с местным населением. Сын князя Игоря Старого (то есть всего лишь внук Рюрика) носит уже славянское имя Святослава.

В X в. роль скандинавов на востоке Европы меняется. Варяги появляются здесь только в качестве воинов-наёмников. Князья и воеводы Руси нанимают их отряды на время военного похода, борьбы друг с другом, а после завершения боевых действий вознаграждают и стараются отправить куда подальше. В составе же правящей в новой стране «руси» кроме скандинавов появляются и славяне, и финно-угры, и степняки-тюрки (имена тех, других и третьих вкраплены в летописные каталоги послов к византийским императорам, и прочим раннелетописным персонажам).

Геополитическое завершение экспансии «руси»

Вскоре после заключения мирного договора с греками Олег умирает. Киевским князем наконец становится Игорь. По закону тогдашней политики он должен был повторить атаку на Византию, чтобы заставить греков продлить завоёванные ранее преференции. Экспедиция 941 года не принесла ему успеха — византийская армия обратила в бегство русско-славянские войска. Повторный поход 944 года оказался удачнее: греки на сей раз предпочли откупиться, и русские, получив выкуп, вернулись восвояси. В следующем, 945 году византийские послы заключили с Игорем новый мирный договор. Его скрепили клятвами обе стороны, причём среди русских одни сделали это по-христиански, а другие по-язычески.

Дальнейшие события на Руси хорошо известны: гибель Игоря при сборе дани (полюдье) в земле древлян; месть его вдовы Ольги; её законотворческая деятельность на уже завоёванных Киевом славянских землях; принятие ею крещения в Константинополе; бурная военная деятельность «последнего викинга» на востоке Святослава Игоревича; его страшная ги-

бель в засаде, устроенной по наущению греков новыми кочевыми соседями Руси печенегам; первая междоусобная война наследников киевского трона, в которой гибнут старшие наследники Олег и Ярополк, а побеждает младший Владимир.

Именно в годы его правления в полной мере раскрывается весь исторический потенциал того проекта, который условно историками (и теми, кто присваивает их функции) называется «призвание варягов». Расширяются пределы Киевской державы; её столица окружается несколькими линиями обороны — городами-крепостями в поречьях Десны, Остёра, Трубежа, Сулы, Стугны. Владимировы сыновья получают собственные княжеские «столы» в Новгороде, Полоцке, Турове, Ростове, Муроме и в отдалённой Тмутаракани (Таманский перешеек между Чёрным и Азовским морями).

Византия вынуждена пойти на главную стратегическую уступку молодой соседней державе: после ряда дипломатических манёвров и проволок, греки санкционируют крещение Руси и признают её законной частью православного мира. Этот исторический шаг — выбор веры — означал переворот в славяно-русской культуре. Вместе с христианством на Русь пришли письменность и книжность, каменное зодчество, школьное образование, иконопись и церковная музыка, то есть какая-то часть античного наследия.

Разумеется, начавшись на исходе X века, христианизация Восточной Европы шла постепенно и противоречиво. На окраинах страны языческая погребальная обрядность — курганы — сохранялась вплоть до XII, а кое-где по самым медвежьим углам и до XIII века. Борьба с остатками язычества то и дело приобретала военные формы. Самых яростных противников приходилось крестить буквально огнём и мечом. Языческих шаманов-фанатиков — летописных *волхвов* приходилось уничтожать физически.

Вот яркий эпизод за 1071 г. из «Повести временных лет»: «... Волхв объявился и при [князе] Глебе ⁴⁷ в Новгороде; говорил людям, притворяясь богом, и многих обманул, чуть не весь город, говорил ведь: «Предвижу всё» и, хуля веру христианскую, уверял, что «перейду по Волхову перед всем народом». И была смута в городе, и все поверили ему и хотели погубить епископа. Епископ же взял крест в руки и надел облачение, встал и сказал: «Кто хочет верить волхву, пусть идёт за ним, кто же верует Богу, пусть ко кресту идёт». И разделились люди надвое: князь Глеб и дружина его пошли и стали около епископа, а люди все пошли к волхву. И началась смута великая между ними. Глеб же взял топор под плащ, подошёл к волхву и спросил: «Знаешь ли, что завтра случится и что сегодня до вечера?» Тот ответил: «Знаю всё». И сказал Глеб: «А знаешь ли, что будет с тобой сегодня?» — «Чудеса великие сотворю», — сказал [тот]. Глеб же, вынув топор, разрубил волхва, и пал он мёртв, и люди разошлись».

⁴⁷ Глеб Святославич — сын Святослава Ярославича, внук Ярослава Мудрого. Княжил в Тмутаракани до 1068 г., а с 1069 г. — в Новгороде.

Напомним, что этот инцидент произошёл через лет сто после официального крещения Новгорода, когда в нём была учреждена епископская кафедра и построен Софийский собор. Будоражащих народ волхвов публично сожгли в Новгороде ещё в XIII веке — в 1227 году, согласно Новгородской первой летописи.

Дольше других сохраняли автономию от Киева народы Левобережья Днепра — северяне, радимичи и вятичи. Их завоевание русскими армиями растянулось до начала XI по крайней мере века. Выплачивая дань Киеву, принимая участие в тех или иных его военно-политических акциях, северяне, вятичи и радимичи стремились сохранить какую-то часть независимости. Выгоды международной торговли им не хотелось уступать соседям, пусть даже таким грозным, как Русь. Старинные связи со степными кочевниками, более обширные территории, чем у ближних соседей Киева, позволяли носителям роменской археологической культуры балансировать в отношениях и с князем Владимиром, и, поначалу, с его наследниками.

Судя по археологическим материалам, сначала к Киеву примкнуло Подесенье, район Чернигова и Новгорода-Северского, а Посеймье от Путивля до Курска и Рыльска с их округами оставались последним оплотом северянской самостоятельности. Так что именно покорением этого района и основанием Курска как его новой столицы в середине 1020-х годов завершилась почти двухвековая экспансия Руси на просторах Восточной Европы. Чтобы реализовать свой геополитический потенциал, «империи Рюриковичей» (К. Маркс) понадобилось около полутора веков. Примерно ещё столько же ей останется до сокрушительного натиска татаро-монголов, который во многом изменит исторические пути и культурный облик нашей Родины.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ⁴⁸

«Мы останемся смятым окурком, плевком, в тени под скамьёй, куда угол проникнуть лучу не даст, и слежимся в обнимку с грязью, считая дни, в перегнутой, в осадок, в культурный пласт. Замаравши совок, археолог разинет пасть отрыгнуть; но его открытие прогремит на весь мир, как зарытая в землю страсть, как обратная версия пирамид».

И.А. Бродский

*«Только пепел знает, что значит сгореть дотла...»
1986 г.*

Как заметил М.К. Мамардашвили, «феноменология есть момент всякой философии»⁴⁹. Можно добавить, что и любой другой дисциплины, в особенности гуманитарной и социальной науки. Там, где существование объекта без интенционирующего субъекта остаётся проблематичным, нависает «феноменологическая тень». Таково прежде всего гуманитарное познание, воссоздающее мир ценностей жизни и культуры. В особенности исследования ретроспективной, исторической направленности, ведь прошлого не существует как такового, вне нашей памяти о нём⁵⁰.

Однако если во многие общегуманитарные дисциплины (вроде социологии или психологии) феноменология уже проникла частично или полностью, то большинство прикладных, источниковедческих и вообще специальных отраслей познания до сих пор проявляют, так сказать, «аллергию»

⁴⁸ Работа опубликована (с изменениями) дважды: Раскопки души. О когнитивном потенциале феноменологии на примере археологии // Эпистемология & философия науки. Научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам. Т. XII. № 2. М., 2007. С. 130–149; Историческая археология: эпистемологический анализ // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под ред. И.Т. Касавина. М., 2010. С. 363–384.

⁴⁹ Мамардашвили М. Феноменология — сопутствующий момент всякой философии // В его кн.: Как я понимаю философию. М., 1990. С. 100.

Разумеется, здесь и далее имеется виду феноменология в более или менее философском, а не общенаучном смысле этого слова. В последнем случае оно означает «ту часть эмпирических наук, которая на основе простого наблюдения доставляет материал для теорий» (Разеев Д.Н. В сетях феноменологии. Гуссерль Э. Основные проблемы феноменологии. СПб., 2004. С. 64). К сожалению, терминологически здесь трудно разойтись. Выражение «феноменальный» в литературном языке закрепилось за прямо противоположным эффектом чего-то исключительного, выдающегося, а не рядового, массовидного.

⁵⁰ См. об этом, в частности: Щавелёв С.П. Историческое познание и ценности практики // Наука глазами гуманитария / Отв. ред. В.А. Лекторский. М., 2005. С. 501–522.

по отношению к феноменологической рефлексии. Так, в историческом источниковедении сохраняется своеобразная «идиосинкразия» относительно вообще теоретического осмысления соответствующего исследовательского процесса. Специалисты, стоящие у самых истоков рождения знаний о прошлом, теорию и методологию не жалуют; почитают, как правило, одну узкую методику обработки и издания первоисточников. В свою очередь, философы истории и эпистемологи исторического познания чаще всего проявляют неосведомлённость в действительных вопросах прикладной работы с письменными источниками, не говоря уже о вещественных (котормы и занимается прежде всего археология).

Некоторые социальные и гуманитарные науки в XX веке испытали эпистемологический шок от вытеснения традиционных для них — нарративных, дескриптивных, сравнительных направлений исследования сугубо теоретическими построениями и рассуждениями⁵¹. Но археология благополучно избежала «демона» чрезмерного теоретизирования в ущерб научной конкретике. Более того, в отличие от, скажем, лингвистики, которая серьёзно обогатила свой методологический инструментарий за счёт лингвистической философии, археология так не сделала решающего шага к теоретическому синтезу, осталась по своей сути чисто аналитической дисциплиной⁵². Теоретико-методологические опусы не пользуются влиянием в профессиональной среде археологов — их наука хоть и «потеряла теоретическую невинность»⁵³, но до настоящего «романа» с современной философией у неё так и не дошло. На примере феноменологии мы попробуем предсказать, что такой альянс уже не за горами.

Археология как таковая

Археология, как известно, — наука о прошлом, от которого сохранились некие материальные остатки («древности»). Дословный перевод её названия с греческого на русский — «древлеведение» (греч. *archaios* —

⁵¹ См. подробнее: *Компаньон А.* Демон теории. Литература и здравый смысл. М., 2001.

⁵² See: *Clarke D.L.* *Analytical Archaeology*. L., 1968.

Имеются в виду, конечно, не накопившиеся попытки изложения категориально-го аппарата и методологического инструментария своей науки отдельными археологами, претендующими на статус её теоретиков. Ниже мы ссылаемся на некоторые из них. Однако абсолютному большинству археологов-практиков эти работы остались чужды. Книги Л.С. Клейна, Ж.К. Гардена и т.п. мало кто из них читал, а те единицы, кто читать пробовали, после недоуменно качали головами. Общее мнение источниковедов и нарративистов выразил один из самых замечательных русских историков — Борис Александрович Романов (1889–1957). Студентом прослушав годичный курс А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории», он впоследствии говаривал: «Заниматься методологией — то же, что доить козла» (Цит. по: *Панях В.М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 378).

⁵³ *Clarke D.L.* *Archaeology: «the Loss of Innocence»* // *Antiquity*. 1972. № 47. P. 6–18.

древний). Автором данного термина признают Платона, в чьём диалоге «Гиппий Младший», в частности, говорится: «Люди с удовольствием слушают о родословии героев и людей, о переселениях, то есть о том, как в старину основывались города, и вообще обо всей археологии»⁵⁴. Столь расширительное её понимание — как любого антиквариата, хоть вещественного, хоть фольклорного, продержалось многие столетия, пока в XIX – начале XX вв. раскопки памятников старины не приобрели научно-методичный характер. Тогда археология из музейного собирательства и любительского знаточества самых разных древностей превратилась в относительно самостоятельную отрасль исторического познания. Согласно крылатому определению А.В. Арциховского, это «история, вооружённая лопатой».

Реконструируя самое отдалённое — дописьменное (и поэтому, как по неточной инерции порой говорится, доисторическое) и, так сказать, малоописанное в книжных источниках (протоисторическое) прошлое человечества по сохранившимся главным образом в земле его материальным останкам, археологи имеют дело непосредственно с такими артефактами, как орудия труда, оружие, посуда, иная утварь, украшения, конструкции жилищ, хозяйственных построек, оборонительных сооружений, погребения, жертвоприношения, клады, всякие прочие следы опредмеченной жизнедеятельности предков. А уже по ним, этим следам, делаются, согласно специальным методикам и творческому воображению археологов, предположения относительно этническо-языковой принадлежности, религиозных верований, экономических устоев, общественных отношений, потестарно-политических порядков и т.п. общих характеристик социумов, составивших те или иные археологические культуры или симбиозы культур (культурно-исторические общности). В общем, «зарытая в землю страсть», как точно выразился поэт-лауреат.

Его Величество Текст — владыка всего остального гуманитарного исследования, в археологии остаётся далеко на заднем плане. Письменные источники отчасти освещают только самые поздние отрезки истории, причём далеко не всего человечества. Находки графитти — надписей на твердых предметах относятся к ним же и встречаются ещё реже. «Текст» археолога — это документация его разведок и раскопок памятников старины на местности их расположения.

Так что среди идеографических (в неокантианской терминологии) наук археология — самая техничная. Она наполнена цифрами, графиками, фотографиями, рисунками и тому подобными. формализованными формами первичной фиксации знаний. Посему эта область познания вроде бы должна поддаваться номотетизации, скрещиванию с техническими дисциплинами. Но это происходит лишь на уровне источниковедческого начала археологического исследования. Естественнонаучные методы анализа добытых из раскопа вещей дают лишь полуфабрикат знания, интерпретация

⁵⁴ Plato. Hip. M. 285 d.

которого остаётся гораздо более проблематичной, чем, скажем, данные компьютерной лингвистики (хотя и там до полной формализации далеко — сравним хотя бы коллизии машинного анализа авторства, например, Шекспира или «Тихого Дона»).

Тем самым из археологии получается своего рода интеллектуальная (единственно возможная!) «машина времени», позволяющая заглянуть на много веков и даже тысячелетий в минувшее человечества. Проникнуть как бы «за кулисы» истории. Та любит демонстрировать себя в парадных залах да на полях сражений, тогда как обстановка кухни, спальни, чулана куда быстрее изглаживается из исторической памяти. Если эти помещения не макетируют музейщики по материалам раскопок и этнографических сборов.

Правда, открывающаяся в археологическом раскопе картина отложившейся под землёй былой жизни крайне фрагментирована и потому трудна для понимания. В большинстве почв без следа растворяется дерево и вся прочая органика, а вещи из более твёрдых материалов сохраняются далеко не в том составе и порядке, в каком они «жили» в своё время. Экспедиционный фольклор гласит: рай археолога — помойка, мечта археолога — пожар (на древнем поселении — тогда образуются закрытые хронологически и более полные комплексы древностей). Хотя степень сохранности и полноты бытовых свидетельств старины всегда остаётся относительной, чаще всего — крайне. Ещё одна археологическая шутка утверждает, что когда начнут раскапывать руины современной цивилизации, то найденный монокль сочтут уделом бедняка, которому не хватило средств на очки с двумя стёклами... Поэтому об одних и тех же исторических памятниках, даже образцово по сегодняшним меркам раскопанных, среди специалистов бытуют довольно разноречивые интерпретации, вплоть до диаметрально противоположных. В этом обстоятельстве — источник феноменологической природы археологического знания.

Археология как метафора феноменологии

Задолго до М. Фуко и иже с ним могильщиков модерна термин «археология» освоил сам Э. Гуссерль — в качестве метафорического обозначения метода феноменологии. «Феноменологическая археология — это исследование Я и субъективного в их подлинности, раскрытие сокровенной конститутивной конструкции апперцептивной деятельности, результаты которой предстают перед нами в качестве опытного мира. ... Как в обычной археологии: реконструкция»⁵⁵. Для основоположника феноменологии было важно понимание истоков, вплоть до первопричин действующих паттернов сознания. Классическая феноменология пыталась понять его «археологию», т.е. генезис восприятия мира человеком. В этом момен-

⁵⁵ Цит. по: *Diemer A. Edmund Husserl: Versuch einer systematischen Darstellung seiner Phanomenology. Meisenheima. Glan: Hain, 1965. S. 19.*

те своей терминологии и самой методологии Гуссерль следовал нескольким классическим образцам.

Похожий намёк на археологическую метафору содержится и в «стратиграфии психики», предложенной З. Фрейдом. Выражение подхватили его последователи и биографы. Под «археологией психоанализа» они понимают всю его разнородную предысторию, начиная от древних пророков и средневековых экзорцистов, и вплоть до непосредственных сотрудников и конкурентов «отца-основателя» пансексуализма среди психологов и врачей⁵⁶.

Ещё раньше похожим образом Ф. Ницше, разрушая традиционную европейскую аксиоматику ценностей, обратился именно к генеалогии явлений общественной жизни, прежде всего этики, морали и религии. Генеалогия — методически та же археология, только персонифицированная. Демонстрация историчности и функциональности аксиологии позволила ему увести эту область философствования подалее от «трансцендентального далека» и «мира идей» предшествующей германской метафизики. Похожий подход позже, уже во второй половине XX века, позволил углубиться в понимание биологических истоков и социокультурной сущности нравственных запретов как ритуала коллективизма и репрессии индивидуализма (в области этологии К. Лоренца, социобиологии Э.О. Уилсона, культурной антропологии).

В какой-то степени указанная генеалого-археологическая установка понимания культуры перекликалась и с «принципом историзма», предусмотренного диалектикой К. Маркса и его последователей⁵⁷. Те, в свою очередь, подвели внушительную на первый взгляд документально-фактическую базу для своих выводов о классовой борьбе, неизбежности революции и перехода к социализму. И первобытность, и античность, и прочие эпохи мировой истории интересовали всех мало-мальски заметных теоретиков марксизма на предмет поиска идейных предшественников.

Правда, разные версии применения историзма во многом исключали друг друга. Полицентрические цивилизации — совсем не то, что линейные формации. Азиатско-африканский «способ производства» — не чета западноевропейскому. Субъективизм феноменологов контрастировал с утрированным экономизмом марксистов. Аморализм Ницше не приемлем для верующего во экзистенциализм. И так далее. Отсюда и популярность археологической метафоры среди истористов разных мастей — «раскапывать» мировую историю можно было с разных концов. Но для глубинной онтологии и гносеологии, одним из первых предложенных Э. Гуссерлем, археологический путь редукции сознания от затемняющих насло-

⁵⁶ См.: Лоренцер А. Археология психоанализа. Интимность и социальное страдание. М., 1996.

⁵⁷ См., в особенности: Подкорытов Г.А. Историзм как метод научного исследования. Л., 1967.

ний здравого смысла и спекулятивной философии надо признать наиболее органичным.

«Археология» как символ историзма

«Раскопки» мира идей и прочих концептов культуры, сформировавших гносеологию и идеологию XX века, совершили парадоксальный переворот в восприятии истории как науки. С одной стороны, создатели новых парадигм мышления воспользовались историческим подходом к «словам и вещам». С другой, — История была разжалована из «учительницы учителей» в «служанку идеологии». Отражением такой двойственности стал поиск «плохого», даже «порочного», «нищего духом» историзма. Наиболее азартную «охоту на ведьм методологии» произвёл пророк «открытого общества» К.Р. Поппер. Он, как известно, разграничил «скудный историзм» и истинный историзм. С «точностью до наоборот» этот сюжет трактовали его оппоненты — советские философы и историки. Они, как известно, делили историзм на истинный, диалектико-материалистический, и ложный, «буржуазно-метафизический». Коренным изъяном последнего выставлялась декларативная аполитичность, попытка обойти классовый вектор развития общества. Камнем преткновения тут стал вопрос о вере в непреложность законов Истории. Хотя, по сути дела, речь шла о попытках так или иначе амнистировать исторический взгляд на социальные явления, сделать исторический подход более объективным.

Сегодня распространение «археологии» до общегуманитарного масштаба чаще всего связывают с именем М. Фуко. В идейной эволюции этого герольда постструктурализма выделяется вершинный — «археологический» период. Его составили книги: «Рождение клиники: археология взгляда медика» (1963); «Слова и вещи: археология гуманитарных наук» (1966); «Археология знания» (1969). Собственно говоря, термин «археология» здесь везде подразумевается в кавычках, поскольку его историцистское содержание последовательно отрицается Фуко-теоретиком и настойчиво обходится Фуко-практиком писания работ на исторические темы («История безумия в классическую эпоху», «Истории сексуальности в Европе» и прочих).

«История» тут получается весьма своеобразная. Для этого автора «археологическое описание — это именно уход от истории идей, ... это последовательная попытка выработать другую историю того, что было сказано людьми»⁵⁸. Другую — по сравнению с традиционной историей (и настоящей археологией как её частью), которые рассматривали культуру в целостном развитии её человеческого потенциала. Для специалиста по патологии вообще, каким сделался этот философ, фундаментальные структуры (коды, эпистемы) цивилизации бессубъектны и межпредметны. Рассмотрев отношения разных речевых практик (пресловутых дискурсов),

⁵⁸ Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С. 138.

Фуко выявляет за ними внеязыковые «структуры повседневности» — экономические, социальные, политические, идеологические, их иерархию в разные эпохи европейской жизни. Слова и вещи, на чей-то взгляд авторские, с точки зрения постмодерниста как бы диктуются такими трансцендентами, каковы труд, жизнь (витальность), язык. Метод определения типов и правил дискурсивных практик, властвующих над сознанием и поведением людей на том или ином этапе существования общества, и называется тут археологией.

Метафоризируя реальную практику раскопок, можно сказать, что для Фуко «план» вскрываемого им пласта интеллектуальной истории значит всё, а «профиль» — ничего. Брошенная этим очередным ницшеанцем фраза: «Человек исчезает, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке», — убеждает экзистенциально, но отнюдь не археологически. После методично произведённых раскопок остаётся смысл культурного слоя. Он фиксируется в полевых дневниках, чертежах, фотографиях и коллекциях. В некоторых случаях археологу удаётся воскресить даже индивидуальные черты далёкого прошлого (вспомним расшифрованные египетские иероглифы и многие другие системы древнейшей письменности, петроглифы Европейского Севера и Сибири, подземные глиняные армии китайских императоров, фаюмские портреты, берестяные грамоты Великого Новгорода, свитки с христианскими апокрифами из района Мёртвого моря и тому подобные сенсации).

Путём археологии, только не философической, а настоящей, историзм и гуманизм получают посильное подтверждение и продолжение. Тем не менее с лёгкой руки Фуко термин «археология» теперь на универсальном гуманитарном сленге призван обозначить тягу к раскрытию генезиса и исторической изменчивости идей и понятий. «Археологический подход» ныне — «хороший методологический тон» ориентации на временную относительность представлений о мире и о самом познании. Из опоры культурной традиции «археология» на этом уровне словоупотребления превращается в релятивизатор гуманитарного знания.

Пока философы и социологи на разные лады осваивали историчность, сами историки после усиленного развенчания в первой половине прошлого столетия «мудрого хода Истории», попытались отмежеваться от «принципа историзма». Едва ли не самый знаменитый по сей день европейский историк Марк Блок в своей известной «Апологии истории» покался в чрезмерном поклонении «идолу истоков» со стороны основанной им школы «Анналов». Имелся в виду болезненный интерес только и исключительно к происхождению и причинам тех или иных событий.

Несмотря на блестящие результаты, достигнутые М. Блоком и его единомышленниками в рассмотрении феодального общества ⁵⁹, признать

⁵⁹ См.: Блок М. Феодальное общество. М., 2003; *Его же*. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространённых преимущественно во Франции и Англии. М., 1998.

только что отмеченный тезис неким концептуальным прорывом⁶⁰ никак нельзя⁶¹. Ведь у любого прошлого есть своё собственное прошлое. Поэтому, если судить теоретически, поиск истоков завершается только по объективной причине отсутствия источников, или же субъективной — неспособности историка выработать адекватную методiku их выявления или интерпретации.

Ярким примером может служить вроде бы научно-объективный призыв целого ряда историков-славистов ограничить историю этногенеза славян V–VI вв. н.э., когда соответствующие племена начали устойчиво фигурировать в позднеантичных и восточных письменных источниках⁶². В указанный момент исторического времени, действительно, внятные самоназвания славян отразились в хрониках их более развитых культурно соседей, и для этих этнонимов подобрались убедительно локализованные археологические культуры. Опускать историю славян ниже в глубь веков названные авторы не желают потому, что в советской историографии эту историю пытались довести чуть ли не до охотников на мамонтов⁶³.

Схожая тенденция бушует и ныне на страницах псевдоисторической литературы в духе неоязычества, шовинистической публицистики в пользу древности «русской идеи» (в частности, якобы «этруски — это такие русские» и т.п. нелепицы). Но рассуждать об истоках Руси без оглядки на сумму научно выверенных фактов и аргументированных ими концепций историков и археологов сейчас уже невозможно.

На самом деле археологи сегодня, без всякой оглядки на идеологию, вполне реалистично прослеживают генетические связи достоверно славянских культур с предшествующими, пра- и протославянскими⁶⁴. А лингвисты не менее эффективно реконструируют праславянские этапы развития языка, отражённые в нём реалии культуры⁶⁵. Наконец, историки не без успеха пытаются выявить следы древнейшей устной традиции славян в поздних нарративных источниках⁶⁶.

⁶⁰ На отечественную почву такую оценку усиленно насаждает А.Я. Гуревич. См.: *Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов»*. М., 1993. С. 83–87.

⁶¹ Более реалистическую оценку тезиса М. Блока и всей школы «Анналов» см. в кн.: *Володихин Д.М. Призрак третьей книги (методологический монизм и «глобальная архаизация» // Персональная история. Исповедь судьбы*. М., 2001; *Бойцов Назад к Геродоту // Одиссей*.

⁶² См.: *Петрухин В.Я. Дунайская предыстория славян и начальная Русь // История русской культуры (археология и лингвистика)*. М., 1997. С. 139–144.

⁶³ См.: *Рыбаков Б.А. Язычество древних славян*. М., 1994; *Его же. Праславяне и античный мир // Чтения по истории русской культуры*. М., 2000.

⁶⁴ См.: *Щукин М.Б. Рождение славян // Интернет-ресурс на сайте Археология.Ру*, а также работы А.М. Обломского, Р.В. Терпиловского, А.П. Медведева и др.

⁶⁵ См.: *Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы*. М., 1965; *Их же. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов*. М., 1974.

⁶⁶ См.: *Мельникова Е.А. Историческая память в устной и письменной традициях («Повесть временных лет» и «Сага об Инклингах»)* // *Древнейшие государства на терри-*

Так что попытки изгнать историзм из теории и методологии гуманитарного знания оказываются тщетными как на уровне теории, так и на уровне практики научного исследования. Многократные попытки заменить старую добрую Историю на какую-то более прозорливую «генеалогию» или археологию общества и его культуры основательно и, наверное, не без пользы встряхивали философию, но не смогли вытеснить из сферы гуманитарного познания типично исторического подхода к прошлому, классического метода исторического источниковедения при реконструкции этого прошлого.

Тем не менее репутация археологии в качестве «другой», альтернативной истории, особого пути к тайнам былого, складывалась отнюдь не случайно. Исторический дискурс XX в. радикально поменяли только две смежные науки. Во-первых, лингвистика, на базе которой сформировался исторический структурализм. Во-вторых, — археология, которая дала историкам новый, практически неисчерпаемый фонд источников о первых эпохах развития человечества, предках современных народов⁶⁷. Все остальные «революции» исторического метода заканчивались «реставрацией монархий» исторического нарратива, описания цивилизаций и политических устройств. В худших случаях, приводили к анархии смыслов постмодернизма, их бесконечному дроблению в «осколках зеркал» так называемой микроистории отдельных казусов или аксессуаров прошлого, прелюбопытных самих по себе, но отнюдь не самодостаточных.

Археология как феноменология истории

Главный козырь археологии — новый и особенный корпус источников наших знаний о прошлом. До появления мало-мальски научной археологии в XIX в. историки имели дело только с миром былого, отражённым в письменности (летописях / хрониках; указах, прочих актах; воспоминаниях, записях устной традиции и любых других документах). Прошлое воспринималось сквозь призму архива. Причём подавляющее большинство письменных источников носило либо сугубо официальный характер, исходило от победителей в жизненной борьбе, либо составляло предельно субъективный жанр воспоминаний, дневников, памфлетов. Подавляющее большинство действовавших на исторической сцене лиц сходило с неё, страдая «источниковой немотой», нигде и никак не отразив-

тории Восточной Европы. 2001. Историческая память и формы её воплощения. М., 2003; *Щавелёв А.С.* Славянские легенды о происхождении первых правителей («Повесть временных лет», Хроники Галла Анонима и Козьмы Пражского) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2003.

⁶⁷ Яркий пример — проблема индоевропейцев, их появления на исторической сцене. См.: *Алёкишин В.А.* В поисках индоевропейской прародины: между Сциллой археологии и Харибдой лингвистики // Памятники археологии. Вып. 4. М., 1998; *Клейн Л.С.* Время кентавров. СПб., 2009.

шись на страницах рукописей и книг. Дописьменный период развития большинства народов Земли вообще оставался вне научного познания (с начала антропогенеза и до раннего железного века, то есть миллионы лет эволюции человечества). Недаром он часто именуется до- или преисторией.

Начало систематических раскопок не только удлинит историю человечества на эти самые миллионы лет, но и позволило создать альтернативный мир прошлого. У мира письменных источников истории появился двойник-конкурент. Причём не один-единственный, а потенциально множественный — зависящий от совершенствования методики и географии раскопок. Например, русская археология сначала открыла для себя курганы и прочие могильники предков; затем дело дошло до поселений — городищ и селищ; наконец, появились на свет божий берестяные грамоты и прочие граффити на твёрдых предметах (вроде штукатурки церковных стен X–XVII вв., исписанных множеством то благочестивых, то вольномысленных изречений и рисунков) — древняя история заговорила! Картина начальной Руси обогащалась от десятилетия к десятилетию и продолжает обогащаться сейчас. Столь же впечатляющи достижения археологов разных стран мира.

Вселенная прошедших веков оказалась плюралистичной. Прошлое, показанное сквозь раскоп археолога, весомо дополняло прошлое, глядящее со страниц летописей да житий. Так археология сыграла роль своеобразной теории относительности наших знаний о прошлом. Письменная история потеряла монополию отвечать на вопросы о прошлом. В одних областях (политической истории, истории идей, вообще духовной культуры) письменные источники сохранили своё первенство перед вещественными. В других же (скажем, социальной истории древности, истории повседневности, материальной культуры) археология сплошь и рядом превосходит по своим эвристическим возможностям другие исторические дисциплины. В третьих, эти последние на равных ведут диалог с археологией (как в истории первобытного искусства).

Но и сама археология как наука неоднородна. Она делится на варианты, которым соответствует несколько когорт археологов, чьи профессиональные занятия смыкаются только отчасти, больше расходятся по предмету и методам. Это дисциплинарное устройство усиливает феноменологическую вариативность археологического знания.

Прежде всего, археология подразделяется на полевую и кабинетную.

Первая занимается поиском, картографированием, описанием и изучением с помощью раскопок и других методик самих по себе памятников старины. Задача археолога-полевика — добросовестно, на современном методическом уровне разведать и раскопать памятник, полно и точно зафиксировать найденные в нём материалы, дать им первоначальную обработку (в виде рисунков, графиков, схем); а в идеале разрушенный раскопками памятник восстановить как часть исторического ландшафта, музеефицировать. Это археология скорее техническая, нежели гуманитарная, поскольку методики вскрытия культурного слоя и фиксации результатов его разборки носят по преимуществу инженерный и естественнонаучный характер.

Второй раздел археологии можно назвать историческим, то есть содержательно интерпретационным. Здесь полученные в ходе полевых работ материалы осмысливаются, анализируются, сопоставляются с другими археологическими материалами и иными типами источников о соответствующем прошлом. Процедуры индуктивно-дедуктивного плана тут предполагают пропорциональную долю понимания давным-давно минувших событий и их участников.

Третий раздел — своего рода метаархеология. Археолог-теоретик работает с принципами анализа вещественного материала прошлых эпох и с принципами междисциплинарного согласования при интерпретациях этого материала. Ближайшие к археологии отрасли гуманитарного исследования — это письменная история и этнология.

Наконец, надо отметить такой, стоящий особняком, раздел археологии, который занят распознаванием образов прошлого по его материальным свидетельствам. Имеется в виду семиотика вещей и их структур, смысл и контекст орнаментов, рисунков, конфигурации памятников и тому подобное. Этот раздел археологии ближе всего смыкается с искусствоведением.

Не случайно «дрейфует» и место археологии в классификации наук. В западноевропейской (континентальной) и русской традициях она проходит изначально и до сих пор «по ведомству» истории и смежных гуманитарных наук. Тогда как в англо-американской — прочно связана с антропологией, этнологией и социологией. В первом варианте больше ценится её гуманитарно-кабинетный компонент, а во втором — экспедиционно-полевой.

В целом, археологический дискурс сохраняет явственный привкус прикладной науки. Опять же недаром археолога постоянно сравнивают с криминалистом, следователем-детективом ⁶⁸.

⁶⁸ См.: *Клейн Л.С.* Глазами Шерлока Холмса // *Знание – сила.* 1967. № 12; *Щукин М.Б.* Машина времени и лопата. Кишинёв, 1986; *Археолог: детектив и мыслитель.* Сб. статей, посвящённый 77-летию Л.С. Клейна. СПб., 2004.

Столь полиморфная природа археологического познания позволяет использовать название этой науки и практики как удобную метафору общего интереса к прошлому, корням и истокам самых различных явлений. Если угодно, называть археологией в широком, переносном смысле этого слова структурно-методическую основу историзма вообще.

Феноменологические черты археологического знания

Как уже отмечалось нами, процесс археологического исследования довольно чётко делится на два основных этапа — экспедиционно-полевой и камерально-кабинетный. На первом этапе изучается та или иная местность на предмет выявления определённых памятников старины (чаще всего разного рода поселений, погребений); их картографирования; раскопок и фиксации результатов на всех этих отрезках полевой работы. Следующий этап предполагает первичное обобщение полученных данных (классификации, типологии, аналогии) с целью их последующей интерпретации в социологическом, эстетическом, историческом планах. Где же здесь феноменология? Везде. Только феноменологичность эта по большей части стихийная, практическая, а не теоретически рефлексированная. Как у мольеровского господина Журдена, который уже под старость чисто случайно узнал, что всю жизнь говорил прозой...

На первом — экспедиционном, натурном этапе выявления памятника старины и извлечения из него первичной информации — археолог чаще всего имеет дело только с отдельной, сравнительно небольшой его частью. Например, раскапывается десять погребений из нескольких сотен в составе определённого могильника; вскрывается какая-то часть площади поселения; фиксируется несколько случайно найденных кладов из множества, скрытых под землей; и т.д. Количественное ограничение продиктовано не только лимитом времени, сил и средств данной экспедиции, но и методическими соображениями. Часть памятника рекомендуется оставить для будущих исследований, когда появятся новые, гораздо более совершенные приёмы раскопок и анализов их результатов.

Так что археолог заведомо поставлен в условия, когда он должен так или иначе воспроизвести целое по его части. Косвенно воспроизвести в своём сознании реально невидимые части комплекса, без чего и то, что актуально попадает в поле его восприятия, окажется недопонятым (социальная структура могильника, фортификационное устройство городища и т.п.).

При решении этой задачи необходима своего рода эмпатия в отношении былой жизни на месте раскопок. Учёный интуитивно вчувствуется в рельеф местности, топографию памятника, его устройство, как пространственное, так и временное. Интеллектуальное созерцание, идеация, т.е. попытки представить себе ход становления памятника, соображения

его строителей и обитателей при выборе места и способов строительства, — повседневная задача любого раскопщика древностей.

Более того, археолог мысленно вписывает изучаемый объект в более широкую картину микрорегиона, той археологической культуры или общности памятников, которой тот принадлежит; причём с дополнительным дроблением этой задачи на основные типы элементов памятника (домостроительства или погребального обряда, орудий труда, оружия, украшений и т.д., и т.п.).

С одной стороны, в голове археолога держатся результаты предшествующих работ в данном месте, с этим типом памятников. С другой, — строятся предположения о будущем поиске однотипных или сателлитных объектов.

Таким образом, любые археологические раскопки с точки зрения ментальных задач их проведения — не что иное, как феноменологическая лаборатория своего рода. Визуальное восприятие культурного слоя и его структуры оплодотворяется профессиональным мышлением. Чтобы воссоздать давным-давно прошедшую жизнь археологического объекта, его требуется физически разрушить. Таков ключевой парадокс археологической феноменологии.

Не менее феноменологична последующая камеральная обработка и кабинетная реконструкция полученных в поле данных. Найденные вещи, чертежи и фотографии раскопов, полевые дневники раскопок сначала превращаются в систему карт, планов, таблиц и графиков. Вещи сканируются, реставрируются и суммируются. Они вписываются в существующие классификации, датируются и «привязываются» к определенным культурам и хозяйственным типам социумов. Происходит неоднократная «фильтрация», «сепарация», что ли, археологического знания для её обобщения и конкретизации. Инструментами такой обработки «сырой» информации выступают мысленные схемы, наработанные в данный период развития науки (периодизации, типологии, классификации, математические графы).

Только после этого археологическое познание готово к «штурму вершины» — попытке социально-исторической интерпретации памятника, объяснения того, как жили его обитатели, какую роль они сыграли в истории своей эпохи, региона.

Интерсубъективность археологии

В который раз повторим: археологи так или иначе, поначалу или по ходу своих профессиональных биографий, разбиваются на несколько групп в соответствии в только что намеченными этапами и направлениями изучения древностей. Больше всего среди них добросовестных полевиков — тех, кто ежегодно бывает на раскопках и привозит оттуда всё новую и новую эмпирическую информацию. Их научные работы, как правило,

ограничиваются предварительными сообщениями о найденном в поле. Диссертации же их относятся к области вещеведения или же микрорегиональным вариантам прошлого.

Другая группа меньше по размеру, ибо занимается классификациями, типологиями, обобщениями найденного уже не по отдельным районам, а по целым эпохам или культурно-историческим горизонтам. Эта работа требует куда большей культуры, эрудиции, да и личных способностей, чем сами по себе раскопки.

Наконец, совсем уж немногие археологи отваживаются на панорамный синтез — историческую интерпретацию накопленных их наукой материалов по периодам и регионам мировой истории.

Наконец, единицы в силу своего темперамента и (или) социального заказа пытаются построить «новую теорию археологии», предложить её некую общую методологию. Отношение к таким теоретикам и методологам остального археологического сообщества, как отмечалось выше, либо скептическое, либо безразличное. Уточним, что речь идёт не о теории истории и доистории, а о теории интерпретации результатов раскопок и разведок материальных памятников.

Разумеется, в каждом поколении археологов той или иной страны встречаются лица, которым удастся довольно успешно объединять все названные ипостаси. Но таких талантов явное меньшинство. Теоретизируют, как правило, те археологи, кто давным-давно прекратил работу в поле, да и в камералке.

Тем не менее взаимная информационная связь разного типа субъектов археологического познания так или иначе поддерживается всегда и везде, что, собственно, и позволяет нам говорить об археологии как науке и про археологов как её профессиональных представителей.

Поскольку в области феноменологии субъект важнее объекта, то в избранном ракурсе метаархеологического рассмотрения обратимся теперь к особенностям субъектной организации археологического исследования.

Источниковедение и скепсис

В области гуманитарного познания имеют место две разные стратегии, судя по тому, как соотносить в нём объективное и субъективное, факты и теоретическое воображение, своего рода позитивизм и экзистенциализм в подходе к источникам. Одни авторы относятся к источникам гиперкритически, сознательно занижают их информативные возможности, ограничивают свою работу детальнейшей анатомией фактов, без серьёзных попыток дать им обобщающую интерпретацию. Другой тип гуманитариев, напротив, с источниками обращается весьма вольно, то и дело воспаряя над ними смелой теоретической мыслью.

Р.Дж. Коллингвуд так живописует исследователей того и другого рода. Первые — «это тот сорт людей, которые увидев вас в воскресенье

идущими с дочкой, червями и раскладным стульчиком по направлению к реке, обязательно спросят: «Собрались поудить?»⁶⁹. Другой тип учёных он сравнивает с наивными персонажами Шекспира: «Эти выдающиеся философы Розенкранц и Гильденстерн думают простодушно, что они способны понять, что такое «Парменид», просто прочтя его. Но если вы подведёте их к южным воротам Хаустида и предложите: «Пожалуйста, определите разные периоды строительства и скажите, какие цели ставили перед собой каждый раз строители», — то они запротестуют: «Поверьте, мы не можем». Так что вы думаете, что в «Пармениде» легче разобраться, чем в развалинах маленького римского форта?»⁷⁰.

Хотя и среди археологов встречаются представители обеих крайностей изучения прошлого⁷¹, в целом археология неплохо лечит от этих проявлений учёного снобизма. Без какой-никакой теории, предварительных обобщений социокультурного масштаба археолог не в состоянии сформулировать те вопросы, на которые способны ответить его полевые находки (развалины «маленького римского форта», в примере Коллингвуда. А именно, кто именно, когда и как жил здесь, почему жизнь тут прекратилась и т.д.). Сами по себе чертежи, фотографии, коллекции вещей, даже графики и диаграммы, на них построенные, будут молчать, пока их не «допросит» специалист с теоретической подготовкой историка и антрополога культуры. С другой стороны, сколь угодно смелая гипотеза, новая интерпретация прошлого упрётся в скудные источники, а ещё чаще в их отсутствие. В цитируемых нами книгах А.А. Формозова приводятся многочисленные образцы того, как советские академики-археологи вроде Б.А. Рыбакова или А.П. Окладникова публиковали пухлые тома, где история славян или народов Сибири напоминала скорее фантастический роман, нежели монографию. Но большинство других — добросовестных специалистов в «подземной старине» привыкли соизмерять творческий скептицизм с историко-культурной концептуальностью в своих построениях.

Показательным примером чего может служить классическая проблема археологии и этнографии — соотношение этноса и археологической культуры. Какие именно народы оставили нам те или иные группы памятников? Решение такого рода вопросов долго не давалось историкам и археологам, да и сегодня вызывает немало споров. В социологии и этнологии продолжается борьба двух концепций этничности — примордиальной и конструктивистской. Для одних авторов народность, национальность образуются вполне объективно, по законам исторической наследственности, в силу преобладающей в рамках этноса эндогамии. Другие специалисты в постмодернистском духе объявляют этничность не более чем идеологической конструкцией, выдумкой книжников и политиков. К тому же весьма

⁶⁹ Коллингвуд Р.Дж. *Идея истории...* С. 398–399.

⁷⁰ Там же. С. 345.

⁷¹ См. о них: Формозов А.А. *Человек и наука. Из записей археолога.* М., 2005. С. 97–109 («Подмена жанра»).

туманна и размыта терминология письменных и этнографических источников, обозначающая племена, народы, конфессиональные и иные группы людей, большинство из которых давно исчезли с лица Земли или же качественно трансформировались. Да и с понятием археологической культуры как группы, круга типологически и хронологически близких друг другу памятников нет полной ясности. Хотя общность материальной культуры ясно говорит нам о социокультурной близости её носителей, из этого правила в археологии встречаются исключения.

Резюмированная теоретическая дилемма не останавливает, однако, процесса историко-археологического исследования. Специалист, ведущий раскопки и пишущий статьи и книги об их результатах, волей-неволей выбирает одну из концепций этничности, а ещё чаще составляет в своей голове некий усреднённый набор признаков этноса, так или иначе допускаемых разными его теориями. Затем принимается та или иная интерпретация доступных письменных или этнографических источников, обозначающих род, клан, племя, союз племён, вожжество или раннее государство, т.п. общности людей культурно-генетического или потестарно-политического планов. Сквозь эти «теоретические очки» археолог рассмотрит разные признаки той группы памятников, которые предлагается объединить в археологическую культуру или культурно-историческую общность.

Стоит поменять ту или иную строчку в таком «археологическом кроссворде», и два исследователя с разными точками зрения на сущность этноса, степень достоверности внеархеологических источников, систематику памятников и находок по-разному оценят прошлое одного и того же региона в определённую эпоху. Историография полна затяжными дискуссиями автохтонистов и миграционистов, «либералов» и «патриотов» (вроде наших российских норманистов и «славянистов» по истокам Древней Руси), не говоря уже о более мелких коллизиях археологической мысли.

Именно для разбора таких сложных задач историко-археологического познания может быть использован инструментарий феноменологии, ориентированный на прояснения наших методов исследования, степени их осознания субъектом научного поиска. Археофеноменология, если так можно выразиться, способна указать те метапроблемы, которые не решаются непосредственно полевой или камеральной практикой. Ведь их решение зависит от прояснения проблем другого, теоретического рода.

В особенности нуждается методология гуманитарных наук, прежде всего источниковедческих, в очищении от псевдопроблем, фантомов устаревших теорий и тупиковых подходов в рассмотрении прошлого. Значительную их часть аккумулировал в себе марксизм, к тому же вульгаризированный своими поздними адептами. Уже обстоятельно раскритикованы, но всё ещё довлеют над умами многих специалистов фантазмы вроде решающей роли труда при антропогенезе, «первобытного коммунизма», эгалитаризма и промискуитета стада антропоидов, матриархата как потестарной системы, «рабовладельческого общества», «военной демократии»,

«феодализма как формации и способа производства», примата классовой борьбы над социальным партнёрством, многие т.п. Модное поветрие пост-модернизма даже обостряет ностальгию иных коллег по стройности «единственно верной теории», и её пытаются гальванизировать⁷².

Эпистемологическая «дань» археологии и её же идеологическая отдача

За достигнутый в изучении прошлого с помощью археологии прогресс пришлось, как водится, заплатить — своего рода «эпистемологическую дань». Она состояла, между прочим, в том, что, изучая памятник старины наиболее полно, археолог его уничтожает полностью и навсегда. Массовые раскопки городищ и курганов существенно изменили исторические ландшафты многих регионов Европы. Таким образом, современная археология, как никакая другая гуманитарная наука, ограничивает сама себя по части познавательных возможностей. Аналогия тут возможна только с физикой или биотехнологией, которые тоже вынуждены осторожничать, только в отношении не прошлого, а будущего человечества (чтобы не уничтожить его супероружием или неожиданной мутацией генотипа).

Средства, которые предлагаются археологическим сообществом для минимизации неизбежного ущерба материальной культуре от его деятельности, пока носят паллиативный характер. На месте некоторых раскопок создаются музеи. Они включают в себя не только законсервированный раскоп, но и модели, муляжи найденных сооружений. Наиболее редкие, ценные и целые памятники стараются раскапывать только частично, в диагностических целях, чтобы оставить часть материала до будущих времен, когда методика раскопок усовершенствуется. Вообще, цивилизованным считается копать поменьше и потщательнее, а побольше изучать уже накопленные, огромные по размеру и малоосвоенные до сих пор материалы прежних раскопок.

Отдельные земляные насыпи после их раскопок воссоздаются с помощью бульдозеров и скреперов примерно в первоначальном виде. Тем самым археология приобретает своего рода экологическое измерение. Оно объединяет науку и актуальную общественную практику. Ведь восприятие исторически сложившегося ландшафта национальной культуры обладает важным педагогическим, идеологическим потенциалом. Кстати говоря, в реставрации старинных зданий, прежде всего культовых, археологи тоже принимают участие, помогая архитекторам и искусствоведам воссоздать аутентичный образ разрушенной давно церкви или башни.

⁷² Как, например, составивший себе среди зарубежных коллег репутацию археолога-марксиста ещё в позднем СССР Л.С. Клейн до сих пор поэтому вынужден называть свою теоретическую конструкцию «Диалектикой археологии». См.: *Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. Кн. 1. Метаархеология.* СПб., 2004. С. 402.

Другим, ещё более массовидным «фронтом археологической пропаганды» выступают музейные экспозиции. Их преимущества перед натурным моделированием состоят в том, что на витрине, диораме, макете можно воспроизвести то, что уже разрушено в интересах науки, и воспроизвести так, чтобы наглядно передать публике важнейшие выводы исследователей.

Таким образом, археология распространяет свою власть над умами далеко за пределами экспедиционных палаток и лабораторных хранилищ. С её помощью формируется целостный и яркий, динамичный и проблемный образ давно минувших веков.

Археология как терапия гуманитария

Кастовый этос науки игнорирует сотрудничество с профанами. Пожелания писать научно-популярные статьи, давать интервью журналистам не нарушает жизненной герметичности мира учёных, да и выполняется в виде редкого исключения. Мир науки связан с остальным миром, точнее мирами общественной, практической, обыденной жизни, очень косвенно, через целый ряд смысловых «фильтров»⁷³. Эпистемологи даже не задумываются над тем, как подобная стерилизация духа влияет на «климат» научного познания. Если представители естествознания без особого ущерба для своих открытий могут абстрагироваться от их социальных последствий (даже самых крайних, вроде военных или медицинских), то с гуманитариями жизненный снобизм чаще всего играет злую шутку. «Совесть нации», на поверку, может быть услышана дюжиной-другой коллег, узких специалистов. Интернет расширяет эту аудиторию, но не принципиально. Как у Ярослава Гашека старые девы вели курсы по уходу за новорождёнными, так многие представители академического мира взвешивают ценности общества, не высовывая носа из собственной подворотни. Замкнутый круг: школа — университет — академический институт — дача — кладбище. Даже к срочной военной службе будущие профессора и академики, как правило, не пригодны.

Из этого правила есть отрядные исключения. «Я ... был старостой ученического общежития; здесь впервые я ощутил прелесть административной деятельности и раз и навсегда научился заниматься ею. ... Став преподавателем философии, я не забросил исторических и археологических занятий. Каждое лето я работал в каких-то крупных археологических партиях, а с 1913 г. сам возглавлял раскопки. Раскопки стали одним из самых больших наслаждений моей жизни. В своё время я научился руководить школьниками, теперь я должен был руководить рабочими, заботиться об их нуждах и здоровье, понимать их отношение к решению нашей об-

⁷³ Подробнее см., если угодно: *Алябьева З.С., Щавелёв С.П.* Практическое значение гуманитарного знания // *Гуманитарное знание: сущность и функции* / Сост. и отв. ред. *Г.А. Подкорытов*. СПб., 1991. С. 56–69.

щей задачи и помогать им понять моё собственное. Занимаясь раскопками, я неожиданно для себя оказался включённым в своеобразную экспериментальную работу лаборатории мысли»⁷⁴, — писал в своей автобиографии английский философ, историк и археолог Р. Дж. Коллингвуд.

Похожую мысль в предисловии к своим поучительным рассказам об учёных высказал патриарх отечественной археологии и историографии А.А. Формозов: «Вся моя жизнь прошла в кругу людей, работавших в исследовательских институтах, вузах, музеях, библиотеках. К счастью, я встречался и с совсем другими людьми, прежде всего во время экспедиций и командировок, когда забирался в глухие углы Казахстана и Средней Азии, Сибири и Европейского Севера, Украины и Кавказа. Благодаря этому я смог объективно оценить плюсы и минусы взрастившей и воспитавшей меня интеллигентской среды»⁷⁵. Хотя сам Александр Александрович так и не привык, в отличие от Коллингвуда, к плодотворному для полевого общению с простолюдинами. Поэтому с годами отошёл от полевой археологии к кабинетной её историографии.

Перед нами нечто вроде известного в истории революционного движения в России «хождения в народ», только по долгу научной работы. У археологов, этнографов, фольклористов, антропологов оно входит в профессию. И как-то влияет на их мировоззрение. Мы далеки от мысли разъяснить загадочные каналы взаимосвязи мега- и микросубъектов человеческого познания, но предположить их влияние в праве.

Ведь учёные появляются не из колбы чародея, вроде гомункулуса. Они вырастают в тех социальных пространствах, которые им так или иначе предстоит изучать. Качества личности как-то коррелируют со способностями субъекта познания, в особенности гуманитарного. Практическая археология в этом плане является замечательной школой жизни. Тому свидетельство — биографии советских археологов. Нетрудно заметить, что блестящих результатов среди них добились как выходцы из простого народа, рабочих да крестьян, так и потомственные интеллигенты, даже аристократы. Для первых полевая археология стала прекрасной возможностью применить свои навыки ручного труда, житейскую сметку на благо академической карьеры. Поднимаясь по «общественной лестнице», они могли с пользой для дела сохранять исконные навыки общения с самыми разными людьми, зрения вне городских стен, решения прикладных задач. Опыт и дар полевой работы компенсировал многим из «выдвиженцев» отсутствие эрудиции, слабое знание иностранных языков. Для «образованцев» же не в первом поколении раскопки позволяли надёжно спрятаться от идеологического диктата власть предержащих. При всех попытках описать древний мир по коммунистическим, либо фашистским стандартам, «управление прошлым» (в духе Дж. Орвелла) на такой дистанции оставалось затруднительным.

⁷⁴ Коллингвуд Р.Дж. *Идея истории. Автобиография*. М., 1980. С. 325, 335.

⁷⁵ Формозов А.А. *Рассказы об учёных*. Курск, 2004. С. 6.

Что-то похожее можно разглядеть в «кадровой» истории философии и других, достаточно академичных дисциплин. Взять, к примеру, Л. Витгенштейна. В ранний период своего творчества он, как известно, искал идеальные основания науки, работал с чистыми логическими конструкциями. После шести лет учительства в сельской скандинавской школе заявил, что говорить на идеальном языке также сложно, как ходить по идеально гладкому полу. Прозаичная, но тяжёлая кочерга позволила Витгенштейну одержать личностный верх в методологическом споре с всецело академичным Поппером.

Для историков и философов подобной школой практической методологии сегодня всё чаще становятся политическое консультирование, прикладная социология, журналистика, публицистика, редакторство, даже государственная служба, включая разведку и контрразведку. Этим неплохо оплачиваемым занятиям отдали щедрую дань самые знаменитые теоретики прошлого столетия — М. Вебер, Л. Даррел, Дж. К. Гэлбрейт, Р. Арон, П. Бурдьё, многие другие их коллеги по университетам и академиям. В своих мемуарах они, не сговариваясь, отмечают оплодотворение их теоретической мысли участием в «живой жизни». Получается, из субъекта научного, в особенности, гуманитарного исследования невозможно полностью исключить целостную личность человека, а она, в свою очередь, тянет за собой в чертоги науки впечатления от реального «жизненного мира».

Профессионалы и дилетанты

Продолжением темы о соотношении профессиональной науки и жизненного мира служит вопрос о соотношении любительства и дилетантизма. На первый взгляд, время любителей давно кончилось. В храме науки им нечего делать. Никто не подпустит человека без диплома не то, что к синхрофазотрону, но и к элементарному микроскопу. Применительно к точному естествознанию, это вероятно так. Энциклопедизм и романтизм «естественной истории» остался в далёком прошлом. Правда, в периоды научных революций и более мелких «переворотов» естественнонаучной тематики и методики самые опытные натуралисты обречены какое-то время оставаться любителями — принципиально новой проблематики. Конечно, для её успешной разработки они довольно быстро повышают квалификацию, заново профессионализируются.

А вот можно ли обойтись без любителей в области гуманитарного познания? Яснее всего отрицательный ответ на этот вопрос дает всё та же археология. Исторические древности, памятники старины встречаются повсюду. То и дело природные стихии или хозяйственная деятельность людей обнаруживают их, угрожают их существованию. Никакая академия наук, никакой университет не обеспечит своими научными сотрудниками все грады и веси, даже районы и области, тем более таких огромных стран, как Россия. К счастью, на местах чаще всего находятся так называемые

краеведы. Как правило, это местные жители более или менее интеллектуальных профессий — учителя, журналисты, чиновники средней руки. Среди них немало коллекционеров разных редкостей, но ещё ближе их сердцу слава первооткрывателя. Чаще всего именно они сообщают учёным о новых памятниках, важных находках, передают их в музеи. Лучшие из любителей могут вырастать до вполне профессиональных исследователей древностей. Примеры тому есть практически в каждой области бывшего СССР, нынешней России. В других случаях отмечались конфликты между приезжими учёными и местными патриотами — за приоритет открытия важного памятника, место хранения находок.

Разумеется, научным «потолком» добросовестного краеведа выступает эмпирический уровень изучения прошлого. Подобные волонтеры — незаменимые помощники учёных в их полевых экспедициях.

Кроме археологии, «вклад народа» заметен в таких жанрах традиционной истории, как устная. Сейчас всё шире практикуются записи рассказов ветеранов разного рода о пережитом на их долгом пути. Эти рассказы дополняют историю, отложившуюся в архивах и официальных документах прошлого.

Немыслимы без доверительного сотрудничества с простыми людьми полевая лингвистика, фольклористика, этнография.

Объединению учёных и их добровольных помощников в работоспособный коллектив помогает тот психологический микроклимат, который царит в палаточных лагерях и у экспедиционных костров. Субкультура полевых археологов напоминает стиль общения советских интеллигентов, так называемых шестидесятников. Добродушный юмор, гитара, песни, т.п. традиции укоренились на всём «постсоветском пространстве». Ежегодно «инициации» полевой практикой проходят новые поколения студентов-практикантов. «Аура» летних экспедиций распространяется и на камеральную обработку материала, и на конференциальное общение старших и младших коллег. В общем, субъект археологического познания весьма демократичен. В этом он контрастирует со сборищами (кафедрами, секторами, конференциями, семинарами и т.п.) более академизированных гуманитариев, тех же философов. Полевая практика, на наш взгляд, понижает уровень невротичности, акцентуированности учёных.

Археология как искушение гуманитария

Но у практической археологии имеются не только плюсы, но и минусы по сравнению с другими отраслями гуманитарного знания. Ведь археологические источники многомерны не только эпистемологически и методически, но и этически. Имеются в виду такие по виду внешние стороны научной работы, как авторское право, приоритетность открытия, соперничество между коллегами и целыми научными группами, ведущими исследования в близких направлениях. Морально-юридические принципы и

коллизии относятся к любой науке, но в области естествознания соответствующие коллизии в наше время ослаблены давно и просто сложившимися «правилами игры». Конечно, то и дело престижные премии получают не совсем те или совсем не те авторы, кто внёс важный вклад в подготовку соответствующего открытия. Порой на решения инстанций присуждения премий и прочих наград влияют внеученные соображения — клановые, идеологические, политические. Не всегда справедливо (на чей-то взгляд) делятся финансовые потоки, питающие науку. Однако все эти отдельные противоречия в общем вписываются в обстановку неизбежной конкуренции, при которой у всех участников процесса в принципе есть возможность одержать победу. Как говорится, кто не успел, тот опоздал и должен винить сам себя. Мир науки — не добрая сказка, а фрагмент реальной жизни.

В гуманитарных науках, как известно, далеко не столь чёткие критерии новизны, масштабности научных открытий. Отсюда и большая волюнтарность распределения материальных ресурсов между исследователями, пониженный градус их этического самосознания. В области археологии моральная ситуация самая, пожалуй, сложная. Ведь памятник старины совсем не так общедоступен, как текст для филолога или «чистого» историка. За наиболее перспективные памятники, районы раскопок среди археологов всегда шла более или менее явная борьба.

Раскопки — всегда лотерея. Кто вытянет «счастливый билет» — обнаружит сенсационный памятник — заранее неизвестно. Чаще всего наиболее громкие открытия совершали или дилетанты, или не очень выдающиеся профессионалы. Такие открытия, как гомеровская Троя, гробница Тутанхамона, скифские курганы, полные золотом, прославили счастливых, но отнюдь не повысили их рейтинга в глазах академического сообщества.

Налицо изнанка того «жизненного мира», в котором обречены трудиться профессиональные археологи.

Экспансия паранауки и археология как «лекарство» от квазизнания

Один из духовных «вирусов», поразивших общественное сознание наших современников, — паранаука ⁷⁶ не миновала истории. Её официальные версии раз за разом объявляются обманом или самообманом. В пику им предлагается некая «новая хронология», вообще альтернативная история, сочинённая воинствующими дилетантами и чудовищными эклектиками. Мера оппозиционности варьируется в довольно широком диапазоне от такой беллетризации, журнализма в духе недоучившегося по причине репрессий Л.Н. Гумилёва до клинических случаев вроде академика-геометра

⁷⁶ См.: *Смит Дж.* Псевдонаука и паранормальные явления. Критический взгляд / Пер. с англ. М., 2011.

Фоменко, «русских друидов»-неоязычников и прочих маньяков разной степени небезобидности.

Надо признать, что традиционная историография давала определённые поводы для недоверия к ней со стороны широкой общественности. На глазах последней историки, прежде всего при тоталитарных режимах, раз за разом переписывали прошлое по указке властей. Учёные из разных стран излагали национальную и мировую историю с оглядкой на противоборство их современных геополитических интересов. Наконец, редко кто из настоящих историков «опускался» до популяризации своих исследований, адаптации их хода и результатов до уровня массового сознания.

Особенно уязвимой для критики оказалась история, основанная на письменных источниках. Опыт недавно истекшего столетия показал, как виртуозно и многократно можно манипулировать текстами в интересах идеологии. Соответственно степень общественного доверия к научной интерпретации летописей, актов, прочих документов исчезающе мала в народном сознании. Оно вмещает в себя разнообразные химеры в исторических обличьях.

Демифологизации истории успешнее всего способствует археология. Она в состоянии наглядно и материально реконструировать образ жизни далёких предков. Так сказать, материализовать их исторические тени. В музее, на фестивалях исторических реконструкторов, в научно проконсультированных кинофильмах и телепрограммах история как бы оживает. «Живую воду» точной информации для этого фокуса предоставляет археология, раскопки соответствующих памятников старины.

ФИЛОСОФ ЖУРНАЛИСТ

Отзыв

*на автореферат диссертации Д.В. Силаковой
«Владимир Соловьёв и литературно-философская критика
конца XIX – начала XX века» (Воронеж, 1997),
представленный на соискание учёной степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01. – русская литература⁷⁷*

Диссертационное исследование Д.В. Силаковой, как это вполне видно по его автореферату, отличается ненатужной актуальностью. Среди целого ряда публикаций и републикаций о В.С. Соловьёве и его идейном наследии, появившихся после снятия запретов советской цензуры на «пропаганду идеализма и религии», отсутствовали работы, специально посвящённые ему как публицисту, литературному критику в русском, то бишь именно философическо-публицистическом смысле слова «критика». Настоящая диссертация вполне успешно восполняет этот пробел.

Хотя в основе изложения у Д.В. Силаковой вполне добротная текстология именно филологического уровня, её труд носит по сути междисциплинарный характер. Он располагается на стыке литературоведения с эстетикой, историей философии, философией теоретической, причём сразу нескольких разделов последней, начиная с аксиологии, этики и заканчивая социологией, историософией. Подобной междисциплинарности прямо требует сам предмет исследования — критическое творчество первого философа России, каковым давно и широко признан В.С. Соловьёв. Так что в смысле общей методологии подхода к своему предмету соискательница учёной степени находится на должной высоте.

Структура диссертации логична, соотношение общих и относительно частных сюжетов в ней уравновешено. Акцент на соловьёвской резиньяции в отношении А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского и А.А. Фета вполне оправдан в силу не только культурного масштаба, но и характерности этих фигур для разных ипостасей Духа — жизни, веры и чувства, по-моему. Достоинством автореферата я считаю то обстоятельство, что он содержит не конспективно-схематичный пересказ диссертации, до которой мало кто из читателей доберётся, а представляет собой вполне содержательный очерк, целую брошюру по заявленной теме. Убеждён в том, что такую брошюру, в несколько раз расширив автореферат за счёт материалов диссертации, необходимо издать, придав ей черты учебного пособия по русской

⁷⁷ Отзыв для диссертационного совета Воронежского государственного университета, сочинённый по просьбе научного руководителя этой диссертации профессора Курского педагогического университета А.Е. Кедровского. После защиты Андрей Ефимович рассказал мне, что председатель того совета, прочитав мой отзыв, обратился к коллегам по совету со словами: «Уважаемые филологи! Учитесь, вот как надо писать отзывы на диссертации...»

литературе, культурологии и близким предметам средней и высшей школ. Подобная публикация будет весьма полезна учителям и преподавателям, школьникам и студентам, другим читателям — любителям отечественной культуры, изящной словесности.

Мои замечания диссертантке носят вполне частный характер. Поименование соловьёвской «Софии» мифологемой представляется мне не совсем точным. Ведь в мифологемах по определению данной категории преобладает некая превращенность содержания знания, апелляция ко сверхъестественному (см. подробнее мою книгу: Практическое познание. Философско-методологические очерки. Воронеж, изд-во ВГУ, 1994 (гл. «Разум против заблуждений»). Соловьёвская же идея софийности сочетает художественно-эстетическую образность с интуицией скорее мистической, а философская мистика не равна мифологии. Мы же не называем мифологемами Эрос Платона, Природу Б. Спинозы или, допустим, Либида З. Фрейда. Это, скорее, философемы-метафоры, проникающие, надо сказать, даже в естествознание, а не то что в философскую публицистику.

Ещё одно замечание, вроде бы чисто внешнего характера: полный разнобой с инициалами упоминаемых в автореферате персоналий. Их имена-отчества то приводятся полностью, то усекаются до имени, а то опускаются целиком. Получается: Пушкин, Василий Розанов, Ф.М. Достоевский и т.п. Подобная сумятица встречалась мне уже в нескольких авторефератах гуманитарной тематики. Вряд ли стоит поддерживать эту панибратскую тенденцию в стиле научной речи (по сути, хлестаковщину: «Ну, что, брат Пушкин ...»). Имя-отчество в русскоязычной традиции, сокращаемое до инициалов в научном тексте, несёт в себе достаточно глубокий смысл и вряд ли стоит от него отказываться ради мелочной экономии места на странице. «Номера веков» следовало бы по той традиции обозначать римскими цифрами, а не арабскими. Текст автореферата следовало бы вообще чётче структурировать с помощью разных шрифтов, курсива, т.п. типографских средств (из них использованы лишь подчёркивания, самый школярский, не принятый в книгоиздании приём), предоставляемых не только компьютером, но и пишущей машинкой. А то чисто внешне, читательски текст автореферата, что называется, слеповат.

Как видно, мои пожелания автору реферата носят вполне второстепенный, пренебрежимый на данном этапе её работы характер. В целом перед нами зрелое, примечательное даже на фоне богатой историографии вопроса научно-философское исследование на весьма важную для российской культуры тему. Д.В. Силакова, судя по внушительному объёму освоенной ею сложной и редкой литературы, выказанным навыкам её тонкого и глубокого анализа, оригинальности выводов её диссертации, вполне, на мой посторонний взгляд, заслуживает присуждения ей искомой учёной степени.

14 ноября 1997 г.

ПИСАТЕЛИ ИСТОРИКИ

А.А. ФОРМОЗОВ.

*Классики русской литературы
и историческая наука. М., «Радикс», 1995*⁷⁸

Немногим учёным, особенно гуманитариям, выпадает честь стать основателем не просто нового направления исследований, но и целой их отрасли. Археолог, видный специалист по эпохе камня и особенно первобытному искусству, А.А. Формозов с начала 1980-х годов одновременно выступает автором «увлекательных и изящных книг», до самого последнего времени «составлявших чуть ли не всю историографию отечественной ... археологии»⁷⁹. Особенностью этих работ⁸⁰ является глубокий культурологический анализ взаимосвязей развития науки об исторических древностях с литературой, другими искусствами, естествознанием, политикой, общим менталитетом разных периодов новой и новейшей истории.

Рецензируемая книга не только продолжает данную серию публикаций А.А. Формозова, но и расширяет её за счёт разбора общеисторических, даже источниковедческих воззрений тех классиков русской литературы, которые проявляли живой интерес к прошлому Отечества. Отдельные очерки посвящаются М.В. Ломоносову, Н.М. Карамзину, А.С. Пушкину, Н.В. Гоголю, А.К. и Л.Н. Толстым, А.Н. Островскому, М.Е. Салтыкову-Щедрину.

Об исторических взглядах этих корифеев отечественной словесности написаны статьи, диссертации, монографии. В ряду последних выделяется обобщающий труд Л.В. Черепнина⁸¹. Подход Формозова к этой теме во многом альтернативен сложившейся на сей счёт традиции, когда все великие писатели изображаются также и крупными историками (историософами), к тому же непременно придерживающимися прогрессивных для своего времени взглядов. Явно идеологизированным абстракциям автор противопоставляет гораздо более плодотворное стремление проследить не только общее, но и особенное у профессиональных учёных и у художников слова в их отношении к истории; различить идейные установки, мировоз-

⁷⁸ Опубликовано в разделе «Историография» журнала «Вопросы истории» (1998. № 5. С. 156–158).

⁷⁹ *Клейн Л.С.* Парадигмы и периоды в истории отечественной археологии // Санкт-Петербург и отечественная археология. СПб., 1995. С. 173.

⁸⁰ См.: Александр Александрович Формозов. Библиография. К 50-летию научной деятельности. Киров, 1994.

⁸¹ См.: *Черепнин Л.В.* Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968.

зренческие декларации писателей по поводу историзма и реальную практику их творчества; такие шедевры, как «Борис Годунов», «Тарас Бульба» или «Война и мир».

Наблюдения и выводы Формозова отличаются редкой для историографии новизной. Кому-то из читателей может показаться непривычно откровенным стиль его рассмотрения не только сильных, но и слабых по исторической части сторон творчества классиков русской литературы. Так, сопоставление исторического баснословия постлетописного «Синописа» и выкладок о происхождении славян и русских у Ломоносова явственно обнаруживает их общие западнославянские источники эпохи Ренессанса — книжные легенды о нашествии Александра Македонского на свободлюбивых славян, их прямом родстве со скифами и сарматами, и тому подобные псевдопатриотические выдумки. Приходится признать, что «великий естествоиспытатель, сам превратившийся для нас в национальный миф, не смог подарить народу ни полноценный научный труд о прошлом России, ни новый вариант мифа, приемлемый для массового читателя»⁸².

Стоит, далее, согласиться с автором в том, что некоторым из выдающихся писателей оказался в общем чужд историзм; далёкое прошлое мало их волновало (как, например, А.И. Гончарова или А.П. Чехова). Другие классики, напротив, ревностно и с пользой для себя штудировали научные труды и даже источники по истории, однако применяли полученные знания в свою очередь неодинаково. Одни (как А.Н. Островский в своей не слишком удачной драматургии на исторические, а не бытовые темы) встали на путь голой иллюстративности, прямой зависимости от современной им историографии. Другие (Пушкин в первую очередь), неплохо зная и в принципе ценя историческую науку, творили на её темы гораздо свободнее, пользуясь ради художественного эффекта вольными или невольными анахронизмами, порождая новые легенды вопреки уже известным фактам. Тут «писатели заботились не о мелочной точности, а создавали свой мир, как бы вторую реальность»⁸³. Зато эти же самые литераторы сумели поднять важные темы, которые обходила официальная наука XVIII – первой половины XX века — от народных движений (начиная с «Капитанской дочки» до ГУЛАГА (В.Т. Шаламов, А.И. Солженицын и др.).

У третьей группы писателей переосмысление исторической реальности и воплощение её в художественных образах сочеталось с открытой враждебностью к исторической науке. В меру индивидуального темперамента эта позиция проявлялась то в саркастических выпадах, коими Салтыков-Щедрин удостоил в своих книгах и письмах буквально всех извест-

⁸² Формозов А.А. Классики русской литературы... С. 28.

⁸³ Там же. С. 142.

ных ему профессоров русской истории — от С.М. Соловьёва до Д.И. Иловайского; то в наигранном желании Л.Н. Толстого «жечь все истории и казнить авторов».

Как видно, отношение писателей к музе Клио напоминало афоризм Дж. Байрона о женщинах, с которыми он не может жить, как и жить без них. Общение представителей науки и искусства применительно к прошлому располагается в широком диапазоне, в котором умещаются и дружеская беседа, и отчуждённое молчание, и откровенный скандал. Изобильным и ярким материалом в книге подтверждается вывод о качественном своеобразии и вместе с тем взаимной дополнительности, нередкой «резонансности» проекций истории в науке и в искусстве.

Особенной актуальностью отличается трактовка автором отношений обоих отмеченных горизонтов культуры к обыденному, неспециализированному пласту общественного сознания. «Несомненно, — констатирует Формозов, — наука отстоит от него дальше, чем литература, хотя в мировосприятии любого учёного есть немало и от обыденных представлений»⁸⁴. При этом вклад подлинного искусства в безбрежную историческую неомифологию куда скромнее низкосортной беллетристики, адресованной массовому читателю (вроде псевдоисторических опусов В. Пикуля и иже с ним).

Автор, мне думается, недооценивает творчество исторических писателей второго и следующего рядов. Хотя книга сознательно ограничена кругом классиков, и уступавшие им мерой дарования сочинители упоминаются на последних её страницах вскользь, разница между первыми и вторыми вряд ли только количественная. Видимо, коллективный читательский субъект обладает не только верхним, но и низшим порогами восприятия образной истории. И на формирование массовых представлений о прошлом лучше всего обычно влияют далеко не эпохальные, но и не совсем уж наивные произведения рассматриваемого жанра. В частности, такие, что несколько ограниченно причисляются к золотому фонду подростковой, юношеской литературы. У нас это, например, «Князь Серебряный» А.К. Толстого или же «Необычайные приключения Кукши из домовичей»

⁸⁴ Там же. С. 145.

Ю.П. Вронского ⁸⁵, а на Западе великолепный «Белый отряд» А. Конан Дойля, либо увлекательная «Чёрная стрела» Р.Л. Стивенсона.

Впрочем, в книге Формозова и в своеобразном постскриптуме к ней — большой его статье «Старая историческая литература на современном книжном рынке России» ⁸⁶ как раз дан очень своевременный и взвешенный разбор вопроса о популяризации, беллетризации исторических знаний. К сожалению, не только малоразборчивые журналисты да слишком рьяные краеведы, но порой и дипломированные историки встают на путь снисходительного поощрения откровенных фальсификаций прошлого. Формозов называет это феноменом «Синописа» — когда та или иная баснословная версия происхождения и жизни предков пользуется читательским спросом и покровительством власть имущих при наличии мало кого интересующих научных обзоров тех же самых вопросов, их высокохудожественных трактовок. «Представления о глубочайшей древности своего народа, о том, что он развивался именно на той территории, какую занимает сегодня, о его неизменных громких победах над всеми соседями, возникшие на ранних этапах культуры, сохранялись очень долго, а кое у кого удержались в сознании и поныне. Научные исследования, входившие в противоречие с этими представлениями, не раз встречали отпор со стороны людей, воспитанных на литературе донаучного, по сути мифологического характера» ⁸⁷. В предыдущей книге того же автора — по истории отечественной археологии, в основном советского периода ⁸⁸, пагубность националистического мифотворчества на историографической ниве продемонстрирована на вполне конкретных примерах научных школ, отдельных лиц и книг уже не только «золотого века» российской культуры, но и 20-х – 90-х годов столетия XX.

Со своей стороны, приведу и такой характерный образец отмеченной коллизии, как недавно отпразднованные юбилеи некоторых российских городов, чей возраст на порядок завышался местными краеведами и

⁸⁵ Юрий Петрович Вронский (1927–2008) — поэт и переводчик (скандинавист и славист), детский писатель. В его прозе для детей со знанием дела использованы данные археологии и истории. Упомянутая его историческая повесть состоит из двух частей: «Кукша — варяжский пленник» и «Кукшино странствие за тридевять земель» (2006). Первая часть легла с основу сценария замечательного советско-норвежского фильма С. Ростоцкого и К. Андерсена «И на камнях растут деревья» (1985).

Независимым аналогом этого сюжета является повесть замечательной английской писательницы Розмэри Сатклиф (1920–1992), чьи замечательные произведения на исторические темы для детей и юношества только отчасти переведены на русский язык. См.: Сатклиф Р. Песнь меча / Пер. с англ. М., 2009. Вместо славянина Кукши тут шестнадцатилетний норвежец Бьярни Сугурдсон.

⁸⁶ Книжное обозрение. 1996. 23. IV. С. 9.

⁸⁷ С. 14–15.

⁸⁸ См.: Формозов А.А. Русские археологи до и после революции. М., 1995.

властями вопреки вполне установленным учёными историческим фактам. Так, южнорусский Белгород, который начали строить в 1596 году, отметил в 1995 году своё якобы 1000-летие, тогда как в соответствующем летописном известии речь идёт о его киевском тезке, расположенном на Правобережье Днепра. Или взять недавнее чествование в Курске 700-летия чудотворной иконы Богородицы, именуемой «Коренной». В старопечатной брошюре о её чудесном обретении явно спутаны эпохи татаро-монгольского нашествия и противостояния Руси Крымскому ханству. Похожую борьбу «за удревнение» — во что бы то ни стало — своих «малых родин» ведут краеведы многих других областей России.

Книга Формозова способна послужить противоядием в отношении подобных заблуждений исторического сознания. Апеллируя к научно-исследовательским и популяризационным традициям отечественной историографии, она сама вполне им соответствует.

ПИСАТЕЛЬ И ИСТОРИЯ

Отзыв официального оппонента на диссертацию Н.Е. Дорошенко «Историческое развитие России как отражение политического генотипа в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина» (Воронеж, 1995), представленную на соискание учёной степени кандидата исторических наук (по специальности 07. 00. 02 — отечественная история) ⁸⁹

На современном этапе развития исторической науки, как отечественной, так и зарубежной, происходит закономерное изменение «палитры» исследовательских жанров. Освобождение прежде, в СССР засекреченных архивных фондов, снятие идеологических барьеров на целый ряд тем и проблем поощрило интерес большинства историков к нарративному преимуществу изложению вопросов социальной, политической, персональной, повседневно-вещественной, военной истории. Между тем в новых условиях научного творчества есть резон в очередной раз обратить внимание на такие темы, чьи источники уже не раз штудировались в историографии, однако с в чём-то устаревших теоретико-методологических позиций. К числу такого рода тематических полей принадлежит и такое, которое можно назвать: «Классики художественной литературы и историческая наука». О том, как смотрели на историю корифеи отечественной словесности, написаны многие статьи, диссертации, монографии. В ряду последних выделяется обобщающий труд Л.В. Черепнина ⁹⁰ (упоминание которого почему-то отсутствует в этой диссертации). Почти все эти работы исходили из общего знаменателя примерно такого рода: все наши великие писатели были одновременно крупными историками (по крайней мере — историософами), к тому же они придерживались прогрессивных для своего времени взглядов. На самом деле художники слова относились к прошлому по-разному; некоторые (И.А. Гончаров, А.П. Чехов, например) остались вообще чужды историзму, их интересовало вечное или же всё только злободневно-актуальное. Идейные установки, мировоззренческие декларации писателей могли отличаться от реальной практики их творчества (взять хотя бы Н.В. Гоголя — лектора и его литературные шедевры вроде «Тараса Бульбы»). Первой работой, где эта тема оказалась рассмотрена вполне конкретно и правдиво, явилась книга А.А. Формозова (на которую мне довелось опубликовать рецензию ⁹¹).

Рассматриваемая диссертация Н.Е. Дорошенко примыкает к тому же направлению современной историографии. Её основному персонажу —

⁸⁹ Отзыв оглашён на защите этой диссертации в Курском государственном университете, не публиковался.

⁹⁰ См.: Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968.

⁹¹ См.: Щавелев С.П. [Рец. на кн.:] А.А. Формозов. Классики русской литературы и историческая наука. М., 1995 // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 156–158.

М.Е. Салтыкову-Щедрину повезло со вниманием историографов. В известном справочнике «История исторической науки в СССР» (М., 1965) в разделе «Писатели, изучавшие историю России», учтено 14 работ, посвящённых этому писателю. Аналогичных разделов о Н.В. Гоголе, А.К. Толстом, А.Н. Островском, Л.Н. Толстом, Ф.М. Достоевском, Н.С. Лескове тут нет. И в дальнейшей историографии повышенное внимание к автору «Истории одного города» сохранялось. Н.Е. Дорошенко удалось найти свою вполне оригинальную и содержательную тематическую нишу в историографическом «салтыкововедении». Автор диссертации на конкретных материалах демонстрирует нам пророческую функцию отечественной литературы — художественное предвидение вызревания тоталитарных тенденций в политической культуре России.

Первое достоинство настоящего исследования — его междисциплинарность, комплексность авторского подхода к теме. Оставаясь на почве исторической науки и её методов, Н.Е. Дорошенко использует также данные философии, политологии, литературоведения и целого ряда смежных с ними гуманитарных дисциплин. Соответствующей литературой она владеет и «вглубь» (за XIX–XX вв.), и «вширь» (за 1990-е – 2000-е гг.). Конечно, исчерпать щедринскую библиографию, тем более «спрятанную» в рамках работ общего плана (вроде вышеупомянутых монографий Л.В. Черепнина и А.А. Формозова) диссертанту не удалось, но необходимый порог накопления литературных данных явно перейдён. Историография проблемы (стр. 11–26 диссертации) препарирована Н.Е. Дорошенко вполне убедительно (без нередких ныне попыток реставрировать советскую коммунистическую идеологию).

Настоящая диссертация органично вписывается в современную парадигму историописания, да и познания вообще. В том смысле, что ныне, в рамках так называемого «постмодерна», рамки научности резко расширяются. Точнее говоря, признаётся интеллектуальное равноправие и взаимная дополнительность разных форм культуры — собственно науки и творческих возможностей литературы, искусства, религии и т.д. Так что теоретико-методологический зачин диссертации (стр. 3–4) звучит вполне убедительно.

Структура диссертационного исследования и изложения логична. Произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина помещены в соответствующий историко-литературный контекст — рассмотрены на фоне и предшественников, и современников, и наследников его заветных идей. Следует одобрить концептуальный каркас диссертационного исследования (стр. 27–32) — сравнительную экспликацию таких категорий, как «политическая культура», «менталитет», «политический миф», «национальный характер», «социальный идеал» и, наконец, центральное для всего исследования понятие «политического генотипа». Меня, как историка и философа, преподающего, помимо прочего, политологию, убеждает данное Н.Е. Дорошенко определение этого последнего как метафоры преемственности, тради-

ций в политико-правовом континууме развития страны, её цивилизационных основ (стр. 30). Понятие политического генотипа, сколько мне известно, впервые вводится диссертантом в категориальный инструментарий истории Отечества.

Заявленная историософская схема в дальнейшем изложении наполнена диссертантом соответствующим материалом. Пути исторического развития России, особенности отношений между обществом и государством, в главе второй и в первом параграфе главы третьей реконструированы с помощью образов из произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина последовательно и разносторонне. Думается, что трудно оспорить какую бы то ни было из прослеженных автором с помощью «её» писателя и публициста черт «социально-политической генетики» нашей Родины. Тут и государствоцентризм; и подавление права властной волей; и преувеличенные общинность, коллективизм, с одной стороны, а с другой, — излишняя зависимость судеб государства от характерологии его верховных правителей; и порождаемые всем этим беспремерные даже для соответствующих эпох конфликтность и насилие в стране. Этот политический мартиролог можно было продолжить (что и делает автор диссертации).

Однако пора высказать ему замечания принципиального свойства. Собственно, эти замечания я могу свести к одному основному — исследовательница не захотела, не попыталась применить к своему литературно-художественному материалу такой методологический приём, как «внешняя» критика источника. А именно, не только похвалить писателя за его действительные достоинства, за его большой вклад в политическое сознание соотечественников, но и усомниться в его же правоте, подумать над тем, в чём наш великий критик был не прав, даже глубоко заблуждался.

Обращу внимание на два принципиальных момента. Во-первых, сатиры Салтыкова в смысловом плане неоднородны, противоречивы, в них изначально и до сих пор скрывается загадка. Когда самого писателя спросили, в чём же главный замысел его «Истории города Глупова», он отвечал: «Кто как хочет, пусть так и понимает»⁹². Читатели и критики его произведений выработали несколько позиций на сей счет, каждая из которых имеет право на существование:

- писатель издевается над русской историей, он создал пасквиль на неё;
- писатель издевается над современными ему историками, которые нередко писали историю Отечества в столь же лубочных, раёшных тонах;
- писатель ставит своей родине неутешительный диагноз с благой целью облегчить страдания, а в дальнейшем излечить Россию от её социально-политических язв.

⁹² *Сильчевский Д.П.* Мои встречи с М.Е. Салтыковым-Щедриным // М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1975. С. 151.

Н.Е. Дорошенко касается этого вопроса, но недооценивает его, проходит мимо первых двух позиций, а напрасно. Автор диссертации безоговорочно становится на сторону писателя, выступает в роли его адвоката. А надо было, образно говоря, примерить и мантию прокурора. Как известно, Салтыков за свою долгую жизнь в литературе один-единственный раз взялся отвечать своим критикам (да и то не отослал подготовленный им ответ А.И. Суворину — о чём Н.Е. Дорошенко упоминает на стр. 11). Между тем ответ Салтыкова чрезвычайно характерен именно с историографических позиций. Писатель отрицает свой интерес к историческому прошлому, исторический антураж потребовался ему только для борьбы с вечным и актуальным злом русской жизни: «Мне нет никакого дела до истории, я имею в виду лишь настоящее», заявил он.

Отсюда вытекает второй и наиболее принципиальный момент, которого не учла Н.Е. Дорошенко: историческая по форме сатира Салтыкова носит односторонний характер. Он превосходно живописал тёмные, страшные, постыдные стороны русской жизни, но не хотел и не умел видеть другие — светлые, отрадные, обнадеживающие. Идеологическая платформа революционной демократии, на которой стоял этот публицист и беллетрист, заужала угол его зрения на историю. Под конец своей жизни писатель вынужден был сознаться в однобокости своего творческого дара. В автобиографической сказке «Игрушечного дела людишки» писатель говорит устами изготовителя марионеток Изуверова: «Сколько я ни старался добродетельную куклу сделать — никак не могу. Мерзавцев — сколько угодно»⁹³.

Щедрин односторонен не только идеологически, но и психологически. Ему не хватало юмора, добродушной шутки. Его стихия — сарказм, сатира апокалиптического масштаба. Помимо сугубо личностных качеств писателя, дурную службу ему сослужила пожизненная журнально-редакторская практика. Все его произведения по жанру — очерки, не превышающие газетную полосу. А для полного понимания русской жизни формы очерка, скетча, фельетона явно маловато. Н.Е. Дорошенко сама сравнивает щедринское творчество с наследием других писателей, не чуждых истории: А.С. Пушкиным (стр. 38–40), Н.В. Гоголем (стр. 42–45), А.К. Толстым (стр. 50–53). Но диссертант не извлекает всех возможных выводов из этого сравнения. У названных писателей юмор сочетался с сатирой в подходящей историку дозе. Кроме «Истории села Горюхина» Пушкин создал, как известно, реалистические, «стереоскопические» образы Бориса Годунова, Петра Великого, Емельяна Пугачёва и прочих деятелей нашей истории. Гоголь не только высмеивал «мёртвые души» своих соотечественников, он же воспел подвиги польских шляхтичей и украинских казаков. Особенно показателен в рассматриваемом отношении А.К. Толстой. Характерно, что его шуточная «История государства рос-

⁹³ Цит. по: *Вайль П., Генис А.* Родная речь. Уроки изящной словесности. М., 1999. С. 218.

сийского от Гостомысла до Тимашёва» была запрещена к публикации вплоть до смерти писателя, а «Историю города Глупова» цензура разрешила сразу. Тонкая издёвка ранит большее грубой брани.

То главное, что Щедрин просмотрел в русской истории, в нашем национальном характере, выразили другие писатели. У того же А.К. Толстого имеется не только анекдотическая маска Козьмы Пруtkова, но есть ещё исторический роман «Князь Серебряный», есть превосходная драматическая трилогия, есть исполненные глубокой историософии исторические баллады. Н.Е. Дорошенко верно сопоставляет сатиры Салтыкова с антинигилистическим, пессимистическим «Дымом» И.А. Тургенева. Но ведь тот же Тургенев воспел закат дворянской культуры, подчеркнул её роль в создании непреходящих моральных ценностей, памятников культуры и искусства (в частности, историографии). Мне представляется, что в «Дворянском гнезде» Тургенев ближе к истине насчёт истинного вклада России в мировую культуру, нежели Салтыков со своим «Городом Глуповым».

Не случайно Салтыков-Щедрин так не любил профессиональных историков и издателей исторических источников. Заболев под старость лет, Михаил Евграфович написал на одной из банок с анализами: «Моя моча. После моей смерти отдать сукину сыну Бартеневу для «Русского архива»⁹⁴. Н.Е. Дорошенко неоднократно в подтверждение своих выкладок цитирует И.Е. Забелина, историка самобытного, но малообразованного, ультрамонархиста по взглядам. Сам же Салтыков, издеваясь над его штудиями русской археологии, предлагал написать «Историю домашнего быта головастика». А.А. Формозов приводит убийственные факты антиисторизма салтыковского мышления. Известны 101 письмо Салтыкова к Некрасову, 36 — к А.Н. Островскому, 5 — к Л.Н. Толстому. Ответных писем этих писателей нет — адресат уничтожал автографы заведомых классиков русской литературы сразу по их прочтении. В автобиографии для известного словаря С.А. Венгерова Салтыков написал: «Род мой старинный, но историей его я никогда не интересовался».

Возвращаясь к вопросу о характере политической власти и специфике исторического развития России в изложении Н.Е. Дорошенко (стр. 93–112), отмечу, что каждой из выделенных исследовательницей черт можно с тем же основанием противопоставить прямо противоположную да подкрепить её и конкретно-историческим материалом, и творениями художественной литературы. Авторитаризм? Да, но была и вечевая, казацкая вольница; была постоянная колонизация с вектором в Сибирь, на Аляску, в Калифорнию, на Гавайи... То есть на волю. Патернализм? Да, но было и встречное движение снизу вверх политической лестницы, когда разные слои народа сплывались вокруг вождей, князей, императоров и под их знамёнами «шли на большие дела». Начальстволюбие? Да, конечно, но вперемежку с расправами над неугодными правителями. Традиционализм?

⁹⁴ *Танеев В.И.* Русский писатель М.Е. Салтыков (Езоп) // М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминания современников... Т. 2. С. 233.

Да, но с периодическими порывами к новому, неизведанному. Обращу внимание автора диссертации на труды академика РАН Л.В. Милова, объединённые в книге «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» (М., 1998) — об природно-экономических основах русского менталитета.

Несколько слов о тоталитаризме. Автор на стр. 109–112 разбирает разные точки зрения на это явление, перечисляет многие его признаки. Вопрос сложный и спорный. Мне представляется, что те признаки, что резюмируются Н.Е. Дорошенко на стр. 112, принадлежат скорее такому режиму, который лучше называть авторитаризмом. Тоталитаризм — открытие XX в. потому, что «изобрёл» главное средство полного контроля над частной и общественной жизнью поданных — перманентный террор, физическое устранение определённой части населения страны ежегодно (концлагеря, истерия доносительства, фантастическая социальная мобильность вследствие ускоренного устранения целых поколений элиты). Салтыкову-Щедрину и не снился ГУЛАГ. Его сатиры, по-моему, остановились по своей прогностической силе на ужасах гражданской войны конца 1910-х – начала 1920-х гг. А это была всего лишь зарница будущего апокалипсиса мировых войн и большого террора.

В той же самой связи процитирую мнения известного нашего мыслителя В.В. Розанова, которые, кажется, примиряют мои и диссертанта взгляды на творчество Салтыкова-Щедрина. Великий философ долгое время бранил Щедрина за клевету на свою Родину. Отмечал, что «пренесносный Щедрин» не пошёл смолоду ни в мировые посредники, ни в учителя, а пошёл по министерству внутренних дел и сделал там карьеру. То есть он сам — один из «градоначальников» своего Глупова. Розанов прозорливо отмечает обратное влияние произведений литературы на общественное сознание: «После Гоголя, Некрасова и Щедрина совершенно невозможен никакой энтузиазм в России. Мог быть только энтузиазм к разрушению России». Так что салтыковские сатиры не только лечили, но и парадоксальным образом усугубляли наши общественно-политические язвы. К тому же щедринские инвективы использовались жандармами как наживка при ловле революционеров. «Неосторожно «наживку» до того развели, что она порвала сеть и грозит съесть самого рыбака». «Почитав у вас об отечестве, десятилетний ползет на стену». Поэтому всему порядочные люди его и не читали: «Все знали суть его. Но: — Мы всё-таки учились в университете» (т.е., помимо прочего, знаем русскую историю на самом деле). «Как «матёрый волк» он наелся русской крови и сытый отвалился в могилу».

Но когда Розанов столкнулся в 1917–1918 годах с большевизмом лицом к лицу, он покаялся перед Щедриным, обратившись к тому так: «Целую жизнь я отрицал тебя в каком-то ужасе, но ты предстал мне теперь в своей полной истине. Щедрин, беру тебя и благословляю. Проклятая Россия, благословенная Россия»⁹⁵.

⁹⁵ Розанов В.В. Уединённое. М., 1990. С. 19, 65, 243, 265.

Таким образом, следует одобрить исследование Н.Е. Дорошенко в целом, но обратить её внимание на возможность дальнейшей работы над выбранной ею темой.

Добавлю ещё несколько замечаний уже не по содержанию диссертации, а по форме её изложения.

Не совсем ясен принцип построения заключающей работу библиографии. Разница между многими изданиями, включёнными в её первую часть — «Печатные источники» и вторую — «Исследования», улавливается мной с трудом. Может быть, имел смысл обратиться к архивным материалам. Персональные фонды М.Е. Салтыкова-Щедрина есть в РГАЛИ (включая рукописи произведений), Рукописных отделах Института русской литературы (Пушкинском доме) (включая документы родственников писателя), РГБ, РНБ (носившей до недавнего времени имя этого писателя).

Ряд замечаний должен быть предъявлен к внешнему — стилистическому и даже полиграфическому оформлению текста диссертации. Автор нарушает некоторые общепринятые в отечественном книгоиздании стандарты (а диссертация, согласно действующим нормативам, с этой точки зрения должна представлять собой рукопись, как бы подготовленную к печати). Так, наименования веков даются не римскими цифрами, а словами; автор вообще не любит нормативных сокращений вроде г. — «год»; в. — «век» и остальных; инициалы от фамилии принято отделять пробелом; необходимых пробелов нет и между многими другими элементами текста. В компьютерном наборе не была задействована опция автоматических переносов, что привело к увеличению текста диссертации на десяток-другой страниц за счёт лишних пробелов между словами. Некоторые огрехи текстового набора носят, к сожалению, практически общераспространённый у нас характер — вместо знака «тире» (—) ставится дефис «-»; вместо знака номера — № латинская буква N.

Как видно, практически все мои замечания носят не принципиальный, а рекомендательный характер. Они несколько не умаляют общей высокой оценки работы Н.Е. Дорошенко. Её диссертация вполне соответствует действующим требованиям Высшей аттестационной комиссии к такого рода научно-квалификационным работам. Результаты, полученные диссертантом, довольно полно опубликованы в научной печати и апробированы на авторитетных научных конференциях. Автореферат верно передаёт основные положения диссертации.

Полагаю, что за представленное исследование Н.Е. Дорошенко заслуживает присвоения ей учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07. 00. 02 — отечественная история.

НЕКОТОРЫЕ РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ

*П.С. Уварова. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005. 296 с.; Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 144. М.: 2005. 336 с.*⁹⁶

Имя графини Прасковьи Сергеевны Уваровой (1840–1924) до сих пор не нуждается в особых пояснениях для большинства представителей гуманитарного знания, по крайней мере, историков и археологов. Восемнадцатилетняя княжна Щербатова, отвергнув ухаживания Льва Николаевича Толстого (и став общепризнанным прототипом Кити Щербатской из «Анны Карениной»), она чуть позже, в 1859 г. вышла замуж за другого графа — Алексея Сергеевича Уварова (1825–1884). Несмотря на значительную разницу в их возрастах, брак оказался счастливым, многодетным. Графиня принимала живое участие в археологических путешествиях, раскопках и музейных занятиях мужа, всей его общественной деятельности, став, по сути, его секретарём и заместительницей; наконец, преемницей.

В историографии русской науки об исторических древностях за А.С. Уваровым закрепилась заслуженная репутация основоположника отечественной археологии. Он сделал решающий шаг от дилетантского рытья курганов и городищ в поисках ценных вещей к научной методике раскопок; подготовил первые монографии с историческим анализом археологических находок (о каменном веке на территории европейской части страны, о летописном племени мерян и ряд других); организовал первые демократически устроенные общества столичных любителей старины; затем периодические съезды археологов всей России (с приездом туда же множества зарубежных коллег); наконец, основал Русский Исторический музей в Москве. Все эти начинания, успехи и трудности их осуществления живо отразились в мемуарах графини Прасковьи Сергеевны.

После безвременной кончины в 1884 г. своего основателя, Императорское Московское Археологическое общество (ИМАО) одним решением отменило тот пункт своего устава, который запрещал проникновение в ряды его членов «дамского элемента», а следующим избрало на пост председателя вдову покойного графа. Среди многих других коллег это решение приветствовал добрый знакомый семьи Уваровых, профессор Д.Я. Самоквасов. Отвечая ему, графиня писала: «Я бы, разумеется, никогда не бросила деятельности, с которой сжилась и [которую] полюбила, как самого руководителя, но вместе с тем не знаю, хорошо ли я сделала, приняв председательство. Ведь мне, менее чем кому-либо желательно погубить дело, начатое графом. Я готова работать, но не судья в том, сумею ли работать на пользу всем нам дорогого дела»⁹⁷. Судьёй выступила сама история рус-

⁹⁶ Опубликовано прежде: Вопросы истории. 2007. № 3. С. 170–172.

⁹⁷ Уварова П.С. — Самоквасову Д.Я. 7. 05. 1885 г. // Отдел письменных источников Государственного Исторического музея. Ф. 104. Оп. 1. Д. 25. Л. 65.

ской гуманитарной науки. На этом посту графиня не только сохранила главное детище своего покойного супруга, но и уверенно повела Московское Общество русских археологов к новым достижениям в изучении и охране отечественных древностей.

Над воспоминаниями графиня работала в эмиграции, в Югославии, где она оказалась в 1919 г., по сути без гроша, оставив на Родине все свои богатства, движимые и недвижимые. Писать мемуары Прасковья Сергеевна начала на последнем году жизни, и немного не успела их закончить. Рассказ символически обрывается на отъезде их семейства с Кавказа за границу. Рукопись сохранялась в нескольких поколениях её потомков, расселившихся из Сербии и Словении по всему миру. Пока один из её правнуков, князь С.С. Оболенский, живущий в Париже, не привёз рукопись в Москву и не передал от лица всех своих родственников на хранение в Государственный Исторический музей. Благодаря конкуренции нескольких архивно-учёных дам, получивших доступ к манускрипту, практически одновременно вышло сразу два разных издания этой работы. Первое готовили к печати М. Бастракова и Л. Заковоротная, а второе — Н. Стрижова. Каждое издание заявляет в аннотации, что оно первое. По времени первое, сабашниковское издание ⁹⁸ предпринято трёхтысячным тиражом, но в более скромном полиграфическом обличье, а следующее, гимовское, тысячным, но в оформлении подарочного уровня, с большим количеством иллюстраций, в том числе цветных. Обложка последнего воспроизводит штучный цветной переплёт рукописи; наконец, к нему приложена подборка откровенных писем Уваровой своему мужу. Таким образом, многолетняя разлука этой замечательной рукописи с русскими читателями компенсирована теперь сполна.

Мемуарный жанр, как известно, один из наиболее востребованных среди тех, кто сегодня продолжает читать. Воспоминания графини Прасковьи Сергеевны, несомненно, будут интересны многим любителям этого жанра. «Балы, красавицы, лакеи, юнкера...», стилизованные современным поэтом, — всё это и многое другое по части быта, сельского и придворного, русского и заграничного, зарисованное неравнодушным пером выдающейся русской женщины, в книге имеется и ждёт интеллигентного читателя. Жизнь на Родине и неоднократные путешествия в Европу сводили супругов Уваровых со многими знаменитыми современниками. Эти встречи щедро представлены на страницах воспоминаний. Юную Прасковью Щербатову учили своим предметам филолог Ф.И. Буслаев, основатель Московской консерватории Н.Г. Рубинштейн, живописец А.К. Саврасов. Среди дальнейших уваровских собеседников и сотрудников, — императоры Александр II и Александр III, императрицы Мария Александровна и Мария Федоровна, многие другие члены царствующего дома и придвор-

⁹⁸ При цитировании обозначим сабашниковское издание — I, а гимовское издание — II.

ные лица; а также «весь Козьма Прутков» (А.К. Толстой и братья Александр, Алексей и Владимир Михайловичи Жемчужниковы); историки М.П. Погодин, И.Е. Забелин, Д.И. Иловайский; писатели А.И. Герцен, И.С. Тургенев, Ж.-Э. Ренан и ещё десятки знаменитостей науки, искусства, политики. Старая и новая столицы, подмосковная резиденция Уваровых Поречье, их муромское имение Карачарово, Кавказ, почти все университетские центры России, где проводились раз в два-три года Археологические съезды, главные европейские центры музейной и архитектурной археологии, — такова топография уваровских воспоминаний.

Открываются они 1850-ми гг., когда юная Паша Щербатова начинала свой жизненный путь, а заканчиваются 1918 г., когда почётный академик Императорской академии наук П.С. Уварова, повинувшись уговорам детей, вынуждена была оставить всё своё немалое достояние на Родине и бежать из страны по сути дела с пустыми руками.

Для специалистов записки Уваровой интересны не только бытовыми очерками внутрисемейных идиллий да коллизий, но в первую очередь её спокойным рассказом о научных, музейных, коллекционерских занятиях; оценками множества учёных и любителей древностей, с кем ей довелось столкнуться на долгом жизненном пути. Взгляд изнутри историко-археологической «кухни» всегда любопытен историографически, позволяет проверить или скорректировать многие официальные академические репутации. Но кроме собственно историографического, опубликованный документ имеет и более широкое значение — памятника русской мысли пореформенной и революционной эпох, отражения отечественной культуры на переломе прошлого и позапрошлого веков. Помимо археологических раскопок, научных путешествий и съездов, коллекционирования и разбора древних рукописей, графиня вспоминает о многом в хозяйственной, предпринимательской, земской, благотворительной деятельности своего семейства; о тех политических и общественных ситуациях, в которых оно оказывалось вместе со всем русским народом. Исследователи самых разных сторон прошлого русской культуры найдут на страницах «Былого» любопытный для себя материал.

«Прошедшие счастливые дни» сиятельной учёной дамы особенно полезно, между прочим, прочесть историкам общественной мысли, а также политологам всех мастей, расплодившимся у нас за последнее время. Мемуаристка твёрдо придерживается монархически-консервативной идеологии. Она не стесняется сталкивать идеи «самодержавия, православия и народности» с теми, которыми поманили русский народ «велеречивые проповедники» радикальных доктрин. На множестве примеров из жизни своего семейства и соседских имений, графиня демонстрирует, как лучшие представители дворянства, «живя среди крестьянства, умели привлечь его к себе и, разделяя с ним и радости и горе, вносили в его среду и грамотность, и более усовершенствованные орудия, и некоторую потребность к улучшению их быта и обстановки». А радикалы-большевики «во имя рав-

ноправия, свободы и любви — залили Россию кровью, разорили всех и погубили Россию» (I, с. 25).

Можно было бы и поспорить с Прасковьей Сергеевной, уверявшей, что в пореформенной русской деревне «все были сыты, здоровы и довольны и жили потому мирно и согласно между собой». Но, по-моему, лучше задуматься над тем, насколько советская историография искажала пропорции социального консенсуса и классовой борьбы, благодетельных мероприятий и общественных язв в жизни Российской империи. На примере экономической деятельности графини Уваровой видно, что далеко не всё русское дворянство на пороге крушения империи являлось паразитическим классом⁹⁹. Имена, домовладения, доходы были не только унаследованы, но и сохранены, приумножены благодаря её деловой энергии и предпринимательской смётке. Значительную часть своего состояния она, следуя примеру обожаемого ею мужа, вложила в археологические раскопки, подготовку научных съездов, печатание учёных трудов, а также прямо благотворительные проекты (строительство школ, больниц, индивидуальную помощь особо нуждающимся лицам среди её земляков).

У неё оказалось удивительное сочетание доброты и твёрдости характера. Когда графиня замечала в соседних с её поместьями деревнях покосившуюся избу, она через волостного старосту предлагала деньги на её починку и обзаведение. Если через несколько месяцев эта субсидия не шла впрок и горе-хозяйство оставалось порушенным, графиня добивалась через сельский сход административного выселения нерадивых хозяев. Такая вот дворянская антиколлективизация «в одном, отдельно взятом» уезде.

Размышления социологического плана у читателя уваровских записок оттеняются и стимулируются впечатлениями уровня повседневного, микрожизнейского, но до чего увлекательными на непредубеждённый взгляд! Разночинец, недавний попович, уже строевой офицер и начинающий (в будущем — великий) археолог Василий Городцов записал к себе в дневник, сохранившийся в его личном архиве: «День графинь Уваровых (Прасковьи Сергеевны и ее дочерей Прасковьи и Екатерины — С.Щ.). Я не знаю, можно ли лучше и разумнее жить, чем живут графини. Их время, занятия, отдых, всё распределено с таким умом... Недаром графини пользуются хорошим, бодрым настроением и здоровьем. Их жизнь следует изучать и брать в образец. В 9 часов они пьют чай. С 10 до 12 часов энергично работают. В 12 часов лёгкий завтрак. С 12 до 3 — отдых и прогулки. В 3 ½ — чай. С 3 ½ до 5 опять работа. В 5 часов — обед из трёх или четырёх блюд, всегда с фруктами. Обед рациональный, лёгкий, гигиенический. После обеда с час времени лёгкие домашние занятия или прогулка. С 6 до 9 опять серьёзные занятия. В 9 часов вечера чай, после которого все члены семьи обмениваются своими впечатлениями, затем опять занятия или рас-

⁹⁹ Подробнее о хозяйственных проектах и успехах П.С. Уваровой см.: Курков К.Н. Дворяне-предприниматели в России начала XX века // Вопросы истории. 2006. № 5. С. 113–114.

поражения по дому и хозяйству. Графини часто ездят в лес для осмотра участков ...; тоже для осмотра школ. ... Таким образом, люди, имеющие средства жить сибаритами, живут действительно трудовой разумной жизнью. Следует заметить, что описываемую здесь жизнь графини ведут на даче и считают её летним отдыхом. ... Я никогда не видел, чтобы графини имели печальные, утомлённые лица; они всегда и все жизнерадостны, энергичны, свежи» (II, с. 11–12).

Итак, к читателю, и широкому, и «узкому» (специалистам-историкам) обращена эта мемуарная книга, редкая по комплексному охвату русской жизни пореформенной и предреволюционной эпох.

Комментарии М. Бастраковой и Н. Стрижовой к обоим изданиям в основном поясняют современному читателю большинство упоминаемых там имён и событий научной, общественно-политической жизни. Заметно, однако, что многие персональные справки дословно копируют соответствующие статьи юбилейного сборника ИМАО 1915 г. К сожалению, к подготовке этих изданий не был привлечён ведущий специалист по научному наследию Уваровых, автор первых и лучших исследований на эту тему — А.А. Формозов¹⁰⁰. Составительницы в предисловиях только благодарят его за консультации. На фоне уваровского благородства мышьяная возня составительниц за право поодиночке издать редкую рукопись особенно неприглядна.

Замызганное журналистами выражение «железная леди», казалось бы, вполне подходит Прасковье Сергеевне Уваровой. Да, она всю свою долгую и трудную жизнь негнула спины ни перед кем, величаво подавая руку для пожатия и великому князю, и крестьянину из соседней деревни. Но это была никакая не «леди», а именно русская женщина, и по внешней стати, и по уму, и по характеру. Невеста-бесприданница, «первая единица» столичных балов, муза артиллерийского офицера Льва Толстого, супруга и сподвижница основателя национальной археологии графа А.С. Уварова, сама руководительница российской археологии на рубеже XIX–XX вв., автор цитируемых до сих пор научных трудов, член Императорской Академии наук и придворная кавалерственная дама, эмигрантка без средств к существованию, — самые разные перипетии вместили её «былые счастливые дни». То, что эти воспоминания спустя многие десятилетия вернулись к соотечественникам — ещё одно убедительное подтверждение жизненной правоты Прасковьи Сергеевны Уваровой, значительности её личности и жизни.

¹⁰⁰ См.: *Формозов А.А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961; *Его же.* А.С. Уваров и его место в истории русской археологии // *Российская археология.* 1993. № 3.

«КАК ЖАЛЬ, БРАТ ЧИЧИКОВ, ЧТО ТЕБЯ НЕ БЫЛО НА ЯРМАРКЕ...»

*Отзыв на автореферат диссертации Д.В. Серых
«Всероссийские Археологические съезды
как форма организации отечественной археологической науки
во второй половине XIX – начале XX вв.»,
представленной на соискание учёной степени
кандидата исторических наук по специальности —
07. 00. 06 — археология¹⁰¹*

Рубеж XX–XXI вв. отмечен своеобразным бумом публикаций по истории русской археологии¹⁰². Количество, как видно, тем самым перешло в качество — институционализировалась новая историографическая субдисциплина. Однако она находится только в начале своего пути. Самые крупные «блоки» её ещё не изучены монографически. Например, история крупнейших научных учреждений (ИАК, ИМАО, ИРАО, ИОЛЕАЭ, ИРГО, МАИ, ГАИМК и других). Не написаны правдивые и полные биографии большинства крупных археологов, от графа А.С. Уварова до Б.А. Рыбакова (чей личный архив, по-видимому, преступно утрачен для науки при помощи прямых наследников академика). На таком фоне диссертация, чей автореферат был мне любезно, хотя и поздновато прислан, производит отрадное впечатление. Надо было быть смелым исследователем, чтобы взять для кандидатской диссертации тему, которой бы хватило на дюжину такого сорта диссертаций (по каждому съезду как модели археологии того или иного крупного региона России). Даже докторская диссертация о феномене Археологических съездов (АС) смотрелась бы смело, даже вызывающе... Уж больно велик объём материала, тем более архивного. Тем не менее соискатель кандидатской степени Д.В. Серых, из Самары, кажется, в целом со своей задачей справился. Тема рассмотрена системно и полно, работу автор проделал большую. С большинством выводов автора нельзя не согласиться. Хотя они, что называется, лежат на поверхности, но именно Д.В. Серых первым их сформулировал, соединил. Результат этой работы будет безусловно интересен и полезен любому археологу, тем более историку археологии и русской культуры вообще. Это научное значение работы неизмеримо вырастет, если она будет опубликована вместе со своими справочными приложениями.

Хотя тему эта диссертация, конечно, не исчерпывает. Ведь автор дал общий очерк феномена АС, не вдаваясь в особые подробности по множеству отдельных аспектов их работы. Как то: показательные раскопки для

¹⁰¹ Отзыв, посланный в диссертационный совет по предложению А.А. Формозова.

¹⁰² См.: Формозов А.А. Историография русской археологии на рубеже XX–XXI веков (Обзор книг, вышедших в 1997–2003 гг.). Курск, изд-во Курского гос. ун-та, 2004.

делегатов каждого съезда; процедура формирования вопросов, обсуждаемых на каждом форуме; соотношение любителей и профессионалов при производстве раскопок (откуда вообще брались профессионалы, раз археология тогда в России не преподавалась?); учёт антропологических, геологических, химических и т.п. специальных вопросов археологии в процессе АС; и т.д. Кроме того, по автореферату заметны некоторые частные недостатки работы Д.В. Серых, на которые я и хотел бы обратить его внимание в своём отзыве — как раз для того, чтобы он мог учесть их, если пожелает, при подготовке рукописи к публикации. Многие из моих критических соображений, вполне возможно, бьют мимо цели — в полном тексте диссертации могут иметься ответы на мои вопросы автору. И всё же.

Стоило хотя бы упомянуть, а то и бегло сравнить АС с аналогичными форумами русских учёных, на которых, кстати, рассматривались и археологические вопросы. Имеются в виду съезды русских естествоиспытателей и врачей; представителей земской статистики; выставки Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, на которых созывались и международные Антропологические и Археологические конгрессы; ежегодные выставки новых находок в Императорской Археологической комиссии, с последующей их публикацией в трудах ИАК, какие-то ещё форумы тогдашней гуманитарной интеллигенции.

Автора надо похвалить за то, что он стремится выявить не только положительные, но и отрицательные стороны в деятельности организаторов АС. Так, им отмечаются негативные последствия «консервативного склада характера графини П.С. Уваровой», которые якобы «препятствовали качественным изменениям в регламенте и тематической структуре» съездов (с. 13). Хотелось бы конкретизировать, чего именно лишились АС в результате этого препятствия (в свете отмеченных на стр. 7–8 их же заслуг в этом отношении — их перечень производит впечатление исчерпывающего; как и правильный вывод на стр. 14 о постоянном «развитии организационной структуры АС», редактировании их правил). Получается, развитие было, но недостаточное?

Тезис о том, что «связи в высших кругах» достались А.С. Уварову от его знаменитого отца, министра (с. 15), в общем правильный, однако он затеняет и личный вклад молодого графа — его государственную службу, причём сразу же на почве поиска исторических древностей, и его общественную, земскую деятельность. Связи связями, а ими надо было ещё уметь и захотеть воспользоваться. Сколько было тогда аристократов, «ваших сиятельств» — много тысяч, а кто из них вплотную занимался древностями? Мало кто. То-то.

Упомянутый на стр. 15–16 конфликт ИМАО с ИАК — часть застарелого противоречия учёных из обеих столиц, он не был преодолён и в советские годы. Как ни парадоксально, противостояние не только мешало, но и помогало — элементы конкуренции подталкивали к повторным ис-

следованиям одних и тех же памятников представителями обеих соревнующихся организаций. Кроме упомянутых диссертантом инструкций для производства раскопок, подготовленных в недрах ИМАО (Д.Я. Самоквасова, затем В.А. Городцова), увидели свет аналогичные инструкции А.А. Спицына от имени ИАК. Наконец, имело место своего рода разделение труда — ИМАО занималось больше охраной старинной архитектуры от новоделов, а ИАК — собственно полевой археологией. ИАК поощряла раскопки на юге России, а ИМАО — в её «внутренних губерниях». И т.д.

В чём именно состоял отмечаемый соискателем «явный кризис собственно археологического направления» на АС (с. 19) в автореферате не раскрывается. Сокращались раскопки? Меньше публиковалось их результатов? Не пополнялись фонды и экспозиции музеев? Да нет, по всем этим пунктам вплоть до 1917 г. отмечался рост. Похоже, диссертант в этом пункте мыслит несколько актуалистически — опрокидывает современную внутринаучную ситуацию на сто лет назад. Если бы тогда собирались отдельно «археологи-профессионалы», их было бы на всю империю человек двадцать-тридцать. А вот общения с коллегами — историками, искусствоведами, нумизматами, богословами и всеми прочими «смежниками» явно не хватает современным «археологам-профессионалам». Все их исторические выкладки часто сводятся к словам о том, что их раскопки «отражают некие социальные процессы в данном регионе в таком-то периоде». Фигур типа Н.П. Кондакова или же Д.Н. Анучина в современной археологии что-то не заметно. Ведь за выгоды специализации в науке приходится платить — сужением кругозора, мелкотемьем и поверхностностью обобщений.

Применительно к дореволюционным учебным заведениям диковато звучит советский канцеляризм «вузы» (с. 14).

Судя по имеющимся в автореферате сноскам, автором остались не учтены некоторые важные для его темы работы: изданные за 2000-е гг. книги А.А. Формозова («Русские археологи при тоталитаризме», «Человек и наука», «Рассказы об учёных»); два издания мемуаров графини П.С. Уваровой, некоторые другие.

Сугубо постороннее к обсуждаемой теме (но к её культурному контексту) замечание: такого имени, как у соискателя учёной степени, — «Данила», в природе не существует. Есть по-русски калька с древнееврейского: «Даниил». Как и Елена (отнюдь не «Алёна», «Оксана», «Олеся»), Артемий (никакой не «Артём»), и т.д., и т.п. Мещанство правит бал в наших постсоветских загсах. Даже церковные святцы не в силах его обуздать... Понятное дело, тут виноваты родители, а не дети, которых нарекли неграмотно.

Все мои замечания никак не снижают общей высокой оценки диссертации Д.В. Серых. Они представляют собой пожелания на будущее, адресованы не столько автору диссертации, сколько автору будущей моно-

графии на эту тему. Книгу эту полезно будет иллюстрировать фотографиями из тех архивных фондов, что изучены автором в ЦИАМ, ОПИ ГИМ.

В целом автореферат диссертации Данилы Витальевича Серых отражает результаты объёмного и серьёзного, нужного и учёным историкам, археологам, и преподавателям высшей школы, музейным работникам исследования. Его результаты полно опубликованы во вполне академических изданиях и обнародованы на авторитетных научных конференциях. Оно вполне отвечает критериям Высшей аттестационной комиссии России по такого рода работам, а его автор несомненно заслуживает искомой учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07. 00. 06 — «Археология».

9 марта 2006 г.

ДИМИТРИЙ ¹⁰³ ЯКОВЛЕВИЧ

*Д.Я. Самоквасов (1843–1911)
и его вклад в познание далёкого прошлого Русской земли
(К 100-летию со дня смерти) ¹⁰⁴*

Одна из множества интересующих меня единиц архивного хранения — небольшой прямоугольник белого картона. Визитная карточка столетней давности: «Димитрий Яковлевич Самоквасов». В углу шрифтом помельче указан адрес: «Москва. Девичье поле. Архив» ¹⁰⁵.

Нынешний обладатель визитки не преминул бы выставить ещё свои должности и звания. В данном случае они выглядели так: «Доктор государственного права, заслуженный ординарный профессор Императорского Московского университета, управляющий Московским архивом министерства юстиции, сверхштатный член Императорской Археологической комиссии, действительный член Императорского Московского Археологического общества, тайный советник» ¹⁰⁶ (Согласно заголовку последнего формулярного списка о его службе).

Дмитрий Яковлевич Самоквасов заслуживает того, чтобы ныне, в год столетия со дня его кончины, о нём напомнили соотечественникам, тем читателям, кому небезразличны судьбы исторического наследия России. Сразу в нескольких областях отечественной культуры этот человек оставил заметный след. Он автор оригинальных трудов о происхождении и эволюции государства и права у славян и на Руси; один из основоположников научной археологии в нашей стране; выдающийся организатор и теоретик архивного дела.

О поражающих воображение, особенно юное, археологических находках знаменитого Генриха Шлимана (гомеровская Троя, погребения ми-

¹⁰³ До революции официально, то есть крестильно, паспортно, канцелярски, имя «Дмитрий» писалось и говорилось как «Димитрий». Потом, при советской власти, при нивелировке прежней культуры, сократилось до «Димы». Хотя всю жизнь было «Митей». За этими ономастическими деталями просматривается общий дрейф нашей культуры...

Памятником старой орфографии в этом случае стало имя самого знаменитого и любимого нами эмигрантского шансонье: Алёша *Димитриевич*. Его учепником, кстати сказать, был голливудский актёр Юлий Борисович (Юл) Бриннер. См. в этой связи в этой книжке моё эссе о «Великолепной семёрке».

¹⁰⁴ Варианты публикации этого текста см.: *Щавелёв С.П.* Богатырь русской археологии // Достояние поколений. Научно-популярный журнал. 2011. № 1 (10). С. 72–79; *Его же.* Д.Я. Самоквасов и его вклад в познание далёкого прошлого русской земли (К 100-летию со дня смерти) // История и историческая память. Межвузовский сб. научных трудов. Вып. 3 / Под ред. *А.В. Гладышева*. Саратов, Саратовский гос. ун-т, 2011. С. 194–221.

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Ч. 1. Д. 592. Л. 2.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Ч. 5. Д. 9633. Л. 28.

кенских царей) или Говарда Картера (гробница фараона Тутанхамона) можно прочитать во многих научных и популярных книгах, вышедших на русском языке за последние годы. Публикации же об аналогичных по своему значению открытиях Дмитрия Самоквасова (могилы скифских и сарматских вождей, варяжских князей и русских дружинников; древние города Руси) давно стали библиографической редкостью. Репродукциями обнаруженных им древностей до сих пор иллюстрируют школьные и университетские учебники по истории нашей страны, многие издания по археологии и искусствоведению, только, к сожалению, почти всегда без указания первооткрывателя. Упорядоченные и опубликованные им документы используются едва ли не в каждом новом исследовании по истории средневековой России. Настолько велик его вклад в поиски, сохранение и изучение документальных и вещественных памятников национальной истории.

* * *

Будущий учёный родился ¹⁰⁷ и вырос на украинской Черниговщине. Происходил из сословия служилых казаков Малороссии. Его родители — малообеспеченные, худородные дворяне, в конце концов вовсе вычеркнутые из родословной книги губернии при очередной проверке дворянских прав. Принадлежащий им хутор располагался возле большого села Стахорщины, на берегу речки Малотечи, притока Десны. Тут прошло детство Мити Самоквасова. В живописных окрестностях села с давних времен и до сих пор во множестве заметны разных размеров курганы, валы и рвы бывших укреплений-городищ. Немало замечательных памятников былого сохранилось и в самом уездном центре — Новгороде Северском, воспетом ещё «Словом о полку Игореве». Здесь в 1853–1962 гг. Дмитрий учился в гимназии, славной своими педагогическими традициями ¹⁰⁸.

В 1863 году он поступает на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Получал высшее образование, что называется, на медные деньги. Чтобы заплатить за право посещения лекций, неоднократно приходилось просить казённого пособия. Ректор, попечитель учебного округа всякий раз шли навстречу способному студенту. Преодолевая нищету и болезни, несколько раз отчисляясь и восстанавливаясь в университете, он всё-таки сдаёт экзамены с хорошими и отличными оценками. А в октябре 1968 г. заканчивает наконец полный курс наук со степенью кандидата государственного права (некий эквивалент теперешнего диплома с отличием). Совет университета оставляет его стипендиатом «для приготовления к испытаниям на степень магистра» при кафедре истории русского права.

¹⁰⁷ 15 (27) мая 1843 г.

¹⁰⁸ См. воспоминания одного из выпускников этой школы: *Ушинский К.Д. Дневник, относящийся к гимназическим годам // Собр. неизданных соч. Т. III. СПб., 1908.*

Этот предмет был введён во всех российских университетах их либеральным уставом 1863 г. «Историки-юристы», как они называли себя, составляли влиятельный отряд гуманитарной интеллигенции пореформенного периода, дали целую плеяду выдающихся деятелей науки и общественной жизни. В их лекциях и монографиях сквозь призму государственно-правовых институтов просматривалась вся история России; эволюция законов и форм власти выглядела ключом к разрешению большинства социальных противоречий прошлого и настоящего. Недаром на юридический факультет в ту пору многие поступали, «вовсе не мечтая в будущем посвятить себя юридической деятельности», но зная, что он был более общеобразователен, меньше других факультетов готовил к узкой специализации»¹⁰⁹, — писал в своих мемуарах художник М.В. Добужинский. Кроме него высшее юридическое образование получали фольклорист А.Н. Афанасьев, М.А. Врубель, А.А. Блок, Н.К. Рерих, М.А. Волошин и другие известные представители русской культуры.

От своих коллег Самоквасов с самого начала своей академической карьеры отличался тем, что наряду с письменными источниками решил и сумел использовать вещественные материалы археологии. Увлечению древностями способствовало знакомство, переросшее в многолетнюю дружбу, с графом Алексеем Сергеевичем Уваровым (1825–1884) — основателем Археологического общества, а затем и Исторического музея в Москве. Граф привлёк способного молодого человека к осуществлению своего масштабного плана раскопок на территориях, заселённых в летописные времена восточными славянами. Цель первой экспедиции Самоквасова — «древние земляные насыпи», то есть курганы и городища летописного «племени» северян, которые, согласно «Повести временных лет», занимали некогда побережья Десны, Сейма и Сулы.

Надо отметить, что вплоть до последней трети XIX века археологические работы в России редко выходили за пределы Причерноморья. Здесь, по местам бывших скифских владений и древнегреческих колоний, шла добыча «антиков» для пополнения эрмитажного собрания. На другие цели Императорская Археологическая комиссия, подведомственная министерству двора, долго отказывалась выделять средства. Культурный слой центральных, сердцевинных областей страны считался большинством тогдашних авторитетов «древлеведения» малоперспективным. А.С. Уваров и его сторонники переломили эту ограниченность. Экспедиции начала 1870-х гг. — удачный дебют Самоквасова-археолога.

Петербургский магистрант несколько лет подряд объезжал грады и веси российской провинции (от Белого и Балтийского морей до Чёрного; от Варшавы до Урала), осматривая, картографируя и шурфуя сохранившиеся там городища разных времён и народов, выборочно раскапывал прилегающие к ним курганные могильники. Среди множества первоизученных им тогда памятников некоторые впоследствии дали имена нескольким ар-

¹⁰⁹ Добужинский М.В. Воспоминания. М., 1897. С. 123–124.

хеологическим культурам: у Старой Ладogi (первой столицы Рюрика); Дьяково под Москвой, в селе Коломенском; Триполье на Днепре; Салтово под Харьковом; Гочевское на Псле. Разумеется, точной историко-культурной принадлежности всех этих памятников тогда ещё было невозможно определить, но первые намётки их правильной классификации были сделаны.

Наладить повсеместный учёт видимых на местности памятников старины помогла проведённая молодым учёным через Центральный Статистический комитет Министерства внутренних дел анкета, заполненная во всех губерниях Европейской России. Этими «Сведениями о городищах и курганах» 1871–1872 гг. с благодарностью пользовалось затем не одно поколение археологов и краеведов¹¹⁰.

Первоначальное обобщение собранный материал получил в магистерской диссертации Самоквасова «Древние города России», защищённой в 1873 г. в киевском университете св. Владимира, и тогда же вышедшей в свет книгой. До тех пор факт существования массы укрепленных центров у восточных славян «прежде Рюрика», княжеских городов на Руси первых же Рюриковичей подвергался сомнению. А сохранившиеся городища кабинетными историками истолковывались чаще всего как заброшенные святилища древних славян и их соседей. Новоиспечённому магистру удалось доказать поселенческое — военно-административное, хозяйственное назначение большинства объектов этого типа. Конечно, конкретизировать отдельные эпохи их функционирования (включая дославянские) по стратиграфии культурного слоя, разные типы этих укрепленных поселений он ещё не был в состоянии. Вне его поля зрения оставались многочисленные селища — неукрепленные поселения, во множестве окружавшие большинство городищ. Но взгляды этого автора на древнерусский город как политический, экономический и культурный центр общественной жизни наших предков признаются теперь важным этапом изучения данной темы (в фундаментальных работах А.В. Кузы, А.В. Кашкина и других археологов).

1873 год стал поистине звёздным на жизненном пути историка и археолога: он завершил начатые предыдущим летом раскопки огромных курганов — Чёрной могилы, Гульбища и Безымянного, расположенных прямо на территории его родного Чернигова. Обнаруженные там вещи, реконструированные обряды погребения произвели сенсацию, приобрели эталонное значение для древнерусской культуры. Среди них выделялись туры рога-кубки в серебряной узорчатой оправе; комплекты вооружения знатных витязей (шлемы, кольчуги, мечи, включая самый большой из нам известных на Руси; первая для этого региона сабля; боевой топор, боевые

¹¹⁰ См.: *Щавелев С.П.* Д.Я. Самоквасов: заповіт археолога // *Археологія*. 1991. № 1. С. 98–108; *Его же*. Первый опыт массового учёта археологических памятников в России (анкета Д.Я. Самоквасова 1872–1873 гг. и её результаты) // *Российская археология*. 1992. № 1. С. 255–264.

ножи-скрамасаксы, наконечники копий, дротиков, остатки щитов, принадлежности конской сбруи; многочисленные и разнообразные орудия и продукты земледелия и скотоводства; предметы быта; произведения ювелирного искусства местной и привозной работы; даже игрушки. В грандиозной Чёрной могиле покоились останки двух воинов — взрослого и подростка (судя по размерам доспехов) и сопровождавшей их в загробный мир женщины-«валькирии»¹¹¹.

Поражало почти полное совпадение инвентаря и обряда черниговских курганов с подробным описанием похорон знатного руса-язычника, составленного очевидцем — арабским путешественником Ибн-Фадланом (за 921–922 годы). Известная картина Г.И. Семирадского на эту тему писалась для интерьеров Исторического музея как бы с натуры — по материалам самоквасовских раскопок и сведениям письменного источника. Посетители могли сравнить подлинные вещи из такого погребения с его живописным «оживлением».

Составленный и опубликованный исследователем дневник черниговских раскопок позволил детально восстановить погребальный обряд здешних князей и бояр, а косвенно — образ повседневной жизни их подданных на самом закате язычества и восходе христианства (на фоне сугубо языческих обрядов трупосожжения или же густоинвентарного трупоположения — инкрустации в виде двух крестов на втулке дорогого скандинавского копья из Чёрной могилы). Черниговские курганы довольно точно датированы второй половиной X в. по найденным в них золотым византийским и серебряным арабским монетам. Примерно тогда же киевский князь Святослав отказался принять крещение, заявив своей бабке Ольге, что дружина тогда будет над ним смеяться (летописная запись за 955 г.). А вот черниговский правитель наглядно демонстрировал свою приверженность новой вере. Но в последний путь ему положили ещё позолоченную статуэтку скандинавского бога Тора. Дескать, не тот, так другой бог поможет...

Самоквасов считал погребённых в Чёрной могиле князьями местных славянских «племён» северян. По современным представлениям, перед нами самый почётный в Скандинавии эпохи викингов обряд сожжения в ладье, которого удостаивали правителей земель — конунгов. Остальные воинские погребения черниговского некрополя — так называемые камеры, где находила последний приют торгово-дружинная «русь», ставшая опорой первых — северных по происхождению князей новорождённой Руси. Скорее всего, это представители альтернативной какое-то время Киеву династии, побеждённой под конец X в. Рюриковичами.

¹¹¹ Как выяснил А.С. Щавелёв, часть вещей из Чёрной могилы, включая по крайней мере одну монету, находчик подарил в Киев, скорее всего, В.Б. Антоновичу. Так что количество покойников в этом кургане могло быть и больше трёх.

Во всяком случае письменные источники о первых веках отечественной истории оказалось возможным проверять и дополнять результатами археологических раскопок¹¹².

Находки Самоквасова заинтересовали практически всех известных историков и археологов того времени. «Новостью важной и неожиданной для русского историка» назвал их Н.И. Костомаров. И.Е. Забелин просил передать ему для изучения шлем, а В.Б. Антонович — статуэтку идола из Чёрной Могилы. А.А. Спицын интересовался способом раскопки огромных курганных насыпей. Благодаря иностранным делегатам российских Археологических съездов и Антропологических выставок, где Самоквасов систематически выступал с докладами и демонстрировал свои находки, о них узнали во многих странах Европы.

Тем временем, став дипломированным и известным в научных кругах специалистом, Дмитрий Яковлевич поступил служить в самый молодой из тогдашних университетов империи — Варшавский. Он занял здесь кафедру истории русского права и становился последовательно экстраординарным (1873), ординарным (1883) профессором; деканом юридического факультета (1887); наконец, исполняющим обязанности ректора (1891). Работать тут почти два десятилетия русскому профессору, да ещё великодержавных, монархических убеждений, было непросто. Польская интеллигенция жаждала независимости от имперской России. Назначенная из столичного Петербурга администрация проводила русификаторскую политику. Однако мемуаристы единодушно отмечают авторитет Самоквасова — педагога и администратора среди преподавателей и студентов. «Не говоря о нас, русских, — свидетельствовал Д.В. Цветаев¹¹³, сослуживец Дмитрия Яковлевича по Варшаве, — и польские профессора признавали, что его отношения были согласны с чувством справедливости»¹¹⁴.

Будучи человеком верноподданных, консервативных политических взглядов, профессор тем не менее никогда не участвовал в каких-либо политических действиях. Он последовательно выступал за автономию университетов, их герметичность к политике. Благонамеренная же репутация помогла ему добиться казённых субсидий «для исследования древних

¹¹² См. подр.: *Щавелёв А.С., Щавелёв С.П.* Чёрная могила // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 134–141; *Щавелёв А.С.* Имя черниговского князя X века в фольклоре и истории // Уваровские чтения-IV. Богатырский мир: эпос, миф, история (14–16 апреля 1999 г.). Муром, 2003. С. 41–42.

¹¹³ Дмитрий Владимирович Цветаев (1852–1929) — историк, археограф, публицист; младший брат И.В. Цветаева (1847–1913), основателя Музея изящных искусств в Москве. Позднее сменил Д.Я. Самоквасова на посту директора Московского архива министерства юстиции.

¹¹⁴ Памяти Дмитрия Яковлевича Самоквасова. М., 1912. С. 33.

Аналогичный отзыв см. в мемуарах другого известного историка, причём довольно либеральных взглядов, одно время служившего в Варшавском университете: *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 163, 169 («... Он был единственным из русских членов Совета, у которого я изредка бывал» и т.д.).

земляных насыпей и издания их результатов» (от пятисот до тысячи рублей несколько лет подряд — немалые деньги в те времена, когда батрак в деревне получал за всю летнюю страду рублей пятьдесят). То был один из первых прецедентов государственного финансирования научной археологии в нашей стране. Впрочем, и тогда, и особенно позднее значительную часть расходов по найму землекопов, вывозу, обработке и публикации археологического материала профессору приходилось покрывать из собственного жалования.

Каждое лето во время каникул учёный выезжал на раскопки «внутри империи». Черниговская, Курская, Киевская, Полтавская, а затем и другие губернии Украины и Южной России, Северного Кавказа и Крыма, различные области Польши и Литвы оказались охвачены его экспедиционными маршрутами. Уделяя главное внимание планомерным раскопкам курганных групп, он не упускал возможностей изучить городища, стоянки на дюнах, каменные гробницы и прочие типы памятников, включая фундаменты древних храмов. Приобретал случайно найденные крестьянами клады и собранные дилетантами коллекции древностей. Варшавская квартира Самоквасова скоро превратилась в общедоступный археологический музей. Его растущее собрание предметов каменного века, скифо-сарматской, кавказских, славяно-русской, кочевнических и других культур демонстрировалось на Всемирной выставке 1878 г. в Париже, на VIII Московском съезде русских археологов 1890 года. «Перед публикой предстала масса характерных археологических сокровищ, — писали газеты о показе самоквасовской коллекции, — из простого камня, яшмы, янтаря, серебра и золота; ожерелья, перстни и кольца; лоскуты шёлковых материй, наконечники стрел, бляхи, диковинные металлические зеркала, монеты наглядно представляли далёкое седое прошлое нашей родной земли»¹¹⁵. Не только газеты, но и авторы сугубо академических трудов из разных стран писали об этом собрании в восторженных тонах.

«Результатом этого внимания, — вспоминал профессор, — было желание богатейшего Британского музея, не имевшего отдела славянских могильных древностей, приобрести мою коллекцию, бывшую на выставке [в Париже — С.Щ.]. Это желание передал мне Б.И. Ханенко, посетивший этот музей. Но по моему мнению, древностей своей родины нельзя передавать в чужую страну, а потому в 1891 году я всё своё собрание безвозмездно передал в Императорский Российский исторический музей на вечное хранение»¹¹⁶. Пять с половиной тысяч номерных экспонатов, среди которых немало вещей из драгоценных металлов и камней тончайшей художественной работы древних мастеров. Но не только огромная материальная ценность характеризовала дар Самоквасова государству. В научном и му-

¹¹⁵ Труды Большого Археологического съезда в Москве. Т. IV. М., 1897. С. 58–59.

¹¹⁶ *Самоквасов Д.Я.* Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей. М., 1908. С. 19.

зейном плане его собрание отличалось редкой полнотой и системностью, сопровождалось образцово по тем временам изданным каталогом и оригиналами полевых дневников всех произведённых им за два десятилетия раскопок, фотографиями и чертежами изученных памятников. Многие из них вошли в его итоговые труды — «Могилы русской земли» (1908), «Северянская земля и северяне по городищам и могилам» (1908).

Учёный разработал собственную классификацию-хронологию археологических культур Восточной Европы. Эта система сегодня во многом устарела, не подтвердилась последующим развитием науки. Киммерийцы, скифы, сарматы и фракийцы вовсе не прямые предки славян, как думал Самоквасов. Но они действительно обживали по очереди территорию нашей родины и их культурные традиции так или иначе повлияли на славяно-русский менталитет. Самоквасовская система археологических культур представляла собой одну из первых попыток применить универсальную схему «веков» развития человечества в древности и средневековье к сложной и динамичной этнокультурной карте этого огромного региона на протяжении тысячелетий. Благодаря таким работам отечественная археология превращалась из досугового занятия дилетантов в историческую дисциплину.

Не менее важное значение в том же отношении имела инструкция по проведению раскопок и обработке находок, составленная Самоквасовым по поручению одного из первых съездов российских археологов¹¹⁷. Этот первый в России печатный регламент археологических методик несколько раз переиздавался, обобщая опыт их применения, накапливаемый нашими предшественниками. Дмитрий Яковлевич в своей полевой работе категорически настаивал на сохранении и описании целостных комплексов находок из каждого памятника (того же кургана или иного погребения), тогда как хранители Эрмитажа, да и московского Исторического музея ещё в начале XX в. исповедовали коллекционерский подход — выборку наиболее выразительных, ценных находок, их публикацию, экспозицию отдельно от рядового материала. Этот последний или оставляли на месте раскопок, или отдавали находчикам. А Самоквасов именно по комплексам издал «Атлас гочевских древностей» — материалы своей последней, 1909 г. экспедиции на Верхний Псёл, в Курскую губернию. Раскопки этого уникального скопления курганов и городищ славян и Руси продолжают до сего дня, и всё новые находки согласуются с тем, что открыл первоисследователь памятника. Он, оказалось, видел перспективы археологии на сто лет вперёд.

«Если предлагавшиеся им археологические теории и оказывались иногда слишком смелыми, — отмечал академик Д.Н. Анучин, — то они, во всяком случае, как попытки осмыслить голые данные путём творческой

¹¹⁷ См. подробнее: *Щавелёв С.П.* Вопросы теории и методики в археологических трудах Д.Я. Самоквасова // *Очерки истории русской и советской археологии* / Сост. и отв. ред. А.А. Формозов. М., 1991. С. 25–50.

фантазии, будили мысль и направляли к анализу и проверке намеченных сопоставлений. Что же касается фактов, то их внесено Д.Я. в археологию больше, чем кем-нибудь другим, и это уже одно сохранит надолго память о Д.Я. Самоквасове среди русских археологов как о выдающемся деятеле в области седой старины, страстно любившем её памятники, положившем много сил и средств на их изыскание и соби́рание в обогатившие наши древлехранилища обширные и ценные собрания бытовых предметов различных эпох и народностей»¹¹⁸.

Самоквасовская коллекция обогатила фонды и экспозицию музея на Красной площади. Профессор и раньше поддерживал начинание А.С. Уварова и И.Е. Забелина по созданию национального древлехранилища в старой столице. «В нём могли бы быть сосредоточены в оригиналах или копиях исторические памятники, разрозненные в настоящее время во множестве столичных и провинциальных, общественных и частных коллекциях, а потому почти недоступные для сравнительного изучения специалистов и обозрения широкой публикой»¹¹⁹, — писал Дмитрий Яковлевич. Материалы черниговских курганов легли в основу славянского зала музея (несколько лет назад вещи из Чёрной могилы подверглись умелой реставрации, открывшей новые важные детали их декора¹²⁰).

Через год после передачи коллекции, в 1892 году сам профессор вместе с супругой переезжает из Варшавы в Москву. Выслужив в Польше льготную пенсию по министерству народного просвещения, Самоквасов получает новое назначение — пост управляющего Московским архивом министерства юстиции. Это учреждение было под стать Историческому музею — крупнейшее в стране хранилище самых древних актов и рукописей. Свыше 2,5 миллионов единиц хранения, каждая из которых состояла ещё из нескольких документов. Столбцы, книги, вязки, папки, оставшиеся главным образом от правительственных и местных учреждений Российского государства XIV–XIX столетий. Как определил новый управляющий, «документальное богатство русского народа». С этим архивом и его проблемами оказался связан следующий — московский период жизни и деятельности Самоквасова.

Архивное здание на Девичьем поле, где в казённой квартире поселилась чета Самоквасовых, оказалось далеко не тихой заводью. Да и решительная, широкого размаха натура этого человека не признавала рутинного образа жизни даже на склоне лет. Поступившее под его начало хранилище пребывало в плачевном состоянии. Большая часть документов оставалась

¹¹⁸ *Анучин Д.Н.* Д.Я. Самоквасов как археолог // Древности. Труды ИМАО. Т. XXIII. Вып. 2. М., 1914. С. 410.

¹¹⁹ *Самоквасов Д.Я.* Музей имени Его Императорского Высочества Государя наследника цесаревича // РГИА. Ф. 1636. Оп. 1. Д. 147. Л. 3.

¹²⁰ См.: *Каинов С.Ю., Щавелёв А.С.* Изображение креста на наконечнике копья из Чёрной могилы (Технология и семантика) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005.

неописанной, а потому практически недоступной для исследователей. Жалование у сотрудников мизерное, а отсюда постоянная текучка самых квалифицированных кадров — образованные и способные филологи и юристы ищут более хлебных мест, которые во множестве появлялись по ходу крупных государственных реформ. Оставшиеся заняты в основном собственными историческими изысканиями или же заказными работами за особую плату, а не разбором и систематическим описанием массы дел, как полагалось по их должности. К тому же построенное в 1886 году здание архива уже требовало капитального ремонта.

«Приняв архив в виде приюта, ты оставляешь его академическим учреждением»¹²¹ — скажут потом о Самоквасове его ближайшие сотрудники. За этими словами — два десятилетия борьбы. Новый управляющий повёл её прежде всего с сановными петербургскими бюрократами. Со многими он был знаком по предыдущей службе; некоторые оказались его однокашниками по университету. В министерских и законодательных сферах Дмитрий Яковлевич несколько раз возбуждал ходатайства об увеличении ассигнований на архив, о расширении его штатов. Он упорно обходил кабинет за кабинетом с просьбами «ускорить движение этого дела в Государственный совет (а затем и в Государственную думу — С.Щ.) и оказать ему возможную помощь как особо важному для государства и науки»¹²². Многим его прошениям преграждали путь «осложнения политического положения» — войны и революционные потрясения, а пуще всего — беспримерная чиновничья волокита. Но дважды — в 1893 и 1909 годах — ходатайства увенчались успехом. Дотации пришлось как нельзя кстати, и Самоквасов сумел завершить большое дело — благоустройство главного собрания старейших рукописей России. Подключение к электричеству, городской канализации, оборудование хранилища, библиотеки и рабочих кабинетов — всем этим до сих пор пользуются сотрудники и посетители Российского государственного архива древних актов.

«Не стены, а люди создают города», гласит библейская притча. Бюджетные ассигнования, способные противостоять инфляции, требовались этому управляющему не только для материального благоустройства архивного здания, но и для того, чтобы привлечь сюда способных и энергичных работников. В его «команде» уже не терпели малограмотных или корыстных людей. Многие сотрудники самоквасовского призыва получили впоследствии заслуженную известность как замечательные историки и архивисты-практики. Среди них университетские профессора Ю.В. Готье и М.В. Довнар-Запольский; приват-доценты К.А. Стратоницкий, Н.Н. Харузин, А.Д. Григорьев; преподаватель Московского Археологического института Н.Н. Ардашев; известные своими публикациями И.Я. Стеллецкий, Н.П. Чулков, В.В. Шереметьевский, И.П. Шимко, С.А. Шумаков и другие.

¹²¹ Памяти Дмитрия Яковлевича Самоквасова... С. 42.

¹²² РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 630. Л. 36.

С теми подчинёнными, которые не пожелали работать в коллективе по единому плану, директору пришлось расстаться. Обиженные принялись критиковать «новый курс» в печати. Со временем всё стало на свои места: опубликованное за 1890-е – 1910-е годы многотомное «Описание документов и бумаг» этого архива привлекало сюда всё больше и больше исследователей; пресекло нередкие прежде воровство и подделку актов на дворянские права и земельную собственность. Поистине титаническим достижением самоквасовской когорты архивистов стало описание семи тысяч столбцов Разрядного приказа Московского государства — одного из самых ценных разделов хранилища.

Ведущий историк российской медицины профессор Томского университета Н.Я. Новомбергский пояснял: «К ведению Разряда как учреждения собственно относилось военное дело и управление городами. Но, вследствие преобладающего значения военного дела, в Разряде — этом почти военном министерстве — сливались все отзвуки жизни государства того времени. ... Казалось, все драгоценные материалы Разряда ещё многие десятки лет будут покоиться на полках архива вне научного оборота, но, с назначением в 1892 году управляющим архивом проф. Д.Я. Самоквасова, описание столбцов Разряда приняло другое, более осуществимое направление. Как бы умудрённый неудачным опытом своих предшественников, он решительно остановился на мысли о таком способе описания столбцов, при котором их содержание действительно могло бы сделаться доступным для специалистов в наиболее короткий срок. Глубоким научным прозрением он понял, что при подавляющем обилии документов, хранящихся в Архиве Министерства Юстиции, и при ограниченном составе сотрудников, с одной стороны, и при широком, всевозрастающем спросе специалистов на новый исторический материал, с другой, архиву принадлежит не самостоятельная академическая цель, а служебная, вспомогательная задача. Эта мысль легла в основу выработанной под его руководством программы описания. Она не была встречена сочувственно даже среди ближайших сотрудников Д.Я. Самоквасова. Однако это не остановило его, не вернуло на прежний путь «широких начинаний» предшественников или ещё более широких предположений некоторых сослуживцев. ... Прошло 17 лет настойчивой работы. Вместо перебитых, недоступных для пользования столбцов архив располагает удобно уложенными в картонные документы, к которым составлены превосходные именные, географические и предметные указатели. Вместо того чтобы месяцы и годы тратить на развёртывание и свёртывание десятков аршин столбцов в поисках за каким-либо именем, местом или предметом, теперь, пользуясь описанием, легко добыть необходимую справку...

Описание столбцов Разряда представляет собой беспримерную работу в жизни наших государственных архивов»¹²³.

¹²³ *Новомбергский Н.Я.* Слово и дело государевы. Т. I. Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1849 г. М., 1911. С. 1–2 (Первой пагинации) (Записки Мо-

Известный историк А.А. Кизеветтер уже в эмиграции признавал: «В сущности Самоквасов был прав. Только проводить эту реформу можно было бы более тактично. Заниматься в Архиве министерства юстиции было очень удобно. ... И часы этих архивных занятий всегда вспоминаются мне как отраднейшие часы моей жизни»¹²⁴.

В ходе полной инвентаризации, устроенной при Самоквасове в хранилище на Девичьем поле, обнаружилось немало неизвестных, затерянных было документов XV–XVII веков. Они принадлежали поместно-вотчинным учреждениям Московской Руси и проливали свет на запутанную проблему закрепощения крестьянства и другие ключевые вопросы средневековой истории. Изданные под редакцией Д.Я. Самоквасова два тома¹²⁵ «Архивного материала» (1905, 1909 гг.), комментирующая их монография «Крестьяне древней России» до сих пор остаются настольными пособиями медиевистов.

По инициативе управляющего и при его участии печатались ещё и документы Польско-Литовской метрики, «Акты Московского государства», грамоты Коллегии экономии и другие важные источники. В итоге при этом директоре архив утвердил за собой репутацию ведущего научно-методического центра документоведения; его справочная, описательная, издательская деятельность поднялась на качественно новый уровень.

В 1899 г. Самоквасов командирован своим министерством за границу — «для ознакомления с организацией и деятельностью архивов древних актов в западноевропейских государствах». Ему удалось посетить национальные архивохранилища 16 стран. Их архивные законодательства он по возвращении на родину переводит и издаёт для сравнения с архивными порядками в нашей стране («Архивное дело на Западе», 1900). Отсюда родился самоквасовский проект архивной реформы в России.

Тогда различные хранилища старых документов в центре и на местах действовали вразнобой, масса ценных исторических источников гибла почём зря, сваленная в аварийных помещениях, продаваемая на вес для переработки на бумажные фабрики. По убеждению Самоквасова, нам требовалась разумная централизация архивного дела. Правительству предлагалось создать единый орган управления разного вида архивами — казёнными и общественными; найти средства на поэтапную постройку для них благоустроенных зданий в каждом регионе страны; открыть кафедры архивоведения в университетах для подготовки квалифицированных архивистов; осуществить другие неотложные меры «для спасения накопленного

сковского Археологического института. Т. XIV).

¹²⁴ *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881–1914 гг. Прага, 1929. С. 275.

¹²⁵ Подготовленный к изданию третий том этой документальной серии вследствие кончины составителя остался в рукописи, похоже, утраченной для архивного хранения.

веками документального имущества». Как считают многие современные специалисты, «проект Самоквасова по своей чёткости и последовательности превосходил все предшествующие проекты»¹²⁶ и во многом предвосхищал то, как была построена архивная служба после революции 1917 года и до сего дня.

А на рубеже позапрошлого и прошлого веков состоялось бурное обсуждение возможностей архивной реформы. Большая группа учёных и архивистов-практиков одобряла проект Самоквасова, но не верила в его осуществимость в обозримом будущем. Выпущенный профессором двухтомник «Архивное дело в России» (1902) встретил и немало пристрастных критиков. Любители истории из провинциальных Учёных архивных комиссий, их покровители из петербургского Археологического института не могли заменить государственной, профессиональной архивной службы в центре и на местах, но уступать своих монопольных позиций не желали. Реформа устраивала их постольку, поскольку сохраняла их тогдашний — сугубо благотворительный, самодеятельный статус. Самоквасов язвительно критиковал недостатки в их работе, но в конкретных вопросах охотно и много помогал краеведам многих губерний — финансировал их экспедиции, издания, съезды; периодически выезжал для чтения лекций и консультаций по археолого-архивным вопросам.

Согласно компетентной оценке его ближайшего сподвижника по архивным делам Н.Н. Ардашева, «как археограф, он единолично разбирает и в двух томах “Архивного материала” издаёт, в образцах, с историческим освещением, обширное и ценнейшее по древности наследие Новгородского Разряда XVI–XVII вв. ... Как архивист-теоретик, он изучил и издал не только русское, но и западное законодательство об архивах, для чего объездил едва не всю Европу. Выработанный им проект реформы архивного дела в России опередил своё время. ... Как архивист-администратор, он первый направил работу всего учреждения — Московского архива министерства юстиции на составление сухих, но неизбежных, ибо необходимых описей документов — лист за листом, документ за документом, не смущаясь толками об якобы их ненаучности, вследствие какой-то примитивности, неосуществимости, будто бы, для больших архивов, вследствие медленности. И вот, прошло 19 лет упорной, устойчивой работы, и готово 9 томов такого описания Разрядного приказа, с окончанием которого ... лоскуточка не останется неопищенного там, где учёные в течение полу столетия блуждали наугад ... Нет надобности говорить о значении одного этого памятника его деятельности для Истории, стремящейся стать возможно более точной наукой»¹²⁷.

За архивными делами и тревожными Дмитрием Яковлевичем не оставлял своих педагогических и научных занятий. Он продолжил читать

¹²⁶ Самошенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. С. 163.

¹²⁷ Памяти Дмитрия Яковлевича Самоквасова... С. 23.

историю русского права в Московском университете. Сначала сверхштатным (1894), затем ординарным (1895), наконец, заслуженным (1900) профессором. Кроме того, преподавал в Лицее памяти цесаревича Николая (так называемом Катковском, по имени учредителя). Преподавал бесплатно, хотя и с полной аудиторной нагрузкой. Один из слушателей самоквасовских лекций вспоминал: «Минут за десять огромная аудитория № 1 [университетского здания на Моховой улице] наполнилась студентами. Аккуратно по расписанию в четверть первого часа в аудиторию вошёл мужественный, ещё крепкий и бодрый старик, убелённый глубокой сединой, с энергичным лицом. Поднявшись на кафедру, он быстрым взглядом окинул аудиторию и затем, юношески тряхнув головой, начал...»¹²⁸. Отдельные лекции и практические занятия проводились в музее на Красной площади и в архиве на Девичьем поле, прямо на их экспонатах и фондах.

Итоговый учебный курс этого профессора — «История русского права», принесший ему докторскую степень и выдержавший несколько изданий сначала в Варшаве, а затем в Москве, — не затерялся среди множества тогдашнихopusов сходной тематики. Своё изложение автор начинает не с «призвания варягов» или договоров Руси с Византией, как прочие историки-юристы. Он попытался реконструировать «языческую систему русского права», то есть потестарный и раннегосударственный уклад жизни у славян. Ради этого известия самых ранних письменных источников сравнивались с археологическими находками (группировка и планировка городищ на местности; характер погребений и т.д.). К анализу привлекаются также этнографические наблюдения, антропологические измерения, данные фольклористики, топонимики, нумизматики. Именно такому — комплексному подходу к изучению начальных веков славяно-русской истории принадлежало будущее. Хотя по отдельным вопросам гипотезы Самоквасова не нашли подтверждения, что вполне естественно для того периода отечественной историографии.

Живя постоянно в Москве, профессор стал обязательным участником многих научных обществ и центров общения интеллигенции. Андрею Белому, скажем, на воскресных приёмах у литературоведа Н.И. Стороженко среди прочих знаменитостей запомнился «тяжёлый Самоквасов»¹²⁹. Со своей могучей фигурой тот оставался удивительно лёгок на подъём, когда дело касалось его различных специальностей, их практических проектов. Пользовались успехом его публичные благотворительные лекции по археологии и архивистике в Политехническом и Историческом музеях, собственном архиве; в Обществе по просвещению фабрично-заводских рабочих города Москвы; многих провинциальных кружках краеведов.

¹²⁸ Кротков А.А. Дмитрий Яковлевич Самоквасов // 25-летие Саратовской учёной архивной комиссии. Исторический очерк. Биографии членов. Саратов, 1911. С. 31–32.

¹²⁹ Белый А. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 140.

По архивной службе не полагалось столь длительных каникул, как по университетской, поэтому профессор уже не мог каждое лето выезжать на раскопки. Но в качестве археологической практики для студентов и лицейстов им на выходные и праздничные дни устраивались показательные раскопки древнерусских курганов Подмосковья, а также по местам проведения нескольких Археологических съездов. Находки пополняли музей Московского Археологического института, с которым профессор тоже сотрудничал (хотя не захотел стать там штатным преподавателем).

Особенно много он работал по планам Московского Археологического общества, которое после безвременной кончины основателя графа Уварова возглавила его вдова, графиня Прасковья Сергеевна. Дмитрий Яковлевич стал в Обществе её правой рукой. Из личных средств он финансировал раскопки В.А. Городцова, Н.Е. Макаренко, В.Р. Апухтина и ряда других известных в будущем археологов.

Кроме организации новых экспедиций на курганы и городища, помимо баталей по архивным проблемам, Самоквасов немало сделал для охраны архитектурных памятников. По образцу старой анкеты 1873 г. был разработан и через министерство внутренних дел проведён целый ряд циркулярных запросов — о наличии и сохранности церквей и прочих зданий стародавней постройки; каменных бабах, оставленных степными кочевниками; подземных ходах и на схожие темы. Полномочия Археологического общества оставались сугубо рекомендательными, но определённое влияние на общественное сознание, а значит, и на практику обращения местных властей с древностями они оказали.

Последние годы жизни профессора омрачила тяжёлая болезнь — кавказская малярия, подхваченная им на южных раскопках. Потом к ней прибавились другие хвори. Однако ограничить кипучую энергию этого «богатыря воли и духа» (по определению графини Уваровой) болезням не удалось. Профессор скончался в начале августа 1911 г.¹³⁰, едва успев написать отчёт своей последней археологической экспедиции — по раскопкам огромного славянского могильника у села Гочева в Курской губернии¹³¹. Коллеги, ученики и почитатели проводили его в последний путь на Новодевичье кладбище, где его могила была отмечена внушительным монументом, со временем превратившимся в семейный склеп. Вдова учёного, Таиса Васильевна Шумакова (из курской помещичьей семьи) передала его огромную библиотеку в дар архиву на Девичьем поле; оплатила издания его посмертных работ.

¹³⁰ 5 (18) августа 1911 г.

¹³¹ См. его первую публикацию: *Щавелёв С.П.* Гочевские древности Обоянского уезда Курской губернии» 1909 г.: публикация архивированного отчёта последней экспедиции Д.Я. Самоквасова // *Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009)* / Отв. ред. *И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин*. М., 2010. С. 623–637. Она перепечатывается следом за этой статьёй.

К сожалению, нет мемориальных досок с именем русского учёно-го-патриота Дмитрия Яковлевича Самоквасова ни на прекрасно сохранившемся здании Новгород-Северской гимназии, ни на главном корпусе Российского архива древних актов, ни на старом помещении Московского университета. Памятником неутомимым трудам профессора на пользу отечественной науки и просвещения является изящный обелиск тёмно-серого гранита на вершине кургана Чёрная могила. Дмитрий Яковлевич установил его по завершении своих черниговских раскопок. На четырёх гранях стелы прорисованы важнейшие находки из этого княжеского погребения. Теперь здесь — центр современного города независимой Украины. Случайные прохожие, организованные экскурсии. Пора провести реставрацию памятника, повреждённого при немецкой оккупации. Стилизованная фигура древнерусского воина-шлемоносца смотрит в грядущее...

ПОСЛЕДНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

*«Гочевские древности Обоянского уезда
Курской губернии» Д.Я. Самоквасова 1909 г.: век археологического
изучения комплекса памятников на Верхнем Псле*¹³²

В 2009 г. исполнилось 100 лет с начала изучения археологического комплекса в районе села Гочева некогда Обоянского уезда Курской губернии, а ныне Беловского района Курской области. Здесь расположен сгусток объектов разных эпох, от неолита до позднего средневековья (Археологическая карта..., 1998. С. 130–152). О его существовании в Губернской учёной архивной комиссии узнали в 1905 г. из сообщения здешней учительницы Е.И. Резановой (1866 – после 1936), собиравшей фольклор (Резанова, 1911). А ещё раньше некто А.А. Филиппенко из Обоянского уезда писал о Гочеве в ИМАО (Филиппенко, 1897).

1. *Разведка, произведённая по верхнему течению Псла* главой губернского акциза К.П. Сосновским (1861 – после 1916), очертила эпицентр Гочевского комплекса — два близлежащих городища и курганный насыпавший первоначально от 4 до 5 тысяч насыпей. Сердцевинная его часть — между бывшим валом и рекой, так называемое Предгорье, давно и всё шире распахивалась (Сосновский, 1915). Так что задуманные курянами раскопки носили охранный и даже спасательный характер. Руководить ими был приглашён известный археолог Д.Я. Самоквасов, имевший давние связи с Курщиной и предложивший финансировать поездку.

2. В 1909 г. состоялась *экспедиция членов ГУАК во главе с Д.Я. Самоквасовым*, которая с 18 по 26 августа провела здесь раскопки: вскрыла 278 курганов, шурфовала (с помощью 4 траншей) городища, разведывала урновые погребения возле соседней д. Шмырёвой. Профессору, который «переходил от кургана к кургану и руководил работами, постоянно заглядывая в журналы, обсуждая записи и поправляя их, если было нужно» (Дневник..., 1915, С. IV–V), сопутствовали председатель комиссии

А.Н. Кобылин, её члены Н.И. Златоверховников, К.П. Сосновский, Ф.П. Амелин, П.П. Афанасьев. Добытые вещи реставрировали и нашили на картоны помогильно. Оказавшись впоследствии в областном краеведче-

¹³² Тезисы доклада на II (XVIII) Всероссийском археологическом съезде в Суздале. Опубликованы в «Трудах» съезда: *Щавелёв С.П.* «Гочевские древности Обоянского уезда Курской губернии» Д.Я. Самоквасова: век археологического изучения комплекса памятников на Верхнем Псле // *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале.* Т. III. М., 2008. С. 254–257.

Сам текст архивного документа опубликован мной в кн.: *Гочевские древности Обоянского уезда Курской губернии» 1909 г.: публикация архивированного отчёта последней экспедиции Д.Я. Самоквасова* // *Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009)* / Отв. ред. *И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин.* М., Гриф и К., 2010. С. 623–637.

ском музее гочевские древности оказались всё-таки депаспартизирова­ны¹³³.

Обострение смертельной болезни помешало профессору самому до­вести до конца издание гочевских древностей. В его завещании 300 руб. отводились на публикацию «Дневника раскопок в окрестностях с. Гочева» и большеформатного «Атласа гочевских древностей». В 1915 г. эти изда­ния увидели свет и стали своеобразным эталоном введения в научный обо­рот помогильных комплексов курганных находок, в их полном перечнем, точными изображениями, как правило, в натуральную величину или же в масштабе; с характеристикой состава и структуры соответствующих по­гребений.

3. Первым *желание «продолжить исследования*, произведённые проф. Д.Я. Самоквасовым» выразил в 1912 г. выпускник Московского Ар­хеологического института, учитель Курского реального училища П.С. Ры­ков. К нему присоединился гимназист Л.Н. Соловьёв (1894–1967). Сос­новский рекомендовал им «повести раскопки планомерно», т.е. не в разных местах могильника наудачу, как с рекогносцировочной целью де­лалось ранее, а скрыть все насыпи подряд на одном определённом участке. Молодые люди так и сделали — раскопали целиком, на снос 109 курганов, обнаружив там 111 погребений. Находки подтвердили самоквасовскую атрибуцию основной части могил как славянских, причём накопившихся за несколько веков (X–XII). Профессор вычленил здесь разные типы мо­гил: захоронения остатков кремации покойников на стороне в керамиче­ских урнах; погребения с обугленными костяками и богатым инвентарём; гробницы христианского обряда, почти без вещей. Рыкову и Соловьёву удалось проследить в Гочеве переход от полной, затем частичной крема­ции к ингумации в ямах и, наконец, в гробах. Позднее и тот, и другой ста­ли видными советскими археологами, и П.С. Рыков опубликовал результа­ты своих гочевских раскопок с посвящением первоисследователю памят­ника (Рыков, 1923).

В 1913 г. здесь работал «окончивший курс в Московском Археологи­ческом институте» В.С. Львович, менее опытный археолог (что видно по его слишком обобщённому, раскритикованному А.А. Спицыным отчёту) (Львович, 1913). Его послала сюда графиня П.С. Уварова, чтобы «не усту­пать» богатого памятника «конкурентам» из Петербурга. На его долю при­шло 35 могильных насыпей. В том же 1913, затем в 1915 г. в Гочеве ра­ботал член-сотрудник ИРАО В.Н. Глазов, всего раскопавший 206 насыпей и обследовавший городище «Крутой Курган» (Глазов, 1913; 1915).

Сохранившиеся в архивном фонде ИАК отчёты всех этих раскопок используются современными исследователями археологического Гочева,

¹³³ В 1989 г. первый директор Курского музея археологии Н.А. Тихомиров велел студенту-практиканту А.Н. Быканову (много позже сообщившему мне об этом) ото­рвать вещи гочевской коллекции от их планшетов, тем самым грубо нарушив волю да­рителя и правила музейного хранения. В результате гочевская коллекция оказалась де­паспартизирована и частично утрачена.

тем более что за прошедшее время многие его части оказались разрушены распашкой и прокладкой ЛЭП.

4. *В советское время* гочевскую экспедицию возглавил «старший научный сотрудник Института истории АН тов. Рыбаков», будущий академик. Решение доцента МГУ возобновить раскопки на Курской земле поддержали не только указанный академический институт, но и ГИМ, и МГУ, где Рыбаков также сотрудничал. Часть денег и рабочих рук дал курский областной музей, с которым москвич заключил джентльменский договор о разделе находок (по заранее намеченным частям раскопа). После первого сезона (в основном на городище «Царёв дворец») работ в 1937 г. Рыбаков пришёл к выводу, что «Гочевское городище весьма интересный памятник, имеющий значение для решения ряда важных общих проблем и необходимо дальнейшее исследование его», и решил предпринять «раскопку полностью всей его территории, срез всех валов и пробную раскопку городища «Царский дворец»». Что и было сделано той же экспедицией в 1939 г. Результаты этих раскопок отражены в сугубо конспективных отчётах Б.А. Рыбакова, с тех пор надолго затерявшихся в архивах (См. их публикацию: Щавелёв, 2002, с. 161–176). Автор задумывал итоговое издание этого памятника (объёмом до 5 печатных листов) — «Гочевское городище и его могильник». «Книжка, — по его мнению, — должна быть написана популярно (но не элементарно) и рассчитана на среднего массового читателя (учителя, студента, школьника старших классов и т.д.). Здесь должны быть даны некоторые общие сведения о славянах, их хозяйственном и бытовом укладе, специально сведения о племени северян, населявших курскую область, и обобщены данные о Гочеве как интереснейшем комплексе славянских древностей (городище, селище и курганы). ... Для могильника можно будет сделать сводную таблицу типов вещей (чтобы не повторять, как это делал Самоквасов, один и тот же [точнее — похожий — С.Щ.] рисунок десятки раз» (ГАКО, Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 148. Л. 8 об. – 9). Однако вместо отдельной книжки, суммарный очерк своих раскопок Гочева Б.А. Рыбаков привёл в своей монографии «Ремесло Древней Руси», где применительно к данному памятнику говорится о пограничном укреплении Киевской державы в XI–XIII вв., с разноплемённым гарнизоном (северяне, радимичи, мордва).

Вспоминая на склоне лет вехи своей работы как археолога-полевика, Б.А. Рыбаков подробно перечислял свои раскопки на местах 12 древнерусских городов, но не упоминает Гочева. Запомнилась маститому академику только подаренная ему судьбой именно тут «возможность видеть огромный ритуальный хоровод всех женщин и девушек села (около 150 человек), собравшихся перед полуночью в честь праздника древних славянских богинь Лады и Лёли, покровительниц брака» (Рыбаков, 1997. С. 10–11). В устных беседах престарелый академик припоминал лишь свою версию названия безымянного поселения Древней Руси — город «Гостев» (по его расположению на торговом тракте Киев — Булгар, им же предположенном).

Планы продолжить раскопки Гочева на рубеже 1930-х – 1940-х гг. строил, но не осуществил Д.Н. Эдинг (1887–1946)¹³⁴.

5. В послевоенные десятилетия Гочевский комплекс археологических памятников разных эпох неоднократно привлекает к себе внимание исследователей. Среди них Б.А. Шрамко (Харьков), Е.А. Шинаков (Брянск), Е.А. и В.М. Горюновы, О.А. Щеглова (Санкт-Петербург), Р.В. Терпиловский (Киев); Ю.А. Липкинг (гипотетически отождествивший Гочевские городища с летописным городом Римовым), Н.А. Тихомиров, А.Н. Апальков, А.В. Зорин (при помощи Г.Ю. Стародубцева) (1998 и др.) (Курск). Отчёты об этих раскопках и публикации по их материалам лучше известны нынешним специалистам (См. подробнее: Шинаков, 1982; Щавелёв, 2002). В 1990-е – 2000-е гг., наряду с археологами, гочевские курганы ежегодно посещают так называемые «чёрные копатели». Их незаконные находки отсюда активно участвуют в распродаже на интернет-рынке антиквариата (Незаконные раскопки..., 2002. С. 85–89; Щавелёв, 2007. С. 154–161).

6. Один из археологических сюрпризов Гочева — *обряд погребения в камерах*, больших могильных ямах с деревянными сооружениями под курганами, который пришёл из Скандинавии на Русь вместе с варягами в IX–X вв. Пересмотр старых отчётов позволил и здесь выделить серию глубоко камерных захоронений, а также целый ряд похожих на них ингумаций в подкурганых ямах. Как видно, престижная на Севере Европы погребальная традиция претерпела на просторах Руси некоторые изменения, послужила формой перехода от языческой к христианской её стадии (Щавелёв А.С., 2002).

7. Кроме отчётов Рыбакова, нам удалось выявить *рукопись первоначального*, более полного, иного по структуре по сравнению с публикациями, *полевого отчёта Д.Я. Самоквасова*. Заглавие этой рукописи перенесено в название настоящего сообщения. Данный манускрипт нами опубликован¹³⁵.

Вековое изучение курского Гочева представителями всех поколений русских археологов — яркая страница истории отечественной науки о

¹³⁴ Должно быть, его привлекала возможность провести полевой сезон гораздо южнее своих многолетних раскопок Горбуновского торфяника в Зауралье и сопутствующих памятников, которые он вёл до 1939 г.. В своей автобиографии Эдинг писал: «Очевидно, в связи с работой на торфянике и неудовлетворительными жилищными условиями особенно усилился в 1937 г. полиартрит». Цит. по: Рыжкова О.В. Личные архивы исследователей как источник для реконструкции истории изучения археологических микрорайонов // Труды III (XIX) Всероссийского Археологического съезда. Т. II. СПб. – М. – Великий Новгород, 2011. С. 346.

¹³⁵ См.: Щавелёв С.П. «Гочевские древности Обоянского уезда Курской губернии» 1909 г.: публикация архивированного отчета последней экспедиции Д.Я. Самоквасова // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорokin. М., Гриф и К., 2010. С. 623–637.

древностях. Столетний юбилей этих раскопок представляет удобный случай более полно ввести их материалы в научный оборот, продолжить их интерпретацию с позиций исторической археологии.

Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1 / Автор-составитель *А.В. Кашкин*. М., 1998.

Глазов В.Н. Отчёт о раскопках курганной группы близ д. «Гочево» Обоянского у. Курской губ. // Рукописный архив ИИМК. Ф. 1. Оп. 1913 г. Д. 123.

Глазов В.Н. Отчёт о раскопках, произведённых ... в Обоянском у. Курской губ. // Рукописный архив ИИМК. Ф. 1. Оп. 1915 г. Д. 93.

Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии, произведённых проф. Д.Я.Самоковасовым в августе 1909 г. М., 1915.

Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю. Этапы становления древнерусского порубежного города (попытка реконструкции) // Материалы международной научной конференции «Юг России в прошлом и настоящем». Белгород, 1998.

Львович В.С. Дневник раскопок, произведённых в некрополе у с. Гочева Курской губ. Обоянского у. // Рукописный архив ИИМК. Ф. 1. Оп. 1913 г. Д. 330. Незаконные раскопки и археологическое наследие России. Материалы круглого стола, проведённого редакцией и редколлегией журнала «Российская археология» // РА. 2002. № 4.

Резанова Е.И. О курганах близ с. Гочева Обоянского уезда; Материалы по этнографии Курской губернии // Труды Курской ГУАК. Вып. 1. Курск, 1911.

Рыбаков Б.А. Отчёт о раскопках городища «Крутой курган» близ Гочева Курской обл. в 1937 г. // ГАКО. Ф. Р–3139. Оп. 8. Д. 2.

Рыбаков Б.А. Курская область. Гочевское городище. [Отчёт о раскопках 1937, 1939 гг.]

// Рукописный архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 1937 г. Д. 239.

Рыбаков Б.А. Заглядывая в предысторию Руси // Историки России о времени и о себе. Вып. 1. М., 1997.

Рыков П.С. Отчёт о раскопках, произведённых близ с. Гочева Курской губ. Обоянского у. // Рукописный архив ИИМК. Ф. 1. Оп. 1912 г. Д. 116.

Рыков П.С. Юго-восточные границы радимичей (Раскопки курганного могильника близ с. Гочева, Обоянского уезда, Курской губернии) // Учёные зап. гос. Саратовского университета. Т. I. Вып. 3. Саратов, 1923.

Сосновский К.П. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла ... // Труды Курской ГУАК. Вып. 2. Курск, 1915.

Филиппенко А.А. Городище «Гочев» Обоянского уезда Курской губернии // Древности. Труды ИМАО. Т. XVI. М., 1897.

Шинаков Е.А. Население верхнего течения р. Псла в XI–XII вв. (по материалам Гочевского археологического комплекса) // Вестник МГУ. Серия 8 «История». 1982. № 2.

Щавелёв А.С. Камерные погребения Гочевского могильника (вопросы атрибуции, социокультурной интерпретации) // Русский сборник. Брянск, 2002.

Щавелёв С.П. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 3. Курск, 2002.

Щавелёв С.П. «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 гг. (Курский «филиал»). Курск, 2007.

ОЧЕРЕДНОЙ «АНТИ-САМОКВАСОВ»

О книге Л.И. Шохина «Московский архив министерства юстиции и русская историческая наука. Архивисты и историки во второй половине XIX – начале XX века». М., 1999 ¹³⁶

В написанной мною биографии русского историка, археолога и архивиста Д.Я. Самоквасова (1843–1911) я постарался, в том числе, подытожить его деятельность как реформатора российских архивов. Таким, в частности, образом: «Одни историки архивного дела задним числом осуждают решительный разрыв Самоквасова с патриархальными нравами в среде служащих МАМЮ времён Калачова и Попова. Другие историографы одобряют деятельность Самоквасова на посту руководителя главного архива страны. Надо признать, что в полемике из-за архивного инвентаря крайности допускались с обеих сторон. Это, конечно, не делает чести ни Самоквасову, решительно перешагивавшему через судьбы людей, если они противились архивной реформе, ни его оппонентам, ставившим личные амбиции выше судьбы архивных источников национальной истории. А в конечном счёте интересы общего дела возобладали над личностными пристрастиями» ¹³⁷. Библиографическое же примечание к этим выводам было предварено у меня следующими словами: «Одни авторы склоняются на сторону противников самоквасовских описей. При чтении их работ складывается впечатление, что это их самих сей грозный начальник принуждал выполнять служебные обязанности вместо писания диссертаций и отчётов по грантам (Тут следовали ссылки на статьи Л.И. Шохина). Другие исследователи с большим пониманием относятся к тому, чего и как добивался Самоквасов во главе своего учреждения» ¹³⁸ (Ссылки на работы В.Н. Автократовой, В.Н. Самошенко, М.Н. Шобухова).

Разумеется, выводы такого рода сделаны мной исходя из достаточно развернутого изложения данных вопросов в нескольких разделах моей работы («Управляющий архивом», «За “живой водой” для “кладбища” исторических источников», «Борьба за архивную реформу в России», др.), опирающихся на всю (в то время) литературу вопроса и архивные документы РГАДА, РГИА, ОПИ ГИМ и РНБ, РГИАМ, Рукописного архива ИИМК, ряда областных архивов. Перед тем, как быть обобщённым в монографии, материал публиковался мной в виде статей в целом ряде центральных жур-

¹³⁶ Отзыв был послан в 2000 г. в дирекцию Российского государственного архива древних актов. Не публиковался.

¹³⁷ *Щавелёв С.П.* Историк Русской земли. Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова. Курск, 1996. С. 122.

¹³⁸ Там же. С. 237–238.

налов (включая «Вопросы истории») и сборников различных Институты РАН ¹³⁹.

Л.И. Шохин так сформулировал свою оценку этих моих публикаций: «С некоторых пор у Самоквасова появился апологет — кандидат, позднее доктор философских наук С.П. Щавелёв», который якобы «не смог привести никаких новых материалов к характеристике архивной деятельности Самоквасова, да и трактовка известных фактов явно тенденциозна. Самоквасов представлен центральной планетой архивной системы, все остальные архивисты и историки — его спутники, незначительные сами по себе, даже академики С.Ф. Платонов и А.С. Лаппо-Данилевский (мною вовсе не упоминаемые в этой книге — С.Щ.). Подобный шедевр только дискредитирует Самоквасова, раз уж при всей любви к нему не удалось написать лучше» (здесь и далее ссылки на книгу Л.И. Шохина в скобках — С. 325).

Не мне, конечно, судить, можно ли было написать биографию Д.Я. Самоквасова лучше или хуже. Для ответа на подобный вопрос существует жанр рецензии, на которую ругательный абзац из книжки Л.И. Шохина никак не похож. В свою очередь не берусь рецензировать труд Шохина в полном его объёме. Хотел бы высказать (по старому доброму принципу: да будет выслушана и другая сторона!) своё отношение к двум особенностям сего труда. Во-первых, это страстное недоброжелательство ко всему тому, что сделал Д.Я. Самоквасов в русской науке и культуре; а во-вторых, к беспрецедентно для академических изданий развязному стилю выражения своих историографических оценок, что присуще Шохину.

Начну именно со стиля его изложения, поскольку избранная этим автором форма мысли и печатных высказываний во многом предопределяет, по-моему, их содержание. Без преувеличения редкостный социально-психологический материал для такого рода анализа даёт раздел «Вместо послесловия» к книге Шохина. Тему по истории МАМЮ предложил ему, оказывается, С.О. Шмидт, ставший и научным руководителем его как аспиранта, и редактором этой его книги. Причём «Сигурд Оттович сравнивал Калачова с Лениным, а Самоквасова со Сталиным» (С. 439). Напомню, что получавший столь метафоричное напутствие соискатель учёной степени ещё вовсе не был знаком с источниками и литературой вопроса. Каков урок объективности молодому учёному со стороны опытного наставника! А уж от историзма упомянутых сравнений аж дух захватывает! Влюблённому в своего учителя аспиранту оставалось лишь подобрать в архивах такой материал, который бы подтвердил «рабочую гипотезу» о том, что Самоквасов — это вовсе не «Бисмарк» в своей сфере (сравнение архивиста МАМЮ С.А. Шумакова), а именно «архивный Сталин вчера»...

¹³⁹ См. мои статьи: Эпизоды истории русской археологии (К 150-летию со дня рождения Д.Я. Самоквасова) // Российская археология. 1993. № 1; Д.Я. Самоквасов — историк русского государства и права // Государство и право. 1993. № 2; Д.Я. Самоквасов — историк, археолог, архивист // Вопросы истории. 1993. № 3; Научные конференции, посвящённые Д.Я. Самоквасову // Архив русской истории. Вып. 4. М., 1994; др.

Продолжая благодарить своего научного руководителя, Шохин с обескураживающей простотой признаётся: «... Я, очень стеснительный по натуре, мало с кем чувствую себя так раскованно, как с ним. ... Такой мудрый человек, как Шмидт, умеет извлечь максимум из каждого. ... Он — человек необыкновенный» (С. 445). Я лично, будучи знаком с Сигурдом Оттовичем только по его книгам да докладам на конференциях, готов поверить всем этим эмоциональным оценкам. Действительно, мало кто из нас согласится выступить титульным редактором книги, где тебя же титулуют столь лестно. И не допустить к редакционной подготовке этой книги ни одного внешнего рецензента (данные о них в этом издании отсутствуют). Это взаправду необыкновенно. Раскованный...

Однако благодарственные излияния, может быть и подходящие для мемуаров или юбилейной статьи, в данном случае явно мешают присущей академической науке объективизации изложения. Д.Я. Самоквасов упоминается буквально на каждой второй странице работы Л.И. Шохина. Такое внимание к хочешь — не хочешь, «центральной планете российской архивистики рубежа XIX–XX вв.» вполне понятно для её историка. Непонятно другое: почему научный руководитель и редактор Л.И. Шохина, эксперты РГНФ, одобрявшие и финансировавшие эту работу, не призвали её автора к минимальной объективности в оценках и приличию в их выражении. Да, в личности и деятельности Д.Я. Самоквасова при желании нетрудно сыскать целый ряд недостатков, но разве к ним одним сводится эта личность и эта деятельность?

Приведу наудачу взятые примеры тенденциозности Л.И. Шохина — «исследователя» и «источниковеда», которая мне представляется просто патологической. Более подробный материал, извлечённый по изучаемым и искажаемым им же сюжетам, прежде всего из архива МАМЮ – РГАДА, приводится мной в отмеченной выше биографии Д.Я. Самоквасова.

Уже во «Введении» к книге Л.И. Шохина говорится о том, что де «Самоквасов цинично манипулировал фактами, характеризующими архивистов, выставлял напоказ одни и скрывал другие. В Министерство юстиции он сообщал, что все сотрудники с высшим образованием не дорожат архивной работой и всегда охотно променяют её на другую, более высокооплачиваемую. ... Трудно представить начальника, с большим презрением относившегося к своим подчинённым...» (С. 24). Автор почему-то не поясняет здесь же читателю, с какой целью Самоквасов сообщал министру юстиции о фактах ухода из архива целого ряда способных архивистов по собственному желанию из-за невозможности прокормить семью скудным архивным жалованием в условиях инфляции в стране и особенной дороговизны жизни в Москве. Таким образом именно этот (и только этот) начальник дважды буквально «пробивал» через министерства и Государственную Думу расширение штатов МАМЮ и увеличение его денежной сметы! Трудно представить себе служащего архива, который будет ненавидеть его директора по случаю неоднократного увеличения своего жало-

вания! Но Л.И. Шохин и за это умудряется «бросить камень в самоквасовский огород». По поводу второго повышения бюджета архива, которого Д.Я. Самоквасов добился буквально накануне своей мученической кончины от затяжной болезни, Л.И. Шохин пишет нечто, находящееся за пределами формальной логики: дескать, «управляющий вновь стал хлопотать..., но не по собственному почину, а под давлением обстоятельств» (С. 323). Как это можно «не по своему почину» ездить в Петербург на приёмы к министрам, думским деятелям, вести интенсивнейшую переписку, загодя составлять план работы нового штата сотрудников?

Как можно заявлять, что «архивная реформа для Д.Я. Самоквасова эпизод, а не дело всей жизни» (С. 323), когда добрых двадцать лет было отдано им заботам о русских архиве и об архивном деле в России в целом? Поездки за границу за передовым опытом, перевод и публикация западноевропейского архивного законодательства, анкетирование всех российских архивов, дебаты на нескольких Археологических съездах, публикация статей, брошюр, книг по архивоведению, неоднократные «обращения на высочайшее имя», бурная полемика в печати о путях архивной реформы, интенсивная переписка со многими коллегами-архивистами — это всё эпизод?

Сочувственно цитируя ниже (С. 38) мнение самоквасовского архивиста С.А. Шумакова о том, что «правовая и моральная стороны архивной службы важнее экономической», Л.И. Шохин, на мой взгляд, проецирует на историографию некие особенности и шумаковской, и своей личной биографии. Пренебрегать бюджетом организации могут себе позволить разве что некоторые, не обремененные семьёй, здоровым честолюбием, а по большому счёту, и совестью низшие служащие, младшие сотрудники, но никак не руководители этой организации.

Суть конфликта ставшего во главе МАМЮ Д.Я. Самоквасова с некоторыми его архивистами состояла в том, что эти последние желали бы и при новом начальнике заниматься собственными проектами, прежде всего научными, а тот решил направить все наличные силы архива на составление отсутствовавших описей и справочников к его старейшим фондам. При этом он дал упомянутым сотрудникам год на завершение прежних их работ. Тех, кто не уложился в этот срок и отказался работать над описями в присутственные на службе часы, уволил. Разумеется, и в личной переписке, и в периодической печати того времени вспыхнула своеобразная схватка интересов и обид по данному поводу. Л.И. Шохин приводит исключительно претензии противников самоквасовского решения, причём не соблюдая никакого такта при цитировании не предназначенных для печати личных бумаг столкнувшихся тогда сторон. Упоённое перетряхивание «грязного белья» прежнего МАМЮ он в «Послесловии» именуется «любопытными нюансами о спорах между архивистами» (С. 442).

Противопоказанным науке, да и не только ей, лицемерием я считаю двойной стандарт при освещении архивной истории до и после получения её исследователем учёной степени, принятый этим автором и его научным

руководителем. Убеждая своего ученика «учесть часть отзывов» оппонентов и сократить пресловутые «нюансы о спорах между архивистами» в кандидатской диссертации, научный руководитель тут же утешал его: «Это мы поместим в «[Археографическом] ежегоднике», где мы хозяева, а на кафедре и на Учёном совете мы не хозяева». Диссертация, по его мнению, «это не книжка, которую вы сами издаёте» (С. 442). Выходит, для книги иные моральные стандарты, раз нет внешнего цензора приличий?

Игнорируя все остальные области многогранной деятельности Д.Я. Самоквасова, кроме архивной, Л.И. Шохин и её вынужденно обедняет. Вот, например, он сетует, что «свою библиотеку Самоквасов завещал МАМЮ, но личный архив, к сожалению, не пристроил куда-нибудь на постоянное хранение» (С. 41). Когда я по приглашению РГАДА в ноябре 1993 г. выступал там на Архивных чтениях памяти 150-летия Д.Я. Самоквасова, Л.И. Шохин, кажется, тоже присутствовал. Мог бы подойти и спросить, где остальной самоквасовский архив находится, и я бы ему объяснил. По документам этого архива мной выполнено несколько вышеуказанных публикаций, а также подготовлен к печати сборник «История и археология в переписке из архива Д.Я. Самоквасова»¹⁴⁰, который вопреки смертельной болезни обо всём сумел позаботиться по научно-организационной части своих занятий.

Глава 19 книги Л.И. Шохина — «Д.Я. Самоквасов как управляющий МАМЮ и реформатор архивного дела в России» вполне понятно для установки этого автора напоминает скорее обвинительное заключение суда, а не аналитический разбор историографа-исследователя. Вот далеко не полный перечень эпитетов, которыми награждён «объект исследования» Л.И. Шохиним: «грубый и деспотичный, высокомерный», «придирчивый, авторитарный и подозрительный», «с прямолинейным мышлением и дурным характером», «болтун, прожектёр и карьерист» и т.д., и т.п. Скажу на это просто, по-человечески: да кто дал право кому бы то ни было, тем паче «студенту дневного отделения» (самохарактеристика Шохина) писать так о заслуженном профессоре Московского университета, основателе научной археологии России, одном из реформаторов русских архивов?! Любую критику возможно высказать в приличной форме, а не унижаться до ругательств.

Тем более что факты, документы, мемуары, первые залы Государственного Исторического музея, коллекции многих других музеев, библиотек и архивов России, Украины и Польши опровергают чаще всего голословные выводы Л.И. Шохина. Нет даже нужды ссылаться на мою работу о Д.Я. Самоквасове и другие исследования, где отражены его деятельность и творческое наследие. Довольно будет повнимательнее почитать

¹⁴⁰ См.: Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.Я. Самоквасова (1843–1911) / Составление, вступительная статья и комментарии С.П. Щавелёва. Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2007. 508 с., илл.

текст книги самого Л.И. Шохина, который логикой использованного им архивного и литературного материала вынужден волей-неволей приводить факты, свидетельствующие против его искусственного «Анти-Самоквасова».

Этот «болтун» раскопал столько археологических памятников по всей Европе, собрал столь богатую коллекцию древностей разных времен и народов, сколько бедному Шохину даже не пересмотреть за всю свою жизнь. Портрет Д.Я. Самоквасова висит не только в РГАДА (МАМЮ), но и в ГИМе, первые залы которого украшены сенсационными самоквасовскими находками, подаренными в музей безвозмездно; и в портретной галерее петербургского ИИМКа, его библиотеке, где в рукописном архиве хранится масса документальных отчётов о раскопках Дмитрия Яковлевича. Всё это сквозь зубы вынужден признать даже Л.И. Шохин, говоря, что этим даром «Самоквасов в известном смысле (В каком же? — С.Щ.) обессмертил своё имя» (С. 324).

Пытаясь очернить даже археологические заслуги своего персонажа, не изучая их специально, Л.И. Шохин ссылается на его полемику с Д.Н. Анучиным по вопросу о кладах римских монет на территории Восточной Европы. Но наглухо умалчивает о докладе и статье того же самого Д.Н. Анучина «Д.Я. Самоквасов как археолог», с которыми почтенный академик выступил после кончины своего старшего товарища, отдавая ему дань благодарной памяти действительно как первому среди них, равных.

Не зная толком биографии Д.Я. Самоквасова, Л.И. Шохин берётся утверждать, что тот «пришёл в архив как “человек со стороны”, ... никогда раньше не работал в архивах» (С. 221). В действительности в московских и петербургских архивах Д.Я. активно «рылся» уже при работе над своей первой — кандидатской диссертацией, будучи выпускником Петербургского университета, и неоднократно позднее. Целый ряд трудов этого автора ещё в варшавский период его деятельности представляли собой публикации архивных материалов, в том числе древнейших документов по истории русского права. Шохиным проигнорирован факт давнего знакомства, переписки и делового сотрудничества в первом Археологическом институте Самоквасова с одним из его предшественников в МАМЮ — Н.В. Калачовым.

Несколько раз Л.И. Шохин обвиняет Д.Я. Самоквасова в прямо противоположных и на деле исключаящих друг друга вещах. Так, он ругает его и за то, что он привлёк в свой архив мало новых способных архивистов, оставил всех лучших из прежних работников, и за то, что он слишком резко изменил кадровый состав и традиции МАМЮ (С. 222). Называя Самоквасова «карьеристом», Шохин затем недоумевает, почему тот отказался от поста сенатора, не желая пережить из старой столицы в новую и оставить архивные обязанности. Перевод и издание впервые в нашей стране образцового западного законодательства об архивах Шохиным уничтожительно именуется «компиляцией» (С. 321).

Маниакальная неприязнь Л.И. Шохина к фигуре Д.Я. Самоквасова доходит до того, что он приписывает его посмертному влиянию даже сталинские репрессии против краеведов 1920-х гг.! Тогда якобы «вновь сделалась актуальной критика Самоквасовым губернских учёных архивных комиссий, когда подверглись разгрому возникшие на их основе краеведческие организации и всё краеведение надолго оказались в загоне» (С. 324–325). В моей книжке о Д.Я. Самоквасове имеется специальный раздел «Сотрудник историко-краеведческих организаций», где приведён массив фактов о сотрудничестве Д.Я. с большинством ГУАК и прочих научно-просветительских обществ Российской империи. Д.Я. Самоквасов до самой своей кончины состоял почётным членом Таврической, Тамбовской, Калужской, Симбирской, Ярославской, Саратовской, Курской, Черниговской, Витебской ГУАК; Эстонского, Ростовского, Грайворонского, Воронежского, Новгородского, Прибалтийского, Полтавского объединений историков, архивистов и археологов-любителей (называемых «обществами», либо «комитетами»). Он пожертвовал этим организациям тысячи рублей своих личных денег на раскопки и печатные труды. Занимаясь историей советского краеведения специально по материалам областных архивов, я не нашёл никаких упоминаний «аргумента от Самоквасова» при их разгоне. Зато нашёл обвинения в пропаганде самоквасовских взглядов и находок как предлог для репрессий против краеведов ¹⁴¹.

Вернусь теперь к поистине удивительной стилистике письма Л.И. Шохина, которая присуща отнюдь не только его интерпретациям самоквасовского наследия или моих работ о нём. Всякого, кто «смеет» писать на «его» темы по истории МАМЮ, не будучи учёным званием или местом работы прямо к тому обязан, Л.И. Шохин обзывает нехорошими словами. Так, доклад О.Н. Наумова «Русский историк и архивист А.И. Юшков» на вполне почтенных «Зиминских чтениях» Л.И. Шохин именуется «очковтирательством» (С. 170), а диссертацию того же О.Н. Наумова о московской генеалогической школе — «плагиатом» (С. 171) только на том основании, что её автор приводит материалы тех же архивных фондов, что и сам Л.И. Шохин.

Далее: М.Н. Шобухов будто бы «создаёт видимость логической связи», «недостаточно критически воспроизводит» архивный материал, разделяет все «недостатки исторической науки его времени» (С. 16); В.К. Бондаренко «не вышел за пределы общеизвестных выводов» (С. 17); в работах В.П. Козлова «обширные цитаты и громоздкий справочный аппарат» (С. 442). На фоне столь предвзятого мартиролога исследовательских репутаций сам Л.И. Шохин мнит себя таким мессией истинной историографии МАМЮ и прямо заявляет в «Послесловии» об этом. Ставя рядом с собой на этом пьедестале «нового поколения исследователей истории ар-

¹⁴¹ См.: *Щавелёв С.П.* Курское краеведческое общество 1920-х годов и его археологические работы // *Очерки истории отечественной археологии.* Вып. II. М., 1998; *Его же.* «Дело» краеведов ЦЧО.

живного дела, имеющего вкус к неопубликованным источникам» (С. 19), только старшего коллегу В.Н. Самошенко, Л.И. Шохин в подробной ссылке на его публикации опускает статьи, специально посвящённые объективному анализу вклада Д.Я. Самоквасова в теорию и практику архивного дела.

По-моему, Шохину как разночинцу по происхождению и образу жизни, психологическому маргиналу а priori чужд тип большого учёного и видного организатора науки и просвещения, каким был Дмитрий Яковлевич Самоквасов — доктор наук, заслуженный профессор, декан, ректор, управляющий крупнейшим архивом страны. Шохина «ведёт и корчит» (по Н.С. Лескову) от всех тех, кто «по-буржуазному деловит и по-дворянски заносчив» (как он облыжно аттестует Самоквасова). При этом игнорируется подлинная биография Дмитрия Яковлевича, выучившегося на медные деньги, завоевавшего утраченное его обнищавшей семьёй дворянство собственным трудом и потративший все свои денежные сбережения на цели научные и благотворительные. После этого учёного осталась целая библиотека его научных трудов, включая знаменитые публикации архивного материала. Для Л.И. Шохина, десять лет спустя после защиты своей первой диссертации переиздающего её книгой, подобные масштабы работы, креативность — как красная тряпка для быка. Но историографию нельзя уподоблять корриде, тем более с противником, который не может ответить злостному критику. «... Его кулак навек закован в спокойную к обиде медь», по словам поэта.

Я сомневаюсь, что на деньги РГНФ стоило публиковать такие, например, признания автора монографии о МАМЮ: «... Я окончил среднюю школу и поступил на *дневное* отделение факультета архивного дела МГИАИ. ... На распределении по окончании института я выбрал ЦГАДА, ... *попал* в армию. ... Я приобрёл некоторые методические навыки, научился печатать на машинке. ... В результате хлопот Шмидта меня приняли в заочную аспирантуру. ... Он подметил, что мой метод конспектирования сходен с методом работы Ленина» (Опять Владимир Ильич «живее всех живых» как некая точка отсчёта мышления обо всём на свете, что касается МАМЮ–РГАДА! — С.Щ.). «... Шмидт склонил меня к досрочной защите. ... На защите ... у меня всё прошло благополучно, в первую очередь, разумеется, благодаря научному руководителю... Я говорил, что тем хуже для оппонентов, если они не понимают. ... По зрелости и имеющимся обобщениям моя диссертация не уступает многим другим» (С. 438–443; курсив мой — С.Щ.). И т.д., и т.п. Так высоко оценивая свои собственные заслуги и труды, Л.И. Шохин двухтомную монографию Д.Я. Самоквасова «Архивное дело в России» фамильярно именуется «книжкой» (С. 271).

Как говаривал в таких случаях, перебивая зарвавшегося докладчика, Л.Д. Ландау: «Расскажите это вашей жене!» Но, по-видимому, больше некому рассказать о том, какой он сам, Л.И. Шохин, хороший, какая у него «зрелая диссертация», к чему его «склонил» научный руководитель, а

Д.Я. Самоквасов и оппоненты Шохина плохие, как только потенциальным читателям 500-страничного тома, вышедшего тиражом 600 экземпляров под грифами Федеральной архивной службы России, РГАДА в серии «Памятники исторической мысли». Хотя мысль-то в данном случае откровенно инфантильная, а не историческая...

И такого рода беззастенчивой публичной похвальбой «очень застенчивый по натуре» кандидат, но пока ещё не доктор наук Л.И. Шохин пытается «воздействовать на практику» современной «службы Социальной памяти», как он именуется архивы в предисловии к своей книжке. Памяти, а не злопамятства! К тому же доводимого до геркулесовых столпов инфантильно неприличного поведения на людях. В действительности, любой непредубеждённый читатель увидит на многих страницах этой книги явную личную ущербность Л.И. Шохина, который со злорадным, болезненным увлечением тащит в будущее из документов по истории русской архивистики не «огонь» идей и достижений и Д.Я. Самоквасова и его сторонников, и противников, и преемников, включая С.О. Шмидта, а «пепел» мелких ссор и неудовлетворённых честолюбий.

А.В. Орешников. Дневник. 1915–1933. В 2 кн. Сост. П.Г. Гайдуков, Н.Л. Зубова, М.В. Катагощина, Н.Б. Стрижова, А.Г. Юшко. Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М., «Наука», 2010–2011. Кн. 1. 1915–1924. 659 с., ил.; Кн. 2. 1925–1933. 717 с., ил. (Научное наследство. Т. 34).

За 1990-е – 2000-е годы российский книжный рынок обогатился множеством произведений мемуарного и дневникового жанров. Сразу уточним эти родственные понятия. Более или менее систематический дневник содержательно и стилистически отличается, конечно, от написанных задним числом воспоминаний. «Нужно ... отличать "Дневник", где я под непосредственным впечатлением делал записи изо дня в день, от "Воспоминаний", последовательно излагающих события уже с какого-то расстояния. В первой книге некоторые мои суждения высказаны с известной горячностью, под влиянием минуты, и потому не всегда справедливы. ... Я их отложил на время, чтобы в более спокойный и зрелый период жизни проверить поспешные суждения, предвидения, предположения, изменить или уничтожить выводы. Именно это я попытался сделать в своих воспоминаниях», — пояснял писатель, склонный к эпопейному масштабу письма (Роллан, 1966. С. 10).

Но и родство этих жанров вне сомнения: дневник есть своевременная заготовка для мемуаров, по сути, их черновик, а эти последние — фрагменты когда-то незаписанного, но зато всё-таки отчасти запомненного, потом переосмысленного дневника. Не случайно именно воспоминания нередко называются «Записки» (Формозов, 2011), «Дневник» (Иванов, 2006), «Журнал» (Андре Жид), «История» (Волошин, 1999), хотя написаны они бывают десятилетия спустя фигурирующих там событий. Не у всех авторов хватает долголетия и флегматизма, дабы сначала подённо записывать свои впечателения от жизни и мысли, а на склоне лет пользоваться этими записями как источником для систематических мемуаров¹⁴³. Так что дневник первичен по сравнению с воспоминаниями.

Как бы там ни было в прошлом литературы и науки, нам сейчас и не вспомнить, когда ещё прежде случалось такое изобилие ретроизданий. Тому находится несколько причин, среди которых и общий подъём книго-

¹⁴² Фраза из фильма «Белое солнце пустыни». Красноармеец Ф.И. Сухов обращается так к заведующему музеем древностей. Тот отказывается пустить на постой гарем басмача Абдуллы, опасаясь за сохранность музейных экспонатов. Сухов убеждает хранителя, что эти «освобождённые женщины Востока» тоже народное достояние, как и археологические находки. Маленький эпизод, лишний раз демонстрирующий разницу интеллигентского и большевистского понимания культурного наследия. Должно быть, именно так задушевно обращались к Алексею Васильевичу Орешникову те комиссары, что просили его выдать спрятанные музейные экспонаты для продажи за рубеж...

¹⁴³ Перечень самых знаменитых дневников в западноевропейской и русской традициях, а также философию этого жанра см.: Пигров, 2007; 2011.

издания в нашей стране (насколько снизились тиражи отдельных книг, настолько же выросло количество их названий, жанров), и отмена цензуры (в СССР воспоминания если и публиковались, то жестоко изуродованные внутренним и внешним контролем за идеологической «крамоллой»), и понятная в эпоху бурных перемен ностальгия по прошлому.

Его профессиональные исследователи — гуманитарии не могли, разумеется, остаться в стороне от этого мемуарно-дневникового поворота в издательских и читательских предпочтениях. Увидели свет чудом сохранившиеся в семейных и иных архивах рукописи дневников и воспоминаний ветеранов исторической науки (Кареев, 1990; Дружинин, 1995–1996; Толстой, 1997; Пушкарёв, 1999; Кондаков, 2002; Готье, 2007; Веселовский, 2000–2001, 2010; др.). В ретроспективном историографическом жанре отметились современные представители истории, отечественной (Эйделман, 2003; Ганелин, 2006; Ермолаев, 2009; др.); и всеобщей (Гутнова, 2001; Гуревич, 2004; др.); археологии (Пиотровский, 1995; Фёдоров, 1997; Клейн, 2010; Формозов, 2011; Мерперт, 2011; др.), этнографии и антропологии (Кабо, 1995; Рогинский, 1999; Рабинович, 2005; Тишков, 2009; др.); филологии (например: Тахо-Годи, 2009) и родственных им дисциплин.

Историографическая и общекультурная ценность всех этих результатов ретрорефлексии различна. Над большинством мемуаристов довлела память об опасности семейных архивов. «После писем, потерявших обстоятельность и откровенность из-за привычных опасений перлюстрации, — подтверждал авторитетный «шестидесятник», — дневник был самым непопулярным жанром домашней литературы. В 30-е – 40-е годы [прошлого века], как известно, сколько-нибудь понимавшие жизнь люди дневников не вели — на другой день после ареста они оказывались на столе у следователя. Рассказы о тетрадях, предавших своих хозяев, не однажды были выслушаны мною.

Елена Сергеевна Булгакова вспоминала, как дорожил Булгаков своим московским дневником начала 20-х годов. Он был конфискован у него при обыске в 1926 году. Булгаков долго добивался, чтобы ему вернули рукописи, искал заступничества у Горького, угрожал громким общественным скандалом, а когда наконец получил из рук следователя с Лубянки свои заветные тетради, сжёг их в печи. Больше он никогда не вёл дневников» (Лакшин, 1991. С. 5).

Опытный, хотя и осторожный, даже трусоватый по жизни историк, втихомолку переживая её напасти, обобщил мемуарный опыт сверстников советских времён: «Дневниковые и иные записи вели, хранили (Ю.В. Готье, например, отправил свои за границу) не только старые историки, такие как С.Б. Веселовский, но и представители следующих поколений (С.А. Пионтковский, С.С. Дмитриев, ещё не ставший профессиональным историком А.Г. Маньков) и даже выдающаяся представительница партийного (ВКП(б)) начала в историографии А.М. Панкратова. Впрочем, число домашних записей с течением лет по понятным причинам не возросло,

как и степень их несоответствия официальной идеологии. Иногда дело сводилось к фиксации происходившего на совещаниях и заседаниях с собственными или чужими откликами на сказанное там, а то и с добавлением невысказанного. Однако и в этом случае письменный текст не обладал всеми свойствами откровенности, которые характеризовали устную речь» (Ганелин 2006: 10).

Последнее наблюдение спорно: степень принципиальности и откровенности зависела от характера человека и его взаимоотношений с окружающими. Иногда на словах лукавили, не доверяя собственной тени, а не то что сослуживцам, поверяя заветные мысли только спрятанному дневнику; иногда в живом общении резали правду-матку, а личные записи дозировали, ведь они могли попасть на глаза не тем, кому надо...

Как бы там ни было, каинова печать тоталитаризма, цензуры и самоцензуры действительно деформировала ретроспективный опыт наших предшественников. Вот один из многих образцов «стерилизованных» самоцензурой воспоминаний: Дружинин, 1967; 1979; 1990. Даже в личный дневник этот будущий академик в самые трагические для страны годы заносит исключительно официозные штампы партийной пропаганды. Например, за 1936 г.: «Опубликовано обвинительное заключение по делу Зиновьева, Каменева и пр. Особенно поражает связь с германскими фашистами и отсутствие принципиальной точки зрения. Это — последний смертельный удар по троцкизму. ... Моральное падение и капитулянтская позиция на процессе у всей этой группы коренится в той же причине, что и поведение всех прежних антисоветских групп (Промпартия и пр.) — в полном социально-политическом бессилии. Жизнь — не за них, не за ними массы» (Дружинин, 1997. С. 89). Как будто на митинге трудящихся выступает молодой историк... А ведь вроде бы интеллигентный был человек, курскую классическую гимназию закончил.

Текстуальное совпадение с этими пароксизмами политической трусости и близорукости (?) демонстрируют воспоминания другого академика, из следующего поколения советских историков. Вспоминая студенческие годы в Ленинграде, он на склоне лет ничего не меняет в юношеских оценках: «Возникали и трудные ситуации. В 1927 г. обострилась борьба с противниками генеральной линии партии. На предприятиях, в учреждениях и, особенно, в вузах троцкисты старались найти единомышленников. Выступили они и на комсомольском собрании в университете, однако их освистали. Студенты, как и весь народ, были против оппозиционеров» (Самсонов, 1988. С. 26).

В это же самое время дневники некоторых современников и коллег по историческому факультету МГУ и ЛГУ советских лет содержат откровенную и глубокую аналитику происходящих вокруг учёных и с ними самими событий: Дмитриев, 1999; Неизвестный В.Я. Пропп, 2002.

Ну, ладно, в советские, особенно 1930-е, годы откровенный дневник был похож на попытку самоубийства. В постсоветской же России причи-

ны мемуарной кастрации уходят в этическую зону — боязнь задеть репутацию предшественников, огорчить их родственников. Так, в написанных за границей воспоминаниях археолога и этнографа М.Г. Рабиновича глава «А.В. Арциховский» закрыта для публикации на сколько-то десятков лет. Как будто там содержатся бог весть какие тайны. Всю правду про Арциховского написали и уже опубликовали А.А. Формозов и Г.Б. Фёдоров.

Теперь перед нами «Дневник» Алексея Васильевича Орешникова (1855–1933). Человека, родившегося ещё при крепостном праве, в дореформенной России, и дожившего в здравом уме и твёрдой памяти до последствий «великого перелома» в СССР начала 1930-х годов. Выходца из средних слоёв, не самого богатого купечества, ставшего ведущим сотрудником главного национального исторического музея и членом-корреспондентом государственной Академии наук. Коренного москвича, основательно прожившего и в Петербурге, и в Италии. Общавшегося по профессиональным и бытовым делам со множеством современников самых разных званий и типов; столичных жителей, провинциалов, эмигрантов, иностранцев. Интеллигент (в русском понимании этого слова) в первом поколении, он сумел сохранить жизненные связи с простым народом, установить их с представителями разного рода аристократии, царской и потом советской. Всегда оставаясь самим собой: зорким и к повседневному, и к экстремальным моментам жизни, неравнодушным, но стойким, чуждым истерике свидетелем и нередко участником важных событий. Все эти обстоятельства делают его почти ежедневные записи за 1915–1933 годы уникальным историческим источником.

По мемуарным и даже дневниковым меркам неполные два десятилетия подённых записок — далеко не рекорд. Скажем, опубликованный уже несколько раз сходного стиля дневник К.И. Чуковского вёлся почти без пропусков с 1901 по 1969 гг. (Чуковский, 1994; 2007; 2009; 2011). Похожих по хронологии долгожителей среди авторов дневников немало. Есть и абсолютные рекордсмены. Так, московский губернатор и городской голова В.М. Голицын оставил тридцать два тома дневников за 1865 по 1932 годы. В своих записках он не пропускал ни дня. Пока опубликован только один их год из 67 (Голицын 2008).

Однако не все авторы дневников оказались столь же наблюдательными, искренними и волевыми в своих личных исповедях, как вроде скромный музейный сотрудник. Причём именно 1910-е — начало 1930-х годов для нашей страны оказались самыми бурными и переломными: мировая и гражданская войны; революции; политические метания победивших большевиков от военного коммунизма к НЭПу и отчасти обратно; от гонений на религию и церковь к частичной реабилитации национальных традиций; коллективизация в деревне и ломка бытового уклада в городе. Всё это, так или иначе, но отразилось в записях А.В. Орешникова. Ведь он трудился в двух шагах от Кремля, где ему приходилось бывать по

музейным делам. Так что не только время, но и место для наблюдения над новейшей истории Родины у него было подходящее.

Прежде чем попытаться дать этому научно-литературному памятнику историографическую оценку, отмечу соавторов столь масштабного и ответственного издательского проекта. Его инициатором стала Нина Леонидовна Зубова (1956–2005), старший научный сотрудник Отдела рукописей Государственного Исторического музея. К сожалению, ей не довелось дожить до выхода в свет своего детища. Её светлой памяти посвящён проникновенный некролог, подготовленный в указанном Отделе и помещённый под конец второго тома (II, 673–674).

Но самый замечательный архивист и историк не смог бы в одиночку подготовить к печати такой документальный массив. Более тысячи печатных страниц *in folio* только самого текста дневника, а со вводными и комментирующими, справочными страницами — почти 120 печатных листов; сотни упоминаемых лиц, тысячи событий, масса бытовых реалий давно ушедшей в прошлое жизни. Большая их часть пояснена весьма подробными комментариями. Значительная доля этих последних — относительно лиц, учреждений, событий — многократно превышает по размеру привычный справочный, даже энциклопедический минимум, представляя из себя развёрнутые очерки, синопсисы полноценных статей. Многие примечания содержат результаты архивных разысканий составителей, интервью со многими знатоками и современниками затронутых в дневнике реалий. Среди множества изданий дневникового жанра это явный рекорд по объёму текста, сложности содержания рукописи и, главное, пояснений к ней.

Записи Орешникова и подробные пояснения составителей к каждому имени, названию, большинству упоминаемых событий образуют увлекательную историю Государственного Исторического музея и того культурно-политического контекста, в котором развивалась наука о древностях в период своего окончательного становления на научные основы в нашей стране.

Почин Н.Л. Зубовой подхватили её коллеги по Отделу рукописей ГИМа — М.В. Катагощина, Н.Б. Стрижова, А.Г. Юшко. А возглавил издательский проект член-корреспондент РАН Петр Григорьевич Гайдуков. Только такой как он опытнейший археолог, историк, ведущий сейчас в стране нумизмат-русист, и смог координировать и направить многолетнюю кропотливую деятельность упомянутого коллектива по обработке рукописи дневника, её печатному набору и, главное, комментированию.

В предисловии к изданию — «А.В. Орешников и его дневник», — написанном П.Г. Гайдуковым, Н.Л. Зубовой и А.Г. Юшко, внятно объясняется стратегический подход автора к ведению своего многолетнего журнала. Здесь приводится ключевая на сей счёт цитата из орешниковских записей: «Веду ли я дневник? — с грустью признаётся он в мае 1925 года, — Если придётся кому-нибудь прочесть его, то читающий не найдёт того, что

обыкновенно отражается в дневнике грамотного человека: личность автора, его отношения к окружающим его лицам, его внутренняя жизнь, и умственная, и сердечная, его взгляды на окружающую действительность и т.д. Ничего похожего на это здесь нет или почти нет... Могу ли я обмолвиться о своей личной жизни? Решусь ли, по чувству самосохранения, хоть слово сказать об ужасной действительности, которая нас окружает? Могу ли я поверить бумаге мои чувства, мои симпатии, антипатии, наконец, те причины, от которых на меня нападает тоска? Нет, нет, нет. Итак, пусть остаётся эта тетрадь просто записной тетрадью для памяти, а не тем дневником, который хотелось бы писать» (I. С. 10).

«По счастью, — уточняют составители издания, — личность автора проступает буквально в каждой дневниковой записи» (Там же). Может, и так, но, осмелюсь уточнить, не везде и не всегда проступает она в одинаковой степени. Больше проступает в общественно-политических вопросах (что наиболее удивительно и показательно для несравненного мужества и жизненной прозорливости этого купеческого сына и скромного служащего), ещё больше в профессионально-служебных ситуациях (что вполне понятно), гораздо меньше в семейно-личных делах (что нуждается теперь в объяснении). Таковы вместе с тем основные информационные пласты этого дневника:

во-первых, повседневные хлопоты и впечатления автора (покупки, общение с родственниками и знакомыми, домашний обиход, начиная и заканчивая едой и питьём; пополнения гардероба и посудных наборов, много домашнего инвентаря; болячки и их врачевание; походы на церковные службы да в театры, зоопарк; экскурсии по Подмоскovie, командировки в Ленинград и т.п.;

во-вторых, научные и музейные занятия, беседы и переписка с коллегами-нумизматами, искусствоведами, историками и археологами; а также общение с разного рода начальниками, мелкими, средними и министерского ранга;

в-третьих, оценки текущих военных, политических событий, как внешних его музею, так в отношении культуры, науки и учёных.

В целом перед нами ценный материал и по истории национального музея, всей науки о древностях, и по социально-политической истории страны, и по истории тогдашней повседневности.

Сознательная сдержанность¹⁴⁴ в отборе фактов и, особенно, оценок «дел и дней», исповедовавшаяся А.В., имела, думается не только и не столько внешние цензурные причины. Его оценки и царского режима, и особенно большевистской политики в массе своей вполне откровенные и достаточно резкие. Попади они в руки чекистов, тем не потребовалось бы

¹⁴⁴ А.А. Ахматова как-то обронила про одного из знакомых мужчин: «Сдержанный... Значит, было, что сдерживать».

никаких дополнительных доказательств безусловной виновности автора в махровой контрреволюционности.

В романе Б.К. Зайцева «Древо жизни» (1953), на который ссылаются и издатели орешниковского манускрипта, найдём яркие тому подтверждения. С удивительным психологизмом воспроизводит писатель внутренний мир своего тестя, выводимого как Геннадий Андреевич Колесников. Получился очень точный и понимающий, хотя и в чём-то утрированный портрет А.В. Орешникова. Вот, например, комиссар музея «товарищ Баланда» натывается на плакету, поднесённую нумизмату к 30-летнему юбилею музейной службы.

«— В вашу честь медаль выбили, дело хорошее, товарищ заведующий.

— Значит, вы и при старом режиме являлись показательным работником. 1913! А теперь много больше, и при нашей власти герои труда тоже получают отличия. Работайте, работайте, орден Ленина получите. ...

Домой Геннадий Андреевич возвращался в тот день хмурый. Ничего, собственно, не имел против этого Баланды, но неприятно действовали его обмотки на ногах, гимнастёрка, вихры на висках. «У меня и Государь в Музее бывал, и другие ордена есть, но Государь по-другому держался... Баланда-с... одолжил бы орденом Ленина!» ... св. Владимир, св. Анна ... — а тут отличить собираются Лениным! ... Какой я ему товарищ, он просто мальчишка, понятия не имеющий ни об истории, ни об археологии» (Зайцев, 1953. С. 126–127).

Чего стоят ещё такие, выхваченные наудачу, пассажи уже из самого дневника. Свойственник А.В. «Коля Бруни», академик живописи, пишет портрет М.И. Калинина «для Петербурга». «...Портрет мне очень понравился», — отмечает бестрепетной рукой искусствовед Орешников. А гражданин Орешников добавляет: «Мы беседовали, должен ли русский художник писать портрет лица, которого он считает врагом родины» (II. С. 53). «Всесоюзный-то староста»...

Многократно отмечаются и порицаются им антицерковные и антирелигиозные акции большевиков. Например, спасая попавшие в музей мощи преп. Саввы Звенигородского, А.В. замечает: «Как всё это тяжело! Какое глумление над религиею!» (II. С. 28). Алексеевское «кладбище большевики хотят обратить в место для гулянья, футбола и т.п., ради чего разоряют памятники» (II. С. 205). Орешников полагает, что «со времён Нерона не было такого гонения на христиан, как при большевиках» (II. С. 384).

На страницах дневника рефреном повторяется мысль: «Вот в какие невозможные условия поставила нас советская власть!» (II. С. 61); «Что наделали большевики!» (II. С. 313); «Когда кончатся эти невозможные условия, в которые мы поставлены большевиками!?» (II. С. 209); «Когда же кончится тирания большевиков?» (II. С. 181); «Тяжело жилось мне благодаря тяжёлой обстановке, созданной большевиками, надежды на

улучшение никакой не вижу» (II. С. 218); «Бедная родина, как тебя разорили большевики!» (II. С. 220); «До чего озверели большевики!» (II. С. 396) и т.п. многократно. То ли по поводу вселённых в его дом соседей-хулиганов, то ли из-за продажи большевиками музейных реликвий за границу и переплавки экспонатов на лом драгоценных металлов (десятками, если не сотнями пудов!), то ли в связи с глумлением над церковью, то ли ввиду пустых полок магазинов. Ни одной сочувственной оценки советской политики в этих записях нет. Обвинения М.И. Ростовцева по адресу большевиков старый археолог оценивает восторженно: «Смело и сильно!» (II. С. 193). Большевистский режим он уравнивает с опричниной Ивана Грозного (II. С. 284). А ведь старый учёный вполне сознавал: «Если будешь говорить искренним языком — очутишься в ГПУ» (II. С. 53), как множество его знакомых и отдельных родственников.

Слова (в дневнике) не расходились у Алексея Васильевича с делами (на службе, в их коммунальном доме). Вот заместитель директора музея карьерист Л.И. Пономарёв предложил ему прочесть и подписать «протест, присланный Н.И. Троцкой против белого террора в Румынии; ввиду политического характера протеста я отказался подписать» (II. С. 91). А ведь эта жена Троцкого — их прямая начальница, заведующая музейным отделом Наркомпроса. Потом в музее назначается «общее собрание, от которого я ушёл; ... предположено выразить протест против консервативного английского министерства; комедию эту мне не хотелось проделывать» (II. С. 191). На очередном митинге дирекция требует «присоединиться к голосу пролетариата и требовать строжайшей меры наказания» (II. С. 456) «вредителям» (тех назавтра расстреляют — 48 человек). В знак солидарности с погромщиками А.Я. Брюсов вместе с А.В. Арциховским просят принять их в партию. А Орешников молчит, думает о своём. Этому правилу — сбежать с политического «мероприятия», а если не удастся, то отмолчаться, он не изменил ни разу. Не раз повторяется в его записях: «Я ушёл, совесть не позволяет мне подписывать такой ужасный приговор» (II. С. 463).

Перед арестом обречённого Н.П. Лихачёва он взял у него на хранение личные документы. Переписывался с коллегами, высланными в Северный край (А.А. Сиверсом, Н.П. Лихачёвым, Л.В. Кафкой и др.). О проталкивании в Академию учёных-коммунистов отозвался: «Какое насилие над свободой выборов!» (II. С. 333). За десять лет советской власти археолог так и не смог понять, что означает аббревиатура ВЛКСМ (II. С. 172).

Вот пьяный сосед-сапожник избивает ребёнка.

«— Это что за безобразие? — строго спросил Геннадий Андреевич (не просто прототип, но литературное alter ego Орешникова — С.Щ.): кто это позволил драться? ...

— А ты кто тут, распоряжаешься? А? ...

— Молчать-с! У себя в доме безобразничать не позволю...

— У себя... Был твой дом, а теперь наш, общий.

Но Геннадий Андреевич уже не слушал. Так решительно двинулся вперёд к лестнице, что сапожник отскочил. Да, конечно, не его дом, он и сам знает, но уж переделать его трудно: в эту минуту ощутил он силу, власть, превосходство» (Зайцев. С. 129). Такие безобразные сцены разыгрывались в уплотнённом пролетариями доме Орешниковых чуть не ежедневно. А он ведь и дома работал: читал, писал, думал.

Несмотря на все испытания, терзавшие его душу и тело, старый нумизмат изо дня в день годами без единого отпуска читал, писал, описывал, публиковал; покупал вещи для музея, систематизировал и экспонировал их; переписывался с коллегами из разных городов России и стран мира; общался с этими учёными, когда они посещали ГИМ. Его «жизнь стала не терпимой, но страшно оставить близких моих, которым я иногда бываю нужен» (II. С. 64). Кроме родных и близких людей, Алексей Васильевич в ту пору был очень нужен огромным фондам ГИМа, Оружейной палаты; многих других хранилищ и инстанций; тем редкостям, которые обнищавшие россияне приносили на показ закупочной комиссии.

Что касается главного смысла его жизни — исторической науки, её вещественных источников — то в этом отношении орешниковские мемуары также содержат немало поучительного и сегодня. Главная его работа в музее — раскладывать по порядку, систематизировать огромные вещевые и монетные коллекции. Начав эту работу с античных чеканов нашего Причерноморья и древнейших русских монет, он последовательно упорядочил средневековые деньги разных периодов и завершил свой титанический труд монетами Петровской эпохи. О многих нумизматических типах им публиковались научные исследования. Соответствующие идеи рассыпаны по дневниковым страницам. Параллельно им куплено или принято, разобрано, атрибутировано, инвентаризировано, отчасти опубликовано множество древних вещей самых разных типов — парадной посуды, церковной утвари, оружия, одежды, ювелирных украшений, живописи, скульптуры, прочих предметов быта.

Между тем у него арестовали и сослали нескольких близких знакомых, родственников, сотрудников, расстреляли одного из внуков. «Сколько раз пришлось страдать за жизнь и здоровье близких людей!» (II. С. 10) — рефреном проходит по его записям. Только выражал он свои переживания по-мужски сдержанно.

Как видно, никакой особой самоцензурой в политическом и идеологическом отношении автор дневника себя не ограничивал. За куда менее резкие высказывания, а то и просто без всякого повода люди тогда шли под нож репрессий (См. об этом, если угодно, опубликованное мной факсимильно «Дело краеведов ЦЧО» из архива ФСБ: Щавелёв, 2007).

Чтобы оценить принципиальность А.В. Орешникова, сравним с его дневником одновременные записи того же К.И. Чуковского. В его дневнике, который тоже писался вроде бы только для себя, нет ни одного упоминания об арестах, судебных процессах над «врагами народа», обо всех

прочих ужасах сталинских лет. Более того, периодически писатель вставляет в дневник верноподданнические фразы насчёт преимуществ советской власти, колхозов и т.п. — явно в расчёте на возможного читателя из «органов». И даже из такого приглашенного дневника сам его автор задним числом вымарывал отдельные строки, вырезал куски страниц и целые страницы (Чуковский, 2011. С. 10).

Другие авторы дневников по мере обострения общественно-политической ситуации почли за благо для себя и для своих близких прервать крамольные записи. Коллега и знакомый Орешникова, историк и археолог Ю.В. Готье начал свои заметки 8 сентября 1917 г., но уже в 1922 г. прекратил их и переправил от греха подальше за границу (Готье, 1997). Последующий арест академика подтвердил предусмотрительность этого шага. Почти тогда же прекратил вести дневник 1915–1923 гг. С.Б. Веселовский, в науке человек, как известно, очень мужественный (Веселовский, 2000, 2001).

А вот Орешников, как ни в чём не бывало, конспективно заносил свои труды и дни во всё новые тетради. Хотя безрадостные оценки политики новой власти у названных историков совпадают, порой почти текстуально.

Сопоставим для примера записи за февраль 1918 г., когда новая власть вполне себя проявила. С.Б. Веселовский 28 февраля: «С кем ни говоришь, всяким овладело какое-то тупое отчаяние. Всякий понимает, что приход немцев есть позор и принесёт много горя, унижений и экономическое порабощение, но одновременно жизнь под кошмарным разгулом большевистской черни стала настолько невыносимой, настолько неизбежной, что каждый или открыто или про себя предпочитает рабство у культурного, хотя и жестокого врага, чем бессмысленную, бесплодную, бесславную смерть от голода или убийц и грабителей (Веселовский, 2000. С. 93).

А.В. Орешников за то же число — 28 февраля: «На Киев идут австрийцы с украинцами. Скоро ли кончится этот кошмарный сон?» (I. С. 147). И несколькими днями раньше в унисон коллеге: «Прямо чувства приглушены, с равнодушием читаешь о таких ужасах» (Там же).

Можно, конечно, было бы на страницах своего личного журнала нагнетать страсти, подбирать более сильные выражения (ср. у более артистических натур: Блок, 1989; Тимофеев-Ресовский, 1995), но дело-то не в них, а в смысле оценок. А они у Орешникова всегда правдивы, реалистичны, принципиальны. Его не обморочили ни разные платформы политических партий перед революцией, ни идейный прессинг советской пропаганды. Между тем многие интеллигенты, оставшиеся по тем или иным причинам на Родине, кто искренне, кто лукавя, лозунги дня подхватывал¹⁴⁵. А Орешников и на царской, и на советской службе, и у себя дома, и на

¹⁴⁵ Яркий пример советского сервиллизма даёт уже цитированный выше дневник Н.М. Дружинина.

дружеских встречах оставался тем же самым, кем он вышел из родительского дома (памятные ему дни кончин отца и матери отмечал в дневнике ежегодно без единого пропуска). Поэтому его систематический комментарий военных и политических событий тех лет обладает самостоятельной ценностью.

Семейные наследники автора дневника кое в чём почистили этот последний, вырезав или вымарав отдельные записи и уничтожив целые страницы. Только на близорукий современный взгляд подобная семейная цензура может показаться чем-то трусливым, вредным для исторической памяти. Напротив! Хранители дневника проявили чудеса мужества, сохранив его почти, практически в целости тогда, когда вокруг них то и дело арестовывали соседей и знакомых, перерывая по ходу обысков их жилища, изымая рукописи. Мои, например, бабка и мать, тоже москвички, после ареста отца в 1938 году на всю оставшуюся жизнь взяли привычку жечь все полученные ими письма. Возможные читатели этого дневника из молодых поколений просто не могут представить себе, какой опасной крамоллой звучала едва ли не каждая его страница не только в годы «большого террора», и долгое время после него, по сути, вплоть до краха СССР.

Но ни в более спокойные, ни в самые трагические моменты жизни ветеран музейного дела не уходил в себя, не впадал в отчаяние. Он практически ежедневно работал с музейными экспонатами и фондами, опять-таки ежедневно писал научные работы, обдумывал археологические сюжеты. Любопытна и его хроника театрально-концертной жизни Москвы, включая любимые автором дневника церковные песнопения. А.В. довелось консультировать реквизит первых опытов советского кино — экранизации пушкинских «Станционного смотрителя» (1925), «Капитанской дочки» (1929)»; делать копии древних вещей для спектаклей МХАТа («из эпохи Ивана Грозного», «Мертвых душ» и др.); Большого театра (оперы «Царская невеста»). Правда, новые сто лет назад художественные веяния его не прельщали ни в театре, ни в поэзии, ни в прозе. Дистанцировался от произведений А.А. Блока, К.Д. Бальмонта, К.С. Станиславского, философов В.С. Соловьёва и В.В. Розанова, прочих тогдашних модернистов. Боготворил Пушкина и Лермонтова.

Ограничивал А.В. Орешников свои суждения не в политике и не в профессии, а в том, что сам назвал «личной жизнью». Предположу, что причиной его сдержанности были не столько внешние (политические, идеологические), сколько внутренние (сословно-религиозные) факторы, помноженные на характер А.В. Хотя женитьба, а потом и профессия ввели его в широкий круг богемных представителей интеллигенции (коллекционеров, художников, писателей, артистов), их разухабистого душевного настроения он не мог и не хотел разделять. Семья, быт, дом, досуг; параллельно работа — вот стержень орешниковских записей. Почти все они — в схожем описательно-констатирующем ключе. «Пошёл, купил, говорил, разбираю, написал, читал, видел» и т.д., и т.п. Супругу, урождённую в семье об-

русевших немцев Шарлотту, о которой он всю жизнь трогательно заботится, которая родила ему четверых дочерей, он обычно не называет в дневнике по имени; просто «жена» (вплоть до её опасной болезни, когда она снова для автора записей стала «Лотушкой»). Моменты душевных потрясений, взлётов и падений в широкой палитре от счастья до катастрофы смутно угадываются внимательным читателем этих записей. Воцерковлённый православный человек не желал, да и просто не мог поверять дневнику своих слишком личных переживаний. Даже вполне невинные негативные, а то и просто не положительные оценки людей и поступков он выражает суммарно, дистанцируясь от них, а не вдаваясь в детали своих антипатий. Что ж, для исповедального жанра это скорее достоинство, чем недостаток. Сплетен и наветов в дневниках и мемуарах его современников осталось предостаточно.

Примером психологической самоцензуры служит одна из «красных нитей» дневника, а именно отношения автора с «Л.В.». Людмила Вячеславовна Кафка (1885–1966 ¹⁴⁶) возникает на страницах дневника наряду со многими сотрудниками А.В. по музею. Но с определённых пор её упоминания («Л.В.» да «Л.В.») становятся частыми, практически ежедневными на протяжении многих лет. Отмечаются их встречи, совместная работа, музейная и научно-литературная, прогулки, походы к знакомым, в гости друг к другу, совместные покупки, взаимные подарки и т.д. Выходит, не просто дружба женатого мужчины и разведённой женщины, но их многолетняя привязанность друг к другу. Трогательный роман завершается настоящей трагедией: арестом и ссылкой Л.В. в 1931 г. (по вздорному обвинению: «Кормила анархиста А.А. Карелина, который был на пенсии у большевиков») (II. С. 489). Потрясение А.В. ощущается даже в его сознательно и давно дозированном дневнике. «Был, как в чадугу: так на меня подействовал арест Л.В.» (II. С. 476). Он начинает считать свои частые письма, открытки, денежные переводы и посылки к сосланной женщине. Таких личных трагедий в сталинское время было сотни тысяч, и образец Орешникова / Кафки ярко запечатлевает их. У каждого из многих сотен тысяч непосредственно репрессированных оставалась сиротами куда большая масса родных и близких людей...

Иллюстративный фон обоих томов превосходен. Портреты и группы из семейных альбомов дополняются фотокопиями ключевых документов орешниковского архива, включая самые показательные страницы рукописи дневника. Портретно представлены все ведущие сотрудники Исторического музея и многие другие корреспонденты автора дневника — нумизматы, археологи, историки.

¹⁴⁶ В соответствующем комментарии опечатка — годом её кончины не может быть «1866» (II. С. 584). Впрочем, опечаток на огромном пространстве текста издания почти не заметно. Исправим ещё одну из них: свайное поселение на р. Модлоне (II. С. 627).

В сопровождающих дневник вводных и комментирующих текстах составителей А.В. Орешников представлен известным учёным, выдающимся нумизматом, ведущим сотрудником ГИМа. В этих оценках нет преувеличения, таковым он, безусловно, и был. Вместе с Н.П. Лихачёвым он делит славу «отца русской сфрагистики». Однако издатели не сделали попытки конкретизировать личность А.В. как исследователя, поточнее определить то место, которое он занимал как музейный работник. А эта роль, на мой взгляд, похожа на ту, которую судьба отвела его первому начальнику и наставнику в музее И.Е. Забелину. Их сближало многое: по сути различное, далеко не аристократическое происхождение; жизненный путь самоучки, пусть талантливого, трудолюбивого, но всё же не получившего систематического гуманитарного образования; склонность не к синтезу да углублению в историю, а к детализации её внешних, бытовых следов. Восхищение перед Забелиным его сподвижник высказывает на дневниковых страницах неоднократно. Правда, видит и слабости маститого музейщика: «... Он передаёт многие легендарные события, чудеса, как истинные факты, несколько не оттеняя их неправдоподобность. Что это? Вера в сверхъестественное, или признак умственной слабости?» (П. С. 227). Наверное, и то, и другое.

Сразу оговорю, что такие специалисты, как Забелин или Орешников, нужны, даже незаменимы в археологии и искусствоведении. Однако ими наука о древностях не исчерпывается, и даже не ими она, в конечном счёте, движется. В лице Ивана Егоровича да Алексея Васильевича перед нами не столько историки, сколько знатоки исторического быта. Есть такое понятие — «знаточество» — для отражения высокой мерки любительства, начавшего профессионализироваться. Эксперты, систематизаторы, хранители, даже публикаторы¹⁴⁷. Повторю, что без них, без результатов их подвижнического труда невозможны никакие дальнейшие исследования многих категорий исторических источников. Но их профессия ближе не к исторической науке, а к только что упомянутому знаточеству, коллекционерству древностей. Востребованному именно в музейной работе с её, как говорится, «вещеведением». Этот профиль научно-музейной деятельности А.В. стоило бы оговорить публикаторам его дневника.

Одни его гипотезы сохраняют интерес до сего дня. Скажем, последующие археологические находки вроде бы подтверждают его версию неких верительных «печатей» русских послов в Царьграде — скорее всего, это были перстни-печатки (Орешников, 1905. С. 114–115; Щавелёв, 2006). Другие его же исторические атрибуции уже сданы в историографический архив, поправлены последующими специалистами-нумизматами. Так, он проиграл в споре о времени появления первых русских монет И.И. Толстому: те принадлежали отнюдь не Владимиру Мономаху, как полагал Орешников, но Владимиру Святославичу. Часть таких поправок оговорена в

¹⁴⁷ Для ясности в этом спорном вопросе отсылаю к тем противоречивым оценкам, которые давал И.Е. Забелину его первый биограф (Формозов, 1984).

комментариях к дневнику. Орешников напрасно сомневался, «чтобы при данных знаниях можно было бы точно сказать, какому Владимиру или Святополку принадлежат монеты» (II. С. 128).

Вот соответствующий пассаж в дневнике за 1928 г.: «Мне кажется, что в Киеве монет не чеканилось ни при св. Владимире, ни при Святополке Окаянном, ним при Ярославе Мудром; серебро Ярослава — новгородская, а не киевская монета...» (II. С. 269). Пытаясь решить вопрос о первых русских монетах, А.В. «читал страницы Карамзина, Ключевского, Багалея, которые касаются истории России киевского периода...» (II. С. 271). «Поиски безрезультатны», сетует он. Ещё бы, надо было бы читать летописи, жития, прочие первоисточники, а чтобы в них разобраться — А.А. Шахматова. Читая позднюю Никоновскую летопись, Орешников самокритично отмечает: «... Нашёл много мест, очень для меня интересных (о печати Великого Новгорода, о печатях митрополичьих и т.п.); устыдился в своём невежестве» (II. С. 82). Не одни нумизматы, но источниковеды, текстологи могут помочь в таких сложных вопросах социально-экономической истории. Ведь до сих пор ни те, ни другие не могут объяснить, почему в XI в. на Руси наступил так называемый безмонетный период, а роль денежного эквивалента на время перешла к серебряным слиткам. И почему потом опять появились монеты местного чекана?

Такого рода историографические обстоятельства стоило оговорить в примечаниях к орешниковскому дневнику.

Впрочем, нельзя требовать от ветерана русской нумизматики абсолютной истины по всем сложным её вопросам: его наблюдения и предположения послужили необходимым этапом развития научных знаний о древних монетах. Например, Н.Д. Мец, применив более точную методику сличения штемпелей, смогла лучше, чем Орешников, разобраться с чеканами ярославских князей. Наконец, по ряду историко-нумизматических вопросов, в обсуждении которых принимал участие автор дневника, полной ясности нет до сего дня. Самый яркий такой случай — важнейший для исторической археологии вопрос о том, можно ли датировать клад по младшей монете в его составе?

Комментарий составителей относительно «Ярославле серебра» отражает только одну точку зрения на эти уникальные монеты. Они де «в древности воспринимались как произведения искусства, о чём свидетельствует использование и самих монет, и подражаний им в качестве украшений» (II. С. 653). Но ведь археологам прекрасно известно, что и римские, и арабские, и другие древние монеты, и подражания всем им входили в состав женских ожерелий, прочих украшений, но в то же самое время широко ходили как средство платежа и тезаврации сокровищ. Так что спор о функциях раннесредневековых монет пока не окончен в археологической нумизматике.

Как бы там ни было, Орешников всегда стремился и коллег призывал «интересоваться монетами научно», а критерии научности меняются со временем.

Заслуги А.В. Орешникова в собирании фондов ГИМа, а особенно в сохранении массы ценнейших музейных древностей, которые большевики хотели продать за границу, вполне очевидны и из текста дневника, и из пояснений составителей. Читатель понимает, как сложно ему с коллегами приходилось тогда: просто спрятать всё от реквизиций было невозможно, приходилось уступать что-то менее ценное, чтобы спасти национальные святыни вроде редчайших икон или других уникальных артефактов. Например, осенью 1928 года в очередной раз «Сталин и Микоян предписали послать за границу самые лучшие иконы; если же музей пошлёт 2-й и 3-й сорт, то к музеям и хранилищам икон — церквам, монастырям — подойдут вплотную и возьмут всё лучшее; тогда полетят такие иконы, как Владимирская, Донская, Оранта и т.п. ... Относительно продажи картин Эрмитажа сделаны такие же распоряжения, например из 43 картин Рембрандта хотят взять 15!» (II. С. 302–303). «Хорошо, если эти иконы останутся у нас, а если уйдут за границу...» (II. С. 448). Спрятанные от конфискации редкости он безотказно показывал посещавшим музей специалистам — соотечественникам и иностранцам.

Не эмигранты и не примкнувшие к большевикам специалисты спасли остатки русской культуры в самых разных её областях, а вот такие внешне скромные подвижники, как Алексей Васильевич Орешников. Со смешанными чувствами отмечавший в своём дневнике: «... Многие предметы мы отстояли, но на миллионы рублей ограблена Русь!» (II. С. 431).

На мой взгляд, стоило как-то деликатно отметить не только замечательные достоинства, но и определённые недостатки этого выдающегося музейщика. Он ведь так и не осознал, что научная, да и музейная ценность любой вещи не сводится к её редкости, уникальности, даже типичности, а связана в первую очередь с комплексом других находок, которому она принадлежала. Ладно, когда А.В. сортировал на «уники» и «дублеты», а то и «барахло», «хлам», «заваль» вещицы Нового и Новейшего времён. Хвала ему, когда он выбраковывал явные подделки под старину. Но когда речь шла о сугубо археологических реалиях Древности и Средневековья, такой подход уже в начале XX в. выглядит анахронизмом¹⁴⁸. Так, однажды ГПУ

¹⁴⁸ В забавном романе репрессированного писателя Г.В. Алексева о Москве 1920-х гг. выведен некий археолог «из бывших», в комнате которого «вся правая стена была увешана очень пыльными серыми картонками, на них — обломки кремнёвых пряслиц, иглол из рыбьих костей, каменных грузил, молотков, топорилов и других принадлежностей первобытного человека» (Алексеев, 1991. С. 3–4). Пренебрегая отдельными неточностями, поясним, что перед нами комплексы вещевого материала, относящегося к определённому участку раскопа поселения, отдельному погребению. Именно так — закреплённой на отдельных картонах по комплексам поступила и ГИМ и сейчас там хранится коллекция Д.Я. Самоквасова. А для антиквара важнее только самые редкие, выразительные вещи; рядовым материалом он пренебрегает. Пугающим симпто-

предложило музею забрать «3 клада копеечек XVII в., вырытых где-то в Москве. ... Монеты не представляли интереса, и я отказывался взять их, — отмечает А.В., — предложив отдать их в Госбанк, но попросил отдать обе кубышки, которые мне и отдали» (II. С. 485). Госбанк «чешуйки», конечно, переплавил. Как быгодились эти клады нынешнему Музею истории Москвы, историкам денежного обращения...

Конечно, Орешников правильно делал, что выдавал большевистским комиссарам на продажу за рубеж менее оригинальные, массовые экспонаты и прятал от конфискации редкости. Он также верно оценивал практику распродажи любых музейных ценностей как преступную в отношении национального достояния своей страны. Однако в его подходе к древностям научный идеал комплекса исторических источников так не победил целей коллекционерского собирательства. Грудью охраняя основное собрание монет, он легко отдавал на продажу и переплавку дубликаты монет, начиная с античных.

Ещё раз повторю, что предлагаемые мной уточнения нисколько не умаляют титанических усилий Орешникова по собиранию и хранению, атрибуции и введению в научный оборот массы разных монет и другого вещевоего материала. Его усилиям, его таланту мы обязаны сохранением и познанием значительной части нашего культурного наследия. Однако нельзя ровнять его с исследователями другого, более сложного и высокого профиля. Вроде великого М.И. Ростовцева или даже нечасто упоминаемого в дневнике В.А. Городцова (Гайдуков, 2010), все эти годы — штатного сотрудника ГИМа. То есть с теми археологами, кто более или менее успешно попытался дать синтез исторического материала, спрятанного в монетах и прочих вещах былых эпох, сопоставить их с информацией из письменных и прочих источников познания прошлого.

Орешников, безусловно, «бог» русской нумизматики, только нумизматика — не главное «светило» исторической науки, хотя по-своему и незаменимое в её источниковом «созвездии». Алексей Васильевич был не столько кастовым учёным, сколько выросшим до профессиональных высот в своей определённой — прикладной сфере дилетантом. Может быть, именно поэтому, кто знает, он и оставил столь скрупулёзную картину своей современности. Дневниковая картина от настоящих академиков, вроде Ю.В. Готье или С.Б. Веселовского, оказалась несколько политизированной и воспарённой над бытом послереволюционных лет. Что ж, и здесь каждому своё — на благо будущим историографам и просто читателям.

Деликатным является вопрос, должен ли практикующий коллекционер, нумизмат, собирающий собственное собрание старинных денег, служить их хранителем в государственном музее? Новейшая история постсоветских лет принесла чудовищные факты хищений ценнейших экспонатов

мом антикварного рынка древностей сейчас является то, что на продажу поступают и пользуются спросом не столько отдельные вещи, сколько именно комплексы добытых «чёрными копателями» вещей.

из многих российских архивов, библиотек, музеев, включая Государственный Эрмитаж и Российскую Национальную библиотеку, не говоря уже про хранилища региональные. Однако сто лет назад ситуация была иной. Большинство археологов и музейных работников собирало собственные коллекции древностей. Одни благородно пожертвовали их государству (как Д.Я. Самоквасов), другие продали за границу (как Б.И. Ханенко и не он один), третьи увезли их с собой в эмиграцию (монетную коллекцию А.Л. Бертье-Делагарда продали там с аукциона), четвёртые оставили на Родине (как П.С. Уварова). В период становления, профессионализации отечественной археологии и музейного дела подобное сочетание личного увлечения и аналогичной службы было, пожалуй, нормой. Одни археологи-собиратели делали акцент на личных коллекциях (как петербуржец С.С. Боткин ¹⁴⁹), другие — на интересах государственных и общественных хранилищ. Пример Орешникова демонстрирует, как мне кажется, лучшую, единственно возможную тенденцию. Имея беспрепятственный доступ к сокровищам Исторического музея, Оружейной палаты, Патриаршей ризницы, многих других музеев и складов, А.В. скрупулёзно следил за их целостностью. До революции он был вполне обеспеченным материально, зажиточным человеком, собственником недвижимости и банковских вкладов с их солидными процентами. Революция обездолила его, как и всех прочих россиян, имевших какие-то накопления в банках. Хотя на почти привычное пропитание его (с немалым окружением) музейного жалования и хватало, непредвиденные расходы выбивали старого хранителя из финансовой нормы. Чтобы оплатить лечение жены, помочь родственникам, он был вынужден продать свою нумизматическую коллекцию, свои золотые медали за научные заслуги, шубу; брать ссуды в музейной кассе взаимопомощи. Очевидно, долги тяготили купеческого сына, потому что при первой возможности он эти ссуды возвращал. Его сшитая когда-то у лучших столичных или европейских портных выходная одежда с годами нуждалась в ремонте. То он откажется идти на 200-летний юбилей Академии наук («у меня нет подходящего костюма»), то постесняется выйти навстречу посетившему музей наркому А.С. Бубнову (брюки-то худые), то просит Л.В. Кафку заштопать его визитку, пиджак или брюки. Проводя свои рабочие дни год за годом в окружении массы золота, серебра и драгоценных камней. Далек не все эти сокровища были тогда учтены, инвентаризированы; много было ящиков и коробок с разного рода «ювелиркой», которые как раз Орешников с помощниками и разбирал первым. Украсть такой человек, как Орешников, способности не имел. Даже когда жизнь требовала денег, что называется, с ножом к горлу... Нравственный урок его «Дневника» вообще впечатляет мало-мальски думающего читателя.

¹⁴⁹ «Как член Императорской Археологической комиссии, Боткин оценивал старинные вещи перед покупкой их Эрмитажем. Порой он занижал сумму, потенциальный покупатель отказывался дешевить, и тут Боткин покупал вещь дороже — как частное лицо» (Мокроусов, 2012. С. 11)

В его подѐнных записях любопытно освещены не только коллеги учёные да музейщики, но многие известные деятели культуры, искусства. Например, философ и публицист В.В. Розанов был, как известно, увлечѐнным коллекционером античных монет. В своих эссе хвастался собранной коллекцией: «Я сам собрал коллекцию богаче (порознь), чем в киевском и чем в московском университетах. И которые собирались *сто лет*» (Розанов, 1992. С. 334). Преувеличивал, конечно. Орешников оценил нумизматические возможности писателя негативно: «Читал присланное В.В. Розановым описание 2 греческих монет; возвращу и монеты, и текст. Прислал мне для напечатания в «Нумизматическом сборнике» «Состав моей коллекции» — болтовню фельетонного характера, пошлю обратно» (I. С. 30). Комментарий к этому моменту дневника поучителен в плане сохранности частных коллекций. Только малая часть всё-таки богатого розановского собрания античных монет дошла до государственных музеев, большая часть пропала.

Комментарии к изданию, как отмечалось выше, представляют собой плод титанического труда. Знакомство с ними обогатит любого читателя. К составлению примечаний составителями привлекался ряд специалистов, названных в предисловии ко второй книге издания. Тем не менее отдельные, сугубо второстепенные замечания адресуем и к составителям общирного комментария.

Примечания недостаточно нивелированы редакторски. Видно, что их писали разные по стилю и уровню авторы. Например, географические имена с окончанием на «-о» то склоняются («в Царицине», что до сих пор соответствует грамматической норме), то нет («в Царицыно»), что является показателем порчи русской речи). Только в военных донесениях не склоняются географические имена («салют в городе Москва»). Так что справки типа: такая-то «родилась в г. Керчь» и т.п. игнорируют ни в чём не повинные падежи.

Кто-то из составителей комментариев злоупотребляет превосходными эпитетами: «выдающийся», «знаменитый» (учѐный, артист) и т.д. В других же случаях равновеликие по вкладу в науку исследователи представлены без эпитетов, просто по именам. Так, Л.В. Черепнин «крупный историк», а С.Б. Веселовский или А.Е. Пресняков да А.Н. Насонов — «просто» историки. И.Г. Спасский — действительно «крупнейший советский учѐный». Но тогда и В.Н. Лазарев — не просто «искусствовед». Такая же разница применительно к деятелям искусства. Скажем, А.В. Нежданова да Н.А. Обухова — «выдающиеся певицы», вот Б.В. Щукин — всего лишь «актѐр театра и кино» (II. С. 584, 587). В интернетовской Википедии даже Пушкин назван «русским поэтом и прозаиком». А вовсе не «солнцем русской литературы». Пожалуй, это правильнее произвольного ранжирования наших предшественников на «выдающихся» и... невыдающихся. Выше я назвал Ростовцева великим историком, чтобы подчеркнуть его

разницу с Орешниковым, тоже по-своему замечательным специалистом, только другого личностного типа.

Команда комментаторов учла почти всё, но всё же не всё среди имён и реалий дневника. Справки о большинстве упоминаемых лиц подробные, порой на целую страницу; содержат не только общеэнциклопедические, но и многие дополнительные сведения, затерянные прежде в архивах и устной памяти ветеранов. Но о некоторых равноценных фигурах биографические справки маленькие, две-три строки. Например, про И.И. Полосина (1891–1956) комментарий остановлен на его аресте по «Академическому делу» и приговоре к трём годам концлагеря в 1930 г. Иному читателю будет неясно, что произошло с учёным следующие четверть века. Стоило добавить, что срок северного лагеря ему был сокращён, историк был выслан в Курск, где преподавал в педагогическом институте; а по возвращению в Москву перед войной — в Московском педагогическом институте. Его некролог поместили «Вопросы истории» (1956. № 3), посмертно изданы его труды (Полосин, 1963).

Справка про В.А. Городцова насчитывает 43 строки (перечислены все его посты, раскопки, ученики, посвящённые ему работы), а про М.И. Ростовцева — 4 строки. И опять же, эта последняя оборвана на моменте его эмиграции, тогда как о поразительных раскопках в Дура-Эуропас и прочих его американских достижениях ничего не сказано (II, С. 497–498). Справка об И.Е. Забелине тоже на 40 строк (почему-то без ссылки на первые и самые лучшие два варианта его биографии, опубликованные А.А. Формозовым). А про академика Д.Н. Анучина — 3 строки. И т.д. А «кто больше матери-археологии ценен», это ещё вопрос.

Конечно, о сотнях разного калибра лиц персональных справок не напасёшься, но про А.С. Уварова то, основоположника русской археологии, почему такой нет? Стоило упомянуть работу А.А. Формозова о нём. Отчасти этот пробел восполнен комментариями об его вдове П.С. Уваровой и об их с супругом Московском Археологическом обществе.

Хорошо, что в конце многих биографических справок указаны работы, посвящённые соответствующим лицам. Но отдельные, довольно яркие персонажи орешниковского дневника этого не удостоились. О них см.: Сивкова, 1995; Максимов, 1989; Бычков, 1991; Ошибкина, 2010; и многие другие).

На монографию Мацулевича о так называемых Суджанских кладах (Мацулевич, 1934), про которые тот не раз рассказывал Орешникову, выходила рецензия будущего академика, которая «патриотично», но произвольно приписывала эти находки готско-гуннского круга «местному населению» р. Псла (Рыбаков, 1935). О подробностях тех поездок столичных археологов на Курщину см.: Щавелёв, 2002.

Впрочем, это всё частности. Обширный комментарий к обоим томам обладает самостоятельной историографической ценностью, ничего существенного из содержания дневника в нём не пропущено. Во многих отно-

шениях (по истории нумизматики, археологии, бытовой повседневности той эпохи) примечания представляют собой полноценное научное исследование.

Видится какая-то высшая справедливость в том, что два тома орешниковского дневника увидели свет не в одном из многочисленных сейчас более или менее частных издательств, а в титульном издательстве Российской академии «Наука», в его солидной серии «Научное наследство», под грифами соответственных содержанию книги Института археологии и Архива РАН, а также ГИМа. Ведь сам Алексей Васильевич жизнь свою положил на создание, обогащение и сохранение этого музея, его сотрудничеству с академическим сообществом. Оформление томов «Дневника» строго и выразительно в лучших традициях академического книгоиздания. Достойное полиграфическое оформление уникального исторического источника нужно опять-таки поставить в заслугу главному редактору издания, члену-корреспонденту РАН П.Г. Гайдукову, заместителю директора Института археологии, имеющего опыт организационной работы в структурах Академии.

Подытоживая историографические оценки издания дневника Алексея Васильевича Орешникова, нужно признать: по своей информативности, источниковой ценности он не уступит ни одному из самых масштабных и глубоких свидетельств о переломе России с дореволюционного на революционный этап её исторического развития. И начинающие археологи, историки, прочие гуманитарии, и специалисты по самым разным отраслям знания, и просто любознательные читатели найдут здесь массу интереснейшего материала. Поблагодарим же за это тех, кто осуществил столь сложное и трудное в нынешних условиях издание.

Алексеев Г.В., 1991. Подземная Москва. М.

Блок А.А., 1989. Дневник. М. (Русские дневники).

Бычков Ю.А., 1991. Житие Петра Барановского. М.

Веселовский С.Б., 2000, 2001. Дневники 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. № 2–12; № 2.

Веселовский С.Б., 2010. Семейная хроника. Три поколения русской жизни / Сост. А.Г. Макаров. М.

Гайдуков П.Г., 2010. А.В. Орешников о В.А. Городцове // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М.

Ганелин Р.Ш., 2006. Советские историки: о чём они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. СПб.

Голицын В.М., 2008. Дневник 1917–1918 годов. М. (Биографии и мемуары).

Готье Ю.В., 1997. Мои заметки. М. (Тайны истории в романах, повестях и документа. Век XX).

Гуревич А.Я., 2004. История историка. М.

Гутнова Е.В., 2001. Пережитое. М.

Дмитриев С.С., 1999. Из дневников // Отечественная история. № 3–6.

Дружинин Н.М., 1967; 1979; 1990. Воспоминания и мысли историка. М.

- Дружинин Н.М.*, 1995–1996. Дневник // Вопросы истории. № 9–12; № 1–4, 7, 9–10.
- Ермолаев В.А.*, 2009. «Без гнева и пристрастия». Записки историка. Саратов (Серия мемуаров «О времени и о себе»).
- Зайцев Б.*, 1953. Древо Жизни. Нью-Йорк.
- Иванов М.Н.* Из дневника политзаключённого. 2-е изд. Курск.
- Иностранцев А.А.*, 1998. Воспоминания (Автобиография). СПб.
- Кабо В.Р.*, 1995. Дорога в Австралию. New York.
- Клейн Л.С.*, 2010 Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб.
- Ковалёва И.*, 2008. Жизнь, проведённая в могиле. Исповедь археолога. Днепропетровск.
- Кондаков Н.П.*, 2002. Воспоминания и думы. М.
- Лакшин В.Я.*, 1991. «Новый мир» во времена Хрущёва. Дневник и попутное (1953–1964). М.
- Мацулевич Л.А.*, 1934 Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховье реки Суджи. М.–Л. (Известия ГАИМК. Вып. 118).
- Максимов Е.К.*, 1989. Павел Сергеевич Рыков (К 100-летию со дня рождения) // Археология восточно-европейской лесостепи. Саратов.
- Мерперт Н.Я.*, 2011. Воспоминания. М.
- Мокроусов А.*, 2012. Боткины: искусство на грани криминала // Известия. 24 января. № 11.
- Неизвестный В.Я. Пропп, 2002. СПб.
- Ошибкина С.*, 2010. А.Я. Брюсов — исследователь древностей Русского Севера // Достояние поколений. № 1 (6).
- Пигров К.С.*, 2007. Шёпот демона: опыт практической философии. СПб. («Дневник: общение с самим собой в пространстве тотальной коммуникации»)
- Пигров К.С.*, 2011. Творчество и личный дневник // Вопросы философии. № 2.
- Пиотровский Б.Б.*, 1995. Страницы моей жизни. СПб.
- Полосин И.И.*, 1963. Социально-политическая история России XVI – начала XVII вв. М.
- Пресняков А.Е.*, 2005. Письма и дневники 1899–1927. СПб.
- Пушкарёв С.Г.*, 1999. Воспоминания историка. 1905–1945. М.
- Рабинович М.Г.*, 2005. Записки советского интеллектуала. М.
- Рогинский Я.Я.*, 1999. Дневники // Человек. № 5.
- Розанов В.В.*, 1992. Опавшие листья. Лирико-философские записки. М.
- Роллан Р.*, 1966. Воспоминания. М.
- Рыбаков Б.А.*, 1935. [Рец. на кн.:] Мацулевич Л.А. Погребение варварского князя в Восточной Европе // За большевистскую книгу. № 15–16.
- Самсонов А.М.*, 1988. Память минувшего. События, люди, история. М.
- Сивкова Е.К.*, 1995. К.В. Сивков (биографический очерк) // Краеведы Москвы. Вып. 2. М.
- Тахо-Годи А.А.*, 2009. Жизнь и судьба. Воспоминания. М. (Библиотека мемуаров. Близкое прошлое).
- Тимофеев-Ресовский Н.В.*, 1995. Воспоминания. М.
- Тишков В.А.*, 2009. Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. М.
- Толстой И.И.*, 1997. Дневник. 1906–1916. СПб.
- Федоров Г.Б.*, 1997. Брусчатка. Документальные повести и рассказы. М.
- Формозов А.А.*, 1984. Историк Москвы И.Е. Забелин. М.
- Формозов А.А.*, 2011. Записки русского археолога (1940-е – 1970-е годы). М.
- Чуковский К.И.*, 1991. Дневник (1901–1929). М.

- Чуковский К.И.*, 1994. Дневник (1930– 969). М.
- Чуковский К.И.*, 2007. Дневник // Собр. соч. в 15 т. Т. 12–13.
- Чуковский К.И.*, 2009. Дни моей жизни. М. (Мой XX век).
- Чуковский К.И.*, 2011. Дневник. В 3 т. М.
- Щавелёв С.П.*, 2002. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 3. Курск.
- Щавелёв С.П.*, 2006. Знак трезубца в эпиграфике юго-востока Древней Руси // Деснинские древности. Вып. IV. Брянск.
- Щавелёв С.П.*, 2007. «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 годов. (Курский «филиал»). Курск.
- Эйдельман Н.Я.*, 2003. Дневники. М.

ВЛАСТЬ АРХЕОЛОГИИ И АРХЕОЛОГИЯ ВЛАСТИ: ИСКАТЕЛИ ДРЕВНОСТЕЙ В «БОЛЬШОЙ ИГРЕ»¹⁵⁰

Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М.: Институт археологии РАН, 2011. 592 с.: илл.

«У нас развитие должно идти нормально, —
Воззрень Русское в науку мы внесём»

Е.П. Расстончина.

Возврат Чацкого в Москву, или встреча знакомых лиц после двадцатипятилетней разлуки.

Разговор в стихах.

Основоположником историографии отечественной археологии по праву считается Александр Александрович Формозов (1928–2009). Практически все те авторы, которые так или иначе разрабатывали в 1980-е – 2000-е гг. эту тематику, ссылались на его работы, признавались в приверженности его идеям и выводам по части прошлого науки о древностях. Однако такое продолжение практически у всех и всегда шло, так сказать, вширь, а не вглубь. Захватывались новые регионы раскопок; учитывались дополнительные имена и учреждения их организаторов; уточнялись оценки тех или иных лиц, экспедиций, инстанций. В результате оказался поднят массивный пласт архивного, документального материала о том, как изучали древности наши предшественники.

Попытки же качественно отличиться от «формозовской парадигмы» историко-археологических исследований ограничивались, что называется, реваншизмом: стремлением как-то реабилитировать, защитить тех авторов и те институты, которые Формозов критиковал, признавал вредными, реакционными. Эти варианты полемики Александр Александрович предвидел, специально оговорил в своих итоговых, завещательных книгах (Формозов, 2005; 2006; 2008; 2011).

Попутно отмечу негативный момент в историографическом повороте исследовательского внимания археологов. Отрицательный как раз с точки зрения институциональной структуры гуманитарной науки. А.С. Смирнов в начале своей книги расценивает это увлечение коллег опытом их более или менее отдалённых предшественников как свидетель-

¹⁵⁰ Рецензия первый раз опубликована в совместном издании Санкт-Петербургского государственного университета, Института истории материальной культуры и Государственного Эрмитажа: Российский археологический ежегодник / Гл. ред. Л.Б. Вишняцкий. № 2. СПб., 2012.

Сокращённый вариант опубликован в журнале: «Эпистемология & философия науки», 2012, № 3. С. 154–168.

Здесь публикуется в более полном виде.

ство «структурирования археологии как развитой, расчленённой науки» (7). Это так, но ведь историографией стало заниматься всё больше археологов-полевиков, музейщиков. Им бы копать да копать, а особенно упорядочивать уже накопленное. Квалифицированных специалистов по историческим древностям на такую огромную страну, как наша, катастрофически не хватает. Остроумно выразился кто-то из зарубежных коллег: дескать, всё больше футболистов покидает поле игры и устраивается на трибунах... В нашем случае занимается «теорией» или историей науки. А кроме них, кому, впрочем, небесполезно оглянуться на опыт предшественников и кто действительно понимает, что именно те копали и находили, в историографию затёсывается немало тех, кто не имеет способностей или желания заниматься настоящей полевой археологией (см. их в особенности среди авторов «диссертаций, посвящённых истории изучения определённого региона, археологической проблемы, культуры, памятника и даже отдельных периодов исследования конкретного памятника» (7)). А по истории науки получает равноправную учёную степень и все связанные с ней дивиденды. Но высказанное сожаление не относится к рецензируемой работе, и вот почему.

Первым исследовательским проектом, где ретроспективный взгляд на историю русской археологии приобрёл научную новизну, незамеченную ранее эвристичность, я считаю публикации Александра Сергеевича Смирнова (Институт археологии РАН). То, что теперь эти статьи сведены вместе и существенно дополнены в виде книжного, монографического издания крупного формата (за 70 печатных листов), представляется мне очень важной, долгожданной вехой в развитии нашей археологической историографии.

Рядом с этой работой можно поставить разве что два-три труда, схожих по масштабности замысла, но, в общем, другой тематической доминанты (Тункина 2002; Платонова 2010; Клейн 2011).

В чём же заключается, на мой субъективный, конечно, взгляд, новизна и перспективность смирновского подхода к истории русской археологии? Прежде всего в том, что наш автор не побоялся изменить идеологическую точку отсчёта во всей этой научно-тематической «нише». Взгляд Формозова тут оставался либерально-интеллигентским, чего Александр Александрович отнюдь не скрывал, а многократно печатно повторял и разъяснял («Я отстаиваю традиционные гуманистические идеалы XIX столетия» (Формозов 2011: 93)). Не любя советской власти, отвергая и беспощадно осуждая её культурный опыт, Формозов, что называется, впитал с молоком матери вполне революционные, а значит, и советские оценки дооктябрьской России. Самодержавие в его глазах оставалось безусловно реакционным институтом, и те самодержцы, что рьяно отстаивали имперские устои, получали в трудах Формозова однозначно отрицательные оценки. «Николаевская реакция», «контрреформы Александра III», «вырождение монархии при слабосильном Николае II». Что уж говорить о спо-

движниках и сторонниках царей и их министров. Они в своей массе якобы обречены были не двигать, а тормозить науку о древностях. Относиться к ней потребительски, в духе ложно понятого патриотизма и совсем уж отвратительного национализма. Если не текстуально, то по духу, по идее, так рассуждал Формозов. Повторяя логику русской интеллигенции пореформенного и предреволюционного периодов, нравственную присягу которой он публично принёс.

До сих пор можно признать какую-то долю исторической правоты за этой позицией. Но сегодня стоит обдумать и ту часть исторической правды, которая была и остаётся на стороне консерваторов, так называемых реакционеров, более сочувственно именуемых теперь государственниками, «почвенниками». Тех, кто самоотверженно, не щадя себя, помогал строить, защищать, модернизировать Российскую империю. Чьим подданным и согражданам и предстояло развивать отечественную археологию. Тех, кто служил верой и правдой тому строю, тому правительству, которыми наделила их судьба. А те археологи и прочие гуманитарии, кто исповедовал демократические и даже радикальные воззрения, были обречены как-то взаимодействовать с «охранителями». А.С. Смирнов приводит несколько примеров — их число нетрудно умножить — когда сосланные на окраины империи политические смутьяны находили там своё призвание как географы, археологи, этнографы, фольклористы, геологи. Не будь они репрессированы (по сравнению с советским периодом, весьма мягко), наука не пополнилась бы П.Н. Кропоткиным, Л.Я. Штернбергом, Ф.М. Достоевским (впоследствии отдавшим дань геополитике с её археологическим аргументом), даже ведущим на провинциальном досуге раскопки П.Н. Милюковым и тому подобными яркими фигурами.

В итоге реалистическая панорама отечественной науки нуждается не в сортировке на идеологически «чистых» и «нечистых» деятелей, а в стереоскопическом обзоре того, как жили и действовали все участники этой «академической игры». Каждый по-своему искренний, продуктивный в научном отношении. Вот эту сторону истории русской науки на весьма показательном примере именно археологии и раскрывает в своём исследовании А.С. Смирнов.

Соответственно своим сверхзадам, Смирнов отличается от Формозова по предметам историографического внимания: первый разрабатывает прежде всего историю более или менее официальных лиц и, особенно, учреждений, прежде всего в области политики, внешней и внутренней, а второй — культурный контекст науки, её внешние связи с миром религии, искусства, просвещения и т.д. Для Формозова главное — личность археолога как такового, частного лица, а для Смирнова — пути его служебной биографии, вклад в государственное и общественное «строительство». Автору рецензируемой книги «необходимо понять, как национальный или государственный колониализм, национализм, регионализм и иные культурные предубеждения повлияли на выбор исследовательских тем в археоло-

гии и полевой практике, а также на кабинетную интерпретацию археологических данных. Следует проследить, каким образом экономический, политический, социальный, религиозный и культурный контексты повлияли на эволюцию археологической мысли, оценить воздействие общества и власти на организацию археологической науки, выбор её исследовательских приоритетов и направлений» (9). При этом установки на идеализацию, безусловное восхваление учёных на имперской службе в книге нет. Есть объективная данность: переплетение собственно академических задач и внешней науке, политических целей, явных и тайных идеологических замыслов организаторов и исполнителей тех или иных мероприятий, изданий, а особенно экспедиций. Как видно из новой книги, достижения на археологическом фронте соседствовали с неудачами, даже провалами, и научными, и политическими.

А.А. Формозов не жаловал сановных покровителей археологии и её начальников, относился к тем и другим, как правило, критически. Малоизвестный краевед для него не менее важная фигура, чем придворный сановник, на досуге интересующийся древностями. Любимый герой Александра Александровича — скромный разночинец, самоотверженным трудом «сделавший себя» в науке на медные деньги. Например, И.С. Поляков — сын забайкальского казака и бурятки, первооткрыватель палеолитических Костёнок, или совсем уж безвестный «уралец Малахов», очерк о котором Формозов опубликовал дважды (Формозов 1991 а, б). Сочувственно цитируется Александром Александровичем письмо А.П. Философовой И.С. Тургеневу, где говорится о «новых людях» пореформенной России: «Эти личности задаются не карьерой и не акционерными обществами, а служением человечеству и самой обездоленной его половине» (Цит. по: Формозов 1983: 53).

Когда-то кого-то этот культуртрегерский пафос впечатлял. Например, пишущего эти строки в юные студенческие годы, когда все мы с карандашами в руках читали синие тома ленинского и коричневые тома марксо-энгельсовского собраний сочинений. Но пора бы уже нам понять: именно акционерные общества вкупе с прочими институтами капитализма позволили по крайней мере «половине человечества» подняться до высот индустриального, а потом и постиндустриального общества. И пользуясь новыми возможностями, помогать другой, «самой обездоленной половине». А вклад в науку нередко зависел именно от успеха служебной карьеры того или иного лица, чьи материальные возможности росли вместе со званиями и чинами. Сановных же археологов Формозов, как уже отмечалось, недолюбливал. Беглых упоминаний удостоиваются в его книгах граф Л.В. Перовский, в качестве министра уделов, а потом внутренних дел первым организовавший археологическое обследование юга России на государственные средства; или же граф А.А. Бобринский, переводивший, наконец, Императорскую Археологическую комиссию с сугубо коллекционерских на научные основания; похожие на них именитые персоны. Ис-

ключение делалось А.А. Формозовым для четы Уваровых, чьи роли им оценивались очень высоко. Однако придворные связи графа и графини, их коммерческая деятельность, без которых в Российской империи мало что серьёзного можно было поделать по части древностей (Щавелёв 2007), оставались «за кадром» формозовского анализа.

Впрочем, моя попытка сравнения концепций А.А. Формозова и А.С. Смирнова никак не должна бросить тень скептического сомнения на бесценное для нас творческое наследие Александра Александровича. Александр Сергеевич смог пойти дальше в истории науки, только опираясь на формозовские достижения.

Ещё одной особенностью работы А.С. Смирнова явилась её хронологическая, тематическая и географическая широта. Хотя в нашем распоряжении уже имеются варианты синтеза в области всей истории российской археологии (Формозов 1961; 1986; Лебедев 1992; Клейн 1993; другие, куда менее аналитические, а напротив, одномерно идеологизированные и идеализированные — В.Ф. Генинга, А.Д. Пряхина и их сателлитов), они всё-таки поуже тематически. В новой книге история археологии соотнесена с широчайшим ареалом становления Российской империи — как её сердцевинными, «внутренними» губерниями и областями, так и, в особенности, с разными окраинами — западными, южными, восточными, где изучение их специфических древностей служило, среди всего прочего, и предлогом, и причиной инкорпорации соответствующих территорий в имперский государственный организм. Кроме того, впервые системно рассмотрен археологический фактор внешней политики империи, широко обозревается тема «Дипломатия и древности».

Так что заявленная в самом названии монографии установка на системное рассмотрение социально-политических обстоятельств институционального становления российской археологии вполне реализована автором.

Решительно расширяя диапазон рассмотрения истории отечественной археологии, А.С. Смирнов учёл практически все работы своих предшественников, как крупные, так и мелкие. Список источников и литературы в этом издании (536–587) весьма полный. Он содержит массу малоизвестных даже коллегам автора историкам и археологам редких печатных изданий.

Основной текст работы поделён на две почти одинаковые по объёму (каждая листов по 20 печатных) части. Первая посвящена связи археологии с внутренней политикой Российской империи, вторая — с политикой внешней.

В первой части — две равномерных главы. Первая даёт сводный очерк взаимоотношений государственной власти, археологических учреждений и научно-просветительских обществ в России с середины XVII и по начало XX в. Во второй главе та же проблематика конкретизируется на

столь выразительном материале, как археологические съезды наших и зарубежных учёных.

В преамбуле к первой главе затрагивается вопрос о начале археологии в нашей стране. Были попытки удревлять это начало до предела, обращая внимание на летописные да житийные известия о поисках кладов ещё в домонгольской Руси, перезахоронении из языческих курганов останков тогдашних «старых князей», размещении в храмах их реликвий и аналогичные мероприятия ранних Рюриковичей. Автор логично разграничивает сугубо прикладной интерес населения и властей к городищам, курганам и кладам как географическим ориентирам, возможным источникам обогащения и вообще меркантильным вещам — и любопытство сугубо познавательное, смутное внимание к памятникам народного прошлого. Первый подход уходит «далеко вглубь веков», а второй относится к рубежу позднего Средневековья и раннего Нового времени. В качестве переходного момента от потребительской к познавательной «археологии» тут верно отмечаются «сыски о кладах», которыми центральная и местная ветви власти рьяно занимались и в XVI, и особенно в XVII столетиях. Стоило уточнить, что под «кладами» тогда понимали и собственно спрятанные в землю сокровища, и древние могилы с вещевым инвентарём, и остатки поселений с культурным слоем, и чисто мифологические, воображённые народной фантазией «объекты» (Новомбергский 2004). Хотя не и столь массово, как с «кладами», но отмечаются очень ранние эпизоды согласованных с центральной властью поисков палеофауны («костей волотов»), чертежа укреплений городищ (Щавелёв 1998; 2011).

Причём кроме вреда для памятников археологии от кладоискательства, селитренного и прочего производства, строительства, землешествия и прочей хозяйственной деятельности, получилась и некоторая польза для будущей научной археологии: ведь будущие разведчики этих памятников, особенно на первых порах, во многом опирались на народную молву, вековую память о тех или иных искусственных элементах ландшафта.

Первые документы о сугубо познавательном (протоархеологическом) интересе к ископаемым артефактам справедливо относятся автором к правлению Алексея Михайловича. Антикварный интерес — предтеча науки — объясняется усилением контактов русских дипломатов и купцов с Западной Европой, уже сформировавшей такой интерес в эпоху Возрождения. Так что изначально и всегда потом на развитие отечественной археологии будут влиять соображения как внутренней, так и внешней политики государства. Это основной вывод работы, им она гипотетически открывается (7–8) и им же завершается (179), но уже на теоретически-конкретном уровне выводов из огромного массива рассмотренного материала.

Далее прослежены основные «шаги в развитии археологии на пути превращения её в научную дисциплину» (17) за XVIII – первую четверть XIX в. Историки русской археологии всегда уделяли повышенное внима-

ние этому периоду, находя в реформах Петра I и деятельности «птенцов его гнезда», его преемников на царском троне искомое начало нашей археологии. А.С. Смирнов со своей точки зрения на политический контекст науки убедительно поправляет эти выводы. Не только Пётр, но и Екатерина II и Александр I «не предполагали идеологического утверждения великорусского начала в государстве. Имперская власть позиционировала себя как главу всех народов России» (18). В результате археология тогда не получила возможности институционально самоопределиться по сравнению с географией, статистикой, геологией и другими направлениями «учёных путешествий» и прочих раннеархеологических проектов новорождённой у нас Академии наук, инициатив отдельных просвещённых лиц. Всяческие уники да антики не воспринимались ещё у нас как отметы национального прошлого. Собиратели древностей поначалу бездумно повторяли опыт западноевропейских антикваров, постоянно оглядываясь на их суждения. Какие-то археологические наблюдения накапливались подспудно по ходу в общем внеархеологических предприятий. У государства ещё не возникло нужды поощрять создание каких-то обществ, объединений исторической направленности. Археологические аргументы тогдашней политике оставались без надобности. «Политическое коромысло» колебалось в сторону интеграции с остальной Европой. Отсюда и вторичный характер старта отечественной археологии, поначалу искавшей только свои источники донациональных, античных древностей на юге страны.

Первым монархом, обратившим пристальное внимание на памятники именно родной старины, стал Николай I (Высочков 2006: 412–420). Одной из причин тому послужил, очевидно, явный раскол общества в связи с движением декабристов, вообще последствия близкого знакомства массы его подданных с Западной Европой во время войн против Наполеона. В результате маятник государственной политики качнулся от «прорубания окна в Европу» в противоположную сторону — поиска национальной самобытности, опоры на славные свершения предков. Н.М. Карамзину пришлось писать историю государства Российского, а императору и его мало-мальски образованным подданным внимательно её штудировать.

Новые идеологические установки и политические условия не могли сказаться на состоянии гуманитарной науки немедленно. Сугубо прикладной характер государственного управления в молодой империи обусловил такой организационный контекст для многих общественных наук, включая археологию, как статистическая служба. Верховная власть решила разобраться, чем и кем она в действительности управляет. Статистические запросы из центра о состоянии экономики, демографии, законности и даже древностей губерний и областей России стали дополнительным способом проверить дееспособность местных властей. Так статистика стала одной из официальных функций Министерства внутренних дел, в составе которого возникли Центральный и много местных, Губернских статистических комитетов (ГСК). Их деятельность довольно подробно обзревается

А.С. Смирновым в начале первой главы. Изложение здесь изобилует новыми фактами, именами, ссылками на затерянные в редких изданиях публикации. В целом его оценка этих учреждений справедлива: перед нами первые официальные инстанции на местах, почти по всем регионам огромной империи, что предпринимали некие шаги по учёту, если не изучению памятников старины на своей территории, хранению случайно или намеренно найденных древностей. Однако обращу внимание читателей рецензируемой монографии — это начало внимания государственных чиновников к археологии оставалось весьма скромным. Большинство комитетов не имели своих музеев, печатных органов собственно исторической направленности, да и энергичные любители старины находились далеко не везде. Общая для российского государства бюрократизация давала себя знать и здесь. Большая часть историко-археологических мероприятий этих комитетов оказалась предпринята только после запросов из центра, и реакция на них чаще всего оставалась более или менее формальной.

Наш автор зря доверился выводам вятского краеведа В.А. Бердинских, в журналистском стиле идеализировавшего институт ГСК при весьма выборочном рассмотрении их опыта (Бердинских 1994). В подтверждение высокой оценки деятельности статистических комитетов А.С. Смирнов ещё цитирует Д.Я. Самоквасова, на III Археологическом съезде отметившего: «Обширность важного материала, доставляемого комитетами... В губерниях, где ... было известно 10, 15 городищ, их оказалось от 150 до 300» (31). Читателю стоит пояснить, что речь идёт не обо всей археологической деятельности комитетов, а только об анкете, которую Самоквасов провёл циркуляром через Центральный статистический комитет. Переписывая «древние земляные насыпи» на подведомственной территории, губернские чиновники выполняли приказ МВД. В одних губерниях — ревностно и результативно, а в других ограничились отпиской. Так что приведённая оценка Самоквасова — скорее пожелание на будущее, демонстрация возможностей, отчасти самореклама (Щавелев 1992: 255–264). Без запроса из министерства комитеты в своём большинстве древней историей интересовались мало. Попытки отдельных энтузиастов создать при некоторых комитетах специальные историко-археологические комиссии дальше заявлений о намерениях не пошли. Как, например, в Курске и на сопредельных территориях (Щавелёв 1997: Гл. II «Прошлое края в трудах Статистического комитета»).

Дело разведок, раскопок, музеев, архивов древних актов заметно активизировалось в рамках Губернских учёных архивных комиссий (ГУАК). Их опыт весьма подробно охарактеризован А.С. Смирновым. На этом опыте гораздо ярче, чем в период губстаткомитетов ¹⁵¹, подтверждается наблю-

¹⁵¹ То есть и после открытия ГУАК в том или ином регионе, ГСК там же оставался в структуре губернской администрации, но или с облечением передавал археологические задачи комиссии (чаще), либо в меру сил конкурировало с ней по этой части (реже).

дение автора за тем, как становление русской археологии оказалось завязано на личных отношениях местной бюрократии, вообще элиты с императорами, членами императорской семьи, придворными и министерскими сановниками. Централизованное плановое финансирование Архивных комиссий и похожих объединений любителей истории при постоянном «дефиците государственного казначейства» пробивалось долго и осуществлялось скупно. Но при наличии связей при дворе, умении и удаче подать дело выгодным образом на самом верху, успех, как правило, был гарантирован. Именно таким образом Д.Я. Самоквасов много лет получал казённые субсидии на «раскопки и приведение в известность древних земляных насыпей внутри империи» (Щавелёв 1998 в), а Курская, Воронежская, Саратовская и некоторые другие ГУАК — десятки тысяч рублей каждая на открытие местных музеев древностей в купленных для этой цели благоустроенных зданиях. Исследование А.С. Смирнова объясняет нам, почему и как именно рафинированный аристократ граф А.С. Уваров смог основать первое общенациональное древлехранилище — Исторический музей в Москве, а чиновные энтузиасты археологии на местах — свои региональные кружки любителей древней истории. Интересы науки резонировали при этом с задачами политики Российского государства, идеологии его правящей элиты.

Автор называет ГУАК «общественно-государственными организациями» (52–53). Неточная оценка. Ведь они, в отличие от статкомитетов, не входили в состав губернской администрации. Разрешение на их открытие давало МВД, в дальнейшем их работу как-то координировало Министерство просвещения и опять-таки частно-общественный Археологический институт в Петербурге. Комиссии и похожие на них объединения (археологические комитеты в отдельных уездах, церковно-археологические комитеты при губернских епархиях и т.п.) собирались и действовали на совершенно добровольной основе, оставались самоуправляемыми, существовали первоначально на взносы членов и редкие меценатские пожертвования. Перед нами по сути дела ячейки гражданского общества, предпосылки того правового государства, о котором применительно к социально-политической эволюции Российской империи только начинают заявлять её историки (Миронов 2003). Впечатление о прямом государственном влиянии на Археологические комиссии могло возникнуть оттого, что в состав большинства ГУАК входили не только представители разночинной интеллигенции вроде учителей, инженеров, врачей, юристов, священников, но и целый ряд чиновников, первых лиц губернской администрации, начиная с отдельных губернаторов и вице-губернаторов. Причём официальные лица не просто числились там, но и участвовали в заседаниях, выезжали на раскопки, принимали реальное участие в публикациях многих комиссий (как авторы и редакторы). Представить себе сегодня, что губернатор и его заместители проводят отпуск на раскопках, приезжают по вечерам в музеи для упорядочения их коллекций, пишут тезисы на научные

конференции гуманитариев, невозможно¹⁵². Видно, чиновники тогда, до революции в своём большинстве были куда более гуманитарно-образованными и заинтересованными людьми, нежели в советские и постсоветские времена.

Конечно, среди учёных и любителей старины и тогда встречались не только верноподданные, но и оппозиционные власти персоны. Однако политическая оппозиция среди учёных и краеведов была представлена далеко не так драматически, как это рисовалось обычно присяжными советскими историографами. В книге это обстоятельство метко подчёркивается: по мнению целого ряда экспертов, и наших, и иностранных, «русский чиновник и интеллигент были братьями одной семьи» (Р. Вильтон)) (198). Именно на должности с возможной гуманитарной подоплёкой (вроде чиновников по особым поручениям при губернаторе или секретаря ГСК) нередко приглашались лица с либеральной, а в окраинных губерниях даже с революционной репутацией (вроде сосланного в Забайкалье «безбашенного» князя П.Н. Кропоткина). Эти случаи не воспринимались как ренегатство с обеих заинтересованных сторон, охранительной и оппозиционной. Наука нередко примиряла политических противников. Так что история археологии позволяет более реалистично представить себе политическое устройство Российской империи.

Разумеется, А.С. Смирнов совершенно прав, когда подчеркивает тотальный государственный контроль над всеми сферами деятельности всех этих формально общественных объединений учёных и любителей старины (77). В книге этот контроль, его способы и направления, обстоятельно рассмотрены. Один из авторских выводов тут подчёркивает почти полную деполитизацию дореволюционных объединений археологов. Найденные Смирновым данные о революционной деятельности под прикрытием археологии носят единичный характер (382). К этому доказанному выводу стоит добавить, что некие оттенки в политических взглядах археологов, особенно на местах, историография сохранила. Но их диапазон оставался не слишком широк: от прямого черносотенства до либерализма в кадетском духе. И на первые роли либеральничавших любителей археологии в их провинциальных кружках не пускали, а лиц с революционной репутацией туда просто не принимали.

¹⁵² Отдельные примеры защиты кандидатских диссертаций по отечественной истории нынешними российскими губернаторами производят комичное впечатление. Так, губернатора Кировской области Н.В. Белых после такой защиты уличили в плагиате из публикаций нынешних вятских краеведов (см. про это в этом моём издании отзыв на книжку В.А. Бердинских о кладоискательстве), а курский губернатор А.Н. Михайлов в своей «диссертации» (впрочем, признанной ВАКом) уточнял роль страусов в истории фермерского хозяйства Курского края на рубеже XX – XXI вв. («научный» руководитель этой губернаторской диссертации, он же председатель Диссертационного совета по истории в Курском государственном университете — профессор (в прошлом — историк КПСС) А.В. Третьяков).

При всех известных нам недостатках ГУАК, Подготовительных комитетов Археологических съездов, работавших по несколько лет между их созывами в том или ином регионе, похожих объединений разыскателей старины, они сыграли незаменимую роль в институционализации обращения с историческими древностями практически на всём протяжении огромной державы. В рецензируемой книге подробно прослежены их творческие связи со многими центральными научными организациями, начиная с университетов, Императорской Археологической комиссии и заканчивая такими, как ИОЛЕАЭ, ИРГО, ИМАО, ИРАО и довольно многими тому подобными. Любители истории в губерниях и уездах оказались тогда полноценно включены в академическую работу. Характерно, что никакими «краеоведами» они себя тогда не называли. А — начинающими исследователями древностей, их любителями (нынешний синоним — волонтеры). В книге подчёркивается, что гимназическая, университетская подготовка позволяла тогда этим дилетантам заниматься археологией более или менее научно. Разумеется, прежде всего, в деле эмпирического сбора документальных и вещественных источников для профессиональных историков, археологов, этнографов, фольклористов, прочих специалистов. В условиях становления отечественной гуманитарной науки любительский старт характерен для А.С. Уварова, Д.Я. Самоквасова, В.А. Городцова, А.А. Спицына и других будущих корифеев, особенно выходцев из провинции.

Подготовить для каждого региона нужное количество археологов — задача далеко не решённая даже в наши дни, спустя почти сто лет после того, как ГУАК и схожие объединения в первые послереволюционные годы закрыли. Советские общества краеведения в 1920-е гг. практически во всём продолжали работу Архивных комиссий, хотя и с меньшим успехом. А после того как на рубеже 1920-х — 1930-х гг. краеведческое движение в СССР было разгромлено, общественная составляющая государственной заботы о древностях так и не вернулась на дореволюционный уровень (Щавелёв 2007 б). «Краеведы» второй половины XX в. в своём большинстве отличались недостатком общей грамотности и психологической ущербностью. Исключения среди добровольных помощников археологов в эту пору только подтверждают правило их слабой квалификации. Так что проделанный А.С. Смирновым углублённый и расширенный анализ тогдашнего опыта взаимодействия государства и энтузиастов родной истории сегодня весьма поучителен.

К перечню учтённых в книге А.С. Смирнова ранних форм становления археологических потребностей российского общества я бы добавил периодическую печать. Сначала в центральных альманахах, журналах, а затем, к 1850-м гг., и в губернских «Ведомостях», гражданских и епархиальных, в ежегодных «Памятных книжках» губерний и областей империи всё чаще стали появляться статьи и заметки на историко-археологические темы. Как ни странно для всех этих сугубо официозных органов, и на их

страницы порой проникала научная мысль, моментами оппозиционная государственной идеологии.

Ярким примером может служить цензурный скандал, случившийся в Курске в 1850 г. Врач здешней гимназии В.К. Гутцейт, выпускник Дерптского университета и увлечённый натуралист на досуге, корреспондент самого Ф. Рулье, опубликовал в губернских ведомостях статью о палеонтологических находках инженера А. Киприянова. Петербургский Цензурный комитет усмотрел в статье крамолу: автор противоречил библейской «хронологии Моисея» о сотворении мира. Последовало решение подвергать все губернские газеты предварительной цензуре. То, что уже было разрешено в академической печати, ещё запрещалось в печати общедоступной (Щавелёв 1997: 17–22).

Впрочем, подобные скандальные эпизоды оставались редким исключением. К началу XX в. в провинциальной печати накопилось довольно много ценного историко-археологического материала. Хотя по современным меркам этот материал отличался описательностью и фрагментарностью, зато он часто был извлечён из таких памятников, которые вскоре были уничтожены природой или человеческими действиями.

В этой же связи А.С. Смирнову стоило особо отметить археологическую роль представителей церкви. Хотя священнослужители редко где у нас выходили в лидеры археологии, свой вклад в поиски и объяснение древностей они внесли. В силу тех же причин, что отмечают А.С. Смирновым применительно к гражданскому чиновничеству: синодальная организация РПЦ централизовала и дисциплинировала разные инициативы по части просвещения, включая археологические. Сегодня покажется удивительным, но до революции церковные иерархи обычно куда более терпимо относились к научно-историческому анализу древностей, чем сегодня. Яркий образец тому даёт опять-таки Курский край: его главная святыня, икона Знамения Богородицы (Коренная) по-разному датируется в литературе. «Курские епархиальные ведомости» сто лет назад согласились с реалистичной датировкой рубежом XVI–XVII вв., основанной на научной критике постлетописных источников об её «обретении» (Сенаторский 1912). Современные же иерархи РПЦ вдвое удревляют возраст святыни — до 700 лет, опираясь на явно легендарные версии монастырской хроники, а доводам историков и археологов не внимают (Раздорский 2008: 36–41).

Как видно, новейшая история нашей археологии включает не только институциональный прогресс, но и регресс по сравнению с прежними периодами её развития.

Отдельная тема истории гуманитарной науки — связь некоторых её представителей с националистическими и сепаратистскими движениями на западных окраинах империи. В книге по сути дела впервые и очень широко рассмотрены соответствующие моменты развития археологии в российской части Польши, на Украине, в Прибалтике. Особенно интересен собранный автором материал о Всероссийских Археологических съездах

— это вторая глава работы. Историки отечественной археологии раньше рассматривали или отдельные съезды, или даже всё съездовское движение (Серых Д.В. 2005), но описательно — регистрируя, кто и что там говорил, показывал, публиковал. Труд А.С. Смирнова впервые вскрывает политическую логику и изоощрённую административную тактику выбора места проведения каждого съезда, формирования его программы — докладной, выставочной, издательской, экскурсионной; контроля за поведением тех участников и той части посторонней публики, у которых складывалась подозрительная для властей политическая репутация. Показано, каких усилий стоило А.С., а потом П.С. Уваровым и их верным соратникам поддерживать съездовское движение в драматических условиях недавних национальных восстаний, революционного брожения, крестьянских бунтов и даже баррикадных боёв в Москве.

Получается парадоксальное, но, если вдуматься, поразительное сочетание зачатков гражданского общества, научно-просветительской самодеятельности, административной автономии в деле изучения древностей — и жёсткого самодержавного режима, полицейского государства. Властям, казалось бы, проще было запретить объединения археологов — и без них хватало площадок для антиправительственной пропаганды. Однако и представители власти в своём большинстве, и представители гуманитарной науки, и её любители сумели удержаться от крайностей. Видимо, осознавали взаимную выгоду сотрудничества. В этом — одно из историографических открытий обозреваемой работы. Читатель может сравнить эти наблюдения с трагической судьбой учёных гуманитариев и краеведов после революции. Советская власть лет за 10–15 полностью разгромила организации и тех, и других; перетряхнула, переместила и физически устранила большую часть их участников, сформировавшихся как исследователи в дореволюционной «реакционной» обстановке.

Вторая часть работы — об археологических векторах внешней политики Российской империи — ещё более нова, интересна в историографическом отношении, поскольку этим вектором нашей археологии историографы занимались куда меньше, чем раскопками «внутри страны». Затрагивались отдельные персоналии, проекты и институты по изучению древностей в отдельных, как-то исторически связанных с Россией странах. В рецензируемой монографии заграничная панорама российской археологии представлена широко и последовательно: во-первых, в зоне интересов Османской империи (Северное Причерноморье, Балканы, Малая Азия, Палестина) и её соседей-соперников (Афины, Рим); во-вторых, в Средней и Центральной Азии, частично поглощённых тогда Российской империей; в-третьих, в некоторых странах Востока (малоазийская часть Турции, Персия, включая Курдистан, Месопотамию; Египет и ещё несколько зон стыка интересов тогдашних великих держав).

Применительно к каждому географическому вектору имперской экспансии показаны и результативные археолого-географические проекты,

экспедиции, печатные труды; и замыслы нереализованные; и пробелы в интересах русских учёных. Всё это соотносено с дипломатической и военно-политической активностью России.

Собранный и истолкованный А.С. Смирновым материал на тему «Древности и дипломатия» позволяет по-новому понять участие России в «Большой игре» европейских держав на Востоке. Как было видно ещё из зарубежных исследований этой увлекательной темы, под личинами археологов, географов, этнографов, лингвистов, прочих вроде бы мирных изыскателей вроде жюль-верновского Паганеля, на международных путях нередко скрывались агенты разных правительств (Сергеев Е.Ю. 2011). Первыми научные ширмы для своих посланцев применили англичане, как это блестяще показал (в том числе и относительно русских разведчиков) в своём лучшем романе «Ким» Р. Киплинг (Ливергант 2011: 199–208). Но кроме разведывательной информации и помощи врагам друг друга, и русские, и английские, и французские, и немецкие, и прочие путешественники и резиденты собрали вполне музейные коллекции, массу полезных серьёзной науке сведений. Так что и за пределами родины интересы власти и интересы науки преследовались нередко на одних и тех же путях. Геополитические амбиции былых правителей ушли в историю, но остались собранные далеко от родины коллекции и прочие научные материалы, которые и сегодня помогают учить всё новые поколения гуманитариев.

Каждая глава работы А.С. Смирнова увенчивается «заключительными положениями». Эти взвешенные, содержательные резюме облегчают читательское восприятие огромного тома, позволяют использовать его в качестве учебника для студентов и аспирантов не только по археологии, но и по смежным гуманитарным дисциплинам.

Особое внимание понимающего читателя привлечёт «Заключение» ко всей работе. В большинстве наших диссертаций (в связи с которыми выпускаются многие итоговые монографии) оно просто повторяет выводы из предыдущих глав и параграфов. Здесь — нет; все предварительные наблюдения и выводы окончательно препарируются, уточняются и обобщаются. Возразить против конечных формулировок А.С. Смирнова у меня возможности нет. Есть желание подтвердить, разделить те или иные тезисы, а другие дополнить, уточнить.

Как уже отмечалось выше, поворот к славянским, русским древностям автор связывает с правлением Николая I. И делает вывод: «Во многом, это было движение сверху, касавшееся преимущественно интереса к славянским, русским древностям, и не нашедшее полноценной поддержки в широких слоях просвещённого общества, уделявшего большее внимание древностям юга России» (380). В целом это так, многие антиквариаты — представители просвещённого дворянства вплоть до постреформенных 1870-х гг. недооценивали возможности культурного слоя «внутренних губерний». Однако уже «История государства Российского» Н.М. Карамзина открыла глаза многим губернским и уездным любителям стари-

ны на археологические возможности их малых родин. У разночинцев — любителей старины не было средств на дальние поездки к Причерноморью с его античными крепостями да скифскими курганами; их внимание волей-неволей притягивали родные просёлки. Так, И.П. Сахаров вспоминал провинциальное начало своей антикварной работы: «Среди чтения "Истории" Карамзина являлась всегда мысль: что же такое Тула и как жили наши отцы? В этой мысли зародилось первое желание писать ... тульскую историю. В "Истории" Карамзина промелькали указания о тульских событиях. Первые мои занятия состояли из выписок из Карамзина о тульских событиях» (Сахаров 1873: 900). А курский гимназический учитель А.И. Дмитрюков даже поправлял детали карамзинского труда после личных разведок упоминаемых кабинетным историографом местностей, своих раскопок там (Щавелёв 1996). В чиновничьем аппарате Николаевской России, куда так или иначе относились археологи-разночинцы, любое державное начинание должно было получить идейный резонанс. Археология не стала исключением. Встречное движение «снизу» к русским национальным корням началось у нас раньше, чем это представляется историкам археологии.

Автор умудрился сказать о науке Российской империи всё то хорошее, что можно было сказать, не отступаясь от чувства исторической правды и не залезая в болото махрового национализма, точнее, шовинизма. Смена точки зрения (как сейчас модно говорить — «дискурса») с «левого» на «правый» произведена А.С. Смирновым так, что остальные теоретико-методологические нормы историко-научного исследования остались ненарушенными. Это важно заметить потому, что политические консерваторы как таковые во все времена и по сегодняшний день страдают вполне понятным субъективизмом и даже социально-психологическим нигилизмом по отношению как к своим идейным оппонентам, так и — что гораздо опаснее — к общеобязательным нормам научного исследования. Книжный и интернет-рынки наводнили безграмотные опусы о древнейших корнях славян и Руси. А.С. Смирнов этих идеологических «вирусов» избегает. Он не льёт «историческую воду» на «политическую мельницу» сегодняшних эпигонов русского национализма и настоящего политического консерватизма. Исследователь стремится объективно изучить и понять, как русская археология повлияла на российскую политику, и какое влияние она с её стороны на себе испытала. Эта стратегическая задача в рассматриваемой мной монографии успешно решена. Так редко бывает в гуманитарной науке — чтобы книга поменяла парадигму целой научной дисциплины. А.С. Смирнову этой удалось. Причём без идеологического скандала, сохраняя уважительное отношение к уже весьма солидной традиции историко-археологических штудий.

Я сам, казалось бы, всецело разделяя либерально-интеллигентские установки моего наставника по археологической историографии А.А. Формозова, в отдельные моменты нашей совместной работы позволял себе

оговорить альтернативные оценки тех или иных лиц и событий. Например, публикуя в Курске его «Рассказы об учёных» и «Статьи разных лет», давал к его тексту примечания — справки о военных, боевых и государственных заслугах тех ученых, которых Формозов обличал как реакционеров, погромщиков науки. И Александр Александрович в большинстве случаев принимал, позволял такие разночтения. Видимо, понимая возможность и необходимость более пристального, стереоскопического взгляда на прошлое нашей науки.

Важно отметить, что радикально поменяв методологию историко-археологического исследования, А.С. Смирнов сохранил верность его оптимальной методике. Я имею в виду, прежде всего, необходимость комплексного источниковедения для историографии. Историографическая «фишка» этого автора — архивы. Он, как видно, резонно решил, что окончательные аргументы своей новаторской позиции в давно и широко освоенной коллегами тематической области он найдёт именно там. И, надо признать, нашёл. Фактическое обогащение истории археологии в этой работе под стать её же методологической новизне.

Кто-то из спичрайтеров позднего Брежнева написал ему, что нет ничего более практичного, чем хорошая теория. В случае с исследовательским проектом А.С. Смирнова этот тезис вполне оправдался. Благодаря успешной реализации этого проекта мы получили неожиданную сегодня по своей новизне и доказательности социально-политическую историю русской археологии. Одним из плюсов любой научной гипотезы считается её эвристический потенциал — возможность открывать новые исследовательские горизонты. А.С. Смирнов справедливо предсказывает, что «подобные закономерности можно отметить и в истории отечественной географии, геологии и ряда иных естественных наук» (С. 380). Не знаю, как насчёт естественных, но вот насчёт многих гуманитарных — истории как таковой, фольклористики, этнографии, искусствоведения, социологии, богословия — это точно. Ведь и в этих сферах гуманитарной мысли охранительные тенденции сталкивались с разрушительными, «правые» с «левыми», а те и другие с политико-идеологическим нейтралитетом. И собственно научная результативность соотносилась с политической позицией отнюдь не однозначно, а противоречиво.

Ещё точнее будет говорить о комплексе гуманитарного знания относительно далёкого прошлого Родины-Руси. Эта — археологическая подоплёка отечественной политики и идеологии в дальнейшем несколько раз сказалась в новейшей истории СССР – современной России. Например, применительно к восточным, особенно кавказским и афганской, войнам России советского и постсоветского периодов. Для лучшего понимания предыстории современной военной и дипломатической политики книга А.С. Смирнова даёт богатейший материал.

Фактические данные, собранные в этой книге, и содержащиеся в ней аналитические оценки и синтезирующий выводы на своеобразном мате-

риале подтверждают современные концепции власти. Это центральное для политической философии понятие трактуется по-разному. Наиболее авторитетная, пожалуй, сегодня трактовка принадлежит М. Фуко. Самый известный структуралист и глашатай постмодернизма отвергал две лидировавшие до него версии власти. Одна обычно ассоциируется с марксизмом, который отождествлял власть с насилием (чтобы так осуществлять власть, надо заковать раба в кандалы — только это сделает его подвластным...). Другая принадлежит П. Бурдьё и сводится к соглашению властителя и отдавшегося ему в подчинение по каким-то своим причинам субъекта (чаще всего — вследствие идеологического ослепления или экономического расчёта). «Но хотя "использование насилия" и "получение согласия" являются орудиями или аспектами власти, они не раскрывают её сущности. Власть является "воздействием на действие"» (Кола 2011: 110). Для Фуко власть — это особая практика, интерактивная деятельность множества разных субъектов, людей и учреждений. Эта деятельность носит осознанный, но не субъективный характер; она объективна, но не материальна. Не сводясь к другим сферам общественного сознания и поведения, власть осуществляется с помощью их всех — экономики, просвещения, науки и всех возможных остальных.

Свою концепцию Фуко подтверждал экскурсами в историю медицины, особенно психиатрии (Фуко 1996). Философ предлагает в виде тюрьмы или лечебницы модели тех дисциплинарных зон, где «дрессируют животное, по имени человек». История гуманитарных наук, в том числе археологии, разнообразит предложенный им подход. Аргумент, адресованный в прошлое, выглядит в глазах современников и потомков особенно убедительным. Вроде того, что не мы начинали строить это государство, защищать эту страну, так не нам же её и оставлять в трудную историческую полосу... Будемте достойны наших предшественников. Поэтому постараемся узнать о них побольше. Поощрим увлечение нашей общей стариной. Примерно так актуализировались прежние и даже предельно древние эпохи в истории той или иной страны. Для относительно молодой по историческим меркам России археологизация каких-то моментов политики оказалась особенно востребованной.

Авторитарный, моментами даже диктаторский характер имперской власти в нашей стране яснее проявлял политический нерв гуманитарного познания, включая историко-археологическое. На быстрее и полнее демократизирующемся западе Европы академические объединения и прочие институты гражданского общества скорее могли себе позволить демонстративную аполитичность, практиковать космополитический подход к предметам своего изучения. В самодержавной России власти не могли обойтись без апелляции к далёкому прошлому, а его исследователи, кто добровольно, кто вынужденно, приносили патриотическую присягу.

Конечно, историко-археологический аргумент политики всегда содержит риск антинаучного искажения национальной ретроспективы. Об

этой опасности не уставал предупреждать А.А. Формозов. Националисты склонны преувеличивать победы и достоинства предков, замалчивая их же поражения и недостатки. А.С. Смирнов, вполне поддерживая это предостережение, указывает на опасность противоположной и, значит, упрощённой тенденции: столь же волюнтарно, только с обратным идеологическим знаком, устранять патриотические оценки, вопросы культурной преемственности из рассмотрения исторических древностей.

В Новой истории Европы, включая модернизирующуюся под её стандарты Россию, власти довольно рано стали использовать для укрепления своего положения и влияния историю и археологию. Мало-помалу властителям стало ясно, что ни голое насилие, ни вульгарный подкуп нужных людей и социальных групп не являются достаточными инструментами собственной легитимизации в сколько-нибудь широких территориальных и общественных масштабах. Эти прямые рычаги воздействия на подданных, а потом и избирателей полезно было подкреплять косвенными. Среди этих последних и оказалось членство в научных, просветительских объединениях, государственных академических организациях. Для представителей элиты учёные увлечения демонстрировали широту натуры; а меценатство, коллекционерство манифестировали влияние. Для разночинцев, «выскочек» же стать активистами статистического комитета или архивной комиссии, принять участие в увлекательной экспедиции или раскопках памятников старины давало шанс прямого общения с властью и деньги имущими согражданами. Первые органы социальной коммуникации — газеты и журналы — предоставляли свои страницы корреспондентам из разных мест и сословий. Так, курский мясоторговец А.Ф. Семёнов (1794–1860) становится на досуге от коммерции желанным корреспондентом астрономов из Императорской Академии наук, а его товарищ по купечеству Н.Ф. Полевой (1796–1846) сочиняет историю русского народа, печатающуюся массовыми тогда тиражами. Книга А.С. Смирнова даёт множество других образцов подобной жизненной игры, где органично сочетаются личные и общественные интересы, научные и идеологические цели.

Хотя рецензируемая книга отличается исключительной полнотой и широтой охвата соответствующего её теме материала, пожелания на продолжение исследования у коллег всегда найдутся.

Кроме более или менее научных дисциплин, автор в завершении своего исследования предусмотрительно отмечает «победную поступь империи в истории литературы и искусства России» (380). Им упомянуты соответствующие мотивы в жизни и творчестве наших замечательных деятелей литературы и других искусств — А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.К. Айвазовского, В.В. Верещагина (380). Беглый перечень писателей и живописцев тут точен, но не исчерпывающ. Великолепное начало разработки этой плодотворной ниши «Художники об истории» положил, как известно, всё тот же А.А. Формозов (Щавелёв 1998: 156–158). Появляются новые полезные попытки включить в круг

широко понимаемой исторической археологии других авторов (Машанова, Машанова 2012). «За кадром» историографического анализа остаётся пока живопись братьев А.М. и В.М. Васнецовых, И.А. Билибина; опера А.П. Бородин, бравшего консультации насчёт половецкой Степи у членов Курской архивной комиссии; многие другие произведения русского искусства ретро- и этнонаправленности.

Археологические мотивы ведь, как известно, звучат и в русской поэзии серебряного века — у Е.П. Зайцевского («На раскопках Херсонеса»), М.А. Волошина, М.И. Цветаевой, Е.Ю. Кузьмина-Караваева («Скифские черепки»), С.П. Боброва («Херсонесида») и у многих других.

А.С. Смирнову стоило обобщить: историческое сознание народа по-прежнему формируется не только и не столько учёными сочинениями, сколько произведениями представителей разных сфер вненаучного знания, в особенности эстетического.

Такой объёмистый и сложный труд, как вышел у А.С. Смирнова, нуждался для лучшего понимания разными категориями читателей, в справочном аппарате. Автор нашёл подходящую форму для этого последнего — именной указатель. Все упоминаемые в тексте (кроме сносок) имена сведены в алфавитный список, где о каждом человеке дана более или менее краткая справка. В ней отмечены не только годы жизни учёных, государственных и общественных деятелей, политиков, чиновников и всех прочих участников работы с древностями, но и приведены основные вехи их биографий (происхождение, образование, сферы деятельности, чины и награды, участие в общественно значимых событиях, достижения в науке и т.д.). Завершает каждую статью библиографическая ссылка на обобщающие исследования, публикации о данной персоне. В результате именной указатель не только облегчает понимание текста книги, но вкупе с библиографией несёт в себе огромный массив информации, обладает самостоятельной научной и учебной ценностью. Во многих статьях представлены результаты архивных разысканий автора, даны ссылки на малоизвестную даже специалистам редкую литературу, включая иностранную.

В именном указателе сведены данные почти о тысяче персонажей. Разумеется, на столь обширном историографическом пространстве остаётся место для кое-каких пожеланий составителю. Скажем, применительно ко всем русским царям и императорам, а также многим их сановникам рекомендованы сводные библиографические справочники («Рюриковичи», «Романовы»), сами по себе содержательные. Однако за последние годы практически о каждом русском самодержце, о многих политиках вышли качественные книги в серии «Жизнь замечательных людей», да и вне этой серии. В этих книгах, между прочим, как правило, отмечается и отношение этого деятеля к истории, древностям, памятникам культуры. О нескольких археологах в именном указателе приведены только дореволюционные словарные справки, хотя можно было сослаться и на позднейшие специальные издания. Например, Д.И. Эварницкому (Яворницкому) по-

священ том документальных рассказов: (Шаповал 1989). Применительно к Н.А. Бердяеву стоило указать не сборник «Вехи», где он поместил небольшую свою работу, а на его же интеллектуальную автобиографию «Самопознание», или же на большую статью о нём в кн.: «Философы России XIX–XX столетий» (1999: 97–100). Ещё кое-кто из упоминаемых А.С. Смирновым лиц оставил мемуары и дневники, опубликованные за последние годы (Ю.В. Готье, А.А. Иностранцев, Н.П. Кондаков, П.Н. Милюков, Н.И. Кареев и др.) — их-то и стоило указать в соответствующих библиографических справках. У графини П.С. Уваровой, наоборот, неоднократно отмечены её недавно увидевшие свет мемуары, но не посвящённый ей некогда сборник статей археологов и историков. Применительно к Д.Я. Самоквасову указана некрологическая справка Д.Н. Анучина, а не моя монография (Щавелёв 1998 в).

Опечаток в книге немного. Сокращение от «святого» — «св.» пишется в православной традиции со строчной буквы. Выражение «учёный археолог» и т.п. (учёный агроном, учёный секретарь) прежде писалось без дефиса, которым пользуется автор (504). Некоторые географические имена в тексте не склоняются, например: «в г. Миасс» (396), что до сих пор грамматически допустимо только в военных сводках. Имя барона де Бая почему-то подчёркнуто (399). В полном соответствии с темой работы отмечаются дворянские титулы упоминаемых учёных, всех, кроме фон Тизенгаузена (511). Обидно за барона Владимира Густавовича! Среди отечественных политиков только применительно к Б.В. Штюрмеру отмечено, что он «русский государственный деятель» (530), как видно, в связи с подозрениями современников в его прогерманских симпатиях...

В названиях дореволюционных научных организаций обществ — Археологической комиссии, Любителей естествознания, антропологии и этнографии, Московском и Русском археологических, довольно многих других, опущена первая часть — «Императорская (кое)», что не совсем исторично как раз с точки зрения темы этой книги. Только патронаж верховной власти позволил этим объединениям возникнуть и существовать.

Одни персонажи удостаиваются в именном справочнике превосходных эпитетов, а другие, равновеликие, нет. К примеру, Д.Н. Анучин — «выдающийся» (396), а следом идущий Д.И. Багaley — просто «академик» (398); В.А. Городцов — всего лишь «профессор», да ещё с «1818 г.» (424). Л.Н. Толстой — «один из наиболее известных русских писателей и мыслителей» (512), а вот И.С. Тургенев — «писатель, поэт» и всё (514). А.С. Уварова можно было бы не клишировать «одним из наиболее известных» (515), а прямо назвать основоположником научной археологии в России.

Разумеется, сделанные библиографические и корректорские пожелания носят, что называется, факультативный характер и несколько не затрагивают уже высказанной выше высокой оценки энциклопедических познаний автора в области истории науки и политики. Источниковую базу книги образует множество архивных документов. Они принадлежат не

только собственно археологическим учреждениям, с которыми в основном работали предшественники А.С. Смирнова, но многим государственным учреждениям, центральным и региональным, где оставались до сих пор затеряны историко-археологические материалы. Конечно, архивная база тут практически неисчерпаема, но привлечённый документальный материал в работе Смирнова едва ли не превосходит книжный, печатный, что является своеобразным источниковедческим рекордом в историографии археологии.

Текст книги сопровождается иллюстрациями, их много — почти по всем заметным персонажам показаны их портреты; кроме того — виды, пейзажи тех природных и архитектурных объектов, что относились к сфере археологических путешествий.

Как видно из всего сказанного, работа А.А. Смирнова столь сложна и широка по содержанию, что её трудно по достоинству оценить одному рецензенту любой квалификации. Полезно устроить коллективное обсуждение этой новаторской книги заинтересованными коллегами, как стремятся это делать с историографическими новинками Л.С. Клейна его петербургские товарищи из Института истории материальной культуры да Петербургского государственного университета. Мне думается, что фундаментальные исследования А.С. Смирнова и Л.С. Клейна по истории археологии удачно дополняют друг друга по рассматриваемому материалу и выводам из него.

Литература

Бердинских В.А. 1994. Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860-х – 1890-х гг. Автореф. дисс. докт. ист. н. М.

Высочков Л.В. 2006. Николай I. М.: Молодая гвардия.

Клейн Л.С. 1993. Феномен советской археологии. СПб.

Клейн Л.С. 2011. История археологической мысли. В 2-х т. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та.

Кола Д. 2001. Политическая социология. М.: «МНФРА-М».

Лебедев Г.С. 1992. История отечественной археологии. 1700–1917. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та.

Машанова Л.В., Машанова Ю.И. История Кавказа в творчестве М.Ю. Лермонтова // Вопросы истории. 2012. № 2.

Мионов Б.Н. 2003. Социальная история России периода (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. 3-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин.

Новомбергский Н.Я. 2004. Слово и Дело Государевы (Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Т.т. I–II. М.: «Языки славянской культуры».

Платонова Н.И. 2010. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-История.

Раздорский А.И. 2008. О времени обретения курской чудотворной иконы Знамения Богородицы // Пятое Дамиановские чтения. Материалы Всероссийской научно-

практической конференции, г. Курск, 26–28 марта 2008 г. Курск: Курская сельхозакадемия.

Сахаров И.П. 1973. Мои воспоминания // Русский архив. КН. 1, № 6, 895–918.

Сенаторский Н.П. 1912. Чудесное обретение иконы Знамения пресвятой Богородицы на корне дерева // Курские епархиальные известия. 32, 34.

Сергеев Е.Ю. 2011. «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX – начала XX века: новый взгляд (5), 3–15.

Серых Д.В. 2005. Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. Самара.

Тункина И.В. 2002. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.

Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. 1999. Изд. 3-е, пер. и доп. М.: Академический проект.

Формозов А.А. 1961. Очерки по истории русской археологии. М.: Изд-во АН СССР.

Формозов А.А. 1983. Начало изучения каменного века в России. Первые книги. М.: «Наука».

Формозов А.А. 1986. Страницы истории русской археологии. М.: «Наука».

Формозов А.А. 1991 а Уральский археолог М.В. Малахов // Очерки истории русской и советской археологии. М.: Ин-т археологии РАН.

Формозов А.А. 1991 б Уралец Малахов // ВИ. № 4–5.

Формозов А.А. 2004. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М.: Знак. 320 с.

Формозов А.А. 2004. Рассказы об учёных. Курск: Курский гос. мед. ун-т, 124 с.;

Формозов А.А. 2005. Человек и наука: Из записей археолога. М.: Знак. 224 с. (Studia historica).

Фуко М. 1996. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad marginem.

Шановал И. 1989. В поисках сокровищ. Документальные рассказы. М.: Советский писатель.

Щавелёв С.П. 1992. Первый опыт массового учёта археологических памятников в России (анкета Д.Я. Самоквасова 1872–1873 гг. и её результаты) // РА. № 1.

Щавелёв С.П. 1996. Археологический почин курского учителя А.И. Дмитриюкова в 1820-е – 1830-е годы // РА. (4), с. 177–184.

Щавелёв С.П. 1997. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. II. «Золотой век» губернского краеведения: 1860–1910-е годы. Курск: Изд-во Курского мед. ун-та.

Щавелёв С.П. 1998 а. Становление археологического интереса в России XVII века (ранние находки древностей в районе Курска в отражении Приказного делопроизводства) // РА. 2.

Щавелёв С.П. 1998 б. [Рец. на кн.:] А.А. Формозов. Классики русской литературы и историческая наука // Вопросы истории: 5, 156–158.

Щавелёв С.П. 1998 в. Историк Русской земли. Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова. Курск: изд-во Курского гос. медицинского ун-та,

Щавелёв С.П. 2007 а. [Рец. на кн.:] П.С. Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., Изд-во им. Сабашниковых, 2005. 296 с.; П.С. Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. Труды Государственного Исторического музея. Вып. 144. М., 2005. 336 с. // Вопросы истории. 3, 170–172.

Щавелёв С.П. 2007 б. «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 годов. (Курский «филиал»). Курск, изд-во Курского гос. ун-та, 2007. 272 с., илл.

Щавелёв С.П. 2011. Предыстория русской археологии: поиски древностей в Курском Посеймье XVII в. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб. – М. – Великий Новгород.

*Отзыв официального оппонента
на диссертацию Г.А. Бондаревой
«Становление статистики в российской провинции
середины XIX столетия — 1917 г. (на примере Курской губернии)»,
представленную на соискание учёной степени кандидата исторических
наук по специальности 07. 00. 02 — отечественная история¹⁵⁴*

Диссертация, которой мне доверено оппонировать, представляет собой оригинальное и вполне самостоятельное, своевременное для российской историографии научное исследование. Сужу об этом с полной уверенностью, поскольку с начала 1980-х гг. мне пришлось быть в числе тех первых авторов, кто взялся за разработку истории отечественной статистики. Моя тема, тогда, была, собственно говоря, иной, более широкой: становление отечественной археологии в провинции. Обратившись к документам курского областного архива, я скоро выяснил, что важный, даже рубежный, стартовый этап нашего отечественного древлеведения связан с деятельностью губернских статистических комитетов. А познакомившись с архивным наследием курского статистического комитета, я осознал, что для его понимания необходимо представить себе, зачем и как в России вообще возникла статистическая служба, кто и как в центре Российской империи руководил региональными её филиалами. В результате этих своих разысканий я и написал соответствующую главу в своей серийной работе «Первооткрыватели курских древностей»¹⁵⁵. То, что на эту мою монографию ссылается Г.А. Бондарева, даёт мне право оценивать ее квалификационную работу.

Я рад отметить, что все общие характеристики этой работы соответствуют научной действительности. Актуальность темы вне сомнения. Соискательница учёной степени правильно ссылается в этой связи на опыт постсоветских переписей населения в нашей стране. Правда, тут стоило отметить известные проблемы этих двух мероприятий и сомнения руководства страны в том, а нужно ли было вообще их проводить... Но это частности. Главное ясно: стремясь учесть фактически многие параметры современного российского общества, необходимо оглянуться на аналогичный опыт прошлого. Работа Г.А. Бондаревой даёт для этого исчерпывающий материал.

¹⁵³ Парафраза известной фразы из романа И. Ильфа и Е. Петрова.

¹⁵⁴ Отзыв оглашён на защите.

¹⁵⁵ См.: *Щавелёв С.П.* Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. II. «Золотой век» губернского краеведения: 1860–1910-е годы. Курск, изд-во Курского медицинского ун-та, 1997. 140 с.

Цель и задачи, объект и предмет исследования сформулированы вполне корректно. В этой связи я рад отметить, что перед нами достойное продолжение тех научных традиций, что заложены и поддерживаются в Курском университете (в недавнем прошлом педагогическом институте) Александром Николаевичем Курцевым. Научная руководительница этой диссертации Наталья Дмитриевна Борщик обе свои собственные диссертации выполняла под руководством этого замечательного историка и педагога. Так что перед нами своего рода «внучка» от науки профессора Курцева. А по-другому, смею вас заверить, наука и не делается¹⁵⁶.

Диссертация логично построена. Первая глава посвящена государственной статистике, а вторая — земской. Первая глава открывается параграфом, в котором прослежены основные этапы становления государственной статистической службы в России. Это рассмотрение необходимо для того, чтобы представлять и понимать, как работали филиалы статистической службы на местах, в губерниях и областях империи. Вполне логично после этого общего обзора следует рассказ о создании, устройстве и функциях Курского губернского статистического комитета. Далее автор прослеживает основные реорганизации статической службы на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. Завершается параграф сюжетом о ликвидации статистической службы

Во втором параграфе первой главы описаны и оценены все отдельные проекты статистического учёта по разным вопросам, которые по запросам столичных инстанций выполнял губернский статистический комитет с момента своего создания и за весь период деятельности. Эти задания исходили от центральных ведомств — военного и ряда гражданских, а также общественных и научных обществ различного профиля. Среди этих вопросов были как постоянные, сведения по которым собирались ежегодно для отчёта губернатора и прочих губерnskих инстанций, так и разовые, по тем или иным сторонам экономики, культуры и науки. Кроме того, у каждого ГСК — и курский не стал исключением — время от времени возникали инициативные проекты статистических замеров по тем или другим сторонам жизни края.

В результате всё изложенное в первой главе даёт полную и объективную картину региональной статистики в России за весь дореволюционный период её существования. Аргументация и выводы строятся на большом объёме обработанного автором архивного и научно-литературного материала. Показаны достижения и отдельные недостатки, даже провалы тогдашних статистических работ.

Во второй главе рассмотрена тема земской статистики, которая ещё хуже была до сих пор освещена в исторической литературе, нежели статистика государственная. Между тем начиная с 1870-х – 1880-х гг. практически все российские земства обзаводятся собственными органами статистического учёта, которые не столько дублируют государственные службы

¹⁵⁶ См., если угодно: *Щавелёв С.П.* Этика и психология науки. Курск, 2010.

статистики, сколько всё успешнее дополняют их в своих работах, разнообразя тематику, детализируя предметы опросов, совершенствуя методику их проведения. Перед нами один из многих и самых важных моментов модернизации российского государства и общества на общеевропейских, по сути демократических основах. В главе, разумеется, показаны не только достижения земских энтузиастов статистики, но и трудности в их работе, исходящие от консервативно настроенных представителей самодержавного государства. Апофеозом «контрреформ» в этой сфере стала освещённая в диссертации ревизия курского земства в 1904 г. сенатором Н.А. Зиновьевым.

Кроме одобрений и похвал, эта диссертация вызывает у меня несколько замечаний и предложений. Замечания касаются не столько того, что в работе есть, сколько того, что стоило бы добавить в неё для полноты картины начала русской статистики. Делаю эти замечания с учётом того, что эту диссертацию стоило бы выпустить в свет в виде монографии. В этом случае и должны пригодиться нижеследующие соображения.

1. В диссертации довольно подробно прослежено, как возникала статистическая служба в центре и, особенно, на местах Российской империи. К этому надо бы добавить соображения о том, *почему она именно тогда* потребовалась тогдашним властям государства. Вот мои соображения на сей счёт. Первые монархи Российской империи — Пётр I и его непосредственные преемники были в первую очередь озабочены «прорубанием окна в Европу», то есть переделкой российской культуры на западный лад, подтягиванием страны до европейского уровня. Только Николай I обратил внимание на собственно российские традиции, отечественный опыт в разных сферах. Отсюда и желание руководителей государства узнать, чем же на самом деле они управляют. Так возникло не только специальное статистическое отделение при Министерстве внутренних дел, но и его представительства на местах — губернские статистические комитеты.

Соответствующим образом автору диссертации стоило несколько подробнее остановиться на внутриполитическом контексте дальнейшего развития статистической службы, вплоть до анализа причин провала её реформы 1908 г.

2. Хотя в диссертации статистика рассматривается как отрасль общественной практики, функция государственного организма, стоило бы специально остановиться на тогдашнем, столетней и более давности понимании объёма и задач статистики как науки. Во-первых, практика и наука тут, как и положено, были как-то связаны, а во-вторых, перед нами интересный и ещё малоизученный этап дисциплинарного становления науки в России. В недрах пореформенной статистики вызревал целый ряд естественных и особенно гуманитарных дисциплин, прежде всего антропология, археология, этнография, социология и т.д. Г.А. Бондарева в своей работе несколько раз останавливается на учёных занятиях губстаткомитетов, их взаимосвязях с центральными научными и просветительскими обще-

ствами, однако эту часть её темы стоило бы раскрыть несколько подробнее. Помимо упоминаемого ею Императорского Русского Географического общества (ИРГО), с губернскими комитетами активно сотрудничали такие научные центры, как Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ) при Императорском Московском университете, Императорское Московское Археологическое общество (ИМАО), Императорское Русское Археологическое общество (ИРАО), Московский и Петербургский Археологические институты, многие другие, а также Императорская Археологическая комиссия (ИАК) при Министерстве Императорского двора (обращаю внимание автора на правильное написание их названий, в диссертации фигурирующих в ненужных сокращениях). В целом перед нами уникальный опыт сотрудничества государства и общественности, профессионалов и любителей, столичных центров и провинциальной интеллигенции на ниве изучения прошлого и настоящего Отечества. Этот вывод автору стоило бы сделать, ведь материалов для его обоснования в диссертации содержится немало.

3. Описывая научную новизну своей работы, Г.А. Бондарева, в том числе, отмечает: «Применительно к гостатслужбе особенно важно положение о местных её органах как преимущественно исполнителях, иницируемых центром исследований, что развенчивает традиционное заблуждение предшественников о самостоятельной исследовательской деятельности губстаткомитетов» (С. 12). Это положение верно (или почти верно) применительно к сугубо статистической, то есть справочной, цифровой работе этих органов. Причём такую ситуацию автору стоило бы прокомментировать: почему губернские статистики не проявляли в этой своей деятельности инициатив? Но к справочной работе «исследовательская деятельность» членов губстаткомитетов не сводилась. Автору стоило бы уточнить, что о многих губернских комитетах, включая рассматриваемый ею курский, неоднократно предпринимали исследования по археологии, истории, геологии, ботанике, палеонтологии и другим сферам изучения края. Результаты таких исследований публиковались как в собственных сборниках комитетов, так и в центральной печати. В силу слабой институционализации тогдашней российской науки, особенно в неуниверситетских городах, к числу которых относился и Курск, именно «под крышей» губстаткомитета находили пристанище любители науки, которых в будущем стали именовать краеведами¹⁵⁷. Так что «развенчания предшественников» в этом вопросе у диссертантки не вышло.

¹⁵⁷ Если автору мало того материала о поисковой, исследовательской и издательской деятельности губернских статистических комитетов, что содержится в цитируемой ею моей книжке «Первооткрыватели курских древностей», обращу её внимание на новое капитальное исследование той же темы: *Смирнов А.С.* Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М., 2011. 592 с. (Раздел «Губернские статистические комитеты»).

Кроме предложения по содержанию работы, отмечу ряд мелких недочётов в её оформлении. На мой вкус, автор злоупотребляет аббревиатурами («статучёт», «статслужба», «статслужба», «статкомитет» и т.д.). Это рецидив советского «новояза», засорившего русский язык такими лингвистическими уродцами, каковы «вуз», да ещё «педвуз», «шкраб», и прочее, и прочее т.п. До революции говорили и писали не «великорусы» (с. 4), а «великоросы». Выражение «краевед» также появилось только после революции, раньше его не употребляли.

В списке публикаций автора стоило бы указать, где и кто издаёт столь всеобъемлющий орган — «Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики».

Сделанные мной замечания и предложения к тексту диссертации не колеблют её общей высокой оценки как законченного самостоятельного исторического исследования, проливающего свет на недостаточно изученный прежде вопрос отечественной науки и культуры. За эту работу автор — Галина Александровна Бондарева вполне заслуживает присуждения ей учёной степени кандидат исторических наук по заявленной специальности.

12 июня 2012 г.

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В ВОРОНЕЖЕ

*Отзыв официального оппонента на диссертацию Н.А. Поташкиной
«Деятельность воронежских краеведов по исследованию
исторических древностей края (конец XIX – начало XX вв.)»
(Воронеж, 2006),
представленной на соискание учёной степени
кандидата исторических наук
по специальности 07. 00. 02 — отечественная история¹⁵⁸*

За 1990-е – 2000-е гг. история русской археологии превратилась в относительно самостоятельную субдисциплину историографического формата. Опираясь на основополагающие работы А.А. Формозова и Г.С. Лебедева, исследователи прошлого науки об отечественных древностях реконструировали как основные этапы и направления, организационные формы, так и региональные особенности становления развития этой науки на российской почве. К последнему из названных аспектов археологической историографии относится и диссертация Надежды Андреевны Поташкиной из Воронежского педагогического университета. Воронеж, где живёт и трудится эта соискательница учёной степени, относится к числу лидеров в рассматриваемой области знания. Здесь сложились не только известные научные школы по истории и археологии юго-восточного региона России, но и авторитетные группы исследователей истории самой археологической науки. Труды по историографии, выполненные здешними профессорами А.И. Немировским, А.З. Винниковым, А.Т. Синюком, А.Д. Пряхиным, уже несколькими поколениями их учеников, прочно вошли в интеллектуальный обиход всех тех, кто интересуется ходом освоения отечественных древностей. На столь замечательном фоне исследование Н.А. Поташкиной выглядит вполне солидно — как логичный этап углубления и обобщения идейного и фактического материала по данному региону нашей археологии и краеведения.

В этом, я полагаю, немалая заслуга и научного руководителя диссертантки — Арсена Тиграновича Синюка. Мне уже доводилось устно и печатно высказывать мнение о том, что его (в соавторстве с Анатолием Захаровичем Винниковым выполненная) работа — образец как историографии, так и научной популяризации археологии¹⁵⁹. В своих работах по истории археологии я во многом опирался на идеи и факты из этой книги.

В этой связи первая заслуга автора — скрупулёзный учёт и обстоятельный анализ всего того, что было сделано до неё по теме исследования. Причём в составе историографического введения этой диссертации при-

¹⁵⁸ Отзыв оглашён на защите этой диссертации в Воронежском государственном педагогическом университете. Не публиковался.

¹⁵⁹ См.: Винников А.З., Синюк А.Т. Дорогами тысячелетий. Археологи о древней истории Воронежского края. Изд. 2-е, испр. и доп. Воронеж, 2003.

сутствуют как общего плана работы (по истории губернских статистических комитетов, учёных архивных комиссий, других центров краеведения), так и по региональной, в том числе собственно воронежской историографии (с. 7–18 диссертации). Причём в авторских оценках предшественников сбалансированы похвалы с критическими замечаниями по тем же адресам. Распространённый, к сожалению, в диссертационных работах панегиризм, преувеличение заслуг предшественников, особенно земляков, автора не заразил.

Следует особо похвалить библиографический аппарат как самой диссертации, так и её автореферата. Списки использованной автором литературы отличаются полнотой и корректным отбором. Уже по ним можно судить, что перед нами не скороспелое исследование, закамуфлированное под диссертацию, а настоящая монография по заявленной теме. Вполне достаточна для её раскрытия источниковая база исследования, в том числе её архивная составляющая. Н.А. Поташкина не только извлекла практически всё, что было можно из воронежских документальных хранилищ, но и поработала с ключевыми в данном отношении фондами хранилищ центральных (ИИМК РАН в Санкт-Петербурге и ЦИАМ в Москве).

Выбор самого предмета изучения представляется мне вполне оправданным. Воронежский край, его «столица» Воронеж уже более ста лет — один из наиболее авторитетных центров региональной историографии в масштабах всей России. По воронежским материалам ярко прослеживаются все основные этапы становления и развития отечественной археологии. Достаточно сказать, что здешняя Учёная архивная комиссия в числе первых четырёх во всей в стране получила казённую субсидию, а в советские времена здесь же располагался признанный центр краеведения, книгоиздания всего Центрального Черноземья, да и сопредельных с ним регионов. На воронежской земле вырастали, сюда приезжали работать учёные общенационального масштаба. Такого уровня академических кадров и мероприятий с их участием не достигала ни одна из соседних с Воронежем областей. Поэтому краевой охват материала в данной диссертации вполне репрезентативен.

В заглавии диссертации ключевое слово — «исторические древности». Оно превалировало в дореволюционный период развития «вещественной истории», и ныне слова возвращено в активный историко-научный оборот¹⁶⁰. В методологических разделах введения, и по дальнейшему ходу изложения в диссертации, это понятие раскрывается автором полно и корректно.

Хронологические рамки работы определены традиционно — рубеж прошлого и позапрошлого веков, когда именно региональная археология

¹⁶⁰ См., например: *Шанский Д.Н.* Вклад Московского университета в изучение отечественных древностей (вторая половина XVIII – начало XIX вв.) // Вестник МГУ. Серия 8. «История». 2005. № 6.

достигла в нашей стране максимального развития ¹⁶¹. Однако на самом деле автор диссертации затрагивает, причём довольно подробно, и предшествующие этапы — донаучного, фольклорного и преднаучного, географо-статистического, коллекционерского обращения с краевыми древностями. Этой предыстории воронежской археологии, XVII – первой половине

XIX вв. посвящена вся первая глава работы и добрая половина основной части автореферата. Может быть, при книжном издании диссертации стоит уточнить заголовок работы по его хронологической части. И заодно слово «край» заменить на «регион»? (во избежание тавтологии; впрочем, в научном тексте вовсе не страшной).

Вопреки хронологически зауженному названию диссертации, структура изложения в ней вполне логична. Вторая глава посвящена деятельности здешнего Статистического комитета и Учёной архивной комиссии. Эти учреждения не только в Воронеже, но и во всей европейской части России ознаменовали важнейшие рубежи становления науки и практики обращения с древностями. В тексте работы органично чередуются, сочетаются принятые в нашей историографии формы исследования и изложения. Их можно назвать событийным, институциональным и персонально-биографическим. Проще говоря, автор диссертации скрупулёзно перечисляет рубежные для исторического краеведения поиски и находки местных древностей, их основные типы и представления о них в научно-краеведческом сознании; те организации и общества, столичные и провинциальные, которые занимались археологией; тех учёных и краеведов, кто до революции внёс свой вклад в изучение и охрану воронежских памятников старины. Воронежские экспедиции Н.Е. Макаренко, А.А. Спицына, В.Н. Глазова, С.Н. Замятина — яркие эпизоды научных биографий этих замечательных русских археологов. А труды некоторых воронежских краеведов — Л.Б. Вейнберга, Е.Л. Маркова, Л.М. Савёлова, С.Е. Зверева и некоторых других получили всероссийское признание среди археографов, археологов, фольклористов и этнографов. Нынешние представители всех этих и близких к ним отраслей знания и гуманитарной практики (преподавания, музейного, библиотечного дела) узнают из работы Н.А. Поташкиной много новых для себя сведения, а главное, впервые получают общее впечатление о достижениях дореволюционной археологии в нашей провинции.

¹⁶¹ Этот тезис обосновывается мной на материалах соседнего с Воронежем региона — Курского Посеймья. См.: *Щавелёв С.П.* Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. I. Предпосылки и становление региональной историографии. Курск, 1997. 136 с.; *Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. II. «Золотой век» губернского краеведения: 1860-е – 1910-е годы.* Курск, 1997. 140 с.

Особой похвалы заслуживают документальные приложения к диссертации. Это целая наглядная хрестоматия по истории воронежской археологии — старинные карты, планы, репродукции рукописей, рисунков археологических находок, буквально воскрешённые автором из архивного полунепытия. Диссертантка справедливо отмечает безобразное состояние музейных архивов в провинции. Документы там теряются, портятся, их остатки пребывают в хаотическом состоянии. Хотя общегосударственные (областные) архивохранилища берегают свои фонды в целом надёжнее ведомственных, однако практически повсеместное отсутствие современных описей, указателей, тем более компьютерных, во многом обесценивает их фонды для исследователей. Диссертационным советам по истории стоит выносить некие частные определения в адрес музейных начальников по обсуждаемому поводу. Правда, скудное финансирование музеев и архивов вряд ли позволит сдвинуть разбор и описание документов с мёртвой точки.

В общем, у меня нет принципиальных претензий к диссертации Н.А. Поташкиной. Дальнейшие соображения по этой работе представляются мне даже не советами, а размышлениями, которые могли бы помочь автору подготовить рукопись к изданию в виде учебного пособия, либо монографии. Такое издание, я убеждён, найдёт немало заинтересованных читателей и не залежится на полках книжных лавок и библиотек. ВГПУ должен издать эту книгу — она лишний раз отметит известный в стране научный и учебный авторитет этого университета.

Итак, не навязывая автору своих оценок и точек зрения, обращаю его внимание на следующие, более или менее дискуссионные моменты диссертационного изложения.

Концептуально-категориальный аппарат работы поясняется вполне логично (с. 3–4 автореферата). Если с авторской дефиницией «древностей» я вполне согласен, то термин «краеведение» вызывает у меня сомнения. Впрочем, его до сих пор широко используют в научной и публицистической литературе, так что мои сомнения адресуются не столько диссертантке, сколько всей нашей корпорации историков науки. Автор сама отмечает, что «термин «краевед» получил широкое распространение в 1920-е гг.», а до революции местные деятели ГСК и ГУАК считали себя любителями истории, археологии. Или же учениками, последователями, помощниками более маститых коллег из университетов и учёных обществ типа Московского Археологического или же Русского Географического, многих других. А эти последние специалисты — приват-доценты и профессора по части полевой археологии тоже ведь делали первые шаги. Методика раскопок, методология анализа древностей разрабатывалась как раз тогда — на рубеже XIX–XX вв. Так что речь тогда шла, можно сказать, о степени профессионализации — она же мера любительства. Так что противопоставление «краеведы — учёные» до революции выглядело иначе,

чем после неё, когда теоретико-методическое становление археологии у нас вполне завершилось.

Сочетание любительства и профессионализма в гуманитарном знании вообще не такое, как в естествознании. Если в прошлом ещё встречались полезные для науки любители астрономии или, скажем, механики, то сейчас это скорее нонсенс. Без специального образования смешно и даже опасно заниматься физикой, химией, биологией. Не то в археологии, археографии, этнографии и остальных гуманитарных областях знания. Никакая Академия наук не напасётся таких специалистов для такой обширной страны, как наша Россия. А между тем древности есть почти везде и всегда они под угрозой исчезновения. Кто-то должен их собирать, сообщать учёным об их обнаружении. Эту полезную миссию и несут любители, губернские и даже уездные, сельские. Немало памятников археологии открыто по их подсказкам, немало экспонатов спасено от утраты их бескорыстными усилиями. Множество фольклорных текстов и этнографических предметов музеефицировано ими.

Однако и любительство в нашей стране эволюционировало вместе со всем обществом. Уже до революции среди местных деятелей археологического толка попадались разного рода маньяки, шарлатаны и фальсификаторы, хотя большинство любителей истории были образованные, культурные люди. Как-никак гимназии и университеты раньше давали фундаментальное образование, да и воспитание. Проректоров по воспитательной работе не было, а воспитание было. Сейчас наоборот. После физического уничтожения добросовестных краеведов контрразведкой советского государства на рубеже 1920-х – 1930-х гг. краеведение в провинции выродилось. Им стали заниматься в большинстве своём самозванцы, акцентуированные личности. Не умея даже писать по-русски без грубых ошибок, они пытались излагать региональную историю, как правило, в фантастических тонах. Чего стоят ложные юбилеи русских городов («1000-летие» левобережного Белгорода, например), которые так называемые «краеведы» пробивали или пытались навязать местным властям. В диссертации Н.А. Поташкиной (с. 10) сказанное точно иллюстрируется на примере публикаций воронежца А.М. Аббасова. Получив степень кандидата исторических наук за историографическую работу, этот автор в дальнейшем демонстрировал наиболее фантастические, бредовые стороны современного «краеведения».

В 1990-е гг. к этому, так сказать идеологическому вреду добавилась практическая деятельность так называемых «чёрных археологов». Получая их находки для определения, некоторые наши профессиональные археологи стыдливо называют своих криминальных поделщиков «краеведами». Тем самым любительство начинает прямо угрожать самому существованию древностей.

Так что эпитет «исследование» применительно к краеведению нуждается в определённой корректировке, причём применительно к любому

этапу развития нашей науки и культуры. Речь на самом деле идёт чаще всего о некоей работе любителей по выявлению, обследованию, коллекционированию древностей. Порой даже — выборочной их публикации, музеефикации. Но в полном смысле изучать, то есть атрибутировать, оценивать, вписывать в историко-культурный контекст древности смогли и теперь могут только профессиональные археологи. Поэтому автору стоило бы как-то оговорить применяемые определения «доисследовательский» и «исследовательский» (этапы становления региональной археологии). Хотя определённый резон в применении этих определений, безусловно, имеется.

На мой взгляд, в узком, собственном смысле слова «исследование» — это кабинетное, камеральное изучение древностей. При таком словопотреблении от него будут отличаться такие моменты историко-краеведческой деятельности, как поиск (разведка), картографирование, музеефикация или вообще сохранение, консервация, популяризация древностей. Но в широком, общем смысле всё это разные стороны изучения памятников старины, и автор диссертации имеет право употреблять термин «исследование» и в таком значении.

Впрочем, применительно к тем отрезкам хронологии, которым посвящена эта диссертация, грани между любительством и учёностью чаще всего оставались относительными. Даже самые великие наши дореволюционные археологи (вроде И.Е. Забелина или А.С. Уварова, а какой-то степени даже В.А. Городцова) начинали, а порой и оставались скорее любителями старины, нежели её исследователями. А уж для губернской археологии трудно найти более подходящий термин, чем пресловутое «краеведение». Но используя его, нельзя идеализировать стоящие за ним фигуры и начинания. Некоторые специалисты (например С.О. Шмидт или воронежец О.Г. Ласунский) до сих пор стремятся реанимировать краеведческое движение организационно, но мне эти попытки представляются не просто тщетными, но даже в чём-то опасными для культуры — гуманитарная паранаука не менее «заразна», чем нынешние экстрасенсы и колдуны.

Несколько мелких дополнений. Стоило отметить, что С.Е. Зверев (с. 21) — священник. Лица из духовного звания среди любителей местной истории и даже археологии — не редкость, но вот действительно компетентных специалистов среди них встречалось не так много, по моим наблюдениям. Упомянутый воронежский краевед — отрядное исключение. Он был не только энергичен, но и подготовлен для занятий археологией.

Полное название Императорского Общества любителей естествознания при Московском университете (с. 20) — «... антропологии и этнографии» (ИОЛЕАЭ). Справедливо отмечая его заслуги перед воронежской археологией, диссертантке стоило добавить, что экспедиционеры этого Общества — И.С. Поляков и А.И. Кельсиев — ученики и сподвижники А.П. Богданова. Именно он основал русскую антропологию как науку и придумал известные выставки, музеи, экспедиции ИОЛЕАЭ, обсуждаемые в

диссертации. Кстати сказать, Анатолий Петрович — уроженец Нижнедевицкого уезда, земляк воронежцам.

Применительно к фигуре Е.Л. Маркова в диссертации верно сказано — «писатель и краевед» (с. 20). К рассказу про его археологические экскурсии и публикации стоило бы добавить нечто об его литературном творчестве. Ведь отражение отечественных древностей средствами искусства и литературы — важное направление их освоения нашей культурой. Наверняка не только этот писатель вдохновлялся историей Воронежского края, его археологическими ландшафтами.

У одних персонажей работы указаны годы жизни, у других нет. Понятно, что не о каждом сейчас можно установить эти данные, но о некоторых всё же возможно было и надо — для книжного издания этой работы.

Наконец, в заключение к диссертации надо было бы, хотя конспективно, отметить послереволюционные судьбы некоторых представителей последнего дореволюционного поколения воронежских краеведов. Ведь среди них выросли такие крупные фигуры уже советской археологии, как С.Н. Замятнин, да и не он один. Такие добавления нетрудно сделать при подготовке книжного издания работы.

Текст автореферата вполне адекватно отражает всё содержание диссертации. И там, и тут практически нет стилистических огрехов и опечаток, что лишний раз подчёркивает научную добросовестность автора. Основные положения работы опубликованы в авторитетных научных изданиях. Стоило только добавить, на какой кафедре университета эта работа обсуждалась.

На Украине сейчас в авторефератах указывают объём (количество страниц) авторского текста диссертации — полезная деталь для автореферата.

Все сделанные мной замечания, как видно, относятся не к тому, что содержит в себе диссертация, а к тому, что можно было бы добавить к ней при подготовке на её основе книжного издания.

В целом, повторяю, работа Н.А. Поташкиной будет, я убеждён, интересна и полезна не только археологам, но и представителям разных других гуманитарных дисциплин (историкам, этнографам, фольклористам, архивистам, музейным работникам, по крайней мере); как для дальнейших научных исследований, так и для преподавания соответствующих предметов. Эта работа соответствует действующим требованиям Высшей аттестационной комиссии к кандидатским диссертациям. Автор этой диссертации вполне заслуживает искомой учёной степени по заявленной специальности.

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В ЧЕРНИГОВЕ

*Отзыв на диссертацию Л.В. Ясновской
«Древнерусские древности Черниговщины
в историко-культурном пространстве и научной жизни региона»
(Чернигов, 2010),
представленной на соискание учёной степени кандидата исторических
наук
по специальности 07. 00. 01 — история Украины¹⁶²*

Я познакомился с Людмилой Васильевной Ясновской в 1991 г. на конференции, проводившейся к 150-летию со дня рождения Д.Я. Самоквасова на родине учёного — в Новгороде-Северском. С тех пор археологи и историки, а особенно историки археологии, с интересом обращали внимание на её содержательные исследования по истории археологического изучения Черниговской земли. Теперь эти публикации сведены воедино и дополнены новыми материалами. Этот синтез позволил выявить истинный масштаб проделанной работы. За тридцать с лишним лет научной работы я рецензировал множество изданий по историографии, оппонировал нескольким десяткам диссертаций, в основном неплохих. Но, пожалуй, впервые у меня возникла сакраментальная оценка: эта кандидатская по форме работа вполне соответствует критериям докторской. Такие случаи в нашей науке большая редкость. Впрочем, дело не в формальном формате текста — за ним стоит известное коллегам имя, а это поважнее степеней и званий. Недаром сам Александр Александрович Формозов (1928–2009) — основатель и признанный лидер нашего направления по истории отечественной археологии — ценил публикации Людмилы Васильевны, они включались в сборник к его юбилею. Мне привелось выпустить первую биографию Д.Я. Самоквасова, но из диссертации я узнал об этом «моём» персонаже немало интересного. Этот факт нашего детального знакомства с работами друг друга избавляет меня от необходимости подробного разбора диссертации и позволяет ограничиться общими квалификационными оценками её.

Объект изучения — черниговские древности. Они для культуры Руси несут, мы знаем, эталонный характер. Поэтому предложенная диссертанткой периодизация их открытия и изучения, в свою очередь, выходит за региональные пределы и может быть применена к развитию истории и археологии в России и на Украине в целом.

Исследование опирается на огромный архивный материал, введённый автором в научный оборот. Исследовательница счастливо сочетает квалификацию профессионального археолога-русиста, что позволяет ей судить о содержании старых коллекций, музейных фондов, и навык рабо-

¹⁶² Отзыв был послан в диссертационный совет Черниговского педагогического института, не публиковался.

ты с письменными, прежде всего, биографическими источниками. В диссертации мы найдем массу нового как о таких известных учёных, как В.Б. Антонович, Д.Я. Самоквасов, Н.Е. Бранденбург, Н.Е. Макаренко и многих других, так и познакомимся с целой группой более скромных подвижников археологии — антиквариив, краеведов-любителей. В отличие от естественных наук, где дилетантизм представляется нонсенсом, в гуманитарном познании, в истории и археологии, без добросовестных любителей не обойтись — на таких огромных территориях никогда не хватит специалистов, чтобы оперативно отслеживать состояние памятников старины, спасти их от разрушения и утраты. В работе Л.В. Ясновской показаны все этапы и стороны этой работы на сердцевиной для Древней Руси территории. Так что диссертация при всей её документальной фундированности носит отнюдь не описательный, а концептуальный характер.

Взятый для рассмотрения период охватывает по сути всю историю нашей археологии — от середины XVII в., когда состоялись первые некладоискательские поездки по поручению государства (рассмотрения ископаемой фауны на Харьковщине), до 30-х годов XX в., когда сталинские репрессии буквально выкосили ряды археологов и краеведов как на Украине, так и в остальной России ¹⁶³, и нашу науку пришлось после войны воссоздавать по сути заново.

Особым достоинством этой работы мне представляется тактичное сочетание украинских и российских установок в изложении и оценках материала — как известно, в последнее время с этим на Украине не всё было ладно (на взгляд с Москальщины). Из работы выносишь правдивое представление о том, как русские и украинские учёные сотрудничали, академические центры Киева, Чернигова, Москвы, Санкт-Петербурга образовывали единую систему борьбы за национальные древности. Некоторые шероховатости, даже конфликты на шовинистической, либо националистической почве находились далеко на заднем плане и не могли помешать этому взаимодействию (В этой связи сошлюсь на недавно опубликованные мемуары П.С. Уваровой) ¹⁶⁴.

Как уже отмечалось выше, материалы диссертации весьма полно апробированы — в многочисленных статьях и докладах автора на весьма представительных научных форумах. Я убеждён, что работу необходимо

¹⁶³ См., кроме основополагающей работы А.А. Формозова «Российские археологи и политические репрессии» (Российская археология, 2006), если угодно, и мои публикации: *Щавелёв С.П.* Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 3. Советское краеведение в провинции: взлёт и разгром (1920-е–1950-е гг.). Курск, 2002. 200 с.; «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 годов. (Курский «филиал»). Курск, 2007. 272 с., илл.

¹⁶⁴ В частности, мою рецензию на эти издания: *Щавелёв С.П.* [Рец. на кн.:] П.С. Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., Изд-во им. Сабашниковых, 2005. 296 с.; П.С. Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. Труды Государственного Исторического музея. Вып. 144. М., 2005. 336 с. // Вопросы истории. 2007. № 3. С. 170–172.

опубликовать монографически, снабдив иллюстрациями и документальными приложениями. Такое издание станет настольной книгой историков отечественной науки и культуры.

По моему убеждению, знакомство с диссертацией и её авторефератом позволяет признать диссертационное исследование Людмилы Васильевны Ясновской выполненным на высоком уровне, а её саму вполне достойной искомой учёной степени кандидата исторических наук.

4 мая 2010 г.

ПЕРВЫЙ СЛОВАРЬ КУРСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

Курск. Краеведческий словарь-справочник
/ Гл. ред. Ю.А. Бугров. Курск, 1997. 495 с. ¹⁶⁵

«... Всякий раз, когда мне попадается том, который ввёл меня в ошибку или огорчил меня неверной датой, пробелом, ложью и прочими напастями в археологии, — я говорю с горькой радостью: "Прочь, прочь от меня, предатель, обманщик, лжесвидетель, уйди подальше *vade retro*, — пусть ты, напрасно оценённый на вес золота из-за своей ложной, ворованной известности и красивого сафьянового переплёта, — пусть ты войдёшь в витрину ... библиомана: тебе его не совратить, ибо он читать тебя не будет"».

А. Франс.
Преступление Сильвестра Боннара,
члена Института.
1881 г.

Знакомство с рецензируемым изданием у большинства его потенциальных читателей произошло оперативно — все областные средства массовой информации со вполне понятным и оправданным удовольствием, даже энтузиазмом представляли курянам «краеведческий словарь-справочник» об их родном городе, увидевший свет на исходе 1997 года. Пришло, пожалуй, время более обстоятельно поговорить о достоинствах и недостатках этой, во многом действительно примечательной, новаторской, а главное — долгожданной книги. Ведь уже сейчас ясно, что ей суждена завидная читательская судьба — к ней часто и долго будут обращаться все те, кто интересуется культурой Курского края, её прошлым и настоящим.

Мое библиофильское сердце прежде всего радуется тому, что книга прошла положенную федеральным законом о бесплатном обязательном экземпляре рассылку в Книжную палату России и крупнейшие библиотеки государства. В «Книжном обозрении» уже отмечены её выходные данные: «Курск. Краеведческий словарь-справочник / Главный редактор Ю.А. Бу-

¹⁶⁵ В несколько сокращённом и отредактированном виде опубликовано: *Щавелев С.П.* Много у «Курска» достоинств. Но не о них разговор... [Рецензия на кн.: Курск. Краеведческий словарь-справочник. Курск, 1997] // Городские известия. Курск, 1998.

17 октября. № 125. С. 4–5.

Прочитано в кн.: Проблемы создания региональных энциклопедий. Материалы международного научно-практического семинара (Санкт-Петербург, 14–16 октября 2003 г.) / Отв. сост. *А.И. Раздорский*. СПб., 2004. С. 134, 415.

Здесь публикуется в первоначальной авторской редакции.

гров. Курск, издательский центр «Юмекс», 1997. 495 с. 10 000 экз.». По-путно посетую, что оправданная демократизация книгоиздательских порядков в 1990-е гг. обернулась, как у нас водится, их же анархизацией, так что многие курские якобы книжки в целях дурно понятой экономии выходят в свет без индексов библиотечной, торговой классификации и никуда за пределы области для обязательного, контрольного хранения не представляются.

Итак, перед нами первый мало-мальски систематический справочник по истории и культуре города Курска с древности до наших дней. Издание выполнено областной типографией «Курск» образцово с полиграфической точки зрения, весьма качественно и разнообразно иллюстрировано. Бумага, переплёт, суперобложка — на высоком уровне. Издание, в самом деле, достаточно энциклопедично по содержанию, отражая в какой-то степени факты, события, персоналии по таким сферам местной жизни, как природно-экологическая, административно-государственная, общественно-политическая, историко-краеведческая, археологическая, фольклорная, театрално-художественная, хозяйственно-экономическая, военная, архитектурная, спортивная, церковная, научно-педагогическая, газетно-издательская, многие другие.

Книга безусловно станет настольным пособием для весьма широкого круга читателей, в первую очередь учителей средних и преподавателей высших школ города и области; научных работников, журналистов, краеведов, сотрудников библиотек, архивов, музеев и других учреждений культуры нашего края и соседних областей центра и юга России. Заинтересованные вопросы об этом издании мне не раз задавали в письмах коллеги из Москвы, Воронежа, Брянска, с Украины.

Авторский и редакционный коллективы издания явили собой немалые возможности творческого союза краеведов-любителей (Ю.А. Бугров — автор идеи проекта, как сейчас говорят, и энергичный организатор её выполнения; А.Н. Манжосов, В.Б. Степанов, Н.Ф. Шахов и другие), учёных историков (доц. А.С. Амоскин, доц. И.Г. Гришков, доц. О.П. Запорожская, канд. ист. н. В.В. Захаров, доц. В.В. Енуков, проф. А.Н. Курцев, доц. Н.А. Постников, доц. В.В. Раков, проф. Я.Г. Солодкин, А.А. Терещенко, доц. К.В. Яценко, некоторые др.), филологов (доц. Н.А. Волкова, доц. Г.Е. Голле, доц. С.Б. Каменецкая, доц. Л.И. Ларина, др.) и профессионалов-практиков разных отраслей (архивистка А.С. Травина; музейные сотрудники Г.Н. Бампи, И.П. Нерубенко, И.М. Плаксин, В.И. Складчук, Г.Ю. Стародубцев, иные; архитекторы С.И. Фёдоров, С.Л. Писарев, Е.В. Холодова; журналисты В.Г. Воробьёв, Т.А. Грива, Л.К. Кутыкина; библиограф М.Ф. Шехирев; музыковед И.Ю. Татарская, филателист В.Л. Юрковецкий, многие другие).

Среди лучших, на мой взгляд, по научной новизне, источниковой информативности и достоверности подачи материала по очень сложным, слабоизученным проблемам выделяю статьи Л.О. Занозиной, Л.И. Лариной

о курском фольклоре и истории его изучения; А.В. Зорина (куряне в Русской Америке); петербуржца А.И. Раздорского (князя курские XI–XIII вв., «Повесть о граде Курске», «Памятные книжки губернии»); Я.Г. Солодкина, В.И. Склярука по истории Курска в позднем Средневековье и в начале Нового времени; В.Г. Воробьева по развитию курского спорта; В.И. Склярука, Е.В. Холодовой о храмах Курска; В.Б. Степанова о разных элементах городского ландшафта и формах прошлого быта курян.

Другие читатели-специалисты, конечно, дополнят мой перечень самых удачных материалов этого издания по разным отраслям науки и практики. А я теперь должен перейти к замечаниям и предложениям, без которых вряд ли мыслим отклик в жанре рецензии.

При следующем издании словаря (а оно когда-нибудь да последует), равно как и в случае его пополнения, доработки до аналогичного справочника областного масштаба, следует уделить гораздо большее внимание предварительному словнику — списку желательных и необходимых статей. Кроме неизбежных в любом словаре пробелов, сейчас заметна некоторая диспропорция в тематике отобранных для публикации материалов. Составители и редакторы сами оговаривают это в предисловии. Состав статей зависел, конечно, от реальных возможностей сегодня набрать подходящие данные по тем или иным разделам. И ждать, когда появится материал по каким-то отдельным, в принципе важным, но пока отсутствующим статьям, безусловно, не стоило. Однако серьёзные претензии возникают не столько к тому, чего в словаре нет, сколько к части того, что туда помещено. А также по поводу вполне реальных, но почему-то неиспользованных составителями возможностей местных авторов дать в словарь те или иные материалы.

Взять хотя бы опорный для любой энциклопедии пласт — персоналии. Вот передо мной рецензия на аналогичное издание — энциклопедию «Москва» (М., 1997. 976 с. 100 000 экз.), помещённая в том же «Книжном обозрении» (№ 13 за 1998 г.). Рецензия характерно называется: «Почему Ю. Лужков не попал в «Москву»». Директор издательства «Большая Российская энциклопедия» А.П. Горкин поясняет: «В издании нет биографий ныне живущих людей. Это наш принципиальный подход. Оценку должна дать история. Или же даётся формальная справка» — внутри обзоров столичных структур, организаций, предприятий да общих исторических очерков. Там, в частности, упоминается и бывший градоначальник Москвы Ю.М. Лужков.

В краевой энциклопедии вряд ли стоит подробно описывать биографии знаменитых людей, только лишь родившихся в Курске или проводивших здесь несколько лет, тем более когда в их творчестве здешние мотивы никак не отразились. А таких «свадебных генералов» в нашем словаре немало; причём эти «изюминки» просто выковыряны из общих энциклопедий, соответствующие статьи которых ничтоже сумняшеся пересказаны в местном справочнике.

Предлагаемый мной подход небесспорен, зато снимает целый ряд недоумённых вопросов, неизбежных к энциклопедиям типа курской. Почему, например, наших учёных или художников, врачей или инженеров, журналистов или, допустим, педагогов представляют на её страницах выборочные фигуры (как правило, весьма заслуженные сами по себе), а артисты драматического театра налицо буквально все подряд? Как резонно пишет мне один из коллег, познакомившись с краеведческим словарём, — «не только вполне заслуженные, вроде А.П. Буренко (1920–1997) или же Ф.Е. Горской (1906–1985), но и молодые актрисочки, у которых всё ещё впереди. Про каждую из них там написаны какие-нибудь громкие, помпезные слова («обладает разносторонними дарованиями», «самозабвенно отдаётся творчеству» и т.п.). Но про одну актрису не нашлось чего сказать. Так вышли из положения, сообщив, что та «побывала не только в районных центрах области, но и в самых отдалённых уголках нашего края». В стоящих на отшибе свинокомплексах, что ли?»

Улыбнувшись этому пассажи моего темпераментного корреспондента, я подумал, что с определением возраста словарных персонажей он мог и ошибиться. Ведь портреты многих, ныне уже пожилых деятелей курской культуры даны не просто в молодом, а, что называется, в самом нежном возрасте (давным-давно седовласого режиссёра ТЮЗа И.В. Селиванова, к примеру). Какое-то наивное краеведческое жеманство... Представляете, как бы в статье о, допустим, В.И. Ленине смотрелся портрет гимназиста Ульянова?.. Даты рождения относительно юных актрис и актёров смело указаны, а тех, что «на возрасте», нет. В последнем случае из текста статьи не всегда понятно, жив ли ещё её герой, о котором говорится в прошлом времени («был», «играл»). А ведь энциклопедия — это не буклет юбилейного бенефиса.

Ещё неприятнее для понимающего читателя то, что не выдержаны ни единый стандарт словарной статьи, ни, очень часто, сам стиль справочно-фактографической подачи материала. Редколлегия не особенно утруждала себя, пустив в дело сырьём все материалы, поданные авторами в самых разных жанрах и стилях. Тут и юбилейные статьи, и некрологи, и газетные заметки, и тезисы докладов, и фрагменты учебников да монографий, и обширные цитаты из личных дел, и стихотворные отрывки, и исторические анекдоты, и много чего ещё. Вряд ли им место в энциклопедии. Отдельные статьи непосредственно к Курску вообще никакого отношения не имеют (например, «Кушак — принадлежность одежды русского (?) человека»; «Городничий»; некоторые т.п.). А ведь словарно-энциклопедическому жанру противопоказаны слишком эмоциональные излияния, завышенные оценки, односторонние подходы, явные мифы и домыслы (их образчиком может служить статья «Богатыри» про легендарных курских силачей).

Чем опасна стилевая разносортница, покажу на примере следующего отрывка, открывающего статью об одном из видных деятелей науки и тех-

ники: «Н. родился в семье учительницы Ф., был третьим ребёнком. Задолго до рождения Н. муж Ф. покинул семью, уехал в Ташкент. Учительница сблизилась со своим коллегой Г., который и стал отцом Н. Однако семьи с Г. учительница создать не сумела, и третий ребёнок был записан на фамилию первого мужа». До меня лично с трудом доходит поведанная авторами статьи тайна происхождения их персонажа. Как мрачно шутят геологи о недрах Земли, «кто там на ком залегаёт и с чьего согласия?» А главное, зачем пересказывать многотысячным тиражом столь интимные подробности биографии вашего героя? Тем более на тесной площадке энциклопедической статьи о нём? Какое отношение они имеют к его дальнейшей деятельности? При чем тут вообще Ташкент? Чувство меры не раз и не два изменяет авторам и особенно редакторам справочника. Им явно жалко добытой тяжким трудом краеведа информации и они вываливают её на читателя всю, без разбора. Обратной стороной подобной неразборчивости выступает терпимость к явным пробелам в построении тех же самых статей.

К одним из них библиография дана, а к другим, однотипным, нет. В одних случаях отмечены и важнейшие источники, и исследовательская литература по теме статьи, а в других — то или другое по отдельности. Многие авторы статей вообще не отличают источников от литературы своего вопроса. Библиография повсеместно скудна, а ведь её ценность для читателя, обращающегося к энциклопедии за отправными для работы над какой-то темой сведениями, трудно переоценить. Как понять, скажем, отсутствие в статье о видном нашем филологе И.З. Баскевиче (1918–1994) какого бы то ни было упоминания о его главной, по-моему, работе — про курские корни и мотивы «Слова о полку Игореве»?

Словарь верстали люди, явно не дружащие с библиографией. Трудно установить даже точные выходные данные этой книги. Титульные сведения расходятся с библиографической аннотацией на обороте титульного листа, а во вводных разделах фигурирует ещё один вариант названия — «Курск от А до Я». Главная, обзорная статья — «Курск», с которой издание правильно начинается, тут же повторяется в немецком и английском переводах. А их ведь принято помещать в конце русскоязычных изданий. Хотел бы я видеть британскую или германскую книгу, начатую русским дайджестом! Очень затрудняет пользование словарём отсутствие указателей к нему, прежде всего именного и географического. Нет даже полного списка использованных сокращений. Читателям предстоит поломать голову над массой аббревиатур вроде ВОЛЖД, КОКМ, УГМС, КОКО, мн. др. (Помните, в романе И. Ильфа и Е. Петрова по поводу такого головотяпства фигурируют «Мастерские ФОРТИНБРАСА при УМСЛОПОГАСЕ»?). Оказывается, КОМА, — это Курский областной музей археологии... Вот поди ж ты. Отсутствуют принятые в любой энциклопедии перекрёстные ссылки на имена и реалии, в этом издании неоднократно упоминаемые.

Встречаются в тексте и невычитанные редакторами прямые нелепицы, вроде тавтологичного заглавия статьи «Тускарь, Кур и Курск — топонимы географических названий». «Топоним» — переводу почтенному автору — это дословно и есть название географического места («топос» по-гречески «место», а «онима» — «имя»). Кстати сказать, эта статья дублирует две других (и одновременно противоречит им) — «Кур» и «Курск».

А после рассказа о том, как гимназист А.Г. Уфимцев в 1898 г. взорвал динамитом главную православную святыню края — икону Знамения Божией Матери в Знаменском соборе и был за это осуждён к тюремному заключению, многообещающе сказано: «Жажда изобретательства не оставляла его...»

Особенно озадачивает своей пестротой финальный список авторов словаря: должности, степени и звания, профессии одних даны полностью, иных «многоэтажно», других в сокращениях, а у третьих вульгарно искажены даже инициалы. Если, допустим, Иосиф Шайевич Френкель (между прочим, мой многоуважаемый учитель по историческому факультету Курского педагогического института) — кандидат исторических наук, доцент, то так и надо его представлять в списке авторов. Фантасмагорично выглядят в этом списке имена давным-давно покойных людей — журналиста А.А. Танкова (1856–1930), историка Ю.Л. Райского (1927–1984), чьи старопечатные материалы без всяких поправок, вопреки авторскому праву их наследников включены в словарь.

Как говорится, «всё это было бы смешно, когда бы ни было так грустно...» Ведь высказанные замечания — сугубо технического характера, для решения соответствующих задач не требовалось особых затрат денег и времени, нужна была обычная редакторская, полиграфическая работа, элементарная культура (кстати сказать, неизменная в советские времена пресловутого Главлита).

Одни статьи (далеко не по самым важным персонам и вопросам) безбожно растянуты, а другие досадно лапидарны (всего один абзац даже по поводу герба города Курска).

В процессе подготовки словаря к печати я уже делился с читателями «Городских известий» своими опасениями относительно идеологической, партийно-политической ангажированности этого издания. К счастью для читателей, особенно молодых, партийные пристрастия авторов и редакторов сказались на его страницах не так ярко, как могли бы (судя по прочим их же публикациям). Конечно, всевозможные деятели РСДРП – ВКП(б) – КПСС – ВЛКСМ количественно многократно преобладают среди персоналий по сравнению с представителями других российских партий и беспартийными земляками, но на данном этапе изучения новейшей истории края это, видимо, неизбежно. Хотя и сегодняшние возможности составителями словаря реализованы в этом плане довольно однобоко.

В будущем курская энциклопедия должна, наверное, обогатиться материалами о знаменитых, доблестных офицерах Белой армии, в свою оче-

редь освобождавшей Курск от оккупации войсками красных. Диковато звучит? Смотри на чей слух. Словарь достаточно подробно повествует о красногвардейцах, игнорируя по старой, большевистской памяти их противников. А ведь и среди белых имелись искренние патриоты России. Сегодня это понятно даже школьникам. В словаре же белогвардейцы фигурируют не иначе, как «каратели», «оккупанты», «мародёры» и т. п. изверги. Есть статья «Режим Добровольческой армии», но нет статьи «Курск под гнётом Троцкого и Будённого». Вообще, почему всяческие бунтовщики, забастовщики, подпольщики, террористы, повстанцы, каторжники, «погромщики царских (?) сапёрных казарм», чекисты и вообще революционеры в словаре представлены как на подбор, а губернаторы, предводители дворянства, городничие, руководители земства, депутаты Государственной Думы, купцы, помещики, промышленники — в лучшем случае единично? Стоит подумать, чей вклад в региональную культуру весомее.

Правда, статьи (хотя бы сводные, сугубо конспективные) о некоммунистических партиях (кадетах, эсерах, октябристах, черносотенцах, анархистах) на территории Курской губернии в предреволюционный период в словаре уже появились. Их авторы — историки В.Ю. Байбаков, И.Н. Мелютина, В.В. Раков, Н.М. Салпанов — демонстрируют образец объективного, разностороннего, фактического изложения соответствующих событий. Это достойный пример другим авторам для подражания, извлечения уроков на будущее редакторами словаря.

Судя по словарю, в Курске и его области как не бывало революционного террора — арестов, расстрелов и реквизиций, чинившихся Чрезвычайной комиссией, а затем ГПУ — НКВД; раскулачивания, голодовок, разграбления церквей и монастырей, национализации имущества кустарей и торговцев, сталинских репрессий против ни в чём не повинных обывателей. Да никакие немецкие оккупанты при всей их лютости не погубили столько курян, как свои же собственные земляки — «неистовые ревнители» социалистической утопии. В одном — зловещей памяти 1937 г. курские чекисты арестовали 8354 своих земляка и больше трети их сразу же расстреляли (архивные данные В.В. Ракова и В.Г. Карнаевича). Замалчивание этих жертв, понесённых нашим народом, просто безнравственно. Тем более что материал об этих ужасных событиях за последние годы уже накоплен местными исследователями, немало публиковался в периодике, представлен целыми учебными пособиями.

В статье про памятники (монументы) города половина текста и единственная иллюстрация демонстрируют статуи В.И. Ленина. Скажите на милость, кто не видел этих изображений «человека с протянутой рукой»? Хоть один из десятков «маловысокохудожественных» памятников ему убран с курских улиц и площадей?

Ещё деликатнее вопрос о представителях разных религиозных конфессий. Почему-то статья о Л.А. Лебедеве, поменявшем священство в Русской Православной церкви на служение Церкви зарубежной, в два с лиш-

ним раза превышает статью о законном архиепископе Курском и Рыльском Ювеналии.

Статья и подробная про областную газету «Курская правда» в словаре налицо, а вот собственно городские газеты сегодняшнего Курска, в том числе его официальный печатный орган — «Городские известия» обойдены вниманием редколлегии. Как будто журналистам соответствующих изданий трудно или долго написать о своих печатных детищах!?

Некоторые пробелы в словаре особенно досадны, потому что благодаря им опущены самые выигрышные, приоритетные для истории и культуры Курска моменты. Так, в статье о Феодосии Печерском много внимания уделено второстепенным для широкого читателя источниковедческим деталям, но вовсе не раскрыта картина жизни в древнерусском Курске и его округе, столь подробно и живописно представленная в «Житии» этого святого. А «Слову о полку Игореве» отведена анонимная микроскопическая статейка, где даже не упомянут знаменитый панегирик «курянам — сведомым кметям» из этой замечательной поэмы. Отсутствуют в словаре отклики на весьма колоритные курские мотивы в произведениях великих русских писателей — например, И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, А.К. Толстого, А.П. Чехова, кое-кого ещё, а также выдающихся служителей прочих муз.

Близок к нулевой отметке этнографический аспект словаря.

Разочаровывают едва ли не центральные для подобного издания статьи — «Общества краеведения», «Курская губернская учёная архивная комиссия», «Труды краеведческие», минибиографии отдельных краеведов. Материал там изложен выборочно, описательно. Планы, замыслы краеведов не сопоставлены с реальными результатами их деятельности, а эти последние с нынешним уровнем научного познания. Стандартные похвалы былым исследователям Курского края не оставляют места сравнению, аналитическим оценкам опыта наших предшественников. Хотя курскими исследователями (Л.М. Рянским, Н.А. Постниковым, И.Д. Чепелевой, Г.Ю. Стародубцевым, другими) накоплен богатый материал по самой истории курского краеведения, частично уже опубликованный, даже защищённый в виде диссертаций, но в настоящем справочнике никак не востребованный.

Короче говоря, авторам и особенно редакторам дебютировавшей курской энциклопедии не стоит почивать на заслуженных, в общем-то, лаврах. При подготовке дальнейших изданий такого рода их предварительное обсуждение авторитетными представителями высшей школы, городской администрации, общественности должно быть более тщательным, открытым, нелицеприятным. Ведь эти книги являют наш город всей стране, не только современникам, но и читателям будущих поколений. Такая миссия слишком ответственна, чтобы спешить её недоделать.

КРАСНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ С БЕЛЫМИ ПОЛЯМИ

*Большая курская энциклопедия. Гл. редактор Ю.А. Бугров. Т. 1. Персоналии. Кн. 1. А–К. Курск, 2004. 412 с.; Кн. 2. Курск, 2005. 233 с.; Кн. 3. Курск, 2005. 274 с.*¹⁶⁶

В 1997 году вышел в свет «краеведческий словарь-справочник» «Курск». Недавно, в 2004–2005 годах у него появилось «потомство» — сразу три тома Большой курской энциклопедии» (БКЭ), посвящённые «персоналиям» знаменитых курян. Над новыми томами работал в основном тот же коллектив авторов во главе с Юрием Александровичем Бугровым, инженером на пенсии, который на протяжении всех постсоветских лет возглавляет Курское общество краеведов. В своё время мне пришлось помещать в курских «Городских известиях» развёрнутую рецензию на тот одготомный словарь. Были на него и другие отзывы в печати. Кое-какие критические замечания авторы нового трехтомника учли. Идеологические пристрастия авторов статей теперь заметны гораздо меньше. Князья и воеводы, революционеры и жандармы, красные и белые герои Гражданской войны, сталинские маршалы и власовские офицеры, многие другие деятели самых разных отраслей науки и практики, оставившие свой след на курской земле, представлены теперь, как правило, в справочно-фактологических, а не в партийно-пристрастных, публицистических тонах.

Кроме того, новое издание вобрало в себя гораздо больше биографического материала и в этом, пожалуй, его главная заслуга. С начала Курска и его округа в XI в. и по начало века XXI в современных границах Курской области. Любой житель или уроженец Курска и его области, тем более школьник, студент, учитель, журналист, библиотекарь, учёный, найдёт для себя в каждом из трёх томов немало интересных сведений.

Издание полиграфически добротно — большой формат; красно-муаровая, с золотым тиснением обложка; много фотопортретов; хорошая бумага.

Среди авторов, написавших о своих героях наиболее грамотно, взвешенно, информативно, я бы выделил А.И. Раздорского (курские князья, воеводы, церковные иерархи); Ю.В. Озерова (купцы, промышленники, чиновники); В.В. Потапова (метеорологи, земские деятели); А.Н. Манжосова (железнодорожники, чекисты); Н.А. Постникова (милиционеры); покойного И.Г. Гришкова (военные); Ю.П. Скосарева (врачи); Е.В. Холодову (архитекторы); Е.М. Богатырёву (актёры); А.В. Зорина (курские землепроходцы Русской Америки, археологи); В.Б. Степанова (императоры, губернаторы); Г.А. Салтык (эсеры и активисты других политических партий); И.Ю. Татарскую (музыканты; её статья о Г.В. Свиридове могла бы стать этало-

¹⁶⁶ В сокращённом виде рецензия опубликована журналом: «Вопросы истории». 2006. № 4. Ещё один фрагмент этой рецензии см. в газетной заметке: *Щавелёв С.П.* Об ответственности историка // *Городские известия*. 2006. № 73. 17 июня. С. 4.

ном словарного представления самых «знаменитых земляков», но, увы, не стала — остальные курские уроженцы столь же выдающегося ранга даны авторами соответствующих статей как-то куце, скупо). Эти и некоторые другие авторы энциклопедии хорошо известны читателям краеведческих страниц областной периодики и прочей литературы регионального жанра. Именно благодаря их архивным разысканиям, исследовательскому труду последних лет и удалось превратить курский словарь в подобие энциклопедии.

Удовлетворение от солидного объёма и тематического размаха нового справочника отчасти выветривается, когда замечаешь множество ошибок, пробелов и просто нелепостей на его страницах.

Эпитет «большая» применительно к региональной энциклопедии, пожалуй, излишен. Это первый симптом краеведческой склонности к гиперболизации местных реалий. Рецидивы этого симптома в нашей «красной книге» неоднократны. Многие авторы статей наивно тщатся преувеличить заслуги своих героев перед наукой или практикой. Так, автор нескольких популярных псевдоисторических книжек в церковном духе Л.А. Лебедев (1935–1998), священник-расстрига, переметнувшийся из Русской Православной церкви в зарубежную, представлен как автор «фундаментальных трудов». Карамзин и Соловьёв, как говорится, отдыхают... Заметно, что большинство статей о наших современниках писалось их близкими людьми, а то и самими персонажами о себе любимых (с формальной подписью какого-то знакомого, а то и без неё). В таких случаях неминуемо завышение оценок и самого объёма материала о том или ином лице. Однако редакторской правки таких панегириков не чувствуется. Справочные сведения порой перемежаются повествовательными пассажами и лирическими отступлениями, что для энциклопедического жанра явно излишне.

В «знаменитые земляки» по-прежнему зачисляются скопом все те, кто родился, учился или же просто побывал в любом возрасте на курской земле. Одни из них действительно старались поддерживать связь со своей малой родиной, периодически посещая её и принимая у себя коллег-курян. У других жизнь явно обрубил курские корни. Например, авиаконструктор С.А. Лавочкин, закончив гимназию в Курске в 1917 г., вряд ли бывал здесь позднее. Но представлен в энциклопедии со всеми регалиями. Белогвардейский офицер Н.В. Скоблин недолго побывал в Курске во время наступления на Москву Добровольческой армии и затем женился на здешней уроженке, известной певице Н.В. Плевицкой. То, что его военная карьера начиналась в пехотном Рыльском полку, никакого отношения к нашему краю не имеет — почётные названия полков не были связаны с их реальной дислокацией. Однако статья о Скоблине даже побольше, чем о его супруге. Замечательный цыганский певец Н.А. Сличенко «родился в таборе, кочевавшем по южным районам Курской области». На этом основании в курской энциклопедии перечислены все его творческие достижения в московском театре «Ромэн», в кино и на эстраде. Космонавт Г.С. Титов одна-

жды «был в Курске, выступал на митинге» и, разумеется, попал с портретом в «Курскую энциклопедию». Такого рода «почётных друзей» Курского края в энциклопедии не меньше, если не больше, нежели действительно земляков.

Метода их поиска проста: подряд листать настоящие энциклопедии, другие справочники, выискивая упоминание Курска как места рождения или временного пребывания того или другого персонажа. Но если курскому биографу-библиографу нечего прибавить к уже собранным историками сведениям о нём, то в простом пересказе этих данных нет особого проку. Разве что лишний раз потешить авторское тщеславие «краеведа». Зачем в крошечной заметке о курском учителе, ботанике А.М. Мизгере (1835–1891) ссылаться на том «Брокгауза-Ефрона», когда формулярные списки о службе этого председателя Курского статистического комитета имеются в областном архиве и пересказаны они в ряде современных изданий (Ю.А. Бугрова, С.П. Щавелёва)?..

Диковато выглядят такие персонажи энциклопедии, как фельдмаршал фон Манштейн, его соратники-эсэсовцы, воевавшие на Курской дуге; «батько» Нестор Махно, чьи тачанки прошли в 1921 г. Курскую губернию по касательной (якобы «лидер мелкобуржуазного (?) революционного движения»). Статья о Махно по объёму такая же, как статья про Евгения Ивановича Носова, наиболее известного курского писателя советского периода. Эту последнюю написал не учёный-литературовед, а сам Ю.А. Бугров (на досуге от краеведческих трудов поэт и рассказчик-графоман).

Портреты многих членов редакционного совета энциклопедии в ней помещены, а таких персон, как композитор А.П. Бородин, «бабушка русской революции» Е.К. Брешко-Брешковская, маршал Л.И. Брежнев и т.п., нет. Понятно, «кто более матери-истории ценен...»

Партизана-героя Великой Отечественной войны Д. Беспарточного в энциклопедии нет, а его сын, мирный журналист, присутствует, конечно, с портретом. Ещё бы — он заслуженный работник культуры РФ!

Роль редакционной коллегии в этом издании какая-то странная. Группа редакторов разбита на несколько частей — тут и «научно-редакционный совет», и собственно «редакционная коллегия», и «группа научных консультантов», и «редакция библиографии и транскрипции», и «техническая редакция». Всего более ста человек. Большая часть — так называемые «свадебные генералы», которые реально ни одной энциклопедической статьи не отредактировали. Станет, допустим, москвич, ректор МГСУ (бывшая Московская партийная школа) В.И. Жуков это делать? Заведомо ясно, нет. Будь профессор А.Т. Хроленко реальным участником редакторской работы, пропустил бы он ляпсус в статье о самом себе? Вряд ли. Другие специалисты, напротив, хотели бы активно поучаствовать в доведении до ума столь важного издания. Но к ним не прислушались, по сути — отмахнулись. Так, В.Б. Степанов подготовил книгу о курских наместниках и губернаторах. Но в нашей энциклопедии далеко не все они представлены.

Статьи о них В.В. Береснева неплохи, но почему бы не использовать и богатые материалы В.Б. Степанова?

А.И. Раздорский, сотрудник Российской Национальной библиотеки (Санкт-Петербург), ведущий в стране специалист по справочной регионалистике, один из лучших знатоков именно курской истории, жаловался мне, что передал в Курское краеведческое общество целый список поправок и предложений по макету этого издания, но ни одна его инициатива учтена не была. Более того, в его собственных статьях, помещённых там, допущены непонятные искажения (например, известный Симонов монастырь в Москве переименован в «Сафонов»). Надо ли повторять, что в составе «редакционного совета» Раздорский числится.

Я сам в «редакционном совете» тоже числюсь, но к работе этой не привлекался, только отдал Ю.А. Бугрову свои материалы. Без моего ведома многие из них кем-то переделаны. Статья «Липкинг», допустим, отнесена к моему авторству. Но большая часть текста мне не принадлежит. Подробно перечислены многочисленные места его работы, в том числе за пределами Курской области (слесарь, молотобоец, адвокат, юрисконсульт, учитель, директор школы, преподаватель...). Кому это нужно в энциклопедии? Напротив, самое важное — о здешних раскопках и разведках, полевых находках археолога Липкинга; об исторических романах (недавно переизданных) писателя Липкинга не сказано ни слова! Ни одна книга его не названа ни в тексте статьи, ни в библиографии. После фамилии «Липкинг» добавлено: «(наст. фам. Липкин)». Не писал я такого! Это уже откуда-то из области «борьбы с космополитизмом» редакция откопала... Демонстрируя неизбывный свой антисемитизм, присущий посткоммунистам вроде Бугрова. Липкинг по паспорту был Липкингом. И сын его — Липкинг, а никакой не Липкин.

В другой из якобы моих статей «Губернский статистический комитет» превратился в несусветный до революции «Госстаткомитет».

Ещё пример. Профессор А.Т. Хроленко представлен как «теоретик и практик русского фольклора». Теоретик фольклора он действительно не только всероссийски, но и всемирно известный. Но практика фольклора — это же сказительство, исполнение былин, песен и т.п. Получается, заслуженный деятель науки бряцает на гусях? Подрабатывает акыном? Танцует гуцульские танцы? Нет, разумеется. Фольклор вообще не имеет индивидуального авторства, это народное творчество. Опять безграмотность, причём явно не авторская, а редакторская, произвольная.

Подобная несогласованная перекройка авторского текста — просто «головотяпство со взломом» (И. Ильф и Е. Петров). Налицо прямой ущерб научной репутации тех авторов, с текстами которых краеведы-организаторы издания поступили столь бесцеремонно.

На самом деле тексты статей «редактировали», как видно, несколько человек из «актива» краеведческого общества, причём достаточно грамотных людей среди них не нашлось. Они называют свой кружок любителей

местной истории «Курское областное научное краеведческое общество». Как известно, сколько ни говори «халва», во рту слаще не станет. Жаль, что учёные курских вузов, в первую очередь историки и филологи, другие специалисты, оказались привлечены к энциклопедической работе весьма выборочно. По сути — единично.

Объём статей очень разный. Есть подробные, не уместяющиеся на одной странице, а есть крошечные. Статья о рыльском прорабе и краеведе Н.Н. Чалых (1939 г. рождения) по объёму раз в пять превышает статью о Л.Н. Толстом, неоднократно посещавшем Курскую губернию, поместившем впечатления отсюда в свои произведения. Порой краткость вынужденная, потому что сведений о каком-то лице найти почти не удалось. Но во многих случаях искать необходимые данные просто не стали, не сумели найти. Ничего кроме рода занятий и почётного звания и не указывается. Перечислили, допустим, многих «заслуженных учителей РСФСР», «героев соц. труда», орденосцев из крестьян да рабочих, т.п. «знатных» в советском прошлом людей, а вот заглянуть в их формуляры по месту прежней работы авторам было явно недосуг. Хотя иные из них ещё здравствуют и проживают в Курске и его области. А в энциклопедии о них — одна или две строчки. Так человек растворяется авторами энциклопедии в своём почётном звании или ордене.

Ещё обиднее, когда курский материал оказался недовыявлен в творчестве действительно знаменитых русских людей. Например, рыльский уроженец, известный ленинградский историк В.В. Мавродин затрагивал исторические судьбы Курщины в своих «Очерках истории Левобережной Украины», недавно переизданных (СПб., 2002). Но именно этой работы, одной из немногих по Северной земле, куда в Средние века и в начале Нового времени входил и Курск с округой, в статье Ю.А. Бугрова о Мавродине не упомянуто. Но ведь энциклопедия-то курская!

О Николае Семёновиче Лескове, конечно, правильно сказано, что писатель «во многих своих произведениях описывал нравы и обычаи Курского края», воспел курскую природу. Однако произведения эти не отмечены, в библиографической справке указаны почему-то общие энциклопедии, а не сочинения самого писателя; не его двухтомная биография, подготовленная сыном; не работы курских филологов, где проза Лескова проанализирована под курским углом зрения. Нисколько не умаляя героического труда курских доярок, телятниц, свинок, машинистов, механизаторов, комбайнеров, свекловичников, «партработников», чекистов, особистов и всех прочих персонажей энциклопедии, нельзя же о них писать подробнее, чем о гениях мысли и слова, прославивших курскую землю на весь мир!

Зато почти все члены редколлегии поместили о себе портретные статьи.

Статья «А.А. Фет» — крошечная. Ни слова о двадцати международных Фетовских чтениях, проведённых нашим университетом в нынешней

фетовской Воробьёвке; о мемориальном музее поэта там; о перспективах музеефикации его курской усадьбы. Автору статьи Ю.А. Бугрову неведомо, что Курский университет вкупе с Пушкинским домом (Институтом русской литературы РАН) выпускают сейчас первое академическое собрание сочинений писателя. Сведения о нём почерпнуты из «Краткой литературной энциклопедии» 1972 г.

Зато о Михаиле Светлове, который провёл в Курске пару дней в феврале 1962 г., статья в пять раз больше, чем о Фете, пережившем здесь «золотую осень» творческой биографии и обессмертившем курскую природу в своих «Вечерних огнях». И, конечно, составители не забыли упомянуть «настоящую» фамилию Светлова (Шейнкман). А у Фета — Шеншин. Хотя критерии «настоящности» этих фамилий далеко не те, что видятся авторам Курской энциклопедии.

Большая статья о К.М. Симонове, который однажды «провёл в Курске литературный вечер». Называть этого фронтового журналиста и сталинского любимца «участником Курской битвы» — явное преувеличение. Он о битве писал, сидя в лучшем случае в блиндаже. Нет Семёна Гудзенко, воевавшего как раз в окопах и написавшего: «Обаянье милой Обояни, / Прохоровки дым пороховой...»

Или вот А.Н. Толстой («граф, писатель», согласно БКЭ). Оказывается, в 1918 г. «его путь пролегал через Белгород, который в то время был занят германскими войсками». На этом веском основании портрет «советского графа» и статья о нём пополнили курскую энциклопедию. Если учесть, сколько известных людей пользовались услугами Московско-Курской железной дороги, то объём нашей энциклопедии мог бы вырасти во много раз...

Другие русские писатели, в свою очередь воспевшие курскую природу и историю, как-то оценившие Курск и курян, оказались за бортом БКЭ (Скажем, Глеб Иванович Успенский, А.П. Чехов). По незнанию составителей, а порой и по упорному краеведческому нежеланию обнародовать любую критику своей малой родины. Нелестные отзывы о курянах оставили автор знаменитого словаря В.И. Даль или же посидевший в курской тюрьме поэт-абсурдист Д. Хармс. Надо ли говорить, что в «большой» энциклопедии места им не нашлось. Ещё бы, ведь Даль охарактеризовал курян как «народ работающий, но вороватый и злобный», а Хармс писал К.И. Чуковскому, что в курской тюрьме он встретил изысканное общество интеллектуалов, а вот в самом городе сплошь тупые обыватели. Н.В. Гоголь тоже отозвался о Курске нелестно, за что, как видно, и был представлен Ю.А. Бугровым как «великий русский драматург, публицист, критик». Интересно, на каком из этих поприщ он сочинил свою главную «поэму»?

Вообще основные заслуги того или иного лица, то есть именно то, благодаря чему оно и удостоилось чести попасть в энциклопедию родного края, чаще всего вовсе не конкретизированы в соответствующих статьях её. Так, из статьи о покойном историке И.Г. Гришкове можно узнать всё

что угодно о его фронтовом и трудовом пути, кроме главного для его основной профессии — чему же были посвящены его научные труды? А ведь он был ведущим специалистом по истории ленинского плана электрификации России.

Относительно профессора В.П. Пашина из технического университета разъяснено, что он успел поработать на курском трикотажном комбинате, а в процессе учёбы на историко-педагогическом факультете состоял «в числе организаторов всемирного детского фестиваля "Пусть всегда будет солнце!"». Однако ни тема докторской диссертации, ни названия его пяти монографий не расшифрованы. Чем же тогда измеряются заслуги «знаменитых земляков» перед их малой родиной? Как говорится, «по Фрейду», авторы этой и похожих статей о самих себе невольно выдают, что на самом деле им дорого и мило — комсомольское прошлое или вынужденное после краха СССР и разгона КПСС занятие наукой.

Музейный работник В.И. Складчик — автор статьи «Курск» в энциклопедии «Города России». Этот факт в статье о нём пропущен. Хотя именно по этой статье будет судить о нашем городе множество читателей.

Библиографический аппарат издания вообще ниже всякой критики. Он практически отсутствует. Читатели, которые пожелали бы ближе познакомиться с творчеством героев БКЭ и с литературой о них, мало чем смогут «поживиться». У подавляющего большинства статей в качестве источника фигурирует невнятный абсолютному большинству читателей «личный архив автора статьи» или же ссылки на другого рода справочники, прежде всего вышеупомянутый словарь «Курск» 1997 г. Но ссылка одной энциклопедии на другую вполне наивна, ничем не помогает заинтересованному читателю. В результате заметный процент бумажной площади всех трёх томов использован не по назначению, просто загублен.

Нет никакого единообразия в указании рода занятий персонажей, явно коллег по профессии. Одни старшие офицеры названы «военачальниками», другие «полковниками», а у третьих вместо профессии указано — «Герой Советского Союза». У «рабочих-революционеров» (вроде рыльского крестьянина Ф.М. Мантулина) не отмечена их партийная принадлежность. А чего стоит определение рода занятий Ю.А. Першина — «поэт-прозаик». Именно так, через дефис обозначен род занятий этого курского врача, ставшего литератором. Серафим Саровский, оказывается, не просто канонизированный Русской Православной церковью её деятель, но «преподобный чудотворец» (статья Ю.А. Бугрова, коммуниста по убеждениям). Это уже напоминает «почётного святого» из «Голого короля» Е.Л. Шварца. О курском помещике Д.Н. Тютчеве, родном дяде великого поэта, сказано буквально следующее: «... Совершал разбойные набеги на соседние усадьбы. Занимался поэтическим творчеством»... Надо понимать, в промежутках между «мокрыми делами» (Малограмотного автора этой статьи Г. Шпилёва никто из сотен заявленных редакторов не поправил). «Учёный-педагог» Т.В. Цырлина, оказывается, «родилась в семье

детского врача и учёного-философа В.А. Блюмкина». Ей же ей, не каждый читатель сразу догадается, что «детский врач» и «учёный философ» — разные лица, а именно муж и жена, родители будущего педагога.

Бросающиеся в глаза опечатки не выправлены. «Археолог-палеонтолог» А.А. Чубур «в 1988–1990 преподавал в Курчатовской средней школе № 5». А Н.П. Бибииков служил курским губернатором якобы «с 1856 по 1961 гг.», то есть больше ста лет, от Николая I до Н.С. Хрущёва. Какая-то «машина времени» видится за такими датировками курской энциклопедии...

Да и как люди, причастные к этому фантазмагорическом изданию, не поймут, что писать длинно и подробно, с перечислением изрядного количества газетных публикаций и каких-то рукописей песен, о молодом (1966 г. рождения) кандидате исторических наук — кстати упомянутом Чубуре, и не о нём одном из ныне здравствующих земляков, но кратко, скупко о множестве мировых знаменитостей, давно умерших деятелях русской истории — просто странно, а по сути кощунственно...

Акцент на награды и премии, всяческие отличия, которых удостоились персонажи энциклопедии, порой переходит границы реальности. Наряду с авторитетными инстанциями таких поощрений за последние годы, как известно, расплодилось немало «общественных академий» и прочих мошеннических проектов. Многие из них с наивным тщеславием вставлены в нашу энциклопедию. Ворох наград обрушился, оказывается, на ныне здравствующих курян: медаль имени императрицы Марии Фёдоровны, золотой знак имени Петра Великого, звание рыцаря науки и искусств, персональный общественный орден «За честь и доблесть»; членство в каких-то химерических объединениях вроде «Российского имперского союза-ордена», «Академии гуманитарных наук», «Петровской академия наук и искусств», «Академии наук о природе и обществе», «Академии российской словесности» и т.д. и т.п. до бесконечности.

Например, агроном О.Г. Ревенков (1950 г. рождения), помимо прочего, — «генерал-майор казачьих войск, награждён орденом св. Георгия 4 ст.».

Полная грудь ведомственных наград у курского врача на пенсии и краеведа А.Н. Манжосова. Раз краеведение помогло ему стать «почётным жулезнодорожником», тогда историка курской прокуратуры надо производить в её почётные работники, а историкам Отечественной войны присваивать воинские звания?

С каким же недоумением воспримут всё это куряне — кавалеры настоящих боевых и трудовых наград, не купленных, а заслуженных почётных званий?!

Чёрточки явного абсурда чередуются в энциклопедии с досадной невнятицей. Про певицу Н.В. Плевицкую написано, что она «в годы революции — в красноармейских частях, в госпиталях». Кем? Женщина в воен-

ных частях... Бойцом? Пела? Работала санитаркой? Бедному читателю остаётся гадать.

Из статьи о [покойном] В.И. Поветкине невозможно понять, где именно «работает с археологами» этот самородок по части реставрации древнерусских музыкальных инструментов. Так вот, Новгород Великий, где он жил и трудился, где в 2011 г. его имя присвоено реставрационному центру музыкальных древностей, не упомянут, зато перечислены те курские учебные заведения, кои Поветкин так и не закончил по молодости лет.

В.В. Левченко (1934 г. рождения) назван «учёным-историком». Его кандидатская «диссертация посвящена проблемам военно-патриотического воспитания населения Владимирской области». Смею утверждать, что наука, тем более историческая, такой тематики не знает. На самом деле перед нами бывший директор Курского краеведческого музея, поставленный туда в позднесоветское время по номенклатурной разрядке как пенсионер вооружённых сил. Так и написали бы — «офицер, музейный работник». Нет, надо польстить знакомому — и автор статьи А.Ю. Друговская выступает в ипостаси басенной кукушки, которая хвалит петуха — за то, что, как известно, хвалит он кукушку...

Так же — «учёным-историком» представлен Г.В. Саенко, успевший пару лет поработать последним секретарем Курского обкома КПСС, незадолго до его бесславного роспуска. Нашедший после этого приют во всё той же Московской партийной школе, преобразованной в «Московский социальный университет» (а проректором каким-то там до сих пор числится бывший курский губернатор А.В. Руцкой). Хоть бы тему «исторической диссертации» Саенко указали составители курской энциклопедии. А ведь по образованию этот человек — авторемонтник, окончил, как явствует из той же статьи о нём, «институт механизации и электрификации сельского хозяйства».

В целом ряде случаев профессия обозначена вовсе неадекватно. Допустим, завуч и директор педагогических учебных заведений С.А. Ладыженский (1901–1938) назван «организатором педагогической науки (?)». На деле он, конечно, просто готовил кадры учителей.

Г.П. Огорокова представлена как «партийно-комсомольский работник», хотя сначала она трудилась, естественно, на разных должностях в комсомоле, а потом уже — в КПСС (наверное, у автора статьи инстинктивно сработало чувство иерархии: партия — наставник комсомола...).

Специалиста по гражданскому праву в юриспруденции называют цивилистом. В БКЭ же придумали нелепые «цивильные науки».

Н.А. Ткачёв попал в энциклопедию как «зам. губернатора». Как будто он им родился! На самом деле он «юрист, работник прокуратуры».

Некоторые данные энциклопедии вызывают сомнение (только не у её редакции!) Так, об историке КПСС Л.С. Полнере в энциклопедии сказано, что он «подготовил 12 докторов и 80 кандидатов исторических наук».

Если прикинуть, что сам он доктором наук стал в 1968 г., а умер в 2001-м, то получается, что ежегодно он выпускал по три питомца с учёной степенью. Вот так производительность учёного труда!.. В Курске ей нет аналогов.

Н.Г. Кононов постарался написать обо всех своих коллегах по корпусу депутатов тогдашней Курской областной Думы. Как депутаты все эти врачи, педагоги, инженеры, предприниматели и представлены в БКЭ. Все ли переизберут на областной «олимп» следующего созыва? Между прочим, львиная доля небольшого тиража этого издания и ушла, сколько мне известно, в областную Думу, чтобы её депутаты могли любоваться своими портретами. В продажу новая энциклопедия практически не поступала. Тираж её томов — от 800 до 500 экземпляров. Как явствует из предисловия к первому тому, энциклопедия «не нашла должной и своевременной финансовой поддержки в администрации Курской области» и большую часть денег выделил А.Н. Коровин, курский уроженец, а ныне директор электросвязи Владимирской области. С одной стороны, вроде бы хорошо, что инициаторы нужного издания всё-таки отыскивали средства, пусть и за пределами нашей области. Хотя бы в двух-трёх курских библиотеках оно будет доступно настойчивым читателям. А с другой стороны, если уж затевать такой проект, то так, чтобы использовать его просветительскую, научную, да и коммерческую отдачу в достойном объёме.

Неплохо было бы провести независимый аудит затрат на всех этапах работы на «красными книгами» — электронного набора, изготовления оригинал-макетов, редактирования, корректуры, тиражирования. И сопоставить эти затраты с гонорарами за это же издание, полученными «ядром» краеведческого общества.

Множество отмеченных мной и подобных им несообразностей бросается в глаза уже при беглом чтении курской энциклопедии. Почему их не исправили редакторы? Ведь «дьявол кроется в деталях», пояснил в своё время Вольтер. Наверное, в отдельных случаях редактура не велась вовсе, а в других велась некомпетентными лицами. Вот ещё несколько примеров тому.

Явно родные братья Чухраёвы, оказывается из энциклопедии, якобы родились и выросли в разных семьях. Ведь средний, Александр Михайлович, согласно БКЭ, «родился в семье рабочего», а старший, Борис Михайлович, «родился в семье офицера». Их младший брат, бывший директор плодосовхоза «Обоянский», ныне вконец разорённого, статьи не удостоился, а то, глядишь, род занятий их общего отца вышел бы ещё разнообразнее...

По мнению Ю.А. Бугрова, князья Барятинские «свойрод ведут от Рюриков». Но братья летописного Рюрика имели, как известно школьникам, собственные имена...

Сплошь и рядом хромает «просто» стилистика. Нередки фразы такого типа: «Работал почтовым работником», «тяжёлая материальная жизнь»,

«принял жестокие действия». Колхозница Дарья Адонина, оказывается, «на протяжении всей трудовой деятельности оставалась активным и искренним сторонником колхозного строя». Булгаковский профессор Преображенский спросил бы: «Вы мужчина или женщина?» Если всё-таки женщина, то по-русски будет «сторонница».

Как видно из перечня претензий к составителям новой курской энциклопедии, недоработали они как «на входе» в свой проект, так и на «выходе» из него. В предисловии к этому изданию заявлено, будто бы оно «в основном построено по классическим канонам энциклопедий». На самом деле эти каноны чаще нарушались, чем соблюдались авторами и, особенно, редакторами. Принципы отбора персонажей, а в особенности типовая структура каждой статьи, её объём, содержание библиографического аппарата чаще всего остались далеки от принятых в современной энциклопедической литературе. Так, в тексте справочника не выделены курсивом фамилии тех лиц, которым посвящены отдельные статьи. Источники и литература к статьям или отсутствуют, или даны вразнобой. Это затрудняет пользование книгой массовым читателем. Редакторская и корректорская работа проведена выборочно и некачественно. Привлечь к работе многих специалистов по разным периодам и отраслям местной истории и культуры не захотели или не смогли. В результате собранный в трёхтомнике огромный материал остался сплошь и рядом сыроват, хаотичен; местами наивно велик, а местами явно недостаточен по меркам энциклопедического жанра.

Перефразируя фразу Сталина о советских писателях, можно сказать, что у нас в Курске нет других краеведов. Поэтому, покритиковав их за ошибки, поблагодарим их же за проделанную работу, в целом скорее полезную и для специалистов, и для широкого читателя. Несмотря на все огрехи, порой кричащие о вульгарной малограмотности «авторов» и «редакторов», на страницах «Большой курской энциклопедии» проступает внушительный коллективный портрет курского рода-племени — чем-то знаменитых курян всех эпох, рангов и профессий. Значит, один из старейших городов России смотрит в будущее.

«ДЕЛО КРАЕВЕДОВ ЦЧО» 1930–1931 гг.
(Энциклопедическая статья)¹⁶⁷

«Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 гг. Вслед за известным «Делом Академии наук», сфабрикованным советской политической контрразведкой в 1929–1930 гг. в отношении столичных учёных-гуманитариев, репрессии против интеллигенции распространились на провинцию. Кроме ленинградского и московского «штабов» этого «заговора», чекисты придумали воронежский «центр» «контрреволюционной монархической организации» «Краеведы». В Центрально-Чернозёмном округе сложилась особенно разветвлённая структура краеведческих групп, а председатель воронежского городского и ответственный секретарь областного бюро краеведения историк С.Н. Введенский (1867–1940) периодически ездил в Ленинград для консультаций с академиком С.Ф. Платоновым, которого объявили руководителем «Всенародного союза борьбы за возрождение России». В качестве «филиалов» этой мифической «организации» были представлены группы краеведов из Задонска, Липецка, Острогожска, Тамбова, Орла, Курска, Старого Оскола. По версии следствия, в случае начала военной интервенции против СССР, эти группы на местах должны были «взять власть во избежание анархии». Резонные возражения вроде того, что «краеведы обычно люди пожилые, совершенно непрактичные, разве они способны справиться с анархией?» (Н.П. Анциферов) — вызывали у следователей по этому делу только новые приступы агрессии по отношению к «запирающимся заговорщикам». В указанных городах с ноября 1930 по февраль 1931 гг. арестовали по несколько (от четырёх в Курске до четырнадцати в Тамбове) краеведов, а в Воронеже ещё и представителей других учреждений и общественных групп, которые будто бы готовились вместе свергнуть советскую власть. Среди них находились бывшие дворяне, офицеры, чиновники, чины полиции, купцы, священнослужители — независимо от того, чем они занимались к моменту ареста; фотографы, музейные и научные работники, преподаватели; а также лица гораздо более прозаичных профессий, вплоть до сторожей и безработных. Личные знакомства, нередко случайные, превращались в глазах следствия в свидетельства организации заговора. Так «контрреволюционная организация» выросла почти до сотни членов. Единственным доказательством её существования для чекистов могли стать и стали личные признания обвиняемых. Методы их получения выясняются из позднейшего реабилитационного заявления преподавателя Ф.Ф. Руднева (Орёл): «Следствие сопровождалось угрозой расстрела и ареста моей семьи». Камера, в которой он сидел на следствии, располагалась рядом с уборной, а форточка в окне камеры всю зиму была

¹⁶⁷ Материал, заказанный мне редактором «Большой Российской энциклопедии». Опубликовано там, будучи дополнен материалом А.Н. Акиньшина (Воронеж): *Акиньшин А.Н., Щавелёв С.П.* «Краеведов дело» // Большая российская энциклопедия. Т. 15. М., 2010. С. 50. С. 561–562. Здесь приводится мой собственный первоначальный вариант статьи.

без стекла. В таких условиях одни подследственные сразу или через какое-то время дали все те показания, которые диктовали им следователи, но несколько обвиняемых (тот же Руднев, куряне Н.И. Пузанова, М.А. Резанцев) сумели выстоять и не оклеветать ни в чём не повинных людей. Чекисты потеряли к ним интерес после нескольких допросов — поняли, что признания их них не выжмешь. Так произошло с воронежским профессором М.Н. Крашенинниковым, которого обвинили в игнорировании марксизма. На что он и на воле, и в тюрьме повторял, что никакого марксистского языкознания пока нет и преподавать его он поэтому просто не мог. По мнению следователей, «запиравшиеся» оказались «достаточно точно изобличены показаниями других обвиняемых».

Решающим основанием для арестов и обвинения послужили всеобъемлющие признания С.Н. Введенского. Якобы «обратив [Археографическую] комиссию в штаб своего контрреволюционного союза, Платонов решил и Воронежский филиал [её] обратить в одно из своих отделений». «Равным образом, столь же удачно выбран был Платоновым для его цели и фронт краеведческих обществ. Обнимая в своём составе старых педагогов, ответственных чиновников — пенсионеров разных ведомств, бывших служащих земства, статистических комитетов, архивных комиссий и подобных им лиц, краеведческие общества содержат в себе много социальных элементов, чуждых советскому строю, а иногда прямо ему враждебных. Таким подбором членов, между прочим, в сильной степени страдают и краеведческие организации ЦЧОласти, в городах которой, особенно в Воронеже, было много контрреволюционных и антисоветских элементов и объектов старого общественного строя, что способствовало быстрому развитию и укреплению идей контрреволюционной монархической организации...» Так что «под прикрытием научной работы проводилась антисоветская работа...» Её целью было «уничтожение сов. строя и замена его буржуазно-демократической республикой» (эта последняя нестыковка с навязчивыми обвинениями в «монархизме» всех старых краеведов чекистов не смущала — всё антисоветское они валили в одну кучу).

Кроме Платонова, «глава воронежского центра» показал на нескольких учёных, преимущественно историков, ленинградцев, — С.И. Тхоржеского, С.К. Богоявленского, академика А.Е. Ферсмана, И.М. Гревса, Н.П. Анциферова, А.И. Андреева, и на москвича, академика М.М. Богословского. «Их человеком» является будто бы и высланный из мест предыдущего заключения в Курск историк, бывший полковник старой армии Г.С. Габаев.

5 мая 1931 г. следствие по делу 92 краеведов ЦЧО закончилось. В соответствующем постановлении «уполномоченный 2-го Отделения Секретно-политического Отдела Полномочного представительства ОГПУ по ЦЧО Кушнир» констатировал, что все подследственные «вполне изобличены в предъявленном им преступлении, предусмотренном ст. 58-10, 11 Уголовного кодекса». С этого дня все арестованные по этому делу «числились за коллегией ОГПУ». 66 человек оставались под стражей в Воронеже,

26 — в Курске, Орле, Тамбове. Суда краеведов не удостоили: коллегия ОГПУ в Москве заочно, без вызова обвиняемых, 5 июня вынесла внесудебный приговор. Власти не вывели краеведов на открытый судебный процесс, как «вредителей» некоторых других категорий, а приговорили втайне. Слишком уж контрастировали фантастические обвинения в подготовке военного переворота и мирные краеведческие занятия. Пятерых приговорили к расстрелу, большинство к заключению в концлагерь сроком от 3 до 10 лет, нескольких — к высылке в Северный край, Западную Сибирь, Казахстан. Рядовые, по версии следствия, «заговорщики» в целом получили не менее суровые наказания, чем их столичные «вербовщики» и «руководители» из числа сотрудников Академии и Центрального бюро краеведения. Среди арестованных по собственно академическому делу в Москве и в Ленинграде 112 человек расстреляли шестерых (бывших офицеров); 63 получили концлагерь на срок от 3 до 10 лет; 21 (среди них все сотрудники Академии наук) трёх- или пятилетнюю ссылку. В Чернозёмном деле картина схожая. Расстреляли лиц, как-то связанных в прошлом с царской «охранкой» и белым движением. На 10 лет обрекли даже не воронежских «руководителей», а их коллег из районов. По 5 лет концлагеря получили главные фигуранты всего провинциального дела, воронежские краеведы С.Н. Введенский, А.М. Путинцев, Т.М. Олейников, В.В. Литвинов; руководитель курских краеведов Г.И. Булгаков. Один-единственный, 92-й по счёту обвиняемый — воронежец В.А. Преображенский оказался освобождён из-под стражи, следствие в его отношении прекратили.

Таков печальный итог «золотого десятилетия» (С.О. Шмидт) советского краеведения в Центральном Черноземье. В дальнейшем дееспособные объединения краеведов оказались ликвидированы по всей стране, их заменяли на липовые «кружки на производстве», а 10 июня 1937 г. СНК РСФСР окончательно «признал дальнейшее существование центрального и местных бюро краеведения нецелесообразным».

Кое-кто из осуждённых по этому делу обращался в 1930-е гг. с прошениями о снятии с них судимости, а в 1950-е – 1960-е — о реабилитации, но безуспешно. Лишь в июле 1978 г. Воронежский областной суд отменил вынесенный им в 1931 г. приговор «за отсутствием события преступления». Несколько бывших сотрудников ОГПУ по ЦЧО, выступивших палачами краеведов, сами были расстреляны «за нарушение социалистической законности».

Лит.: Акинъшин А.Н. Трагедия краеведов (По следам архива КГБ) // Русская провинция. Воронеж, 1992; *Его же.* Судьба краеведов (конец 20-х – начало 30-х гг.) // Вопросы истории. 1992. № 6–7; Сергей Николаевич Введенский (1867–1940). Библиографический указатель / Сост. А. Акинъшин, Н. Федосова. Воронеж, 1997; *Щавелёв С.П.* «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 годов. (Курский «филиал»). Курск, 2007.

«КРАЕВЕДЫ БЫЛИ В ВОСТОРГЕ»
Заслуги и недостатки исторического краеведения
в прошлом и настоящем¹⁶⁸

«Краеведы были в восторге. Разных крынок и прялок они собрали уже великое множество. А теперь... Теперь им попалось нечто выдающееся. Волчий приёмш... Наконец-то что-то настоящее, что-то живое! О волчьем приёмше можно даже в газету написать. Таким образом, из них, краеведов, могут когда-нибудь получиться настоящие учёные! ... Муфта понял, что краеведам невозможно что-либо объяснить. ... Краеведы заинтересованы в открытии чего-то необычайного, и теперь они считали: такое открытие было ими сделано».

Эно Рауд.

Муфта, Полботинка и Моховая Борода.

Изложенные здесь наблюдения и выводы строятся на изучении трёх-вековой историографии Курского края и сопредельных ему территорий Центральной России, предпринятом автором в 1980-е – 2000-е гг.¹⁶⁹

Как известно, на рубеже XIX–XX вв. в России сложилась своеобразная организация гуманитарной науки. У профессиональных учёных из Академии наук и университетов имела разветвлённая сеть добровольных помощников на местах — в большинстве губернских, в отдельных уездных городах и даже кое-где на селе. Это были представители чиновничества, учительства, духовенства, сельских хозяев-помещиков, деятелей земства, расквартированного по местам офицерства и тому подобных общественных групп. В разной степени присущий им дилетантизм чаще всего не мешал их самоотверженной, на общественных началах выполняемой работе по сбору фактов о примечательных для потомков событиях, памятниках и лицах их малой родины. В ту пору никто из них не называл

¹⁶⁸ Опубликовано в кн.: *Щавелёв С.П.* Заслуги и недостатки исторического краеведения в прошлом и настоящем // Труды Первого Всероссийского съезда историков-регионоведов (Санкт-Петербург, 11–13 октября 2007 года). В 3-х томах. Т. I. СПб., Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, 2010. С. 43–55.

¹⁶⁹ См.: *Щавелёв С.П.* Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. I. Предпосылки и становление региональной историографии. Курск, 1997; Вып. II. «Золотой век» губернского краеведения: 1860–1910-е годы. Курск, 1997; Вып. III. Советское краеведение в провинции: взлёт и разгром (1920-е–1950-е гг.). Курск, 2002; *Его же.* Судьбы исторических древностей Южной России и их место в её провинциальной культуре XVII–XX веков (По материалам археолого-этнографического изучения Курского края). Автореф. дисс. ... докт. ист. н. Воронеж, 2002.

себя «краеведом». Они считали себя любителями истории, этнографии, фольклористики, архивного дела, археологии. Хотя по сути они занимались именно тем, что в 1920-е годы получит название краеведения.

Вопрос о научном и культурном значении исторического краеведения — сложен, деликатен и запутан в нашей историографии. Оценки соответствующего общественного явления колеблются в широком диапазоне. Представители университетской и академической науки чаще всего относились и относятся к своим добровольным и бескорыстным помощникам из провинции с иронией, если не с пренебрежением. Воронежец С.Н. Введенский на следствии в ГПУ в 1931 году показывал: «В области краеведческой работы можно отметить участие в ней только профессора Невзорова; остальные профессора [Воронежского университета] были к краеведению совершенно равнодушны, считая его каким-то бесполезным и ненужным придатком к науке, а не наукой»¹⁷⁰. Таково, надо признать, господствующее мнение дипломированных учёных. Поищите профессионала, который бы не относился к дилетантам в своей узкой сфере без иронии, а то и вражды... В точных, естественных науках с их очень сложным формально-математическим аппаратом отчуждение от самозванцев вполне понятно. Время изобретателей «вечного двигателя» давно прошло. Что же касается наук гуманитарных, то здесь роль любителей сложнее. Ведь соответствующие источники если и не доступнее для истолкования, то, по крайней мере, подлежат поиску, сбору и хранению не только специалистами. Рукописи, предметы старинного быта, археологические находки. Монументальные памятники старины, которым угрожает разрушение. Устное народное творчество, безвозвратно умирающее вместе с исполнителями. Здесь есть где приложить усилия практически любому желающему. Игнорируя поиски краеведов, замалчивая их достижения, учёные порой заимствуют их находки без ссылки на первооткрывателей.

В других случаях краеведческое движение наоборот превозносилось как проявление народной, земской инициативы, высокое служение науке и просвещению. В этом имела доля истины. Представители Губернских статистических комитетов, Губернских учёных архивных комиссий, Церковно-исторических обществ, земских музеев и тому подобных организаций, будучи новичками, учениками на учёной стезе, как правило, довольно тесно сотрудничали с академическими и университетскими центрами в Москве, Санкт-Петербурге и других университетских городах. Профессиональные учёные их периодически консультировали, инструктировали на раскопках и музейных выставках, в архивах. Всероссийские, а затем и областные Археологические съезды объединяли и учёных, и любителей, и меценатов — общественных деятелей. Показателем доброкачественности тогдашнего любительства в гуманитарных исследованиях стала целая плеяда выдающихся историков, археологов, этнографов, фольклористов,

¹⁷⁰ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 9353. Оп. 2. Ч. 8 б. Л. 160 об.

которые начинали накануне и сразу после революции именно в качестве краеведов. Как, скажем, А.А. Спицын и Д.К. Зеленин в Вятке, В.А. Городцов на Рязанщине; П.С. Рыков и В.И. Стрельский в Курске; С.Н. Замятин и М.Е. Фосс в Воронеже; и многие другие светила русской и советской науки. Среди губернских и уездных любителей изучать прошлое родного края большинство составляли, конечно, куда более скромные фигуры. Встречались среди них и акцентуированные чудаки плюшкинского типа. Но у большинства имелось настоящее образование — гимназическое, университетское или богословское. Возможность периодических поездок в университетские центры страны и за границу насыщала академическое общение любителей и специалистов, тиражировала лучший опыт архивной, музейной, библиотечной работы. Для такой громадной империи, как Российская, нипочём не организовать и не оплатить работу профессиональных гуманитариев разных специальностей по всем её градам и весям. Никогда не хватало и никогда не хватит дипломированных кадров. А любители археологии и всей прочей старины находились повсюду. Они-то в меру сил и выявляли, собирали, описывали местные памятники истории и культуры. Короче говоря, любительская историография накануне революции составляла необходимую и в общем полезную питательную среду академической науки и просветительской практики.

Разумеется, краеведческая активность совсем не отменяла для нашей страны необходимости развития профессиональных институтов гуманитарных наук — учебных, научно-исследовательских, музейно-лабораторных. Никакие краеведы не могли полностью заменить архивистов, археологов, филологов, искусствоведов, этнографов, антропологов, музейных работников и прочих гуманитариев со специальной подготовкой. Краеведы без учёных подобны маленькому ребёнку, оставшемуся без взрослых. Известная критика Учёных архивных комиссий Д.Я. Самоквасовым лишней раз это продемонстрировала. Но патриарх русской археологии осуждал прежде всего ту ситуацию, когда правительство прикрывало фиговым листком самодеятельных кружков любителей старины отсутствие государственных архивов, факультетов, музеев. А самим Комиссиям тот же самый профессор Самоквасов активно помогал — личными деньгами, печатными изданиями, консультациями, участием в раскопках¹⁷¹.

Итак, в силу особых условий развития русской науки (гигантские размеры территории страны, слабое финансирование, некоторое отставание от западноевропейских стандартов научной организации, неонародническая идеология интеллигенции, менталитет основного населения — крестьянства) сочетание профессионализма и любительства, по крайней мере в гуманитарных дисциплинах, получилось вполне закономерным и в целом плодотворным.

¹⁷¹ См. подробнее: *Щавелёв С.П.* Историк русской земли. Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова. Курск, 1998; Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.Я. Самоквасова (1843–1911) / Сост. *С.П. Щавелёв*. Курск, 2007.

Всё изменилось после октября 1917 года. Учёное сословие разом потеряло свой престиж и даже материальные условия существования. «Бывших» специалистов выселяли, увольняли, лишали, высылали и арестовывали. Большинство академических центров, курировавших провинциальных помощников, перестало существовать (археологические общества, комиссии, институты и тому подобные). А те, что сохранились (Академия наук, университеты), были целиком поглощены собственной перестройкой на новый лад. Напротив, у всякого рода разночинцев доступ к ценностям науки и культуры расширился. Уже по одному этому обстоятельству — понижению общего уровня кадров — первые советские объединения краеведов не могли существенно превзойти достижений своих непосредственных предшественников. Однако некоторая преемственность тут сохранилась, а общественно-политические условия до поры, до времени благоприятствовали краеведческой работе. В первую очередь, просветительской, школьно-учебной и агитационной, в гораздо меньшей степени — научно-исследовательской, музейной и экспедиционной. Однако времени и денег на реальную краеведческую работу советским любителям истории и природы родного края было отпущено слишком мало. После неизбежной перегруппировки сил в первой половине 1920-х годов и нескольких лет активной деятельности, объединения краеведов стали слишком удобной мишенью для тех, кто по заданию коммунистической партии отстреливал «врагов народа». У тех-то ведь в большинстве случаев никаких общих организаций на самом деле не было — ни «промпартии» у инженеров, ни «союза борьбы» у академиков. А у краеведов организация была, причём весьма разветвлённая. Оставалось придумать ей нелегальное крыло. Что и было сделано чекистами ¹⁷².

Сам термин «краеведение» отражал наивный пафос революционной переделки мира, привнесённый большевиками. Если кухарка может управлять государством, а матрос Железняк — национализированным банком, то почему недавние семинаристы, журналисты, техники, да и просто неквалифицированные рабочие да батраки не могут быть археологами, этнографами, археографами? Советские краеведы в своём большинстве искренне желали вписаться в культурную политику нового, большевистского государства — «сеять разумное, доброе, вечное», как завещали нашей интеллигенции народники, социалисты. Но никакого «спасибо сердечного», — метко заметил А.А. Формозов ¹⁷³, — русский народ своим просветите-

¹⁷² См.: *Акинъшин А.Н.* Трагедия краеведов (По следам архива КГБ) // *Русская провинция. Воронеж, 1992; Его же.* Судьба краеведов (конец 20-х – начало 30-х гг.) // *Вопросы истории. 1992. № 6–7; Щавелёв С.П.* «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 годов. (Курский «филиал»). Курск, 2007. См.: *Акинъшин А.Н.* Трагедия краеведов (По следам архива КГБ) // *Русская провинция. Воронеж, 1992; Его же.* Судьба краеведов (конец 20-х – начало 30-х гг.) // *Вопросы истории. 1992. № 6–7; Щавелёв С.П.* «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 годов. (Курский «филиал»). Курск, 2007.

¹⁷³ См. увлекательную и новаторскую трилогию этого автора по русской гуманитарной историографии: *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Ис-

лям, историкам и учителям не сказал. Партия и комсомол быстро поставили краеведческие организации под жёсткий идеологический и организационный контроль невежественных комиссаров. И без того мизерные дотации урезали, затем вовсе отменили. «Проклятый царизм» накануне своего краха поставил губернские общества любителей старины на бюджетное финансирование, пусть и весьма скромное. Большевики оказались скупее. Советским краоведам удалось сделать немало полезного на своей научно-просветительской стезе, однако в разных регионах этот вклад был различен; в среднем — не слишком велик, заметно меньше дореволюционного. Достижения первого поколения советских краеведов преувеличены в последующей историографии, когда по обрывкам их архивов некоторые всё новые и новые историки стали писать о них книги, диссертации, выстав-лять себя их преемниками ¹⁷⁴.

С начала 1930-х годов организованное краеведение в нашей стране прекратило своё существование. С тех пор реальную работу с разного рода древностями в губернских центрах, а тем более в уездах могли проводить одиночки. Их объединения если и возникали, то чисто формально — оставались на бумаге партийно-хозяйственных отчётов, наравне со множеством дутых «кружков», блестяще высмеянных М. Булгаковым, И. Ильфом и Е. Петровым, А. Барто.

Показательна позиция краеведов, оказавшихся во время войны на оккупированной врагом территории. Многие из них, практически в каждой захваченной области, пошли на службу к немцам. Как правило, по своей специальности — сотрудниками музеев и архивов. Потом это объяснялось желанием спасти те культурные ценности, которые не удалось эвакуировать. Что бы стало с Россией, победи её Гитлер, нетрудно догадаться. Но большевики, вспомним, ещё в 1930-е годы закрыли отделы дореволюционного прошлого в курском музее, «чистили» архивы от «неактуальных» фондов, физически устранили лучших краеведов. Выжившие вряд ли это забыли. Большая часть тех представителей провинциальной интеллигенции, которая запятнала себя сотрудничеством с вражеской администрацией, была после войны осуждена к лишению свободы, меньшая наказана потерей работы. Поскольку к тому времени знающих знатоков местной старины осталось совсем мало, связанные с войной коллизии их биографий в очередной раз ослабили краеведческий потенциал регионов.

В послевоенный период эволюции «краеведения» на местах оно становилось всё более противоречивым. Отдельным областям повезло, там обосновались талантливые и энергичные личности, которые при поддержке столичных учёных выросли до ведущих специалистов по местным

ториографические очерки. М., 2004; *Его же*. Рассказы об учёных. Курск. 2004; *Его же*. Человек и наука. Из записей археолога. М., 2005.

¹⁷⁴ См. в этой связи соответствующие работы С.О. Шмидта и группы его последователей, которые рассматривают советское краеведение 1920-х годов исключительно в голубом свете.

древностям, вещественным да рукописным. Таковы, например: учитель из уездного брянского Трубчевска Всеволод Протасьевич Левенок (1906–1985), ставший директором тамошнего музея местного края, а впоследствии и сотрудником академического Института истории материальной культуры; следующий руководитель того же музея Василий Андреевич Падин (1908–2003); музейный сотрудник Фёдор Михайлович Заверняев (1919–1994) в самом Брянске; военный врач Евгений Дмитриевич Петряев (1913–1987) в Вятке (Кирове); бывший юрист Владимир Иванович Самсонов (1886–1964) и учитель географии Юрий Александрович Липкинг (1904–1983) в Курске; ещё целый ряд других музейных, вузовских, архивных, газетных работников, для которых краеведение стало вторым занятием и любимым призванием. Однако в целом по стране таких оставалось немного (сравнительно с тем, какова была численность предреволюционных и первых советских объединений их коллег).

Но свято место, как известно, пусто не бывает. На смену культурным, образованным краеведам в советской глубинке приходили «краеведы» самозванные, некультурные и необразованные, сплошь и рядом просто функционально неграмотные. Зато ретивые на рекламу своих начинаний, фанатичные в отстаивании местного приоритета по любому поводу, самоуверенные в обнародовании своих «достижений». Такие встречались и раньше, но тогда было кому считать их маргиналами в науке и культуре. А теперь, наоборот, «белыми воронами» выглядели немногие выжившие интеллигенты старой закалки.

Кое-что полезного представители очередной генерации краеведов приносили. Их заметки на разные темы с интересом читала массовая аудитория городских и районных газет. Они выступали перед школьниками, вели детские кружки в «домах пионеров» и сельских клубах, а позже — и познавательные программы на местном радио и телевидении. Кое-кто присоединялся к экспедициям столичных археологов и помогал им на раскопках, а в промежутках собирал для музея случайные находки разных древностей. Самым настойчивым удавалось собрать свои разыскания и наблюдения в целые книжечки, опубликованные областными, а после их закрытия межрегиональными издательствами. Однако качество всех этих работ, как правило, оставляло желать лучшего. Уверяя себя и других в пользе своих занятий, новоявленные «краеведы» на самом деле приносили немало вреда. Их материалы грешили фактическими ошибками и фантастическими версиями. Те, кто получил доступ к самостоятельным разведкам и раскопкам, проводили их не слишком методично. Далеко не всё из того, что они нашли, оказалось в музеях, архивах или библиотеках. Собранные коллекции остались необработанными и частью вовсе утрачены. Дальше — больше. Личности этого пошиба инициировали фальсификацию 1000-летних юбилеев ряда областных центров Центральной России (начиная с Белгорода); пытались сделать то же самое и в Воронеже, и в Липецке, и в Курске, в других местах. Они фанатично стремились не установить, сколь-

ко же тому или иному поселению на самом деле лет, а во что бы то ни стало удревнить этот возраст до предельной, а то и запредельной даты ¹⁷⁵.

Выход на арену общественной деятельности неквалифицированных любителей краеведения — закономерное следствие экспансии так называемой массовой культуры, причём в её не самых цивилизованных — советском и постсоветском вариантах. Краеведы новых призывов «в гимназиях не обучались». Советские средние школы и даже институты уже не учили иностранным языкам, а остальная гуманитарная подготовка стала слишком идеологизированной. Справедливости ради надо отметить, что моменты антинаучной идеологизации бывали, и не раз, присущи также профессиональной исторической науке. Причём и до революции, и особенно затем, с тех же до- и послевоенных времён и до сегодняшнего дня. Ещё характернее для «кастовой науки» советского периода «просто» отход его представителей, попавших в провинцию, от авторских исследований, замыкание на преподавании истории, либо вообще смена профессии. В определённых ситуациях, пользу для историографии приносили не те, кто писал и публиковался, а те, кто молчал.

Перспективы любительской историографии сегодня не ясны. С одной стороны, ряд краеведческих инициатив получил поддержку новых меценатов, спонсоров, региональных властей. Выходят краевые справочники, периодические органы, сборники материалов, биографическая литература. Там, где с краеведами практически работают настоящие учёные, реальные достижения налицо. В столице сложилась целая историко-культурная дисциплина — москвоведение, и её есть по каким пособия преподавать в школах. Всё глубже наши представления и о «душе Петербурга», намеченной когда-то незабвенным Н.П. Анциферовым. Отрядным примером может служить Воронеж, где за последние десятилетия издана уже целая библиотечка полезной краеведческой литературы. Недавно в Воронеже увидела свет региональная культурно-историческая энциклопедия. Она получила высокие оценки специалистов. Университетские преподаватели сумели организовать и направить сбор словарного материала по множеству направлений, привлекая к нему не только своих коллег, чей круг всё-таки ограничен, но и настоящих краеведов разных профилей (музыкального, спортивного, архитектурного и всяких прочих). Руководителями этого успешного проекта выступили доцент А.Н. Акиншин и профессор О.Г. Ласунский из Воронежского университета.

¹⁷⁵ См. (со скептической осторожностью!) образчики множества псевдоисторических публикаций на темы отдалённого прошлого черноземного региона нынешних «краеведов»: *Пархоменко И.* Белгород: год основания..? // Воронеж. Историко-краеведческий сборник. Воронеж, 1993; *Шмелёв Ю.Н.* Тайны Белгородского треугольника или страницы жизни из трёх тысячелетий истории русов: исследование краеведа. М., 1995; *Рязанов Н.В.* Когда основан город Курск? (Полемиические заметки краеведа) // Курск. Документы. Воспоминания. Статьи / Отв. ред. и сост. А.Ю. Друговская. Курск, 1997; *Аббасов А.М.* Вехи древнего Воронежа. Воронеж, 1995.

Активность современных краеведов оттеняет некоторое снижение уровня гуманитарных исследований в провинциальных музеях, библиотеках и институтах (переименованных в университеты). Кризисные 1990-е годы в высшей школе, других учреждениях культуры российской провинции, похоже, до сих пор не закончились. Поэтому научная экспертиза и редактура краеведческих опусов ныне сплошь и рядом отсутствует. За годы «перестройки» и последующих реформ когорта краеведов расширилась, только вот в неожиданные стороны. Их рядов коснулась общая коммерциализация российской жизни. И если применительно к экономике, торговле рыночные отношения, по идее, благо, то в области изучения и охраны памятников старины вряд ли.

Больше всего среди современных «краеведов» просто коллекционеров разных редкостей, древностей. Филателисты, филокартисты, нумизматы, антиквары, реконструкторы исторических костюмов и вооружения, тому подобные. Пёстрая среда, где благородное меценатство и прежде, и теперь соседствует с вульгарной наживой, спекуляцией. Отсюда выходят и союзники, и конкуренты, и сообщники официальных музейщиков, галеристов, учёных. Идеалом, а правду говоря, — нормой для деятелей этого сорта являлась бы передача, пусть и по завещанию, своих уникальных собраний на государственное хранение. Отрадных примеров такого обогащения столичной и провинциальной культуры за счёт её энтузиастов немало. Но куда больше печальных примеров обратного рода — безвозвратной потери, распыления частных собраний после смерти их владельцев, их продажи в частные же руки и за рубеж; ограбления государственных музеев в интересах антикварного рынка, порчи памятников археологии. В 1990-е — 2000-е годы ситуация с провинциальными древностями резко усложнилась благодаря эпидемии так называемых «чёрных копателей» памятников истории и культуры. В последние годы они идут уже не по отдельным памятникам, а по всем подряд в том или ином районе. Если грабителей не остановить, в ближайшем будущем целые области будут стёрты с археологической карты России.

Как видно, сегодня невнятный ярлык «краеведа» накрывает очень разных персонажей. Как вполне добросовестных любителей старины, так и полукриминальных, и прямо криминальных дельцов нелегального рынка древностей. Очень пёстрая группа деятелей, где наряду с добросовестными любителями немало откровенных шарлатанов и просто психически убогих персон. Закрывать глаза на опасности для просвещения и культуры, исходящей от безоглядной поддержки всех подряд нынешних краеведов, было бы недальновидным для представителей науки и государственной власти. Активность теперешних краеведов приносит то пользу, то прямой вред памятникам культуры. В этой ситуации стоит развивать подготовку и улучшать трудоустройство специалистов общего профиля (археологов, историков, архитекторов и т.д.), которые затем по роду своей деятельности могут специализироваться на изучении тех или иных древно-

стей того или иного региона. И, в частности, осуществлять объективную экспертизу краеведческих проектов, далеко не все из которых достойны поддержки из казённых и общественных средств.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУКИ: КРИТЕРИИ СОСТАВЛЕНИЯ (на примере энциклопедической статьи «Ю.И. Юдин») ¹⁷⁶

За последние годы в России активизировалась работа историков и краеведов по составлению и изданию разного рода региональных энциклопедий. Не остался в стороне от этого научно-просветительского движения и Курский край, где увидел свет целый ряд справочников такого рода, как общеэнциклопедического формата, так и профессионально-биографических. К сожалению, при росписи словников, написании статей, их редактировании, а в особенности, при определении научных принципов всех этих этапов словарной работы сплошь и рядом допускаются ошибки, которые во многом дискредитируют упомянутые, благородные на первый взгляд, начинания. Отмечаю самые типичные из этих недостатков:

- зачисление в «знаменитые земляки» лиц, хотя и родившихся в данном регионе или посетивших его, но никак не отразивших культурные реалии этой территории в своём научном, художественном или ином творчестве;

- преувеличенная комплиментарность оценок, отсутствие реалистичной иерархии заслуг; игнорирование слабых, теневых сторон в жизни и деятельности тех или других лиц из словарного списка;

- загромождение словарной статьи мелочными подробностями жизненного пути персонажа и, соответственно, неумение сформулировать итоговые заслуги его же перед общенациональной и провинциальной культурой;

- дублирование информации, содержащейся в общероссийских или профессиональных справочниках; игнорирование собственно регионального аспекта творческого наследия учёных и практиков;

- пренебрежение библиографической частью словарной статьи, которая на самом деле не менее важна для мало-мальски квалифицированного читателя, нежели часть событийно-оценочная;

- элементарные ошибки и опечатки, обусловленные редуцированием редакторско-корректорской части современного российского книгоиздания в провинции, вульгарной малограмотностью большинства так называемых краеведов.

Разумеется, сложности словарно-энциклопедической деятельности не сводятся к указанным элементарным своим проявлениям и, в частности, не гарантируют автора этих слов от, не исключено, заслуженной критики по словарно-энциклопедической части. Как бы там ни было, именно в при-

¹⁷⁶ Опубликовано в кн.: Фольклор в контексте современной культуры. Юдинские чтения – 2005. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курск, 22 декабря 2005 г.). Курск, Изд-во Курского гос. ун-та, 2006. С. 160–164. Перепечатано в моём словаре «Историки Курского края» (Курск, 1998; 2-е изд. 2006).

думанном и выполненном мной словаре «Историки Курского края» появилась первая энциклопедического ранга статья, посвященная Юрию Ивановичу Юдину. Её доработанный вариант и предлагается здесь вниманию заинтересованных этим жанром и этим замечательным представителем русской науки коллег. Основным источником для написания этой статьи послужили публикации С.Б. Каменецкой, вдовы учёного, активно пропагандирующей, вводящей в научный и просветительский оборот его идейное наследие¹⁷⁷.

Юдин Юрий Иванович (1938–1995).

Русский филолог, фольклорист, специалист по былинному эпосу русского народа и другим жанрам устного народного творчества.

Родился в г. Умани Киевской обл. в семье военного. Школу (с золотой медалью) заканчивал в Нижнем Новгороде.

Выпускник филологического факультета ЛГУ. Ученик В.Я. Проппа, к 100-летию которого опубликовал очерк воспоминаний «Владимир Яковлевич» (Нева. 1995. № 2). Дипломная работа: «Принципы изображения былинного героя» (1961); кандидатская диссертация: «Поэтика русского героического эпоса» (1967); докторская: «Русская народная бытовая сказка» (1979). «Я считаю Ю.И. Юдина, — писал академик Д.С. Лихачёв в 1993 г., — принадлежащим к первой тройке самых значительных фольклористов в нашей стране».

В 1961–1963 гг. по распределению работал учителем русского языка и литературы в сельских школах Приморья. После окончания аспирантуры ЛГУ год работал в Донецком университете, а затем на всю оставшуюся жизнь перешёл в Курский педагогический институт. Там служил на кафедре истории литературы, затем (в 1978–1979 гг.) выступил основателем нового факультета — по подготовке учителей начальной школы, стал первым заведующим кафедрой методики начального обучения.

Доктор филологических наук, профессор. Автор нескольких книг и многих статей по историзму отечественного фольклора, философии и поэтике отечественной бытовой сказки; различным проблемам истории литературы, педагогики и культуры, в том числе относящимся к прошлому Курского края. Неоднократно организовывал и возглавлял экспедиции для фиксации устного народного творчества курских крестьян, заметно пополнив фонд записей курских народных песен, сказок, загадок и т.п. фольклором. Работы Ю.И. Юдина по соотношению фольклора с реальной историей наших далёких предков (многие выполнены в соавторстве с проф. И.Я. Фрояновым) носят новаторский характер, выводят на принципиально новый уровень координацию филологии и истории в познании прошлого.

¹⁷⁷ См. прежде всего: *Каменецкая С.Б.* Юрий Иванович Юдин — «один из лучших фольклористов России» // *Интеллигенция в потоке времени: размышления и судьбы.* Курск, 2004.

Активно поддержал демократические перемены в жизни российского общества на рубеже 1980-х – 1990-х гг., участвуя в общественно-политической жизни Курска, избираясь депутатом городского собрания. В последние годы жизни координировал работу ряда исследователей философско-педагогического наследия К.Д. Ушинского, подготовив коллективную монографию и проведя Всероссийскую научно-практическую конференцию на эту тему («К.Д. Ушинский и современная школа»).

Неизлечимо заболев, не оставил научной работы, продолжая писать и диктовать статьи и рецензии до последних дней своей жизни. Проходя курс лечения в Обнинском институте медицинской радиологии, написал книгу о былинном герое Михаиле Потыке. Участвовал в конференциях курского отделения Философского общества России с целым рядом докладов на мировоззренческие, методологические и общественные темы. Любимый лектор многих поколений студентов филологического и исторического факультетов КГПИ, преподающих ныне в школах Курской области, занимающихся другой ответственной деятельностью. Юрий Иванович Юдин — весьма редкий в современной университетской и академической среде тип человека-праведника, исследователя-подвижника, учителя от бога. В честь светлой памяти о нём учениками и коллегами в КГПУ периодически проводится всероссийская научная конференция — Юдинские чтения, издаются её содержательные научно-учебные материалы.

Сочинения: Слово о Петре Ивановиче Бульбанюке // Из прошлого и настоящего Курского края (Материалы 5-го областного съезда учителей-краеведов). Курск, 1971; Героические былины (Поэтическое искусство). М., 1975; Курск в произведениях выдающихся писателей Древней Руси // Курский край в художественной литературе. Воронеж, 1976; Сказители // БСЭ. Изд. 3-е. Т. 23. 1976; Свод русского фольклора: проспект // Русский фольклор. Т. 17. Проблемы «Свода русского фольклора». Л., 1977; Традиции фольклорного мышления в исторических свидетельствах народной поэзии и древнерусской письменности (к постановке вопроса) // ТОДРЛ. Т. 37. Л., 1983; Исторические реальности и былинная фантазия // Духовная культура славянских народов. Литература. Фольклор. История. Л., 1983; Об исторических основах русского былевого эпоса // Русская литература. 1983. № 2; Сказка и история // Фольклор и этнография. Л., 1984; Отражение социальной борьбы в русских героических былинах // Генезис и развитие феодализма в России (Проблемы социальной и классовой борьбы). Л., 1985 (В соавторстве с *И.Я. Фрояновым*); О современном состоянии изучения связей «Слова о полку Игореве» с фольклором // «Слово о полку Игореве» и наша современность. Сумы, 1985; «Слово и полку Игореве» — величайший памятник нашей литературной древности (К 800-летию юбилею «Слова»). Курск, 1985; К вопросу о завершающем этапе развития русского героического эпоса (былины о татаро-монгольском нашествии) // Генезис и развитие феодализма в России (Проблемы идеологии и культуры). Л., 1987; Исторические реалии в былине о Дюке // Русская литература. 1990. № 2; Старинная история. М., 1991 (В соавторстве с *И.Я. Фрояновым*); Драма древней семьи в русской былевой поэзии (Михайло Потык). СПб., 1993 (В соавторстве с *И.Я. Фрояновым*); Противоречия педагогической гуманитаризации // Человечествознание: гуманистические и гуманитарные ориентиры в образовании. Курск. 1994; Исторические черты в былинах о Чуриле Пленковиче // Русский фольклор. Т. XXVIII. СПб., 1995; Русский былинный эпос. Учебное пособие. Курск, 1995 (в соавт. с *И.Я. Фрояновым*); Пропп и поэтика Аристоте-

ля. К определению метафоры // Русская литература. 1995. № 3; Былинная история (Работы разных лет). СПб., 1997 (В соавторстве с *И.Я. Фрояновым*) (С. 580–590 — «Список основных трудов Ю.И. Юдина»); Русская бытовая сказка. М., 1998; Записные книжки / Сост. *С.Б. Каменецакая, А.Т. Хроленко*. Курск, 2001.

Щавелёв С.П. Его уроки не забудутся // Городские известия. 1996. 25 июня; Юдинские чтения-96, 98. Курск, 1996, 1998; *Щавелёв С.П.* Факультет разных вещей. Вспоминая истпед // Городские известия. 1997. 18 марта; *Каменецакая С.Б.* Юдин Юрий Иванович // Курск. Краеведческий словарь-справочник. Курск. 1997; *Чистов К.В.* Юрий Иванович Юдин // В кн.: *Фроянов И.Я., Юдин Ю.И.* Былинная история, СПб., 1997; *Щавелёв С.П.* Ю.И. Юдин как теоретик искусства // Юдинские чтения — 2000. Фольклор и национальная культура. Ч. 1. Курск, 2000; *Каменецакая С.Б.* Юрий Иванович Юдин — «один из лучших фольклористов России» // Интеллигенция в потоке времени: размышления и судьбы. Курск, 2004.

Вклад Юрия Ивановича Юдина в филологическую науку и педагогическую практику довольно подробно проанализирован в литературе, уже посвящённой этому замечательному исследователю-фольклористу XX века ¹⁷⁹. И, надо полагать, его творческое наследие ещё не раз станет предметом плодотворной историографической рефлексии. В настоящих заметках я хотел бы обратить внимание читателей и почитателей юдинских работ на его теоретико-методологические идеи относительно природы и предназначения искусства как особого, по его определению — «неявного (беспонятийного) познания» ¹⁸⁰. Эти идеи, на мой взгляд, во многом обогнали время своего высказывания, потому что только во второй половине 1990-х годов теоретики познания всерьёз обратились к его пара- и вне-научным формам, в том числе художественно-эстетической ¹⁸¹.

Первый (явленный в опубликованных текстах) период юдинских определений специфики искусства как формы отражения и преобразования действительности обнаруживается, вполне понятно, в смысловой ткани его трудов по историзму отечественного фольклора. Особенно заметны философско-методологические послы такого рода в совместных изысканиях Ю.И. Юдина и И.Я. Фроянова по так называемой «былинной истории». Как известно, попытки расшифровать реалии, стоящие за героическими песнями о богатырях и прочих культурных героях, их супостатах, предпринимались едва ли не с самого начала учёной фиксации образцов устного народного творчества и продолжают вплоть до настоящего времени. Попытки эти, как правило, расходились по двум противоположным направлениям. Одни авторы относили эпические былины более к искусству, поэзии, нежели к исторической памяти народа. Связь богатырского

¹⁷⁸ Заметки, написанные по предложению А.Т. Хроленко для предпринятого им издания: *Юдин Ю.И. Записные книжки* / Сост. С.Б. Каменецкая, А.Т. Хроленко. Курск, 2001. С. 6–9. Здесь публикуются с дополнениями.

¹⁷⁹ См.: Юдинские чтения — 96. Курск, 1996; *Каменецкая С.Б. Юдин Ю.И. (1938–1995)* // Курск. Краеведческий словарь-справочник. Курск, 1997; *Чистов К.В. Юрий Иванович Юдин* // В кн.: *Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Былинная история* (Работы разных лет). СПб., 1997; *Фольклор и мировая культура. Тезисы докладов научной конференции «Юдинские чтения — 98»*. Курск, 1998; *Юдинские чтения - 2000. Фольклор и национальная культура*. Ч. 1–2. Курск, 2000.

[С тех пор соотоялось ещё несколько Юдинских конференций в Курском государственном университете, чьи материалы опубликованы].

¹⁸⁰ *Юдин Ю.И. Противоречия педагогической гуманитаризации* // *Человекознание: гуманистические и гуманитарные ориентации в образовании*. Курск, 1994. С. 254.

¹⁸¹ См. обзор соответствующих публикаций: *Щавелёв С.П.* [Рец. на кн.:] *Каса-вин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания* // *Вопросы философии*. 1990. № 12. В особенности: *Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания* / Сост. и ред. *И.Т. Касавин*. М., 1990; *Магический кристалл. Магия глазами учёных и чародеев* / Сост. и ред. *И.Т. Касавин*. М., 1992.

эпоса с реальным ходом событий казалась им слишком тонкой, обобщённой и фантазийной. Другие же исследователи находили возможным иллюстрировать былинным материалом не только социологические выкладки о древностях и феодализме, но даже исторические реконструкции отдельных моментов славяно-русского Средневековья¹⁸².

Ю.И. Юдин в своих разысканиях об исторических и даже доисторических предпосылках бытовых сказок и в совместных с И.Я. Фрояновым работах о былинах выбрал в этой дискуссии некую «золотую середину», восходящую к идеям В.Я. Проппа насчёт «опережающего отражения» исторической действительности в фольклоре. В реальной истории татары разгромили русских витязей. В былинах всегда побеждают наши богатыри. Но в итоге-то кто кого победил на самом деле? Искусство (в данном случае — слагать и исполнять былины) представало у Юдина, таким образом, не просто элементом истматовской «надстройки», запрограммированной социально-экономическим «базисом», как заклинали в пропповские да юдинские времена «попы марксистского прихода». Напротив, художественная проекция действительности, утверждалось Юрием Ивановичем, «выполняет роль инструмента духовного и поведенческого предугадывания готовящихся, но ещё не сложившихся ситуаций в индивидуальной и общечеловеческой жизни»¹⁸³.

В этом тезисе усматривается культурологическая конкретизация выводов новейшей — эволюционной эпистемологии насчёт того, что человек познаёт мир вовсе не по принципу «стимул — реакция», но благодаря активному поиску и творческой «фильтрации» всей перерабатываемой мозгом информации, с помощью как врождённых ему эволюцией, так и доведённых до рабочего состояния культурой, социализацией форм перцепции и ума¹⁸⁴.

Что касается юдинско-фрояновских работ о героических былинах как своеобразных моделях некоторых периодов («общинных без первобытности») и сторон (до- и внефеодальных) нашей древней истории, то сегодняшним сообществом историков они ещё оживлённо дебатировались, а вот взгляды их противников (начиная с академика Б.А. Рыбакова), искусственно феодализировавших Русь, сданы в историографический архив.

¹⁸² См. подробнее о разнице намеченных подходов: *Фроянов И.Я., Юдин Ю.И.* Об исторических основах русского былевого эпоса // *Русская литература.* 1983. № 2. С. 90–93.

¹⁸³ *Юдин Ю.И.* Противоречия педагогической гуманитаризации... С. 253.

¹⁸⁴ См. подробнее: *Марков Б.В.* Разум и сердце (История и теория менталитета). СПб., 1993; *Щавелёв С.П.* Практическое познание. Философско-методологические очерки. Воронеж, 1994; *Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы.* М., 1996. С. 4; *Меркулов И.П.* Когнитивная эволюция. М., 1999. С. 44; *Альтернативные миры знания.* СПб., 2000; др.

[Из последующих работ этой тематики см. в особенности: *Марков А.* Эволюция человека. Кн. 1. Обезьяны, кости и гены; Кн. 2. Обезьяны, нейроны и душа. М., 2012].

В последние годы жизни Ю.И. Юдин выступил с целым циклом небольших по формату, но исключительно концептуальных работ о культуре и искусстве¹⁸⁵. [Тогда, на рубеже 1980-х – 1990-х годов, для советско-российских гуманитариев «пришло время тезисов», как выразился мой добрый знакомый, московский археолог Александр Кашкин. Денег на крупные, книжные издания почти не стало, зато улетучилась цензура публичных тем и взглядов для учёных и преподавателей. Энтузиасты придумывали всё новые конференции по всем разделам гуманитаристики, а множество их коллег откликались несколькостраничными тезисами. Чтобы доказать себе и другим, что их мысль ещё жива, хотя зарплаты им уже почти не платят... Среди очных и заочных участников тогдашних конференций оказывалось немало пустого и даже безграмотного — очередные поколения выпускников гуманитарных факультетов на глазах скудели духовно, но немало появлялось и выношенного, глубокого, чему яркий пример — «тезисы» Юрия Ивановича. Тема очередной конференции извлекала из его многолетнего опыта скрытой духовной работы поистине философские перлы. То есть дипломированные «философы» в этих скромных на вид, полиграфически убогих сборниках излагали невнятные трюзмы, не то откровенную байду, а филолог и литературовед Юдин философствовал понастоящему].

Эти философско-методологические размышления Юрия Ивановича обозначили, на мой взгляд, новый этап его интеллектуальной и жизненной биографии. В них отразились, в том числе, его организационные усилия как основоположника нового факультета в педагогическом институте, новой — демократической группы в областном совете народных депутатов, да и вообще возраст духовной и бытийной зрелости. [Никто из многих сотен, даже тысяч его коллег по институту, другим учебным и научным заведениям города и области не нашёл в себе сил и желания так ярко отреагировать на отмирание советской власти и появление новой России. Одни (меньшинство) из них объявили себя сторонниками обновления и голосовали за реформаторов. Но больше ничего в жизни не меняли, даже текстов

¹⁸⁵ См., кроме уже цитированных: *Юдин Ю.А.* Природа художественного освоения мира (от мифа до современности) // *Человек в зеркале культуры и образования*. М., 1989; *Его же.* О духовном содержании художественного образа // *Духовно-мировоззренческий потенциал русской философии в контексте нового мышления*. Пятигорск, 1991; *Его же.* Эстетическое как элемент экологического равновесия в отношениях человека с природной средой // *Человек. Природа. Современность (Философско-методологические проблемы экологии)*. Курск, 1991; *Его же.* Об образе в науке, искусстве и в общепсихологическом аспекте // *Наука и философия на рубеже тысячелетий. Перспективы и горизонты*. Курск, 1995; *Его же.* Предпосылки многодиалогового мышления в истории культуры // *Диалог в культуре, философии и образовании*. Курск, 1995; ряд других.

[Стоит извлечь эти тексты из тезисного небытия, собрать их в брошюру и переиздать — на благо мыслящим читателям новых поколений. Эти мои заметки могли бы претендовать на роль предисловия к такому изданию].

своих лекций на пожелтевших от времени листках. Другие (большинство) застыли на коммунистических позициях — в педагогическом институте таких нашлось больше всего. Какие-то умопомрачительные «русские учёные социалистической ориентации» (РУСО). Дай им волю — вернули бы назад парткомы с ГУЛАГом. И те, и другие, почти все коллеги продолжили тянуть свою скромную лямку учительства и какой-то науки, что, впрочем, само по себе вполне достойно. Кое-кто возомнил себя большим учёным, чем Юдин, до времени сгоревший в том социально-политическом пожаре. Один только Юрий Иванович, деликатный, застенчивый интеллигент, взял и ушёл с родного литфака, где его никак не хотели признавать профессором. Ушёл с тем, чтобы организовать факультет для подготовки учителей начальных классов. Что может быть патриотичнее? Мало того, взял, да и выставил свою кандидатуру на первых альтернативных выборах в городское законодательное собрание. И стал его депутатом — активным, идейным. Если подумать, это и есть миссия русской интеллигенции: учить народ и реформировать условия его жизни.

И получить за всё это не «спасибо сердечное», а убогую иронию, либо забвение от земляков и коллег. На периодических «Юдинских чтениях» в университете я слушал выступления многих его коллег и бывших студентов, но никто из них не понял этого юдинского жребия, все расплылись мыслями в психологических бытовизмах, а не то в откровенном необольшевизме (вроде какого-то киноведа Малюгина с откровенно черносотенными, клерикальными сегодня высказываниями). Почти о каждом ветеране можно вспоминать в таких благостных тонах. Но стыдно прохлопать великого человека рядом с собой, не имевшего себе равных в этом городе как в науке, так и в общественной деятельности].

Воззрения Юрия Ивановича на роль эстетики в жизни человека и общества не только универсализировались в его зрелые, как вышло — закатные годы, но и конкретизировались, причём со свойственным именно ему причудливым сочетанием оптимизма и пессимизма. Только на поверхностный взгляд постороннего человека удивительно, как это профессор и депутат Юдин откликался, и всегда содержательно, то на одну, то на другую тему конференции, сборника, учебного пособия, очень пёстрых по содержанию. «Просто» у него на каждую новую тему уже было накоплено в уме и в душе, что сказать. Те, кто общался с ним лично, должны были почувствовать, что перед ними истинный мыслитель, автор собственной философско-эстетической теории и методологии.

В опубликованных тезисно фрагментах таковой им отмечалось, что кроме пророческо-провокативной и познавательно-осваивающей функций, у искусства имеется ещё претензия духовно-эмоциональной защиты, украшения — эстетизации окружающей человека обстановки, развлечения-отдыха человека от забот и тревог обыденной жизни. «Время выдвигает на первый план ту или другую роль, точнее, формирует тот или иной рисунок из сочетаемых функций». В целом же, воплощая творческую природу че-

ловека, искусство не просто отражает, не только приукрашивает, но и проектирует действительность, вдохновляет её к жизни, поскольку та зависит от людей, либо утешает, убеждает нас пережить, перенести то в жизни, что от человека не зависит.

Удивительно проникновенным и поучительным приложением философско-эстетической концепции Ю.И. Юдина явился диагноз, поставленный им двум культурам России XX века — классической, условно говоря, довоенных поколений, с одной стороны, и культуры модернизированной, молодёжи 1970-х — 1980-х, и особенно последующих лет. Имперской, с одной стороны, и, хотите, не хотите, демократической, с другой. На наших глазах архаизированная интеллигентской элитой культура чтения, мелодизма, симфонизма, эрудиции, интеллектуального спора, спорта (включая шахматы) и т.п. ценностей медленно, но верно (и необратимо?) вытесняется субкультурой видео- и вообще виртуальной квазиреальности ТВ и компьютерных игр, афро-американских рок-ритмов, узкого техницизма и житейского конформизма («пофигизма»). Мы вступили в новый, XXI век, когда, по Ю.И. Юдину, «происходит поворот от мира ищущего к миру комфортному, где поиск отдаётся во власть религиозного провиденциализма», когда «всеобщим стало отрицание былой культурной традиции при кризисном состоянии настоящей».

За контрастирующими формами культуры нельзя терять из виду содержания её исторических фазисов. Творческая культура российской империи (включая её советский эпицикл) подразумевала жёсткую иерархию, карьерные «лифты» для своих служителей. Сойти с рельсов служебной карьеры было некуда. Творческие занятия (вроде шахмат, чтения, спорта) помогали выживанию и продвижению «наверх» общественной летописи. Было неприлично оставаться некомпетентным в музыке, поэзии, архитектуре и прочих гуманитарных сферах не только самим гуманитариям, но и врачам, офицерам, инженерам, преподавателям точных дисциплин, да и всем остальным представителям образованной части общества. А нынешние менеджеры среднего и прочих звеньев зависят только от денег. Точнее, как всегда, от их количества. Темп труда в офисах всякого рода такой высокий, ответственность за результат работы столь строгая, что сил и времени на домашнее творчество сегодня остаётся всё меньше. Но заставить служить тому или иному хозяину уже никого нельзя. Свобода — то достижение, за которое наша страна заплатила культурой.

Реальные деньги заставляют работать больше, чем прежде. Поэтому и досуг героев капиталистического труда такой убойный: каждый сам по себе и все вместе. Это вам не вальс и не танго, а хип-хоп да брейк. Прогресс во вкусах и нравах заметен, но весьма относителен. Ветераны культуры не воспринимают новых форм быта и досуга. Молодёжь чуждается ветхозаветной эстетики, когда пели без микрофона, слушатели аплодировали только до и после концертного номера, а не прыгали вместе с солистами...

Какие же важные, на мой взгляд, ответы даёт нам Юрий Иванович на «проклятые вопросы» о настоящем и будущем, сколь трудные проблемы им тут явно или неявно поднимаются? Искусство «творчески искажает» или же эмоционально опережает жизнь? «Классическая» культура русской интеллигенции нейтрализовала в меру своих сил или же лицемерно маскировала да вольно или невольно поощряла ужасы советского тоталитаризма? Отличается ли принципиально нынешняя поп-культура от прежних установок обыденного сознания, в том числе эстетического, фольклорного? Почему негритянский поначалу джаз оклассичился, а последующие формы «чёрного стиля» на эстраде (рэп и проч.) официальной эстетикой числятся маргинальными? Какой вообще социальный опыт выражает нынешняя поп-культура? Она пророчит новые катаклизмы в судьбах мировой цивилизации, либо её темпоритмы цементируют края культурных разломов истории? Возможно ли взаимопроникновение науки и религии в современной культуре? И т.д., и т.п.

Без живого общения с Юрием Ивановичем Юдиным обсуждать такого рода вопросы стало много труднее. Каких-то сторон в анализе глубинных течений нашей повседневности без него уже никому, увы, не увидеть, не понять. Но именно он научил своих слушателей, читателей, собеседников не обходить стороной эти вопросы и не отвечать на них с кондачка, пробавляясь баналом разного рода обветшавших катехизисов или прячась за тень прогнивших авторитетов. Показал вдохновляющий пример противостояния житейскому злу и равнодушию ненарочитым игнорированием его отдельных носителей ради свободного следования своим собственным пристрастиям в творчестве и общении. Я уверен, что далеко не все забыли эти юдинские уроки.

*Отзыв на автореферат диссертации Н.А. Калюжной
«Исторический опыт деятельности советского государства
по формированию системы социального обеспечения граждан:
1917–1941 гг. (на материалах Центрально-Промышленного
экономического района РСФСР)»,
представленной на соискание учёной степени
кандидата исторических наук
по специальности 07. 00. 02 — отечественная история¹⁸⁷*

В Курском государственном медицинском университете, где я служу с 1975 г., в начале 1990-х гг. одним из первых в стране был открыт факультет социальной работы (до этого было два факультета — лечебный и фармацевтический). Этот факультет существует до сих пор, и я всё это время на нём преподаю философию. Моя кафедра философии располагается рядом с кафедрой социальной работы и социальной реабилитации, поэтому в какой-то степени я успел познакомиться с той тематикой, к которой примыкает диссертация г-жи Калюжной, чей автореферат я прочитал. Доводилось мне заниматься и тематикой советской истории 1920-х – 1930-х гг., которая отчасти затрагивала вопросы социального обеспечения наших сограждан в тот период.

Сразу констатирую, что, судя по автореферату, в основе диссертации лежит оригинальное, законченное и весьма содержательное научное историческое исследование. И актуальность, и хронологические рамки, и географический диапазон этой работы не вызывают сомнений. Именно в довоенный период сложились основы той системы социального страхования и социального обеспечения, которые были характерны для СССР вплоть до его ликвидации, и которые, как справедливо отмечает диссертантка, дают о себе знать по сию пору. Автор опирается на практически исчерпывающую архивную и библиографическую базу источников и литературы вопроса. В её работе уравновешены констатирующий нарратив, фактология — и аналитика, авторские суждения, выводы и рекомендации. Именно по поводу этих последних мне придётся сделать несколько замечаний к автореферату, которые касаются не его содержания (там всё довольно логично, объективно), а, скорее, дальнейшего осмысления богатого материала, накопленного соискательницей кандидатской степени.

¹⁸⁶ Сейчас уже нужно пояснять, что просто «бедные» это одно, а «недостаточные студенты» — другое. В пользу тех и других устраивались до революции разные благотворительные мероприятия.

¹⁸⁷ Отзыв, предоставленный в диссертационный совет по просьбе соискательницы учёной степени.

Хотя автор старается подчёркивать и плюсы, и минусы советского опыта заботы о разных слоях подопечного коммунистам населения, впечатление у читателя такое, что плюсов было больше, чем минусов. Отсюда и неоднократные призывы автора учитывать советский опыт теперь, в рыночных условиях. Следует согласиться с автором, что советское наследие в социальной психологии широких слоёв населения у нас далеко не изжито; с тем, что паразитизм и инертность воспроизводятся через родителей и у тех поколений, что родились и выросли уже после СССР. Однако следует ли отсюда вывод, к которому склоняется диссертантка, что российскому государству нужно и впредь всемерно поддерживать сирых и убогих? Не означает ли это загонять болезнь внутрь и тормозить её излечение? Действительно, значительная часть населения России осталась равнодушной к возможностям рынка. Они предпочитают жить на мизерные пособия вместо достойной зарплаты, лишь бы ничего не менять, никуда не ехать, никакой другой работы не искать. Такое население досталось нашим реформаторам, и оно заставило прагматиков у власти в лице В.В. Путина и иже с ним идти во многом по советскому пути: раз за разом повышая государственные дотации пенсионерам, инвалидам, бюджетникам, военным, полицейским и т.д. Рекомендация диссертантки развивать параллельно с бюджетной частную (церковную, соседскую, корпоративную, олигархическую) благотворительность носят абстрактный характер: ведь именно большевики радикально поломали такую традицию, небезуспешно развивавшуюся в предреволюционной России. Кому же было заниматься благотворительностью, когда все банковские средства, объекты недвижимости были большевиками национализированы? А припрятанные личные накопления отобраны у населения силой.

Короче говоря, может, стоит и у нас провести шоковую терапию, оправдавшую себя в Польше и других постсоциалистических странах? Пусть автор диссертации учтёт такую возможность.

Вообще советский опыт социального попечения отражён в автореферате, на мой взгляд, несколько идеализированно. Да, вначале и потом на словах, лозунгах, призывах, коммунисты призывали дать народу всё, что ему нужно для счастливой жизни. В литературе, кинематографе, прессе нескончаемой чередой шли картины того, как плохо жилось трудящимся при царе, и как хорошо им зажило при Советах. Но историк-то должен представлять себе статистически как выглядела картина социального благополучия / неблагополучия на самом деле. Коммунисты-то обеспечили прежде всего самих себя — за счёт остального народа. Да, сегодня в России общественное расслоение достигло рекордных размеров. Но не есть ли это прямое продолжение советского образа жизни? Персональные оклады, пенсии; элитное жильё, санатории; спецраспределители; буфеты в обкомах и горкомах; прочие льготы для номенклатуры — не трансформировались ли они в нынешнюю олигархическую систему? Не стоят ли «днепропетровские» «питерских»?

В этой связи автору диссертации стоило бы хотя бы кратко, в общем, показать, как строилось социальное попечение в нашей стране до революции, а кроме того, отметить, как оно строилось параллельно на протяжении XX в. в Западной Европе, в особенности в тех странах, где у власти оказались социал-демократы. Тогда читателю автореферата станет яснее, почему безработный негр в США получает пособие в 100 раз большее, чем зарплата квалифицированного врача в поликлинике в нынешней России. Можно ещё прикинуть доходы от государственных монополий (на экспорт сырья, оборонные заказы, проекты вроде сочинской олимпиады и т.п.) — и размеры выплат из бюджета на социальные нужды в той же самой современной России. Сказанное отнюдь не повторяет предвыборной риторики прикормленной властью КПРФ, но позволяет правдивее, без идеологических шор взглянуть на тематику этой интересной диссертации.

Все мои ремарки призваны только подредактировать работу Н.А. Калюжной перед её возможной публикацией. Такая книга найдёт множество читателей. А на правах рукописи автореферата и, следовательно, самой диссертации эта работа вполне отвечает критериям Высшей аттестационной комиссии России относительно такого рода квалификационных исследований. Автор, я убеждён, вполне заслужил искомую учёную степень кандидата исторических наук по истории России.

13 марта 2011 г.

КОЛЛЕГА ПО ИНСТИТУТУ

*Курский исследователь «Слова о полку Игореве» М.П. Парманин:
дополнения к энциклопедической справке*¹⁸⁸

Статья об этом персонаже «слововианы» уже имеется в известной «Энциклопедии» памятника, подготовленной Лихачёвским отделом Пушкинского дома¹⁸⁹. При подготовке к печати «Словаря курских историков» мне удалось несколько дополнить и конкретизировать соответствующий биографический очерк, который и предлагается вниманию исследователей и любителей неисчерпаемого памятника отечественной культуры.

Парманин Михаил Палладиевич (1885–1956)

Курский педагог, историк-краевед.

Уроженец Корочанского уезда, сын купца. Окончил корочанскую гимназию, а затем историческое отделение историко-филологического факультета Харьковского университета (с дипломом I степени) (1909). По завершению образования, с 1910 г. преподавал латинский язык в гимназии г. Богодухова. В 1912 – 1925 гг. на той же учительской службе в родной Короче.

Член Курской Губернской учёной архивной комиссии, затем Курского губернского общества краеведения. Заведовал краеведческим музеем в Короче (1920 – 1925 гг.). С 1925 г. живёт в Курске, преподаёт в средних школах и педагогическом техникуме (историю, географию, русский язык); медицинском институте (латынь). В 1928–1932, 1943–1944 гг. — сотрудник Курского краеведческого музея. Во время следствия по «Делу краеведов ЦЧО» допрашивался органами ГПУ, однако репрессирован не был. В период немецкой оккупации Курска служил в музее. Перед отходом немцев из города, был арестован ими и повезён на расстрел за город, но «спасся бегством по садам» (Из автобиографии).

Неоднократно публиковал научно-популярные статьи в курской периодике. Элемент самостоятельного научного исследования в его публикациях о прошлом родного края выражен слабо. Тем не менее М.П. Парманиным был поставлен своеобразный рекорд краеведческого долголетия — с 1910-х по 1950-е гг.

Его «заметки краеведа» на тему «Путь Игоря Северского на половцев в 1185 г.» опубликованы в престижном академическом издании — «Трудах» отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома). Сообщение строилось «на основе личного зна-

¹⁸⁸ Посылалось на очередную «слововедческую» конференции. в г. Сумы, но было ли там опубликовано, бог весть.

¹⁸⁹ См.: *Бобров А.Г.* Парманин Михаил Палладиевич // ЭСОПИ. Т. 4. П-Слово. СПб., 1995. С. 14.

комства с данной местностью и на основе некоторых археологических данных», почерпнутых краеведом из старой литературы и личных экскурсий по территории летописного Посеймья.

Умер 11 июля 1956 г. Статья в ТОДРЛ появилась вскоре после кончины старейшего в Курске историка-любителя. На эту публикацию неоднократно отзывались другие исследователи «Слова», начиная с *Б.А. Рыбакова*. Поправки к версии М.П. Парманина даны в персональной статье о нём, помещённой в энциклопедии «Слова о полку Игореве».

Сочинения: Необходимость изучения Курской губернии в историко-культурном отношении // Известия КГОК. 1927. № 3; Путь Игоря Северского на половцев в 1195 г. (Заметки краеведа) // ТОДРЛ. Т. XII. М.–Л., 1956. С. 55–59; карта.

Литература: [Некрологическая заметка от редакции] // ТОДРЛ. Т. XII. М.–Л., 1956. С. 55; *Рыбаков Б.А.* «Слово о полку Игореве» и его современники». М., 1971. С. 221; *Гетманец М.Ф.* Тайна реки Каялы. 2-е изд. Харьков, 1989. С. 12; *Бобров А.Г.* М.П. Парманин // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. IV. СПб., 1995. С. 14.

ОТ КОМПИАЦИИ ДО ПЛАГИАТА [И ОБРАТНО ¹⁹⁰]

Об изданиях Т.Н. Арцыбашевой по «исторической культурологии»
Курского края и диссертации А.В. Апанасёнка ¹⁹¹

На встрече с экспертами «Открытого правительства» 25 июля 2012 г. премьер-министр Д.А. Медведев обсудил новый законопроект об образовании. Особенно ему понравилась идея закрепления норм для борьбы со списыванием и плагиатом в вузах среди студентов и преподавателей. «Давайте подумаем над введением нормы, чтобы принимать дисциплинарные меры, вплоть до увольнения, к студентам, аспирантам и преподавателям, которые уличены в соответствующих правонарушениях» — предложил Медведев.

Российская газета. 2012 г. 26 июля. № 169. С. 3.

В этих моих заметках речь пойдёт об изданиях Т.Н. Арцыбашевой — преподавательницы кафедры культурологии Курского государственного университета ¹⁹². Представляется, что они помещаются именно в те «жанры», что упомянуты в заголовке моего отклика. Более того, перед нами тексты, на примере которых ярко просматриваются некоторые отрицательные тенденции отечественной историографии на рубеже прошлого и нынешнего веков. Как известно, книжный рынок России в это время оказался заполонён псевдонаучными опусами на исторические темы. Обратим внимание на ту сторону данной ситуации, которая относится к преподаванию истории в высшей школе, а в особенности к государственной аттестации историков, их учёной квалификации. Одно дело, когда бедную музу Клио «насилуют» в откровенно коммерческих целях, и покупатель в книж-

¹⁹⁰ Опубликовано: *Щавелёв С.П.* От плагиата до компиляции [Рец. на кн.: *Арцыбашева Т.Н.* Курский край и монастырская культура. Учебное пособие по региональной культуре. Курск, 1998. 72 с.; *Её же.* Очерки культуры Курского края. Вып. 2. Краеведческие материалы. Курск, изд-во Курского гос. пед. ун-та, 2000. 104 с.; *Её же.* Русь – Россия – Московия: от хакана до государя. Культурогенез средневекового общества Центральной России. Курск, изд-во Курского гос. ун-та, 2003. 193 с.] // Клио. Журнал для учёных. СПб., изд-во «Нестор», 2006. № 2 (33). С. 243–249.

Перепечатано в книге: *Щавелёв С.П.* Историки Курского края. Биографический словарь. Курск, 2009. С. 307–322.

¹⁹¹ Добавление 2012 г. относительно уличения в плагиате кандидата исторических наук А.В. Апанасёнка (Юго-Западный государственный университет, Курск).

¹⁹² См.: *Арцыбашева Т.Н.* Курский край и монастырская культура. Учебное пособие по региональной культуре. Курск, 1998. 72 с.; *Её же.* Очерки культуры Курского края. Вып. 2. Краеведческие материалы. Курск, изд-во КГПУ, 2000. 104 с.; *Её же.* Русь – Россия – Московия: от хакана до государя. Культурогенез средневекового общества Центральной России. Курск, изд-во Курского гос. ун-та, 2003. 193 с.

ном магазине волен выбирать издание любого сорта ¹⁹³. Совсем другое, когда заведомый фальсификат представляется на соискание учёной степени, за него органом государственной аттестации присваивается учёное звание (с ежемесячной доплатой бюджетных денег). Вирус подделки устремляется тогда на факультеты учебных заведений, засоряет умы студентов, финансируется за счёт бедных налогоплательщиков.

Книги, о которых пойдёт речь, увидели свет в издательстве одного из провинциальных, но государственных университетов. От имени этого университета они рекомендуются читателям. Первое — в качестве «учебного пособия по региональной культуре»; следующие две уже как «монографии»; адресуются «преподавателям, студентам», «краеоведам, историкам, культурологам и массовому читателю». Между тем любому мало-мальски квалифицированному читателю исторической литературы при чтении этих книжек видно, что они только по форме (да и то не всегда) имитируют учебный да монографический жанры. А по содержанию представляют собой не слишком умелый пересказ нескольких выхваченных из своего историографического контекста изданий. Из них же заимствуется вся остальная библиография. Такого рода «пустышек», как работы Т.Н. Арцыбашевой (именуемой ниже «автором»), за последние годы всё больше проходит через редакционно-издательские и диссертационные советы. Я взялся разобрать именно её книжки потому, что сам занимался многим из той тематики ¹⁹⁴, на рассмотрение которой они претендует.

Первая из упомянутых мной работ Т.Н. Арцыбашевой представляет собой публикацию её кандидатской диссертации ¹⁹⁵. Перед нами не слишком умелый пересказ отрывочных сведений о средневековой истории Курской земли из краеведческой литературы разных лет издания. Изложение изобилует перлами вроде следующего: «... Курск был построен на северо-востоке северянской земли ... при князе Владимире в 80-е годы X века для защиты от половцев» ¹⁹⁶. Тот факт, что первый половецкий набег на Русь состоялся в 1061 г., «автору» остаётся неизвестным. Равно как и споры учёных, когда именно мог возникнуть Курск в качестве великокняжеского города. Ну, и север с югом у нашей «авторши» не соотносятся. Школьная география ею не усвоена.

¹⁹³ Об антиисторических изданиях такого рода речь идёт в кн.: *Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д.* История России в мелкий горошек. М., 1998 («Памяти исторической науки посвящается» авторами).

О переизданиях псевдоисторических опусов позапрошлого века см.: *Формозов А.А.* Старая историческая литература на современном книжном рынке России // Книжное обозрение. 1996. 23 апреля. С. 9.

¹⁹⁴ См.: *Щавелёв С.П.* Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 1–3. Курск, 1997–2002.

¹⁹⁵ См.: *Арцыбашева Т.Н.* Монастырь на стыке культур (На примере монастырей Курского края Московской Руси XVII века). Автореф. дисс. ... канд. культурологии. СПб., 1997.

¹⁹⁶ *Арцыбашева Т.Н.* Курский край и монастырская культура, с. 5.

Следующая книга — «Очерки культуры Курского края» — у Т.Н. Арцыбашевой открываются главой «Магические ритуалы и языческие верования первобытного населения Посемья». Эта «глава» целиком копирует (дословно повторяет) статью А.Н. Апалькова (в ту пору младшего научного сотрудника Курского музея археологии) под названием «Почём был «опиум для народа» до нашей эры? Магические ритуалы курских язычников», опубликованную на стр. 2 выпуска 3 за 1992 г. «Летописи» — научно-популярного приложения к курской газете «Молодая гвардия». Как это принято при разоблачении плагиаторов, приведу сначала оригинальный текст, а затем его украденный вариант.

А.Н. Апальков: «Предки наши были язычниками, занимались земледелием и поэтому на первое место ставился культ солнца, огня и домашнего очага. С ними связаны многочисленные находки глиняных изделий, полученные при археологических раскопках на городищах Кузина Гора, Марица, Переверзево. Это лепёшки, хлебцы и блоки, имитирующие изделия домашних хозяек. ... Часто такие изделия украшались по выпуклой поверхности ямками, которые делали пальцами. Некоторые исследователи считают, что вдавление обозначает количество членов семьи, совершивших данный обряд.

Для культовых приношений и даров существовали специальные святилища. Одно из них исследовано на поселении у села Успенка. Культовое место состояло из глиняной площадки со следами ритуальных костров, а рядом находилась пирамидка из блоков, на вершине которой стоял сосуд.

Для совершения религиозных обрядов существовали и более крупные святилища, являющиеся племенными центрами для общего совершения культовых мероприятий. На городище Кузина Гора был выявлен длинный дом, окружающий кольцом площадку и содержащий внутри большое количество магических предметов.

Одним из свидетельств культа солнца и огня являются глиняные грузики и пряслица, использовавшиеся для производства тканей. Нередко вокруг отверстия, расположенного в их середине, наносили орнамент в виде линий или точек, составляющий рисунок светящегося солнца. Насечки в виде креста символизировали огонь. В одном случае крест был прочерчен на днище лепного сосуда. К культу земледелия относятся и находки глиняных моделей зерён ячменя, гороха и бобовых культур.

Большое ритуальное значение имели глиняные миниатюрные сосудики. В них женщины помещали что-нибудь съедобное и преподносили божествам. В некоторых сосудиках есть у дна отверстия, служащие для подвешивания в доме или святилище.

Определённое магическое свойство имели изображения животных на различных предметах. Рукоять скифского меча, найденного недалеко от Горшечного, украшена головками лосей. Та же голова, но вместе с копытцем, украшает костяной псалий (деталь конской узды) с Марицкого городища. Навершие другого меча выполнено в виде стилизованной лапы хищ-

ной птицы, имеющей два когтя и глаза. Изображение этих животных придавало вещам определённый смысл. Например, когтевидное навершие наделяло меч цепкостью, а лосиная голова — быстротой и силой. ...

У многих народов было известно гадание по внутренностям животных. В Посеймье существовало гадание по модели печени. Это были небольшие глиняные изделия с проколами, отделёнными друг от друга линиями и образующими участки, имеющими определённое значение. Традиция эта очень древняя и восходит своими корнями к культам Вавилона.

Магическими и лечебными свойствами у жителей обладали вещи, изготовленные ранее, например, в бронзовом веке. Кремнёвые стрелы и скребки прикладывали к ранам, а каменные сверлёные топоры вешали в доме и при совершении культовых обрядов через отверстия в них лили воду...»¹⁹⁷.

Автор процитированных строк — профессиональный археолог, участвовавший в раскопках многих памятников раннего железного века на территории Курской и Белгородской областей, опубликовавший в академических изданиях (вроде «Российской археологии») целый ряд статей соответствующей тематики. Т.Н. Арцыбашева, ничтоже сумняшеся, переписывает в свою «монографию» газетную заметку юного археолога, нигде никак не ссылаясь на источник сведений и не упоминая имени их настоящего автора:

«Многочисленные находки культовых предметов VI–VIII веков до н. э. на территории Курского Посемья позволили историкам пролить свет на ранние магические ритуалы, связанные с поклонением наших предков-язычников божествам Солнца, огня и домашнего очага. При археологических раскопках городища Кузина Гора, Марица, Переверзево найдены глиняные изделия, имитирующие лепёшки и хлебцы, предназначенные, по-видимому, богам-покровителям. Часто их выпуклая поверхность украшена выдавленными пальцами ямками, количество которых, возможно, соответствует числу членов семьи, совершавшей обряд. К культу земледелия относятся находки глиняных моделей зёрён ячменя, гороха и бобовых культур. Большое ритуальное значение имели миниатюрные глиняные сосуды, в которых женщины помещали что-нибудь съедобное для приношения божествам. В нижней части некоторых из них есть отверстия, служившие, вероятно, для подвешивания сосудинок в доме или святилище.

Находки глиняных грузиков и пряслиц, используемых в ткачестве, свидетельствуют о поклонении Солнцу и огню. Нередко их отверстия, расположенные в центре, окружает орнамент из линий и точек, составляющих рисунок светящегося солнца. Насечки в виде креста символизировали огонь. В одном случае крест был прочерчен на днище лепного сосуда.

¹⁹⁷ *Апальков А.Н.* Почём был «опиум для народа» до нашей эры? Магические ритуалы курских язычников // *Летопись. Совместный выпуск «Молодой гвардии» и Курского областного краеведческого музея.* Вып. 3. Курск, 1992. С. 2.

Для культовых приношений и даров существовали специальные места: жертвенники и святилища. Одно из таких мест обнаружили на территории древнего поселения у села Успенка. Оно представляет собой глиняную площадку со следами ритуальных костров. Неподалёку — выложенная из камней пирамидка, на вершине которой когда-то стоял сосуд.

Племенные культовые обряды совершали в общих, более крупных святилищах. На городище Кузина Гора археологами раскрыто длинное кольцевое сооружение с большим количеством магических предметов и круглой площадкой посередине.

Многим первобытным племенам было известно предсказание будущего по внутренностям животных. В Посемье бытовало гадание на модели печени, которая представляла собой небольшое глиняное изделие с проколами, отделенными друг от друга линиями, образующими участки определённого назначения. Традиция такого гадания пришла из глубины веков и восходит корнями к культам Древнего Вавилона.

Определённое магическое свойство имели изображения животных на различных предметах. Например, рукоять скифского меча, найденного недалеко от села Горшечного, украшена резными головками лосей. Рисунок такой же головы, но вместе с копытом, украшает костяной псалий (деталь конской узда) с Марицкого городища. Навершие другого меча — в виде стилизованной лапы хищной птицы, имеющей два когтя и два глаза. Согласно представлениям древних, эти изображения придавали вещам определённые качества: когтевидное навершие «наделяло» меч цепкостью, а лосиная голова — быстротой и силой.

Магические и лечебные свойства приписывали наши предки предметам, изготовленным, например, в бронзовом веке. Кремнёвые наконечники стрел и скребки прикладывали к ранам, а сверлёные каменные топоры вешали в доме и при совершении культовых обрядов через отверстия в них лили воду»¹⁹⁸.

В чём выразилось «авторское участие» г-жи Арцыбашевой? Слово «рядом» она заменила на слово «неподалёку». И получила за это степень доктора культурологии. За что и получает теперь от государства ежемесячно надбавку за учёную степень в семь тысяч рублей.

В издательской аннотации к процитированной книжке Т.Н. Арцыбашевой сказано, что «автор собрал, изучил, подверг анализу и систематизации сведения об истории Курского края, его ... религиозных традициях». На самом деле вся книжка изготовлена при помощи чистого плагиата (как в продемонстрированном нами фрагменте) или же тупого пересказа чужих текстов. Тем не менее эта книжка способствовала получению «автором» учёного звания доцента по кафедре культурологии. И ещё одной бюджетной надбавки, уже за учёное звание. А потом и за заведование этой же кафедрой культурологи КГУ. Ну, чем не грабёж?.. Финансовый — бюджет-

¹⁹⁸ Арцыбашева Т.Н. Очерки культуры Курского края. Вып. 2. Краеведческие материалы. Курск, 2000. С. 5–6.

ных денег; интеллектуальный — студентов, коих она «учит» культурологи по своим «учебным» «пособиям».

Последняя из вышеуказанных книг Т.Н. Арцыбашевой выстроена под докторскую диссертацию. Хотя её название маловразумительно: «Русь – Росия – Московия...» Сразу встаёт вопрос: почему после Руси (XI–XVI вв.) идет «Россия» из трактата Константина Порфиrogenета (905–959)?.. Целью исследования объявлено ни больше, ни меньше, как «ретроспективное изучение культуры Центральной России» (с. 4). Что тут скажешь? Решительная учёная дама. Выбор объекта рассмотрения, однако, произволен. «Центральная Россия», по мнению «автора», — «загадочный «континент»», географически и духовно соединивший Европу и Азию» — «Центрально-административный регион РФ» (с. 3–4). Даже из школьного учебника истории должно быть ясно, что историческая география Восточной Европы в Древности и в Средневековье имеет мало общего с современным административным делением нашей страны. «Верхняя», северная и «нижняя», южная Русь явно выходили в своё время за рамки нынешнего «региона № 1». Да и сам «автор» в своём изложении захватывает то новгородский север, то причерноморский юг. Причём же тогда в средневековом контексте «Центральный регион России»? А причём тут Азия?

По мнению Т.Н. Арцыбашевой, «Русская земля» уже к XI в. практически совпадает с границами современного Центрально-административного региона Российской Федерации» (с. 26). Нечего и говорить, что с мнениями и разногласиями историков (А.Н. Насонова, Б.А. Рыбакова, В.А. Кучкина) о действительном ареале первоначальной «Русской земли» — великокняжеского домена — наш «автор» совершенно не знаком, не говоря уже об оригинальных данных — летописных известиях и археологических фактах на сей счёт.

Первая глава «монографии» отводится «историографии культурологического изучения Центрального региона России». Форма такого рода обзоров «степени изученности избранной темы» у современных компиляторов отработана. Наборы имён писавших о чём-то подобном авторов сопровождаются, как в данном случае, эпитетами один похвальнее другого: «отличающиеся основательной фактологией, разноплановые по языку, приоритетам и позиции авторов» (с. 7–8); «научная смелость и широта эрудиции, убедительная аргументация и оригинальность выводов» (с. 14); «фундаментальность обобщений и глубина постижений, отточенность и оригинальность мысли, чёткость изложения авторского видения генезиса и культурогенеза» (с. 17) (кстати сказать, чем «генезис» отличается от «культурогенеза?»); и т.д., и т.п.

Невдомёк недоучившемуся «автору», что в академической литературе подобная комплиментарность оценок никогда не практиковалась. Перед нами просто «информационный шум», коим переполнена рецензируемая книга.

Логика отбора авторов в ту или иную рубрику ставит в тупик. Так, «разноплановые по языку (?)» «Н.Н. Бантыш-Каменский, С.Ф. Платонов, К.Н. Бестужев-Рюмин» (с. 8) расположены ни по алфавиту их фамилий, ни по возрасту, ни по их научной специализации. Столь же хаотично перечислены «работы по географии, истории и этнографии центральных губерний» (с. 11–12). В этом списке значатся следующие авторы: Д.И. Багaley (1857–1932), который вообще не занимался центром России, а лишь её «степной окраиной»; И.Д. Беляев (1810–1873), автор «Очерков истории северо-западного края России» (1867) и её пограничных служб на юге; никому не известный А.Н. Дренякин; археолог Д.Я. Самоквасов (1843–1911), ведший раскопки на пространстве от Польши до Крыма; В.Ф. Зуев (1752–1794), академик Петербургской АН, автор «Путешественных записок ... от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781 ...»; И.Н. Миклашевский (1864–1911), автор «Очерков крестьянского хозяйства Малороссии» (1887) и «Хозяйственного быта южной окраины Московского государства» (1894); профессор Воронежского университета В.П. Загоровский (1925–1994), специализировавшийся на Новой истории юго-востока России. Столь разновременных авторов объединяет только то, что их работы привлекают к своему анализу нынешние историки Курского края, у которых Т.Н. Арцыбашева, как видно, и списывает свои историографические перечни.

В один ряд «историков отдельных земель и княжеств» поставлены и авторы XIX – начала XX вв., и до недавних пор здравствовавший доктор исторических наук Л.В. Алексеев (Институт археологии РАН).

К археологам почему-то причислены В.В. Мавродин, А.Н. Насонов, И.Я. Фроянов (с. 14), — сугубо кабинетные историки, никогда не бывавшие на раскопках.

У мало-мальски знакомого с отечественной медиевистикой читателя историографические «акафисты» автора не могут не вызвать недоумения, всё растущего от одной перечневой «обоймы» её «предшественников» к другой. Взять хотя бы такой пассаж: «Набирает силу процесс сложения новых столичных и региональных исторических школ, формирование которых — совместная заслуга учёных московских и местных научных и научно-образовательных заведений: В.И. Большакова, Т.С. Георгиевой, А.Ю. Друговской, З.Д. Ильиной, А.И. Кравченко, В.И. Пановой, Б.Г. Пашкова, И.Г. Пархоменко, В.Я. Петрухина, Д.С. Раевского, О.М. Рапова, И.Е. Саратова, Р.Г. Скрынникова, М.В. Толстовой, А.С. Чистякова, А.В. Чистяковой, Н.А. Ульянкина, А.С. Хороших, С.П. Щавелёва и др.» (с. 17).

Можно предположить один-единственный критерий отбора перечисленных имён — только их книги попались «автору» под руку при чтении чужих публикаций (сама Т.Н. Арцыбашева, как видно, и малой доли упоминаемых изданий в руках не держала). Причём одни и те же статьи и книги — в особенности В.П. Даркевича, В.В. Енукова и некоторые другие — используются «автором» многократно на протяжении всей книги, пото-

му что сколько-нибудь шире историография Т.Н. Арцыбашевой неведома. Никаких особых «школ» вышеуказанные авторы не «складывают». И.Г. Пархоменко — скромный белгородский краевед. Н.А. Ульяновкин — автор явно фантастического сочинения на историческую тему. И.Е. Саратов — популяризатор науки, не чуждый преувеличений. А.Ю. Друговская — историк КПСС, чья докторская диссертация посвящена идеологии РСДРП. З.Д. Ильина, в свою очередь, изначально историк КПСС, что-то писала о культуре Курского края в Новое и Новейшее времена (почему она стала рецензентом книги Т.Н. Арцыбашевой, не будучи вовсе медиевистом, загадка). Никакого особенно нового слова в науке все эти авторы не сказали.

Другое дело Олег Михайлович Рапов (1939–2002), не так давно ушедший от нас профессор исторического факультета МГУ (между прочим, как и его учитель Б.А. Рыбаков, ярый антинорманист)¹⁹⁹. Ныне здравствующий В.Я. Петрухин из Института славяноведения РАН придерживается прямо противоположных воззрений на роль скандинавов в русской истории. Со скифологом Д.С. Раевским его объединяет лишь соавторство в одном учебном пособии по истории народов России в древности и раннем Средневековье.

К «московским» или «местным» «школам» причислять петербургского профессора Р.Г. Скрынникова?

Почему именно эти, а не многие другие историки России, сейчас «набирают силу», непонятно.

«А.С. Хороших» в рассматриваемом перечне, это, скорее всего, тоже покойный Александр Степанович Хорошев, покойный профессор кафедры археологии МГУ, заместитель В.Л. Янина по руководству Новгородской археологической экспедицией (и, соответственно, принадлежавший к его научной школе).

Кстати сказать, искажения фамилий, инициалов, названий в рассматриваемой книжке настолько изобильны, что никак не могут быть объяснены типографскими опечатками. Эти ошибки — результат редкой некомпетентности «автора». А.Н. Пыпин назван «Цыпиным» (с. 8); видный историк древнерусской архитектуры П.А. Раппопорт — «Раппортом» (с. 8); курский архивист, носитель старинной дворянской фамилии Л.Н. Позняков — «Поздняковым» (с. 9); А.С. Гацисский — «А.С. Ганиским» (с. 11)²⁰⁰; Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский — «Н.Н. Бантыш-Каменским» (с. 8); Николай Иванович Костомаров — «И.Н. Костомаровым» (с. 8); Петр Петрович Семёнов-Тян-Шанский — «В.П. Семёновым»; ныне здравствующий археолог из Ельца Н.А. Тропин — «Тропининым»

¹⁹⁹ См.: Памяти Олега Михайловича Рапова // Сб. Русского Исторического общества. № 8 (156). М., 2003.

²⁰⁰ Погубернский перечень историков-любителей заимствован Т.А. Арцыбашевой из моей книги: *Щавелёв С.П.* Первооткрыватели курских древностей. Вып. 2. Курск, 1997. С. 47, 52

(с. 14); Борис Николаевич Флоря — «А.В. Флорей» (с. 36); А.М. Щекатов — «Щекотовым», Д.А. Авдусин — «Алдусиным» (с. 128)...

С каким пренебрежением надо относиться ко всем этим деятелям отечественной науки, чтобы так безбожно исказить их имена!? Как ни странно это прозвучит для многих читателей моих заметок, но причиной множества технических ошибок у псевдоавтора является использование им... сканера (Устное сообщение мне издательского редактора книги Е.С. Головиной). С помощью сканера, выходит, готовятся ныне некоторые «монографии», «докторские диссертации».

Книга Д.Я. Самоквасова «Могилы русской земли» превратились у Т.Н. Арцыбашевой в «Могилы русской знати» (с. 13). Называя эту и две другие самоквасовские работы «трудами по археологии и археографии», она обнаруживает полное незнание с ними, потому что к археографии относятся совсем другие публикации этого автора. Якобы «доктор культуры» явно не понимает, чем именно занимается археография в отличие от археологии. Тем самым обнаруживая у себя явное отсутствие реального высшего (а, похоже, и среднего) образования, тем более гуманитарного.

«Симеоновская летопись» названа «Симоновской» (с. 190).

«Труд П.Н. Милюкова «Очерки по истории русской культуры» (1994)» издан не «в постсоветской России» (с. 17), а ещё в 1896–1903 гг.

Работа А.В. Кузы «Малые города Древней Руси» приписана «А.В. Флоре» (с. 95), который к тому же никакой ни «А.В.», а, повторю, Борис Николаевич.

Покойный «воронежский филолог А.О. Амелькин» (с. 97) на самом деле был историком.

Те издания, которые «автор» держала в руках, цитируются с упоминанием страниц. А в большинстве примечаний — только выходные данные, без страниц. Ссылки на этих авторов явно взяты из вторых рук.

Путаница научных исследований с краеведческим баснословием и научно-популярными изданиями — общее место в работе Т.Н. Арцыбашевой. В списке «краеведов и зачинателей регионоведения» ею объединяются и выдающийся этнограф Д.К. Зеленин, и скромный любитель старины из уездной Корочи М.П. Парманин; видный библиограф, литературовед, член-корр. АН СССР Н.К. Пиксанов и мало кому сейчас известные земские деятели позапрошлого века. Автор художественных произведений в стиле «фэнтези» М. Семёнова цитируется наряду с профессиональными историками вроде Р.Г. Скрынникова, В.П. Даркевича (с. 39–40), а порой и вместо них. Например, надписи на шиферных пряслицах из Вышгорода цитируются Т.Н. Арцыбашевой по книге М. Семёновой, а не по академическому их первоизданию Б.А. Рыбаковым. Семёновский пересказ азов славянской этнографии для юного читателя именуется «обобщающим исследованием» (с. 82).

Рассуждая на нескольких страницах (с. 94–97) о распространении грамотности на Руси XI–XIII вв., «автор» не ведает про обобщающее исследование данной темы²⁰¹. Зато нашим «автором» доверчиво воспроизводятся фантастические предположения о существовании у славян докириллической письменности, вроде следующего: «...Заимствованное хазарами у русов письмо соответствовало сармато-аланскому и сирийскому несторианскому, 21 буква которого и написание слева направо соответствует написанию нартов, записанных на хаттском языке...» (с. 95). Перед нами тяжёлый бред неграмотного человека, переписанный в «монографию» и «диссертацию» госпожи Арцыбашевой.

Автор полуфантастического сочинения «Тайны Русского каганата» (М., 2002) Е.С. Галкина в «библиографическом списке» Т.Н. Арцыбашевой красуется между авторами научных монографий по археологии А.З. Винниковым и Е.А. Горюновым.

Вот ещё один образец наивной эклектики нашего «автора»: «Географический словарь А.М. Щёктова [Щекатова — С.Щ.] отмечает, что Курск был построен варягами..., которых современные учёные считают балтами... Предполагается, что речь идёт о куршских балтах, чьё сокращённое племенное название «кур» сохранилось в гидронимике Курской земли» (с. 44). Что это за «современные учёные», как прибалтийская топонимика могла попасть на юго-восток Руси X–XI вв., «автором» не поясняется.

Не знает удержу Т.Н. Арцыбашева в прославлении разного рода теоретиков в связи с русской историей. Как известно, более чем спорную репутацию заслужил в академической среде Л.Н. Гумилёв, по отзыву «автора» — «ярчайший учёный современности». В её глазах «уникальна своей методологией, авторской позицией (не есть ли это методология? — С.Щ.), общим взглядом на динамику культуры (а это разве не методология? — С.Щ.)» (с. 17) и работа покойного же А.С. Ахиезера, к историческому Средневековью имеющая мало отношения.

Между тем действительно ключевые по заявленной «автором» теме труды Л.В. Милова²⁰² остались Т.Н. Арцыбашевой неизвестны. К числу «фундаментальных источников» своей работы «автором» почему-то относятся «искусствоведческие, культурологические, филологические и литературоведческие работы». В их числе — словари Брокгауза–Ефрона, М. Фасмера (названного, правда, Фесмером) и т.п., пусть замечательные, но справочники.

«Живописная Россия», между прочим, — вовсе не «научно-публицистический журнал», а полупериодический многотомник огромного формата.

²⁰¹ *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси (по памятникам эпиграфики X–первой половины XIII в.). М., 2000.

²⁰² См.: *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

Разница между источниками и литературой в историческом исследовании «культурологу» представляется весьма смутно. Например, рассуждая о древних иконах, «автор» ссылается на «Календарь и справочный указатель Рязанской губернии» за 1883 г. (с. 139).

Претендуя на культурологическое обобщение «источников», автор пользуется (путём прямого пересказа) публикациями историков, археологов и краеведов. Даже их она знает сугубо выборочно, в основном из вторых рук, по упоминаниям в чужих обзорах. А вот о работах по этнографии, фольклористике, антропологии автор почти не упоминает²⁰³. Нетрудно понять, почему. В Курске, где живёт «автор», этнография как-то заглохла, а вот фольклористика, напротив, сложилась в по-настоящему научную школу профессора А.Т. Хроленко. Этот учёный не склонен поощрять спекуляции на фольклорном материале и разьяснять его столь явным профанам, как Т.Н. Арцыбашева. Отсюда и лакуны в её построениях. Консультировали её по чьему-то начальственному указанию другие, морально неразборчивые лица — археолог, историк.

Глава вторая называется «Природные, социально-хозяйственные и геополитические факторы культурогенеза средневековой Центральной России». Здесь много громких слов об «этно-, социо-, культуро- и цивилизациогенезе» (с. 19); немало цитат из Л.Н. Гумилёва, Г.В. Вернадского, Н.А. Бердяева, «нашего современника И.В. Кондакова». Между тем любого, кто мало-мальски знаком с отечественной историей, способен насторожить уже хронологический диапазон, на рассмотрение которого претендует Т.Н. Арцыбашева: «раннее и зрелое Средневековье (VI–XV вв.)» (с. 19). В результате тривиальный пересказ школьного, в лучшем случае университетского учебника по истории славянской колонизации Восточной Европы дополняется «автором» философскими оценками менталитета, картины мира наших предков. По её дамскому мнению, в нашем «национальном мироощущении глубоко укоренены ирано-арианская бинарность, иудейское мессианство и исламская покорность, наряду с многовариантным язычеством...» (с. 69). Русский национальный характер, над тайнами которого размышляли многие выдающиеся умы человечества, на взгляд дамы-культуролога, похож на этакое «лоскутное одеяло» из кусочков всех чужеродных религий, кроме православия... Как иронически писал И. Бродский, «жрица, Постум, и общается с богами».

Разумеется, кроме весьма сомнительных философем, наш «автор» стремится подкрепить свои выкладки фактами. Почему-то в основном не из письменных источников, а археологическими. Для человека, никогда в жизни не бывавшего на раскопе, приём опасный. Однако данными архео-

²⁰³ Говоря о «публикациях результатов научных экспедиций А.С. Машкина, М.Г. Халанского и В.И. Резанова» (с. 12), автор не ведает, что отставной поручик А.С. Машкин ни в какие экспедиции не ездил, а, проживая в Обоянском уезде, записывал свои наблюдения над бытом земляков и посылал их в столичные этнографические издания.

логии «автор» распоряжается весьма вольно. Ею, скажем, выделяются «близкие между собой славянская, верхнеокская, роменская и борщевская (боршевская — С.Щ.) ... культуры, соответствующие трём обширным зонам заселения крупнейших славянских этнических групп — восточной, юго-восточной и южной, а также салтово-маяцкую (алано-сарматскую) и волынцевскую, оставленную ... славянизирующимися алано-болгарами» (с. 27). Остаётся только догадываться о том, что под культурой «славянской» может быть имеются в виду словене новгородские, «верхнеокской» — вятичи. Почему предшествующее роменцам (IX – начало XI в.) волынцево (вторая половина VIII, а отнюдь не «VIII–IX вв.», как утверждает «автор» на с. 28) «представлено» вышепоименованными салтовцами, читателям будет трудно понять, да и не надо. Обо всём этом Т.Н. Арцыбашева пишет со ссылкой на замечательную, но уже довольно давнюю, 1965 г. издания, коллективную монографию «Древнерусское государство и его международное значение». О том, что славянское население на Левобережье Днепра предполагается нынешними археологами на несколько столетий ранее VI в., наш «автор» не подозревает. Берясь писать об этнических процессах в данном регионе на протяжении I тыс. н. э., Т.Н. Арцыбашева не удосужилась познакомиться с опорной литературой вопроса — трудами А.П. Медведева, А.М. Обломского, Р.В. Терпиловского, О.А. Щегловой и других специалистов. А что ценного для «культурологии» можно было бы добавить к выводам этих археологов, я лично сказать затрудняюсь.

Как это «балты» могли «делить Днепровское Левобережье с тюрками по линии Поныри – Курск – Беседино – Обоянь» (с. 29), когда первый «осколок» Тюркского каганата — печенеги появились в днепро-донских степях лишь к 915 г., а последняя весьма и весьма предположительно балтская культура здесь — колочинская, датируется VII в.?

Сугубо поверхностное знакомство с археологическими реалиями приводит Т.Н. Арцыбашеву к неоднократным ляпсусам. Так, она пишет про «складные карманные весы» (с. 68) средневековых купцов, не ведая о том, что тогдашний костюм ещё не имел никаких карманов, и весы хранили в специальных чехлах. По её мнению, «на Горнальском городище ... археологи обнаружили княжескую (?) усадьбу X столетия и фрагменты станков (?) для чеканки монет» (с. 51). Как именно билась монета в ту пору, нашему «культурологу», ясное дело, неизвестно. Равно и о том, что собой представляют «станки» и когда они вообще появляются на нашей земле. Тогда зачем писать обо всём этом «с учёным видом знатока»?

Не лучше обстоит дело с историческими терминами. Тамга названа «тангой» (с. 114); князь Олег — женским вариантом имени — «Хельга» (с. 52). Боршевскую археологическую культуру «автор» упорно именуется, даже в цитатах, «борщевской» (с. 27); «борщовским селищем»; «борщевско-вятической культурой»; «памятниками борщовского типа» (с. 28) и т.д. Река Сава почему-то заменяется мужским именем «Савва» (с. 29); река Сула — «Сурой» (с. 41); река Свапа — почему-то «Сновой» (с. 44); город

Любеч — «Любичем» (с. 43 и ещё неоднократно). Налицо опять-таки резвое использование «культурологом» сканера, который, вот беда, имена собственные да географические копирует неточно... Налицо не владеющий родным русским языком «доктор культурологи».

В манере Т.Н. Арцыбашевой — периодические ссылки, претендующие разъяснить те ли иные археологические, исторические реалии. Скажем, по её мнению, «своими погаными» русские князья называли половцев, кочевавших с семьями (?) в сопредельной Руси степи...» (с. 25). Как видно, кроме половцев этот «культуролог» никаких других кочевников не знает. На самом деле, так назывались торки и другие тюркские орды, образовавшие союз так называемых «Чёрных клобуков», которых русские князья поселили оседло в Переяславльском княжестве в качестве элемента пограничной стражи.

Летописный «путь из варяг в греки» датируется «автором» IX в., тогда как первый поход князя Олега на Византию относится к 907 летописному году.

К одним из своих заключений «автором» даются ссылки на источники соответствующей информации, а к другим нет. Примечание-экскурс о происхождении лучевых височных колец (с. 30) заимствовано из итоговой на сей счёт работы Е.А. Шинакова, но именно этот автор здесь не назван.

Приёмы фортификации на городищах северянского Посеймья реконструированы В.В. Енуковым, однако их пересказ в сноске на с. 35 ведётся как бы от лица «автора», без каких бы то ни было ссылок. Можно подумать, что Татьяна Николаевна Арцыбашева «резала» вал Ратского городища, а не автор этих строк...

Гипотезы и даже догадки тех или иных учёных приводятся нашим «автором» как законченные научные выводы. Например, этимологизация имени летописных северян с помощью меланхленов Геродота (с. 29); приписывание им же «Тмутаракани» как «отчины князя Чёрного» как родоначальника черниговской династии князей (с. 70); связь названия Рязани — «с упоминаемой в аутентичных (?) источниках Арсой-Артой (?)» (с. 31); и т.п.

По мнению Т.Н. Арцыбашевой, остатками летописных северян являются севрюки XV–XVII вв., а потом — так называемые «саяны» (с. 29). Рассуждая здесь и далее о «сиверитах», «севере», севрюках, автор не ведает про специальное исследование Н.М. Багновской, недавно защищённое как докторская диссертация²⁰⁴. Отсюда путаница летописного политонима, позднелетописного регионима и этнографической группы новейшего времени совсем иного происхождения.

²⁰⁴ См.: Багновская Н.М. Этническая история Северской земли (Основные этапы этнического развития населения). Автореф. дисс. ... канд. ист. н. М., 1979; *Её же*. Севрюки (Население Северской земли в XIV–XVI вв.) // Вестник МГУ. Серия 8. «История». 1980. № 1; *Её же*. Северская земля: историко-этническое формирование и развитие населения в VIII–XVIII вв. Автореф. дисс. ... докт. ист. н. М., 2001.

К числу «больших неукреплённых поселений с этнически неоднородным, поликультурным населением» IX–X вв. «автор» причисляет: «Михайловский, Петровский и Тимерёвский центры у Ярославля, Гнёздово на Днепре под Смоленском, залесское Сарово, Супруты на р. Упе, ... Титчиха на Дону, Горналь, Гочево и Липино Курщины». Их якобы объединяет «наличие характерных разнокультурных материалов (норманских, иранских, арабских, византийских, хазарских)» (с. 32–33). В этом перечне спутаны достаточно разнотипные и разновременные памятники, включавшие в свой состав как раз укреплённые городища, а то и не одно. Особенно подкупает «обобщение» Т.Н. Арцыбашевой, согласно которому «одно бесспорно для всех [историков] — достаточно отчётливый внутригосударственный, внутрирусский характер такого рода поселений и явные признаки функционирования на маркированной ими территории единой управленческо-экономической системы. Кроме того, археологически доказано, что в Центральной России не было ни одного крупного поселения, основанного выходцами из Скандинавии...» (с. 33). Конкретного облика вышеупомянутых Гнёздова, Тимерёва, Сарского городища, не говоря уже о Старой Ладоге, Рюриковом городище возле Новгорода, причерниговских Шестововицах и прочих мест компактного проживания «выходцев из Скандинавии», наша читательница старой советской археологической литературы, конечно, не представляет. Тот факт, что почти все упомянутые ею «племенные» центры и скандинавские фактории были захвачены и разрушены войсками Киева, т.е. собственно Руси X–XI вв., «с культурологической точки зрения» (с. 33) незаметен.

Глава третья почему-то не только продлевает хронологию предыдущей главы, но и повторяет её: «Раннесредневековый и Киевский циклы культурогенеза Центральной России». Здесь речь опять идёт о славянах VII–X вв., но уже как основателях «государства Русь». Не могла, разумеется, наша «медиевистка» миновать проблемы происхождения Руси. Мимходом помянув каких-то невероятных «аорсов-полян-русов» (с. 47), Т.Н. Арцыбашева столь неуклюже присоединяется к старым аргументам антинорманизма, что диву даёшься. На дюжине страниц своей «монографии» она пытается реферировать «наиболее любопытные из развивающих эту тему публикаций последних лет» (с. 59). Сюда причислены упражнявшиеся на эту тему малограмотные любители псевдосенсаций И.Е. Саратов («Следы наших предков», 1985), Н.А. Ульяновкин («Откуда есть пошла русская земля», 1993), Г.Ф. Хохряков («Русские. Кто мы», 1993), Е.С. Галкина со своим несусветным «каганом руссов» в лице салтовского варианта Хазарии, а за компанию с ними два профессиональных историка — В.П. Даркевич (прямо на эту тему не высказывавшийся) и В.В. Седов (чья предсмертная гипотеза о том же «каганате руссов» в диапазоне волынцева пока не снискала признания коллег).

Отводя особый раздел христианизации Руси, Т.Н. Арцыбашева не знает о капитальном исследовании данной темы на новых источниках ²⁰⁵, а потому выдвигает предположения, диаметрально противоположные этим последним.

Пару-тройку раз Т.Н. Арцыбашева присоединяет к вычитанному из чужих книжек собственные соображения по обсуждаемой проблеме. Лучше бы она этого не делала, ограничиваясь переписыванием чужих публикаций. Абсурда вышло в свет меньше бы. Так, узнав из опубликованных Е.А. Мельниковой легенд к скандинавским географическим картам и искажив при переписке в свою книжку название «Великий [надо — Великая — С.Щ.] Свитьод» (т.е. дословно Великая Швеция), наш «автор» отождествляет этот хороним со «Скифией», а в её пределы вписывает (потеряв конечную букву *-и*) «Гардарик», т.е. Русь. То, что Е.А. Мельниковой справедливо охарактеризовано как «учёная легенда» ²⁰⁶, — версия переселения предков скандинавов из Азии, — под бойким пером глупой Т.А. Арцыбашевой превращается в «дату (?) возможного появления руси в краю болотистой (?) тайги и прозрачных (?) озёр» (с. 61).

Сделанное Т.Н. Арцыбашевой примечание гласит: «Описание рукописи и характеристика карты см.: С. Rafn. AR, II, p. 392; Alfredi Islensk, b. 2, p. C» (с. 60). Эту же аббревиатуру (явно не умея её расшифровать) она включает в «Библиографический список» к соответствующей главе. Читателю надо думать, что это не Е.А. Мельникова ездила в Швецию, работала там в библиотеках и архивах, чтобы систематизировать и перевести древнескандинавские картографические источники о Древней Руси, а сама

Т.Н. Арцыбашева тоже знакомилась с отсутствующей в российских библиотеках работой С.С. Rafn «Antiquite's rusesse...» 1852 г. издания по-французски или же с её латинским переводом; а также в оригинале же с «Исландской литературной энциклопедией» 1917–1918 гг. издания (разумеется, на исландском языке). Ну, а так выходит, что перед нами полиглот Арцыбашева, знающая и древние языки, и исландский, только по-русски пишущая с ошибками дошколёнка.

Цитируя по популярному изданию «Житие» Феодосия Печерского, «автор» усматривает во фразе «Рехъ ти, яко повелено ми есть от игумена, яко аще и князь приидет...», античный титул *rex* — король. Между тем в дословном переводе О.В. Творогова соответствующий пассаж безусловно внятен: «Сказал тебе: повелено мне игуменом, что если и сам князь придет...» ²⁰⁷ Перед нами вполне ясная языковая конструкция. *Рехъ* тут — ни-

²⁰⁵ См.: Мусин А.Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.

²⁰⁶ Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1986. С. 217.

²⁰⁷ Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. I. XI–XII вв. СПб., 1997. С. 386–387.

какое не существительное, а глагол — сигматический аорист от основы на согласную — *реити*²⁰⁸. Никакого царя-«рекса» отсюда не вычитать, поскольку славянская буква «хер» только внешне похожа на латинскую «икс»; смысловой же связи между ними нет. Даже если перед нами было бы существительное (вроде «князь»), то в процитированном предложении оно стояло бы в звательном падеже — *княже*, а никак не в именительном. По мнению же Т.Н. Арцыбашевой, древними языками явно не владеющей, «описанная ситуация позволяет понять характер развития и нюансы использования этого термина» (с. 64) — «король». Таким вот безграмотным образом, надо полагать, ею реализуется поставленная в начале «монографии» задача рассмотрения «фундаментального принципа культурогенеза Центральной России» — «генезиса власти» (с. 6).

Гораздо полезнее для отечественной культурологии было бы, коли Т.Н. Арцыбашева поучилась языкам, начиная со старославянского и древнерусского, а в особенности современного русского литературного, раз она берётся писать на медиевистические темы. Тогда она, может быть, хоть что-то поняла в феодосиевом житии. Как ни странно это прозвучит, но «автор», имеющий учёные степени и кандидата, и доктора культурологии, функционально не слишком грамотен даже в современном русском языке. Это видно по множеству грамматических ошибок в разбираемом тексте, список которых пополнил ещё одним трудным для «культуролога» словом: «*Претензионное* название Новый Иерусалим...» (С. 179). Ну что делать, если латинские корни не вяжутся у «культуролога» с французскими и ему неизвестно слово «претенциозный»...

Я затрудняюсь прокомментировать тот факт, что именно этот, едва ли не самый абсурдный, раздел своей книги — о русах и варягах — Т.Н. Арцыбашева сумела опубликовать в первоизданном виде на страницах журнала «Вопросы истории»²⁰⁹. Впрочем, цена за публикацию в журналах так называемого ваковского списка хорошо известна.

Четвёртая и пятая главы «монографии» доводят её хронологию до XVII в. Рассказ об удельном периоде, татаро-монгольском нашествии и «рождении Московии» ведётся «автором» в том же компилятивном духе, с разношёрстными ссылками на учебную, популярную, научную литературу. Последняя представлена более чем выборочно; Т.Н. Арцыбашева практически не знакома с обобщающими работами недавних лет издания, хотя они прямо посвящены той самой тематике, по которой она стремится что-то писать²¹⁰.

²⁰⁸ См. образец спряжения этого слова: *Иванова Т.А.* Старославянский язык. М., 1977. С. 146.

²⁰⁹ См.: *Арцыбашева Т.Н.* Славяне — русы — варяги — кто они? // Вопросы истории. 2004. № 1. С. 118–124. Г.В. Вернадский в *Примечаниях* к данной публикации почему-то назван *Vernadsky S.* Есть редакторы в приватизированном журнале, или их уже нет?

Мой затянувшийся комментарий к «монографии» Т.Н. Арцыбашевой приводит к выводам общего плана. Дело не в какой-то провинциальной «доцентше», пролезающий всеми правдами и неправдами в «профессорши». Налицо сугубо антинаучное, с массой фактических ошибок и концептуальных несуразностей сочинение дилетанта. За него надо не давать докторскую степень, а отбирать аттестат о среднем образовании. Однако оно явно претендует на присвоение учёной степени доктора наук по специальности 24. 00. 02 — историческая культурология. Соотнося реальное содержание работы с её апробационными претензиями, лишней раз понимаешь, что целый ряд принципиальной важности институтов исторической науки — научное редактирование, рецензирование, оппонирование и государственная экспертиза — находятся под серьёзной угрозой. Все они по существу отменены, фальсифицированы в нашей стране. Не только кандидатские, но и докторские учёные степени в России сегодня возможно получить за антинаучные сочинения. На самом деле — купить. Никакой ответственности за одобрение такого рода опусов лицами с учёными степенями и званиями и учреждениями высшей школы не предусмотрено и не несётся ²¹¹. По-моему, Высшей аттестационной комиссии и всему Министерству науки и образования России пора бы от неоднократных грозных слов перейти к реальным делам по выстраиванию заслона на пути фальсификации исторической науки в нашей стране.

Как показывает научно-апробационный опыт 2000-х годов, это уже невозможно, и в обозримом будущем Высшая аттестационная комиссия России бесславно прекратит своё существование. Учёные степени и звания будут присваивать сами высшие школы и исследовательские институты. Как во всём мире. Но тысячи лжеучёных вроде Арцыбашевой останутся, чтобы морочить головы новым поколениям студентов и аспирантов. Таков печальный итог трёхвековой системы учёных степеней и званий на нашей родине.

P.S. 2012 г. Дурной пример, как известно, заразителен. В начале 2012 г. интернет-сообщество российских гуманитариев сотрясла очередная

²¹⁰ Обратим внимание «автора» на некоторые из таких работ: *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000; *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2001; *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 1999; *Русь в XIII веке. Древности тёмного времени.* М., 2003.

²¹¹ Сравним выводы, прочитанные мной после первой публикации этого отклика: «Требования относительно представляемых к защите диссертаций неумолимо падают, так что средняя кандидатская диссертация сейчас эквивалентна прежнему студенческому диплому; о докторских диссертациях лучше вообще умолчим. ... И, наконец, что касается статей и книг — значительная их часть суть скороспелые плоды самодеятельности недоучившихся дилетантов, изобилующие фактическими ошибками и обличающие незнание авторов с элементарными правилами русского языка» (*Буланин Д.М.* Эпилог к истории русской интеллигенции. Три юбилея. СПб., 2005. С. 106–107).

скандальная история. Петербургский профессор А.А. Панченко доказательно обвинил в плагиате свежееиспечённого доктора исторических наук А.В. Апанасёнка из курского «Юго-Западного университета» (бывшего в недавнем прошлом Политехнического института). Несколько страниц монографии А.А. Панченко 2005 г. издания ²¹² дословно повторяются Апанасёнком в «его» «статье» 2009 г. ²¹³ Заимствованный без каких бы то ни было ссылок текст составляет около двух третей этой статьи. В составе украденного материала — и авторский текст Панченко (с изменениями отдельных слов), и его цитаты из редких старопечатных изданий и остальной литературы вопроса, и ссылки на те же самые источники и литературу.

В своём открытом интернет-письме к руководителям университета, где служит Апанасёнок, и к редакции тамбовского журнала, где плагиатированная «статья» была опубликована, петербургский учёный заявляет: «... Будучи членом российского академического сообщества, я считаю своей обязанностью способствовать сохранению и повышению общего уровня отечественной науки, в том числе — бороться с практикой научного плагиата и продолжающейся девальвацией учёных степеней кандидата и доктора наук».

Характерна реакция причастных к этой истории лиц. Ректоры упомянутых в письме университетов, курского и тамбовского, не согласились, вопреки очевидности, с обвинением А.А. Панченко, взяли под защиту своего скомпрометированного сотрудника. Как говорится, рука руку моет.

Сам Апанасёнок в своём интернет-ответе на письмо А.А. Панченко признаёт, что он штудировал его монографию, узнал из неё о существовании целого ряда источников и старинных публикаций по теме, прочитал их и ... «счёл возможным напрямую сослаться на них». Ну, ладно, пусть Апанасёнок игнорирует принятую среди учёных практику *печатно* отмечать благодарностью подсказанные нам факты и идеи, источники и публикации. Он нигде — ни в этой статье, ни в автореферате диссертации даже не сослался на использованную столь беззастенчиво чужую монографию. А теперь, после разоблачения, пытается «романтизировать» своё «заимствование»: статья де «была написана в 2005 г. (в бытность мою (Апанасёнка — С.Щ.) совсем молодым, неопытным историком), долго лежала у меня, потом довольно много времени провела в редакции»; «такого рода работу сегодня я бы ни за что публиковать не стал». Дескать, за пару лет до защиты докторской диссертации «опытность» повзрослевшего на втором десятке лет историка не позволила ему отозвать фальсифицированную статью из редакции... Ведь без пяти минут доктора исторических наук «подкупила обстоятельность монографии» А.А. Панченко. Вот, оказывает-

²¹² *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество. Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002; 2-е изд. М., 2004.

²¹³ *Апанасёнок А.В.* «Раскольники те ужасны своими деяниями...»: из истории борьбы со старообрядчеством в провинциальной России XVIII в. // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. 2009. № 3 (71). С. 210–214.

ся, в чём причина дословного и почти дословного пересказа чужого текста целыми страницами: «разобрав довольно много материала», который первым проштудировал и ввёл в научный оборот А.А. Панченко, Апанасёнок «остался во власти Вашей логики и фразеологии (и, вероятно, обаяния самой книги), что предопределило близость текстов». «Близость», имейте в виду, а не воровство чужого текста. Дескать, я не переписывал у вас, Панченко, а запомнил ваш текст страницами и непроизвольно его воспроизвёл. Ведь текст-то такой хороший, как его не запомнить и не повторить... Вы меня не ругать, а хвалить должны. Ситуация, дословно повторяющая известную сцену из «Золотого телёнка» И. Ильфа и Е. Петрова. Там, помните, Шура Благанов тоже оправдывается в трамвайной краже: «Я же машинально...» Так точно и Апанасёнок говорит в своё оправдание: я не хотел плагиата, я непроизвольно повторил, будучи под обаянием чужого текста...

Причём украл я всего один раз, — продолжает выстраивать железобетонную, на свой взгляд, оборону Апанасёнок, — только в этом «конкретном случае». Просмотрите, люди добрые, все прочие опусы нашего якобы доктора наук — там ничего подобного не найдёте. А за тот, тамбовский, он петербургскому коллеге «приносит извинения».

Про таких людей, как Апанасёнок, в народе говорят: плюнь в глаза — божья роса... Он отрицает очевидность вместо того, чтобы покаяться без многочисленных псевдооправданий. «Логика» тут тривиальна до тошноты: да, я в чём-то согрешил, но тогда я был молод (тогда мне было всего лет двадцать пять, а теперь уж я постарше, мне уже тридцать); больше этого я не повторю; кроме меня и другие воруют, чего же вы именно ко мне прицепились?..

Даже ссылка на панченковскую монографию в первоначальном тексте апанасёнковской статьи якобы была — верьте плагиаторскому слову, да при сокращении «пропала (видимо, по недосмотру)». Чьему недосмотру, теперь и не упомнишь. Вот так вот и получился — нет, вовсе не плагиат, а «легкомысленный и неэтичный подход». Незабвенный Е.Л. Шварц в своей пьесе «Тень» это описал: такие персонажи, как Апанасёнок, «пощёчину называют просто "шлепок"».

Апанасёнок совершенно согласен с призывом разоблачителя «поддерживать и повышать уровень отечественной науки». Он тоже готов не щадя живота своего «бороться против имитаторства и плагиата». Но «взвешенно и объективно». Что в этом случае означает призыв забыть всего лишь один, «пусть и досадный, эпизод» откровенного плагиата «в моей многолетней работе». Эпизод научного воровства, однозначно именуемого плагиатом. Давайте, призывает вор научного капитала, сделаем вид, что я ничего не воровал... И я встану, обещает, в один ряд в борцами против плагиата...

Невдомёк ошалевшему от страха потерять вождьленную учёную степень молодому человеку, что хвалить самого себя ради того, чтобы «отма-

заться» от якобы единственного случая плагиата, значит выдавать себя с головой. Он пишет в ответ А.А. Панченко: «Я занимаюсь исследованием старообрядческой истории и культуры ... со студенческих лет. За это время провёл тысячи часов в различных архивах... Часто выступал на конференциях... Были изданы соответствующие монографии ... У «узких» специалистов монографии также вызвали положительные отклики ... Не отказываясь от своих промахов, ошибок, упущений, могу назвать себя человеком увлечённым». Юноша, пролезший в науку, не понимает: не в том же дело, кто как сам себя называет. Это не твоё дело публично себя хвалить. Никакой вменяемый учёный до этого не опустится. Никакого отношения к факту плагиата эти похвальбы, хоть твои собственные, хоть со стороны, вообще не имеют.

А вот тут и зарыта «историографическая собака». Если сравнить казус Апанасёнка со случаем вышераскритикованной мной Арцыбашевой, то можно уже типологизировать изменников российской науке. Одни, как Арцыбашева, только подделываются под учёных. Никто их таковыми не считает, все знают цену самозванцам. Ну кто будет ссылаться на безграмотный опус Арцыбашевой? Да никто, кроме столь же безграмотных «кандидатов в доктора». А вот Апанасёнок начал с нормальных, пусть и не выдающихся, статей. В отличие от стопроцентной воровки Арцыбашевой, которая не то что в архивах не работала, даже и книг почти не читала, и по-русски пишет с многочисленными грамматическими ошибками, Апанасёнок в архивах (ну не «тысячи», конечно, часов) и в библиотеках посидел какое-то время, вышел на средний уровень нашей историографии. А потом возомнил о себе, возжаждал побыстрее получить высшую учёную степень, и пустился во все тяжкие. Нарывши эмпирического материала, он не потрудился потратить время своей жизни на овладение необходимым культурным контекстом для его объяснения. И заимствовал его из работ настоящего учёного А.А. Панченко.

Кто из обманщиков опаснее? Ответ ясен. Бредовые тексты Арцыбашевой и множества ей подобных «учёных» никто и смотреть не станет. А вот статьи и книжки Апанасёнка кто-то из коллег примет за чистую монету. А получит фальшивую. Только такие, как он, вроде бы учёные, запускают в науку информационные вирусы. «Арцыбашевым» такое слабо. Поэтому единственная честная реакция на разоблачение плагиата — лишить плагиатора и кандидатской, и докторской степеней. Как толстовского персонажа Долохова разжаловали за воинские преступления в рядовые.

Разница вредителей от науки видна и по реакции на разоблачение. Арцыбашева и её вдохновители и руководители из Курского университета помалкивают в тряпочку. А вот Апанасёнок в ответ на безусловное разоблачение ерепенится. Старая как мир история: вор кричит: «Держи вора!!» Современная аналогия — «Александр Родионович Бородач» из комедийной «Нашей раши». «Понять и простить» просит Апанасёнок. Логика точно такая же, как у талантливого комика М. Галустяна в упомянутом теле-

персонаже: «Я ж всего один раз украл. Больше не буду. Я всё понял. Надо меня понять и простить». Сравните у Апанасёнка: «... Прошу вас не делать скоропалительных выводов на основании одного, пусть и досадного, эпизода в моей многолетней работе».

Вот о такой реакции противоречить правде и писал в борьбе с врагами науки А.А. Формозов: многие учёные раболепствуют и лгут оттого, что ум у них привычен к утончённым силлогизмам.

Уморителен постскрипtum потешной самоапологии Апанасёнка: «Несмотря на тяжёлые чувства, сочту за честь познакомиться с автором прекрасных монографий». «Готов приехать в Санкт-Петербург в удобное для вас время» чтобы «пообщаться лично». С тем же успехом подсудимый воришка готов пойти с судьёй куда-нибудь «посидеть», «перетереть» все эти дела с мелкой кражей... Курянину «кажется, научные идеалы не должны вступать в конфликт с человеческими отношениями». Короче, простите меня, граждане судьи, я больше не буду красть... Очень боится плагиатор реакции ВАКа. Поэтому и юлит, то огрызаясь, то оправдываясь.

А.А. Панченко наивно надеется, что «руководство ЮЗГУ известит Высшую аттестационную комиссию о плагиате, обнаруженном в статье А.В. Апанасёнка», а тамбовский «ваковский» журнал «поместит официальное редакционное объявление о плагиате». Так они и разбежались. Они будут защищать плагиатчика, а в их глазах и самих себя, до конца своих возможностей, связей в «коридорах власти». И, я думаю, защитят. То и дело реформируемому ВАКу не под силу пробудить совесть в региональных элитах.

При обсуждении казуса Апанасёнка среди курских историков не раз выражались мнения о тщетности борьбы с плагиатчиками. Дескать, «времена сейчас такие», «иные критерии морали у молодёжи», «есть другие, более важные в науке персоны, поступают ещё хуже, и ничего...» Я не согласен в такими настроениями в академической среде. Как выразился в похожей ситуации у А.И. Солженицына Иван Денисович Шухов: «Троих стукачей зарезали, а лагеря не узнать». Публичное разоблачение плагиата рано или поздно повлияет на слишком ушлых молодых людей, пролезающих в науку и преподавание любыми средствами. Ведь в век Интернета плагиаторам уже не отмазаться полностью. О них узнают тысячи обитателей Сети. Пусть же будет стыдно тем коллегам, кто примет заявку плагиатора на новую статью, доклад на конференцию, пожмёт ему руку на том или ином научном форуме, примет его красивую визитную карточку с пышными титулами. Украденными у коллег и государства.

Апанасёнок, я думаю, не сразу вступил на порочный путь прямого воровства материалов у коллег. Помещённый в этой книге мой отзыв на его кандидатский автореферат я по-прежнему считаю объективным. Я же давал положительный отзыв и на докторский его автореферат. Не нашёл и в нём ничего сомнительного. У начинающего историка были видны способности к научной работе. К сожалению, погнавшись в ускоренном

темпе за докторской степенью, при некритической поддержке своего ректора и своего председателя диссертационного совета, он допустил грех, для учёного непростительный²¹⁴.

На месте А.А. Панченко как стороны пострадавшей, я бы не поленился переслать своё разоблачительное письмо в более ответственные инстанции, чем провинциальные «университеты». А именно, в ту же Высшую аттестационную комиссию и руководящее ею теперь министерство образования и науки. Может, во имя и образования, и науки там в «данном конкретном случае» что-то предпримут?..

А Апанасёнок он и в дальнейшем, по гроб жизни останется Апанасёнком. Для кого-то презренным плагиатчиком, позорным изменником науки; для кого-то почтенным учителем, доцентом, деканом. Цена тем и другим ясна.

1 февраля 2012 г.

²¹⁴ См.: Щавелёв С.П. Этика и психология науки. Курск, 2010. С. 179–186 («"Смертные грехи" учёного»).

КУРСКИЕ «АМЕРИКАНЦЫ»

*Отзыв на автореферат и диссертацию А.В. Зорина
«Индейская война в Русской Америке»,
представленные на соискание учёной степени
кандидата исторических наук
по специальности 07. 00. 02 — отечественная история (Курск, 1999) ²¹⁵*

В имеющейся к настоящему времени исторической литературе по Русской Америке исследование А.А. Зорина занимает своё собственное, необходимое для научной разработки этой темы место. А именно, эта диссертация заполняет немало «белых пятен» в картине русской колонизации Аляски. Перед нами первое специальное исследование одного из ключевых событий истории Русской Америки — борьбы между Российско-Американской компанией (РАК) и индейцами-тлинкитами.

Умело сочетая архивные материалы с данными уже опубликованных источников, этнографическими сведениями, почти исчерпывающей литературой предмета, научной и научно-популярной, автор рисует яркую картину происходивших событий. Следует отметить, что А.В. Зорину удалось открыть немало новых фактов в целом ряде центральных (начиная с РГАДА, АВПРИ, РГИВИА) и провинциальных (ГАКО) архивов. Занимаясь параллельно с диссертантом региональной историей Курского края, могу засвидетельствовать: этим исследователем в работе над архивами и редкими печатными источниками проделан огромный и, главное, весьма плодотворный объём работы.

Отмечу несколько важных особенностей предпринятого диссертантом изложения. Оказалось, что вооружение русских промышленников отнюдь не превосходило тлинкитского ни численно, ни качественно. Как видно, именно, исходя из этого, русские там в большинстве случаев предпочитали действовать путём дипломатии, и на этом поприще приказчики и комиссионеры РАК стали настоящими мастерами. Прибывшим в конце XVIII в. в страну тлинкитов русским промышленникам поневоле пришлось постигать сложные обычаи войны и мира аборигенов, в полной мере считаться с ними.

Говоря о причинах вооружённых столкновений между РАК и индейцами, автор показывает, как по мере продвижения русских промысловых партий к югу, тлинкиты принимали их всё более и более неприветливо. Кроме того, что партовщики опустошали их традиционные охотничьи угодья, индейцев раздражало и то, что в состав этих партий входили и их традиционные враги — эскимосы-чугачи. Сами же тлинкиты в тот период весьма активно расширяли на севере собственную сферу влияния, включив уже в неё, например, индейцев-эяков. Всем этим диссертант вполне дока-

²¹⁵ Отзыв для диссертационного совета Воронежского государственного университета, где защищалась эта диссертация.

зательно и объясняет тот факт, что если первые встречи с русскими мореплавателями, посещавшими их земли с исследовательскими и торговыми целями, проходили у тлинкитов мирно, то открытие на их территории активного промысла и строительство там опорных баз компании быстро привело к вооружённым столкновениям с этими коренными насельниками Аляски.

Наряду со вполне убедительной общей концепцией, диссертация включает в себя ряд спорных моментов. Так, не совсем отчётливо обосновано применение термина «война» по отношению к конфликту РАК и тлинкитов, разным стадиям его протекания. Спорной представляется мне и реконструкция автором событий в Якутате в 1805 г. А главное, вольно или невольно диссертацией оставлена в тени стратегия российского правительства, императорского двора по расширению границ Империи на её крайних северо-восточных рубежах.

Отчасти сказанное обусловлено непривычной для диссертаций формой изложения — не просто в основном нарративной, но в значительной части текста и прямо беллетристической. Читатель испытывает впечатление, будто слушает не историка-аналитика, а живого свидетеля событий — боёв, промысла, торговых сделок и прочих событий на северо-восточной окраине Российской империи. Хотя недостаток аналитики можно поставить в упрек диссертанту, с другой стороны — история как наука к аналитике не сводится. Абсолютное большинство нынешних российских диссертаций по гуманитарным наукам написаны корявым, суконным языком, местами просто малограмотно. Событийный фон во многих работах по истории нивелирован, упущен или «засушен». В результате из исторического анализа и повествования уходят люди, человек, характеры, выветривается аромат эпохи, романтика истории. Работа А.В. Зорина в этом смысле возвращается к лучшим образцам русской беллетристической историографии, что является достоинством диссертации.

Если хотите, перед нами образец сочетания краеведческого и научно-академического подходов к исторической тематике (автор первым уточнил биографии несколько курских родом первопроходцев Америки, начиная со знаменитого Г.И. Шелихова и его окружения).

Предположу, что придать нужную долю академизма этой диссертации помешала квалификация её официального научного руководителя — доцента В.В. Енукова. Он — квалифицированный археолог, но к исторической новистике отношения не имеет. Хотелось бы вернуть старое доброе правило, согласно которому руководить аспирантами и соискателями учёной степени должны специалисты по соответствующим темам, имеющие по ним серьёзные публикации.

Высказанные замечания ни в какой мере не снижают моей высокой оценки достоинств диссертации. Её выводы имеют большую ценность и вносят значительный вклад в изучение прошлого нашей страны, Русской Америки и Российско-Американской компании.

Автореферат целиком отражает основные положения диссертации. Особо подчеркну выдающуюся на кандидатском уровне апробацию результатов данного исследования. Кроме публикаций в центральном для этой специальности академическом журнале России «Вопросы истории» (на что обращает особое внимание реформируемый ныне Высшая аттестационная комиссия), автор в сентябре сего года успешно выступил на Международной конференции, посвящённой 200-летию РАК и состоявшейся в Центре североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН (Москва). Призываю членов диссертационного совета присудить А.В. Зорину искомую учёную степень кандидата исторических наук.

1 сентября 1999 г.

КУРЯНИН НА ГАВАЙЯХ

Отзыв о рукописи А.В. Зорина

«Тимофей Тараканов. Жизнь и время первопроходца Русской Америки».
*199 стр.*²¹⁶

Поток современной литературы по отечественной истории распадается на два рукава, которые чем дальше, тем больше удаляются друг от друга. С одной стороны, это заметно обмелевший в условиях приватизации книгоиздательского дела, но всё-таки не пересыхающий ручеек сугубо учёных, выполненных представителями академического мира монографий. Надо признать, они находят всё меньше читателей — и по причине их, читателей, обеднения да уравнивания жизненных интересов с духовных на материальные, и по причине мизеризации тиражей, вплоть до краха системы государственной книгопродажи в России и странах СНГ. С другой стороны, бурным потоком заполняют книжные лотки и, соответственно, полки общественных и домашних библиотек псевдоисторические сочинения сумасбродных дилетантов и литературных подёнщиков, подвизающихся в жанре так называемой фольк-хистори или же ложно понятой патриотики едва ли не фашистского толка.

Книга А.В. Зорина (а рецензируемая рукопись совершенно готова к изданию) принадлежит к очень редкому в нашей стране жанру действительно научно-популярной литературы о прошлом. Собственно, такое определение не совсем точно выражает в данном случае суть дела. Проще и точнее сказать, что этот автор, владея всеми приёмами учёного историка, сумев найти и обработать большой и новый фактический материал, будучи эрудитом в индеанистике, вместе с тем отличается незаурядным талантом писателя, хорошо владеет литературной речью. Его тексты интересно читать, и, прочитавши, любой мало-мальски просвещённый читатель пожалует, что автор не написал ещё и ещё о столь увлекательных и поучительных событиях в истории сразу нескольких народов мира, разных цивилизаций, весьма замечательных людей.

В имеющейся и немалой к настоящему времени литературе о Русской Америке, её недолгой, но славной и драматичной истории сложились уже малодостоверные штампы о «коломбах русских» — якобы сплошь на подбор рыцарях без страха и упрёка, и гнусных колониалистах-американцах да англичанах, угнетавших бедных аборигенов-индейцев. Как совершенно ясно из этой книги и предыдущих публикаций А.В. Зорина (в журнале «Вопросы истории», альманахе «Курские тетради», а затем в нескольких местах Интернета), действительность Аляски и Калифорнии в пору экспансии там Российско-Американской кампании была на самом деле куда сложнее и тем интереснее, поучительнее. Личность и судьба Тимофея

²¹⁶ Отзыв, написанный мной по просьбе автора. Состоялось ли издание такой книжки, мне не известно.

Никитича Тараканова — одного из нескольких курян, смело пошедших на штурм Американского континента, — ничуть не менее замечательны, нежели биографии более известных «курских американцев»

Г.И. Шелихова, И.Л. Голикова, А.Е. Полевого.

А.В. Зорин умело сочетает найденные им во многих архивах, столичных и провинциальных, факты происхождения, жизни и деятельности Алексея Тараканова до, во время и после его американской одиссеи, с мастерски выполненными зарисовками социально-исторического, географического, этнокультурного фона той эпохи, тех мест, где происходят события. Перед нами по сути дела энциклопедия данных о становлении и судьбе Русской Америки, её покровителях, партнёрах, друзьях и соперниках, врагах. Читатель получает возможность узнать, почувствовать закономерный ход истории. Но персонажи книги — это не марионетки с заранее написанными фатумом или денежным рынком ролями, но яркие индивидуальности, чьими решениями и страстями на самом деле «топится двигатель» пресловутого «локомотива истории».

В лице автора — А.В. Зорина я вижу одного из ведущих пока что в нашей стране исследователей-индеанистов и вместе с тем исторического писателя в лучшем и редком смысле этого слова. Смело и настоятельно рекомендую его работу к скорейшему изданию.

22 сентября 1998 г.

ЗЕМЛЯК ИЗ ЛЕНИНГРАДА

*Отзыв на автореферат диссертации А.И. Раздорского
«Торговля Курска в XVII веке
(По данным таможенных книг 1619–1677 / 78 гг.)» (СПб., 1999),
представленной на соискание учёной степени
кандидата исторических наук²¹⁷*

Изменения тематических и жанрово-стилистических приоритетов при изучении отечественной истории российскими исследователями за последнее десятилетие достигают уровня парадигмальной революции. При всех реальных и мнимых издержках этих изменений, они так или иначе выровняли структуру нашей историографии по сравнению с предыдущим, советским периодом её развития. Методология исторического познания стала плюралистичнее, методика работы с источниками — менее потребительской, социально-экономическая тематика уравновешена ментально-биографической, голая аналитика — нарративом, макро- и мега-масштаб — «вышиванием» по канве микроповседневности. Думается, уже настает пора от конфронтации отдельных горизонтов современной историографии переходить к признанию их равноценности, взаимной дополнительности, диалогу их авторов. Однако застарелые претензии идеологического свойства остывают медленно. Сошлюсь для показательного примера на высказывание маститого исследователя по поводу того, что сейчас называют «демографической историей» (да и близкородственных ей «экономической», «социальной» и похожих объективистско-онтологических (ре)конструкций истории). С его точки зрения, «при всей колоссальной важности вопросов — растёт или сокращается население, каковы материальные условия, в которых осуществляется рождение и развитие человека, какова структура семьи, какова средняя продолжительность жизни и т.д., и т.п., всё же сами по себе эти вопросы вряд ли существенно помогут нам решить важнейшие проблемы исторического развития, взятые ... в их тотальности»²¹⁸. Подобные противопоставления экономики менталитету, тотального локальному сегодня уже вряд ли оправданы.

Диссертационное исследование А.И. Раздорского, чей реферат я вкратце попытаюсь оценить, демонстрирует похвальную преемственность с лучшими образцами социально-экономического направления русской и советской историографии, а вместе с тем учитывает мировоззренческие

²¹⁷ Отзыв, подготовленный для защиты диссертанта в петербургском Институте истории РАН. Диссертация эта опубликована: *Раздорский А.И.* Торговля Курска в XVII веке (По материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., «Дмитрий Буланин», 2001. 762 с.

²¹⁸ *Гуревич А.Я.* Апории современной исторической науки — мнимые и подлинные // *Одиссей. Человек в истории.* 1997. Культурная история социального. М., 1998. С. 238.

инновации последних лет. Именно такого рода работы наглядно демонстрируют ограниченность как диалектико-материалистического, так и неокантианско-субъективистского подходов к истории. Главный момент концептуальной новизны в разысканиях этого претендента на кандидатскую степень видится мне (как философу, выпускнику кафедры гуманитарных факультетов философского факультета Ленинградского университета) в поисках и находках точек совмещения политических и экономических событий, ситуаций, процессов, имевших место в России XVII в. Если вдуматься в материал, собранный А.И. Раздорским, и в его выводы относительно дипломатической, военной, сословно-административной, финансовой, в том числе налоговой, политики московских властей той эпохи, то окажется, что та же торговля не относится всецело к «базису» общественного устройства, как мы в недавнем прошлом полагали, но в равной степени оказывается политогенетической детерминантой, фактором этнокультурного развития регионов и всего государства. Коллизия, рисуемая процитированным выше маститым историком, оказывается во многом мнимой.

Поскольку я также и отчасти вместе с автором диссертации занимаюсь историей и историографией Курского края ²¹⁹, могу с искренним удовлетворением констатировать, что уже давно, около четверти века не появлялось столь фундаментальных исследований по данному региону, как эта диссертация. Работы Г.Н. Анпилогова, В.М. Важинского, П.В. Иванова на тематико-географически сходные сюжеты публиковались в 1960 – 1970-х гг. и отчасти устарели по своей источниковой и методологической основам. В нашей исторической локалистике вообще пока мало аналогов проделанной А.И. Раздорским огромной и виртуозной работе с источниками, прежде всего — оброчными и таможенными книгами по Курску из фондов РГАДА (Попутно опять-таки с чувством законной гордости не могу не отметить, как исправно служит этот замечательный архив всё новым поколениям исследователей; в этом есть решающая заслуга реформатора МАМЮ, профессора Д.Я. Самоквасова (1843–1911), о чём мне уже доводилось сообщать в печати ²²⁰).

Оценивая новизну работы А.И. Раздорского, надо иметь в виду, что она заполняет хронологическую лауну в штудиях торгово-экономической истории Курска и его округа. Не так давно опубликованы исследования

²¹⁹ См.: *Щавелёв С.П.* Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 1–2. Курск, 1997–1998; *Раздорский А.И., Зорин А.В., Щавелёв С.П.* Курск. История города от Средневековья к Новому времени: X–XVII века. Курск, изд-во «Учитель», 1999. 292 с. («Курский край». Т. IV).

²²⁰ См.: *Щавелёв С.П.* Д.Я. Самоквасов — историк, археолог, архивист // Вопросы истории. 1994. № 3; *Его же.* Историк Русской земли. Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова. Курск, 1998.

См. также посвящённые Самоквасову материалы в настоящем сборнике.

курской торговли, внутренней и внешней, в древнерусский период²²¹; имеются исследования соответствующих сюжетов применительно к XVIII–XIX вв. (Л.М. Рянского, И.М. Плаксина, А.Н. Курцева и других). Начало же Новой истории этого города и края оставалось для исследователей и преподавателей во многом туманным. Публикации и особенно диссертация этого автора вносят куда большую ясность и применительно к этому, бесспорно ключевому периоду регионального прошлого.

Причём, исходя из общего контекста «курсковедческих» исследований, возможно подтвердить вывод А.И. Раздорского о том, что образец Курска, при всей своей региональной специфике, высвечивает (в качестве своего рода исторической модели) и весьма важные общероссийские, даже международные (по оси «Север — Центр — Юг», согласно терминологии диссертанта) характеристики соответствующей эпохи. Что представляется весьма закономерным, ведь Курское Посеймье — это издавна зона порубежная в физико-географическом, пограничная в политическом, контактная в этнокультурном планах. Например, выявленный А.И. Раздорским курский материал о региональных последствиях финансового кризиса начала 1660-х гг. любопытно сопоставить с недавней сенсационной находкой московскими археологами подпольного монетного двора в столице, где и чеканились незаконные копейки, «обвалившие» все рынки страны²²².

Что касается сомнений и возражений в связи с рассматриваемым авторефератом, то у меня они носят главным образом характер пожеланий будущим исследователям этой темы. Так, подробно рассмотрев влияние русско-польской конфронтации на социально-экономическую жизнь страны, автор, судя по реферату, оставил в тени татарскую опасность для неё же с юга и востока (причём не только в начале 1640-х гг., как он утверждает, но и раньше, и позже). Между тем она была для курян и прочих порубежников едва ли не актуальнее войн на Западе (сколько можно судить по такому показателю, как монетные клады, отложившиеся вокруг Курска в XVII в.²²³). Здесь же, кстати говоря, кроются возможности нелёгкого, но заманчивого — междисциплинарного исследования местной торговли, производства, быта — с учётом и письменных, и археологических источников. Раскопки исторических центров Курска, Рыльска и прочих городских и сельских поселений Посеймья со слоями в том числе и XVI–XVII вв. в настоящее время как раз активизируются.

²²¹ См.: Енуков В.В., Щавелёв С.П. Основные направления торговых связей Курской земли в X–XIII вв. // Торговля Курского края с древнейших времен до начала XX века. Курск, 1996; Щавелёв С.П. Клады куфических монет в Курском Посеймье // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк, 1999.

²²² См.: Кренке Н.А., Бойцов И.А. Раскопки во дворе Московского университета // Археологические открытия 1996 г. М., 1997.

²²³ См.: Щавелёв С.П. Становление археологического интереса в России XVII века (ранние находки древностей в районе Курска в отражении приказного делопроизводства) // Российская археология. 1998. № 2.

Хотя в работе И.А. Раздорского достаточно широко и полно прослежены межрегиональные контакты курских торговцев с их ближними и дальними партнёрами, но, как мне показалось, в основном «глядя из Курска». Между тем в новейшей литературе вопроса имеются аналогичные данные по соседним городам, в чьих документах отразились курские реалии того же времени и содержания (См., скажем, работы воронежских исследователей В.Н. Глазьева, К.И. Кузина и других).

Другие перспективы продолжения рассматриваемого исследования намечает сам диссертант. И у меня нет сомнений, что в реализацию многих из них он же и внесёт в будущем заметный вклад. Ведь академический потенциал исследователя А.И. Раздорского много больше, чем это видно по данной диссертации. Нисколько не в ущерб ей, а, на мой взгляд, только во благо своей основной научной специализации, Алексей Игоревич подготовил и опубликовал целый ряд других интересных работ. Коллегам, конечно, известны составленные и отредактированные им по месту службы в Российской Национальной библиотеке справочные издания. Они уже стали настольными книгами у историков, архивистов, библиотекарей.

Не стоит забывать и о неординарных усилиях этого автора в связи с противостоянием псевдоисторикам. Волна фальсификаций исторического прошлого достигла у нас в последние годы геркулесовых столпов. Возражения учёных-гуманитариев против лженауки звучат, однако, куда глуше, чем протесты учёных-натуралистов. Только недавно группа московских историков предприняла небезуспешную попытку высмеять дилетантов от истории²²⁴. А.И. Раздорский первым продемонстрировал возможности иного — серьёзного, с фактами и логикой в руках разбора маниакальных покушений на региональную историю горе-«краеведов» из провинции²²⁵.

Не ограничиваясь только критикой краеведческих ошибок, молодой историк опубликовал ценные материалы в курской периодике, других краеведческих, научно-популярных изданиях (о курских князьях, церковно-архитектурной истории края, иные темы). В своей рецензии на краеведческую энциклопедию «Курск» (1997) я отметил материалы А.И. Раздорского среди лучших в этом этапном для областной историографии издании. Представляется, что именно такую — общественно-культурную, просветительскую отдачу от диссертационных исследований («решение важных прикладных задач») имеет в виду и поощряет недавно опубликованный ВАКом проект «Положения о порядке присуждения ... учёных степеней».

Как видно из всего сказанного, я убеждён, что в лице Алексея Игоревича Раздорского сообщество российских историков уже имеет достойного собрата. Его диссертация о курской торговле — яркий вклад в разра-

²²⁴ См.: Володихин Д., Елисеева О., Олейникова Д. История России в мелкий горошек. М., 1998.

²²⁵ См.: Раздорский А.И. По поводу «1000-летия» Белгорода // Отечественная история. 1997. № 5.

ботку фундаментальных проблем отечественного прошлого. Публикация этой диссертации в виде монографии более чем уместна. На основании этой и немалого числа других работ того же автора диссертационному совету можно смело признать его право на учёную степень кандидата исторических наук.

9 мая 1999 г.

ОБЛАСТНАЯ АРХЕОЛОГИЯ В ЧЁРНО-БЕЛУЮ ПОЛОСКУ

*О разграблении курских памятников археологии в 1990 – 2000-е гг.*²²⁶

Заголовок моего сообщения перекликается с названием книги, посвящённой критике так называемой «фольк-истории», — «История России в мелкий горошек». Её авторы справедливо расценивают псевдоисторические опусы, заполонившие читательское и зрительское внимание, как «глобальный вред для ума» и «урон для культуры» (Володихин, Елисеева, Олейников, 1998. С. 8). Ситуация с общественной трансляцией археологического знания складывается похожая, только, на мой взгляд, гораздо более опасная. Ведь на ниве памятников археологии теория (то есть информация о них) сегодня прямо и всё интенсивнее переходит в варварскую практику их самовольного поиска, разрушения и разграбления. Между тем позиция и учёного сообщества, и государственных органов, и средств массовой информации в отношении так называемой «чёрной археологии» остаётся, к сожалению, до сих пор по преимуществу пассивной. Больше того, в целом ряде случаев происходит вольное или невольное сращивание, так сказать резонанс, идейный и организационный, официальной и «теневого», криминальной археологии. Метафорой столь противоположного, «полосатого, как зебра, кентавра» служит заглавие настоящего письма в редакцию.

Ранее мои возражения против криминальной археологии в Курской области публиковались журналом «Российская археология» в материалах «круглого стола» «Незаконные раскопки и археологическое наследие России» (Щавелёв, 2002. С. 85–89).

В ответ на эту публикацию А.В. Зорин от лица директора и учёного секретаря Курского областного музея археологии высказал на страницах «Российской археологии» свою аргументацию в пользу того, что учёным и

²²⁶ Журналом «Российская археология» эта статья была отклонена. Опубликовано: Щавелёв С.П. Областная археология в чёрно-белую полосу (О разграблении курских памятников археологии в 1990-е – 2000-е гг.) // Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 10-летию со дня рождения В.А. Городцова. Рязань, 20–22 апреля 2010 г. Рязань, изд-во РИАМЗ, 2010. С. 146–149.

музейным работникам необходимо общение с «чёрными археологами». Доводы сводятся к тезису: ради спасения для науки информации о ценных, нередко уникальных находках приходится консультировать грабителей, принимать на экспертизу их находки, не мешать их разрушительной деятельности (Стародубцев, Зорин, Шпилёв, 2004).

А в следующем выпуске журнала была опубликована диаметрально противоположная зоринской по своим выводам и аргументам статья В.С. Флёрова. Эти выводы и аргументы полностью совпадают с моей позицией, обнародованной на упомянутом «круглом столе» 2002 г. В.С. Флёров абсолютно верно призывает нас признать: «... Соучастие учёного в торговле древностями — это вопрос не только юридический, но и профессиональной этики». Цитируется «Кодекс профессиональной этики» Международного совета музеев за 1986 г. В частности: «Музейные работники не должны атрибутировать или иным путём определять аутентичность предметов, в отношении которых может возникнуть подозрение, что они нелегально или незаконно приобретены...» (Флёров, 2004. С. 121).

Жизнь, как мне представляется, рассудила наше разногласие с курскими музейщиками. Вот что пишет публикатор новых монетных находок: «Опасность складывающейся ситуации состоит не только в том, что, меняя владельцев, монеты безвозвратно теряют «паспортные данные» о своём происхождении, но и в том, что вымышленные сведения о месте обнаружения сребреников могут попадать в научную литературу. В качестве примера можно привести публикацию в журнале «Российская археология» (№ 1 за 2004 г.), где приведены недостоверные сведения о находках двух сребреников князя Владимира в Курской области (Стародубцев, Зорин, Шпилёв, 2004. С. 120). Информация об одной из монет почерпнута на сайте «Кладоискатель Черноземья», где было указано неверное место её обнаружения (близ д. Банищи) для направления по ложному следу конкурирующих кладоискателей из других регионов. В случае с другим сребреником, публиковавшимся ранее в журнале «Нумизматический альманах» (Молчанов, Селезнёв, 2000. С. 15–16) и якобы найденном на Бесединском (Ратском) городище в Курском районе, сама подлинность монеты вызывает большие сомнения» (Зайцев, 2007. С. 6).

Не об этом ли я предупреждал на «круглом столе» 2004 г. и других своих публикациях последующих лет? Об этом самом — нельзя верить «чёрным археологам»; они то и дело обманывают музейных работников относительно мест и обстоятельств своих находок; могут их фальсифицировать; утаивают от музеев самые ценные находки, чтобы продать их по-дальше и подороже.

В процитированной работе В.В. Зайцева содержится наблюдение, которое почти экспериментально подтверждает, археологи каких регионов нашей страны теснее всего ассоциированы с грабителями памятников старины, и к чему это приводит. За последние 10–15 лет, отмечает этот автор, количество находок древнейших русских монет X–XI вв. в сравнении с

предыдущими годами значительно возросло. «Значительная часть ... монет происходит с территории современных Брянской и Курской областей Российской Федерации» (Зайцев, 2007. С. 7). Находки сребреников в этих областях случались и раньше, но в последние годы их количество резко возросло. Однако большая их часть известна лишь по фотографиям в Интернете, на сайтах торговли антиквариатом.

Сотрудничество некоторых археологов с грабителями памятников старины выражается в следующих формах:

- пассивное отношение к замеченным участниками официальных раскопок на охраняемой территории лицам с металлодетекторами (их приглашают в гости, к экспедиционному столу, расспрашивают о находках и т.д.);
- консультации и экспертиза незаконно выкопанных из культурного слоя вещей;
- публикация изображений награбленных вещей в своих работах;
- приобретение и бесконтрольное использование металлоискателей в официальных экспедициях по открытым листам.

В качестве примера всего только что сказанного приведу заявление такого рода: «Краеведом из Курчатова А.А. Катуниним в осыпях склонов городища собраны представительные материалы, которые он передал в Курский государственный университет» (Енуков, 2005. С. 263; рис. С. 265–266). Умолчанию подвергаются «методы» сбора — использование «краеведом» металлоискателя и, соответственно, лопаты для вырывания засечённых под землей вещиц. Судя по большому числу и малой величине находок, культурного слоя на упомянутом городище «краеведом» было перелопачено немало (найлены наконечники стрел и копья, 14 бляшек от ременной гарнитуры, серебряный перстень). «За кадром» цитаты остаётся и тот несомненный факт, согласно которому и упомянутый грабитель, и многие его «коллеги» по криминальной «археологии» идут по областным памятникам археологии уже не выборочно, а систематически — пользуясь приобретённой у тех же музейных археологов картой этих памятников. Следовательно, вскорости в Курской области уже не останется памятников старины с не повреждённым культурным слоем.

Сомнительные находки с кладоискательских сайтов обильно фигурируют также среди иллюстраций к «Очеркам истории Курского края с древнейших времён до XVII в.» (Стародубцев, Зорин, Шпилёв, Щеглова, 2008. С. 268, 280, 292, многие др.). Причём повторяются злонамеренно ошибочные локализации монетных и прочих криминальных находок, вроде вышеупомянутых В.В. Зайцевым.

В иных случаях истинное происхождение и местонахождение вещей из грабительских «раскопок» авторами «Очерков» умалчивается (например, «печать..., XV–XVI вв., серебро, д. Липино (Октябрьский район Курской области)» (Там же, С. 371, рис. 72, 1). В других случаях глухо упоминаются «дары» соответствующего коллекционера награбленных древне-

стей. Вот характерный пассаж: «К ордынскому времени относятся найденные там же (на территории Ратского археологического комплекса под Курском — С.Щ.) полностью собранный из обломков чугунный котёл диаметром 51 см (рис. 67, 5) и также фрагмент круглого зеркала... Ещё одно зеркало из оловянистой бронзы, найденное на поселении у Ратского городища, было передано в 2002 г. Курскому областному краеведческому музею. В 1990-х гг. здесь была найдена орнаментированная куфической вязью прямоугольная пластинка, а в 2002 г. в выбросе кротовины обнаружен ... золотой перстень, щиток которого украшала арабская надпись... В настоящее время эта редкая находка в фондах Курского областного краеведческого музея. ... В фондах Курского государственного областного музея археологии хранятся и собранная [орфография издания — С.Щ.] на территории Ратского поселения коллекция джучидских дангов (49 экз.) и пулов (65 экз.)» (Там же, 2008. С. 355–356).

Итак, «найденные» «на памятнике» «вещи» переданы в музей. Давайте уточним. Кем найденные? Каким образом найденные? Где именно найденные? Какая же часть этих массовых находок в музей не передана? Как говорил булгаковский персонаж, «подумаешь — бином Ньютона!» Найдены упомянутыми по фамилиям или оставшимися анонимными грабителями памятников. Так, пресловутый чугунный котёл — «дар В.Н. Катышева» (Там же. С. 339). Найдены с помощью металлодетектора и лопаты. Территории Ратского и Липинского комплексов уже лет пятнадцать не пахутся их землевладельцами, поверхность там основательно задерновалась. Пока в начале 1990-х она была под пашней, археологи собирали там подъёмный материал. Несколько обломков чугунных ордынских котлов, отдельные монеты тогда попадались. Но извлечь археологически целый сосуд такого размера можно исключительно с помощью металлодетектора, разрыв целую яму в человеческий рост. А для множества монет — множество ям. «Золотой перстень в кротовине». Эта фраза рассчитана на астрономическую наивность. Хотя по сути — воровская наглость.

Какие ещё более редкие находки грабители утаили от археологов, можно отчасти узнать из кладоискательских ресурсов Интернета (см. упомянутые «Очерки» А.В. Зорина и его соавторов). Сравнение вещей, подаренных или проданных местному музею, и утаённых для продажи на интернет-аукционах однозначно показывает: сбываются в частные коллекции, в том числе за границу, безусловно самые ценные художественно и научно вещи. Курские археологи имели несколько случаев убедиться в этом, но продолжают сотрудничать с нелегальными поставщиками древностей. По принципу «с паршивой овцы хоть шерсти клок».

Главное — чтобы собрать сотни монет и тысячи вещевых находок необходимо основательно повредить культурный слой памятника. Обратимся к Ратскому археологическому комплексу. Площадка Ратского городища почти полностью раскопана экспедицией В.В. Енукова в 1990–1992 гг. С тех пор археологи там стационарно не работали. Поселение-I, примы-

кающее к городищу, не раскапывалось вовсе. Теперь оно опустошено грабителями — они изрыли его и извлекли из культурного слоя тысячи находок из металлов. Как теперь прикажете доследовать и монографически опубликовать данный памятник? Что на нём останется для будущих ученых? Мало что, явно недостаточно для исторической археологии. Ратский археологический комплекс погублен для науки «чёрными археологами».

Похожая судьба постигла комплекс Гочевский на Верхнем Псле. Из года в год на протяжении 1990-х – 2000-х годов в село Гочево Беловского района Курской области в мае-июне приезжают грабители курганов на автомобилях с номерами разных регионов, живут неделями на постое у местных жителей, выкапывают и увозят на столичный рынок антиквариата целые могильные комплексы. Сразу после них в то же село приезжает экспедиция Курского областного музея археологии и докапывает оставшиеся могилы, начинает раскопку городищ. В работе экспедиции регулярно участвует научная сотрудница Института истории материальной культуры РАН из Санкт-Петербурга О.А. Щеглова. За много лет ни она, ни курские археологи ничего не сделали для того, чтобы привлечь органы внутренних дел и государственной безопасности к охране уникального памятника российской истории. Между тем отвадить грабителей не так уж сложно. Люди на джипах с московскими номерами приезжают в деревню каждый год в схожее время. Роются на памятнике не скрываясь. В деревне есть учитель, какой-то представитель местной администрации. Один звонок участковому полицейскому. Для МВД и ФСБ дело чести — поймать разорителей национального достояния. Так нет же. В мае-июне на памятнике орудуют грабители, в июле — курские и петербургские археологи. Потом зимой тот или иной музейный сотрудник в интервью журналистам посетует на грабителей-конкурентов, упомянет о них на совещании. «А Васька слушает, да ест». И так не год, не два, в уже больше десяти лет. И те, и другие прекрасно знают друг о друге. Что утаишь в деревне? В 2009 году планировалось организовать в Гочеве юбилейную конференцию в честь 100-летия раскопок этого памятника археологии. А «чёрные археологи» всё так же свободно будут опустошать этот богатый находками исторический объект. И волки антикварной торговли сыты, и овцы местной археологии якобы целы...

Таков печальный итог сотрудничества курских археологов и кладоискателей.

Сборы подъёмного материала, особенно по распахиваемой или иначе повреждённой поверхности археологического памятника, тем более находящегося в аварийном состоянии, — полноправный способ его научного изучения. Разумеется, при условии фиксации, музеефикации, а в идеале и публикации добываемого таким путём вещевого материала. Для учёного археолога так называемая «подъёмка» — сугубо вспомогательный приём, ценный лишь в комплексе с разведками, раскопками, картографической съёмкой и прочими составляющими научной методологии изучения и экс-

понирования древностей. Собиратель же дилетант ставит эту методику с ног на голову — в его руках бездумно вырытая из культурного слоя древняя вещь теряет едва ли не большую часть потенциально заключённой в ней исторической информации, да и, пожалуй, экспозиционной ценности. В конце концов, зачем научной археологии неизвестно откуда взявшееся украшение или даже монета, пломба, когда однотипных с ними и без того множество в музейных собраниях? Тут, верно, отдельным археологам очень хочется отличиться — занять именно в «своём» регионе для публикации, экспозиции редкие находки.

Причём одно дело, когда Эрмитаж, Государственный Исторический музей, иное центральное учреждение культуры принимает на экспертизу и приобретает для своих фондов у частных лиц раритеты, чьё происхождение затерялось на просторах страны. Другое дело — провинциальный музей, одна из прямых обязанностей которого — мониторинг сохранности памятников старины в его так или иначе обозримой округе.

Вместо того чтобы привлечь заядлых коллекционеров и торговцев антиквариатом к ответственности за порчу археологических памятников, музей выполняет экспертизу их добычи с курских городищ, экспонирует её у себя для широкой публики; частично приобретает для своих фондов, включает в монографии и учебные пособия многочисленные изображения его «даров». Только на поверхностный взгляд приваживание государственными учреждениями кладоискателей да лидеров собирательских объединений оправдано задачей спасти для науки и культуры самую ценную часть их добычи. Рассуждая так, археолог покидает устои своей профессии и скатывается к давно устаревшему в научном плане коллекционерству, так называемому знаточеству. Вполне почтенное само по себе, любительское собирание древностей не должно, как известно, нарушать законодательства об охране национального достояния нашей страны. Вырванная из контекста культурного слоя памятника, а тем более из комплекса сопредельных находок вещь почти всегда обесценивается для науки.

Недавно федеральные законодатели, наконец, внесли соответствующие изменения в Кодекс Российской Федерации об административных нарушениях. К этим последним приравнены покушения на памятники истории и культуры. Одна статья (7.15) предупреждает **«Ведение археологических разведок или раскопок без разрешения»**, а другая (7.33) — **«Уклонение**

от передачи обнаруженных в результате археологических полевых работ культурных ценностей на постоянное хранение в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации» (Выделено мной — С.Щ.). Административные штрафы за указанные нарушения составляют для граждан от 15 до 25 минимальных размеров оплаты труда, а для юридических лиц — от 400 до 500. Разумеется, с конфискацией предметов, добытых в результате незаконных работ, также их инструментов и оборудования (Российская газета). Так что теперь человек с ми-

ноискателем и без открытого листа на археологическом памятнике никакой не «краевед», а правонарушитель. Ничем не отличимый от человека с отмычкой на складе чужого добра или в чьей-то квартире. А музейный работник, научный сотрудник, археолог, который консультирует такого незаконного поисковика, принимает его находки на экспертизу — его сообщник в административном правонарушении. По сути и букве закона — скупщик краденного. Археологи, стоящие вне профессиональной этики, не отреагируют ни на какие меры убеждения, кроме административных. В числе этих последних запрашиваются следующие: плановая сверка археологических фондов музеев независимыми комиссиями, включающими в себя представителей соответствующих центральных ведомств и академических институтов; инспекция хода проведения раскопок по открытым листам и, попутно, состояния поставленной на охрану территории изучаемых памятников; согласование замеченных нарушений законодательства и профессиональной этики с руководством тех учреждений науки и культуры, где трудятся специалисты, запятнавшие себя сотрудничеством с грабителями памятников.

Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История России в мелкий горошек. М., 1998.

Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск, 2005. («Курский край». Т. III).

Зайцев В.В. О новых находках древнерусских монет X–XI вв. // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 2. М., 2007.

Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилёв А.Г. О проблеме сохранения археологического наследия // Российская археология. 2004. № 1.

Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилёв А.Г., Щеглова О.А. Очерки истории Курского края (с древнейших времён до XVII в.). Курск.

Молчанов А.А., Селезнёв А.Б. Сребреник Владимира Святославича с Бесединского городища под Курском // Нумизматический альманах. 2000. № 4 (15).

Российская газета. 2006. 27 июля. № 162 (4128). С. 6.

Флёров В.С. Найдено на аукционе «Christie». Роль эксперта в торговле древностями // Российская археология. 2004. № 2.

Щавелёв С.П. [Выступление на заседании редакционной коллегии и редакционно-совета журнала] «Незаконные раскопки и археологическое наследие России. Материалы круглого стола, проведённого редакцией и редколлегией журнала «Российская археология»» // Российская археология. 2002. № 4.

НОВЫЙ ЭТАП ФАЛЬСИФИКАЦИИ НУМИЗМАТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

(По курским и брянским материалам)²²⁷

Разграбление археологических памятников — почти столь же древняя традиция, как и их сооружение. Помоложе, но не намного, фальсификация предметов старины. Коллеги археологи и историки-медиевисты и без меня хорошо знают, что в 1990-х – 2000-х гг. наступил новый этап в развитии криминальной археологии в нашей стране — как по масштабам незаконных раскопок, так и по широте оборота украденных у государства артефактов на антикварном рынке. К сожалению, редко кто из профессиональных учёных и музейных работников разделяют те выводы, которые логично вытекают из наших наблюдений над «чёрной археологией». Эти выводы были изложены (в том числе автором этих строк), в частности, на «круглом столе» в редакции журнала «Российская археология»²²⁸. На моё тогдашнее выступление последовал отклик сотрудников Курского музея археологии. Они убеждены, что ради спасения для науки информации о ценных, нередко уникальных находках приходится консультировать грабителей, принимать на экспертизу их находки, не мешать их разрушительной деятельности²²⁹.

А в следующем выпуске того же журнала была опубликована диаметрально противоположная по своим выводам и аргументам статья В.С. Флёрова, который убеждён, что «соучастие учёного в торговле древностями — это вопрос не только юридический, но и профессиональной этики». Цитируется «Кодекс профессиональной этики» Международного совета музеев за 1986 г. В частности: «Музейные работники не должны атрибутировать или иным путём определять аутентичность предметов, в отношении которых может возникнуть подозрение, что они нелегально или незаконно приобретены...»²³⁰.

Жизнь, как мне представляется, рассудила наше разногласие с курскими музейщиками и их единомышленниками, каковых, к сожалению, большинство среди наших коллег. Вот что пишет публикатор новых мо-

²²⁷ Публикация, повторяющая (отчасти) и дополняющая предыдущий материал. Печаталась ранее: *Щавелёв С.П.* Новый этап фальсификации нумизматических источников по истории и археологии Древней Руси (По курским и брянским материалам) // Проблемы истории Центральной и Восточной Европы. Сб. научных статей. Брянск, РИО Брянского государственного университета, 2009. С. 184–191.

²²⁸ Незаконные раскопки и археологическое наследие России. Материалы круглого стола, проведённого редакцией и редколлекцией журнала «Российская археология» // *Российская археология*. 2002. № 4.

²²⁹ *Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилёв А.Г.* О проблеме сохранения археологического наследия // *Российская археология*. 2004. № 1.

²³⁰ *Флёров В.С.* Найдено на аукционе «Christie». Роль эксперта в торговле древностями // *Российская археология*. 2004. № 2. С. 121.

нетных находок: «Опасность складывающейся ситуации состоит не только в том, что, меняя владельцев, монеты безвозвратно теряют «паспортные данные» о своём происхождении, но и в том, что вымышленные сведения о месте обнаружения сребреников могут попадать в научную литературу. В качестве примера можно привести публикацию в журнале «Российская археология» (№ 1 за 2004 г.), где приведены недостоверные сведения о находках двух сребреников князя Владимира в Курской области (Стародубцев, Зорин, Шпилёв, 2004. С. 120). Информация об одной из монет почерпнута на сайте «Кладоискатель Черноземья», где было указано неверное место её обнаружения (близ д. Банищи) для направления по ложному следу конкурирующих кладоискателей из других регионов. В случае с другим сребреником, публиковавшимся ранее в журнале «Нумизматический альманах»²³¹ и якобы найденном на Бесединском (Ратском) городище в Курском районе, сама подлинность монеты вызывает большие сомнения»²³².

В процитированной работе В.В. Зайцева содержится наблюдение, которое почти экспериментально подтверждает, археологи каких регионов нашей страны теснее всего ассоциированы с грабителями памятников старины, и к чему это приводит. За последние 10–15 лет, отмечает этот автор, количество находок древнейших русских монет X–XI вв. в сравнении с предыдущими годами значительно возросло. «Значительная часть ... монет происходит с территории современных Брянской и Курской областей Российской Федерации. ... Находки сребреников в этих областях были известны и ранее. ... В последние годы количество находок резко возросло. Так, за прошедшие 5–7 лет только в Брянской области было обнаружено не менее 15 экз. древнерусских монет. Однако большая их часть известна только по фотографиям и изображениям на интернет-сайтах»²³³, так что проверить их на подлинность затруднительно.

Недавно увидела свет книга, очень похожая на монографию по нумизматике: прекрасная полиграфия, со множеством иллюстраций, благодарности коллегам-коллекционерам и научным сотрудникам, включая довольно известных специалистов. Настораживает отсутствие указания редактора и рецензентов. Подавляющее большинство упомянутых в книге монет якобы тмутараканского чекана содержится в частных коллекциях. Каков среди них процент подделок, трудно сказать, но наверняка немалый. Например, так называемые «монеты боярина Ратибора» явно копируют давно известные специалистам печати этого киевского посадника в Тмутаракани. Как видно, «монеты Ратибора создавались именно по образу и подобию его печатей, имеющих идентичную структуру», только добав-

²³¹ Молчанов А.А., Селезнёв А.Б. Сребреник Владимира Святославича с Бесединского городища под Курском // Нумизматический альманах. 2000. № 4 (15). С. 15–16.

²³² Зайцев В.В. О новых находках древнерусских монет X–XI вв. // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 2. М., 2007. С. 6.

²³³ Там же. С. 7.

лю, не в древние, а в новейшие времена фальшивомонетчиками для сбыта на антикварном рынке. Не случайно столь явные новоделы «появились в середине девяностых годов» [прошлого века — С.Щ.] и «до недавнего времени эти чрезвычайно редкие монеты из-за их низкого качества и ещё более неудовлетворительной сохранности не публиковались»²³⁴. Первая публикация, признавшая их древнерусскими денежными знаками, не убедительна²³⁵. Представить, что денежной эмиссией занялся бы не представитель княжеского Дома Рюриковичей, а кто-то из их подчинённых, для историка Руси невозможно — это противоречит всей системе научных знаний об её политической системе. На примере издания К.В. Бабаева видно, что коллекционеры подлинных и поддельных монет претендуют на научный статус, имитируют атрибуты профессиональной экспертизы своих сокровищ.

Сотрудничество многих учёных с «чёрными археологами» и коллекционерами древностей выражается, по крайней мере, в следующих формах:

- пассивное отношение к замеченным участниками официальных раскопок на охраняемой территории лицам с металлодетекторами (их приглашают в гости, к экспедиционному столу, расспрашивают о находках и т.д.);
- консультации и экспертиза незаконно выкопанных из культурного слоя вещей;
- публикация изображений награбленных вещей в своих работах;
- приобретение и бесконтрольное использование металлоискателей в официальных экспедициях по открытым листам.

В качестве примера всего только что сказанного приведу заявление такого рода: «Краеведом из Курчатова А.А. Катуниним в осыпях склонов городища собраны представительные материалы, которые он передал в Курский государственный университет»²³⁶. Умолчанию подвергаются «методы» сбора — использование «краеведом» металлоискателя и, соответственно, лопаты для вырывания засечённых под землей вещей. Судя по большому числу и малой величине находок, культурного слоя на упомянутом городище «краеведом» было перелопачено немало (найлены наконечники стрел и копья, 14 бляшек от ременной гарнитуры, серебряный перстень).

«За кадром» цитаты остаётся и тот несомненный факт, согласно которому и упомянутый грабитель, и многие его «коллеги» по криминальной «археологии» идут по областным памятникам археологии уже не выборочно, а систематически — пользуясь приобретённой у тех же музейных археологов картой этих памятников. Следовательно, вскорости в Курской

²³⁴ Бабаев К.В. Монеты Тмутараканского княжества. М., 2009. 104 с., илл.

²³⁵ Зайцев В.В. Цит. соч. С. 8–10.

²³⁶ Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск, 2005 («Курский край». Т. III). С. 263; рис. — С. 265–266

области уже не останется памятников старины с неповреждённым культурным слоем.

«МОЙ ЛИЧНЫЙ КРАЙ ПОСЕЙМЬЕ»²³⁷

Отзыв на автореферат диссертации В.В. Енукова

«История Посемья — Курской волости на рубеже эпох (IX–XI века)»

(Курск – Воронеж, 2007),

представленной на соискание учёной степени доктора исторических наук

по специальностям 07. 00. 02 — отечественная история

*и 07. 00. 06 — археология*²³⁸

Поскольку в тексте настоящей диссертации (включая её автореферат) уделено определённое место полемике с моими (с соавторами и без оных) публикациями²³⁹, нахожу должным отозваться на автореферат Вла-

²³⁷ В заголовке очерка — параллель с известным фильмом Гаса Ван Сента «Мой собственный Айдахо» («My Own Private Idaho»). Его главный герой тоже живёт в вымышленном им самим мире — воспоминаний о счастливом раннем детстве с матерью, проведённом в штате Айдахо. Было это на самом деле или нет — зрителю фильма узнать не дано. Герой (покойный актёр Хит Леджер) пытается доехать из Портленда (Орегон) на родину, но его «частный Айдахо» оказывается недостижим для наркомана и уличного проститута. В свою семью после скандала возвращается его случайный любовник (которого играет Л. Ди Каприо), которого после смерти отца, мэра Портленда, ждёт наследство и высокое общественное положение.

Мораль названия в контексте моего отзыва заключается в том, что в истории общества и его культуры не должно быть произвольно «приватизированных» кем-то участков и тем для изучения и публикации. А археологические источники, добытые тем или иным лицом на бюджетные деньги, должны быть доступны для изучения, а после определённого срока и для публикации всем заинтересованным лицам.

²³⁸ Этот мой отзыв как неофициального оппонента был оглашён на защите В.В. Енукова, и его обсуждение, по свидетельству учёного секретаря диссертационного совета А.Н. Акиншина, заняло больше времени, чем выступления трёх оппонентов официальных.

²³⁹ См.: Щавелёв С.П. Возраст личности и история общества: новое прочтение курской биографии Феодосия Печерского // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. Сб. научных докладов IV межвузовской конференции. М. – Курск, 1994. С. 21–29; Этноним «северяне» и его историко-географические особенности в Курском Посеймье // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. Сб. тезисов V международной конференции. М. – Брянск, изд-во Брянского пед. ун-та, 1996. С. 26–29; Подвиг во имя христианских идеалов: образец Св. Феодосия Печерского (новая хронология) // Святой князь Михайло Чернігівський та його доба. Матеріали церковно-історичної конференції. Чернігів, «Сіверянська думка», 1996. С. 67–69; Курское Посеймье в «Поучении» Владимира Мономаха // Россия и Украина на пороге XXI века. Пути сочетания национальных интересов и братского взаимодействия (Тезисы докладов и сообщений международной конференции). Воронеж, Центрально-Чернозёмное книжное изд-во, 1997. С. 78–81; «Северяне от кривичей»: новгородско-курские параллели

димира Васильевича Енукова и сообщить некоторые свои соображения на сей счёт коллегам — участникам защиты этой работы.

В.В. Енуков родом курянин, и потому его возврат на родину после учёбы в Московском университете был закономерен. За минувшие с начала (1989 г.) его археологической работы на курской земле почти двадцать лет им сделано много. Главные достижения — появление профессионального археолога в штате областного учебного заведения; основание им (совместно с краеведческим музеем в лице Н.А. Тихомирова²⁴⁰) стационарной экспедиции, а затем и специализированного музея древностей. Все

как примечание к летописной формуле // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции. Новгород, изд-во Новгородского ун-та им. Ярослава Мудрого, 1997. С. 33–38; Левобережье Днепра в IX–XI вв. как культурно-политический феномен // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. Липецк, изд-во Липецкого гос. педагогического ин-та, 1998. С. 11–13; Воевода Претич и войско Днепровского Левобережья в событиях печенежской войны 968 г. // Материалы международной научно-практической конференции «Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура». Белгород, изд-во Белгородского гос. ун-та, 1998. С. 14–16; Древнерусский Курск: предпосылки и период становления города // Курские тетради. Курск и куряне глазами учёных. Тетрадь вторая. Курск, изд-во Курского пед. ун-та, 1998. С. 3–25; Клады куфических монет в Курском Посеймье // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Тезисы докладов научной конференции. Липецк, изд-во Липецкого гос. пед. ин-та, 1999. С. 155–159; Местоположение древнего Курска // Исторический город в контексте современности. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Вып. IV. Нижний Новгород, Нижегородский гуманитарный центр, 1999. С. 10–15; Находки и значение северных древностей в Курском Посеймье рубежа I и II тыс. н. э. // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Тезисы докладов юбилейной конференции. М., 1999. С. 246–249; Курск. История города от Средневековья к Новому времени: X–XVII века. Курск, изд-во «Учитель», 1999. 292 с. («Курский край». Т. IV) (В соавторстве с А.В. Зоринным, А.И. Раздорским); Северяне «Повести временных лет» и формирование древнерусской народности // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Вып. 1. Брянск, изд-во Брянского гос. пед. ун-та, 2000. С. 7–25; Курск на Ловати и Курск на Тускари: историко-археологический комментарий к топонимическому дубликату // Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли. Материалы Международной научной конференции «Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли» 13–15 ноября 2001 г. Великий Новгород, изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2001. С. 83–90; Сеймский путь (в системе международных коммуникаций Восточной Европы рубежа I и II тысячелетий н.э.) // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. М., 2001 (Труды ГИМа. Вып. 124). С. 145–158, илл.; Общее и особенное при освоении Русью Курского Посеймья // Русский сборник. Сб. научных трудов, посвящённый 25-летию исторического факультета Брянского гос. университета имени академика И.Г. Петровского. Брянск, изд-во БГУ, 2002. С. 14–35; Клады арабского серебра в Курском Посеймье // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г. СПб., СПбГУ, 2002. С. 144–149; Лунница и крест: христианизация Юго-Востока Руси (По материалам Курского Посеймья) // Днепро-донское междуречье в эпоху раннего средневековья. Сб. статей. Воронеж, Воронежский гос. ун-т, 2005. С. 94–109; Мстислав Лютый — основатель житийно-летописного города Курска (к вопросу о славянских, варяжских, касожских участниках строительства Древнерусской державы) // Русь на перехресті світів (Міжнародні впливи

1990-е и 2000-е годы Владимир Васильевич своей завидной энергией, волей и научными, организаторскими способностями обеспечил ежесезонную работу данной экспедиции и этого музея. Им и его немногими соратниками накоплены новые богатые материалы из целого ряда опорных памятников курской округи, введение которых в научный оборот обогатит историю и археологию. Хотя Н.А. Тихомиров, к сожалению, отошёл от полевой работы, а замены ему в директорате курского музея оказались не столь качественными, это не помешало Владимиру Васильевичу осуществить весьма масштабную программу археологического изучения Курской области. Как говорится, никто пути здесь пройденного у него уже не отберёт... Результаты его многолетних изысканий представлены в диссертации отчасти.

В этой связи напомним известный эпизод из истории русской науки. Когда Павел Николаевич Милюков защищал магистерскую диссертацию, то большинство членов совета предложило присудить ему сразу докторскую степень. Против оказался руководитель магистранта Василий Осипович Ключевский. Проявив в очередной раз своё ехидство, он сказал: «Если мы ему присудим сразу высшую степень, он перестанет заниматься наукой. А дав магистерскую, дождёмся и следующей работы...» Результат известен: магистр русской истории Милюков ушёл в политику, публицистику и наукой больше не занимался.

Что касается отражённой в автореферате работы, то она, на мой взгляд, в общем и целом достойна современной докторской степени. Поскольку на заслугах диссертанта более подробно отзовутся официальные и ряд неофициальных оппонентов, изложу только свои соображения, в той или иной степени противоречащие выводам и аргументам автора работы. Свои замечания я не даю себе труда выстроить в слишком логичную последовательность, следуя тексту реферата и выделяя курсивом суть вопросов. Я убежден, что защита диссертации, что называется, по определению предполагает диспут, а не его имитацию.

• Фигурирующий в заглавии и тексте работы *термин* «Посемье». Заключённое в кавычки это летописное имя — допустимая калька источни-

на форування давньоруської держави) IX–XI ст. Матеріали Міжнародного похового археологічного семінару (Чернігів – Шестовиця, 20–23 липня 2006 г.). Чернігів, «Сіверянська думка», 2006. С. 227–231; Имена городов с формантом «-ск» как топонимический источник политической истории Древней Руси // Русский сборник (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. Вып. 2–3). Брянск, РИО БГУ, 2006. С. 186–188; Мера этничности летописных северян по археологическим данным // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (13–16 ноября 2006 г.). Липецк, Липецкий гос. пед. ун-т, 2006. С. 307–310.

²⁴⁰ Среди археологов известный под колоритной кличкой «Никсон» (ею он был обязан портретным сходством в молодые годы с этим президентом США).

ка. Но приводить его всё время без кавычек всё равно, что современного Владимира именовать «Володимером», Курск — «Курескомь» и т.д. Непонятная и не принятая в литературе архаизация. Допустим, в указе Петра I об основании новой столицы она названа дословно «Санкт Питерс Бурх». Так что же, вернуться к оригиналу?

• *Этапы и формы политогенеза* на территории Восточной Европы рубежа I и II тыс. Именно в поиске места летописного Посеймья на социально-политической «линейке» состоят конечная цель и декларированный конечный результат диссертации. На главную новизну претендует термин «сложное племенное княжение». Но что за ним скрывается? Чем он отличается от сложного вожества? Чем «сложное княжение» отличается от «союза княжений», подхваченного диссертантом в историографии? (versus «союзы племён» советских историков, пытавшихся втиснуть древнерусские реалии в теорию общественно-экономических формаций). Из автореферата ответ не вычитывается. Термин «княжение» — летописный. Относительно его применения к тем или иным восточнославянским группировкам существуют не просто разные, как сказано в автореферате на стр. 3, но и вполне определённые, аргументированные мнения (Г.С. Лебедева, А.В. Назаренко и др.). В автореферате есть ссылки на некоторых западных авторов концепции вожеств и Е.А. Шинакова. Нет ссылок на тех отечественных авторов, кто первыми адаптировал эту концепцию на евразийскую почву (Крадин Н.Н., 1995, 2001; Пчелов Е.В., 1995; Дворниченко А.Ю., 1995; и др.). Эпитет «племенной», прилагаемый В.В. Енуковым вслед за некоторыми другими авторами к понятию «княжения», вряд ли правомерен. О каких славянских «племенах» идёт речь на исходе I тыс. н. э.? Термин «племенной» выглядит тёмным и пустоватым уже гораздо ранее (см. работы Г.Г. Литаврина о первых «славиниях» на Дунае). В чём именно состоит «сложность» объединения «Север», декларируемая диссертантом? Применяемые диссертантом конструкции — «племенное княжение», «сложное племенное княжение» (стр. 27) означают, так сказать, «уравнение со всеми неизвестными». Сложными называют вожества, а отношение этих последних к нашим «княжениям» — ещё вопрос. Называть «семцев» социумом — просто тавтология. Что это за социум? Автор диссертации отвечает: может быть, уже государство, может быть, и ещё нет... (стр. 37). Отдельные признаки государственности прослеживаются, другие нет (какие именно?). На отдельных памятниках одни, на других другие. Так что ответа-то на главный вопрос темы диссертации пока нет. Аргумент один: сооружение внушительных укреплений не под силу разрозненным общинам. Ну, это как сказать. Применительно к куда более раннему, скифо-сарматскому периоду А.П. Медведев аналогично аргументирует похожие фортификации, остроумно допуская и другую причину: «С испуга» (перед нашествием опасных врагов строили свои крепости обитатели Восточной Европы вполне добровольно во все времена). В общем, адаптацию современной теории стартового политогенеза на отече-

ственную почву надо продолжать и пример Посеймья тут пока мало что разъясняет.

- Термин «*волость*» маркирует у В.В. Енукова конечный результат развития Посеймья «на рубеже эпох». И этот термин древнерусских источников, как и «*княжение*», достаточно абстрактен. Означает просто «*власть*», то есть государство или его части, территории. Источники не применяют его именно к Посеймью. Применяя теперь, просто констатируем, что эта земля перешла под власть Киева. Но разве Посеймье XI даже века тождественно «городам посеймским» XII века?

«Волостей» на рассматриваемой территории сложилось на самом деле несколько — Рыльская, Курская и Псёльская. Именно такие концентрации населения прослежены здесь ещё Д.Я. Самоквасовым для времён славяно-русских и подтверждены В.П. Загоровским применительно к XVI в.

- Имя «*семичи*» («*семцы*»), весьма частотное в диссертации, — древнерусский неологизм. По большому счёту загадочный. Ни в каких «источниках» (стр. 15), кроме мономахова «Поучения»²⁴¹, оно не встречается. Среди ряда его расшифровок, «*посеймская*» (Д.С. Лихачёв, Б.А. Рыбаков, А.А. Горский) отнюдь не стопроцентно достоверная. Как всегда в столь тёмных сюжетах, находятся альтернативные версии. В данном случае — летописный же *правобережный урбаноним Семьч*. И отсюда могли быть мономаховы персонажи со столь редким именем. Тем более если учесть географическую привязку соответствующего эпизода княжеской биографии. Едва ли не единственная прямая этносоциальная параллель — летописные «*пищанцы*» (как часть радимичей). Зато гораздо больше сугубо географических летописных аналогов нашему Посеймью — Побожье (по Бугу), Поросье (по Роси), Посулье (по Суле) и т.п. Так что же, везде находились «*сложные*» «*социумы*»?

С этим напрямую связан *вопрос о древности термина «Посеймье»*. И оно, и гипотетические «*семцы*» появляются в источниках XII в. Отнести их на два-три столетия ранее, как делает В.В. Енуков, весьма гипотетично. По крайней мере, ясно, что «(по)сеймские» термины носят территориально-географический, а не личный, патронимный характер, отличающий большинство ранних самоназваний летописных славян (радимичи, вятичи, кривичи и др.). На мой взгляд, термины «*семцы*» и т.п. появляются именно в XII в. на смену архаичному этнополитониму «Север» (переводимому с тех пор в сугубо географический ряд), как результат русификации ещё одного региона роменской культуры.

- Упомянутые в реферате концептуальные *гипотезы А.А. Узянова и А.В. Кашкина о системе размещения роменских памятников в Посеймье*

²⁴¹ См. подробнее: *Щавелёв С.П.* Курское Посеймье в «Поучении» Владимира Мономаха // Россия и Украина на пороге XXI века. Пути сочетания национальных интересов и братского взаимодействия (Тезисы докладов и сообщений международной конференции). Воронеж, Центрально-Чернозёмное книжное изд-во, 1997. С. 78–81.

(стр. 6 и др.), о роменской знати на самых крупных городищах (стр. 21) и ряд других версий диссертанту стоило бы проверить и дополнить данными новых разведок на территории области, чего, однако, сделано не было. Карты, на которых основана диссертация В.В. Енукова, построены почти исключительно на тех паспортах памятников, что накопились в областном управлении культуры ещё до его появления в Курске. Это, в основном, результаты разведок Ю.А. Липкинга, Н.А. Тихомирова, а в особенности П.Г. Гайдукова, А.А. Узянова, А.В. Кашкина. Более детальная разведка разного рода археологических объектов на территории Курской области остаётся впереди. Она может подтвердить, может скорректировать выводы диссертации о территориальной структуре Посеймья.

- Претендуя рассмотреть *Посеймье «со стадии его формирования»* (стр. 11), автор почему-то минует волынцевскую предысторию роменцев. Может быть, потому что волынцевский материал второй половины VIII в. подкрепляет неудобную диссертанту мысль о более тесной связи «его семцев» с Каганатом? О.А. Щеглова, как известно, убедительно соотнесла хронологию и топология так называемых антских кладов с установление хазарского влияния, а салтовские вкрапления на всех волынцевских памятниках — с летописным сюжетом хазарской дани, выплачиваемой летописными носителями роменской культуры.

- От выражения «севера» (стр. 11 и др.), введённого А.В. Григорьевым, пора бы отказаться. Древнерусские источники его не знают.

- Упоминание в работе о первой известной нам надписи из рассматриваемого региона (стр. 18) — граффити на горнальском астрагале — не учитывает её позднейшего, современного чтения А.А. Медынцевой (2000), которое кратно увеличивает размер надписи и решает вопрос о её принадлежности к древнегреческому, либо кириллическому алфавитам.

- Тезис диссертанта о минимальности северных, об отсутствии скандинавских древностей в роменском Посеймье не учитывает соответствующих работ Е.А. Шинакова и моей на эту тему²⁴². С момента опубликования указанных работ перечень соответствующих находок в Посеймье вырос (подвески того же самого скандинавского стиля, что найденные в Гнёздове; другого рода амулеты; дирхемы со скандинавскими граффити и проч.). Тезис об отсутствии скандинавов в Посеймье не согласуется со всё увеличивающимся количеством их этномаркирующих артефактов, которые вряд ли могли быть предметом торговли, являясь предметами личного

²⁴² См.: Шинаков Е.А. Северные элементы в культуре Среднего Подесенья X–XI вв. // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998; Щавелёв С.П. Находки и значение северных древностей в Курском Посеймье рубежа I и II тыс. н. э. // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Тезисы докладов юбилейной конференции. М., 1999. С. 246–249; *Его же*. Викинги на юго-востоке Руси (по находкам скандинавских древностей на земле летописных северян) // I Северный Археологический конгресс. Новосибирск, 2002.

благочестия пришлых язычников и христиан. В той связи стоит и обойдённый автором диссертации вопрос *о начале христианизации региона*, шедшей явно с северо-запада.

Сюда же примыкает упомянутый диссертантом (стр. 23–24) «*Сеймгол*».

Я тоже истолковывал его в «*посеймском духе*». А именно — так. В «*Описании мира...*» Хаука Эрлендссона (умер в 1334 г.), составленном в начале XIV в., но информационно восходящем к предыдущим столетиям, вплоть до X, рассматриваемый гидроним дан в контексте, едва ли случайном: «*Nepr [oc] Nyia [.] Seimgol. Duna. Olkoga. Vina. K(a)uma*». Не исключено, что Сейм-«Сеймгол» на взгляд и по опыту информаторов исландского географа широтно смыкает меридиональные в основном маршруты викингов по воде. Они начинались с Балтики через Неву-«Нийю» или же Западную Двину-«Дуну» и вели в Днепр-«Непр» — с одной, западной стороны Гардарики, а с другой её же — восточной стороны, через неназванную (или спутанную по созвучию с Волгой-«Олкогой») Оку в ту же Волгу-«Олкогу» и, далее, по Северной Двине-«Вине» в Белое море; или же на Каму-«Куму». Намеченный маршрут огибает, по сути, все земли восточных славян и их ближайших соседей, которые могли практически заинтересовать норманов как торговцев и ремесленников, наёмников или пиратов.

Но справедливости ради упомяну, что «ларчик» скандинавского «Сеймгола» может «открываться куда проще». А именно, за этим термином способна скрываться «важная для скандинаво-балтийской торговли провинция Семгалия, в летописи Зимигола, Зимегола, упомянутая в двух или даже трёх [надгробных] надписях [Скандинавии]; сама река [Западная Двина] называлась поэтому нередко *Seimgala-Duna*» (Брим В.А., 1931, гр. 217). Так что с равной, если не большей долей вероятности этот термин к юго-востоку Руси никак не относится.

• Заметное место в построениях диссертанта принадлежит нумизматике. Однако В.В. Енуков напрасно думает, что упомянутые им в автореферате наблюдения раннего В.Л. Янина «в течение четверти века оставались практически незамеченными» (стр. 5). Янинскую теорию развивал целый ряд авторов. Резюмирую их наблюдения. Восточное серебро попадало сюда с самого начала своего движения в Европу в конце VIII в. (Гнездиловский клад, от которого сохранились, по-видимому, старшие монеты, для Европы, вообще говоря, уникально ранние). Собственный монетный рынок формируется в Посеймье с началом IX в. (как видно по Безымянному и Моисеевскому кладам). Общеевропейская карта кладов этого (833–900 гг.) периода [Янин В.Л., 1956] ясно обнаруживает, что дирхемы устойчиво шли тогда в Посеймье по Оке с Волги, но за пределы среднего Сейма монеты не выходили, находясь, как видно, главным образом во внутреннем обращении здешних роменцев. В X в., примерно со второй его трети, дирхемный поток в Посеймье достигает максимума. К данному столетию

относится подавляющее большинство — не менее 8 кладов отсюда. Причём серебро с этих пор с не меньшей интенсивностью начинает «вытекать» из Посеймья на запад, к Чернигову и Киеву, и на север, к Новгороду и Балтике. Однако на внутрисеймском обороте денег этот экспорт не сказался. В то время качества (вес и сплав) дирхемов ухудшились. Вследствие чего на территории роменской культуры локализуются клады дирхемов, обрезанных в кружок, тогда как на территориях, уже покорённых Русью, в кладах резко увеличивается количество монетных обломков и обрезков [Зайцев В.В., 1992]. Эта картина демонстрирует две разные денежные системы: роменскую, стремящуюся сохранить практику приёма равновесных монет, и русскую, перешедшую к приёму серебра на вес [Шинаков Е.А., Зайцев В.В., 1993]. Одной из причин северянского консерватизма могла быть традиция денежной дани Хазарии, затем Киеву, исчислявшейся (вопреки преобладавшему в историографии мнению) не столько в меховых «деньгах», сколько именно в целых дирхемах (летописный «щляг» = «шелю» иврита = «белой», серебряной монете)²⁴³. Маркированное кладами обрезанных дирхемов время совпадает с нарастанием материального благополучия роменцев, что выражается в перестройке и укреплении их городищ — межплеменных центров примерно с середины X в. По Березовскому кладу, в частности, видно, что «семцы» запасались тогда как цельновесными монетами ранних чеканов для внешнеторговых операций, так и обрезками более поздних, худших дирхемов для сделок внутренних [Фомин А.В., 1995]; в этом кладе эти два типа монет содержались в разных горшках.

Дирхемы чеканки 930–950-х гг. из Хазарии и Булгарии через район Курска направляются напрямик к Новгороду, Балтике, минуя первоначальную Русскую землю — Киев, Чернигов и Смоленск [Фомин А.В., 1995, карта; Моргунов Ю.Ю., Щавелёв С.П., 1997]. Таким образом «семцы» замахнулись на монопольную сверхприбыль в монетном транзите. Похоже на то, что серебряную блокаду Руси прорвали восточные походы Святослава Игоревича 965–966 гг. [Гадло А.В., 1994], затронувшие (судя по гибели Большого Горнальского городища в пожаре именно в 970-е гг.) и какую-то часть территории «семцев». Переключение вектора монетного потока с Балтики на Поднепровье заметно по динамике выпадения кладов там и тут: хотя ввоз монет с Востока с середины X в. неуклонно убывал, но в Скандинавии именно с 960–970-х гг. число кладов и общее количество монет сокращается раза в три [Потин В.М., 1970], а в Посеймье последний

²⁴³ См. об этом: *Щавелёв С.П.* Славяне и хазары: даннические отношения как индикатор потестарно-политического взаимодействия // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск, изд-во Брянского гос. ун-та, 2002. С. 5–14, илл.; *Его же.* Славянская дань Хазарии: новые материалы к интерпретации // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 141–146.

период ввоза дирхемов представлен кладами не хуже предыдущих. Последнее обстоятельство отражает, как видно, и усиливавшийся с тех пор военный натиск Руси на северян (археологически запечатленный новыми пожарами на роменских городищах). Скорее всего, именно военная угроза служила причиной сокрытия не только чисто денежных (так сказать, экономических), а впервые тут денежно-вещевых кладов (как например, Воробьевский и Золотухинский клады, вряд ли случайно совпадающие по времени выпадения между собой и с датой гибели Большого Горнальского городища).

Жители Посеймья не ограничивались ролью посредников в международной торговле арабским серебром. Они сами потребляли значительное (сопоставимое с любым другим микрорегионом Восточной Европы или Скандинавии!) количество дирхемов (клады, установлено, выпадают не столько по путям передвижения монетных потоков, сколько в районах монетных рынков их перепродажи и прямого использования как всеобщего эквивалента стоимости товаров). Часть арабского серебра переплавлялась северянами в этнознаковые украшения и атрибуты языческого культа [Орлов Р.С., 1988, 1994], символы престижа племенной знати и дружины [Узянов А.А., 1983], а часть всюду ходила на их территории именно как деньги при обмене товаров и услуг. Последнее видно по целому ряду признаков: дисперсия монет по территории роменских поселений (отложились в жилищах, хозяйственных ямах, погребениях); горшки-копилки для монет; принадлежность посеимских кладов к северной денежно-весовой системе IX в. [Янин В.Л., 1956; вопреки сомнениям А.Н. Назаренко, 1996], что имеет глубокие исторические корни в этноэкономической общности Приильменья и Посеймья [Щавелёв С.П., 1997]; практика обрезки монет с началом их порчи производителями; заметное присутствие в сеймских кладах сильно потёртых монет²⁴⁴. Этими фактами опровергается застарелое мнение о сплошь натуральном характере хозяйства, родо-племенном строе северян накануне их «окняжения» Киевом. Судя по «серебряному индикатору», именно участие в международной торговле наиболее престижным на исходе I тыс. импортом — арабским серебром послужило решающим фактором политического ароморфоза на территории позднероменской культуры, её перехода от потестарных (родо-племенной, затем вождеской) стадий общественного развития в IX – начале X в. к стадии раннегосударственной. На Днепровском Левобережье во второй трети X в. сложилась конфедерация, подобная той, что несколько ранее породила на

²⁴⁴ Подробнее этот сюжет см.: *Щавелёв С.П.* Клады куфических монет в Курском Посеймье // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Тезисы докладов научной конференции. Липецк, изд-во Липецкого гос. пед. ин-та, 1999. С. 155–159; *Его же.* Клады арабского серебра в Курском Посеймье // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г. СПб., СПбГУ, 2002. С. 144–149.

Северо-Западе Древнерусское государство [Мельникова Е.А., 1995]. Победа этого последнего над восточными соседями не выглядит фатальной; покорение северян и их союзников далось Киеву с большим трудом и продлилось до середины XI в., когда, кстати сказать, выпадение монетных кладов в Посеймье полностью прекращается почти на век.

Так печаталось мной в 1990-е гг. Ссылок на эти мои публикации в диссертации нет, хотя её автору они хорошо известны. Подобное лицемерие не украшает претендента на высшую учёную степень.

- По автореферату заметно, что его автор склонен принимать построения своих предшественников, которые Посеймьем уже не занимаются (А.К. Зайцева, А.А. Горского, А.В. Кашкина) и потому вряд ли возразят «преемнику», но, как правило, оспаривать тезисы авторов, занимающихся этой темой параллельно с ним самим (А.В. Григорьева, Ю.Ю. Моргунова, С.П. Щавелёва), либо вовсе миновать их (А.В. Зорина). Было бы правильным привлечь к процедуре защиты этой диссертации *Александра Вадимовича Григорьева* (Москва – Тула), как-никак, автора наибольшего числа монографий о роменской культуре. Как говорится, да будет выслушана и другая сторона... На конференциях эти два авторитетные археолога постоянно и продуктивно спорят об исторических судьбах роменцев.

В одних спорных случаях аргументация диссертанта выглядит убедительнее, в других нет, а в третьих напрашиваются компромиссные выводы. Так, относительно изменения демографической структуры Посеймья под натиском Руси прав и А.В. Григорьев (которым археологически надёжно прослежены следы массового бегства носителей роменской культуры в более северные области), и В.В. Енуков (проследивший примеры «резерваций», устроенных Русью для захваченной части населения Посеймья).

- В.В. Енуков виртуозно реконструировал *особенности роменской фортификации в Посеймье* (стр. 15). Но конструкцию типа «косой острог» обнаружил в своих сибирских штудиях раннего Нового времени американист А.В. Зорин (Курск). Он же обратил внимание диссертанта на первые планы Курска²⁴⁵. Надо было бы на него сослаться, как на автора соответствующих идей. И главное, почему северяне строили именно так? (как это повторилось потом в Сибири лет пятьсот спустя, при наличии огнестрельного оружия)²⁴⁶.

²⁴⁵ См.: *Зорин А.В.* Курская крепость XVII в. // Курские тетради. Вып. 5. Ч. 1. Курск, 2004.

²⁴⁶ Дополнение 2011 г.: енуковские реконструкции укреплений городищ курской округи убедительно раскритиковал Ю.Ю. Моргунов. См. его кн.: *Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков.* М., 2009. После публикации этой критики сначала в журнале «Российская археология», а затем и в упомянутой монографии прошло немало лет, но возражений со стороны В.В. Енукова в печати пока не последовало — С.Щ.

• Трудно согласиться с тем, что *конец автономии летописных северян* был положен Владимиром I в 980-х – 990-х гг. (стр. 30). Допущение диссертанта, что его походы «могли» проходить через Посеймье, обосновано гипотезой же — динамикой выпадения кладов арабского серебра. Другие интерпретации этого же источника (см. выше) в расчёт не берутся.

Раскопанные В.В. Енуковым укрепления Курска рубежа X–XI вв. могли быть сооружены вовсе не победителями-русью, а местными жителями под угрозой со стороны этой последней. Тем более что конструкция упомянутых укреплений вполне в роменских традициях. Вряд ли бы киевские инженеры и военные так быстро бы переучились. У диссертанта получается, будто бы именно и только в Посеймье киевская «русь» отказалась от повсеместных на покорённых ею к тому времени огромных территориях строительных традиций и доверила важнейшее дело возведения своих новых крепостей местным мастерам. Тем самым, чью родину они только что выжгли огнём и мечом. Ситуация более чем сомнительная с историко-археологической точки зрения.

В.В. Енуков сам констатирует («к сожалению») отсутствие следов поновления укреплений на месте курского роменского городища. Из этого положения диссертант пытается выйти, в очередной раз привлекая для обоснования своей гипотезы гипотезу другого автора — В.В. Коваленко о гибели Шестовицы якобы под ударом Мстислава Владимировича. Но предкиевская варяжская цитадель не ровня дальней крепости, земляки которой до конца сражались на стороне Мстислава в битве при Листвене. Зачем же ему было разрушать киевский якобы форпост на Сейме, когда все события его борьбы с Ярославом разворачиваются вокруг Чернигова? Именно Мстислава я предлагаю считать основателем Курска как древнерусского города (в середине 1020-х гг., когда «наступила тишина на всей Русской земле», по свидетельству летописца)²⁴⁷. Предлагаемая датировка основана на сопоставлении временных реперов летописи и жития Феодосия Печерского²⁴⁸.

Не стоит вообще представлять русификацию сопредельных Киеву территорий как одномоментный процесс. Как известно из летописи, целый ряд «племён» (например, ясов и касогов, вятичей) Руси приходилось приводить к покорности неоднократно. Северяне тут не были исключением. О «нарубании» дружинников сюда, о «построении городов на Семи» уже при Владимире Святославиче, летопись ничего не упоминает. Посол к пе-

²⁴⁷ Дополнение 2011 г. См.: *Щавелёв С.П.* Мстислав Лютый — основатель житийно-летописного города Курска (к вопросу о славянских, варяжских, касожских участниках строительства Древнерусской державы) // Русь на перехресті світів (Міжнародні впливи на формування давньоруської держави) IX–XI ст. Матеріали Міжнародного поєвого археологічного семінару (Чернігів – Шестовиця, 20–23 липня 2006 г.). Чернігів, «Сіверянська думка», 2006. С. 227–231.

²⁴⁸ См. расчёт в кн.: *Щавелёв С.П.* Феодосий Печерский — курянин // Преподобный Феодосий Печерский. Жизнеописание. М. – Курск, 2002. С. 72–155, 173–182; илл.; 2-е изд. в печати.

ченегам Бруно Квертфуртский в 1006 (или 1007) г. достиг «змиевых валов» на границе «державы Владимира» километрах в ста от Киева. Сеймская цепочка укреплений никак тогда не стыковалась с посульской линией киевской обороны от кочевников. Ни один из 12 Владимировых сыновей не получил по завещанию отца владения на всём огромном Левобережье! Тот факт, что «дерева» как этнополитоним исчезают из летописи именно при Владимире, а «Север», «северяне» фигурируют ещё при его наследниках Мстиславе и Ярославе, ясно указывает на действительный финал этого последнего объединения. Более ранние датировки — это всё предположения краеведов XVIII–XX вв. (Г.Н. Булгакова, Г.Н. Анпилогова и др.), повторяемые соискателем учёной степени. Пожары же на роменских поселениях по Сейму нельзя приурочить именно к Владимиру I, они могут относиться и к его ближайшим преемникам. Должно быть, процесс покорения Посеймья растянулся на несколько десятилетий; при чём сочетались торговая, миграционная, дипломатическая и, наконец, собственно военная составляющие.

Более корректно согласует данные письменных и археологических источников обо всём этом концепция А.В. Григорьева, развивающая некоторые традиции историографии вопроса. На первых этапах своей экспансии на Левобережье Русь подчинила себе только его западную часть, а восточная, в особенности Посеймье, сохраняют автономию вплоть до начала XI в., а в некоторых регионах и гораздо позднее («у Н.А. Тропина» среди боршевцев — аж до XII–XIII вв.). Полностью и окончательно подчинил роменцев власти Киева только Ярослав, после устранения с политической арены Мстислава и его наследника Евстафия. Их отцу Владимиру же не всегда удавалось защитит от печенегов даже свою столицу Киев, так что о столь удалённом пограничье со степью, как Посеймье, говорить применительно к Руси последней четверти X в. не стоит.

Одним из мотивов искусственного удревления древнерусского Курска подозревается мной желание отпраздновать его 1000-летний юбилей уже пока мы живы, не оставляя все возможные дивиденды этого события потомкам (Так поступили в левобережном Белгороде — сначала 300-летнем, а вскорости уже «1000»-летнем — и это стало позором для историков и музейных работников). Ждать сакраментального 2032 г. в Курске стоит только долгожителям, ведущим здоровый образ жизни...

- *Социальная номенклатура житийного Курска* объясняется гораздо проще, чем думает диссертант (стр. 34–35). А именно, параллелью светских и церковных терминов относительно одних и тех же общественных групп. Вряд ли житийный «властелин» южного Курска на самом деле так назывался. В переводных памятниках древнерусского периода замечается два ряда параллельных терминов — один оцерковленный, а другой обмирщённый. Например, в «Изборнике» Святослава 1076 г. (по времени составления практически совпадающем с периодом жизни Феодосия) явно параллельные термины из этих двух рядов — «бояре» и «вельможи» соответ-

ствуют одному и тому же греческому термину [*Завадская С.В.*, 1996, С. 28–29] — «megistos», дословно «превосходный», т.е. «главный», «начальник». А по другому памятнику того же рода — «Поучению о посте...» из сборника «Златоуст» вырисовывается характерная именно для XI – начала XII вв. картина общественного соподчинения (сословно-административная «лестница»): «Рече блаженный апостол ... іако же бо цесарь боле есть князя, а князь — воеводы, а воевода — болярина, а болярин — сотника, а сотник — пятидесятника, а пятидесятник — слуги» [*Там же*, С. 29].

Отсюда становится понятна описанная Нестором-агиографом общественная иерархия в Курске того времени. Понятие «князь» применяется этим киево-печерским монахом-летописцем и в данном своём произведении — «Житии» — исключительно к Рюриковичам — «властелинам» Киева и соседних «столов». А именно, Ярославу Владимировичу и его детям — Изяславу, Святославу, Всеволоду. В Курске княжеского стола тогда ещё не было, клан Рюриковичей пока не разросся до такой степени, которая привела к усилению раздробленности земель, поэтому о руководителе этого города как о князе здесь речь идти не могла.

Княжеские «вельможи» синонимически именуются Нестором «боярами». Представлять власть князя они могли не только в самой столице Киеве, но и по всей тогдашней Руси. Абстрактные «властители города» (библейский парафраз) поминаются автором «Жития» в самом его начале безотносительно к какой-либо местности. Надо полагать, что и курские «вельможи» из данного памятника не кто иные, как бояре. А по-церковному «властелин» этого города «по-граждански» звался «воеводой», посаженным управлять этой землей неким князем-Рюриковичем или (если следовать житию) самим великим князем-«цесарем» из их же среды (следующие ранги общественной иерархии).

• *О списке публикаций диссертанта* (стр. 37–39) пусть судят коллеги из диссертационного совета. Задамся вопросами лишь по поводу названия собственно докторской его книги «Славяне до Рюриковичей». Тут каждое слово загадочно. Какие именно «славяне»? Из библиотечного каталога читатель не поймёт. Почему «до»? Вся работа о том, как по соседству, при участии, в результате агрессии именно Рюриковичей жили эти самые «семцы». Почему только Рюриковичи, когда из письменных и археологических источников установлены альтернативные им скандинавские династии в Чернигове, Полоцке, Турове и, вероятно, не только там? Всё вместе напоминает книгу по истории КПСС «Брежнев до Ельцина» или что-то в этом роде...

Всем высказанным мной выше соображениям Владимир Васильевич может уделить некоторое внимание в своей дальнейшей работе, которая должна бы учесть основной массив его курских раскопок, относящийся к XII–XIV вв. в истории того же самого региона, не к теме его докторской диссертации.

А сейчас я полагаю, что соискатель докторской степени, тем более по двум означенным выше специальностям, её в какой-то степени достоин. Получив её, он, по идее, с ещё большей энергией займётся историей Курского Посеймья и Курского княжества в «своё» как исследователя время — XII–XIV вв. Здесь, в «зрелой» Древней Руси, гораздо меньше места для туманных выдумок, провоцируемых «языческой» археологией, зато непочатый край систематической работы по разведкам, современным раскопкам и публикациям археологического материала. Посмотрим, как Енуков преодолит «феномен Милюкова», упомянутый в начале моего отзыва. То есть будет ли он работать как полевик и как камеральщик, археолог и историк, став доктором наук. Предыдущий его курский опыт порождает на сей счёт большие сомнения. Их преодоление и переживание, впрочем, будет на совести членов этого диссертационного совета.

17 ноября 2007 г.

ДРЕВНОСТИ ЕЛЬЦА

*Отзыв на автореферат диссертации Н.А. Тропина
«Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья
в XII–XV вв.» (Москва, 2007), представленной на соискание учёной степе-
ни доктора исторических наук по специальности
07. 00. 06 — археология²⁴⁹*

За долгий период руководства отечественной археологией академиком Б.А. Рыбаковым сформировался представительный отряд археологов-славистов. С тех пор прошло с четверть века, и к сегодняшнему дню, наоборот, ощущается их дефицит. Одни умерли (по причинам естественным и не очень — в том числе под ревнивым диктатом того же академика, начиная со светлой памяти А.В. Кузы), другие с возрастом отошли от полевой работы. Молодёжь, кажется, предпочитает специализироваться на более «выездных» аспектах археологии; да и приток её в эту науку явно иссякает, особенно в столице. Некоторые периоды отечественного Средневековья, отдельные регионы древнерусской культуры могут остаться без авторитетных экспертов и разработчиков. Тем отраднее констатировать появление этой осенью сразу нескольких докторов наук, чья тематика относится к Южной Руси. Среди них выделяется диссертация Николая Александровича Тропина, чей автореферат я попытаюсь кратко оценить.

Судя по автореферату, автор весьма основательно проанализировал историографию изучения юго-восточных древностей эпохи зрелого Средневековья. Начиная от самых первых попыток обследования соответствующих памятников в начале позапрошлого века и до нынешних исследований того же топохронного ареала. В диссертационный «акафист» ведущих специалистов по юго-востоку Руси на стр. 6 я бы добавил (извлёк из «... и др.») А.В. Григорьева (а кое-кого из приведённого списка, напротив, переместил бы в «... и др.»).

Уже из автореферата видно, насколько фундаментальна источниковая база тропинского исследования. Обращу внимание на несколько принципиальных моментов.

Во-первых, эта диссертация вписана во внушительную традицию изучения крайнего юго-востока славян и Руси представителями в первую очередь Воронежского государственного университета и «дочерних» его учебно-научных организаций из соседних областей (где работают даровитые питомцы «зубров» воронежской археологической школы А.З. Винникова, А.Д. Пряхина, А.П. Медведева, А.Т. Синюка). Получается, если считать с А.И. Москаленко, уже третье и последующие поколения археологов этой региональной школы. Несмотря на неизбежные в археологической среде межличностные трения и даже конфликты, представители этой шко-

²⁴⁹ Отзыв был послан в диссертационный совет Института археологии РАН. Не публиковался.

лы имеют возможность использовать полевые материалы друг друга. Приходится отмечать эту тривиальную истину потому, что в других случаях археологи напоминают «собак на сене» — не допускают к своим коллекциям коллег, даже если сами не успевают их не то что опубликовать, но даже обработать как следует. Есть примеры «завещания» накопанных материалов своим отпрыскам. Такой вот «археологический феодализм» в Воронеже, Ельце, Липецке, Белгороде преодолён, и это позволило, в частности, Н.А. Тропину подготовить вполне репрезентативные книги и статьи по теме диссертации (на базе прежде всего массы полевых отчётов — не только его собственных, но и его учителей и коллег). Не менее важно и продолжение «династий» археологов — если у относительно молодых докторов наук не появятся свои ученики, то завтра во многих субъектах Российской Федерации некому будет поддерживать археологический мониторинг — из Москвы да Петербурга никогда не обеспечить российскую провинцию достаточным количеством держателей открытых листов.

Во-вторых, из автореферата и монографий этого автора видно, насколько масштабно и системно осуществлена им самим полевая подготовка исследования. Лично и при кооперации с коллегами произведена сплошная разведка памятников тех поречий, что относятся к порубежью Чернигово-Северского и Рязанского княжеств. В результате значительно уточнены, пополнены каталоги соответствующих памятников, а выводы автора о конфигурации заселения региона в отдельные отрезки времени приобретают доказательный характер. Выбранные же для стационарных раскопок памятники вскрыты весьма полно, достаточно для выводов социально-исторического плана. Опять-таки, столь отрадная добросовестность и работоспособность сейчас далеко не правило для ведущих археологов соседних областей того же Черноземья. Допустим, в Курской области систематических разведок (с продуманной шурфовкой; организованным и инструментально фиксируемым сбором подъёмного материала на распахиваемых памятниках) не производилось с рубежа 1970-х – 1980-х гг., когда закончились советские новостроечные экспедиции Института археологи. А те памятники, что копались позднее, брошены пока на середине работ. Скажем, на известном Ратском комплексе в районе Курска раскопана лишь площадка городища, а окольный город и посад, внешние валы, местонахождения древней архитектуры остаются нетронутыми. Помимо задач исторического познания, этот вопрос имеет принципиальное практическое значение. Незученные археологами памятники сейчас массово гибнут под набегами «чёрных археологов». Допустим, рядом с Липинским археологическим комплексом в Курской области располагались руины известной с XVII в. Лыпиновской пустыни — монастыря, существовавшего здесь в позднем Средневековье и в начале Нового времени. В середине 1990-х гг. неизвестные (юридически) лица варварски разрыли на снос, уничтожили этот памятник. В не менее известное Гочево на Верхнем Псле, где ежегодно копают петербургские и курские археологи, ежегодно же приезжают

грабители курганов из Москвы (судя по номерам их автомашин) и вершат свои незаконные «раскопки» целых курганных комплексов. Сейчас незаконные копатели грабят уже не отдельные памятники, а идут с металлодетекторами планомерно по картам областных сводов, изданных самими археологами. На антикварном рынке в московском Измайлове теперь в цене археологические комплексы находок из курганов и построек поселений. Пора принимать дисциплинарные меры к тем археологам, что консультируют грабителей, определяют их находки и используют их в своей работе, ссылаются на них в своих публикациях.

В-третьих, автореферат А.Н. Тропина отражает системное использование разного рода источников — и археологических, и письменных. Материалы его раскопок подвергались не только общеархеологическому, но и специальным анализам — остеологическому, металлографическому, нумизматическому. Организация таких исследований — заслуга диссертанта. Далее, сегодня далеко не всякий археолог-славист может читать летописи и акты в оригинале, а их переводов на современный русский язык нет. В данной же диссертации традиции русского источниковедения летописей и других письменных памятников, относящихся к рассматриваемому периоду и региону, представлены достойно.

Диссертация А.Н. Тропина вполне отвечает требованию Высшей аттестационной комиссии о публикации основных выводов в академических изданиях. Четыре его объёмистые монографии рецензировались ведущими московскими специалистами, что опять-таки не правило сегодня для провинциальных авторов (они порой выходят на кандидатскую или даже докторскую защиту или вовсе без монографий, или с научно-популярными книжками).

Среди многих моментов новизны рецензируемой работы, отмечу такие, как: фактическое подтверждение более долгого существования роменской археологической культуры (в лице родственных ей, по крайней мере, синхро-стадиально, боршевцев) — её агония под натиском Руси продлилась не до конца X в., как полагали советские авторы, а на несколько десятилетий дольше, а в этом «медвежьем углу» — местами на целое столетие (с. 31); парадоксальный на первый взгляд вывод о сохранении и даже двукратном развитии этого славянского пограничья в период татаро-монгольского нашествия (с. 21) — как видно, азиатским захватчикам был выгоден такой торгово-земледельческий тыл их новых владений (похожая картина в соседнем Посеймье, где на стыке лесостепи и леса возникают даже города с сезонным монгольским населением).

Разумеется, по некоторым из затронутых в диссертации тем и вопросов у коллег могут быть другие оценки и гипотезы. Такого рода дискуссии не умаляют, а подтверждают весомость вклада автора в историческую археологию. Например, у меня вызывает сомнение вывод автора о целом ряде незастроенных, нежилых площадок на укреплениях, которые автор по традиции оценивает как «сторожевые крепости», «городища-убежища»

(с. 19). К этому выводу поспешил присоединиться В.В. Енуков со «своим» Липинским городищем на Сейме, чья площадка якобы пустовала в древнерусский период. Я допускаю в этих ситуациях трудности фиксации построек в здешнем грунте. Если копать их по старинке послойно-штыковым способом, то в плане их заметить мудрено. Требуются более совершенные методики раскопок, апробированные на Западе и кое-где (например, в Гнёздове, Великом Новгороде, Туле) у нас. В материалах предыдущих раскопок того же Липина П.И. Засурцевым полно вещей, демонстрирующих оседлую жизнь на площадке городища (орудия труда, развалы печей, даже настенное распятие — а жилищ якобы нет?!).

Автору стоило рассмотреть связь запустения изучаемого региона со второй половины XIV в. (с. 38) с победой Литвы, а затем и Москвы над Ордой на Левобережье Днепра.

Наконец, отмечу значение представленной в автореферате работы для институциональной организации гуманитарной науки. Н.А. Тропин — питомец воронежской школы археологов. Профессора А.Д. Пряхина можно от души поздравить с таким учеником и сподвижником. Воронежский университет сейчас исправно обеспечивает свою и соседние области страны высокопрофессиональными раскопщиками и музейщиками. Университет, где трудится Н.А. Тропин, расположен в уездном Ельце, но уровень его научной продуктивности способен дать фору многим областным институтам. Считаю важным, что эта диссертация защищается не в провинциальном (то есть более или менее «карманном» для земляков) совете, а в Институте археологии РАН, получая тем самым не формальную, а наиболее квалифицированную оценку. Учитывая молодые годы диссертанта, столь внушительный задел его научной деятельности, как представленная диссертация, обещает новые открытия как в полевой, так и в исторической археологии. Присудив Николаю Александровичу Тропину искомую учёную степень доктора исторических наук, Диссертационный совет Института археологии обеспечит российской археологии ещё одного действительно ведущего специалиста по самой актуальной, на мой взгляд, тематике изучения отечественных древностей.

24 сентября 2007 г.

С БОРУ ПО СОСЕНКЕ

Рецензия

*на сборник статей аспирантов кафедры философии
Курского государственного педагогического университета
(Курск, 1999. 118 стр.)²⁵⁰*

Насколько мне известно, сборник аспирантских работ по философии выходит в Курске впервые. Он содержит преимущественно историко-философские статьи и в этом плане отличается внутренним единством. Более того, своего рода монотематичность этой книге придаст то обстоятельство, что она посвящена различным, но в близкой степени кардинальным проблемам российской философии, а также тех иноземных традиций метафизики и аксиологии, что прямо или косвенно на отечественную философию повлияли. В этой связи возникает предложение к авторам и редакционной коллегии сборника — придумать и согласовать между собой для него броское название, превратив нынешнее академично-сухое в подзаголовок. В качестве необязательного примера такого заглавия предложу: *Актуальность (жизнь?) философских идей.*

Первая статья сборника — В.В. Гаврилова по праву открывает его. Она посвящена важной и актуальной сегодня теме общественного идеала в творчестве одного из самых «реалистичных идеалистов» уходящего века — С.Н. Булгакова. Автор преодолевает повальный у начинающих философов искус описательности, комментаторства и выясняет саму методологию анализа проблемы, способов аргументации общественных идеалов. В статье тактично препарирована вполне корректная критика марксизма корифеями русского идеализма, и я бы предостерег от возможной промарксистской редакции соответствующих пассажей автора. В качестве пожелания самому автору обращаю внимание на тот момент его работы, где он отождествляет понятия гражданского общества и соборности (с. 9–10). Если даже так полагал С.Н. Булгаков, то едва ли это корректное соотношение понятий, ключевых, одно — для западной, а другое — для русско-православной духовных традиций. Если идея гражданского общества так или иначе воплотилась в жизнь и действительно стала идеалом поведения граждан англо-саксонского, по крайней мере, мира, то пресловутую «соборность» тяжеленько отыскать в реальной истории и даже настоящем общественном сознании России разных эпох. Гораздо больше деклараций насчёт соборности в работах идеологов, вплоть до неонационалистов вроде С.Н. Сагатовского и иже с ним²⁵¹.

²⁵⁰ Внутриредакционная рецензия на сборник статей молодых философов Курского педагогического университета. Не знаю, был ли он опубликован.

²⁵¹ См. если больше нечего делать: *Горбунов В.В.* Идея соборности в русской религиозной философии. М., 1994; *Шапошников Л.Е.* Философия соборности. СПб., 1996; *Есаулов И.А.* Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995; и т.п.

Следующая статья — О.В. Птицыной мила, изящна, но кажется мне слишком конспективной для широко поставленной темы. Указывая уже во втором абзаце на «большую духовную ошибку всего русского философствования» автор вольно-невольно требует от классиков последнего смотреть на любовь как-то не по-русски, а скажем, в духе западных авторов XX в., что странно. Лучше сказать о специфике. По-моему, любая модель любви её деформирует, только по-разному. На то она и модель! Фрейдистская «любвеология» ничуть не менее ущербна, чем, допустим, соловьёвская. Далее, в перечне аспектов любви надо бы подумать над критериями их группировки. Этика и эстетика — это варианты аксиологии. Не говоря уже о том, что «социальный» = «общественный», а «социально-общественный» у автора это всё равно что, допустим, «птицына-авицына» (лат. avis — птица). В целом же статья весьма оригинальна, обнаруживает перспективы дальнейшей разработки темы. При этом надо учесть, что имеется в виду В.Н. Лосский (сын). Тема любви как познания заслуживает больше места в статье, чем три строчки. В *Литературе* к этой статье стоило бы указать уже изданные сборники первоисточников избранной автором темы.

Статья И.Я. Булгаковой об этике Н.А. Бердяева добротна. Не указать ли и ей лучшие монографии 1990-х гг. об этом философе, где есть и разделы об его этике? Нельзя пропустить работу проф. Б.Ф. Сикорского на сходную тему — аспирант без «знамени», под которым он «воюет» в науке, маргинален.

В статье Н.В. Волоховой о Л.Н. Толстом в первой строчке надо указать, «90-е гг.» какого века имеет в виду автор. Неточность «по Фрейду», ибо и в 1990-е гг. к Толстому вернулась репутация мыслителя, а не «зеркала». По существу же статья содержательна по широте и глубине проработанного автором материала толстовских работ. В последнем абзаце многовато превосходных степеней оценки (*уникальное, огромное, гениальное, поучительное, снова огромное, глубокое* и т.п., и т.п.). Как у персонажа И. Ильфа и Е. Петрова: *Ах, ах, высокий класс!* Подобная эмоциональность стиля присуща чаще литературоведам, чем философам. Ясно — Толстой же. От последнего абзаца этой статьи стоит оставить только самую последнюю фразу, и ею статья будет внушительно подытожена.

Работа А.В. Дьякова непропорционально другим статьям велика по объёму. Это по сути брошюра внутри сборника. Первая фраза статьи почти дословно повторяет её заглавие, что лишне. Я не специалист по мистике, но, по-моему, каббала — не что иное, как буквенная и числовая магия иудаизма, а в какой-то степени — её парафразы в средневековой мистике. Между тем автор посвящает пару первых страниц своей статьи отношению В.С. Соловьёва к теософии, т.е. куда более позднему и широкому духовному феномену. Статью смело можно начинать с части II, ибо часть I переполнена оговорками того, что автор *не собирается рассматривать* ниже. Напротив, о первообразе каббалы в первоначальном иудаизме стои-

ло бы сразу сказать несколько подробнее. Или, по крайней мере, указать на литературу вопроса. Кое-что о происхождении каббалы оговаривается только на 6 (!) стр. статьи, что явно нелогично и запутывает читателя. А отношение Соловьёва к каббалистической традиции, то есть заявленная автором тема возникает лишь на стр. 11 (!!), в ч. III. Стоит предложить автору упорядочить свой интересный, глубокий, но хаотично выстроенный текст, взяв за основу именно часть III. Эта часть и есть статья на заявленную тему. Редактуру легко будет выполнить «с помощью ножниц и клея». Надо дать автору время написать покороче. Имена переводчиков из списка литературы можно смело опустить.

Статья Н.В. Фишбейн открывается спорным тезисом о бездуховности именно современного общества. Сетование стало топосом аспирантских работ по философии, боюсь, надолго. Видно, молодые люди ожидали от «перестроенной» гуманитарии каких-то райских условий, а столкнулись с новым витком мафиозности, отсюда и ностальгия по любому прошлому. Вечная история! (В этой связи рекомендую автору перечитать модную ныне эпопею А. Сапковского о приключениях ведьмина Геральта и его друзей, где проблемы духовности моделируются в духе «актуалистического историзма».) В целом же её анализ мифологии К.Г. Юнга выполнен на должной высоте.

В редакции явно нуждается концовка работы. Почему «между двумя способами мировосприятия» (какими?) лежит именно «пролив», а не, допустим, «сухой ров»? (Автор давно не бывала на море?) Кому это скучно жить без алхимии? (Тем, кому не хватает золота?) Пожалуй, только экзальтированным дамочкам, читающим Нострадамуса и газету «На грани возможного». Насчёт «зверя в христианской душе» (с. 50) см. лучше всего недавно переведённый на русский том работ К. Лоренца «По ту сторону зеркала». Вряд ли неоалхимия заменит этологию или социобиологию, которые выглядят куда привлекательнее для самопознания современного человека. Важно дать читателю понять, что значение алхимии и прочих паранаук *в обратном отношении* к истории культуры. Об этом рецензент (я) рассуждал в сборнике прошлогодних «Юдинских чтений» (КГПУ, 1998), а ещё лучше сказано в статье ведущего нашего специалиста по истории алхимии В.Л. Рабиновича из сборника «Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания» (М., 1990).

Писать биографии иностранцев, за что взялась Е.В. Желудёва, — редкая и трудная (языковой барьер чего стоит!) задача. Я бы на её месте «ускромнил» жанр своей работы. Перед нами — не более (но и не менее!), чем этюд, очерк жизни и творчества Ж.-М. Гюйо. Мои мелкие замечания коллеге-биографисту: не все перечисляемые ею дореволюционные журналы были в равной мере «уважаемыми», как она выражается. Например, пронародническую «Русскую мысль» не жаловали учёные авторы академического «Журнала министерства народного просвещения». «Фабрикант из рода фабрикантов» звучит простовато. Река «Майенн» — не Майн ли?

Добиваться «счастья сестры» путём женитьбы на ней для русского читателя сильновато, как и «обожание мальчиков» (см. выше статью г-жи Птицыной об этом). Лучше написать точнее — «кузины». Отчим Гюйо дочитался до того, что «не был в состоянии читать и писать» — какой пример мы подадим нашим студентам этой фразой? Реконструкция же взглядов этого мыслителя восполняет определённый пробел в нашей историко-философской литературе. Стоило бы оттенить причины популярности «французского Ницше» в эпоху декаданса и его полузабвение в дальнейшем.

Эпиграф к статье Л.В. Левиной подан неточно. Цитирую речь Цицерона против Катилины: «O, tempora! O, mores! Senatus haec intellegit...» Зря отменили латынь на первом курсе всех факультетов педагогического института... Статья же в целом очень интересная, нужная, но и спорная. Рисуемая автором модель замены естественной семьи «искусственной» в индустриальном обществе скорее моралистична в духе стариковского ворчания, нежели исторична. Большая патриархальная семья вряд ли давала своим членам больше счастья, чем малая, парная. Отход от патронимии начался ещё в Средневековье (историки и археологи спорят, парная или многопоколенная семья господствовала в Древней Руси; скорее всего, вервь состояла из парных семей — спросите у мужа г-жи Птицыной; он, сколько мне помнится, расчищал постройки XI–XII вв. на Липинском городище под Курском, куда поместилась бы только сравнительно небольшая семья).

Я не согласен с утверждением автора, что индивидуализм как моральный принцип заведомо хуже коллективизма. У индивидуалиста, как правило, можно занять денег, а у коллективиста, тоже как правило, в карманах пусто... Ещё Н.С. Лесков говаривал, что у каждого коллективиста голодные старики на печи сидят. Автор пишет, что промышленность «выбросила миллионы людей в городскую среду» (с. 60). Надо разъяснить: из навоза и телеги в трамвай и жилище с не земляным, а с деревянным полом; с черепичной или стальной, а не соломенной крышей; с тёплым туалетом вместо выгребной ямы на морозе; с водопроводом вместо колодца. Автору летом и зимой надо пожить в любой курской деревне, стоящей не на трассе. И ничего с собой из города не брать! А потом проверить, жив ли неоруссоизм в душе. «Опыта добрачных отношений» в деревне вряд ли меньше, чем в городе. Отсрочка времени вступления мужчин в брак была не таким уж отрицательным явлением, как рисует реферируемый Л.В. Левиной автор; она вызывалась прежде целым рядом объективных факторов, среди которых одна из самых мудрых причин — учёт разницы во времени наступления климакса у мужчин и у женщин. Добрую долю нынешних разводов после 30, 40 и более лет дают нынешние браки одноклассников, однокурсников. Вообще рассуждения автора и цитируемых ею авторов о «семейном апокалипсисе именно сегодня» напоминают мне пассаж незабвенного Ярослава Гашека о курсах по уходу за новорождёнными, которые ведут старые девы... Сомнительны приводимые ей на стр. 62 данные

социологических замеров семейных настроений. Интересно, какие ожидания ощущались в курских семьях после, допустим, битвы на Калке или же, скажем, в 1937 г., когда органы ГПУ арестовали более 8000 курян?.. В статье непропорционально большое место занимает реферат работы В. Дюрана, не самой свежей по данной тематике. См. ещё: Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. 640 с.

Статья А.В. Кучеренко о понятии ноумена у Канта украшает сборник, однако и она несколько затянута. Детали: «вещь в себе» как понятие стоит закавычить. Слово «демократия», несколько раз употребленное автором, ускользает от понимания. «Демаркация» = разграничение?

Статьи В.Н. Бойко, Е.И. Арепьева и А.В. Кузнецова по философским проблемам естествознания найдут себе более компетентного редактора в лице В.Т. Мануйлова, входящего в редакционную коллегию сборника.

Наконец, работа С.М. Пекарской по «элитоведению» представляется весьма оригинальной по замыслу и исполнению. Понятие «высшего общества» действительно несинонимично понятиям аристократии, элиты и т.п.. Введённые в начало статьи определения «общества вообще» представляются излишними. Автору стоило обратить внимание на механизмы пополнения «высшего общества» в дореволюционной и в советской России. При определённых издержках и там, и тут, старая, царская модель в целом выглядит предпочтительнее. Именно она (родство с заслуженными предками; гимназия, университет, «Табель о рангах», система орденов и т.п. формы общественного роста) объясняет проникновение наверх социальной пирамиды выходцев буквально из всех сословий царской России. Возьмите известных историков того времени. И.Е. Забелин — из нищих мещан, Н.Г. Устрялов, М.П. Погодин — из крепостных крестьян, Д.И. Иловайский — из купцов, Ю.В. Готье — сын лавочника-эмигранта; и т.п., а все они на вершине жизненного пути обладали миллионными состояниями и были приняты при дворе. Львиная доля русского дворянства состояла в последних, четвёртом и в пятом разрядах родословных книг — дворянство, дарованное чином военной или гражданской службы. Ордена давались не по прихоти обкома партии, а через определённые сроки беспорочной службы или же за конкретные отличия (св. Владимир). Сломал этот небезупречный, но работающий механизм, советская власть стала выдвигать к руководящим постам и соответствующим им социальным благам малограмотных людей с самого низа общественной лестницы, минуя стадии учёбы и невзирая на её успехи у данной личности. Поэтому и выродилось «высшее общество» в России ²⁵².

²⁵² Кто бы мог подумать, что ещё десяток лет спустя написанной рецензии, в постсоветской Федерации на всех уровнях общественных верхов возобладает сугубо феодальный принцип личной преданности земляческого, цехового типов. Перемещаясь по вертикали и по географии службы, мало-мальски крупный чиновник, начиная с президента и заканчивая начальником региональной ГАИ, перетаскивает вместе с собой многих бывших одноклассников, соседей, сослуживцев. Образуются новые кланы

Если бы Л.Н. Толстой оказался на месте, скажем, А.И. Солженицына, он бы по-другому взглянул на третируемый им «свет». Надежды Л.Н. Толстого на то, что дворянская культура станет достоянием всех сословий, созвучны плану большевиков осуществить культурную революцию. В результате культура оказалась уничтожена вовсе, заменена суррогатом. Простой пример: до революции в Курске было, кажется, две гимназии и пара реальных училищ, но половина горожан говорила на иностранных языках свободно. Сейчас в том же самом городе до 100 разных средних школ, но на иностранных языках говорят всего несколько человек. Большинство представителей нынешнего «высшего общества», особенно в провинции, просто малограмотные люди, путающие «Бабеля с Бебелем, Бебеля с Гегелем, а Гегеля с Гоголем»... Подумать только, в моду входят диктанты по русскому языку для губернских чиновников!.. О других причинах размывания общественной элиты прекрасно высказался в своей последней статье Ю.И. Юдин (в сб. конференции «Противоречия педагогической гуманитаризации»).

Может быть, стоит завершить до логического конца наметившуюся пока стихийно группировку статей по двум частям — отечественной и зарубежной философиям. А то предпринять и более дробное деление статей, основания для которого имеются.

Наконец, сугубо корректурные замечания. И в тексте, и особенно в оглавлении сборника стоит добиться единообразия подачи типовых моментов текста. Скажем, устранить разноречивость в написании имён. У одних персонажей сборника инициалы означены полностью (*С.Н. Булгаков*, что правильнее всего по-русски), у других приведён почему-то лишь инициал имени, без отчества (*Н. Бердяев*, *Вл. Соловьёв*), у третьих — имена приведены полностью (*Жан-Мари Гюйо*, *Макс Вебер*, *Бернард Шоу* и др. — «преклонение перед Западом»?!), а четвёртые никаких инициалов «не заслужили» (попросту *Маркс*). В такого рода мелочах видна редакторская, да и авторская культура письма.

В оригинал-макете сборника стоит полнее задействовать возможности компьютерного набора, используя в нужных местах *курсив* или **полужирный шрифт**; дифференцировать дефис - , настоящее тире — , разделительный знак между датами – .

Как видно, все мои замечания носят не столько концептуальный, сколько вкусовой характер и потому факультативны. В целом же сборник аспирантских работ явно удался, объединил в себе лучшие интеллектуальные силы поколения next кафедры философии КГПУ. После некоторой авторской да редакционной правки (которую осуществит представительная редколлегия, снабдив сборник необходимым предисловием), сборник

по территориальному происхождению: «питерские», «тамбовские» и т.д. Наблюдается очередной генезис новейшего «столбового дворянства», ведущего свои генеалогии от «двора» того или иного властителя.

можно смело издавать. Он обязательно найдёт заинтересованных читателей.

19 февраля 1999 г.

ОСВЯЩЁННЫЙ ЧЕЛОВЕК

*Отзыв на диссертацию В.В. Гаврилова
«Проблема совершенствования человека и общества
в философии С.Н. Булгакова» и её автореферат (М., 1999),
представленные на соискание учёной степени
кандидата философских наук*

Духовный возврат классики отечественного философствования в Россию же после Октябрьской революции прошёл несколько этапов. Сначала, при советской власти, произведения дореволюционных и эмигрантских мыслителей находились под спудом спецхранов да контрабандного самиздата и представляли своего рода «запретный плод», до которого добирался далеко не всякий специалист по истории философии. Добросовестный обзор автором рецензируемой диссертации булгаковских аспектов в работах 1970-х – 1980-х гг. издания в СССР не слишком убеждает, поскольку главное в религиозно-идеалистической философии большинством этих работ прямо отрицалось. Затем, на заре «перестройки» соответствующие книги-первоисточники богословской мысли начали переиздаваться — в качестве той идеологической «кости», которую зашатавшаяся власть бросала поднимающей голову идейной пока что оппозиции. Дорогу в книгоиздательскую серию «Философское наследие» произведениям религиозных мыслителей проложило решение горбачёвско-яковлевского ЦК, тогда как всего за несколько лет до этого выпуск тома метафизических утопий С.Н. Фёдорова был оценён в академических рецензиях как вредная ошибка, его собирались изымать из библиотек. Только в последние годы, когда философское и в целом интеллигентское сообщество «переварило» появившиеся в изобилии тексты представителей русской философии Серебряного века, наступило время их монографического анализа, объективного осмысления — и в нынешних условиях, и в исторической ретроспективе.

К числу столь углублённых, обстоятельных исследований принадлежит диссертация В.В. Гаврилова, специально посвящённая философии Сергея Николаевича Булгакова, её центральной теме. Уже сам этот тематический выбор вызывает у меня одобрение — потому, что именно этот мыслитель сумел, как представляется, соединить лучшие стороны исконно российской, православной метафизики крутого богословского замеса с неподдельным актуализмом социогуманитарной тематики. Многих, не менее известных и способных его современников и коллег, кидало в интеллектуальные крайности. Например, П.А. Флоренского — во вселенскую мистику, доходящую до откровенной зауми на внецерковный взгляд; Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, В.В. Розанова и близких им по духу мыслителей — в чересчур злободневную для философа политику, поверхностный эссеизм. С.Н. Булгаков же в миру оставался религиозным мыслителем, а приняв

священнический сан — остался экономистом, социологом, историософом вполне рационалистического склада. Ю.Н. Давыдов метко и без тени иронии назвал это его «атеистической религией».

Редкая гармоничность булгаковской философии повышает ценность его рассуждений на тему совершенствования человека и общества, которые анализируются в данной диссертации. Надо ещё принять в расчёт, что формирование нового человека активно пропагандировалось совсем нехристианскими вариантами социализма, включая наш «родной», советский. Так что сравнение отечественных реалий и булгаковских пропозиций получается весьма любопытным и поучительным. Таково, кстати, моё первое пожелание диссертанту — при дальнейшей работе над булгаковской тематикой расширить сравнительные моменты, причём не только с родственными С.Н. Булгакову душами (авторами), но и с его же оппонентами в человеко- и обществоведении.

Прежде всего, конечно с марксизмом в его разных вариантах; заметки на эту тему на стр. 30 и следующих диссертации не раскрывают всего, в чём же именно разошёлся Булгаков-экономист с Марксом. Повторенные диссертантом обвинения Булгакова в вульгаризации отдельных положений марксизма (с. 37–38) мне не представляются справедливыми. Дело в том, что в составе марксизма есть достаточно жёсткое концептуальное ядро (включающее себя прежде всего идею экономического детерминизма), а есть масса оговорок, сделанных под давлением критики и самокритики его основоположников, как людей учёных. И выявление этого ядра не суть вульгаризация. Так, обратное влияние надстройки на базис у марксистов отнюдь не отменяет первичности объективизма экономики над ментальностью («общественным сознанием»), а предполагает эту первичность. Между тем реалистичная историография показывает нам, что перво двигателем общественного (а значит, и личного!) прогресса выступало отнюдь не мистическое «развитие производительных сил», а какие-то вполне субъективные, внешне случайные интересы людей, для которых экономика была только средством их удовлетворения. Допустим, древнерусская государственность зародилась прежде всего исходя из интереса славян и их соседей к товарам дальней торговли, благодаря престижному импорту, а отнюдь не прогрессу земледелия или ремесла как таковых. А государственность не связана прямо с социальной структурой общества, возникает ещё на первобытной его стадии. И т.д., и т.п. Одномерность, жёсткость марксистской историософии обусловили её архивирование современной наукой, что и предвидел С.Н. Булгаков одним из первых в России. Не остался этот мыслитель одинок и в своём отрицании закономерностей общественного развития — такая позиция в философии истории остаётся одной из влиятельных по сей день (ср. методологический анархизм П. Фейерабенда, критику К.Р. Поппером «врагов открытого общества»).

На мой вкус, автору диссертации стоило бы, с другой стороны, осторожно оговорить возможность иных, чем у зрелого Булгакова, вариантов решения проблемы идеала — светских, внерелигиозных. Не умаляя роли религии, очевидно, в каких-то масштабах вечной формы человеческого духа, нельзя не видеть нарастающей во всём мире секуляризации культуры. Это касается, например, булгаковской критики кантианства за антидогматизм (с. 90), едва ли справедливой, особенно для европейца. Далее, автор так подробно и в общем справедливо вырисовывает укоренённость своего персонажа в православной традиции, что в тени остаётся известный экуменизм С.Н. Булгакова.

Остальные мои замечания носят частный характер. Так, вряд ли (западная) «аскеза» = (православному) «подвижничеству» (См. двухтомник В.Н. Топорова «Святые и святость на Руси»). Разбросанные автором по тексту диссертации идеи продолжения, разветвления его исследования по отдельным аспектам, хорошо бы согласно диссертационной традиции сгруппировать ещё и в заключении работы. В работах по философии (в том числе этой) почему-то не приводят списка использованных в тексте сокращений, а сами сокращения используют, что может для иного читателя оказаться затруднением (что есть, допустим, РСХД?).

Структура диссертации вполне логична. Она охватывает как метафизические препосылки «человекоразвития, так и конкретизации данной идеи этим автором, и статику, и динамику предмета рассмотрения. Пожалуй, исследование В.В. Гаврилова представляет собой первое в историко-философской литературе истолкование булгаковского идейного наследия как единого целого, синтеза заключённых в нём моментов онтологии, гносеологии, социологии и дальнейших аспектов философствования. Рабочую гипотезу диссертанта о наличии таковой целостности благодаря идее антропосоциоэволюции (с. 8) можно считать вполне доказанной.

В качестве идейного залога успеха рассматриваемой работы я бы отметил не только содержащийся в ней тщательный, разносторонний анализ автором булгаковского идейного наследия, а прежде всего поставленный в начале диссертации и убедительно обоснованный ею в целом тезис о том, что проблема совершенства и совершенствования человека и человечества — одна из центральных в мировой и, значит, современной философии. На фоне очередного всплеска апокалиптических настроений, воплей «зелёных», «красных», «оранжевых» и прочих оттенков политиков и идеологов о кризисе и близком крахе культуры, идея прогресса, пускай относительного, может показаться сегодня скомпрометированной. Между тем, ритмы антропологической и культурной истории постоянно включают в себя ходы «вверх» и «вниз». Спор о вечности или же измельчании человеческой природы (и «породы») слишком часто упускает из виду те моменты, которые, наконец, проясняются в диссертации В.В. Гаврилова. Причём обсуждать эту проблематику можно именно комплексно, на стыке разных разделов философии, а не только этикой или историософией, как это в

основном делалось прежде. Системный подход к своей теме также помог успеху диссертанта.

Можно отметить целый ряд более конкретных достижений работы. Среди них — экспликация понятия идеала и его основных образов в истории философии; софиологическая, вообще христианско-православная «археология» антропологических идей С.Н. Булгакова; оценки теории и практики христианского социализма; разницы его с позитивизмом, в том числе марксизмом; некоторые другие.

Ряд микроскопических, сугубо корректорских замечаний к тексту диссертации внесён мной на её поля и может быть при желании учтён её автором. Например, типичная для современных текстов разногласия в инициалах — у одних персонажей они даны полностью (С.Н. Булгаков, Макс Вебер), у других частично (Вл. Соловьёв); ряд транскрипций даны в неканоничной форме («Фрайбургская школа» вместо «Фрейбургской» и т.п.). В целом же работа написана хорошим, литературно выразительным языком, достойным тех текстов, что в ней истолковываются. Автореферат лишён нередких в этом жанре длиннот и выпренности, адекватно передаёт идейную полноту диссертации.

Пренебрегая вышеупомянутыми замечаниями-мелочами, могу рекомендовать диссертацию В.В. Гаврилова к защите. Она представляет собой зрелое, законченное исследование, удовлетворяющее всем требованиям для работы претендента на учёную степень кандидата философских наук. Материалы диссертации весьма полно опубликованы в статьях автора (стоит указать и те, что уже сданы им в печать), апробированы на Всероссийских конференциях и в учебном процессе Курского педагогического университета. После лёгкой редакторской правки эта работа вполне заслуживает опубликования в виде монографии или учебного пособия.

1 сентября 1999 г.

ЦЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

*Отзыв официального оппонента на диссертацию С.А. Шемраева «Концепт целостности человека в социально-гуманитарном и религиозно-философском знании» (Белгород – Тула, 2011), представленную на соискание учёной степени кандидата философских наук по специальности 09. 00. 14 — философия религии и религиоведение*²⁵³

Недавно Высшей аттестационной комиссией был в очередной раз пересмотрен список шифров научных, в том числе философских специальностей, и та, в рамках которой выполнена настоящая диссертация, обособилась от близких ей по содержанию «философии культуры» и «философской антропологии». Как видно, в том числе по этому исследованию Станислава Алексеевича Шемраева, такой шаг оправдан. Изучение религии представляет собой особенно сложное и тонкое дело, поскольку в этом тематическом поле взаимовлияние субъекта и объекта познания, и так осложняющее гуманитарные исследования, здесь достигает максимума. Одна из важнейших задач светской философии как раз состоит в том, чтобы каким-то образом согласовать богословские и научные проекции по сути одних и тех же вопросов. Сформулированная теоретико-методологическая посылка прямо подтверждается оцениваемой работой.

Её тема философски основательна и научно несомненно актуальна. Целостность человека в наши дни подвергается очередному, пожалуй, беспрецедентному испытанию и онтологически, и эпистемически. Медицинские биотехнологии достигают такого уровня, при котором «сборка» человеческого организма практически осуществима (Уже получена искусственная рибосома, вскоре биотехнологии из Гарварда соберут первую искусственную клетку — повторится акт Творения...). Это открывает удивительные возможности в области медицины, источников питания и сырья для человечества. Но как быть с душой клонированного индивида, пациента, которому пересадили уже не только сердце, но и часть головного мозга, не могут решить юристы, психологи, богословы и философы. Ведь остановить научно-технический прогресс, как это предлагают представители некоторых религиозных конфессий и консервативных политических течений, было бы бесчеловечно: именно на путях развития передовых технологий открываются небывалые ранее возможности по борьбе с фатальными болезнями, повышению длительности и качества жизни массы людей. С другой стороны, мировая философия мало-помалу выходит из постмодернистского тупика, как бы получив идейную «прививку» против академической самоуспокоенности. Всё это выводит диссертационную тему в эпицентр философской рефлексии.

²⁵³ Отзыв оглашён на защите, поскольку официальный оппонент, то есть я, на ней не присутствовал. Публикуется впервые.

Диссертация Станислава Александровича Шемраева логично выстроена, а содержание глав и параграфов вполне соответствует заявленным в начале исследования его цели и задачам. Работа по кандидатским меркам невелика по текстовому объёму, в чём мне видится одно из её достоинств: нередкой в квалификационных работах «воды», нагромождения иллюстративного материала автор сумел избежать. Сложнейшие философские и теологические вопросы реферируются и трактуются ясным языком профессионального философа.

Структура диссертационного текста симметрична: две главы по два параграфа в каждой. Глава первая посвящена историко-философскому (§ 1) и историко-теологическому (§ 2) экскурсам в избранную тему. Здесь раскрывается центральная идея всего исследования: какие именно части, компоненты, ипостаси нуждаются у человека в объединении, согласовании — ради воссоздания его целостности, гармоничности. На разных этапах и направлениях философской и религиозно-богословской мысли соответствующая структура трактовалась по-разному. Наиболее устойчивым и распространённым взглядом на эту проблему, как выяснено диссертантом, выступают такие слагаемые человеческого бытия, как природное и социальное, индивидуальное и коллективное, рациональное и эмоциональное; целый ряд других вариантов «подразделений» человека.

Главную заслугу диссертанта я вижу в умелом сочетании двух противоположных подходов (или, как сейчас говорят, дискурсов) к проблеме человека — научного, рационалистически-философского, с одной стороны, и богословского, мистико-феноменологического. Чаще всего представители этих подходов плохо понимают друг друга, спорят, даже враждуют. Для полемики у них, конечно, есть основания. Но есть и почва для диалога, попыток согласования рационального и мистического. История культуры знает немало таких попыток — от богословских штудий самого И. Ньютона до философских работ наших православных физиологов И.П. Павлова, А.А. Ухтомского и других. Наш диссертант следует этой замечательной традиции, и у него это получается. Им предложена оригинальная концепция сочетания двух парадигм — трансценденции и имманенции как взаимно дополнительных способов обретения целостности (С. 5 и др.).

Историко-философская половина работы весьма подробна и основательна. Прослежены практически все основные этапы и варианты рассмотрения целостного человека, от старейших религий Земли, античных философов до наших современников вроде М. Фуко и компании. В результате выделены основные трактовки гармонизации человеческой природы, характерные для важнейших отрезков и направлений мировой философской мысли. Таких, как материализм и идеализм; рационализм и эмпиризм; рационализм и мистицизм; и т.д. Выводы из этой главы убедительны: варианты трактовки фрагментарности / целостности человека и, особенно, путей достижения того и другого выделены убедительно. Общий итог, «красная нить» огромного пути поисков решения этой проблемы выражается

автором «как цель, задача, стоящая перед человеком, проблема, которая коренится в нём самом» (С. 77). Можно добавить близкое понятие идеала, в данном случае предельно масштабированного. Перед нами своего рода «идеал идеалов», общее условие достижения и удержания прочих смыслов людского бытия, вроде любви, счастья, понимания и т.д.

Историко-культурный анализ повторяется автором в связи с подробным анализом восточно-христианской традиции. Здесь социально-гуманитарное знание понимается как зона, что шире собственно научной. Этот ракурс вполне отвечает современным установкам так называемой неклассической эпистемологии (См. в этой связи, если угодно, материалы журнала «Эпистемология & философия науки», издаваемого в Институте философии РАН И.Т. Касавиным; в редколлегии которого автор этих строк имеет честь состоять). Диссертант убедительно растолковывает коллизию, представленную в православной мысли сочетанием таких тезисов, как изначальная заданность целостности промыслом Божиим, с одной стороны, а с другой — как той цели, которую человек верой и делами земными должен ещё достигнуть, преодолев собственную же фрагментарность. Формула «Тела, души и духа» или же «Разума, чувства и воли» получает в данном разделе диссертации глубокую философско-теологическую трактовку. Здесь показаны и плюсы, и минусы научно-гуманитарного и религиозно-богословского подходов к определению сущности и существа человека.

Вторая глава работы продолжает рассмотрение этой же темы «в диалоге научной и религиозной антропологии» (С. 119). В первом параграфе этой главы делается попытка показать недостаточность научно-психологических определений человека как личности и как индивидуальности. Якобы при таком подходе игнорируется «духовное и практическое измерения человека». Мне как старому позитивисту и атеисту такое противопоставление научных подходов к человеку подходам богословским представляется несколько преувеличенным. У науки и у богословия (поскольку и оно частично наука) разные «понятийные сетки», разные задачи в антропологии. Может быть, духовность и полнее, глубже трактуется теологами, но вот о «практическом измерении человека» я бы этого не сказал. «Духовная практика» религии и церкви, может, и не оксюморон, но всего лишь фрагмент в пёстрой палитре человеческих практик — производственных, научно-опытных, социально-управленческих и т.п. А за духовно-практическую сферу отвечает не только и в наши дни уже не столько религия и церковь, сколько соседние формы духовной культуры, искусство, мораль, философия и т.д.²⁵⁴ «Христианская немочь бледная / Именуемая душа...» (М.И. Цветаева).

Работа С.А. Шемраева побуждает читателя думать вместе с автором, что в наших квалификационных сочинениях встречается не так уж часто. Поэтому мои замечания и предложения носят характер дополнений к тексту работы, а не опровержений каких-то её тезисов.

²⁵⁴ См., если угодно, мою старую книжку: *Щавелёв С.П.* Практическое познание. Философско-методологические очерки. Воронеж, 1994.

- Вполне правомерно сосредоточив своё внимание на целостности человеческой природы, нерасторжимости её отдельных сторон, автор, мне думается, недооценил прямо противоположный концепт — *противоречивости* той же самой *людской натуры*. И эта противоречивость суть не только минус, но и плюс — и индивидуально-психологически, и социально-психологически. Цельность натуры нередко означает её примитивность, душевную ограниченность. А душевный раздрой — следствие небитой совести. Персонаж фильма Ф.Ф. Копполы «Апокалипсис сегодня» — офицер ЦРУ времён вьетнамской войны (в исполнении Чарли Шина) признаётся: «Когда я в джунглях, мне хочется в Сайгон; когда я в сайгонской гостинице — мне хочется в джунгли» (то есть на фронт).

Итак, я обращаю внимание на аксиологическую сложность, противоречивость целостности; на её принципиальную динамичность в биографии личности и культуре социума. Вспомним такие модели нарушения человеческой целостности, как церковное проклятие (отлучение от той или иной церкви), светское отчуждение, надуманная сегодня смыслово туманная деконструкция.

- Материалы работы содержат подходящие данные для уточнения дисциплинарного статуса такой комплексной дисциплины, какова антропология. Автор по всему тексту неоднократно обращается к ней, понимает её как в теоретико-философском, так и в религиозно-теологическом её вариантах. Но ведь есть ещё варианты антропологии, за последнее время упрочивающие свой учебный и научный статус — физическая, культурная (близкая к тому, что в России называли этнографией, а теперь этнологией). Как диссертанту видится их соотношение между собой и с той дисциплиной, которую именуют философской или же теоретической антропологией? Возможен ли на концептуальной платформе последней некий синтез разных проекций человека? Чему, собственно, и посвящена диссертация.

- В соответствии с выбранной темой, диссертант подробно рассматривает религиозные, прежде всего христианские модели воплощения целостности человека. В связи с чем стоило хотя бы упомянуть про атеистическую, агностическую критику таких моделей. Пусть марксистская, в особенности ленинская критика религиозного отчуждения сегодня выглядит одиозной, вульгарной, но имеются и такие авторы, как, например, Б. Рассел, А. Кожев, наш великий физик В.Л. Гинзбург, чей атеизм куда утончённее. Атеизм такое же достижение мировой культуры, как и религиозная антропология.

- Тезис автора об «изначально христианской европейской культуре» (С. 9) стоило бы ещё раз обдумать. Может, точнее сказать о «новоевропейской»? Ведь античное наследие по определению своему носило в целом языческий характер, не говоря уже о нашем народном «двоеверии», существующем на Руси более тысячи лет...

Помимо содержательных вопросов к диссертанту отмечу некоторые шероховатости стилистического толка. Если работа будет готовиться к печати, что было бы, на мой взгляд, правильно и полезно для возможных чи-

тателей разных категорий (студентов и коллег-гуманитариев), эти мои поправки нетрудно будет учесть.

Отечественные авторы приводятся то с одним инициалом (С. 3–4), то с двумя, как и положено по литературной норме. Тем более что именно отчество у нас позволяет сопоставить родственников и однофамильцев (вроде фигурирующих в работе отца и сына Лосских).

Выражение «труды Сократа» (С. 6), понятное дело, не совсем точно. Поэт (Е.И. Винокуров) писал: «Мыслители по старинке / Цедили слова, роняли. / Сократ целый день на рынке / Олеша — в "Национале" ...»

Несколько раз приставка «не» превращается в предлог — корректором пропущена типичная грамматическая ошибка: «неустойчивая» (С. 7) и т.п. пишется слитно, а не раздельно.

Нередко в тексте дефис (-) заменяет собой настоящее тире (—).

Впрочем, это мелочи формы текста; обычно таких опечаток и ляпсусов в наших кандидатских сочинениях встречается куда больше, чем в этой работе, в целом оформленной культурно.

Диссертация С.А. Шемраева надёжно введена в научный оборот и апробирована — публикаций и конференций, где он выступал с докладами, заметно больше среднестатистического количества для такого рода работ. По ним прослеживается его многолетняя работа над темой. Правда, перечень публикаций в автореферате нелогичен — принято располагать их по годам публикаций, а автор перечислил их в обратном хронологическом порядке.

Как видно из всего сказанного, принципиальных возражений, существенных поправок к этой диссертации у меня нет. Перед нами достойное продолжение философско-теологической школы, основанной и возглавляемой в Белгороде профессором Виктором Павловичем Римским. Диссертант принадлежит уже к третьему поколению представителей этого исследовательского центра, что говорит о его научной состоятельности и жизнеспособности. Рассмотренная мной диссертация С.А. Шемраева соответствует всем критериям, предъявляемым у нас в стране к такого рода исследованиям. Я призываю своих коллег по Диссертационному совету Тульского государственного педагогического университета поддержать столь качественную работу единогласным голосованием за присуждение соискателю учёной степени кандидата философских наук по заявленной специальности.

10 октября 2011 г.

СВЯТАЯ РУСЬ

*Отзыв о реферате А.Ю. Бубнова
«Иван Ильин об особенностях исторического пути развития России»
(Курск, 1999)²⁵⁵*

Александр Юрьевич Бубнов — выпускник исторического факультета Курского государственного педагогического университета (1999 г.). Он закончил этот факультет с отличием. В качестве реферата при поступлении в аспирантуру кафедры философии Курского государственного медицинского университета им представлена вышеназванная дипломная работа. Она входит в цикл дипломных и кандидатских исследований по истории русской философии, которые в 1990-е гг. выполняются там под руководством доцента Л.Г. Королёвой.

Работа А.Ю. Бубнова посвящена одному из виднейших русских философов первой половины XX в. — Ивану Александровичу Ильину. Его творческое наследие сейчас возвращается на родину. После нескольких сборников «избранного», в этом году у нас опубликовано девятитомное собрание его сочинений. Вместе с работами И.А. Ильина в российском академическом сообществе, да и более широком общественном мнении происходит реабилитация теории и практики политического консерватизма, который до недавних времен казался нам жупелом.

Реферат демонстрирует способность его автора к самостоятельной научной работе. В нём проанализированы богатая литература и достаточный круг источников темы. Некоторая описательность изложения, пожалуй, оправдана нашим слабым ещё знакомством с данным мыслителем, да и квалификационным жанром работы. Впрочем, выводы А.Ю. Бубнова самостоятельны и оригинальны. Форма изложения, язык работы стоят на взрослом, так сказать, уровне.

Представленный реферат может рассматриваться как серьёзный задел кандидатской диссертации. Оцениваю его на «отлично». Посмотрим, чем эта история с аспирантурой для автора реферата кончится...

29 августа 1999 г.

²⁵⁵ Отзыв на реферат, полагавшийся для поступления в аспирантуру. Изначально — дипломная работа в итоге обучения на историческом факультете педагогического университета, выполненная под руководством Л.Г. Королёвой (ныне — доктора философских наук, декана философского факультета и заведующего кафедрой философии Курского государственного университета).

ГНОСТИЧЕСКИЙ ПОСТМОДЕРН

*Отзыв на диссертацию А.В. Дьякова
«Гностические мотивы в религиозно-философской системе
В.С. Соловьёва» (СПб., 1999), представленную на соискание
учёной степени кандидата философских наук, и её автореферат*²⁵⁶

Диссертация А.В. Дьякова оригинально задумана, и замысел этот исполнен в целом добротнo. Идейное наследие В.С. Соловьёва сравнительно недавно было возвращено в круг историко-философских исследований на его родине. Появившиеся вслед за аналитической биографией этого мыслителя, выполненной конгениальным ему А.Ф. Лосевым, работы (в том числе диссертации) были посвящены тем или иным разделам, этапам творчества этого мыслителя (скажем, его публицистике, журналистике, беллетристике). Настоящая же работа предполагает не «горизонтальный», но «вертикальный» срез соловьёвства, причём в весьма редком, но важном ракурсе — гностическом. В этой связи автору диссертации пришлось прежде реконструировать первоначальный смысл и формы соответствующего направления античной и средневековой философии, а уж затем реконструировать их инобытие в составе русской религиозной философии рубежа XIX – XX вв., прежде всего во взглядах её признанного лидера (если не основоположника) В.С. Соловьёва.

Содержательных претензий к изложению того и другого сюжетов А.В. Дьяковым у меня не возникло. К достоинствам его труда отнесу большой и разнообразный фонд источников и литературы, в том числе иноязычной, проработанный соискателем учёной степени; широкий историко-философский фон, на котором тема рассматривается на всём протяжении текста диссертации; личное знакомство и консультации автора диссертации с ведущими специалистами по гностицизму (доктором М.К. Трофимовой из Института всеобщей истории РАН и МГУ, Е.Б. Смагиной, другими); в основном внятный стиль изложения, в том числе метафизичнейших идей античного и русского идеализма; научную объективность в изложении и оценке этого последнего.

Мои замечания к диссертации носят, скорее, редакционный, композиционный характер. Их, как представляется, возможно будет учесть при дальнейшей работе автора над его темой (скажем, при подготовке к изданию ссоответствующей монографии или учебного пособия).

Первый параграф первой главы точнее назвать «Исторический фон первоначального гностицизма». В заглавиях параграфов четвёртого и пятого неясны определения сущности гностицизма его историками и основные концепции самих гностиков. Название второй главы повторяет название всей диссертации; лучше их различить на уровне чисто словесном, стили-

²⁵⁶ Отзыв, посланный в диссертационный совет по истории философии Санкт-Петербургского государственного университета, где защищалась эта работа.

стическом (не «мотивы», а «аспекты» или т.п.). В «Заключении» диссертации выводы 1–7 стоит дополнить, по диссертационной традиции, неккими перспективами дальнейшего исследования как оригинального гностицизма, так и его отечественных ипостасей (то есть развернуть вывод 8). Общим для нынешних диссертаций досадным недочётом являются такие чёрточки советского «канцелярита» (худшего из «новоязов»), как помещение инициалов упоминаемых соискателем авторов *после*, а не *до* их фамилий.

Выводы диссертанта неплохо апробированы, в том числе докладами на престижных научных конференциях в системах высшей школы и РАН. Стоит указать также находящиеся в печати статьи автора, которые мне довелось рецензировать, где его выводы в силу значительного объёма этих текстов будут в самом скором времени обнародованы полнее.

Диссертацию А.В. Дьякова, на мой взгляд, можно рекомендовать к защите на диссертационном совете СПбГУ. Её автор выказал себя способным молодым исследователем и педагогом, вполне достойным искомой учёной степени кандидата философских наук. Я, некогда заканчивавший аспирантуру философского факультета ЛГУ, с удовлетворением отмечаю на примере диссертации А.В. Дьякова плодотворную преемственность лучших традиций петербургской школы истории философии, которые один из руководителей соискателя, также выпускник ЛГУ (СПбГУ) профессор Виталий Иванович Колядко сумел продолжить в Курске.

1 ноября 1999 г.

ФИЛОСОФИЯ ИКОНЫ

Отзыв

*на автореферат диссертации Е.В. Ковалёвой
«Философия иконы в системе идей русского платонизма
(Е.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков)»,
представленной на соискание учёной степени
кандидата философских наук
по специальности 09. 00. 03 — история философии²⁵⁷*

Религиозно-церковная тематика в недавнем — советском прошлом русской науки была, как известно, отчасти табуирована, отчасти искажена господствующей идеологией воинствующего материализма и атеизма. А в постсоветские годы идеологический «маятник» откатнулся в прямо противоположную сторону, так что светское религиоведение сплошь и рядом оказывается у нас сейчас в глубокой тени канонического богословия, причём не очень-то просвещённого сорта. Диссертация же Е.В. Ковалёвой, сколько можно судить по её автореферату, принадлежит в этом отношении к «золотой середине» — объективному, системному изучению религиозной составляющей отечественной философии и культуры. Эта диссертация посвящена теоретической иконологии, то есть одному из центральных вопросов христианского и особенно православного дискурсов. А область сакрального, религиозного большинством авторитетных теоретиков цивилизационного дискурса (начиная с Дж. А. Тойнби) справедливо почитается смысловым центром национального менталитета.

Первое достоинство данной работы — во внеканоническом, беспристрастно-фактическом анализе взглядов наиболее авторитетных русских иконологов Серебряного века. Причём к заявленным в теме трём именам в самом тексте работы присоединён анализ трудов С.Н. Соловьёва как их безусловного предшественника и основоположника отечественной светской иконологии, некоторых других видных мыслителей того времени.

Судя по автореферату, тема раскрыта в диссертации полно и достаточно глубоко. Проанализированы общехристианские и отечественные средневековые истоки иконологии, её развитие в XIX — начале XX вв. Продемонстрированы общие и особенные черты идейной адаптации платонизма разными русскими мыслителями первого ряда. Показана основополагающая роль философии Всеединства в становлении внеканонической философии иконы. Раскрыта специфика российской философской иконологии в её онтологическом и гносеологическом аспектах.

Эту диссертацию, после некоторой правки в соответствии с замечаниями рецензентов и оппонентов, полезно издать в виде книги, монографии или, скорее, учебного пособия для высшей школы.

²⁵⁷ Очередной отзыв на автореферат кандидатской диссертации, переданный в диссертационный совет. Разумеется, не публиковался.

Что касается замечаний, то они у меня носят явно вторичный, по сути пренебрежимый характер; касаются скорее не того, что есть в этой работе, а того, чем её можно было бы, с моей точки зрения, дополнить и уточнить.

Несмотря на достаточно подробный экскурс в историю европейской философии и культуры, в рамках этого ретроспективного введения стоило бы добавить такие моменты, как:

— указание на эволюцию самого платонизма в эпохи эллинизма и раннего Средневековья;

— прототипы христианской иконы в культуре Ближнего Востока (файюмский портрет и т.п. варианты запечатления ликов умерших, портретного изображения божеств);

— роль византийского иконного наследия на Руси; включая периоды иконоборчества там и тут;

— полнее указать историков и искусствоведов, раскрывавших глубинный смысл работы русских иконописцев (в автореферате упомянуты какие-то явно второстепенные, но попавшиеся автору под руку брошюры (какой-то ничтожный Тарабукин и проч.), но не упомянут Владимир Александрович Плугин (1937–2003), автор работ «Мировоззрение Андрея Рублёва (Некоторые проблемы). Древнерусская живопись как исторический источник. М., 1974; Мастер Святой Троицы. Труды и дни Андрея Рублёва. М., 2001);

— упомянуть общее и особенное у католической и православной иконологии, то же у русской православной и более древних православных церквей мира;

— отметить причины и смысл отказа от иконической составляющей литургии в рамках протестантизма.

Впрочем, автор работы вправе сам решать, как её редактировать. Работа-то в качестве диссертации состоялась.

Приятно удивляет общее грамотное оформление текста автореферата (на фоне преобладающей неряшливости и даже безграмотности многих опытов в этом жанре в последние годы). Тем не менее я насчитал штук пять лишних и несколько непоставленных запятых в тексте автореферата. Автор абсолютно прав, помещая инициалы упоминаемых авторов перед их фамилиями (возобладовавшая в советское время обратная практика — яркий признак малограмотности многих наших диссертантов). Однако и тут есть досадные отклонения от названной нормы. Так, читателю можно понять, что академик Грабарь у нас Игорь Эммануилович, ну, а Кондаков выходит в автореферате просто «Коля», Буслаев — «Федя» (с. 5). А кто больше сделал для иконопознания, ещё надо подумать... Между прочим, уже проводятся и Лазаревские чтения (с 1977 г., МГУ), и Кондаковские чтения (Белгородский университет, с 2002 г.). А вот «тарабукинских» что-то не предвидится.

В автореферате нет ни одной ссылки. Не думаю, что так и надо. Сноски на важнейшие работы помогают, в частности, отделить таких корифеев, как досточтимый Виктор Никитич Лазарев (1897–1976) от мелких сошек, чьи работы уже забыты при жизни их авторов всеми, кроме отдельных дотошных диссертантов.

Как видно, все мои замечания носят, что называется, факультативный характер, они вовсе не затрагивают всего того позитивного, что вносит в нашу философскую и религиоведческую мысль исследование Е.В. Ковалёвой.

В целом работа Е.В. Ковалёвой будет, я убеждён, интересна и полезна не только историкам и теоретикам философии, но и представителям разных других гуманитарных дисциплин, как для дальнейших научных исследований, так и для преподавания гуманитарных предметов. Эта работа соответствует действующим требованиям Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и образования России к кандидатским диссертациям. Автор этой диссертации вполне заслуживает искомой учёной степени.

20 ноября 2006 г.

ЧУДО ИЛИ ПРОБЕЛ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ? (О происхождении Курской иконы Знамения Божьей матери)²⁵⁸

В постсоветской России едва ли не впервые для нашей страны возникла реальная возможность полноправного, а значит, плодотворного диалога между представителями церковно-богословской и светской историографии. Применительно к региональной истории Курского края явно центральным сюжетом подобного обсуждения является вопрос об его главной святыне — знаменитой Коренной иконе Знамения Божией матери. Широкая публика узнала каноническую историю её обретения в середине позапрошлого века — после публикаций на страницах «Курских губернских ведомостей». Незадолго перед тем по вине этого издания разразился цензурный скандал всероссийского масштаба, связанный с публикациями статей местных палеонтологов-любителей, противоречащих библейской версии появления на Земле человека²⁵⁹. Как бы замаливая невольный грех с палеонтологией, «противной Моисею», тогдашний редактор газеты А.А. Головащенко со второй половины 1850 г. и до конца своего редакторства резко расширил на газетных страницах церковно-православную тематику. И первой с его лёгкой руки именно тогда пошла в широкий читательский оборот адаптированная журналистом-краеведом история Знаменского монастыря и его главной святыни — Коренной иконы Богоматери Знамение, обрётённой курянами якобы в 1295 г. при «рыльском князе Шемяке».

Найдись у Головащенко больше времени и желания, не будь он так напуган невольно допущенной на редакторском посту «крамолой», он мог бы уточнить по изданным к его времени летописям, да и трудам историков, о каком из представителей княжеского рода Шемяичей допустимо вести речь в данном полуполюгендарном сюжете. Как известно, основоположник этой династической линии, князь звенигородский и галицкий Дмитрий Юрьевич Большой, прозванный Шемякой (очевидно, за высокий рост и физическую силу — дескать, был способен любому *намять шею*) — активный участник междоусобной войны на Руси XV в. Успев побывать великим князем Московским, он оказался отравлен в 1453 г.²⁶⁰. Поэтому физически не мог участвовать в событиях конца XVI в., да ещё у юго-восточной Степи, о коих совершенно голословно заявляется постлето-

²⁵⁸ Этуод публикуется впервые.

²⁵⁹ См.: *Райков Б.Е.* Дело Владимира Гутцейта // Труды Института истории естествознания и техники. Т. 4. История биологических наук. М., 1955. С. 384–389; *Формозов А.А.* Проблема древнейшего человека в русской печати XIX столетия (наука, церковь, цензура) // В его кн.: Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 175–202; *Щавелёв С.П.* Первооткрыватели курских древностей. Вып. 2. Курск, 1997. С. 17–22.

²⁶⁰ Жизнеописание исторического Шемяки см. подробнее: *Зимин А.А.* Витязь на распутье. Феодалная война в России XVI века. М., 1991.

писной «Историей о городе Курске» и его чудотворной иконе. А вот сын Шемяки I — Иван Дмитриевич, бежавший в Литву от преследований со стороны великого князя Василия Васильевича в 1454 г., получил там от Казимира IV «в кормление» Рыльск и Новгород-Северский, куда «тянул» тогда и захиревший Курск. Умер этот Иван Шемячич между 1471 и 1485 гг. Внук же упомянутого первым Шемяки — Василий Иванович, когда в Литве при короле Александре усилились гонения на православие, возвращается со своим рыльским уделом на службу Москве с 1500 г. Однако московский князь Иван III, возведя и на этого Шемячича обвинение в изменнической связи с Литвой, вызвал его к себе в столицу и заключил в тюрьму, где он и скончался «заточником» в 1529 г.

Именно на то время пришёлся, между прочим, «девятый вал» набегов из образованной как раз тогда Крымской Орды на Литву и Русь. Поминаемый курской повестью о чудотворной иконе рыльский поп Боголюб (имя которого отдаёт былинным духом), вполне мог быть пленён, но *крымскими* татарами; именно при хане Менгли-Гирее, враге Казимира IV (1440–1492) и союзнике московского князя Ивана III. От двора этого последнего в Крым отряжалось немало посольств для заключения и продления мирных договоров. Кем-то из этих русских послов — боярином Беклемишевым, князьями Ромодановским, Шеиным, Ноздреватым или другими действительно мог быть выкуплен из крымской неволи означенный Боголюб или его жизненный прототип. Между прочим, в одной из грамот, посланных Иваном III Менгли-Гирею, — за 1487 г., в качестве места встречи крымского и московского послов предлагается «Курское городище», что «на Семи, ниже Гусина брода, на усть Ревута реки». По археологическим данным, здесь действительно существовало сравнительно позднее, явно не домонгольское укрепление. Скорее всего, именно пограничная «сторожа» Московского государства. Так что последняя четверть XV в., судя по приведённым фактам, документальным и археологическим, — вот самая ранняя *возможность* произойти тем событиям, что эпически бездоказательно сообщаются всеми рассказами о Коренной иконе и одноимённом монастыре в Курске.

Сохранить же все отмеченные реалии XV–XVI вв., а саму находку чудесной иконы сдвинуть на два века назад, в прошлое — ко временам батыева нашествия, мог только человек, совершенно незнакомый с отечественной историей, попросту говоря, малограмотный, или же сознательно ею пренебрегший. В случае с кающимся в антибиблейской «крамоле» историком-любителем А.А. Головащенко позволительно предположить только второе ²⁶¹.

Первоначальная текстология обсуждаемого нами источника — «Повести о граде Курске» (иные названия данного памятника: «Сказание о Курской иконе Знамения Богородицы»; «Курский летописец») — оказа-

²⁶¹ См.: А.А. [Головащенко]. Чудотворная икона Знамения Божией матери, называемая Курская // 1850. № 27. С. 231–232.

лась уточнена, между прочим, несколько позднее в периодическом издании Курской епархии РПЦ ²⁶². Как выяснил тогда анонимный церковный историк, курская повесть дошла до нас в нескольких списках (сегодня известно восемь); они различаются между собой во многих моментах изложения. Их сравнение позволяет предположить, что самая пространная редакция памятника составлена в 60-е гг. XVII в.; явно жителем Курска; скорее всего, одним из служителей Знаменского монастыря, имевшим доступ к его архивам.

Весьма показательны те примечания, которыми сопровождалась перепечатка обсуждаемой легенды в «Курских епархиальных ведомостях», правда, уже за 1912 г. — не только пореформенный, но и послереволюционный. Оставшийся анонимным автор (судя по стилю и тематике этих очерков — преподаватель Курской духовной семинарии Н.П. Сенаторский (1857– после 1932)) проявлял разумный объективизм: «Если бы 1295 г. подлинно был годом явления Курской иконы Божией Матери, то он значился бы во всех рукописных списках «Повести», трактующей об этом явлении. В действительности оный год не отмечен в нескольких списках «Повести» [ранних, а также поздних, но составленных вне Курска — С.Щ.], по крайней мере, его не имеется в тех из них, коими пользовался автор. В них лишь неопределённо указывается монгольская эпоха, как время сего события. Правдоподобным посему является предположение об интерполяции [позднейшей вставке — С.Щ.] в «Повести» 1295 г. Тем более, что последний стоит в непримиримом противоречии с помещённым в ней же рассказом о рыльском князе Шемяке (вернее Шемячиче), как современнике чудесного обретения Курской иконы Знамения. ... Столь же несостоятельны в историческом отношении сообщаемые ею сведения о св. митрополите Петре, [якобы] просиявшем иноческими подвигами под Курском, на реке Рати, и основавшем там монастырь, или же о восстановлении Курска царём Федором Ивановичем по религиозным соображениям. ... К восстановлению Курска сего благочестивого царя побудило не религиозное чувство, а соображения государственного характера; об основании же митрополитом Петром Ратского монастыря на Волыни, а не под Курском, согласно говорят все церковные и гражданские историки. ... Автор «Повести» был курянин и жил в XVII в. Можно предположить, что он умер после 1675 г., потому что в некоторых списках «повести» рассказывается ещё о чуде, бывшем в этом году» ²⁶³.

Следует согласиться с вескими аргументами этого церковного историка, согласно которым оригинальная Коренная икона могла быть найдена не позднее, чем около трёхсот лет назад, то есть с конца XVI и по первую половину XVII в., когда, собственно, и была восстановлена укреплённая

²⁶² См.: Чудесное обретение иконы Знамения пресвятой Богородицы на корне дерева // Курские епархиальные ведомости. 1912. № 32. С. 900–901; № 34. С. 988.

²⁶³ Там же.

граница Московской Руси на курско-рыльских рубежах ²⁶⁴. Однако внеле-тописные — археологические данные заставляют нас предположить, что у Курской иконы в данном регионе имелись влиятельные прототипы и что исторический контекст её почитания гораздо старше позднего Средневековья — начала Нового времени.

Первые христианские символы на территории Курского Посеймья были обнаружены археологами при дореволюционных раскопках курганов XI–XII вв. в составе Гочевского некрополя на Верхнем Псле ²⁶⁵. Среди такого рода находок выделялись подвесные иконки святых Николая угодника, Пантелеймона, Георгия Победоносца, а также два набора с изображением «Божией Матери (Знамения или Оранты)», согласно определениям авторов раскопок 1912–1913 гг. — известных русских археологов П.С. Рыкова и В.Н. Глазова. В одном случае — трёх, а в другом — четырёх «круглых медных литых образка с ушками» с таким изображением Богоматери.

Как полагают специалисты по церковной археологии, такого рода металлические иконки-миниатюры появляются на Руси несколько позднее крестообразных подвесок, не ранее XII в. Они были обычно связаны с храмовыми праздниками тех мест, где жили их обладатели. Например, образки с изображением Успения Богоматери распространены во Владимирской земле потому, что этому празднику посвящались главные соборы в Суздале (построенный Владимиром Мономахом по образцу Успенской церкви Киево-Печерского монастыря) и во Владимире (Успенский собор 1158–1161 гг. постройки). Наличие среди названных курских иконок повсеместно наиболее чтимых среди христианских святых заступников — св. Николая, св. Пантелеймона и св. Георгия вполне понятно. Что касается сразу двух серий образков с изображением Знамения Божией матери, то подобная популярность именно этого иконографического сюжета наводит на мысль о том, что главная впоследствии икона Курского края — Коренная появилась на свет Божий не случайно, а продолжая уже сложившуюся традицию особого почитания соответствующего праздника в междуречье Сейма и Псла. Должно быть, главный храм летописного Курска изначально был построен как Знаменский.

Такое предположение косвенно подтверждается указанием на особую популярность данного сюжета в тех центрах Руси, которые, судя по всему, оказали на становление летописного Курска наибольшее влияние. Одно из центральных изображений Софии Киевской — Богоматери Оранты, прозванной «Нерушимой стеной». Для пограничного Курска — форпо-

²⁶⁴ Зорин А.В., Раздорский А.И., Щавелёв С.П. Курск. история города от Средневековья к Новому времени: X–XVII века. Курск, 1999.

²⁶⁵ См. об этом: Щавелёв А.С., Щавелёв С.П. Слово и образ новой веры: первые христианские древности в Курском Посеймье X–XI вв. // Юдинские чтения–2002. Слово и образ. Курск, 2002.

ста власти Рюриковичей, посылаемых сюда из Киева наместников — то был подходящий девиз.

Другим районом особого почитания образа Богородицы, где и когда он и получил название «Знамение», выступала Новгородская земля. Соответствующая икона воодушевляла защитников Новгорода в 1170 г. при его осаде Андреем Боголюбским²⁶⁶. А с Северо-Западом, особенно Новгородчиной, у раннего Курска на Куре прослеживаются многочисленные связи, начиная с самого названия города²⁶⁷.

Высказанные о главной иконе Курского края соображения подтверждают актуальность дальнейшей научной разработки церковной истории и археологии этого региона; необходимость при этом сотрудничества археологов, историков и искусствоведов; преодоления фольклорных по происхождению домыслов на тот же счёт, пока преобладающих у современных педагогов, журналистов и богословов.

²⁶⁶ См. подробнее: *Янин В.Л.* «Знаменская легенда» в Древней Руси // В его кн.: *Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории.* М., 2004.

²⁶⁷ См. подробнее: *Щавелёв С.П.* «Северяне от кривичей»: новгородско-курские параллели как примечание к летописной формуле // *Прошлое Новгорода и Новгородской земли.* Новгород, 1997; *Его же.* Курск на Ловати и Курск на Тускари: историко-археологический комментарий к топонимическому дубликату // *Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли.* Великий Новгород, 2001; *Его же.* Сеймский путь (в системе международных коммуникаций Восточной Европы рубежа I и II тысячелетий н.э.) // *Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника.* М., 2001 (Труды ГИМ. Вып. 124).

РАЗНОЛИКАЯ СВЯТОСТЬ

*Отзыв официального оппонента на диссертацию Е.В. Завьяловой «История православной канонизации россиян в начале XX столетия» (Курск, 2008), представленной на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07. 00. 02 — отечественная история*²⁶⁸

В 1990-е – начале 2000-х годов происходит постепенное восстановление традиций отечественной церковной истории и историографии. Сняты идеологические запреты на объективное изучение прошлого и настоящего Русской православной церкви (РПЦ) и других конфессий, укоренившихся в России. Более того, возникает своего рода историографическая мода на данную тематику. Переиздаются классические труды дореволюционных и зарубежных историков РПЦ, пишутся новые диссертации по соответствующим архивным фондам. Не всё в этом секторе рукописной и печатной продукции наших историков равноценно. Большинство работ, выполненных учёными богословами и тесно сближенными с ними идейно воцерковлёнными мирянами, страдают явным апологетизмом, некритическим отношением к предмету, то есть крайностями, зеркально-обратными по отношению приснопамятному «научному атеизму». Но та диссертация, которой мне доверено оппонировать, относится к другой — вполне научной, уважительной по отношению к религиозной вере, но научно объективной традиции рассмотрения её исторических истоков. Следует отметить, что работа Евгении Викторовны Завьяловой логично продолжает уже довольно солидную серию церковноведческих исследований, выполненных за последние годы на материалах Курского края и сопредельных с ним регионов Центрального Черноземья. Имеются в виду труды А.Н. Курцева (о религиозных миграциях — паломничествах) и его учеников (прежде всего Ю.В. Озерова по региональной некрополистике), В.В. Ракова и его учеников (о репрессированных церковнослужителях), А.В. Апанасёнка о старообрядцах; некоторые другие работы. Оцениваемая сейчас диссертация на всём этом фоне смотрится, на мой взгляд, как одна из лучших.

Тема исследования выбрана удачно. Ведь процедура канонизации, столь характерная для православного христианства практически с самого его начала, находится в эпицентре, по меньшей мере, таких аспектов исторической мысли, как история духовной культуры, история повседневности и ритуалов, история государственной политики и идеологии, многих других. Как раз на примере канонизации, её причин и последствий в жизни православного социума, очевидна условность деления истории на упомянутые и другие возможные разделы. Заодно видны преимущества традиционного синтетического нарратива как ведущего жанра историописания.

²⁶⁸ С отзывом автор выступил на защите в Курском государственном университете. Текст отзыва публикуется впервые.

Применительно к теме работы выскажу осторожное сомнение относительно термина «россияне». Благие намерения автора этой формулировки вполне понятны — соблюсти политическую и культурную корректность, не обидеть «иностранцев». Вплоть до спичрайтеров Б.Н. Ельцина мы знали *российское* государство и *русскую* культуру. Причём под «русскими» понимали в определённых контекстах не только собственно великороссов, но и всех верноподданных Российского государства (допустим, немца фон Визина, серба Милорадовича, грузина Багратиона, шведа Даля и им подобных «русских иностранцев»). РПЦ никого кроме русских не канонизовала, так что слово «россияне» из заглавия работы можно было бы благополучно опустить. Впрочем, и никаким недостатком присутствие этого слова в заглавии считать, разумеется, нельзя. О вкусах (стилистических) историки ведь не спорят. Сам этот термин «россияне» встречается уже в литературе XIX века, особенно при описаниях путешествий наших соотечественников за границы России.

Историографический фон исследования реконструирован автором весьма полно, с учётом как отечественных, так и зарубежных, как дореволюционных, так и советских публикаций. Правильно отмечены и черты тенденциозности, и ценные обобщения в работах всех периодов рассмотрения темы. Учтены автором и новейшие издания, столичные и региональные. Почему-то в итоговую библиографию не попали некоторые главные для освещения темы публикации, которые автор диссертации сама же отмечает по ходу изложения (скажем: Филарет (Гумилевский). Русские святые, чтимые всею церковью или местно. СПб., 1882; Васильев В. История канонизации русских святых. М., 1893; некоторые другие).

Вполне достаточна источниковая база диссертации, охватывающая нужные архивные фонды РГИА, ГАКО, а также редкие печатные издания документального плана.

Структура изложения в диссертации представляется адекватной цели и задачам исследования. Глава первая посвящена историческим предпосылкам и этапам эволюции института канонизации святых в нашей стране. Прослежены возможные предпосылки этой ритуальной практики в языческих обычаях славян, её же раннехристианские культурные архетипы. Подробно описана процедура канонизации в России, её варианты; её же идейный — богословский смысл, место в системе православного служения и влияние на общественное сознание соотечественников. Рассмотрены судьбы данной традиции, её материальных артефактов (мощей и схожих аксессуаров) после Октябрьской революции. Отмечены успешные прецеденты возобновления этой духовно-политической практики в наши дни — 1990 – 2000-е годы.

Не пропущена автором и такая своеобразная форма святости, как юродство, особенно характерная именно для Руси. Видимо, как некая противоположность, духовная альтернатива политическому самовластию, абсолютизму светской власти, а также сервильности иерархов РПЦ. Отрек-

шись от мира и его соблазнов, не только монахи, но и юродивые получали как бы прижизненный аванс на святость и почитание окружающих, начиная с властей предрежащих. В словарях московского и петербургского диалектов русского языка имена столичных пророков, блаженных и прочих простонародных героев православия даже преобладают над именами официально канонизированных святых. Так что исходный тезис автора о глубокой укоренённости канонизаторской практики в народном сознании наших соотечественников подтверждается в первой части диссертации весьма убедительно.

Е.В. Завьялова права, констатируя отсутствие полного единообразия критериев канонического прославления. Среди причин канонизации того или иного персонажа обычно сочетались особенности его характера и биографии с духовными потребностями верующих и, добавим к этому верному заключению автора, государства и других общественных инстанций. Автор диссертации справедливо подмечает тот факт, что процедуры подготовки, и особенно акты прославления святых, способствовали ослаблению социальных противоречий, сближению правящей верхушки и народных масс. В этом, между прочим, можно усмотреть одну из причин столь негативного отношения к святым мощам большевиков и лично В.И. Ленина.

Мои замечания и пожелания автору диссертацию по её первой главе сводятся к следующему.

1. Языческие корни рассматриваемого обычая у населения Восточной Европы упоминаются здесь правильно, однако они реконструированы с некоторой аподиктичностью, то бишь излишней уверенностью. Между тем письменные источники не оставили нам ясной и детальной картины язычества у восточных славян, а соответствующие реконструкции археологов сугубо гипотетичны. Отсылаем автора диссертации к нашим публикациям об этом сюжете ²⁶⁹, где приведена современная научная литература на сей счёт (труды Б.А. Рыбакова о язычестве славян и Руси сегодня переоценены, в них немало преувеличений; а многочисленным фантастам типа Дёмина или Асова верить уж никак нельзя).

Гораздо больше, чем предполагаемые языческие обычаи почитания предков-покровителей, на русскую канонизацию повлияла византийская теория и практика в этой области, а также скандинавские обычаи погребения и «общения» с покойниками. Русские средневековые летописи и жития в этой — некрополистической части обнаруживают явные прототипы и в северных сагах, и в византийских хрониках. К рассмотрению средневе-

²⁶⁹ См.: Щавелёв А.С., Щавелёв С.П. Образ и слово новой веры: первые христианские древности в Курском Посеймье X–XI вв. // Юдинские чтения–2002. Слово и образ. Материалы Всероссийской научной конференции (Курск, 30 января 2002 г.). Курск, изд-во Курского гос. пед. ун-та, 2002. 151–158, илл.; Щавелёв С.П. Феодосий Печерский — курянин // Преподобный Феодосий Печерский. Жизнеописание. М. – Курск, 2002. С. 72–155, 173–182; илл.

ковых истоков русской канонизации Нового и Новейшего времен стоило привлечь летописи и другие памятники литературы Древней Руси. Хотя автор на стр. 14 автореферата диссертации утверждает в качестве «первого документально подтверждённого акта канонизации» грамоту о мощах святителя Алексия, уже в «Повести временных лет» и сопутствовавших ей житиях описаны процедуры канонизации Бориса, Глеба; праздничного перезахоронения праха других князей-Рюриковичей; наконец, процедуры прославления памяти Феодосия и Антония Печерских.

2. Довольно подробно выясняя религиозную предысторию православной канонизации, автор не проводит должного различия между примитивной религиозностью языческого типа и развитыми религиями откровения типа иудаизма или христианства. Последнее отнюдь не связано прямо с «верованиями первобытных людей» (с. 23), как утверждает автор. Скорее наоборот, христианство преодолевает примитивный магизм и антропоморфизм язычества, творчески развивает монотеизм иудаизма.

3. Возможно, стоило обратить внимание не только на то, как большевики и коммунисты боролись против православных церковных традиций (это в диссертации показано ярко), но и на то, как много революционеры заимствовали оттуда же для собственной идеологии и политики. Кладбища-мемориалы героев революции на центральных площадях городов и сёл, мощи Ленина и Сталина в мавзолее на Красной площади, мумия Котовского в молдавском совхозе — только вершина соответствующего «айсберга». Феномен «светской религиозности», форм политического инобытия церковности заслуживает специального исследования философами и историками.

4. На месте автора я бы не ограничивал отрицательное отношение к православным святым и их мощам революционно-советским периодом отечественной истории и даже так называемым Серебряным веком русской культуры. Традиции богоборчества, атеизма куда старше. Вспомним хотя бы сюжет романа «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, чья сюжетная канва вращается вокруг возможностей посмертного прославления старца Зосимы. Как видно, и пореформенном, и в предреволюционном русском обществе имелась не только позитивная, но и негативная тенденция по отношению к православной канонизации. Было бы любопытно проследить проявления народного богохульства в курской провинции (Мне известны соответствующие моменты в местном фольклоре, чьи публикации в XIX – начале XX в. вызывали цензурные нарекания).

Вторая глава в диссертации — основная. Именно в ней содержится научная новизна и историографическая ценность всего исследования Е.В. Завьяловой. Жизнь и посмертная участь лиц, прославившихся на ниве церковной святости в Курском крае или же бывших его уроженцами, — весьма показательная модель судеб канонизации в России вообще, и в её провинции в особенности. Автору удалось найти нужный стиль для жизнеописания героев исследования — Серафима Саровского и Иоасафа Бел-

городского. Первый достиг всероссийской известности, а второй остался духовным авторитетом в пределах одного края. Поэтому их отбор для анализа оправдан типологически, носит модельный характер для русской духовной культуры. Характеры и судьбы этих подвижников православия описаны в диссертации без крайностей — умилительно-идеализирующей в богословской традиции, и разоблачительно-издевательской — в советско-атеистической. Фактический материал уравнивается у автора диссертации с историческим анализом, смысловыми оценками соответствующих событий и поступков. Выявлены как общие черты монашеского подвига Серафима и Иоасафа, так и особенности их культурно-просветительских занятий. Благодаря этому становится ясно, почему церковные деятели играли столь же важную роль в отечественной истории нового и новейшего периодов, как и деятели других типов — политики, чиновники, революционеры, художники разного рода. Видна на материале этой диссертации и сверхзадача именно этого типа персонажей русской истории — объединять народ, сближать его с государственной властью и удерживать от искушения революционным насилием.

В главе убедительно продемонстрировано, что без внешнего социально-политического контекста — народного поклонения, внимания представителей власти, вплоть до самого императора, самой РПЦ не удалось бы так широко прославить своих святых. На примере указанных деятелей русского монашества видны социально-психологические, идеологические стороны русской жизни рубежа позапрошлого и прошлого веков. Тогда, с одной стороны, достигли своего апогея вековые традиции российской агиографии и канонизации, а с другой, сформировался действенный до сего дня архетип такого рода актов общественной и церковной жизни наших соотечественников.

Замечаний по второй главе у меня меньше, чем по первой.

1. Автор толково и подробно обрисовывает социокультурный фон детства и юности своих героев в Курске и на Киевщине. К этим картинам стоило добавить упоминания об особо древних традициях почитания святых в обоих этих регионах. Ведь в Курске начиналась биография Феодосия Печерского — сооснователя Киево-Печерской лавры, автора русского стиля монашества и первого канонизированного представителя РПЦ. Память об этом на его родине всегда сохранялась²⁷⁰ и могла повлиять на будущих святых позднейших времен.

2. Ощущается некое логическое противоречие в итоговом выводе автора — об историческом значении канонизаторских празднеств. По её мнению, это значение было «огромным», но оказалось «временным, поскольку разрыв между ожиданиями народа и предложениями власти и Церкви усугублялся» (с. 219 и другие). Примерно так полагали советские

²⁷⁰ См.: *Щавелёв С.П.* Первые иконы Курского края // Кондаковские чтения - I. Материалы I Международной научной конференции. Белгород, изд-во Белгородского гос. ун-та, 2005. С. 227–230, илл.

историки, и в этом утверждении сегодня заметно известное преувеличение. Церковные традиции в русском обществе пострадали в первую очередь от большевистского насилия, политического террора, а уже во вторую — от некоторого лицемерия синодального, затем обновленческого православия. Быстрое возрождение церковности после падения советской власти показало это со всей очевидностью. Так что если падение авторитета императорской власти и стало в итоге Гражданской войны окончательным, как утверждает автор, то о дальнейшей истории РПЦ так не скажешь. Когда танки Гудериана ворвались на окраины Москвы, Сталин вспомнил про заключённых им в концлагери иерархов РПЦ и вызвал их в Кремль на подмогу... Не исключено, что без духовного влияния РПЦ «системный кризис социума», о котором упоминает Е.В. Завьялова, наступил бы в нашей стране куда раньше 1917 года и продолжался бы дольше 1991 года.

Автореферат и текст диссертации отпечатаны в целом аккуратно, но последний содержит отдельные невыправленные опечатки (например, в словах «келья», Ардатовский уезд, «провидение» вместо «проведение» (с. 225); повсеместно дефис (-) заменен «высоким» тире (—), ставящимся на самом деле только между датами; некоторые другие огрехи печати).

Высказанные автору вопросы и пожелания, как видно, относятся по большей части к его дальнейшей работе над темой и не затрагивают научного и практического значения уже проделанного исследования и изложения. Главные выводы диссертации увидели свет в нескольких региональных и центральных академических изданиях, вполне апробированы на ряде представительных научных конференций. Диссертация Е.В. Завьяловой явно соответствует действующему у нас положению об учёных степенях, а её автор безусловно заслуживает присуждения ему искомой учёной степени кандидата исторических наук по заявленной специальности.

«ЖИТИЕ МОЕ...»

*Отзыв на автореферат диссертации О.В. Гжибовской
«Жития святых в российской историографии XIX – начале XX века»
(Сочи, 2009),
представленной на соискание учёной степени
кандидата исторических наук
по специальности 07. 00. 09 — историография, источниковедение
и методы исторического исследования²⁷¹*

Диссертация Ольги Вячеславовны Гжибовской (Харитоновой) написана своевременно. Исследовательница справедливо констатирует повышенное внимание специалистов разного профиля к этому жанру церковной литературы за последние десятилетия, когда идеологические рамки исторических исследований советского периода у нас оказались отменены. В автореферате диссертации, с которым я был любезно ознакомлен, справедливо отмечается междисциплинарный характер современного этапа агиологии (так логично будет именовать специальное изучение памятников агиографического жанра). Тем самым получился возможность достаточно объективно реконструировать процесс введения житий русских святых в научный и общекультурный оборот, что и происходило в отечественной историографии с конца XVIII века и по настоящее время. Сразу отмечу, что эта задача автором настоящей диссертации, как это вполне видно по её автореферату, успешно решена. О.В. Гжибовская скрупулёзно учла почти все основные публикации, посвящённые историческому изучению житий русских средневековых святых. Она достаточно убедительно сгруппировала и оценила ключевые фигуры, направления и школы в этом потоке русской историографии. Прделанная соискательницей учёной степени работа и отражённые в автореферате её результаты заслуживают уважения коллег-историков — в виде присуждения ей искомой учёной степени кандидата исторических наук. Я не сомневаюсь в таком вердикте диссертационного совета.

Не развивая далее это своё главное заключение, обращаю внимание диссертантки и тех, кто станет присуждать ей учёную степень, на некоторые спорные моменты автореферата; те сюжеты в целом состоявшегося исследования, которые, по-моему, нуждаются в дальнейшем осмыслении. Ведь на страницах автореферата заметны отдельные, не «портящие борозды», погрешности, как содержательного, так и стилистического толков.

Среди концептуальных вопросов к содержанию автореферата выделю следующие.

²⁷¹ Отзыв был послан в диссертационный совет Казанского университета, где проходила защита. Не публиковался.

• *Можно ли* в историографической ретроспективе *уравнивать* в целом верно разграниченные автором *отдельные проекции осмысления агиографических памятников* — «историко-литературное, историческое, богословское, философское и педагогическое» (с. 13)? Подобный плюрализм в духе нашего времени, но правилен ли, долговечен ли он? Не кроется ли тут измена духу науки (часть которой есть и в богословии, и в педагогике, и в литературе — но эту часть ещё предстоит вычлениТЬ)? История как наука есть наука, а всё остальное, как говаривал известный физик Э. Резерфорд, — подобно собиранию марок... Но показать вненаучный, общественно-идеологический контекст агиологии в такого рода диссертации надо было — и её автором это сделано, что по-своему хорошо.

• *Разница дореволюционного и советского периодов агиологии* представлена слишком прямолинейно, по-школярски; дескать, раньше прославляли и преклонялись, потом развенчивали и хулили; отчасти, это действительно так; но, если присмотреться, получается не столь контрастно; например, не стоит ставить на одну доску примитивные агитки Рожновых да Гордиенкова — с докторской диссертацией покойного А.С. Хорошева (который, если вдуматься, тут правильно развил некие посылки А.А. Шахматова и Н.П. Ерёмкина), где внесены весьма ценные поправки, в свою очередь, богословско-ангажированную дореволюционную традицию агиологии; в целом советская традиция изучения житий стала шагом вперёд в агиологии — если автор диссертации не согласен с этим, ему надо развить аргументацию далее.

• В отдельных пунктах автореферата диссертантка попадает в ловушку нашего советско-российского жанра оформления диссертаций, где предписано формулировать свои собственные заслуги, открытия и прочие достижения; ярким примером чего служит второй пункт декларированной ею научной новизны: «Введён в научный оборот корпус историографических источников...» (С. 11) — ну, надо ли комментировать наивность этого тезиса?.. А придётся: как будто без этой работы мы не читали бы всей этой литературы — да и, скажем по секрету (от кого? научной руководительницы?), ещё кое-чего существенного на ту же тему?..²⁷²

• Стоит дополнить весьма полный и содержательный анализ житий русских средневековых святых неким сравнением их же с прото- и паразитийными произведениями²⁷³. Тогда историографические оценки несколько отрезвятся.

На этом остановимся в своих замечаниях по существу, но отметим кое-что по форме научной как-никак работы.

²⁷² См. в первую очередь после защиты: *Лурье В.М.* Введение в критическую агиографию. СПб., 2009.

²⁷³ См., если угодно: *Щавелёв А.С., Щавелёв С.П.* Жизнь и житие (На историографических границах религии и науки: общее и особенное агиографии и биографии) // Проблема демаркации науки и теологии: современный взгляд / Отв. ред. *И.Т. Касавин.* М., Ин-т философии РАН, 2008. С. 182–200.

В тексте автореферата встречаются стилистические ляпсусы. А именно, явные опечатки. Они, я понимаю, вызваны и усталостью автора, слишком много потрудившейся над содержанием диссертации, чтобы ещё следить за формой изложения; и общей недограмотностью их компьютерного поколения. Но всё же.

Слово «разнонаправленность» разорвано почему-то на два слова (С. 12); разве трудно заглянуть в орфографический словарь?!.; таких же элементарных ошибок в автореферате ещё несколько.

Владимир Францевич Эрн почему-то несколько раз именуется Эрпом?.. (с. 30). Уайт Эрп, на самом деле, это был такой ганфайтер в Америке, ставший легендой их фронта; см. одноимённые голливудские фильмы.

Труды авторов прошлых десятилетий цитируются то по своим первоизданиям (что правильнее), то по перепечаткам 1990-х – 2000-х гг.

Не раз автор допускает стилистические тавтологии вроде таких: «отдельные работы..., отдельные темы которых...» (с. 31; в этом случае во втором слове «отдельные» пропущена буква «д»).

Примеры опечаток можно и умножить. Сочинской типографии «Оптима», где отпечатан автореферат, давно пора, во-первых, взять на работу корректора, а во-вторых, подумать о перемене названия на более правдивое («Минима?»).

Названные мной замечания легко устранимы — хотя бы при подготовке текста диссертации к изданию. Такая монография, а ещё лучше учебное пособие будет полезна и для исследователей, и для учащихся гуманитарного профиля.

По моему убеждению, знакомство с авторефератом позволяет признать диссертационное исследование Ольги Вячеславовны Гжибовской выполненным на должном уровне, а её саму — вполне достойной искомой учёной степени кандидата исторических наук.

13 ноября 2009 г.

ЖИЗНЬ И ЖИТИЕ

(На историографических границах религии и науки:
общее и особенное агиографии и биографии)²⁷⁴

«А вы считаете наукой агиографию? ...
Видите, тёмный век попытался создать науку
о хороших людях, наш же, гуманный и про-
свещённый, интересуется только людьми пло-
хими».

Г.К. Честертон.
Тайна отца Брауна.

Сравнение религии и науки как отдельных форм сознания жизни и мира осуществлялось и осуществляется чаще всего на довольно общем уровне. В таких категориях, как знание и вера, естественное и сверхъестественное, рациональное и эмоциональное, героическое и нуминозное, и им подобных. Таким образом акцентируется, причём априорно, без опоры на первоисточники религиозного и научного знания, скорее разница, нежели некая дополнительность их в составе культуры. Особенное отчуждается от общего (у свободомыслящих), либо наоборот (ортодоксами). Спору нет, по типу перед нами разные пути познания, уровни сознания. Однако наука, при более пристальном её рассмотрении, оказывается не чужда аксиологии²⁷⁵, а религия, со своей стороны, не только принимает наукообразные формы теологии, но и становится в своё время одной из предпосылок самой строгой науки²⁷⁶. В настоящем сообщении предполагается несколько конкретизировать «перекрестный допрос» религии и науки, церкви верующих и «невидимого колледжа» учёных с точки зрения теории познания. А именно: взять за основу сравнения одну и ту же форму знания, внешне одинаковый там и тут жанр его изложения — жизнеописание.

С древнейших времён воспроизводство традиций человеческих коллективов, их социальных норм, этосов поведения, ценностных предпочтений и «лекал» повседневности задавалось чаще и надёжнее всего через призму историй жизни разного рода «замечательных людей», экстраорди-

²⁷⁴ С некоторыми сокращениями публиковалось: *Щавелёв А.С., Щавелёв С.П.* Жизнь и житие (На историографических границах религии и науки: общее и особенное агиографии и биографии) // Проблема демаркации науки и теологии: современный взгляд / Отв. ред. *И.Т. Касавин*. М., 2008. С. 182–200.

²⁷⁵ См. в том числе: *Лэйси Х.* Свободна ли наука от ценностей? Ценности и научное понимание. М., 2001.

²⁷⁶ См. наиболее убедительные версии: *Гайденко П.П.* Христианство и генезис новоевропейского естествознания // *Философско-религиозные истоки науки*. М., 1997; *Наука в культуре* / Под ред. *В.Н. Поруса*. М., 1998; ряд др.

нарных личностей. В этой роли поначалу выступали боги и земные герои. Позднее, на рубеже Античности и Средневековья церковь оформила жанр жития святого (агиографию), а светская историография — жанр биографии выдающегося в том или ином отношении человека (в том числе, и церковного деятеля, но описанного из-за пределов храмовых оград). Наша рабочая гипотеза состоит в том, что эти два жанра нельзя ни полностью отождествлять, ни однозначно противопоставлять. У них обнаруживаются различные, но сопоставимые прототипы и функции в истории духовной культуры. На их примере проясняются как пределы, так и перспективы диалога религиозной веры и научного знания; а также, без претензий на парадоксальность выражаясь, — их же массовидных «эманаций» вроде «веры в науку» (в том числе идеологии науки) и церковного знания (то есть духовной традиции).

Миф и эпос — духовные «прародители» жития и биографии

Как уже отмечалось, в качестве «супермоделей» поведения в древних социумах выступали образы предков и пантеоны языческих богов, воплощавшие собой разные человеческие качества, доблести и пороки. При всём внешнем богатстве, изумительной пестроте мифологии и эпоса разных континентов, народов и эпох, вся мифоэпическая традиция сводилась к какой-нибудь сотне архетипических сюжетов, опирающихся на общий фонд мотивов²⁷⁷. Соответственно, архаическое сознание выделяло лишь два полюса человеческой исключительности, требующих публичной референции, запечатления в человеческой памяти — героя-воина и шамана²⁷⁸. Модусы их бытия различались принципиально.

Герой в ипостасях воина, трикстера, вождя и вообще культурного лидера изначально ориентировался на внешнюю экспансию — освоение новых пространств, защиту родины, изобретение орудий преобразования действительности. В его поведении сочетались аполлонийское начало, спартанская дисциплина мужских союзов²⁷⁹ — и периодические припадки типа амока, завоевательное бешенство сверхусилия, направленного на конкретную цель. Для героя характерно расширение пределов возможно-

²⁷⁷ См.: *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М., 2004; *Леви-Строс К.* Структурный анализ мифа // Вопросы философии. 1970. № 6; *Лич Э.Р.* Структурное исследование мифа и тотемизма // Антология исследований культуры. Т. I. Интерпретация культуры. СПб., 1997; *Мелетинский Е.М.* Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов // Учёные записки Тартусского гос. ун-та. Вып. 635. Тарту, 1983.

²⁷⁸ См.: *Абаев В.П.* Шаман сильнее воина // Историко-этнографические исследования по фольклору. М., 1994. С. 11–19; *Касавин И.Т.* Шаман и его практика // Природа. 1988. № 11; *Его же.* Традиции и интерпретации. Фрагменты исторической эпистемологии. СПб., 2000 («Первобытное сознание и его творцы. Вожди и шаманы»).

²⁷⁹ См.: *Элиаде М.* Тайные общества. Обряды и инициации. СПб., 1999.

го, доступного человеку-обывателю — как в физическом, так и в духовном смыслах. При этом главное отличие героя, вопреки распространённому в позднейшей массовой культуре стереотипу, — не столько физическая сила и крупные размеры, сколько житейская сметка, смекалка, разум. Но дух героя всё-таки служит телу — трудящемуся, мигрирующему, воющему. Главный смысл его подвигов состоял в стяжании, поглощении, присвоении ценностей, сокровищ, земель и времён, редкостей; наконец, плоти и душ убитых врагов, покорённых соперников. Так, у О.Э. Мандельштама точно подмечено, что «Одиссей возвратился, пространством и временем полный».

Противоположность героическим ценностям представлял собой способ освоения мира шаманом. Тот чужд новизне как таковой, его отношения с бытием строятся на гармонизации, соглашениях, обменах услугами с духами и душами Вселенной. Ведь шаман — «сталкер» иных миров, он движется по таким «этажам» пространства, коих не покорить никому, кроме него. Поэтому любого рода шаман (знахарь, «зазыватель бизонов (или оленей)», певец — сказитель и начертатель рун, пророк грядущего; прочие деятели этого круга) должен скрупулёзно выполнять завещанные ему предками циклы обрядов, символических действий, безошибочно повторять заученные тексты. Каждое нарушение шаманского обряда чревато непоправимыми последствиями для него лично и для того коллектива, что он обслуживает ²⁸⁰. Для шамана психофизические практики, экстазы и вообще обстановка дионисийской оргии — не подручные инструменты борьбы, как для героя, а перманентное состояние, дар судьбы, от которого нельзя отказаться, которым нельзя пренебречь без угрожающих последствий.

Парадоксальным образом получается, что шаман — отдалённый и условный предшественник учёного экспериментатора, а воин — служащий церкви с его обязательным духовным усилением, подвигом.

Соответственно, описания жизни героев и шаманов заметно различались уже на самых ранних стадиях мифопоэзиса. О воинах слагались публично исполняемые героические песни, хвалы, поэмы. Истории же о шаманах бытовали как волшебные сказки для частного обихода, эзотерические истории для узкого круга родственников, посвящённых в таинства по ходу инициаций и праздников. Тем самым в эстетической, символической форме культивировались разные, но одинаково нужные социуму идеалы поведения, навыки выживания.

²⁸⁰ См.: *Касавин И.Т.* Шаман и его практика // *Природа*. 1988. № 11; *Смоляк А.В.* Шаман: личность, функции, мировоззрение. М., 1991; Шаман и Вселенная в культуре народов мира. СПб., 1997; *Функ Д.А.* Миры шаманов и сказителей. Комплексное исследование телеутских и шорских материалов. М., 2005; *Его же.* Право на ошибку: представление о запрете на искажение эпических сказаний у шорских сказителей // *Труды отделения историко-филологических наук*. 2005. М., 2005. С. 268–283; *Новик Е.С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманстве. М., 2005; Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв. СПб., 2006; *Харитонова В.И.* Шаманы и шаманизм: интегративное исследование личности и явлений. М., 2007.

Жанровая оппозиция, культурная дополнительность

Несмотря на многие века вертикализированного прогресса общественных порядков, серьёзную трансформацию социально-психологических установок, древнее разделение «героя» и «шамана», их старый спор — кто сильнее, сохранил свою актуальность вплоть до Нового времени. Только проявились наконец эти «бродячие» сюжеты общественного сознания в такой бинарной оппозиции культуры, прежде всего европейской, какова пара «святой» (представитель церкви) и «светская персона» (выдающегося ранга). «Демоны» постмодернизма²⁸¹ смогли отчасти затемнить, но отнюдь не вытеснить из культурной практики эти два издавна почтенных жанра описания прошлого и настоящего. А гуманитарные исследования XX века прояснили принципиальную разницу биографии и жития, несводимость их к единому генетическому типу. Позитивистский тезис о рождении биографии из житийной традиции по мере становления понятия личности, её самосознания, освобождения от оков архаичного коллективизма, уже не пользуется эпистемологическим доверием. Сравнение структур, поэтик, движущих сил сюжетов, а главное — смысловых сверхзадач жития и биографии вызывают серьёзные сомнения в их видовом родстве. Особенно на фоне всё ещё живой традиции написания модернизированных патериков²⁸² и периодическом появлении житийных по духу текстов в потоке современной литературы и вообще «океане СМИ» (пусть они и маскируются там под предвыборные портреты политиков, мемуары павших героев, воспоминания о дружбах с гениями и тому подобные внешне правдивые истории).

Жизнь святого выстраивается в памяти предков исключительно как подражание земному воплощению божества. В наибольшей степени это выражено в буддизме и в христианстве (при всей разнице их жизненных / житийных стратегий — отрицания души / её преображения; бегства от мира / воздаяния миру). Богословие, как известно, поощряет внутреннюю веру, а не просто внешнюю религиозность. Житие в таком случае является отнюдь не описанием реальной жизни сподобившегося святости лица, а свидетельством пути его духа к высшим ценностям, аскетического подвига, «постепенного растворения лица человека в прославленном небесном лике».

Вспомним эволюцию житийной литературы в раннем христианстве²⁸³. У неё обнаружился даже «нулевой этап», прямые прототипы — в виде

²⁸¹ *Компаньон А.* Демон теории. Литература и здравый смысл. М., 2001.

²⁸² См., например: *Кучеринская М.* Современный Патерик. Чтение для впавших в уныние. М., 2005; *Ардов М.* Мелочи архи-, прото- и просто иерейской жизни. Узелки на память. М., 2006; *Довлатов С.Д.* Наши. СПб., 2007.

²⁸³ См. компактный сборник источников: *Жития святых. Византийский канон.* М., 2004.

так называемых «рукописей Мёртвого моря» конца старой эры, затем апокрифических евангелий. Уже там фигурируют ключевые образы будущей христовой проповеди — «учитель праведности», «сыны света», эсхатологические пророчества. Канонические Евангелия сразу же обрастали «деяниями» и «посланиями» апостолов, вскоре — и мартирологами мучеников за новую веру. Эти рассказы («легендарии», «пассионарии») из столиц, Рима и Константинополя, шагнули на широкие просторы Запада, вобрали в себя местные, провинциальные опыты христианизации. Всеобщие и местночтимые рассказы об аскетах давали образцы преодоления всего наносного и случайного на пути ко Христу. Одного из основоположников этого литературного жанра, придворного византийского императора Симеона Логофета, жившего в середине X века, прозвали даже Метафрастом, то есть «пересказчиком». Он перелагал протографы прежних житий, удаляя из текстов всё «несправедливое», а также «ошибки в словах». Страхуясь тем самым от «насмешек или даже презрения читателей и слушателей». Позднее орден иезуитов стал издавать монументальное собрание христианских житий — «Acta sanctorum». Оно построено по годовому кругу церковного прославления их персонажей и к сегодняшнему дню доведено до 10 ноября. Всего вышло 64 тома in folio. Восточные — православные церкви со своей стороны накопили целую библиотеку патериков, то есть тех же сборников житий святых мирян и церковных служителей. Наш, русский круг житийной литературы (помесячных «миней», их конспектов — прѡ логов») сложился ещё в домонгольский период²⁸⁴.

Суть житийности не в новаторстве культурного героя, а в повторении, подражании уже преуспевшим на пути в рай или в нирвану; воспроизведении трансцендентального образца — земного пути Учителя, Мессии, Пророка. Поэтому агиографу безразличны внутренние переживания индивида, мотивация его поступков, даже причины его религиозного выбора. Автор жития не описывает жизнь святого, а только и делает, что сравнивает его деяния со священными образцами канонической литературы, опытом предыдущих подвижников. Только из подходящих под житийный канон мотивов и шагов формируется нарратив жития. Поведение будущего святого отличают три главных вектора — во-первых, подражательность (традиционность) предшественникам на пути стяжания святости; во-вторых, герметичность (ко всему, что сталкивает его со стези аскезы) и стремление сузить жизненное пространство во избежание соблазнов (мотив ухода из семьи и от общины, отшельничества, доходящего до предела — пещерного затворничества²⁸⁵, столпничества и т.п.); в-третьих, привязан-

²⁸⁴ В издании для широкого читателя см.: Четьи-Минеи. Святые русского православия. М., 2004.

²⁸⁵ В южнорусских подземных монастырях имеются необычные кельи, в земляных стенах которых нет входа, а только небольшое отверстие. Отшельник пролезал в этот лаз и в дальнейшем молча принимал через него воду и хлеб, выставлял ведро с экскрементами. Такое жителство могло продолжаться десятилетиями. Если стакан и кра-

ность к атрибутам святости (голодовки, вериги, прочие самоистязания; пещеры, пустыни и всё такое прочее). Замена верблюжьей шерсти на холстину; верёвки на цепь, джунглей на тайгу, акридов (саранчу) на комаров, разумеется, ничего не меняет в структуре житийного хронотопа.

Даже самый экстремальный вид святых — юродивые сохраняют житийный шаблон, неизменную оглядку на традицию. Именно сравнение с образами былых простецов позволяет отличить святого юрода от одержимого бесами, верифицировать божественную или же дьявольскую природу безумия²⁸⁶. В этой же связи отметим неточность богословского утверждения об отсутствии святых, их прославления в языческом мире. Среди многих примеров обратного наудачу вспомним скандинавского Одина, прошедшего через самоповешение на Мировом Дереве, или же реального героя римской истории Муция Сцеволу, сжёгшего руку в факеле на глазах врагов. А в суженном до предела пещерной кельи или даже макушки столпа пространстве жизни святого просматривается знакомая шаманам боязнь ошибиться в ритуале, сбиться с пути к абсолюту. На пяточке отшельничества / молчальничества легче избежать искуса, держаться фарватера святости.

Самый яркий признак святого, при всей внешней простоте этой фигуры, — некий специфический атрибут (вроде посоха, пояса, разодранного плаща, книги и так далее, и тому подобное, вплоть до пёсьей головы с факелом в клыках, приснившейся матери основателя монашеского ордена св. Доминика). Фольклорная традиция сказаний о причинах выбора той или иной вещи как показателя святости дополняется в духовной культуре теневой агиологией интеллектуалов, обычно собиравших подобные раритеты как экспонаты веры. В предметности житийных черт воплощается внутренняя сущность святости. Именно этого рода артефакты становятся важнейшими концентратами памяти о святом, его верительными грамотами в будущее, в общую историю святости. Малейшая частичка святости (вроде волоса мученика или щепки от его эшафота) в полной мере сохраняла волшебные возможности целой реликвии в глазах верующих²⁸⁷. Похожим образом амулеты шаманов служат их пропусками в иные миры.

Что касается светской биографии, персональной истории, то соответствующие произведения, в свою очередь, обычно сохраняют налёт стилизованной архаичности, «патину» давности лет. К прошлым временам восходит прежде всего их привычная дидактичность. На портретах персонажей биографов — от Плутарха до А. Моруа или А. Труайя — просматривается

юшка оставались не востребованными, почившего монаха замуровывали окончательно, а для новых кандидатов в отшельники вырывали в горе ещё одно замкнутое помещение...

²⁸⁶ См. подробнее: *Иванов С.А.* Блаженные похабы. Культурная история юродства. М., 2005.

²⁸⁷ Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира. Тезисы докладов и материалов международного симпозиума. М., 2000.

тезис «Делай как я». Даже циничный скепсис, порождённый здоровой реакцией людей на тоталитарные манипуляции всевозможными «святынями» в XX веке, не смог вытравить до конца эту черту, имманентную биографизму. Как вслед за культурными героями древности шли спасаемые ими сородичи, так вчера и сегодня школьников нагружают книгами и фильмами про подвиги и свершения. И детство, и юность такими сюжетами в норме интересуется.

Герой жития, обратим внимание, своим молитвенным подвигом заслуживает благодать, которой при жизни (путём общения и благословения) и после смерти (в виде мощей и прочих реликвий) делится с другими людьми. Подражать отшельнику могут единицы; все остальные верующие заняты своими делами, пока не придёт время поклониться святыне. А биографии задают пример «делать жизнь с кого». Разумеется, в больших или меньших масштабах жизненных достижений (убитых врагов, заработанных денег, сделанных открытий и так далее). До сих пор нет героя, который им стал не по примеру другого героя, своего Учителя.

Несмотря на все усилия представителей так называемой микроистории, взявших на себя труд описать казус жизни простого человека, в целом биография осталась описанием исторической роли выдающихся, модельных личностей. Тех, кто осуществил прорыв к чему-то принципиально новому в жизни и культуре (открыл Северный полюс или поставил другой рекорд, изобрёл чудесную технику или придумал вакцину против неизлечимой прежде болезни; и так далее, и тому подобное). Хотя понятие героизма серьёзно релятивизировалось за последнее время и распространилось на больший спектр людских деяний, общая установка биографизма осталась прежней — пишутся всё новые личные истории учёных, политиков, воинов и полководцев, прочих творцов. Публика интересуется только звёздами спорта и эстрады, «хозяевами жизни», «вершителями судеб мира». Так называемый маленький человек как был, так и остаётся в загоне. Новый импульс биографический жанр получил с появлением психоанализа, позволившего судить о персоне, спектре черт её характера, драмах души и тела с невиданной доселе глубиной и парадоксальностью. Показательно, что первые литературные пробы своего метода З. Фрейд делал как раз на мифах и героических сказаниях, то есть протоформах биографий.

Предварительно подытоживая сравнение житийных и биографических поэтик и идеологий, можно заключить: эти две формы сохранения исторической памяти об уникальных представителях человечества моделируют разные культурные парадигмы воспроизводства социума. Жития канонизировали аскетов — хранителей духовных ценностей, борцов с личными эгоистическими страстями и телесными слабостями во имя высших интересов всех своих ближних. Биографии же воспевали новаторство, экспансию, волю к власти, парирование внешних угроз тому же самому коллективу. Именно девальвацию этих двух дополняющих друг друга спосо-

бов освоения Бытия, которые отменяются бесцельным гедонизмом общества потребления, описал как «ресинтемент» Ф. Ницше. Однако ни представители религии, ни субъекты остальной общественной практики не захотят лишаться поучительной духовной поддержки Иконы и Портрета, выполнены ли они красками или буквами.

Литературно-философские функции

Биографии столь же ценны для научного познания прошлого и настоящего состояний общества, сколь важны жития для выстраивания канонически выверенной истории и идеологии церкви. Жизнеописания деятелей, провозглашенных в то или иное время святыми, занимают одно из первых мест в церковных анналах и богослужебной практике. Незаменима и роль разного рода героев в гражданской, более или менее рационализированной истории страны, народа, эпохи. Вспомним Т. Карлейля, наиболее ёмко выразившего идею героизма в портретной галерее пророков, поэтов, пастырей, которые движут историю. Или К. Ясперса, открытое им именно по фигурам пророков-первоучителей «осевое время». Таким образом, сравнение канона и эпистемы на биографическом материале напрашивается. Ниже для рассмотрения берётся по большей части материал христианской, в особенности православной агиографии ²⁸⁸, нам культурно-исторически более близкий, понятный. Хотя подразумеваются и более общие характеристики религии вообще, включая и остальные её типы и виды.

Биография чаще всего составляется после смерти её персонажа. Даже если кто-то удостоивается своего жизнеописания при жизни, очень скоро и оно станет достоянием потомков и может потребовать переиздания. А в церковном праве процедура канонизации ещё более затянута (ради проверки достоинств кандидата на святость). Так что в обоих случаях речь идёт об историческом сознании и познании. Держа в уме, конечно, и разные аспекты актуальности истории (особенно персональной ²⁸⁹) для дня сегодняшнего ²⁹⁰.

В истории культуры первично именно житие, включая вышеозначенный его мифо-эпический прототип. Первые «отцы истории» вроде Геро-

²⁸⁸ Среди последних публикаций в этой области выделяется своей полнотой сборник трудов Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН: Русская агиография. Исследования. Публикации. Poleмика / Отв. ред. С.А. Семячко. СПб., 2005. См. также: Лоевская М.М. Русская агиография в культурно-историческом контексте переходных эпох. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. М., 2006.

²⁸⁹ См.: Померанцева Г.Е. Биография в потоке времени. ЖЗЛ: замыслы и воплощение серии. М., 1987; Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 5. Историческая биография и персональная история. М., 2001.

²⁹⁰ См. подробнее: Щавелёв С.П. Историческое познание и ценности практики // Наука глазами гуманитария / Отв. ред. В.А. Лекторский. М., 2005. С. 501–522.

дота или Сыма Цяня уже собирали и пересказывали легенды о героях, пророках, вероучителях, бытовавшие столетиями в устной молве. Ни один основатель новой религии не удостоился прижизненного восславления. Жизни Будды, Христа, Мухаммеда записали их духовные «дети» и «внуки». Историкам осталось разбираться в хитросплетениях выдумки, забвения и точной памяти в составе соответствующих «благих вестей» о поступках и взглядах первоучителей. Так что претендующие на объективность биографии возникали обычно в качестве некой оппозиции устной и письменной агиографии, где всегда смешаны фантазии и факты.

На первый взгляд, подходы светской и церковной истории и рассматриваемом жанре скорее противоположны. Дескать, историк стремится восстановить жизнь и деятельность своего персонажа со всей возможной объективностью, тогда как агиограф выбирает только те моменты, где богоизбранность его персонажа наиболее очевидна. С одной, научно-исторической стороны — выверенные принципы критики источника знаний о прошлом; с другой, богословской — набивший оскомину штамп, жёсткий шаблон, непререкаемый канон. Во многом так оно и есть. Историк и агиограф не могут и не должны совпадать в качестве субъекта научно-биографического письма. Но всё же их разница выходит не абсолютной.

Над историками тоже довлеет определённая идеология (патриотизма, гуманизма, или же шовинизма, милитаризма). Они чаще всего структурировали биографии таким образом, чтобы вписать их в некую систему, пригодную для сравнения. Лучший образец чего — «Жизнь двенадцати цезарей» Гая Светония Транквилла. Этот автор сначала отмечает достоинства властителей Рима, затем их же недостатки (в отношении именно римской общины); даже кончины цезарей оцениваются им по той же шкале — как уход очередного руководителя повлиял на судьбы «вечного города». А церковное житие всегда строится по хронологическому принципу — начиная с рождения и до самой смерти отмечаются все те события в жизни будущего святого, где он проявил себя на стезе аскезы наивысшим образом. Здесь тоже система, но по-своему более историчная²⁹¹.

Церковь, по крайней мере, не скрывает своих идеологических установок — прославить самых верных сынов Господа, явить массам верующих их благодетельный пример. А светская история чаще всего рядится в ризы объективности — «как на самом деле» жил и мыслил герой биографии. На деле за этими «ризами» в девяти случаях из десяти прячется всё то, что не укладывается в идеологию историографа. Из героя делают легенду, памятник, своего рода святого. Ю.М. Лотман имел все основания называть нашу известную книгоиздательскую серию «Жизнь замечательных святых». Действительно, герои ЖЗЛ ставились на ходули социально-

²⁹¹ Сравнение намечено в кн.: Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М., 1997. С. 40–43 («Биография»).

политических абстракций. «Все они таланты, все они красавцы, все они поэты», как иронически пел Б.Ш. Окуджава.

На самом деле приведённая шутка Лотмана — ложный парадокс. Нет «замечательных святых». Все святые потому и святые, что типичны. Для верующего несущественны различия в том, как все они повторяли подвиг Будды или Христа. Разве меняется суть подвига оттого, что апостола Андрея распяли на косом кресте, а апостолу Петру отрубили голову? Все элементы «джентльменского набора» для святости уже заданы основателем веры.

Но умильная, комплиментарная биография — вовсе не «светское житие», а просто лживая, несостоявшаяся биография. Соответственно, слишком реалистичное, подробное житие — плохое житие, а не род биографии. Не случайно составленные первыми жития национальных святых такие длинные и наивные (у нас это произведения Нестора о Борисе и Глебе и о Феодосии Печерском — трёх первых святых, канонизированных Русской Православной церковью).

Диалог веры и знания

Всё сказанное относится скорее к теории «жизнежанра». На практике составления жизнеописаний церковные и светские авторы так или иначе взаимодействуют (хотя и не всегда признаются в этом). Историк и агиограф в познавательном плане напоминают участников примитивной меновой торговли — когда заезжие купцы оставляли свои товары на заморском берегу и удалялись; аборигены в их отсутствие выбирали нужные для себя вещи и оставляли свои продукты взамен. Жития святых — ценный исторический источник. Наш прославленный историк В.О. Ключевский попытался скомпрометировать достоверность этого источника²⁹², но эта его работа возымела очень ограниченное влияние на коллег. При всей специфике канонизированной биографии она содержит в себе незаменимые сведения для научной истории эпохи, страны, личности. Ну, а церковные агиографы вольно невольно черпают свою информацию из общеисторических источников. Поздние авторы сочинений такого рода — в том числе из публикаций светских историков, а не только из устной молвы.

Симбиоз науки и религии замешан на идеологии. Теологу надо выглядеть объективным. Учёному историку хочется влиять и воспитывать. В нашем случае — на примере замечательных личностей из прошлого. Так рождаются внешне правдоподобные жития и пафосные биографии. Хотя если разобраться, местами меняются названия, а не внутренняя суть произведений. Житие ведь всегда повествует о духовном опыте. Тогда как на пике биографии — общественно значимые свершения, поступки героя. В этом смысле житие «первого российского диссидента» протопопа Авваку-

²⁹² *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871 (Репринт: М., 1988).

ма на самом деле его автобиография. А последнее (пока) настоящее житие, думается нам, — поэма «Москва-Петушки». Там есть весь комплект элементов святости: страдание; искушение языческой прелестью (Сфинкс) и Сатаной; проповедь истинной веры (диалоги с попутчиками, воспоминания о сотрудниках); моменты юродства и богохульства; наконец, мученическая смерть. И главное для святого — он платит за свою жизнь реальной смертью (рак В. Ерофеева), но будет возрождён духовно (у писателя издавно и переиздаётся всё, вплоть до черновиков ²⁹³).

* * *

В заключение выскажем уверения в особой актуальности сопоставленных нами жанров исторической и богословской литературы. Для людей современного мира остаются жизненно важными разные способности — и к приобретению, и самовыражению; и захвата, удержания новых рубежей любой ценой, и разумного ограничения желаний плоти, позывов архаичных инстинктов (ракеты ведь не чета луку и стрелам). Присущий Святому «пассивный героизм» — аскетизм (среди изобилия внутри «золотого миллиарда», или же нищеты «третьего мира»), способность сохранять человечность в нечеловеческих условиях, особенно важны сегодня, когда то и дело воспроизводится ад на Земле; возникают всё новые глобальные проблемы, не имеющие однозначного решения. С другой стороны, в условиях комфорта «общества потребления» легче потерять моду на Героя, способного к нонконформизму, сопротивлению среде, подчас и физически, «силою» (по И.А. Ильину).

Так что чтение и перечитывание сказок, произведений героического эпоса, их всё новых и новых переложений и перепевов, равно как и многочисленных биографий выдающихся собратьев по Разуму и Воле, можно сравнить с неким «духовным витамином», резервуаром чистой, изначальной нравственности, сохранённым человечеством для своих новых поколений, несмотря на все коллизии Духа и Тела.

²⁹³ См.: *Ерофеев В.* Мой очень жизненный путь. М., 2003.

СТРАННЫЕ СТРАННИКИ

*Отзыв на автореферат диссертации В.Ю. Коровина
«Нравственные основания русского странничества»,
представленной на соискание учёной степени
кандидата философских наук
по специальности 09. 00. 05 — этика²⁹⁴*

По поручению Диссертационного совета я познакомился с работой В.Ю. Коровина. На мой взгляд, она пока не готова к защите. У меня к автору несколько серьёзных замечаний и, как всегда, много мелких поправок и предложений к тексту автореферата.

Итак, первое пожелание автору — *разобраться в используемых понятиях*. Уточнить (хотя бы во введении) место рассматриваемого им явления среди родственных ему, более широких или же равновеликих по объёму понятий. А именно, исходным, родовым тут представляется *понятие миграции* (есть даже специальная, причём философская книга об этом²⁹⁵). Как известно, антропогенез происходил в процессе неоднократного расселения людей из Африканского континента в Евразию и далее. Животные мигрировали в связи с колебаниями климата, а люди шли за животными, на которых охотились в палео- и мезолите. Потом, в неолите, за растениями, которые они научались возделывать. Археологи²⁹⁶ разработали целую систему признаков, по которым можно проследить миграции доисторических времён в культурном слое. У миграций вообще просматриваются этологические, зоопсихологические корни (освоение территории, по К. Лоренцу). Последующие, вплоть до новейших времен миграции — предмет изучения у историков. Они различают миграции трудовые (сезонное отходничество или переселение на новое место жительства), культовые (паломничество), образовательные, беженство военных времен и т.д.

По идее, от вынужденной и однонаправленной миграции отличается *путешествие*, которое предпринимается чаще всего добровольно (или полудобровольно) и предполагает возвращение на родину.

Особый случай — кочевые народы, о которых тоже много написано историками и этнографами. Находясь в механическом движении, они практические не меняются изнутри своего социума и всегда зависят от

²⁹⁴ Отзыв оглашён на соответствующей защите в Тульском государственном педагогическом университете. Не публиковался.

²⁹⁵ См.: *Касавин И.Т.* Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания М., 1998. И мою рецензию на эту книгу: *Вопросы философии*. 1999. № 12. С. 143–146.

²⁹⁶ См. прежде всего: *Клейн Л.С.* Археологические признаки миграций // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Чикаго, 1973. Доклады советской делегации. М., 1973.

оседлых соседей. Тут вообще важный урок автору — нельзя рассматривать бродяжничество в отрыве от оседлой среды. Надо подчеркнуть их неразрывные связи — и материальные, и духовные.

Если брать восточных славян и Русь, потом Россию, то «обретение родины» происходило в процессе поэтапных миграций (на конечном отрезке — с Дуная на Днепр). Это была так называемая крестьянская колонизация — требовались новые пашни и пастбища. Прежние за несколько лет подсечно-огневого земледелия и отгонного скотоводства истощались. Ну, а со временем, у наших предков — экспансия за Урал (вплоть до столыпинской реформы). Поиск «подрайской земли», пресловутого Беловодья²⁹⁷. Так что собственно бродяги — частный случай важной черты общенационального менталитета всего русского народа.

Это — внешний контекст странничества. А внутри феномена надо постараться различать его разновидности. Автор их то и дело путает, смешивает. Напрашивается такой расклад. Во-первых, есть несколько категорий мигрантов, одноразовых или периодических (переселенцы, паломники, отходники, бродящие торговцы, ремесленники, артисты; шпионы и т.д., и т.п.). У всех них странствие — не более чем путь к оседлой дальнейшей жизни, поиск лучшего для неё места и времени. Во-вторых, собственно странники, которые сделали выбор в пользу скитальчества по идее на всю оставшуюся жизнь. Чем они отличаются от бродяг и нищих, особый вопрос. В реальности, наверное, ничем. Одни группы бродяг более богомольны, другие менее. Все они живут подаянием, попрошайничеством. О нищенстве, кстати, есть недавние работы российских социологов, коллективные монографии.

Во-вторых, в работе Коровина *странничество охарактеризовано односторонне-апологетически*. Все странники — хорошие. На деле это было, конечно, пёстрое и противоречивое явление, в том числе и в моральном смысле. Среди самых известных наших странников и босяк Пешков (Горький), и авантюрист Распутин, и масса похожих жуликов. Кроме нравственного подвига, странник почти неизбежно совершает акт предательства — своих близких, свой малой родины, «отеческих гробов», да и собственного призвания в жизни. Только философ может не видеть отрицательных сторон бродяжничества. Факты истории и социологии просто игнорируются. Коровин нарисовал икону бродяги, а на его же фотографию смотреть не хочет. На самом деле *странничество этически противоречиво*. Оно выражает не только лучшие, но и худшие стороны нашего национального менталитета. Служит предельно амбивалентной характеристикой морального облика личности.

²⁹⁷ См. два издания фундаментальной книги: Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998; 2-е, испр. и доп. изд. — М., 2006.

В-третьих, автор преувеличивает самобытность именно русского бродяжничества. Толпы бродяг, паломников, странствующих специалистов (мелкорозничных торговцев, ремесленников, врачей, гадалок и знахарей; проповедников-сектантов, цирковых артистов, вульгарных разбойников) шатались по всей Европе. Почему же это только наша национальная черта? А массовый уход всех плебеев из Рима (сецессия)? А цыгане? А чешские табориты? (Табор — тележный обоз). А наши казаки-сечевики? *Сравнительно-исторического материала в работе нет* вообще. А дервиши, а крестоносцы, а буддийские монахи-паломники, а самураи-ронины? Чем по сути они отличались от наших бродяг? Почему именно христианские (и какого варианта христианства?) формы этого явления «классические» (с. 5)? Опять сказки про наш «народ-богоносец». Автор призывает гордиться нищенской сумой...

В-четвертых, в работе *странничество взято внеисторически*, нет даже намёка на какую-то периодизацию и типологию. Даже авторская классификация проявлений этого феномена не слишком логична, лишена общих критериев.

Автор неправомерно, без необходимых оговорок распространяет понятие странничества на всё пространство и всё время отечественной истории. Между тем в качестве термина, исторически конкретного, *странничество у нас в стране относится к XIX – началу XX века*. Так оно и понимается в трудах по истории русской церкви (ссылок на которые в работе почему-то нет). И старообрядческая секта бегунов, и общеправославные странники — это реакция русского крестьянства на модернизацию страны, приход индустриального общества. Именно это — конкретно-исторически русский вариант всемирного архетипа ухода. А у автора это строгое для богословов понятие размыто и затенено всеми возможными остальными вариантами движения из дома по идейным мотивам. Этот недостаток проистекает из-за пренебрежения фактами, именами, вообще конкретикой, без которой философские рассуждения автора повисают в воздухе.

Автор предполагает, что от былинных «калик перехожих» и до нынешних бомжей психология бродяг одна и та же... Но чаще всего религиозная вера — только камуфляж объективных причин бродяжничества. Какой-то процент любого социума обречён на маргинализацию, одной из форм которой и становился уход. Увеличивали пространственную мобильность исторические катаклизмы — эпидемии, войны, неурожаи, социальные реформы. Этические соображения тут явно вторичны, с их помощью пытаются оправдать себе люди типа перекаати-поле.

Теперь мелкие замечания по тексту автореферата.

1. В первом абзаце «стремление к иному» синонимизируется со странничеством (с. 3). Но оседлые жители тоже стремятся к иному — вырастить больший, чем прежде, урожай; возвести здание; исцелить больных; воспитать детей и внуков, да мало ли ещё к чему? В каком-то смысле именно странники, пускаясь в бега по географическому пространству,

взыскуют душевного покоя — пытаются остановить социальное время, выпасть из его закономерного цикла — рождения, социализации, труда и отдыха, окончательного ухода. Странники — дезертиры культуры. Хотя чаще всего вместе с тем они же — жертвы истории.

2. С. 4. Названные «учёными» Максимов, Прыжов, Гиляровский и иже с ними — никакие не учёные, даже не историки. Они именно бытописатели; беллетристы с этнографическим уклоном. Кстати, куда концептуальнее образ странника дан в русской прозе и поэзии, драматургии. Автор очень бегло коснулся этого пласта темы. У Гиляровского — этнография, а у Некрасова, Тютчева, Чехова, Островского, Л.Н. Толстого («Живой труп», плен Пьера Безухова и др.) — философия бегства от жизни.

3. С. 5. Л.Н. Гумилёва из перечня «научной литературы» я бы убрал. Л.Н. был фантазёр, а не исследователь.

Почему это концепт пути в русской ментальности именуется «частным вопросом»? Мой учитель Юрий Иванович Юдин и его соавтор И.Я. Фроянов путём анализа былин истолковали важнейший источник наших знаний о странничестве (в широком смысле этого слова).

4. Списки авторов, так или иначе изучавших тему, даются в произвольном порядке — ни по алфавиту имен, ни по возрасту. У одних есть инициалы, у кого-то нет. Получается, что Чаадаев Пётр Яковлевич, а Толстой просто Лев...

5. С. 9. Я не согласен с тем, что странники нравственно превосходят мигрантов всех остальных типов. Скорее, наоборот. Эмигранты уносят с собой и спасают какую-то культуру. Мигранты завоевывают новую часть мира ради более достойного существования своих близких. Туристы кормят целые страны и расширяют свой кругозор реальными впечатлениями, а не вздорными баснями о чудесах, как паломники. Странничество, повторю, в каком-то смысле паразитично и эгоистично, то есть нравственно ущербно. Странников кормят оседлые жители. Вот они — настоящие культурные герои. Их этика заботы о ближних, защиты сородичей стоит на высоте. А те, кто сбежали от трудов и забот, никого не накормят, не вылечат, не защитят. Нравственно отрицательная сторона феномена в работе затушёвана.

6. С. 11. Первый параграф первой главы назван тавтологично. «Словесность» и складывается из «текстов» (даже зафиксированных фольклористами). Ссылок на тексты никаких нет.

7. С. 12 и др. продолжается путаница разных типов миграций. То странники отличаются от паломников, то нет. Всё-таки согласно теме работы — странники это такая «профессия». Они бросили родной дом и пошли скитаться «меж двор», но по идейным соображениям. А тот, кто согласно обету ходил на богомолье, поклонился святыне и вернулся назад, — это тоже «странник»? Чем постоянные странники отличаются от нищих? Может, богомольцев просто охотнее кормят, чем откровенных бродяг? Нет ли в странничестве эдакого лицемерия?

8. Путаный перечень культурных символов странничества на с. 12 произвольно соединяет принципиально разные явления. Любая перемена участи подводится автором под «странничество». Гомосексуалист Г.С. Сковорода действительно бродяжил — но от одного патрона к другому, проживая у меценатов годами. Почему недельный побег Л.Н. Толстого от опостылевшей жены это «великий уход», а поездка А.П. Чехова на Сахалин и далее вокруг света не упомянута? Кругосветное же путешествие Станюковича обогатило русскую литературу, а точно так же аналогичный дрейф Ч. Дарвина — мировую науку. П.Я. Чаадаев себя безумцем не объявлял и никуда не бегал; напротив, его власти заточили под домашний арест. Каким боком подходит сюда же сожжение Гоголем второй части «Мертвых душ», непонятно; упомянул бы лучше хрестоматийную «птицу-тройку». Поступки писателей тут уравниваются с образами их героев.

И опять-таки — что же здесь специфически русское? Разве в литературе любого другого народа не набрать совершенно похожих примеров — бегства, ухода, переселения и прочего в том же духе. Начиная от Гильгамеша, Одиссеи, Моисея и схожих предводителей беглецов, странников. Весь мир всегда находится в пути. Склонность автора к наивному, квасному патриотизму подкупает. Даже наши нищие у нас самые одухотворённые в мире!

Лучше бы диссертант подумал, что уход возможен не только географически-пространственный, но и социально-структурный. Это когда человек «опускается на дно», то ли под давлением обстоятельств, то ли по доброй воле. Но при этом никуда не переселяется. В таком странствии больше философии и этики, нежели в бездумном пересечении параллелей и широт. Помимо вышеупомянутого «Живого трупа», это и «Человек с рассечённой губой» А. Конан Дойла, и замечательный рассказ Сомерста Моэма «Нищий», и ряд индийских рассказов Р. Киплинга, и наш родной советский Венедикт Ерофеев, и многие другие произведения на вечный сюжет именно нравственного падения.

9. С. 13–14 при резюмировании православного содержания феномена были бы уместны ссылки на первоисточники, как византийские, так и древнерусские. Жанр хождений, а с другой стороны — записки иностранцев о России.

10. С. 14–15 первый параграф второй главы опять меняет прямой смысл феномена на переносный. Тем самым понятие странничества расширяется беспредельно. Если монахи-подвижники — это тоже своего рода странники, то кто тогда не странник? А воин, идущий положить свою жизнь за други своя? А купец, который едет за необходимыми своему народу товарами? А учёный путешественник, изучающий разные уголки природы? А дипломат, представляющий интересы своей страны за её рубежами. Они что — не странники? Их миссия не имеет духовной составляющей? Они не «служат на пользу остальному обществу»? (с. 20). В общем, надо оговаривать, когда странствие понимается в прямом смысле

(богомольцы и иже с ними, которые куда-то движутся физически), когда в переносном (когда тело пребывает на одно месте, а душа устремляется куда-то (См., например, у Дж. Лондона «Странник по звёздам», по сюжету это подвинувшийся рассудком заключённый в смиренной рубашке...)).

11. Богомолец — не странник в точном смысле этого слова; это путешественник по конфессиональным мотивам; он возвращается домой из путешествия. Тот же Даниил Паломник — просто древнерусский турист. Что за дело, что вместо цифрового фотоаппарата у него Евангелие (как тогдашний вадемекум Палестины)?

12. Юродство — понятие, связанное со странствием лишь частично. Далеко не все юродивые путешествуют. Некоторые на цепи сидят. Соответственно, большинство странников отнюдь не юродивые по внешнему и внутреннему облику. Многие путешественники выглядят и ведут себя вполне прилично. Опять мы подменяем прямой смысл термина расширительным. Наоборот, странничество — один из видов юродства. Ничуть не только русского, но международного.

13. То же самое про аскетизм и его общественную пользу. Можно ли оценивать его только со знаком плюс, а богему, гедонизм, хулиганство огульно хулить, как делает автор на стр. 18 и сл.? «А я узнала интересный момент / Что и Ван Гог, и Матисс, и Дали / Курили таба-табак, употребляли абсент / И кое-что они тоже могли...» — поёт Елега Ваенга. Между прочим, многие наши соотечественники пускались в странствия, именно чтобы замолотить грехи (См. рассказ Лескова «Чертогон»). Чем Артур Рембо в своем африканском вояже или Николай Гумилёв, тоже ездивший в африканские экспедиции, хуже наших малограмотных странников? Чем образы бродяг у О. Генри или любого другого западного писателя бледнее Несмертельного Голована или некрасовских искателей того, кому живётся весело, вольготно на Руси? Превозношение всего нашего в ущерб иноземному голословно и культурно малограмотно. В конец концов, даже добросовестные наркоманы «странствуют» в своём забвении насущно сущего.

14. После игнорирования самых разных видов миграций странно выглядит обращение диссертанта к оценке туризма. Почему-то современного. Почему-то именно русского. Космополитизм автором безусловно осуждается. Тут опять-таки мне видится идеализация наших бродяг и клевета на туристов. Пусть Коровин перечитает «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, который переменил там всё — быт, внешность, веру, даже язык (заключение его записок — предсмертный бред на смеси русского и нескольких восточных языков). Один из последних лауреатов Нобелевской премии по литературе, француз, прославился описанием быта какой-то мексиканской деревушки, где он прожил несколько лет. Вот вам польза туризма как особого типа познания мира. А несчастный странник и так всё знает наперёд. В его собственный регион бредут другие бедолаги. А он в тот, откуда они. Везде похожие храмы, иконы, мощи. Замкнутый круг, не хуже Индии. Раз уж осуждать нынешних туристов, то почему бы не вспо-

мнить настоящих странников наших дней — бичей, бомжей? Пусть Корвин подумает, куда подевалась вся странническая святость после индустриализации да коллективизации?

15. Наконец, текст работы не вычитан корректорски — есть опечатки, много непоставленных запятых.

В итоге ясно, это представленный текст не является кандидатской диссертацией. Судя по разобранному тексту, автор не владеет методологией и методикой научной работы, вообще недостаточно грамотен.

СТАРАЯ ВЕРА

*Отзыв на автореферат диссертации А.В. Апанасёнка
«Старообрядчество Курской губернии в конце XIX – начале XX в.»
(Курск, 1995), представленной на соискание учёной степени кандидата
исторических наук по специальности
07. 00. 02 — отечественная история²⁹⁸*

Проблема старообрядчества в историографии имеет сложную судьбу. К этому явлению в истории русской церкви и всей духовной культуры нашей страны по большей части относились пристрастно и до, и после революции. Историки религии и церкви волей-неволей разделяли господствовавшие в официальной политике установки по отношению к раскольникам — православно-унификаторские в императорской России, откровенно репрессивные в СССР. Однако в среде русской интеллигенции всегда теплился интерес к образу жизни и мысли ревнителев старой веры — им посвящали художественные произведения, этнографические очерки. Такого рода работы имели место и в Курске и на окружающих его Центрально-Чернозёмных территориях. Автор настоящей диссертации выступает достойным продолжателем традиции изучения данного феномена в этом регионе. Впрочем, предпринятый им историографический обзор вполне фундаментален и вся диссертация, сколько можно судить по автореферату, представляет собой отнюдь не краеведческое сочинение, а полноценное общеисторическое исследование — первое по заявленной теме.

Автор диссертации довольно убедительно аргументирует геохронологические рамки своего исследования (с. 4, 9–10), тем самым объясняя саму возможность его проведения. Действительно, Курский край в его достаточно стабильных до революции границах представляется подхо-

²⁹⁸ Отзыв на соответствующий автореферат диссертации, оглашавшийся, наряду с другими, на её защите. Позднее опубликован как предисловие в изданной автором монографии: *Щавелёв С.П. Предисловие // Апанасёнок А.В. Старообрядчество Курского края в XVII – начале XX в. Курск, изд-во Курского гос. технического ун-та, 2005. С. 4–6.*

дящей моделью для выяснения места и роли старообрядческой субкультуры в общероссийском складе жизни и мысли. Ведь на азиатских задворках империи, как и за её границами, старообрядцы оказались фактически в резервациях (сравните судьбу известных таёжных отшельников Лыковых), а в столичных округах они как бы растворились в массе пришлого населения. Курская же и сопредельные с ней земли Центральной России более типичны в указанном отношении.

Актуальность темы диссертации подтверждается выходом уже после её представления к защите всё новых работ по этой теме ²⁹⁹.

Работа основана на достаточной источниковой базе — документы РГИА по курским староверам составляют единый комплекс с документами ГАКО. Воссоздание такой базы данных в целостности послужило залогом успеха исследовательского проекта диссертанта. Попутно замечу, что упомянутые им в обзоре источников документы из архива Императорского Русского Географического общества (ИРГО), его отделения этнографии, располагаются уже где-то на стыке источников и исследований темы, ибо представляют собой записи обычаев курских староверов первыми этнографами из Курска и его уездов.

Основное содержание диссертации, как видно по её автореферату, подробно и разносторонне излагает заявленную тему на уровне социальной истории или же исторической антропологии. А.В. Апанасёнок обстоятельно, на большом фактическом материале демонстрирует традиции и тенденции экономической и духовной жизни местных «ревнителёв старой веры», их взаимоотношения с православным большинством земляков и властями. В отличие от многих других авторефератов диссертаций, читанных мной за последние годы, этот передаёт содержание диссертации по существу. Опять-таки едва ли не впервые за последнее время у меня не возникло принципиальных замечаний по тексту автореферата (а знакомился я со многими образцами этого жанра).

Минимальны и замечания чисто технического (полиграфического) свойства. Подпись автора теперь положено ставить на титульном листе автореферата, а не в конце его текста. Постраничные сноски следовало бы набрать 12 кеглем для их удобочитаемости. На обложку пустить бумагу несколько более плотную — ведь эта брошюра будет читаться, «жить» в библиотеках. В частой для этой работы датировке «XIX–XX вв.» упомянуто два века, а не один («в.»), как пишет диссертант.

Выскажу отдельные пожелания автору по существу его проблемы, которые он может учесть при подготовке текста диссертации к монографическому изданию — я полагаю, что такая книга найдёт заинтересованных читателей и будет полезна и в научном, и в учебно-методическом, и в просветительском плане.

²⁹⁹ См., например: *Шахназаров О.Л.* Отношение к собственности у старообрядцев (до 1917 г.) // *Вопросы истории.* 2004. № 4.

А.В. Апанасёнку удалось найти верный тон в оценках старообрядчества — сочетать уважительность к этому варианту отечественной культуры с необходимым историку критицизмом. Однако в таком — собственно культурологическом, даже историософском ракурсе остаётся немало места для углублённых раздумий и какого-то согласования довольно противоречивых суждений о вкладе старообрядцев в экономическую, политическую и духовную историю нашей страны. Отнюдь не предвосхищая таких синтетических выводов, обращаю внимание на некоторые моменты в данной связи. С одной стороны, менталитет старообрядцев явно форсировал ускоренное становление капитализма на русской почве, помог быстрейшей индустриализации страны ещё во второй половине XIX в. А с другой стороны, старообрядцы так или иначе участвовали в оппозиционной борьбе с самодержавием, причём помогали не только умеренным реформаторам вроде кадетов, но и самым радикальным революционерам и деньгами, и рекрутированием боевиков на баррикады Красной Пресни. Получается, богатые староверы сами помогли придти к власти тем политикам (большевикам), которые расправились с ними куда радикальнее, чем императорские жандармы.

Далее, консервируя культурную самобытность, старообрядцы сберегли часть духовных ценностей, размываемых в православной и особенно атеистической частях общества. Одновременно те же староверы пытались перекрыть для своих собратьев дорогу к реальному прогрессу в науке, искусстве, медицине, бытовой технике — это особенно проявилось уже за хронологическими рамками настоящей работы, в XX в. И в дореволюционно-православной, и советской критике старообрядческого сектанства далеко не всё было надуманным. В старообрядческой картине «мира антихриста» несомненен заряд фанатизма и юродства, которые не очень-то вяжутся с духом современной демократии. Изучение старообрядчества не должно превращаться в его апологию (как это сейчас у нас всё чаще происходит с каноническим православием).

Наконец, любопытно сравнить экономические и культурные последствия старообрядчества в нашей стране с тем, как повлияли на судьбы Западного мира протестантизм и его трудовая этика (по М. Веберу).

Для такого рода общеисторических размышлений диссертация А.В. Апанасёнка даёт богатый материал.

НОВАЯ СТАРАЯ ВЕРА

*Отзыв на автореферат диссертации А.Н. Агальцова
«Российское неоязычество как религиозно-нравственный феномен»
(Тула, 2010),
представленной на соискание учёной степени
кандидата философских наук
по специальности 09. 00. 14 — философия религии и религиоведение³⁰⁰*

Мне уже доводилось оценивать кандидатскую диссертацию по неоязычеству³⁰¹, а также публиковать статьи с анализом археологических следов язычества на территории Восточной Европы³⁰², поэтому новое исследование на эту тему меня заинтересовало. Как я мог уяснить по автореферату, автор старался сделать новый шаг в анализе и оценках нынешних российских якобы язычников, которые периодически удаляются из своих офисов, заводов и фабрик на лоно природы, чтобы там разгуливать в белых рубахах и ночевать в шалашах. Главную заслугу А.Н. Агальцова я вижу в том, что он собрал и проштудировал документы, исходящие от этих самых игроков в язычество. Далее, в работе сведены разные оценки этого духовного и практического явления — от отрицательных («деструктивная секта») до апологетических («религиозное возрождение», «возвращение к истокам»). А вот позиция самого диссертанта относительно этой идеологии невнятная, скорее сочувственная, даже пропагандистская. Перед нами не столько критика неоязыческих взглядов и действий, сколько их апология. С таким пафосом работы я решительно не согласен. С моей точки зрения, которую разделяют многие учёные (историки, этнографы, социологи), но, вероятно, не все философы (называющие себя так), автору на будущее стоит учесть ряд принципиальных соображений.

Я имею в виду прежде всего два основных методологически положения.

Во-первых, Андрею Николаевичу стоило уточнить, что он понимает под «славянским язычеством», а в связи с этим и то, что понимают под

³⁰⁰ Отзыв посылался в Тульский государственный университет для оглашения на соответствующей защите. Ранее не публиковался. Вопреки моим возражениям, диссертация была там защищена.

³⁰¹ См.: *Силаков Е.С.* Место и роль язычества восточных славян в русской духовной культуре. Автореф. дисс. ... канд. филос. н. М., 2000.

³⁰² См., если угодно: *Щавелёв С.П.* Лунница и крест (начало христианизации Курского Посеймья по данным археологии) // *Деснинские древности*. Вып. III. Материалы межгосударственной научной конференции «История и археология Подесенья», посвящённой памяти брянского археолога и краеведа ... Ф.М. Заверняева. Брянск, 2004. С. 188–202; *Его же.* Лунница и крест: христианизация Юго-Востока Руси (По материалам Курского Посеймья) // *Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья*. Сб. статей. Воронеж, Воронежский гос. ун-т, 2005. С. 94–109.

«славянским язычеством» его, этого самого язычества, нынешние «продолжатели». А то читателям-неспециалистам может показаться, что о «славянском язычестве» науке всё хорошо известно. И что новоявленные язычники в самом деле следуют примеру наших предков. А это далеко не так.

Во-вторых, при всём возможном плюрализме в оценках идеологических явлений, необходимо трезво судить о положительном и отрицательном, прогрессивном и реакционном, гуманном и антигуманном в том или ином варианте социального протеста. Ради такого рода оценок ведь и предназначена этика, которая должна не «добру и злу внимать равнодушно», а различать это самое добро и зло. Из автореферата же следует, что со злом воюют эти самые неоязычники, которые, следовательно, носители добра. По-моему, всё тут как раз наоборот.

Поясню эти исходные тезисы.

Понятийно-терминологический ряд.

Автор в самом начале реферата уравнивает термин «язычество» с «мифологией и религией славян» (С. 3). Это, в общем, верно, но сказанного недостаточно. Подразумевается, что у русского народа была какая-то своя языческая вера, которую теперь стремятся возродить неоязычники.

При этом не различаются исторические этапы и регионы бытования язычества в далеком прошлом. А они на самом деле различались, да ещё как. В первом приближении так:

- индоевропейские корни;
- общеславянские моменты (примерно до конца I тыс. до н. э.);
- специфика южных, западных и восточных славян;
- специфика славянских объединений на территории Восточной Европы на рубеже I и II тысячелетий н. э.;
- специфика и влияние на славян верований их соседей (прежде всего, финно-угров, балтов, скандинавов, потомков иранцев);
- специфика дохристианского язычества и язычества, загнанного в подполье православной церковью;
- языческие атавизмы в составе православия (так называемое двоеверие);
- великорусский, белорусский и малороссийский варианты традиционной культуры;
- попытки реконструировать прошлые состояния язычества представителями разных ветвей духовной культуры Нового времени (философами, учёными, деятелями искусства).

Если не учитывать всех этих различий, картина язычества получится бледной и искажённой.

Применительно к задачам такой диссертации, как у А.Н. Агальцова, очевидно, имеется в виду второе из выделенных мной значений.

Поскольку автор говорит о «российском неязычестве», то под это понятие подойдут не только и даже не столько псевдославянские выдумки,

а настоящие шаманисты, которые сейчас активизируются у многих коренных народов Севера, Сибири. Они не русские (по этносу), но российские граждане. Русская у нас культура, а вот государственность российская. Это следовало бы оговорить в начале работы во избежание терминологической путаницы.

Источниковедение язычества.

Это едва ли не самое главное для такой диссертации. Тут и есть её методология. Ведь не зная, что и откуда учёные знают о верованиях и обрядах наших предков, автор не сможет оценить, насколько адекватно их воссоздадут неоязычники. Берясь что-то возродить и продолжать, надо ведь представлять себе, что именно ты возрождаешь. А с таким знанием и у самих неоязычников, и даже у их исследователей (включая автора этой диссертации) дело обстоит неудовлетворительно.

На самом деле, науке почти ничего достоверно неизвестно о славянской религии до VI в. н. э. и очень мало что известно за период с VI по X в. н. э., пока у нас не победило христианство. Источники информации здесь общеизвестны:

- отрывки *письменных* текстов — сочинений античных авторов, затем наших летописцев;
- *археологические* находки культового характера;
- *этнографические* параллели;
- *фольклорная* лингвистика.

Скудная источниковая база вынуждает учёных применять сравнительно-исторический метод вкупе с ареально-типологическим и культурно-географическим. В итоге все имеющиеся реконструкции оригинального язычества носят гипотетический и фрагментарный характер.

Библиография темы.

Славянское и древнерусское язычество в научной литературе представлено гораздо полнее, чем это представляется автору реферата. Он называет своих предшественников «историками» (С. 4), между тем как их научная специализация разная. Прошлое культуры они рассматривают по разным источникам (см. предыдущий пункт).

Вот ведущие специалисты по восточнославянской и древнерусской духовной культуре: лингвисты и литературоведы Вяч. Вс. Иванов и В.Н. Топоров, Б.А. Успенский; фольклористы Н.И. Толстой, К.В. Чистов; топонимист О.Н. Трубачёв; этнограф К.К. Зеленин; некоторые другие. Вот на них и нужно опираться в понимании того, во что на самом деле и как верили наши предки до принятия христианства. Эти же авторы усвоили важнейшие дореволюционные исследования язычества (Гальковский ³⁰³,

³⁰³ Переиздание: Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., 2000. 308 с.

Фаминцын³⁰⁴, Аничков³⁰⁵, Афанасьев³⁰⁶ и некоторые другие³⁰⁷), где далеко не все наблюдения и выводы подтвердились с развитием научной критики.

Среди опубликованных в 1990 – 2000-х годах книг о славянском язычестве немало псевдонаучной фантастики, переполненной тяжёлым бредом малограмотных людей. Но есть и вполне научные исследования. Укажу некоторые из самых важных работ на сей счёт.

Васильев М.А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси. Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М., 1999. 328 с.

Lowmianski H. Religia slowian i jej upadek (w. VI–XII). W-wa, 1979. Издание в переводе на рус. яз.: М., 2003.

Комарович В.Л. Культ Рода и Земли в княжеской среде // ТОДРЛ. Т. XVI. М.–Л., 1960.

Узянов А.А. Сакральные зоны Посеймья IX–XIII вв. (по археологическим и церковным памятникам) // Религиозные представления в первобытном обществе. М., 1987.

Русанова И.П., Тимощук Б.А. Языческие святилища древних славян. М., 1994. Разгромная рецензия на эту кн.: *Даркевич В.П.* // Российская археология. 1996. № 4.

Клейн Л.С. О древнерусских языческих святилищах // Церковная археология. Ч. 1. СПб. – Псков, 1995.

Кривошеев Ю.В. Религия восточных славян накануне крещения Руси. Л., 1988.

Особо порекомендую Агальцову фундаментальные справочники по его теме, выпущенные под редакцией покойного академика Н.И. Толстого:

Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995;

Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 томах. Т. I–IV. М., 1995–2009.

Как видите, в моём списке нет работ Б.А. Рыбакова. Они подверглись справедливой критике за целый ряд фантастических допущений, непроверяемых гипотез. Ни один из известных историков, археологов, лингвистов, фольклористов не написал рецензии на рыбаковскую дилогию о

³⁰⁴ См.: *Фаминцын А.С.* Божества древних славян. Ч. 1-2. СПб., 1994–1885. Переиздание: СПб., 1995.

³⁰⁵ См.: *Аничков Е.В.* Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. Репринт: М., 2003.

³⁰⁶ См.: *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865; *Его же.* Народные русские легенды. Казань, 1914. Переиздание его статей: *Афанасьев А.Н.* Древо жизни. Избр. статьи. М., 1982.

³⁰⁷ В том числе: *Костомаров Н.И.* Славянская мифология. Киев, 1847; *Соловьёв С.М.* Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных... // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1850; *Кареев Н.И.* Главные антропоморфические боги славянского язычества. Воронеж, 1872; *Кагаров Е.Г.* Религия древних славян. М., 1918; *Шептинг Д.* Мифы славянского язычества. М., 1849; *Нидерде Л.* Славянские древности. М., 2000.

язычестве. Сегодня эти тома в ходу только у дилетантов, в том числе наивных неоязычников, учёные их игнорируют.

Главный критик Рыбакова — петербургский археолог Л.С. Клейн выпустил не так давно свой том на эту тему, и там есть глава о неоязычестве³⁰⁸. Относительно последнего Клейн справедливо, на мой взгляд, пишет: «А уж оно-то в науке никак не обосновано и целиком смонтировано из германских и индийских деталей, художественных произведений, фальшивок (типа «Велесовой книги») и личных фантазий новоявленных пророков»³⁰⁹.

Историография язычества.

Не стоит смешивать работы учёных (историков, археологов, лингвистов, фольклористов, этнографов), с одной стороны, и философов, богословов, с другой. Применительно к язычеству они говорят о разном. Первые пытаются по мелким осколкам (в археологии, этнографии, фольклоре, позднейшей письменности) хоть как-то реконструировать верования и обряды славян до и против христианства. Вторые пытаются оценить язычество суммарно, то ли осудить его, то ли оправдать. Надо ли говорить, что выдумки философов к настоящим верованиям наших предков имеют весьма косвенное отношение.

Современные оценки славянского язычества зачастую излишне поляризованы. Оно либо объявляется царством невежества и жестокости (христианскими богословами, включая нынешних³¹⁰), либо выдаётся за оригинальную матрицу всей последующей культуры России, якобы актуальную до сих пор (любителями исторической фантастики³¹¹). В действительности, нам мало что достоверно известно о настоящем язычестве именно восточных славян: письменные источники застали уже его остатки, ушедшие в подполье под влиянием христианской церкви, мутировавшие в связи с её догматами и обрядами. Во всяком случае, рисуемая учебниками, популярными и даже некоторыми академическими изданиями³¹² картина целого пантеона языческих богов, особой группы жрецов и повсеместного распространения сакральных центров-святилищ с храмами-жертвенниками и изваяниями идолов, явными результатами жертвоприноше-

³⁰⁸ См.: Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., Евразия, 2004.

³⁰⁹ Клейн Л.С. Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб., 2010. С. 453.

³¹⁰ Лозунгом так полагающих историков стала оценка одного из исследователей данной темы: «... Убого было язычество Руси, жалки её боги, грубы культ и нравы» (Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. С. XXXVI).

³¹¹ См.: Наговицын С.А., Степанов А.Н. Языческая Русь вчера, сегодня, завтра... Воронеж, 2000; многие тому подобные образцы невежества, а то и прямого безумия.

³¹² См.: Русанова И.П., Тимошук Б.А. Языческие святилища древних славян. М., 1993; Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987; Его же. Язычество древних славян. М., 1994.

ний им, подверглась в последнее время довольно строгой критике³¹³. Даже знаменитый Збручский идол не сохранился в фондах Краковского музея, уже не проверишь — чей он был — кельтский ли, славянский; настоящий он или поддельный? Сейчас всё больше специалистов присоединяется к последнему заключению.

Более реалистичными представляются дальнейшие поиски общих и региональных черт славянского язычества в этнографических и археологических источниках.

Противопоставление язычества христианству логично, но не столь прямолинейно, как это видно из автореферата.

Во-первых, в Древней Руси выработался, затем веками бытовал и сейчас даёт о себе знать некий синтез того и другого, в источниках точно названный двоеверием (Слово, прозорливо придуманное ещё Феодосием Печерским). Так называемое народное христианство включало и до сих пор включает массу языческих по духу моментов. И напротив, вполне языческие действия теперь включают в себя христианские элементы (купаясь этим летом в курской речке, я наблюдал дерево у воды, к которому была прикреплена иконка в обрамлении разноцветных лент...).

Часть специалистов вообще утверждает, что не было на Руси и «двоеверия» — «языческие пережитки на Руси были ассимилированы, как повсюду в Европе, культами христианских святых, а боги стали-таки бесами, нечистой силой. ... Крестьяне были христианами, а не двоеверцами...» (В.Я. Петрухин).

Я так не думаю, но признаю тот факт, что никакого «чистого» язычества в нашей стране нет уже более тысячи лет. Более того, археологические находки говорят нам, что даже до официального принятия христианства на территории Восточной Европы языческие верования подверглись заметному влиянию христианства (в погребальной обрядности кремация сменилась ингумацией, в массе языческих амулетов, оберегов появились символы христианства; обо всём этом см. труды петербургского археолога А.Е. Мусина).

Насколько язычество традиционно для русской культуры?

Во-вторых, законная (на мой взгляд, который разделят далеко не все участники разговора на эту тему) критика христианской религии, и особенно церкви (за ханжество и двуличие, как сказано в автореферате), неоязычниками доводится до абсурда. На такой исторической дистанции

³¹³ См.: Даркевич В.П. [Рец. на кн.:] И.П. Русанова, Б.А. Тимошук. Языческие святилища древних славян. М., 1993 // Российская археология. 1996. № 4; Клейн Л.С. Памяти языческого бога Рода // Язычество восточных славян. Л., 1990; Его же. О древнерусских языческих святилищах // Церковная археология. Ч. 1; 1990; Петров Н.И. Каменные идолы Восточной Европы: славянское язычество? // Евразия сквозь века. СПб., 2001; Щанов Я.Н. Оказывало ли христианство влияние на древнерусское язычество? // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти В.Т. Пашуто. Язычество. Христианство. Церковь. М., 1995.

утверждать, что христианство, православие это не исконная религия русского народа, ошибочно. До XI века никаких «русичей» вообще не было, а были кривичи, шведы, меряне, северяне, вятичи, древляне, поляне, уличи, тиверцы, словене, русы и многие другие народцы на просторах Восточной Европы (См. школьный учебник истории). Именно христианство «сшило» это «пёстрое одеяло» в подобие единого этноса. Язычество как раз разъединяло, будучи дискретизировано на массу родоплеменных культов. Попытка Владимира I свести эти культы в государственном пантеоне продержалась недолго.

Кстати, этимология термина «язычество», представленная во 2-й сноске автореферата, на самом деле восходит к русскому переводу посланий апостола Павла, сказавшего: «Разумейте все языцы...» (то есть народы, лат. *pagani*, отсюда же «поганые»). Отсюда же и процитированное в автореферате выражение автора «Повести временных лет».

Соблюдая принцип историзма в наших суждениях, можно объяснить, почему до появления мировых религий с их всечеловеческим гуманизмом, язычество как-то соответствовало раздробленному родоплеменному быту разных народов Земли. Но с развитием культуры и цивилизации это оправдание уходит в прошлое. Выявляя теперь место языческих представлений в менталитете прошлом и тем более настоящем, нельзя обойти следующих аксиом. Язычество — это архаика, примитив, смутность представлений, возврат к животным рефлексам по сути, т.е. то, что называют в Новое время суевериями. Их можно и нужно анализировать, даже понимать, извинять, но никак ни воспевать, ни идеализировать. Философский критерий тут: проблемы сугубого язычника в принципе разрешимы на рациональной основе (накормить, защитить, вылечить и т.д.). А вот проблемы настоящей религии (национальной, мировой) не решит никакая наука (смерть, счастье в жизни, выбор поступка и т.п.). Поэтому язычество по мере развития науки и культуры разбилось на мелкие осколки пережитков и суеверий, как таковое ушло в прошлое, у неязычников стало игрой на время летнего отпуска; а христианство в том или ином своём варианте вроде бы вечно.

Прогрессивно или реакционно язычество?

В-третьих, при всех возможных недостатках православия, оно безусловно превосходило любое язычество культурно-исторически (значит, и морально-этически) и означало для наших предков гигантский шаг вперед на пути от примитивной потестарности к настоящей государственности, от первобытности к цивилизации. Неловко даже об этом напоминать соискателю учёной степени. Только христианство принесло на Русь письменность, книжность, каменное строительство, медицину, международные контакты. Оно же прекратило чудовищные культы жертвоприношений животных и людей. Например, в сотнях камерных погребений скандинавских воинов на территории Руси IX–XI вв. вместе с мужским скелетом лежит женский. Как отправляли вслед за господином на тот свет «вальки-

рию», описано у Ибн Фадлана. Вряд ли будущая вдова кандидата философских наук согласится получить удар ножом под левую грудь и быть поленной в одну могилу с ним... А так язычники поступали веками.

Итак, ошибочно мнение неоязычников о том, будто бы язычество истонная, народная, естественная, «наша» религия, а христианство — искусственная, навязанная, вторичная. Преимущества мировых религий перед «поганством» суть аксиома гуманитарного знания.

Элементы лицемерия и другие недостатки христианской религии, и особенно церкви, не идут ни в какое сравнение с априорным аморализмом язычников, чья мораль по определению своему ограничена узким кругом своего собственного рода-племени, да и то не всегда (жертвоприношения родственников!). За их пределами морали для язычника нет — там вообще не люди (как явствует из оригинальных самоназваний большинства этносов).

Теперь о непосредственном предмете диссертации — *неоязычестве*. Как явствует из всего мной уже сказанного, — практически все *представления нынешних «язычников»* о настоящем язычестве суть фантастика (о пантеоне языческих богов, наличии касты жрецов-волхвов, святилищ, магических обрядах и прочем в этом выдуманном произвольно роде). Никакие источники (письменные, археологические, этнографические) их не подтверждают. Даже о восточнославянском язычестве нам очень мало известно — несколько кратких известий первых летописей, богословских сочинений, иностранных свидетелей, с одной стороны, а с другой — загадочного значения археологические находки с мифологическим оттенком, да противоречивый подтекст позднейших этнографических обрядов, фольклора. Со всем этим постепенно разбираются археологи, историки, лингвисты, этнографы, «танцующие» от своих источников. Что тут делать философу, я, право, не знаю. Думаю, что как раз критиковать неоязычников, в первую очередь за их некомпетентность. Реферируя в автореферате их документы, автору следовало бы подчеркнуть, что эти представления о природе, человеке, богах суть ненаучная фантастика, выдумки невежественных людей.

В автореферате местами непонятно, реферируются ли *взгляды нео-язычников* или же их разделяет автор. Например, когда речь идёт о «современном зле». «В параграфе» якобы «показано, ... что зло облечено в государственно-политическую форму демократии, которая направлена на воспитание в национальном самосознании идеологии самоуничтожения» (С. 16). Неужели Агальцов монархист? Или, спаси господи, анархист? А может, ещё «злее» для нас недостаток настоящей демократии в путинской России? Это спорный вопрос. Но обвинять в абсолютном зле страны и народы, у которых самый высокий на планете уровень жизни, не слишком логично.

Итак, подытожу: псевдоязыческие идеологемы в современной культуре и политике действительно нуждаются в реконструкции, анализе,

но и в разоблачении за их безусловную реакционность. Перед нами не просто «протестное движение», а реакционная утопия. Русская Православная церковь причисляет неоязычников к тоталитарным сектам, и правильно делает. Тем более что никакие они не «нео-». Они «лже-», квазиязычники; самозванцы, а зачастую мошенники или психически нездоровые люди. Их «этика» аморальна со всех точек зрения. Это подделка под религию, далеко небезобидная. Перед нами вариант патологии общественного сознания и жизненной практики.

Простой пример: любая мало-мальски серьёзная хворь поставит неоязычника перед выбором: или подохнуть от инфекции, травмы, или срочно перемещаться в столь нелюбимую им цивилизацию, где есть врачи и настоящие лекарства, а не примитивная и небезопасная фитотерапия. Пусть неоязычник попробует перезимовать в лесу под Тулой или тем более Красноярском, опять же без атрибутов христианской цивилизации, а с луком и стрелами, огнём и трупом, в лаптях да в зипуне. Такие опыты до сих пор делаются сектантами-староверами и кончаются они летальным исходом для всех ушедших в тайгу, от «грешного мира».

Короче, философ в своих оценках и палео-, и неоязычества не должен отрываться от здравого смысла. Реальные недостатки современной культуры нельзя преодолеть, призывая людей в прошлое. При настоящем язычестве средний возраст язычников был вдвое короче нынешнего. По их костям видно, чем и как они болели, когда и отчего помирали³¹⁴. Что ж, давайте заменим автомашины и поезда на телеги, стиральный порошок на щёлок, канализацию на выгребные ямы, роды будем принимать в шалашах, и всё такое прочее? Ведь «современная цивилизация способствует вырождению человека и природы» (С. 17). Автор этих слов совершенно не представляет себе, как жили наши предки до промышленной революции. Ему незнакомы подсечное земледелие, загонная охота, военные походы на соседей. В наказание за излишнюю доверчивость и ложный пафос, противопоставленные учёным и даже философам, Агальцов со всей своей семьёй и с оппонентами своей диссертации должен был бы перезимовать в лесу, имея только ножи и топоры. Потому что не подобает настоящим язычникам пользоваться плодами гниющей цивилизации — вроде аптечки, консервов, спичек, сигарет, водки и много чего ещё. Лечились бы малиной, пили перебродивший мед (если бы сумели отнять его у медведей), курили бы высушенный навоз, построили бы избушку... А когда перемрут дети и старики, женщины (родами в антисанитарных условиях), можно будет, загадив и спалив поллеса, вернуться в ещё не до конца сгнившую цивилизацию и сесть за докторскую... Но писать её гусиным пером, потому что компьютеры — тоже символ гниения цивилизации?!

Все мои полусутопливые ремарки призывают серьёзно переделать работу А.Н. Агальцова перед её возможной защитой. Пока она к ней совершенно не готова. Автору необходимо продолжить знакомство с литерату-

³¹⁴ См.: Бужилова А. Homo sapiens: история болезни. М., 2005.

рой и источниками по своей теме, большей части которых он пока не знает. Самое же главное, что выводы автора пока носят антинаучный, даже нелепый характер. На правах рукописи автореферата и, наверное, диссертации эта работа в существующем виде не отвечает критериям Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России относительно такого рода квалификационных исследований.

СТАРАЯ НОВАЯ ВЕРА

Отзыв

*на автореферат диссертации Л.В. Тюриной
«Государство и Русская православная церковь:
эволюция отношений. 1917–2000 гг.», представленной на
соискание учёной степени кандидата исторических наук
по специальности 07. 00. 02 — «отечественная история»*

Кандидатская диссертация Л.В. Тюриной принадлежит к числу первых отечественных работ, переводящих разговор о судьбах и перспективах Русской православной церкви с уровня идеологическо-публицистического на уровень фактографически-аналитический. Вряд ли стоит доказывать всю сложность, едва ли не обречённость попыток согласовать старые и новые, богословские и светские, разноконфессиональные и свободомысленные подходы к подобному анализу. Взять для показательного примера следующий тезис автора: с её точки зрения, в 1920-е – 1930-е гг. «крайности допускались как с одной, так и с другой стороны, что характерно для любого периода крупных социальных перемен» (с. 18). Надо понимать: крайности атеистов — лишение верующих и церковнослужителей членства в профсоюзах (а значит, и пищи-пайков) и вообще работы, их аресты, лишение свободы и убийства (в 1930-е годы ежегодно тысячами в каждой области СССР, судя хотя бы по данным курских историков В.Г. Карнаевича и В.В. Ракова) — только за то, что они исправно посещали церковные службы, а «крайности» верующих — упорное следование церковной обрядности. В этой связи обращу внимание начинающего историка на декларируемый ею принцип объективности (с. 12). Что бы ни писали наши диссертанты («с одной стороны, с другой стороны»), забыть и простить бессмысленные убийства и унижения массы наших соотечественников по конфессиональным поводам здравомыслящие русские люди никогда не смогут! (Что, оговорю, вовсе не предполагает идеализации теории и практики российского православия, в том числе недавно принятой его социальной доктрины). Надо же различать такие «крайности», как словесное проклятие, изречённое какой-нибудь богомольной бакой по адресу безбожных «комиссаров», и ответную пулю в голову провинившейся в такой «крайности» женщине...

В остальном автореферат позволяет судить о диссертации вполне положительно. Автором привлечён богатый и разнообразный архивный материал, он логично обобщён на убедительной модели ЦЧО региона. Кому-то могут показаться слишком пространными хронологические рамки исследования. Эскизность и лакунарность действительно ощущаются местами в тексте автореферата. Зато эта работа вскрывает масштабные тенденции, намечает этапные моменты церковно-политической истории нашей страны в XX столетии. Материалы диссертации способны помочь в препо-

давании курского краеведения в средней и высшей школах (тем более, что соответствующее учебное пособие уже опубликовано автором).

Несколько частных замечаний: заявленный к применению автором «текстологический метод» применительно к документам XX в. вызывает у меня сомнения. Если диссертантка действительно какие-то из них переатрибутировала и стеммировала, мои сомнения окажутся напрасными. Заметку некоего В.М. Меньшикова из областной газеты со спорным призывом включать закон божий в программы общеобразовательных муниципальных школ не стоит уравнивать с исследовательскими работами по истории курской церкви (с. 10). Трактровка Л.В. Тюриной Закона РФ (Не «РСФСР», как почему-то указано на стр. 3) «О свободе совести...» 1997 г. по части преподавания религиозных дисциплин в государственных и муниципальных образовательных учреждениях (не «объединениях», как там же написано) представляется мне более чем спорной. Сошлюсь на основополагающую формулировку Конституции России 1993 г.: «РФ — светское государство, в котором никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной и обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» и т.п.

Впрочем, спорность, эвристичность тех или иных моментов работы, посвящённой столь сложной и противоречивой теме — это скорее достоинство её изучения и изложения автором. На мой взгляд, Л.В. Тюрина вполне заслуживает присвоения ей искомой учёной степени кандидата исторических наук. Её диссертация соответствует требованиям Высшей аттестационной комиссии РФ и недавно опубликованному новому «Положению о диссертационном совете» Министерства образования Российской Федерации.

6 сентября 2000 г.

БОГ АРХЕТИПОВ

Отзыв

на диссертацию Н.В. Фишбейн

*«Социально-философский анализ психоаналитической концепции К.Г. Юнга», представленной на соискание учёной степени кандидата философских наук по специальности 09. 00. 11 — социальная философия*³¹⁵

За 1990-е – 2000-е годы в России были изданы переводы почти всех основных произведений К. Юнга, а это был из ряда вон плодovitый автор. Комментарии и переводы к юнговским текстам далеко не всегда выполнялись специалистами того уровня, которого эти тексты требуют. К сожалению, его работы пополнили не только вполне академические книжные серии, но и изобильно затесались на пёстрые прилавки паранаучной литературы. Философский анализ мировой юнгианы российскими авторами только начинается. Поэтому надо одобрить появление рецензируемой диссертации — она вполне актуальна. В ней собран большой и разнообразный материал по творческому наследию Юнга и тому идейному контексту, что его породил и принял в свой состав. Соискательница учёной степени добросовестно проанализировала и обобщила большинство переводных работ Юнга и некоторые из тех, что пока на русский не переводились. К предмету своего исследования она подошла системно, рассмотрела его весьма обстоятельно, высказала целый ряд новых, оригинальных суждения по поводу значения идей Юнга для современного человекознания.

Поскольку квалификационный «рубикон» накопления материала Н.В. Фишбейн, по-моему, перейдён, я бы рекомендовал допустить её диссертацию к защите. При том, однако, условии, что она скрупулёзно выполнит пожелания рецензентов по доработке текста, а результаты такой переработки проверит её научный руководитель профессор Б.Ф. Сикорский. Мои собственные пожелания, представляемые на усмотрение диссертантки, таковы. Тема работы представляется мне слишком широкой для кандидатского сочинения. Это, скорее, тема для учебного пособия. В этой связи выскажу сомнение в необходимости первой главы, по крайней мере, в таком развернутом виде, как сейчас. Про вклад З. Фрейда и К. Юнга в мировую психологию и философию написаны сотни книг. Писать ещё одну можно, но диссертабельна ли будет она? Настоящая тема этой диссертации, по-моему, ближе всего к заглавию третьей главы. Её бы и расширить. Скажем, за счёт таких сравнений, как «Юнг и Г. Гессе “на пути в страну Востока”»; «Мистическая философия в России и юнгианство» (или наоборот); каких-то ещё похожих.

Выводы в конце параграфов и глав выглядят слишком кратко, в них нередок чуждый даже гуманитарной науке пафос (Юнг всё-таки учёный,

³¹⁵ Отзыв рецензента, данный по просьбе диссертационного совета.

мыслитель, а никакой не «борец за идеалы Самости человечества»). Словесные преувеличения (вроде: «Озарённый гениальной догадкой, Леви-Брюль признал...») нетрудно будет отредактировать. Равно как и просто неуклюжие речевые обороты («Из философов XIX в., он нашёл язык Гегеля слишком утомительным»).

Вполне понятная увлечённость исследовательницы своей темой («Юнг и мистическая традиция») порой перерастает в неразборчивость оценок. Я всегда призывал коллег по постклассической теории познания рассматривать мистику как объект изучения, а не повод для соучастия. Можно и нужно, допустим, писать о Р. Штайнере как вожде одной из волн мистического движения, но не стоит называть его «исследователем». Он и ему подобные (А. Блаватская, С. Гроф, К. Кастанеда, даже М. Элиаде и ещё худшего сорта авторы) — главы новоявленных, квазирелигиозных сект или же публицисты-визионеры, а никакие не учёные-душеведы, даже не философы в том смысле, в каком были ими выдающиеся религиоведы и теологи, вроде того же Юнга.

Наконец, не могу не отметить второстепенного с виду обстоятельства: прочитанный мной текст оформлен крайне небрежно (куча разномастных листков, без правильных ссылок, нумерации страниц и т.д.). Настолько небрежно, что даже браниться по этому поводу мне не хочется.

Как видно, мои замечания направлены в основном к редакционной правке кандидатской диссертации Н.В. Фишбейн. По содержанию же этой работы я полагаю её достойной рекомендации к защите в диссертационном совете.

20 сентября 2000 г.

ФИНАЛ ЧЕЛОВЕКА — СТАРТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

*Отзыв о диссертации Д.П. Кузнецова
«Проблема социально-антропологического финализма в русской
религиозной философии», представленной на соискание учёной степени
кандидата философских наук
по специальности 09. 00. 11 — социальная философия³¹⁶*

Тема диссертации Дмитрия Петровича Кузнецова удачно сочетает в себе традиционность и новизну. Хотя подобные моменты отечественной и зарубежной философской классики, каковы богословская эсхатология, мистическая апокалиптика, социальный катастрофизм, утопическое проектирование будущего, мистическое пророчество о грядущем и прочее в этом пессимистическом духе., так или иначе рассматривались в целом ряде общих и специальных исследований, но в столь системном и конкретном выражении данная тематика подаётся, сколько мне известно, впервые. А такое — действительно новая по теме монографическая работа — в нашей российской литературе по социальной философии бывает, надо признать, не часто.

Работа Д.П. Кузнецова представляется одной из самых интересных, концептуальных среди тех кандидатских диссертаций, с которыми мне приходилось знакомиться за последние годы. Если угодно, она ближе всего к философскому исследованию как таковому. А именно, в ней присутствует не только реферат первоисточников да привычные формы их анализа (дефиниция центрального понятия, классификация рассматриваемого явления, его функции и так далее), как в иных нынешних диссертациях, а и собственные размышления автора о проблемах конца человеческой истории, путях развития общества и человека в свете классического философского наследия.

Отобранные для интерпретации авторы — В.С. Соловьёв, Н.Ф. Фёдоров, В.Ф. Эрн, Н.А. Бердяев — необходимы и достаточны для раскрытия заявленной темы. Их тексты рассмотрены диссертантом весьма полно и подробно, сопоставлены с предшествующими и последующими образцами философствования на эсхатологические темы. Русское Слово на сей счёт поставлено автором в стык с общеевропейской философской традицией.

Особого внимания заслуживают теоретико-методологические предпосылки и рамки данного исследования — понятие вненаучного знания и познания; иные, чем классическая наука, типы рациональности, — через идейную призму которых автор рассматривает возможности человеческого и общественного финализма. Как видно, только преодолев сциентизм и утрированный позитивизм прежних методов историко-философского ана-

³¹⁶ Отзыв, предоставленный в диссертационный совет по философии в МВТУ имени Н.Э. Баумана, где успешно прошла защита этой диссертации.

лиза, возможно объективно рассматривать столь альтернативные научным прогнозам варианты философствования, как финалистско-эсхатологичные. Благодаря так называемому вненаучному подходу автору удаётся выявить идейные, мировоззренческие предпосылки рассматриваемых концепций русских философов и объяснить их актуальность, аргументированность.

Нельзя не заметить, что эта работа о конце истории завершена её автором в последнем году уходящего века и целого тысячелетия. Как ни странно, философы пока не уделили этому поистине смысложизненному явлению должного внимания. Преобладают публицистические, поверхностно-легкомысленные суждения на сей счёт в средствах массовой информации, популярной и художественной литературе. Чтение таких работ, как рецензируемая диссертация Д.П. Кузнецова, помогает разобраться с тем, что в человеке и обществе в связи с пресловутым миллениумом кончается навсегда, а что только начинается.

Разумеется, кроме похвал рассматриваемой диссертации, при её чтении возникают некоторые претензии и вопросы к тексту. Так, общетеоретический зачин работы ограничивается культурным наследием Европы. Между тем исходные темы общественного катастрофизма (вроде всемирного потопа и прочих вселенских потрясений) уходят своими корнями в предфилософию Древнего Востока, начиная с Междуречья (эпос о Гильгамеше) и Египта (папирусы типа «Песни арфиста») и вплоть до известной нирваны буддистов. Переключку Востока и Запада в рассматриваемом вопросе диссертанту следовало хотя бы отметить. Отнесение диссертантом Междуречья Тигра и Евфрата к «бассейну Средиземного моря» (стр. 20) проблематично.

Одобрив выше выбор вненаучных, атеоретических посылок анализа темы социоантропологического финализма, стоит вместе с тем обратить внимание автора на известную недооценку им научно-позитивистского подхода к той же тематике. Ведь пророчества не могут и не должны отменять прогнозов, в том числе по части ожидаемых концов чего бы то ни было, включая самих пророка и прогнозиста. Рационалистический анализ проблемы конечности личности и социума дополняет мистико-мифологемный опыт освоения её же, на котором сконцентрировано внимание диссертанта. К тому же между вненаучным и (естественно)научными типами знания лежит знание гуманитарное или же духовно-практическое, сочетающее так или иначе истину и ценности.

На стр. 85 диссертации заявляется, будто «эсхатологическое сознание традиционно сильно в России, начиная с периода Московского царства». Между тем соответствующие настроения восходят ещё к периоду домонгольской Руси, они ярко представлены в менталитете авторов первых русских летописей, богословских поучений и церковных житий, для которых разного рода беды и смуты, терзавшие Русь и её народы, — кара Божия и прелюдия Страшного суда за грехи человеческие.

При изложении теории Н.Ф. Фёдорова провозглашённое им «вокрещение отцов» — важная, но далеко не единственная, не самодостаточная

идея финалистского плана. Этого сугубо русского мыслителя интересовала не только борьба со смертью, но и усовершенствование жизни (просвещение народа, музеефикация и охрана исторических памятников и похожие культуртрегерские акции). В этой связи обратим внимание диссертанта на то, что, уделив заслуженное внимание финализму, так сказать, стратегических (вселенских, социумных) масштабов, он, кажется, недооценивает конечность отдельных фрагментов природы и культуры, так сказать, эволюционный катастрофизм. Между тем люди, пока живы, сталкиваются чаще всего именно с такого рода соразмерными их быту, а значит, и бытию утратами: близких людей, духовных ценностей (любви, дружбы и т.п.), материальных благ. Что вносит весомую лепту в формирование тех финалистских умонастроений, что изучаются в данной диссертации. Беспереывная цепочка мелких утрат в антропологическом плане стоит одноразового конца света.

Должно быть, стоило рельефнее подчеркнуть влияние исторической концепции С.М. Соловьёва на взгляды его сына В.С. Соловьёва по поводу конца истории после её перехода от варварства к цивилизации. В наши дни этот тезис эксплуатируют Ф. Фукуяма и прочие теоретики постиндустриальной волны. А кроме того, прошлые и нынешние варианты социализма и коммунизма с их верой в «гибель старого мира» и «светлое будущее» для трудящихся масс. Кстати, коммунистические варианты окончания (пред)истории проанализированы диссертантом на стр. 34–35 только применительно к XIX в., тогда как общественно-политической практикой они проверялись в основном в XX в.

Наконец, в «Заключении» к диссертации видимые автором перспективы продолжения проведенного в ней исследования намечены всего лишь одним абзацем на стр. 155. Стоило бы изложить их подробнее. Тем более, что постмодернистские веяния в современной философии и искусстве всюду тиражируют именно эту финалистскую проблематику.

Сделанные нами замечания представляются вполне устранимыми, либо пожеланиями для будущей работы автора над заявленной в диссертации темой. Эта диссертация обладает высокой степенью научной новизны и практической значимости. Выводы автора разносторонне опубликованы, апробированы на нескольких представительных научных конференциях, в курсах лекций, читанных им в Курском медицинском университете на протяжении последних лет. После определённой редакторской правки диссертацию было бы полезно издать в виде монографии³¹⁷. Она пригодилась бы исследователям и преподавателям социальной философии и культурологии, была бы интересной для более широкого круга читателей серьёзной гуманитарной литературы.

5 марта. 2001 г.

³¹⁷ Пожелание осуществилось: *Кузнецов Д.П.* История и человек. Проблема завершённости и совершенства в русской религиозной философии. Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2005.

СОН О СНЕ

Отзыв

на автореферат диссертации А.В. Львова
«Феномен сновидений в философской антропологии
(на материале античной философии)»,
представленной на соискание учёной степени
кандидата философских наук
по специальности 09. 000. 01 —
религиоведение, философская антропология,
философия культуры³¹⁸

«Снится мне, что мне снится, как еду по длинной стране
Приспособить какую-то важную доску к сараю.
Перспектива из снов — сон во сне, сон во сне, сон во сне.
И курю в огороде на корточках, время теряю».

С. Гандлевский.

«Не сменит ли пластинку? Но родина снится опять».
1987 г.³¹⁹

³¹⁸ А.В. Львов был моим аспирантом и преподавателем на кафедре, которой я заведовал. В положенный срок он написал диссертацию, тему для которой придумал сам, что для аспирантов редкость. Когда подошла защита, я, как положено, сочинил для неё отзыв научного руководителя. Но, опять же как всегда, потребовалось несколько отзывов со стороны. В Петербурге, тогда ему незнакомом, Александр Валерьевич «отзовистов» не нашёл и обратился ко мне за помощью. Я обратился к нескольким коллегам, но все потребовали так называемых «болванок» (термин «рыба» мне почему-то нравится меньше). Я их накатал, подписал у мнимых «авторов» и онигодились на защите. Но Александру Валерьевичу я не сказал, кто был истинным автором отзывов, а он возмутился теми замечаниями, что эти отзывы содержали. Чтобы проиллюстрировать типичнейшую сегодня, к сожалению, практику позорных для юридических «авторов» «болванок», я привожу здесь один из этих текстов. Кто именно его подписал из курских философов, уже не помню. Кто-то из сельскохозяйственной академии или же из курского института бизнеса.

Заявляю, пользуюсь случаем, что сам я ни разу не использовал чужих заготовок для своих выступлений как оппонента или рецензента. Зато за других коллег написал такого рода «обманок» множество.

А.В. Львов успешно защитил диссертацию в Санкт-Петербургском государственном университете. Его работа была опубликована в Санкт-Петербурге, в одном из университетов которого он теперь и трудится.

³¹⁹ Как раз тогда, когда я редактировал этот отзыв в последний раз перед сдачей книги в печать, сын привёз мне из Москвы сборник Сергея Гандлевского «Опыты в стихах» (М., 2009), пролистав который, я неожиданно для себя на с. 102 нашёл стихотворение с подходящим эпиграфом. Ещё один, пусть маленький, пример очаровательной мистики жизни.

Употреблённое поэтом выражение встречалось ранее, в частности в кн.: Ахматова А.А. Из трагедии «Пролог, или Сон во сне» / Предисл. А. Синявского // Раскованный голос. К 75-летию А. Ахматовой // Новый мир. 1964. № 6.

Тема этой диссертации, ясное дело, актуальна, причём во все времена. Кому из нас, хоть мыслителей, хоть обывателей, не любопытен сумрачный мир сновидений!?. Первая заслуга автора этой работы, как вполне ясно по её автореферату, состоит в том, что он сумел, с одной стороны, учесть богатейшую историю рассмотрения феномена сновидений в истории философии и психологии, а с другой, — нашёл возможность предложить собственную, во многом оригинальную концепцию данного феномена. Главная идея диссертации может быть понята как диалектическое повторение античного понимания сновидений в новейшей философской антропологии, в первую очередь французской («понимание сновидений сквозь призму телесности» (с. 8)). Заявленный подход, на мой взгляд, вполне оправдал себя, и диссертация получилась явно содержательной, интересной. Пожалуй, перед нами перспективный проект оформления онейрологии как относительно самостоятельного раздела современной философии. А вместе с тем — здесь дана методология осмысления того богатейшего материала (отчасти отражённого в автореферате), который накоплен о мире сновидений в отдельных гуманитарных науках (фольклористике, этнографии, истории, психологии и других).

Стилистика текста автореферата в целом академична и выразительна, но допускает отдельные инфантильные обороты («именитые учёные», «выдающиеся философы А. Шопенгауэр и др.» (с. 5) — так пишут студенты. А вот о том, что авторские выводы де «дополняют философию культуры в целом» (с. 9) — так, пожалуй, не дерзнут заявить даже академики.

Автор проработал много источников и литературы по своей теме. Странно, однако, что в автореферате не указаны работы его научного руководителя — профессора С.П. Щавелёва. Между тем идеи этих работ — о практическом познании, мире повседневности, духовной практике — заметны даже в реферативном изложении диссертации. В академической сфере принято более уважительное отношение к своим учителям в науке и педагогике. Впрочем, юношеский максимализм относительно предков с годами обычно проходит.

Феномену сновидений посвящено множество работ, как общепсихологических, так и конкретно-научных. Кому-то могло даже показаться, что труды таких классиков онейрологии, каковы З. Фрейд или К.Г. Юнг, эту тематику в основном исчерпали. Однако автору диссертации, с чьим авторефератом нам довелось познакомиться, удалось убедительно вернуть теме сновидений актуальность, проблемность. Автореферат читается как целостная, законченная брошюра на тему «Философия сна». Из текста ясно, что диссертант представил в автореферате своего рода «вершину айсберга» — того массива философской и научной литературы, которую он освоил, работая над темой. Весьма подробно, с опорой на текстологию произведений Гомера, Платона, Цицерона, Тертуллиана и некоторых других античных авторов, реконструирована греко-римская модель сновиде-

ний. Не помешало бы добавить сюда некоторые тексты Аристотеля, а также стоиков и гностиков.

Кроме античного периода, довольно подробно пересказаны автором взгляды психоаналитиков и, особенно, так называемых постмодернистов. То, что представлено в автореферате, не вызывает у нас особых возражений, читается с интересом. Однако не совсем понятно, почему автор «перепрыгнул» из древности прямо в XX век, а не остановился, хотя бы конспективно, на средневековых, просвещенческих, классических — идеалистических и материалистических, усреднённых — феноменологических объяснениях механизма снов, их влияния на «дневную жизнь» человека и всей культуры. Впрочем, на отборе материала сказались, видимо, стандартные размеры кандидатского сочинения. А также нынешняя философская мода на М. Фуко и его присных в европейской философии.

Отмеченные шероховатости изложения отнюдь не снижают общего благоприятного впечатления от работы А.В. Львова. Чтение её автореферата позволяет рекомендовать соответствующему диссертационному совету присудить соискателю искомую учёную степень кандидата философских наук. Его диссертация и публикации к ней вполне соответствуют новым, ныне действующим требованиям Высшей аттестационной комиссии России к претендентам на данную учёную степень.

ЧЕЛОВЕК НА ПЕНСИИ

*Отзыв официального оппонента на диссертацию А.В. Кульчицкого
«История пенсионного обеспечения россиян за 1827–1917 гг.»,
представленную на соискание учёной степени кандидата исторических
наук
по специальности 07. 00. 02 — отечественная история*³²⁰

Занимаясь историографией российской гуманитарной науки, мне пришлось составить несколько десятков биографических очерков учёных, живших в XIX – начале XX в.³²¹ Многие из них дожили до пенсии и получали её. Собранные мной на сей счёт архивные материалы в деталях подтверждают некоторые заключения автора настоящей диссертации. Например, профессор Д.Я. Самоквасов, выслужив льготную (по срокам получения) пенсию в Царстве Польском, на посту профессора, затем декана юридического факультета Императорского Варшавского университета, перешёл на службу директором Московского архива министерства юстиции (ныне РГАДа). В результате он получал из казны ежегодно 5000 рублей. Половину этой суммы составляло его деканское жалование, превратившееся в законную пенсию, а другую половину — жалование по новому месту службы. По тогдашнему курсу рубля и ценам это была очень солидная сумма, в тысячи раз превосходящая нынешнее пенсионное обеспечение российской профессуры. Вот вам и «отсталая царская Россия», которая заботилась о высшей школе и науке гораздо щедрее нынешних руководителей страны. Правда, и университетов тогда было в тысячу раз меньше, чем теперь...

Актуальность темы диссертации вне сомнения, как исторически, так и актуалистически. Во-первых, специальных *исторических* исследований процесса пенсионного обеспечения в России до сих пор не проводилось (как отмечает диссертант, об этом имеются диссертационные работы юристов, трактовавших соответствующее законодательство, но отнюдь не процесс его применения в полном объёме), хотя источниковая база и примыкающие к ней дореволюционные издания, скорее публицистического толка представлены вполне репрезентативно. Зато тогда пенсионное законодательство в нашей стране беспристрастно сравнивалось с аналогичной практикой в Западной Европе (что было характерно и по всем остальным важным проблемам общественной жизни — от реформирования архивов

³²⁰ Отзыв оглашён на защите, ранее не публиковался.

³²¹ См., если угодно: *Щавелёв С.П.* Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. II. «Золотой век» губернского краеведения: 1860–1910-е годы. Курск, изд-во Курского медицинского ун-та, 1997. 140 с.; *Его же.* Историки Курского края. Биографический словарь. Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2009. 468 с.

до промышленных технологий; все специалисты руководящего звена проходили тогда стажировку за рубежом).

Во-вторых, именно сегодня наша страна пытается раз за разом усовершенствовать свою пенсионную систему, а единодушия, надежды на успех на сей счёт ни «коридорах власти», ни в общественном мнении не наблюдается. Высказывания руководителей государства и публичных политиков на сей счёт контрастируют с прогнозами большинства авторитетных экспертов. Первые заверяют народ, что средства пенсионного фонда никогда не оскудеют, а пенсионный возраст не будет повышаться в обозримом будущем ни в коем случае. Специалисты же подсчитали, что если сегодня в России на одного пенсионера приходится двое работников, то к 2030 г. соотношение станет один к одному. При консервации существующей системы пенсий уже лет через 10 дефицит её вырастет до 7% ВВП. Между тем повысить социальные выплаты за счёт бизнеса невозможно уже сейчас: пресловутые 34% приводят к его уходу в финансовую тень или просто прекращению. Без радикальных реформ невозможно будет добиться стандарта Международной организации труда — 40% от средней зарплаты по стране. Напротив, пенсии неминуемо начнут снижаться, так что об их индексациях скоро придётся забыть. Притом что в России самый низкий в цивилизованном мире пенсионный возраст. В США и мужчины, и женщины уходят на отдых в 65 лет, а родившиеся после 1960 г. будут работать до 67. То же самое в ФРГ. Во Франции можно стать пенсионером в 60, только имея трудовой стаж в 40 лет. В Англии и того пуще: мужчины — 65 лет при стаже в 44 года; женщины — 60 при стаже в 39 лет. В Испании для всех 65 лет. В Венгрии — 62. В Китае же вообще нет общегосударственной пенсионной системы — на содержание после прекращения трудовой деятельности могут рассчитывать только сотрудники госпредприятий и крупных компаний. Нигде в мире нет стольких категорий работников, имеющих право на досрочную пенсию, как у нас (северные области, вредные производства, армейские, силовые структуры). Просто повысить пенсионный возраст в России затруднительно не только из-за избирательных рейтингов «партии власти», но и потому, что средний возраст жизни и её качество в старости у нас очень плохи. Даже те немногие мужчины, которые доживут до седьмого десятка лет в своём большинстве будут отличаться гораздо худшим здоровьем, по сути инвалидностью по сравнению со своими сверстниками в Европе или в Японии.

Среди независимого экспертного сообщества рождается несколько концептуальных предложений в этой ситуации: повысить минимальный трудовой стаж для обычной трудовой пенсии (сохраняя социальную пенсию для лишившихся трудоспособности); ввести повышающие коэффициенты для тех, кто хочет и может работать дольше установленного пенсионного срока; качественно повысить лекарственное и вообще меди-

цинское обеспечение пенсионеров за счёт бюджетного софинансирования³²². Как видно, все и подобные меры возможны только при широких и глубоких преобразованиях российской экономики, чего в последнее десятилетие не замечается.

Так что проанализированный в этой диссертации опыт может пригодиться на практике, политической, юридической, социальной. Подобное сочетание безусловной научной, академической актуальности с полезностью для сегодняшней жизни вообще характерно для работ учеников профессора А.Н. Курцева, число которых, успешно защитивших под его руководством диссертации, приближается к трём десяткам.

Одним из примеров того, какие уроки могут сегодняшние политики извлечь из истории российских пенсий, является вопрос о сочетании обязательной и накопительной частей пенсий. Попытка ввести эти последние у нас пока испытывает серьёзные трудности. Многие эксперты склоняются к мысли об отказе от накопительной части формирования пенсий как неэффективной, не поддержанной большинством населения. Однако пенсионная история учит, — и это прекрасно видно из настоящей диссертации, — что пенсионные реформы во все времена и во всех странах мира — одни из самых длительных, они по определению рассчитаны на несколько поколений.

Историографическое введение к диссертации отличается завидной полнотой и точностью оценок работ предшественников автора. Сейчас по большинству диссертационных тем уже имеются вполне аналогичные исследования, и всё новые и новые диссертанты буквально из пальца высасывают новизну своего подхода к давным-давно измусоленным специалистами темам. В нашем случае имеет место действительно первая специальная и комплексная работа по истории пенсионного обеспечения наших сограждан с момента зарождения такового в России и до его радикальной перестройки после революции. Тут заслуга и научного руководителя, точно поставившего перед молодым исследователем задачу; и самого диссертанта, эту задачу успешно решившего.

К источникам изучения относились не только печатные акты (законы, циркуляры, отчёты, уставы и т.д.), но и солидные по объёму и точности отбора архивные фонды из областных и центральных хранилищ (в первую очередь ЦГИА, ГАКО) документов.

Эта диссертация спланирована и выполнена по впечатляюще лапидарному плану: помимо обязательных вводных разделов, работа состоит

³²² См., например, авторитетное мнение ректора ГУ – ВШЭ Я. Кузьмина: «Начиная с 1915 г. можно переходить к модификации существующей солидарной пенсионной системы. Это постепенное повышение пенсионного возраста до 63 лет; увеличение стажа, необходимого для льготного (раннего) выхода на пенсию ряда категорий работников; и наряду с этим повышение порога дохода, с которого человек перестаёт участвовать в солидарной системе с нынешних 450 тыс. до 650–700 тыс. в год. Эффект этого — до 2,5% ВВП высвобождённых бюджетных денег, но эти деньги освободятся не раньше 2020 г.» (Известия. 2011. № 106. С. 4).

из двух глав, соответствующих разным типам пенсионного обеспечения в старой России (с преобладанием либо фиксированно-государственной, либо накопительно-общественной форм). Каждая из этих глав разделена на два параграфа, вкуче отражающих все основные категории тогдашних пенсионеров: военнослужащих, гражданских чиновников, православного духовенства и земских служащих. Тем самым, учитывая содержательность и аргументированность каждого из названных разделов, заявленная тема раскрыта в диссертации полностью и предельно доказательно.

По каждой категории пенсий подробно рассмотрены: история её юридического обеспечения; финансовая динамика; типичные разновидности пенсионеров; исключения из пенсионных правил; яркие примеры лиц, получивших пенсии того или иного типа. В результате картина пенсионного обеспечения россиян до революции в диссертации нарисована близкая к исчерпывающей. Особенно важно для науки и актуально для практики то, что автор не останавливается на формально-юридическом контексте проблемы и на её финансовой общей статистике, а показывает, как совершенствование пенсий военным, полицейским, земцам и другим категориям работников повышало их служебную мотивированность, добросовестность. Иначе говоря, правильная пенсия показана одним из важнейших факторов социальной стабильности, эффективности государственной политики и модернизации общественного устройства.

Исследование основано на правильной выборке материала источников и литературы: помимо общероссийского законодательства и соответствующей ему публицистики, сравниваются две губернии: промышленная, столичная Петербургская, и провинциальная, торгово-аграрная Курская. Тем самым наблюдения и выводы автора получают действительно общенациональный масштаб.

Что касается критических замечаний в отношении этой диссертации, то они у меня носят в основном характер пожеланий — того, что ещё *можно было бы рассмотреть* для более полной картины пенсионного обеспечения наших соотечественников лет двести–сто назад. Но и без нижеследующих дополнений работа носит законченный и готовый к защите характер. А мои замечания автор может учесть на будущее, ведь у настоящего исследователя первая диссертация — не последняя стадия на пути в науку, а скорее начало восхождения к её вершинам.

Итак, пусть автор подумает над следующими тезисами.

- Помимо обязательных по закону государственных и добровольных общественных форм обеспечения в старости и при утрате работоспособности, у населения, по крайней мере какой-то его части, всегда были, есть и будут некие формы самообеспечения типа ренты на указанные периоды и случаи жизни. Скажем, проценты на вклады в банках (где проценты могут быть выше, чем в эмеритальных кассах и т.п. объединениях); накопления, что называется, «в кубышках», откуда можно мало-помалу брать на прожитье какое-то время; сдача в наём излишнего жилья; залог ценного иму-

щества; материальная помощь со стороны взрослых детей и других родственников (что господствовало в прежней русской деревне, среди крестьян, пенсий вовсе не получавших); и т.д. Вплоть до помещения мало- и нетрудоспособных лиц в разного рода дома призрения, богадельни, как раньше говорили, или интернаты, как называют эти учреждения сегодня. Кажется, известный Литературный фонд возник ещё до революции и пытался оказывать помощь престарелым литераторам и их нетрудоспособным наследникам. Вообще благотворительство в старой России довольно широко распространялось на стариков и инвалидов, и автору стоило обратить на это внимание.

Иначе говоря, понятие пенсии стоит расширить с «денежных сумм», так или иначе накопленных (С. 4), *до любых форм материального обеспечения* нетрудоспособных по старости, инвалидности или потере кормильцев лиц. Можно назвать эти формы *самообеспечения* дополнительными или альтернативными источниками существования стариков и инвалидов. Роль таких скрытых форм материальной поддержки стариков растёт в переходные и кризисные периоды, когда официальные пенсионные фонды становятся недостаточно эффективными, близкими к банкротству.

- Обосновывая актуальность своей работы, автор верно отмечает необходимость сегодня учитывать «положительные уроки организации государством пенсионных услуг в досоветское время» (С. 3). Однако были, скорее всего, и уроки отрицательные, недостатки и ошибки в этой сфере государственной и общественной жизни. Например, пенсиями не охватывалось духовенство иных конфессий, нежели православная. Ещё показательнее историческая последовательность отбора тех категорий населения, которые для российского государства казались важнее прочих и раньше этих прочих получали пенсии: моряки, потом остальная армия; затем гражданские чиновники и священнослужители; наконец, общественные деятели-земцы. Перед нами ещё одно свидетельство медленной эволюции милитаризированного государства к государству правовому и гражданскому обществу. Эволюции, так и не дошедшей до своего логического завершения. Подобным недостаткам в диссертации уделено меньше внимания, что несколько ограничивает объективность рассмотрения.

- В продолжение предыдущего предложения отмечу, что стоило хотя бы конспективно отметить *зарождение дополнительных форм пенсионного обеспечения* тех категорий россиян, которые до революции пенсионным законодательством не охватывались, в первую очередь наёмных рабочих (кассы взаимопомощи и т.п. общественные начинания); представителей творческой интеллигенции; иноэтничных диаспор (начиная с еврейской и мусульманской — материальная поддержка престарелых соотечественников, группировавшихся вокруг синагоги или мечети).

- Любопытно было бы поискать в источниках и литературе вопроса, как относились к пенсионному обеспечению своих соотечественников представители оппозиционных общественных сил и политических объеди-

нений, которые так или иначе боролись с самодержавием. Включали ли соответствующие пункты в свои программы такой борьбы либералы или радикалы, от кадетов до большевиков и анархистов.

По сути, это все мои замечания автору.

Как, наверное, в любой нынешней диссертации, в этой прочитывается некоторое количество стилистических погрешностей. Наверное, молодые исследователи в своём большинстве не отличаются той же скрупулёзностью, которую у старшего поколения учёных воспитал советский авторитаризм. К тому же неизбежно меняется язык, на котором говорят и пишут представители разных поколений. И всё же отмечу в заключение некоторые примеры мелких стилистических сбоев. Так, допускаются излишние, на мой вкус, аббревиатуры: «госслужащие», «зарплата», «госпенсии» и т.д. Так до революции не говорили. Точнее, подобная мода появилась с началом Мировой войны и по ходу революции дошла до своего апогея. Это чёрточка советского «канцелярита», как назвал эту «болезнь русского языка» К.И. Чуковский. Раньше немыслимо было сказать «вуз» вместо «университет», а теперь это становится нормой...

Между прочим, «симптомы» той же речевой «болезни» заметны и у наставников диссертанта по той университетской кафедре, где работа выполнялась. В названиях их изданий присутствует не характерная для интеллигентной речи выпренность, манерность. «Студенческий потенциал в исторической науке». «Потенциал» по латыни — «сила», «мощь». Здесь просто сборник студенческих работ. «Проблемы научного творчества учёных кафедры истории России». Не чувствуют коллеги, что нескромно говорить «моё творчество», ни один нормальный академик так не скажет. Академик же Л.Д. Ландау говаривал, что «учёным» бывает кот или пудель, а мы научные работники. Может, это и перебор, но определение «творчество» уместно лишь применительно к юбилярам или покойникам, когда надо подчеркнуть наше уважение к заслугам некоего ветерана. А тут более или менее молодые люди. А если вчитаться во всё название, то по-русски получается, что с творчеством у этих преподавателей проблемы... То есть затруднения. Написали бы: темы, вопросы.

Вот и наш диссертант местами пишет о себе в третьем лице: «ценные авторские обобщения» (С. 11); «важнейшие результаты исследования» (С. 12). Пусть обобщения действительно ценные, результаты важные, но писать об этом уместно оппонентам, рецензентам, а не самому автору.

Я останавливаюсь на этих мелочах потому, что считал бы полезным публикацию этой диссертации в виде монографии. Такая книга без сомнения найдёт немало читателей, и не только специалистов-гуманитариев, но и представителей государственного управления, из общественно-политической сферы. Вот при издании и можно будет снести в текст кое-какие поправки стилистического толка.

Наблюдения и выводы А.В. Кульчитцкого по теме его диссертации полно отражены в его многочисленных публикациях во вполне академиче-

ских изданиях и в докладах на представительных научных форумах. Перед нами законченное, оригинальное научное исследование, сполна заслуживающее искомой учёной степени по заявленной специальности. Призываю коллег по диссертационному совету поддержать высокую оценку этой работы и присудить Алексею Владимировичу Кульчитцкому учёную степень кандидата исторических наук по специальности «отечественная история».

3 июня 2011 г.

НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ

*Отзыв на автореферат диссертации Ю.В. Озерова
«История погребальной культуры российской провинции
в конце XIX – начале XX веков (На примере Курской губернии)»,
представленной на соискание учёной степени кандидата исторических
наук по специальности 07. 00. 02 — отечественная история³²³*

Тема диссертации, что ни говори, мрачновата. Мало кто посвятит свою жизнь в науке покойникам и могилам. Однако историк — своего рода клиницист общественной жизни, и он не должен отворачиваться ни от каких её сторон. Тем более что это направление — можно назвать его некроисторией — имеет солидную историографию, в которую весьма органично вписываются штудии диссертанта.

Почти все наши отзывы на диссертации абстрагируются от личностей диссертантов. Приходит к тебе юноша, приносит работу, ты читаешь её, а об авторе мало что знаешь. Как правило, и знать особенно нечего — прочитал юноша сотню книг, написал дипломную работу; прочитал ещё сотню — диссертацию. В данном случае ситуация не такая. Юрий Владимирович Озеров, несмотря на юные годы, — сложившийся историк. Настоящая диссертация — результат его многолетнего усидчивого, почти ежедневного труда в архивах, библиотеках, фондах музеев, на экскурсиях по курским кладбищам. Перед нами настоящий знаток региональной истории. Один из лидеров кружка курских краеведов 1990 – 2000-х годов (громко именуемого «научным обществом»). Ведь кладбища — это только одна из интересующих Озерова областей. Не хуже, чем о мёртвых, он знает про их живых современников — историю сословий курского общества, родословия многих династий его коренных жителей; топографию Курска и его округа за три последних столетия (улицы, церкви, торговые заведения, памятники и т.п. сюжеты); репертуар видовых открыток; и т.д., и т.п. Об этих познаниях автора можно судить по его многочисленным публикациям в курской периодике, где он ведёт сразу несколько рубрик, как

³²³ Этот отзыв неофициального оппонента был оглашён во время защиты диссертации, не публиковался.

заправский колумнист. Кстати сказать, эта журналистская, публицистическая сторона деятельности диссертанта не нашла отражения в автореферате, а зря. Историк должен в идеале быть не только кастовым специалистом, как большинство из нас, а и популяризатором знаний о прошлом, консультантом современных практиков по многим вопросам. Наши тезисы и статьи почти никто не читает — признаемся, положила руку на сердце — а газетные статейки Озерова читают тысячи людей. Из них они узнают о прошлом своей малой родины. Так что с так называемой «апробацией» результатов диссертационного исследования в данном случае всё в полном порядке.

Источниковая база работы далеко превышает «среднекандидатские» размеры, носит действительно комплексный и вполне информативный характер. Довольно полно прослежена историография темы, как в общероссийских, так и в местных курских изданиях на эту тему. Я бы порекомендовал автору привлечь к её анализу яркие материалы литературы и изобразительно искусства, в ту эпоху вполне реалистично отражавших конечные стадии жизни русских людей (чего стоит, например, девичье стихотворение М. Цветаевой «Кладбище»). Кроме того, раз автор претендует на некие социокультурные обобщения своих данных, то не грех ему было поинтересоваться образцами философской танатологии³²⁴. В его работе не упоминается фундаментальный труд одного из представителей школы «Анналов» Филиппа Арьеса «Человек перед лицом смерти» (русский перевод 1977 г. издания), в фарватере которого идут работы многих других представителей исторической антропологии, включая отечественных (Арона Гуревича, Юрия Бессмертного и иные с ними). «Краеведческая гордыня» не должна вести к историографической местечковости.

Тема и хронологические рамки исследования определены корректно. Эмпирический пласт работы (солидная база данных о курском некрополе, начиная с первых доступных автору *de visu* надгробий) дополняется необходимым анализом социокультурного плана. И если к фактической базе работы претензий, по-моему, быть не может, то выводы и оценки диссертанта заставляют читателя думать, обсуждать затронутые сюжеты. Это несомненный плюс работы. Скажем, автор с ходу утверждает, будто «память о смерти побуждает самосовершенствоваться», готовиться к вечной жизни (с. 3). Вряд ли это относится к свободомыслящим или атеистам, вообще к эпикурейски настроенным людям. На могиле Г.В. Плеханова высечены

³²⁴ См.: Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1993; Демичев А. Дискурсы смерти. Введение в философскую танатологию. СПб., 1997; Лаврин А. Хроники Харона. Энциклопедия смерти. М., 1993; Сабиров В.Ш. Жизнь. Смерть. Бессмертие (Обзор основных религиозно-философских парадигм) // Человек. 2000. № 5; Фигуры Танатоса. Вып. 1. Символы смерти в культуре. СПб., 1991; Вып. 2. Философские размышления на тему смерти. СПб., 1992; Вып. 3, 5. Тема смерти в духовном опыте человечества. СПб., 1993; Чхартушвили Г. Писатель и самоубийство. М., 2000; многие другие.

слова: «Он слился с природой». Прах Фридриха Энгельса развеян с Дуврской скалы над Северным морем, как прах Константина Симонова — над полем его первого боя в Белоруссии. А если учесть, что покойник не сам себя хоронит, то его истинное отношение к прощальной церемонии выходит ещё сложнее. Вряд ли погребальная обрядность когда бы то ни было, а тем более в наши дни уместается в рамки какой-то одной идеологии. Автор клонит к тому, что такой идеологией для русской провинции в Новое время было каноническое православие. В целом это так. Однако он сам упоминает про массовое «выхолащивание истинно-церковной церемонии», её инфильтрованность вполне языческими пережитками (вспомним хотя бы, что творится на курских кладбищах на Пасху — вопреки всем православным и вообще христианским канонам); разнообразие общеправославного погребального чина местными народными представлениями. А эти последние уходят вглубь средневекового язычества, так что автору надо было бы хоть краем затронуть работы археологов на местных могильниках (есть специальная статья А.А. Узянова «Сакральные зоны Посеймья» и т.п. публикации). Да и самая древняя надгробная плита на территории Курского края, найденная при раскопках в церкви села Капыстичи на Сейме экспедицией А.В. Зорина, относится к XVII в. (она опубликована).

Подробно описав обряд похорон и вид провинциальных кладбищ, автор почти не уделяет внимания таким вещам, явно «из той же оперы», как завещания, периодические посещения кладбищ родственниками и знакомыми покойников; некрологи; книжные издания *in memoriam*. По крайней мере, из автореферата мне не удалось вычитать этого.

Как видно, все мои замечания относятся к тому, чего в работе Озерова, на мой взгляд, не хватает. То, что там содержится, оцениваю вполне положительно. По сути, у меня пожелания рецензента по доработке рукописи диссертации для книжного издания. Я убеждён в том, что оно необходимо. Перед нами зрелое историческое исследование, не просто соответствующее требованиям, предъявляемым ныне Высшей аттестационной комиссией Министерства образования России к кандидатским диссертациям, а далеко такие требования превосходящее. Я вижу здесь добротный задел для диссертации докторской — стоит дополнить эту главу разделами по другим моментам социально-бытовой истории русской провинции (скажем, прочим таинствам православия — от крещения до венчания и т.д.). Содержание диссертации исключительно полно отражено в публикациях автора, помещённых не только в областных, но и в центральных научных изданиях.

Юрий Владимирович Озеров, как никто другой из его сверстников-аспирантов, заслуживает присуждения ему искомой учёной степени кандидата исторических наук за представленную работу об истории погребальной культуры России Нового времени.

НАРОДНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ

Отзыв

*на автореферат диссертации С.С. Воронцовой
«Концептосфера «религиозная культура»
в русском, английском и немецком
песенном фольклоре (кросскультурный анализ)»,
представленной на соискание учёной степени
кандидата филологических наук
по специальностям 10. 02. 01 — русский язык;
10. 02. 19 — теория языка³²⁵*

Эта работа находится в русле известной в России и за её рубежами курской школы лингвофольклористики, возглавляемой профессором А.Т. Хроленко. Особенностью этой школы является постоянная творческая эволюция — поиск и обретение новых предметных областей для оправдавших себя способов культурологического анализа поэтического слова. Диссертация С.С. Воронцовой направлена на рассмотрение сакральных сюжетов песенного фольклора немцев, англичан и русских.

Первое достоинство данной работы — во внеканоническом, беспристрастно-фактическом анализе народных верований представителей разных конфессий европейского христианства, как они запечатлены их народной поэтикой. Полученные курской исследовательницей выводы отчасти убедительно подтверждают, отчасти интересно дополняют те представления, которые сложились на сей счёт у историков, филологов, философов. Скажем, некоторое влияние греко-римской античности на варваров «лимеса» обусловило большее влияние, античной и библейской мифологии на мировоззрение их потомков — духовных наследников германских и кельтских племён. Древние славяне же и их северные и южные соседи, образовавшие на рубеже I и II тыс. н. э. государство и народ Русь, остались почти чужды этим влияниям, и их «народное христианство» (насколько оно отразилось в песенном фольклоре) выходит поэтому более упрощённым. В той же связи отмечу, что выводы этой диссертации вроде бы подтверждают, что русская народная культура своими историческими корнями уходит не глубже, чем в позднее Средневековье / раннее Новое время. Собственно восточнославянская (языческая) и раннерусская (Киевской Руси) культурные традиции оказались по сути прерваны татаро-монгольским разгромом. Ведь в домонгольской книжной, прежде всего летописной традиции Руси и библейская топонимика, и библейская персоналистика представлены куда как подробно. Однако в народную культуру русских этим концептам, как видно из диссертации, не суждено было перейти.

³²⁵ Отзыв оглашён на защите, не публиковался.

Различные языковые оттенки употребления основных для церковно-религиозной сферы лексем ещё раз демонстрируют нам (благодаря настоящей диссертации), что у русских эта сфера гораздо теснее соединена со сферами политики и права, нежели у западноевропейских народов (с. 8 автореферата).

Подобных выводов и наблюдений, интересных представителям разных гуманитарных наук, в работе С.С. Воронцовой содержится много. Разумеется, и эвристических вопросов в той же связи эта диссертация способна вызвать немало. В этом её несомненное достоинство. Например, на мой взгляд, несколько большее внимание исследовательница могла бы уделить богохульным, еретическим мотивам песенного фольклора. Вряд ли этот момент темы сводится к пренебрежительной коннотации термина «поп» в русском и немецком языках (Вспомним хотя бы английские баллады о Робине Гуде и таком члене его банды, как малопочтенный фриар Тук). Таковые настроения, как мы знаем, всегда были не чужды народной культуре и могли колебаться от прямого богоборчества до избегания и замалчивания церковно-религиозных практик.

В целом работа С.С. Воронцовой будет, я убеждён, интересна и полезна не только лингвистам и филологам, но и представителям разных других гуманитарных дисциплин; как для дальнейших научных исследований, так и для преподавания гуманитарных предметов. Эта работа соответствует действующим требованиям Высшей аттестационной комиссии Министерства образования России к кандидатским диссертациям. Автор этой диссертации вполне заслуживает искомой учёной степени.

13 июня 2005 г.

ТЕЛО БЫТИЯ

Отзыв на автореферат диссертации

К. Г. Завалишиной

*«Концептосфера «человек телесный» в языке
русского, немецкого и английского песенного фольклора»
(Курск, 2005), представленной на соискание учёной степени
кандидата филологических наук по специальностям
10. 02. 01 — русский язык и 10. 02. 19 — теория языка³²⁶*

Телесная сторона людского бытия на рубеже XX–XXI веков как никогда во всей истории человечества становится едва ли не главной злобой дня, как в научном познании, так и во всей остальной культуре (по крайней мере, нашего Западного мира). Львиная доля всех расходов на науку уже несколько десятилетий идёт в области медико-биологического естествознания, коим достигнут небывалый прогресс в расшифровке тайн строения тела, механизмов наследственности, заболеваемости и старения, путей профилактики и исцеления недугов. Скажем, генетики почти готовы выдавать новорождённым своего рода «генетический паспорт», где со значительной долей вероятности будет предсказан график хронический болезней и сама продолжительность жизни данного индивида. Уже никого не удивляют операции типа пересадки органов и тканей (практически всех, вплоть до кожи всего лица, за исключением пока головного мозга), суррогатного материнства, перемены пола, клонирования и т.п. С другой стороны, над телом продолжает «экспериментировать» культура — как сберегая и развивая его с помощью медицины и спорта, так и уродуя его же разного рода стимуляторами, половыми извращениями. Ставится и решается задача усилить протеиновую основу Человека телесного искусственными присадками вроде силикона; создать биокомпьютер, вживляя в ткани тела микрочипы. Массовая литература, прочие средства информации подводят общественное мнение к мысли, что не уровень доходов или образования, а привлекательная внешность, цветущее здоровье сейчас служит ведущим признаком социальной стратификации (см., например, романы самых модных ныне М. Уэльбека, П. Коэльо и похожих авторов). По всему по этому не удивляет явная соматическая фокусировка современной философии и прочих отраслей гуманитарного познания. В работах классиков постмодерна — М. Фуко и иже с ним уделяется огромное внимание смысловой «расшифровке» человеческой телесности. Наряду с глубокими интересными заключениями, соответствующий дискурс содержит немало откровенных спекуляций и новоявленных мифов³²⁷. Тем важнее для гума-

³²⁶ Отзыв на автореферат, прозвучавший на защите диссертации. Публикуется в первый раз.

³²⁷ См., например: *Энтитейн М.* Тело на перекрёстке времён. К философии осязания // Вопросы философии. 2005. № 8.

нитарной науки и практики представляются не полуфантастические домыслы о теле, а вполне научные исследования его проекций в различных культурах и на определённых этапах развития человечества. К числу таких исследований относится и диссертация К.Г. Завалишиной, чей автореферат привлёк моё внимание и, сразу скажу, обогатил меня и ценным эмпирическим материалом, и аргументированными новыми выводами теоретического уровня.

Эта диссертация продолжает и развивает плодотворную традицию сравнительного изучения менталитетов разных народов, прежде всего русского, на материале их устного народного творчества. Методология и методики таких исследований были разработаны и блестяще реализованы главой курской лингвофольклористической школы А.Т. Хроленко. И он, и его ученики и коллеги (О.А. Петренко, М.А. Бобунова, И.С. Климас и другие) уже неоднократно демонстрировали замечательные возможности компьютерного и содержательного анализа текстов былин и народных песен применительно к разного рода категориям традиционной культуры, народной картины мира. На сей раз предметом специального рассмотрения выбрано тело человека и его важнейшие характеристики, прежде всего визуальные. Словесный портрет человека, как и следовало ожидать, у разных индоевропейских народов в чём-то схож, а в чем-то отличается, и эти, найденные автором диссертации сходства и, особенно, отличия, ярко высвечивают те или иные особенности духовной культуры русских, немцев и англичан.

Хотя значение фольклорных частотностей как показателей ментальной настроенности души того или другого народа в общем бесспорно, однако объяснение смыслоупотребления каждой отдельной лексемы в этом плане требует особой деликатности, концептуальной осторожности. Ведь этнический менталитет — предельно сложное, динамичное и противоречивое образование. Подходы к его реконструкции требуют системного учёта огромного корпуса источников. По меньшей мере — этнографических, антропологических, археологических, литературных и, конечно, фольклорных (не только песенных, но и былинных, сказочных, паремийных и прочих). Автор настоящего автореферата не даёт повода упрекнуть себя в поспешных обобщениях, её выводы достаточно корректны, наводят читателя на дальнейшие размышления. В этом явное достоинство работы, причём не только для филологов, но для гуманитариев любого другого профиля.

Допустим, историк может заметить, что ассоциация спины с наказанием у русских может отражать наиболее длительное и суровое крепостное право; с тяжким трудом у немцев — их бюргерско-протестантскую культуру труда — божьего задания; с поклажей у англичан — их викингское, затем колонизаторское движение по миру.

Историк русского языка предположит, что повышенная частотность «живота» в этом языке может объясняться синонимизацией одного из значений данного термина с «жизнью» вообще.

Археолог подскажет дополнительное объяснение низкой частотности слова «волосы» у славян — вне брачного ложа они как правило покрывались у женщин и девушек головными уборами, а у англосаксов нет. В древнерусских курганах XI–XII вв. (включая курские — гочевские) погребения незамужних девушек отличаются квазисвадебным убором — серебряной лентой на лбу черепа и особого рода металлическим украшением, так называемым «накосником» (См. «Атлас гочевских древностей» Д.Я. Самоквасова, 1908).

Разница «точек красоты» в этнических портретах сравниваемых народов может лишней раз подтверждать предполагаемую социальными психологами разницу их психотипов — более сентиментального у славян, прагматичного у германцев, рационального у англичан?

Сексолог придумает гипотетическое объяснение лирической табуации вторичных половых признаков — бороды, усов. Не связано ли это с архетипом *юного* мужчины, воспетого лирической песней? Соперником коего выступает «старый муж, грозный муж», в традиционных культурах Европы немислимый без бороды и усов. Тогда как эпические произведения типа саги или былины, зацикленные на мужестве героев зрелого возраста, напротив, бороду сакрализируют (что отмечается и в автореферате на стр. 11).

Хотя наибольшее впечатление на читателя производят открытые лингвофольклористом *различия* в оценке лирических соматизмов у разных народов, автор ведь отмечает и не менее, если вдуматься, ясные черты их же близости, схожести. Должно быть, европейцы действительно ближе друг другу по духу, нежели аборигенам других частей света («Запад есть Запад, Восток есть Восток...» у Р. Киплинга). Мелькнувшая за чадрой родинка в стихах Омара Хайяма не идёт ни в какое сравнение с подробным «сканированием» лица европейским фольклором...

Судя по автореферату, в диссертации К.Г. Завалишиной присутствует редкое для работ такого рода сочетание массы эмпирического материала и подробных, концептуально осмысленных теоретических выводов. Имеется в виду авторская концепция многоуровневой асимметрии соматической картины разноязычного фольклора (стр. 17–18 автореферата).

Ежегодно мне приходится рецензировать десятков-другой авторефератов и диссертаций по истории, философии, филологии. Редкий случай, но к автореферату К.Г. Завалишиной у меня не возникло сколько-нибудь серьёзных претензий. Разве что пожелание продолжить начатую в диссертации работу и, дополнив анализ ещё некоторым количеством единиц того же соматического кластера и производных от него концептов (скажем, кровь, пот, слёзы и иных характеристик телесности), подготовить к изда-

нию монографию на эту тему. Уверен, она будет пользоваться успехом и у читателя-специалиста, и студента-гуманитария.

В тексте автореферата мной замечены немногие мелкие погрешности стилистического свойства. Поскольку, повторю, материалы этой диссертации необходимо опубликовать в виде монографии, стоит эти недочёты тогда устранить. Метафора «цветущая сложность» (стр. 1) применительно к народной культуре придумана, кажется, К.Д. Леонтьевым, что надо бы и указать в скобках. Наш российский главный сексолог Игорь Семёнович Кон — человек уже пожилой и его отчество в инициалах опускать не стоит. Процитированная в автореферате его мысль о теле как сложном социальном конструкте восходит скорее к М. Фуко и окружившим его авторам, показавшим это наглядно на примере культурных репрессий бедного человеческого тела. Ссылки на специальные исследования телесности философами, культурологами, антропологами, психологами украсят изложение у филолога.

В целом работа К.Г. Завалишиной будет, я убеждён, интересна и полезна не только лингвистам и филологам, но и представителям разных других гуманитарных дисциплин; как для дальнейших научных исследований, так и для преподавания гуманитарных предметов. Апробация материалов этой диссертации выделяется своим высоким уровнем даже на общем качественном фоне публикаций исследовательской группы во главе с А.Т. Хроленко. Помимо обычных для аспиранта тезисов, автор опубликовала статьи в так называемых ваковских изданиях, участвовала как соавтор в двух проектах программы «Университеты России».

Судя по автореферату, работа К.Г. Завалишиной вполне соответствует действующим требованиям Высшей аттестационной комиссии Министерства образования России к кандидатским диссертациям. Автор этой диссертации вполне заслуживает искомой учёной степени по заявленным специальностям.

18 октября 2005 г.

ДРУГОЕ ТЕЛО БЫТИЯ

*Отзыв на автореферат диссертации В.А. Савченко
«Концептосфера "человек телесный" в русской и немецкой
паремиологической картине мира
(кросскультурный анализ соматизмов)» (Курск, 2010),
представленной на соискание
учёной степени кандидата филологических наук
по специальностям 10. 02. 01 — русский язык;
10. 02. 19 — теория языка³²⁸*

Тема человеческой телесности носит междисциплинарный характер — ею так или иначе занимаются философия, культурная и физическая антропологии, история и целый ряд других, прежде всего гуманитарных дисциплин, среди которых выделяется лингвистика. Язык народа представляется одним из важнейших источников самопознания человека, включая его соматическую ипостась. Особую эвристичность представляют кросскультурные исследования, позволяющие объективнее оценить сложную диалектику общечеловеческого и этнического, вневременного и исторически обусловленного в культуре.

Оцениваемая мной по её автореферату диссертация находится в русле известной в России и за её рубежами курской школы лингвофольклористики, возглавляемой профессором А.Т. Хроленко. Особенностью этой школы является постоянная творческая эволюция — поиск и обретение новых предметных областей для оправдавших себя способов культурологического анализа слова, звучащего на разных языках. Диссертация В.А. Савченко направлена на рассмотрение так называемых соматизмов в немецком и русском фольклорах. И курские авторы, и представители других фольклористических центров уже занимались данной тематикой, однако впервые в качестве материала для анализа избраны разноязычные паремии. А ведь эти последние исключительно адекватно представляют собой фольклорную картину мира. В пословичный, поговорочный, присказной «тираж» идут, как известно, лишь те речевые обороты, которые легли тому или иному народу на душу, уловлены «каркасом» его этнического менталитета.

Среди выводов диссертации особый интерес вызывает историческая глубина «паремиологического зондажа» фольклорных соматизмов. Оказалось, что у двух индоевропейских народов соответствующие обороты уходят в глубокую мифологическую древность. Причём языческие по происхождению архетипы фольклорной культуры оказываются весьма органично соединёнными с массой библеизмов.

³²⁸ Впервые публикуемый отзыв на автореферат, оглашённый на защите этой диссертации.

Декларируемая философами и беллетристами этноспецифичность двух народных культур получает на материалах этой диссертации весомое фактическое подтверждение. Русские в своих привычных выражениях относительно тех или иных частей тела оказываются более эмоциональными, вообще экспрессивными; теснее связанными с животным и растительным миром крестьянской общины.

Однако несомненное различие славяно-русского и германского менталитетов на доказательном материале пословиц и поговорок выглядит совсем не таким контрастным, как чаще всего представлялось многим авторам, высказывавшимся на эти темы (Вроде того, что «если нечто русскому хорошо, то немцу смерть»).

Как видно по автореферату, в него вошла только часть, правда, весьма представительная, из рассмотренных автором материалов. Поэтому желательно опубликовать данную диссертацию в виде монографии или же учебного пособия. Такая книга найдёт заинтересованных читателей и среди учащихся, и среди преподавателей, и среди исследователей разного профиля.

В этой связи обращаю внимание автора, что в отдельных пунктах изложения надо бы посмотреть и на дополнительные источники пословиц и поговорок двух народов. Сборник В.И. Даля, конечно, отличается значительной полнотой, но всё же не исчерпывающей, учитывая время его составления. В качестве примера сошлюсь на то, что прилагательное «голубой» применительно к глазу человека не есть привилегия немецкого языка, как поспешно утверждается в автореферате (С. 11). Ср. общеизвестное русское (? нет ли иноязычных калек?) выражение: «... На голубом глазу» (врать). А чего стоит загадочная русская пословица: «Немец обезьяну выдумал...». Вообще стоит учесть, как эти два народа оценивают друг друга, в том числе и внешне, с соматической стороны. Кажется, что у нас, русских, словесно выражен интерес к германцам, а те в своём фольклоре славян игнорируют.

Ведь даже славяно-русский этноним германцев несёт соматический оттенок: те с нашей точки зрения «немые», не знающие нашей речи (Ср. подобные, сниженные по смыслу русские этнонимизмы, вроде «чурки» (дерева), «чёрные» и похожие, применяемые к восточным народам). Германские же названия славян и русских носят скорее социокультурный характер. Так, в латиногерманских источниках IX–X вв. киевские купцы-русы именуются «ругами», а их страна Ругиландом или же Ругзией³²⁹.

Впрочем, высказанные соображения носят маргинальный по отношению к теме диссертации характер.

Список научных конференций, где с выводами диссертации выступал автор, и его публикаций демонстрирует многолетнее кропотливое исследование проблемы паремиологического соматизма. Выводы диссертации

³²⁹ См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1999. С. 264–302.

ционного исследования надёжно апробированы и введены в научный оборот. Можно в очередной раз поздравить научный коллектив во главе с А.Т. Хроленко с очередным достижением в их многолетнем проекте изучения европейского фольклора.

В целом же исследование В.А. Савченко представляется мне вполне заслуживающим искомой им кандидатской степени по заявленным учёным специальностям. Оно, как видно по автореферату, вполне соответствует критериям, предъявляемым действующим у нас Положением об учёных степенях и званиях, новым критериям Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки России к такого рода работам.

8 октября 2010 г.

ЗДОРОВЬЕ ТЕЛА

Отзыв ведущей организации на автореферат диссертации

Е.С. Климоновой

*«Парадигмы здоровья в контексте философской антропологии»,
представленной на соискание учёной степени
кандидата философских наук по специальности 09. 00. 01 —
религиоведение, философская антропология, философия культуры»³³⁰*

Тема здоровья как никакая другая близка философам, служащим в ведущей для этой диссертации организации — многопрофильном медицинском университете. Более того, один из авторов настоящего отзыва получал философское образование на философском факультете Ленинградского государственного университета. Там тогда работал доцент, затем профессор А.А. Корольков — ведущий в позднесоветской философии теоретик медицинской нормологии³³¹ (ныне академик РАО). Кроме него, мы учились у других ведущих разработчиков диалектико-материалистического направления философии здоровья / болезни — генерала В.П. Петленко, профессоров В.Ф. Сержантова, Г.И. Царегородцева. Другой автор настоящего отзыва защитил диссертацию о проблеме совершенного человека в русской философии, а также специально изучал современную, в том числе постмодернистскую философию нормы и патологии, как индивидуально-телесной, так и социальной, культурной. Оба названных отрезка истории данной проблемы охвачены в рецензируемой диссертации.

Учитывая только что сказанное, мы с особой заинтересованностью заявляем об актуальности темы диссертации. В силу ряда социокультурных и внутрифилософских причин тема здоровья последние годы специально, сколько нам известно, тем более в диссертационном жанре не рассматривалась. Наверное, в советской философии эту тему, так сказать, переисследовали, замусолили, причём в одностороннем плане — здоровье суть высшее благо, в здоровом теле — здоровый дух и т.п. Биосоциальная норма оказалась разорвана между среднестатистическим и идеальным её вариантами. Затем глашатаи постмодернизма «перегнули лодку на другой борт» — объявили биопсихологическую норму по сути недостижимой, а медицину и всю прочую культуру представили как тотальную репрессию тела и духа. Действительность рубежа второго и третьего христианских тысячелетий оказалась сложнее и диалектико-материалистической, и постмодернистской парадигм здоровья.

Отсюда первая заслуга автора диссертации — многопрофильное, разностороннее рассмотрение избранной темы как в историческом, так и логическом её планах. Заслуживает одобрения попытка сформулировать

³³⁰ Отзыв подготовлен в соавторстве с Д.П. Кузнецовым. Публикуется впервые.

³³¹ См.: Корольков А.А. Философские проблемы теории нормы в биологии и медицине. Л., 1977; *Его же*. Диалектика и теория медицины. Л., 1979.

не одно-единственное понимание здоровья и его альтернатив, а показать, как данный концепт меняется в зависимости от того, что автор упорно именуется «парадигмой».

При подготовке диссертации собрана и проанализирована довольно разнообразная литература. Правда, не вся прямо относящаяся к теме как в истории философии, так и в истории естествознания и медицины. Причём медицинская литература проанализирована автором гораздо более выборочно, без обращения к современным работам. Между тем эту тему в последние годы весьма содержательно трактуют не только собственно врачи да физиологи, но и археологи, этнологи, лингвисты и другие специалисты гуманитарного профиля³³².

В чём госпожа Климонова права, так это в том, что учёные и философы гораздо чаще обращаются к проблеме болезни, а не здоровья. Однако эти два понятия если не всегда явно, то имплицитно подразумевают друг друга, так что рассуждения и факты о заболеваниях, т.е. потере здоровья многое говорят нам и об этом последнем.

Работа построена в соответствии с заявленными в предисловии к ней задачами исследования. Главы и параграфы сбалансированы по размеру и смысловой канве изложения взглядов автора. Декларируемая «методология исследования» (с. 6) звучит внушительно.

Историко-философская часть (первая глава работы) работы, конечно, не исчерпывающая, но вполне достаточная для реконструкции главных образов здоровья в истории мировой мысли и культуры. Особенно привлекательно выглядит изложение автором взглядов столь оригинальных и сложных для понимания мыслителей, как Э. Гуссерль, М. Фуко (в этом случае к анализу стоило бы привлечь тексты такого его единомышленника, ведущего сейчас петербургского философа, как Борис Васильевич Марков).

Вторая — теоретико-методологическая и, так сказать, праксеологически-публицистическая часть диссертации реализует заявленную во введении логическую триаду — естественнонаучный, духовный и интегративный векторы анализа проблемы. Здесь довольно полно выявлены основные модели здоровья и болезни в современной биологии и медицине — системная, адаптивная, экологическая, генетическая и т.п. Тут отметим полное право разработчика столь сложной темы ограничиться европейской традицией мысли и практики и обойти во многом контрастный с ними восточный опыт. Арабы, индийцы, китайцы, японцы в конце концов перевели свои госпитали и аптеки на западные стандарты медицины и фармации, оставив традиционные для себя школы врачевания как вспомогательные, а по правде сказать, привлекательные для туристов из той же Европы и США.

³³² См., например: Бужилова А.А. Homo sapiens. История болезни. М., 2005; Добровольская М.В. Человек и его пища. М., 2005.

Особенно подробно реконструирует автор диссертации христианскую, прежде всего православную трактовку сущности человека и его здоровья. Этому посвящён самый объёмистый в тексте второй параграф второй главы. Именно здесь, пожалуй, содержится больше всего новизны данной диссертации.

Заключительный параграф работы действительно сводит воедино различные проекции здоровья и показывает их взаимную дополнительную. Вполне логично эта категория вписывается в сложную — биологическую, социальную, духовную сущность человека.

Нельзя не согласиться с конечным выводом теоретической половины работы: «... Здоровье — это многоуровневая категория, не сводимая только к количественным показателям нормального функционирования биологического тела» (с. 18). Забегая вперёд, отметим, что под таким лозунгом подпишется любой здравомыслящий врач. Как и под тем, что «психо-телесное совершенство ... внутренне связано с морально-волевым» (Там же). Правда, механизм этой взаимосвязи вряд ли когда кто уразумеет до конца, слишком уж он вариативен и сложен.

Впечатляет используемый соискательницей учёной степени категориальный ряд, охватывающий многообразные смысловые опосредствования концепта здоровья. Тут и душа, и тело, и младость, и старчество, и смирение, и бесстрашие, и гордыня, и страсть, и наказание, и аскеза, и наслаждение, и счастье, некоторые другие (с. 18 и следующие).

В общем, прочитавший эту диссертацию получит немалую пищу для размышлений, обогатит свои представления о столь важной стороне человеческого бытия. Что, в сущности, и требуется от квалификационной работы на первую учёную степень.

Кроме отмеченных нами и другими участниками настоящей защиты достоинств работы Е.С. Климоновой нам бросились в глаза следующие недостатки и упущения оцениваемого текста.

- Термин «парадигма», использованный в теме работы, вряд ли совместим с декларированным в ней же интегративным подходом к проблеме. Парадигмы, как известно по смыслу распространённого Т. Куном понятия, разделяет конфликт, революция, а не смысловой синтез. Если же автор использует не понятие, а слово, надо было оговорить его смысловое отличие от куновского. То, что автор называет «парадигмой», правильнее именовать «концепцией», то есть авторской трактовкой какой-то теории.

- В полной мере представлена одна из отрицательных тенденций для многих нынешних диссертаций, особенно кандидатских: при описании степени изученности проблемы *предшественники* в её разработке *перечисляются бессмысленными списками*, валяются в одну кучу, без малейшей попытки отразить своеобразие вклада тех или других представителей данной отрасли исследований. Покойный ленинградский философ (родом попovich) В.П. Тугаринов иронически называл эти авторефератные списки «акафистами». При перечислении учёных, которые внесли значительный вклад

в разработку естественнонаучного направления «здоровьелогии», значатся и хирург-кардиолог, автор экстравагантной системы оздоровления Н.М. Амосов; и выдающийся биохимик В.И. Вернадский; и физиолог, микробиолог И.И. Мечников, — и рядом с ними советские философы-методологи Г.И. Царегородцев и В.П. Петленко; наконец, богословски ориентированный мыслитель-иезуит П. Тейяр де Шарден... Возможно, все они внесли какой-то вклад в натуралистическую концепцию здоровья, но перечислять их единым алфавитным списком (С. 12) вряд ли возможно. Это вам не ныне здравствующие кандидаты философских наук... Ну не показывают в зоопарке слона рядом с мышками...

Каталог представителей духовного направления (с. 13) — снова алфавитный. Получается соседство московской философии Гайденко и апостола Павла!.. Пиама Павловна — дама безусловно достойнейшая, но вряд ли её канонизируют... Разве Павел Семёнович Гуревич, зарабатывающий много денег бесчисленными переизданиями своих учебников по всем гуманитарным предметам, ровня св. Макарию Великому?.. А в списке они стоят рядом. Напомним: докторская диссертация Гуревича называлась «Возрождён ли мистицизм?» Вопрос в советских условиях звучал чисто риторически. Дальше ещё пара — Г.Л. Тульчинский и Владимир Сергеевич Соловьёв. Гриша Тульчинский — оппонент одного из авторов настоящего отзыва, недавно выпустил скабрёзную книжку «Мысли по жизни». О русской религиозной философии он там отзывается иронически. Еврей есть еврей.

С.Л. Франк оказался в обоих списках — духовного и интегративного подходов. В нашей философии встречалось немало ренегатов, но Семён то Людвигович вроде таковым не был. На с. 5 искажены его инициалы. За что?

Обращаем внимание диссертантки: базовые установки указанных мыслителей очень разные, их вклад в разработку диссертационной проблемы следовало бы конкретизировать.

Бросается в глаза отсутствие врачей. Где Гиппократ, Гален, Парацельс? Где основатели новоевропейской анатомии и физиологии? Где Авиценна? Они что, меньше понимали в здоровье, чем христианские аскеты? Где, наконец, верующие во Христа естествоиспытатели и врачи?

При описании взглядов Пифагора диссертантка ссылается на книгу Менли Холла (с. 20). Последний отнюдь не специалист по античной философии, а сам писатель-мистик.

Тезис автора — при рассмотрении духовной концепции здоровья — о единстве патристики и русского религиозной философии нуждается в оговорках.

Христианские, православные взгляды на здоровье в целом ряде мест диссертации искажаются, примитивизируются. Взять хотя бы такое высказывание Е.С. Климоновой: «С позиций духовной парадигмы, здоровье ... предстаёт перед нами как божественный дар и награда за соблюдение че-

ловеком заповедей и его добрые дела» (с. 108). Даже если оставаться в библейских рамках, тут игнорируется опыт Иова, ставший основанием для изысканий экзистенциалистов (работы которых, кстати сказать, стоило бы привлечь в эту диссертацию).

- *Некоторые важные* для изложения темы тезисы автора *недостаточно обоснованы*, постулированы как аксиомы. Например, применительно к античности утверждается примат «физического компонента здорового образа жизни, духовный оттесняется на второй план» (с. 19). В свете работ А.Ф. Лосева это не совсем так. Античность, она очень разная, и её главный мыслитель Сократ своей фигурой не похож на Аполлона...

Нельзя (как на с. 26) сблизать античный подход к здоровью с естественнонаучным. Последний предполагает объективность, безоценочность, находится по ту сторону «меры и воздержания», «связи здоровья с добродетельным поведением». Научная медицина — вовсе не философия и тем более не богословие здоровья. Любой из нас это сразу поймёт, как только окажется в больнице с мало-мальски тяжёлым диагнозом. Молиться придётся о том, чтобы всевышний послал пациенту хорошего диагноста и лекаря, средства на нужные лекарства. Всё остальное потом, не спасёт.

Во втором параграфе первой главы проблема здоровья оттеснена на второй план обсуждением вопроса о соотношении тела и духа. А это во многом разные вопросы. В той же связи отметим спорность авторского тезиса о единстве физического и психического аспектов здоровья (с. 56).

Вывод о близости ренессансного понимания здоровья к интегративному (с. 37) пониманию такового не опирается на доказательства в тексте. Эпоха Возрождения исключительно противоречива (см., если угодно, опять-таки соответствующий труд А.Ф. Лосева).

- В изложении темы заметны недоговорённости, а то и *смысловые пробелы*. Важнейший из них, на наш взгляд, связан с проблемой нормы. На наш взгляд, это понятие — центральное для новоевропейского понимания здоровья — заслуживало бы в этой диссертации развёрнутого рассмотрения.

Упоминается (с. 45), что на отношение к здоровью философии Нового времени оказали влияние анатомия и физиология. Но не раскрыто, каким образом осуществилось это идейное влияние.

Из отмеченного (с. 42) механистического представления о человеке какой же следует вывод об основаниях его здоровья и о причинах болезней?

Отмечая психосоматическую направленность трактовки здоровья во фрейдизме, автор не раскрывает содержание этой трактовки в рамках психоанализа.

- Указанные упущения связаны, как представляется нам, с характерной для автора *недооценкой сугубо медицинских, научно-статистических показателей здоровья и заболеваемости*. Тезис о том, что одной медицинской статистики недостаточно для философии здоровья подменяется

тезисом о том, что медицина якобы ничего не понимает в здоровье. В результате в диссертации копяты такого рода клеветнические пассажи: «Конец XX века характеризуется ростом заболеваемости и смертности населения на фоне высоких достижений медицины, совершенства технических средств диагностики и лечения болезней». Соискателю учёной степени кажется «ясным, что медицина сегодняшнего дня и обозримого будущего не сможет существенно влиять на сохранение здоровья человека» (с. 54). «Медицина очень немного знает о здоровье здорового человека» (с. 27). Чтобы так утверждать, стоит закончить хотя бы курсы медицинских сестёр... На самом деле именно за последние десятилетия так называемые «науки о жизни» и опирающаяся на их достижения клиническая медицина заметно потеснили тяжелейшие заболевания, в разы сократили смертность и инвалидность от них, продлили средний возраст жизни в развитых, да и в развивающихся странах в разы же... Так что в диссертации перед нами клевета на современную медицину и статистику. Причина проста — незнакомство ни с той, ни с другой.

«Христианство всегда учило и учит, что гордость, зависть, тщеславие и другие виды греха, исходящие от гордости, приводят как к духовным, так и к телесным болезням. Современная наука и медицина подтверждают эти выводы святых отцов Церкви». Вот не надо запира́ть науку и медицину в детский сад!.. У врачей и биологов с церковниками по вопросам здоровья должно быть как взаимопонимание, так и своего рода разделение труда. Церковь и медицину не стоит ссорить. С психосоматикой всё устроено гораздо сложнее. «Исследования уровня здоровья среди активно верующих людей показали, что качество их жизни лучше» (с. 107). Разве? Да достаточно посмотреть на многих прихожан наших храмов, на ряды крестных ходов... Сколько там явно больных физически и психически?.. И на цветущий вид пассажиров джипов и «мерседесов». Вот вам и «качество жизни»...

Автор недоумевает, «как может плодотворно трудиться работник, здоровый на 30%» (с. 59). Ну, это смотря какой работник, чем он болен и над чем он трудится. Известна проблема соотношения болезни и гениальности, масса примеров гениально плодотворных калек. Один сифилитик Ницше чего стоит. Или вроде бы сифилитик Ленин. А сколько вреда от абсолютно здоровых, но тупых и ленивых «работников»?.. Одни лаборантки университетских кафедр чего стоят... А задача привлечения инвалидов к созидательному труду?

Автор предлагает нам «учесть ... сердечно-сосудистые и раковые заболевания, от которых умерло более миллиона человек...» (с. 125). Когда, где, кто? Устами диссертантки бы, как говорится, да мёд пить...

«Другой серьёзной проблемой, с которой сейчас сталкиваются, — по мнению автора диссертации, — исследователи, является потеря природного здоровья, иммунной защиты организма, которая в конечном итоге приводит к тому, нездоровый с детства человек не сможет стать не только гра-

жданином с определённым социальным статусом и престижем, но и в целом полноценным человеком» (с. 129). Приглашаем автора этих слов на параолимпийские игры в Сочи 2014 года.

Автора диссертации пугают «разработки на научной основе самых необычных методик под контролем медицины и общественности», которые «побуждают в корне менять образ жизни, не исключая насилия над отдельными индивидами» (с. 130). Да, перемена пола, например, небезболённая операция. Так на то существует наркоз. И биоэтические комитеты во всех цивилизованных странах.

Кстати сказать, автор этой диссертации представляет себе медицину слишком абстрактно, не учитывает её качественного отличия от прежней, буквально несколькодесятилетней давности. Именно для определения разумных темпов пересотворения человека медицинскими средствами и возникла биоэтика — абсолютно новая философия здоровья.

Чтобы далеко не ходить за контраргументами по адресу этих, мягко говоря, некорректных выводов, мы можем познакомить с ними терапевтов и акушеров того родильного дома, где соберется производить на свет потомство соискательница... Мы им процитируем первый вывод её автореферата: «... Медицина полностью ушла в патологию», она уже «не сможет существенно влиять на сохранение здоровья человека» (с. 3). Как утверждал писатель, да сбудется каждому (пациенту) по его вере... Пусть же и госпожа Климонова рождает (если ей посчастливится зачать) патологически.

«... Ампутация ноги может спасти человеку жизнь, но повлияет на его психическое состояние» (с. 15). У одного из авторов настоящего отзыва — С.П. Щавелёва пока, слава богу, две ноги, а вот его учитель по аспирантуре Ленинградского университета профессор Геннадий Алексеевич Подкорытов вернулся с фронта с ампутированной ниже колена ногой. Свидетельствую: он часто играл с нами, аспирантами, в футбол, лапту, и я никогда не мог забить ему гола. И жён у Подкорытова было раз в пять больше, чем у меня, Щавелёва, с моими двумя ногами. А детей ровно в три (если не больше ³³³) раза у меня меньше. Вот вам и психическое состояние... В свои 94 года Геннадий Алексеевич водит машину из Петербурга в Лугу и обратно. А я (под 60) вечный пассажир. Так при чём тут количество ног?

Простить легкомысленную соискательницу учёной степени мы попросим врачей, если она сравнит статистику детской и материнской заболеваемости и смертности в прошлом и настоящем, в разных регионах. Когда и где ещё могли выходить новорожденного весом в 900, 700 грам-

³³³ Если не считать внебрачных детей. Три его известных дочери познакомились уже взрослыми, свела их последняя, нынешняя супруга профессора. Третья дочка познакомилась с отцом на его лекции на факультете журналистики Ленинградского университета. Профессор Подкорытов читал там философию, а она подошла к нему пере­рыве и представилась: «Я ваша дочь...»

мов?! Теперь порог для выхаживания установлен в 500 и менее граммов. Не критиковать барышне-соискательнице надо такую медицину, а смиренно благоговеть перед ней.

Мы (с доцентом Д.П. Кузнецовым) как рецензенты диссертации *категорически возражаем против таких паранаучных, абсурдных её тезисов*, каковы следующие. «Наличие (*где?*) теорий, доказывающих (*чем?*), что человек (*а кролик?*) имеет корпускулярно-волновую природу, состоит из анатомо-геометрического компонента (атомно-молекулярная структура) и полевого компонента, рассеянного по всей Вселенной, позволяет нам говорить о наличии фундаментальной основы физического устройства индивида и единстве человека с природой, Вселенной» (с. 112). «Долгое время учёные и мыслители считали, что любая точка мирового пространства содержит в себе информацию обо всей Вселенной» (с. 114).

Нас всегда поражает, как столь глобальные выдумки о «голограмме Вселенной» повторяют лица, которые не отличают электрона от позитрона, а мозжечёк от ретикулярной формации... Вместо того чтобы учиться в средней школе по-настоящему, эти люди берутся защищать диссертации...

Упомянутая, конечно, диссертанткой «валеология» (с. 17) представляет собой опасный для учащихся суррогат из квазинаучных постулатов и псевдопрактических советов. Её преподавание уже запрещено в целом ряде стран. Хорошо ещё, что диссертантка не вспомнила «дианетику» и схожие профанации здоровья.

- Наконец, в тексте диссертации встречаются *фактические промахи*, стилистические огрехи, невыправленные опечатки.

Глагол «зиждиться» (с. 13) пишется через «и». Зачем выбирать слова высокого стиля, которых не знаешь как написать? Почему не написать «основываться»?

Антей, Атлант, Геракл названы *героями* (с. 19). Первые двое на самом деле — *титаны*. В контексте проблемы человеческого здоровья разнесение этих персонажей необходимо.

На с. 22 узнаём, что в тексте Ксенофонта есть упоминание об Аристотеле.

На с. 86 утверждается, что Филипп Пустынник жил в XVIII–XIX вв.

Судя по тексту, св. Григорий Нисский жил более тысячи лет (с. 99), а св. Иоанн Лествичник — почти четыреста (с. 106).

К сведению соискательницы и её научной руководительницы: последний поименован отнюдь не в связи с «листьями» (в диссертации — «св. И. Листвичник» — с. 4). Древнерусск. «лествица» — лестница. Так называется основная книга православной аскетики (сублимация духа якобы проходит по ступеням, что в ритуале сопровождается перебиранием чётков — как бы ступеней на условной «лестнице» — молитвы).

На с. 29 оклеветан Максим Исповедник. Этот ярый противник монофелитов и борец за православие прямо отнесён к монофизитам.

На с. 30 вне связи с контекстом изложения появляется Феодосий Печерский. Он был, как известно по несторовому житию, мужчина могучего телосложения и здоровья, но психологическая акцентуация на истязание плоти загнала его в гроб далеко не старым.

В общем, крен в православную мистику не подкрепляется у диссертантки знанием её первоисточников. Без богословского, по крайней мере философского, образования чего братья за эту сложную тематику? Лучше учить древние языки, без которых отцы христианской церкви не ответят на ваши вопросы.

- Несколько упрёков заслуживает библиографический аппарат диссертации. Автору не знакомо правило указания заимствованных цитат («Цит. по:»), хотя по ходу изложения таковых встречается немало.

И опять эти «Г. Гегели», «Н. Бердяевы», «Н. Лосские»... (с. 4). На с. 12 бедный Гегель превращается в «Ф.». А ведь Николай Онуфриевич Лосский с диссертанткой детей не крестил... Вот Соловьёв у неё «Вл.», а какие-то ничтожные авторы типа Изуткина, Матроса — «А.М.», «Л.Г.»... А кто такой «Ио. Златоуст»? (с. 4). Чьи «обязанности он исполняет»? «Св. И. Листвичник», повторим, на самом деле «Лествичничик». Столь небрежная корректура пахнет богохульством...

Подводя черту под перечнем наших претензий и советов автору диссертации, всё же затрудняемся решить вопрос о её пригодности к защите. Пусть решает Диссертационный совет, принявший к рассмотрению столь незрелое сочинение.

Настоящий отзыв составлен кандидатом философских наук, доцентом Д.П. Кузнецовым и доктором философских наук, доктором исторических наук, профессором С.П. Щавелёвым.

Отзыв обсуждён и единогласно утверждён на заседании кафедры философии Курского государственного медицинского университета 22 октября 2007 г. (протокол № 4).

22 ноября 2007 г.

ВЫДУМАННАЯ ТЕЛЕСНОСТЬ

*Отзыв на автореферат диссертации М.И. Цой
«Эволюция взглядов на телесность человека
(философско-антропологический аспект)» (Калуга – Тула, 2009),
представленной на соискание учёной степени кандидата философских
наук по специальности 09. 00. 13 — религиоведение, философская
антропология, философия культуры³³⁴*

Знакомство с авторефератом по поручению диссертационного совета привело меня к следующим выводам.

- В представленном виде работа не может быть допущена к защите.

Для того чтобы быть обсуждённой в диссертационном совете в дальнейшем, автору и научному руководителю следует:

- исправить множество опечаток и стилистических ошибок в тексте;

- найти тех людей с учёными званиями доктора и кандидата, кто согласен с весьма экстравагантными «концепциями», которые представлены в автореферате;

- подготовиться к защитному диспуту с теми коллегами, кто с такого рода концепциями не согласен. Скептиков, я думаю, будет большинство.

Теперь мои замечания по тексту подряд его чтения.

Тема работы сформулирована слишком общо: «Эволюция взглядов...» Каких? Обыденных, народных? Научных? Религиозно-богословских? Философских? Вненаучных эзотерических?

Подзаголовок не вносит уточнения, потому что свои «философско-антропологические аспекты» есть у всех названных мной типов знания. Раз работа претендует на учёную степень философских наук, то и брать надо историю философии и отдельных наук вроде психологии и медицины.

Текст работы надо отдать корректору, редактору, который владеет русским языком. Текст переполнен огрехами разных сортов, среди которых:

³³⁴ Отзыв послан в соответствующий — Тульский диссертационный совет, но он там во внимание не был принят. Соискательница всё-таки защитила там кандидатскую диссертацию, несмотря на голос «против», поданный автором настоящего отзыва. Научный руководитель — калужский профессор А.К. Зайцев настоял на её защите. В этой работе, ошибочно оценённой как диссертация, разделяются его бредовые идеи предельно антинаучного толка. Так, переизбираясь недавно на новый пятилетний срок в должности заведующего кафедрой философии Калужского университета, Зайцев выступил с докладом об экологии сознания, который завершил следующим предупреждением землянам: в космосе де сто миллионов более продвинутых, чем мы, сапиенсов ждут своей очереди переселиться на Землю... Присутствовавший на докладе профессор А.С. Стрельцов, видный историк русской философии, поинтересовался у докладчика, кто и как посчитал будущих захватчиков? Где источник этих сведений? Зайцев от ответа ушёл, хотя на самом деле перед нами абсурдная идея основоположника Церкви сайентологии пресловутого Рона Хаббарда.

- совершенно непонятные *опечатки*, которые точнее назвать ошибками неграмотного человека — как иначе объяснить, что половина имён учёных и философов приведена с искажениями: «Пико дела Мирадоло», «П. Помпонацца», Т. Кампанелло, «Дж. Пасомор» и т.д. — за такие ошибки ставят двойки школьникам и студентам; здесь же, по всей вероятности, всему виной сканер, неизбежные погрешности которого некому было поправить;

- *стилистические ошибки*: «перемены и трансформации» (дважды на с. 3) — голимая, как сейчас говорят, тавтология, «трансформация» это и есть «перемена», только в виде латинской кальки; «понятие и определение телесности» (с. 8) — понятие это и есть определение важнейших свойств того или другого объекта, либо класса объектов; множество тому подобных ляпсусов;

- *элементарные ошибки* в русской грамматике: слово «также» в качестве наречия пишется слитно, а автор неоднократно пишет его как наречие с частицей раздельно (с. 3, 4 и др.); непоставленные запятые: «характеристика и человеческой природы и бытия» (с. 7); несогласование падежей в сложных предложениях («посредством деятельностью» (с. 8)); «скомпановано» (с. 9); «исследователи об эволюции» (с. 10); «взгляды о телесности» (с. 17) — так даже в Одессе не говорят; претендентка на учёную степень не только неграмотна на уровне начальной школы, но и ленива, безответственна;

- *нарушения правил стилистики* академического изложения; почему-то после имени только одного Б.Г. Юдина следует в скобках перечень его степеней и званий в сокращённой форме («д. ф. н., проф., член-кор.» — зачем это? мы и так это знаем);

- нарушение правил *библиографического описания при сносках*: принято при цитировании инициалы помещать после фамилии, вот в тексте работы надо делать наоборот;

- вопиющая неряшливость при наборе текста: много непоставленных точек; напротив, точки там, где они не нужны (перед знаком // в сносках); путаница строчных и заглавных букв («Под Ред. такого-то» — с. 3); путаница дефиса (-), знака между датами, высокого тире (—) и собственно тире (—); пропуски букв («ридцать лет» (с. 3)); вместо знака № даётся латинская буква N; и т.д.;

- непонимание некоторых иностранных слов: «конкретность и абстрактность физических нагрузок» (с. 12) — это же «сухая вода», как могут быть абстрактны физические упражнения?

- вовсе непонятные словосочетания: например, «попытка выстроить ряд объяснения эмпирического обобщения»? (с. 4). Это предложение из диссертации и ему подобные производят впечатление тяжёлого бреда.

Всё, что я назвал до сих пор, вообще-то можно исправить — если с авторефератом час-другой поработает любой грамотный человек с выс-

шим образованием. Важнее обратить внимание на *вопросы по содержанию автореферата*:

- без всяких оговорок, как само собой разумеющиеся представлены *концепции, носящие спорный характер*: «балансирование на грани существования планеты и человечества» (с. 3) — подобный экологический апокалиптизм раздувают журналисты, а вместе с ними движения радикальных экологов со своими собственными, во многом корыстными целями; специалисты в своём большинстве не разделяют такого рода слишком мрачных пророчеств — наличие глобальных проблем человечества пока что не ставит под угрозу его существования (за исключением мировой ядерной войны или массивного астероида, но их вероятность пренебрежимо мала); например, глобальное потепление скорее всего вызвано отнюдь не технологическими факторами, а представляет собой один из естественных макроциклов климата на планете;

- нелепая терминология научного руководителя автора диссертации профессора А.К. Зайцева (вроде: «постпостнеклассическая наука творения и творчества») (с. 5); хоть зашибись, никто не поймёт разницы между этими заключительными терминами — чем «творения» отличаются от продуктов «творчества»?

- откровенно утопические рецепты спасения человечества того же Зайцева путём «проживания семей в родовых поместьях» в занятиях «духовным земледелием» (с. 14) — эти «поместья» придётся ограждать танками и пулемётами от тех миллиардов землян, кто туда не попадёт, что, впрочем, уже и делается; почему не сказать проще, по факту: на дачах люди отдыхают душой?.. Нет, надо «гнать» про несусветное «духовное земледелие»...

- прямые *ошибки в истории философии*: Век Просвещения почему-то начат с Ч. Дарвина? (с. 5); псевдоним Вольтер принадлежал Франсуа Мари Аруэ (1694–1778), так что «Ф.М. Вольтер» (с. 5) — нонсенс; вообще в историко-философском обзоре перечислена масса имён мыслителей всех времён и народов, но применительно ко многим из них проблематика телесности никак не раскрыта; допустим, сказано, что «у М. Бубера человек — «пришелец и одиночка»» (с. 5) — ну и причём тут телесность?

- перемешаны философско-теоретические исследования проблемы телесности и прикладные методики изменения человеческого сознания; эти последние носят или локально-психотерапевтический (вроде психоанализа или гипноза), или развлекательно-игровой, или откровенно шарлатанский характер — в автореферате же все они, что называется, одним миром мажутся; например, утверждается, будто «психосоматическими структурами сознания занимается Ю.М. Шилков, М. Садомирский» (с. 5). Во-первых, их двое, значит они «занимаются». Во-вторых, покойный профессор СПбГУ Юрий Михайлович Шилков занимался теорией познания и сознания, а никому не известный Садомирский пытался научить широкие массы психосоматической терапии, что весьма проблематично и небезопасно для здоровья людей; сколько мне известно, руководитель автора

диссертации А.К. Зайцев, в свою очередь, подрабатывает сеансами групповой терапии — я убеждён, что это обман трудящихся, что подпадает под статью Уголовного кодекса России, наказывающую за врачевание без диплома или, пуще того, мошенничество;

- я категорически возражаю против попыток введения в научно-философский оборот разного рода *неканонических, эклектических вариантов мистицизма* самого дурного сорта, которые, в частности, предпринимаются в настоящей работе: писания Е. Блавацкой, Р. Штайнера, целого семейства Рерихов принадлежат истории человеческих заблуждений и должны рассматриваться по этой части; этого рода мистика равно осуждается как рациональной философией, точной наукой наших дней, так и настоящими религиями, их богословиями, начиная с РПЦ; очень близко к этим вариантам шарлатанства стоят чуть более завуалированные мистики вроде Г.И. Гурджиева, Петра Демьяновича Успенского, Кастанеды, С. Грофа и прочих в том же сомнительном роде;

- следствием подобного эклектизма выступает элементарная *путаница рациональных понятий с откровенными фантомами* — автор вслед за своим «научным руководителем» утверждает, будто «телесность человека ... определяется не только физическим телом, но и его полевыми структурами; взаимодействием человеческого индивида с полевыми структурами окружающего мира» (с. 10); как известно любому школьнику, — физические поля представляют собой невещественную часть материи, а тело, организм — это прежде всего вещество; как именно психические функции головного мозга связаны с биофизикой мозга и остального организма, пока доподлинно неизвестно учёным, изучение продолжается, но это не повод выдумывать какие-то фантастические «полевые структуры человека», не фиксируемые ни в каком эксперименте;

- в библиографии диссертации присутствуют публикации, официально осуждённые в качестве паранаучных комиссией РАН по борьбе со лженаукой (например, про выдуманные в корыстных целях «торсионные поля» и т.п.).

Автором настойчиво пропагандируется чистая экстрасенсорика: «Внешними органами чувств (зрение, осязание, обоняние [— ? маловато будет — С.Щ.] — в виде света, тепла, болевых импульсов. Более тонкими структурами воспринимаем другую энергоинформацию» (с. 12) — то есть заявляется возможность получения лично значимой информации по сверхчувственным каналам, т.е. парапсихология. На этом базируются выдумки про телекинез, телепатию, спиритизм и прочие оккультные увлечения антинаучного и внеканонического сорта.

Термин «телесность» означает материальную, земную, тварную часть человека — в противоположность его же душевным, духовным составляющим. Объективную телесность надо отличать от «образа тела» в том или ином типе общественного сознания. Духовные явления культуры тесно взаимосвязаны с её материальной основой, включая тело человека как носителя культурных традиций, субъекта деятельностей и объекта

разных практик, включая духовные же. Как именно сочетаются названные концепты — проблема для науки и философии. Но для автора диссертации этой проблемы не видно. Термины физики и синергетики автор диссертации использует не в метафорическом, а в прямом смысле. Так, произвольно утверждаются некие «квантовые скачки» не только в природном микромире, но и в бытии человеческого тела (с. 13). Мне совершенно непонятно, что нам даёт замена рационально обоснованных понятий катарсиса, стресса, инсайта, духовного преображения и похожих метафорой квантования?

Сошлюсь на правильную, с моей точки зрения, оценку всей этой тематики: «... Почему бы для наших целей не обратиться к холистическим натурфилософским традициям Китая, Индии, Греции, современному шаманизму или новоевропейским эзотерическим доктринам...? Этот путь возможен, но не научен, он всего лишь онтологизирует новые мифы вместо старых, без всякой перспективы их научного обоснования. ... Современные квантовые феномены активно привлекаются, но всего лишь как эвристические объяснительные метафоры сферы психики»³³⁵.

Навязчиво перечисляемые во второй части работы голословные утверждения о пользе разного рода психотренингов, «обучающих курсов и семинаров» в качестве «образовательных учреждений нового, новаторского типа» (с. 18) должны быть разоблачены с позиций науки и практики, в том числе юридически. Перед нами или добровольное заблуждение их адептов, или расчётливое мошенничество, сознательный обман доверчивой части публики в корыстных целях (за сеансы «духовного обновления» доверчивые и недалёкие люди платят деньги шарлатанам). У научного руководителя этой диссертации профессора А.К. Зайцева по моим многолетним наблюдениям его поведения на защитах в Туле сочетаются оба названных мотива.

Итак, эта диссертация и её автореферат представляют собой попытку представителей откровенной паранауки получить официальный статус в виде государственно установленной учёной степени. Эта попытка чревата тем, что не только будут закрыты отдельные научные центры, допускающие подобную профанацию философии и науки, но и авторитет отечественных гуманитариев в целом будет подорван, сократится финансирование их реалистических проектов. Не стоит этого допускать³³⁶.

24 ноября 2009 г.

³³⁵ Буданов В. Как возможна квантово-синергетическая антропология (синтетические миры телесности) // Телесность как эпистемологический феномен. М., 2009. С. 57.

³³⁶ Эта несуразная «диссертация», повторю, всё же была защищена в диссертационном совете Тульского педагогического университета, и автор настоящего отзыва принимал участие в этой защите. Мой голос против неё не помешал малограмотной «соискательнице» получить искомую учёную степень. Что ж, таковы реалии постсоветской науки. Скорее типичные для неё, чем исключительные. См. выше для доказательства этого пессимистического вывода мои отзывы на докторские диссертации Т.Н. Арцыбашевой, А.В. Апанасёнка и им подобные подделки под науку.

НАША ШКОЛА ПРИ ФАШИСТАХ

*Отзыв на автореферат диссертации С.И. Гальченко
«Проблемы развития системы школьного образования
на территории Курской области в годы
Великой Отечественной войны»,
представленной на соискание
учёной степени кандидата исторических наук
по специальности 07. 00. 02 — отечественная история³³⁷*

Знакомство с авторефератом диссертации Светланы Ивановны Гальченко позволяет мне заключить, что отечественная историография Великой Отечественной войны, российской культуры пополнилась научным исследованием, материалы и выводы которого будут с интересом восприняты как специалистами историками, так и более широким кругом мыслящих читателей. Хотя по этой теме уже имелись публикации (скрупулёзно учтённые автором в соответствующем обзоре и по ходу изложения), но в данной работе существенно расширена документально-архивная база и более системно выполнена аналитика всех видов источников. Отличительной чертой этой работы является более широкое рассмотрение общественного контекста избранного периода школьной истории: показано становление советской системы школьного образования, его достижения в предвоенный период, а с другой стороны — прослежены последствия военных испытаний для типичных школ, оказавшихся в зоне боевых действий и вражеской оккупации. Все выводы и наблюдения автора представляются мне надёжно аргументированными. Текст диссертации заслуживает публикации в виде монографии, либо учебного пособия. С учётом этой перспективы выскажу несколько пожеланий для возможной редакции текста. Они не затрагивают того, что в нём уже есть, а относятся к возможным дополнениям, пояснениям авторского материала.

Хотя по ходу изложения даются сноски на некоторые ключевые термины («неофашизм», «оккупация», «коллорабонационизм» и т.д.), стоило дать такое же пояснение к первому слову самого названия работы. Слово-сочетание «Проблемы развития» может трактоваться двояко: автор, очевидно, имеет в виду «проблему» в методологическом смысле, как тему для изучения; но то же самое слово может быть понято и в онтологическом ключе — как реальные трудности, возникшие перед нашими школами во время войны.

Достижения советской системы среднего образования, составлявшего фундамент так называемой культурной революции, в автореферате отражены хорошо. Ничего не сказано о недостатках этого же процесса. А их было немало: чрезмерная идеологизация учёбы; дискриминация учеников

³³⁷ Отзыв, написанный по просьбе автора диссертации и высланный в соответствующий диссертационный совет.

и учителей по классовому признаку; принудительная атеизация школы; упрощённая подготовка новых поколений учителей для неё; репрессии старых педагогических кадров ³³⁸. Достаточно почитать воспоминания современников той поры, даже многие художественные произведения (В. Каверина, А. Гайдара, К. Чуковского и др.), чтобы получить более реалистичную картину. Материальная база советских школ хотя и укреплялась постепенно, в значительной их части, особенно на селе, оставалась убогой, значительно ниже средней дореволюционной (ветхие, непригодные здания; плохое отопление зимой, отсутствие почти всех прочих бытовых удобств; скудость приборов и инвентаря, сплошная унылость интерьеров, отсутствие не то что бассейнов, но внутренних туалетов и даже спортивных залов.

Так что в своём, конечно, роде большевики стремились развивать школу — поставить её на службу строительства социализма, «великому и могучему Советскому Союзу» точно так же, как немцы пытались это сделать в годы оккупации применительно к своей «Великой Германии». Принципиальных различий я не вижу.

Применительно ко второму разделу работы С.И. Гальченко, в целом весьма убедительному, я бы обратил внимание на драматизм жизненной ситуации тех школьных работников, сотрудников других учреждений культуры, которые по разным причинам не смогли, не сумели вовремя эвакуироваться и остались жить на своих родинах при немцах. Не работать в своих учреждениях, которые немцами были открыты заново (школах, краеведческом музее, архиве, театре, больницах и т.д.) означало либо голодную смерть без зарплаты, либо высылку на работы в Германию. Тех, кто работал, оккупанты не трогали. С другой стороны, речь идёт не только о личных судьбах провинциальных интеллигентов, но и об их учреждениях. Война, не война, а детей учить надо; больных лечить надо; культурные ценности хранить надо. Между тем после освобождения оккупированных территорий, многие из тех, кто работал при немцах, поверглись репрессиям как «изменники родины» ³³⁹. На самом деле изменили родине те, кто бездарно отдали полстраны захватчикам — советское партийно-политическое руководство в центре и на местах.

³³⁸ См., например, опубликованное мной дело НКВД против краеведов Курской и соседних областей, среди которых было немало учителей: *Щавелёв С.П.* «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 годов. (Курский «филиал»). Курск, изд-во Курского гос. ун-та, 2007. 272 с., илл.

³³⁹ См. примеры в моих работах: *Щавелёв С.П.* Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 3. Советское краеведение в провинции: взлёт и разгром (1920-е–1950-е гг.). Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2002. 200 с.; *Его же.* Историки Курского края. Биографический словарь. Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2009. 468 с.

Война, безусловно, нанесла большой ущерб русской культуре, в том числе школьной. Но сопоставимый удар по ней был нанесён советским руководством. Эксперименты со школами в 1920-е гг. (замена классно-урочной системы «бригадным методом»); массовые репрессии интеллигенции в 1930-е – 1940-е гг. выкосили не меньше, а больше полезных школе работников, чем годы военного лихолетья. Тоталитарный подход к системе образования искоренял творческую мысль, личностное разнообразие будущих специалистов. Вне системы «октябрята — пионеры — комсомольцы — коммунисты» в СССР невозможно было сделать никакую карьеру ни на производстве, ни в системе культуры. Стравливание разных поколений, отцов и детей подрывало основы семьи, главной опоры государства в традиционном социуме, каким был СССР. Нелегко «прививать волю к победе и любовь к своей Родине, к своему народу» (с. 23 автореферата) когда, допустим, твоего отца расстреляли как врага народа, братья погибли на войне, а ты с матерью живёшь впроголодь при карточной системе распределения хлеба и других жизненно необходимых вещей... Беспризорники, хулиганы, сироты, инвалиды — они тоже были детьми той войны и их было куда больше детей из относительно благополучных семей до- и послевоенного периодов.

Мои ремарки, повторю, носят сугубо дополнительный, уточняющий характер по отношению к отдельным моментам реферативного изложения диссертации С.И. Гальченко. В целом эта работа представляется законченным историческим исследованием, вполне достойным искомой учёной степени кандидата наук по заявленной специальности в соответствии с действующими критериями Высшей аттестационной комиссии. Публикации автора демонстрирует многолетнее кропотливое исследование её темы, весьма полно вводят собранные в работе богатые материалы и новые выводы в научный и просветительский оборот.

ПОЗИТИВИЗМ И ГУМАНИЗМ

Отзыв

на диссертацию Е.Е. Михайловой

«Проблема социокультурного развития

в российской позитивистской философии истории

второй половины XIX – начала XX века» (Тверь, 2005),

*представленную на соискание учёной степени доктора философских наук по специальности 09. 00. 03 — история философии*³⁴⁰

Интерес философов и представителей других направлений гуманитарного исследования к идейному наследию русской науки и культуры «серебряного века», вспыхнувший лет двадцать назад со снятием идеологических запретов на «реакционную буржуазную философию», до сих пор не снижается. Продолжают публиковаться работы русских мыслителей XIX – первой половины XX в., их истолкованию посвящаются всё новые диссертации и монографии. В их числе принадлежит и рецензируемая диссертация Елены Евгеньевны Михайловой из Тверского технического университета, и соответствующие этой диссертации монографии. Их тематика представляется мне актуальной прежде всего потому, что об отечественном позитивизме у нас писали гораздо меньше, чем о представителях религиозно-богословской, моралистической философии в России. А историософская, культурологическая составляющая позитивистской доктрины специально рассматривалась в академической литературе куда реже, нежели науковедческая, эпистемологическая; к тому же главным образом с односторонних, советско-марксистских позиций. Так что актуальность сформулированной Е.Е. Михайловой темы представляется мне бесспорной.

Предмет своего рассмотрения автор диссертации трактует достаточно глубоко и широко. Соотношение истории, культуры и социума — сквозная тема историософской рефлексии, в особенности с начала Нового времени в жизни западного мира. Скажем так: если история традиционно мыслится как некий объективный процесс трансформации общественной жизни, то её поток поглощает собой без видимого потомкам следа усилия индивидуальных, да и групповых субъектов культурного творчества, нивелирует конкретно-историческую уникальность их духовной и материальной активности? Способно ли в таком случае индивидуальное начало найти своё место на общем фоне универсального в социальной сфере и как возможно философско-историческое описание этого процесса? Как репрезентировать уникальные акты культурсозидания и, соответственно им, типы культур? Такого рода вопросы продолжают активно дебатироваться современными мыслителями, политиками, писателями.

³⁴⁰ Отзыв (по просьбе профессора А.Н. Курцева) был составлен и послан в соответствующий диссертационный совет.

Е.Е. Михайлова сформировала солидную источниковую и предметно-тематическую базу рассмотрения подобного круга проблем. В этом, прежде всего, заключается научная новизна её диссертации и прикладная — педагогическая, теоретико-академическая, публицистическая значимость выполненной работы. Переживаемому нами в начале III тысячелетия новой эры историческому моменту особенно созвучна препарированная в этой работе дискуссия о всемирной истории, где в своё время внушительно прозвучал голос российского позитивизма (Глава II диссертации).

Следует одобрить представленный в диссертации отбор персоналий. И конкретно-научное, и политико-публицистическое, и историософское творчество К.Д. Кавелина, Н.И. Кареева, В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова, Р.Ю. Виппера и Н.А. Рожкова со всей очевидностью свидетельствует, что проблема взаимосвязи истории, культуры и общества может быть решена положительно. Принятый ими тезис о всемирной и национальной линиях истории человечества как процессе эволюции множества векторов людских общностей позволяет учитывать и общую историческую панораму, и типологические, даже уникальные особенности каждой культуры.

Обширный комплекс источников и их обстоятельный анализ позволил Е.Е. Михайловой сделать интегральный в рамках её темы вывод о том, что в позитивистском ракурсе гуманистический смысл истории человечества и составляющих его народов стал главным в осмыслении проблемы социокультурного развития. Как ярко показано в диссертации, теоретики русского позитивизма старались уйти от одномерного видения исторического процесса, безуспешно пытались на основе многофакторного анализа осуществить гибкий синтез различных подходов, сложившихся в историософии Нового и Новейшего времен. Е.Е. Михайлова в своей работе доказывает, что в границах позитивистского мышления до конца не снимается (и, вероятно, методологически и не может быть снято) противоречие поступательного хода общественно-исторического прогресса, с одной стороны, а с другой — гуманистического измерения в принципе той же человеческой истории. По мнению автора диссертационного исследования, причина тому, скорее всего, коренится в методологических предпосылках историософии позитивизма — в вечной дилемме эмпирической истории и теоретических спекуляций, обобщений по её поводу.

Тем не менее практически все персонажи этой диссертации оставили нам не только философские трактаты, либо эссе; не только спекулятивные озарения да конъюнктурные опусы на злобу дня, но и серьёзные конкретно-исторические исследования. Этот факт я склонен трактовать не в ортодоксально марксистском духе проверки теории практикой (в данном случае — источниковедения и критики источников). Среди разных соображений духовной совместимости позитивизма и исторической науки выделю отмеченную выше принципиальную эклектичность позитивистской историософии. Монизм разного рода — от материалистически-марксистского (в духе Г.В. Плеханова) до богословско-мистического (В.С. Соловьёв и

груда его последователей) оказался оторван от практики исторического познания. А вот позитивизм позволил основать на отечественной почве целый ряд ярких научных школ в области всеобщей и российской истории. Объяснения этого факта находятся в рецензируемой диссертации, и в этом заключается её несомненная научная значимость.

Что касается замечаний и предложений автору диссертации, то они с моей стороны носят явно подчинённый похвалам характер. Точнее говоря, — пожеланий на будущую работу над темой. В этом смысле Е.Е. Михайловой стоит подумать о некотором расширении персонального диапазона. Почти все её «герои» относятся к либеральным кругам русского позитивизма (за исключением разве что самого «левого» политически среди них эсера Н.А. Рожкова, к тому же рассмотренного довольно бегло по сравнению с другими фигурами). Между тем позитивизм повлиял и на представителей социал-демократических, даже большевистских кругов нашей интеллигенции и её духовных вождей. Сошлюсь хотя бы на А.А. Богданова с его антиутопиями, не говоря уже о В.И. Ленине и иже с ними. В том же духе стоило посмотреть на работы тех русских историков, которые чурались теоретических построений, но неизбежно реализовывали их в практике своей исследовательской работы. Наудачу укажу на С.Б. Веселовского с его доказательным разоблачением опричнины Ивана Грозного в тех условиях, когда с подачи И.В. Сталина её же идеализировали. Имеется в виду, что гуманистические стороны исторического процесса, культурные предпосылки цивилизации возможно анализировать и на конкретно-научных материалах.

Наконец, выскажу не то, чтобы замечание, но некоторое удивление структурой автореферата этой диссертации. В принципе он полностью отражает основное содержание текста диссертации, однако отличается необычной для данного жанра структурой. А именно: основное содержание работы резюмировано всего лишь на трёх страницах автореферата, а остальные почти полсотни посвящены подробному изложению выводов диссертационного исследования. Обычно указанные части реферата распределяются более пропорционально. Однако практически весь материал этой диссертации опубликован и монографически, и в весьма представительных академических изданиях, включая те, что присутствуют в известном списке Высшей аттестационной комиссии. Поэтому и специалистам, и всем интересующимся этой тематикой доступ к работе Е.Е. Михайловой обеспечен.

Диссертационное исследование Елены Евгеньевны Михайловой — «Проблема социокультурного развития в российской позитивистской философии истории второй половины XIX — начала XX века» вполне, на мой взгляд, соответствует требованиям, предъявляемым Высшей аттестационной комиссией России к работам на соискание учёной степени доктора философских наук по специальности 09.00.03 — история философии. Автор

этой диссертации безусловно заслуживает присвоения искомой учёной степени доктора философских наук.

31 января 2005 г.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЛАГЕРЯ

В.А. Бердинских.

Вятлаг. Киров. Кировская областная типография. 1998. 336 с. ³⁴¹

Книга доктора исторических наук В.А. Бердинских посвящена истории Вятского исправительно-трудового лагеря ОГПУ (МВД) СССР. На огромной карте «архипелага ГУЛАГа» то был всего лишь один из множества (более 50) «островов» - лагерных комплексов, далеко не самый крупный. Но именно в монографическом изучении одного-единственного советского лагеря — главная новизна и высокая ценность этого труда. Более или менее широкие полотна, выполнявшиеся прежде на гулаговскую тему, — научно-публицистические книги А.И. Солженицына, Р. Конквеста и других замечательных авторов; мемуары выживших (подобно В.Т. Шаламову, О.В. Волкову, Е.Я. Гинзбург) узников; первые «Книги памяти жертв политических репрессий» по различным областям страны, — сделали своё нужное дело — убедили всех не лишённых здравого смысла людей в безусловной преступности лагерной системы вообще, её сталинского варианта в особенности. Они подготовили читательскую аудиторию для изданий, подобных рецензируемому, где феномен советского Лагеря подвергается скрупулезному конкретно-историческому анализу. И как в капле воды субстанция этой жидкости очевиднее, нежели в отдалённом от наблюдателя её океане, так благодаря книге об одном лагере яснее становится природа общества и власти, поставивших себе основанием Лагерь.

Прошло всего несколько лет с тех пор, как для исследователей были открыты архивные фонды ГУЛАГа и отдельных его лагерных комплексов. В.А. Бердинских одним из первых и сполна воспользовался этой возможностью: его книга построена на солидном массиве документов, представляет собой концептуальное осмысление и статистическое обобщение почерпнутых из них цифр и фактов. Эти документальные материалы взяты (впервые) прежде всего, конечно, из неплохо сохранившегося архива собственно Вятлага, а кроме того, — из фондов многих центральных учреждений НКВД (МВД), командовавшего тюремно-лагерной системой СССР. Весьма содержательные документальные приложения даны к отдельным разделам книги и к ней в целом.

³⁴¹ Рецензия с мелкими редакторскими правками опубликована: Вопросы истории. 2000. № 1. С. 163–164.

Структура книги стройна и логична: в числе 8 её глав чередуются те, что посвящены важнейшим периодам эволюции Вятлага (формирование: 1938–1941; испытание на прочность в годы войны: 1941–1945; расцвет лагерной системы: 1946–1953; её свёртывание в годы «Оттепели»: до начала 1960-х гг.), с теми, которые рассматривают отдельные аспекты лагерной жизни — хозяйственно-экономический, демографический, социально-политический, ментально-идеологический, этнокультурный.

Специализацией вятского «узла» советских лагерей были лесоповал и первичная обработка древесины. Именно этот объект труда заключённых послужил наиболее, на мой взгляд, типичной, показательной моделью советской лагерной системы вообще. В отличие от заполярного угля Воркуты, вечномерзлотного золота и урана Колымы, касситеритовых рудников Казахстана, трасс Тайшета, Ухты и тому подобных запредельных «рекордов» ГУЛАГа, покорять вятскую тайгу чекисты могли бы, пожалуй, куда более эффективно и без таких людских потерь, каких «добился» Вятлаг за четверть века своего функционирования.

Исследование В.А. Бердинских отличает ориентация на человека, его жизнь и смерть, остаток его судьбы в условиях (заведомо антигуманных, даже безнадежных) лишения свободы, как правило, несправедливого. В центральных главах книги рассмотрены такие ключевые для гулаговской антропологии темы, как лагерная среда обитания, отношения мужчины и женщины, секс и любовь за колючей проволокой, язык лагерных символов, разные категории заключённых в отдельные периоды истории лагеря, мир его вольнонаёмных сотрудников, охраны и начальства. Читая книгу, лишней раз убеждаешься, как упрощает прошлое чёрно-белый, предвзятый подход. Так, среди «граждан начальничков» над «зэками», портретную галерею которых живописует автор, были и оголтелые садисты, бездумно и зазря губившие свою «рабсилу», а были и матерые хозяйственники, рачительные администраторы, создававшие «зэка» относительно сносные условия существования в том же самом лагере. Но даже способные чекисты не могли (да и не хотели) менять внутрилагерных порядков, где вместо советской власти фактически царствовали воры-рецидивисты, разбойники и бандиты. Все без исключения руководители, умудрявшиеся выполнять всё растущие планы лесоповала, при этом безжалостно и бездумно губили таёжную природу, ничуть не заботясь о безотходных и восстанавливающих её технологиях.

Цифровая «клиометрическая» аналитика органично сочетается в книге с событийным, биографическим нарративом. Социологической, даже историософской мерки выводы и обобщения автора выглядят поэтому доказательными, аргументированными (конечно, согласно правилу «Имеющий уши да слышит!»). Эти выводы представляются весьма актуальными, общественно значимыми в условиях нынешней ностальгии у значительной части россиян по былому советскому «порядку», «стабильности и справедливости» социалистического строя, способностям его во-

ждей. У общественной психологии, конечно, свои законы и весь народ просто не может вечно терзаться муками совести и памяти о своих невозвратных утратах. Однако по крайней мере преподавание новейших отрезков истории России в средней и высшей школе должно, по моему убеждению, использовать аргументы и выводы таких исследований, каково выполненное В.А. Бердинских. Гражданское примирение в российском обществе не может означать забвения понесённых им же абсурдных жертв.

Приведу только некоторые обобщения ужасного вятлаговского опыта: «Лагерная экономика с 1930-х гг. стала важнейшей опорой советской экономики, на которой во многом держалась сталинская модель социализма»; «В Советской стране в целом, в лагере в особенности, применение техники ничуть не уменьшало и не облегчало физический труд, а наоборот — увеличивало его интенсивность»; «советское рабовладение — самое варварское по степени жестокости в отношении к заключённому, фактическая ценность головы которого была очень невысока, что вполне понятно — резервуар постоянно пополнялся и источник был неистощим и всегда под боком — свой народ»; «отвращение к труду — главная черта лагерной жизни»; «образ выживания в лагере вобрал в себя всё худшее, что есть в человеке». Все эти и другие выводы основаны, повторяю, на статистической обработке массы единичных подтверждений, снабжены выразительнейшими примерами из жизни и быта вятского филиала ГУЛАГа.

На разработке темы этой книги наилучшим образом сказалась научная специализация её автора. В.А. Бердинских известен своими работами по развитию краеведения в российской провинции, устной истории нашей страны. Собственные мемуары и записи рассказов-воспоминаний бывших узников Вятлага, поступившие в личный архив историка и другие краеведческие коллекции, сообщают его исследованию необыкновенную достоверность, рождают эффект присутствия читателя при событиях, происходивших в разных уголках лесной империи НКВД. Как видно, броская максима: «История начинается тогда, когда уходят последние очевидцы», не слишком верна.

Правда, призывая бывших лагерников записывать свои мемуары и жалуюсь на то, что «основная масса бывших заключённых молчат, словно они “прокажённые”» (с. 144), автор, как мне кажется, обнаруживает непонимание того, что можно назвать «онемевшей в людях историей» (Ева Анчел). Далеко не каждый выживший в условиях голода, фронта, блокады, тюрьмы, лагеря и тому подобных экстремальностей найдёт в себе душевные силы для мало-мальски систематических и вполне правдивых воспоминаний, даже в условиях демократической «оттепели». И этих людей надо понять: чудовищность пережитого разрушает ценностные установки (включая меморативную) общества, которое забыло их в окопах да на нарах. Тем большее впечатление производят рассказы тех мучеников ГУЛАГа, что удалось всё же запечатлеть В.А. Бердинских.

Особое читательское внимание обеспечено биографическим очеркам, содержащимся в книге. Они посвящены замечательному поэту «родом» из Вятлага Борису Чичибабину, самобытному мыслителю Димитрию Панину, композитору П.А. Русакову (под псевдонимом Поль Марсель сочинившему музыку романса «Дружба», ставшего, на мой взгляд, своеобразным антигимном эпохи лагерей; переаранжирующие эту песню сегодня эстрадники совсем не понимают, к счастью, куда это именно её лирический герой отправляется «в дальний путь на долгие года»), графине А.К. Оболенской-Волконской, другим «зэка», именитым и неизвестным на воле, но как на подбор колоритнейшим личностям.

Кому-то из коллег автора этой книги — профессиональных историков могут не понравиться отдельные моменты публицистичности, даже беллетризации её изложения (поэтические эпиграфы, лирические отступления, морально-оценочные сентенции автора). Но ведь гораздо труднее было бы понять исследователя, путешествующего архивно-мемуарными тропами по кругам лагерного ада, «добру и злу внимая равнодушно»... Впрочем, итоговый «Перечень архивных документов, опубликованных в книге» не вполне заменит многим её читателям отсутствующие там постраничные ссылки на источники и литературу, использованные автором. Встречаются в тексте книги и оставшиеся неустранимыми её редактором грамматические погрешности, особенно досадные на фоне явных писательских способностей автора.

К исследованию весьма предусмотрительно приложен словарь блатного говора (фени), однако записанный почему-то со слов не прошлых, а нынешних лагерников (ведь арго имеет тенденцию к периодическому обновлению). Не все лагерные термины поясняются автором точно. Например, пресловутый чефир — это не просто «густо-густо заваренный», но и основательно прокипячённый уже после такой заварки чай. Сразу видно, что автор не служил в армии. Словарь всё же не только облегчает читателю понимание лагерного жаргона, но и лишний раз убедительно демонстрирует, насколько глубоко и органично лагерная система повлияла на все стороны жизни нашего общества — его быт, культуру, речь, жизненную философию самых разных социальных слоев, вплоть до интеллигентской и политической элиты. «Элементы комплекса ГУЛАГа растворились в советской действительности. Внутри- и внелагерный миры едины, так как они строились одними и теми же людьми по единому замыслу и из того же материала» (с. 110), — справедливо заключает автор.

Выразительна подборка иллюстраций монографии — копии актовых материалов лагерного делопроизводства, ландшафты Вятлага, фотопортреты его хозяев и их узников, карты расположения лагпунктов, тому подобные изображения.

В нынешних условиях подорожания типографских работ монографии историков, особенно в провинции, всё чаще выходят в свет абы как — на плохой бумаге, практически без переплётов, микроскопическими тира-

жами. Полиграфическое качество же рецензируемого издания на редкость высоко — в твёрдой обложке, с выразительным её форзацев и прочих элементов изданной тысячным тиражом книги оформлением (художника А. Селезнёва), на белой плотной бумаге, остальными аксессуарами книгоиздательской нормы, а не наметившейся в научном книгоиздании патологии.

Одобрив и всецело рекомендуя как историкам, так и самому широкому кругу читателей книгу В.А. Бердинских, сознаюсь: она оказалась особенно близка, интересна мне лично потому, что я родился и вырос в Магадане. На моей мальчишеской памяти по улицам этого города — подлинной столицы ГУЛАГа — перестали водить чернобушлатных зэков колоннами и стали возить их на грузовых машинах с парой автоматчиков в кузове у кабины. Свои впечатления от тюрем, лагерей, этапов, пересылок сохранили многие тысячи сограждан. Отрадно теперь знать, что народная память об эпохе советского террора запечатляется на будущие века столь понимающими и добросовестными авторами, каков В.А. Бердинских. История УСВИТЛа, МАГЛАГа и других лагерных комплексов советской карательной империи ждёт своих заинтересованных и компетентных исследователей.

ЛАГЕРЬ В ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

*Отзыв официального оппонента на диссертацию Ю.Н. Басенко
«Судьба интеллигенции в контексте эпохи в творчестве
А.И. Солженицына» (Курск, 2006), представленную на соискание учёной
степени кандидата исторических наук по специальности
07. 00. 02 — отечественная история*³⁴².

Современный этап развития исторической науки отличает разнообразие теоретических, методических, источниковедческих подходов, гармонирующее с разнообразием тематики воссоздания прошлого. Одним из относительно новых для отечественной историографии направлений является, можно сказать, литературно-художественная история — реконструкции того, как понимали ход исторических событий великие писатели, кинематографисты, живописцы, другие художники, и как этот самый ход запечатлелся в их произведениях. Вообще-то, о том, как смотрели на историю корифеи отечественной словесности, написаны многие статьи, диссертации, монографии. В ряду последних выделяется обобщающий труд Л.В. Черепнина³⁴³. Однако все эти работы исходили из предвзятого идеологического знаменателя примерно такого рода: все наши великие писатели были одновременно крупными историками (по крайней мере — исторософами), к тому же они придерживались прогрессивных для своего времени взглядов. На самом деле художники слова относились к прошлому по-разному; некоторые (И.А. Гончаров, А.П. Чехов, например) остались вообще чужды историзму, их интересовало вечное или же злободневно-актуальное. Идейные установки, мировоззренческие декларации писателей могли отличаться от реальной практики их творчества (взять хотя бы Н.В. Гоголя — университетского лектора всеобщей истории и его литературные шедевры вроде «Тараса Бульбы»). Немало выдающихся художников русского слова блестяще моделировали родную историю, но лишь с одной-единственной её стороны, отвечающей характеру их дарования (так, М.Е. Салтыков-Щедрин оглушил матушку-Россию; напился, по выражению В.В. Розанова, русской крови и, довольный, отвалился в могилу...).

Первой работой, где рассматриваемая тема оказалась дана вполне конкретно и правдиво, явилась книга А.А. Формозова «Классики русской литературы и историческая наука» (на которую мне довелось опубликовать рецензию³⁴⁴). Тем самым был преодолен упрощённый взгляд на всех без

³⁴² Отзыв официального оппонента, оглашённый на соответствующей защите. Публикуется впервые.

³⁴³ См.: Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968.

³⁴⁴ См.: Щавелёв С.П. [Рец. на кн.:] А.А. Формозов. Классики русской литературы и историческая наука. М., 1995 // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 156–158.

исключения «властителей дум» среди наших беллетристов как на великих историков и, по крайней мере, философов истории. С другой стороны, оказался лишним раз проиллюстрирован важный тезис современной философии, теории познания, согласно которому наука, тем более гуманитарная, — не монополист в познании мира и особенно социума; что так называемые вненаучные проекции действительности (среди которых находятся литература и искусство) обладают для нас самостоятельной информационной ценностью.

Диссертация Ю.Н. Басенко примыкает к обозначенному направлению нынешних исследований по истории русской культуры и российской государственности. Эта работа появилась, на мой взгляд, как раз вовремя. Страсти вокруг творчества А.И. Солженицына поулеглись во всех полемицировавших о нём станах — и среди ортодоксальных коммунистов, против которых он прежде всего боролся; и среди соперничавших с ним (в том числе из-за субсидий «неправительственных организаций») эмигрантов; и среди его более или менее горячих поклонников из демократического лагеря на Родине (едва ли не последним всплеском этой идейной борьбы можно считать антисолженицынский памфлет Владимира Войновича ³⁴⁵, кстати сказать, неучтённый автором диссертации). Сейчас, когда уже никто не спрашивает у Александра Исаевича, «как нам обустроить Россию», самое время историографически объективно проанализировать вклад этого, что ни говори, выдающегося писателя XX века в наше национальное самосознание.

Ю.Н. Басенко и его научный руководитель профессор Г.А. Салтык правильно, на мой взгляд, конкретизировали тему «Солженицын — историк», и ограничились её судьбами русской, советской интеллигенции. Именно об этой части русского общества писатель думал больше всего, её судьбы его тревожили в первую очередь; к ней он сам принадлежал (или страстно стремился принадлежать поначалу своей жизненной эпопеи). Тут кстати сказать, что читанные (а недавно и виденные с телеэкрана) рассуждения писателя насчёт других классов русского общества грешат явной предвзятостью. Симпатизируя деревне и её жителям, Солженицын закрывает глаза на «идиотизм деревенской жизни» (К. Маркс) и все его производные. А рабочий класс индустриальной эпохи облыжно обвиняется им в бездушии. Художественный портрет интеллектуалов удался автору «Архипелага» и «Круга первого», кажется, куда ярче и сложнее.

План диссертации выглядит вполне логичным. Каждая из четырёх основных частей работы «надёжно подпирает» следующую. Первая — введение. Здесь дан солидный историографический обзор того, что писали о творчестве А.И. Солженицына его исследователи самых разных «цехов» — газетно-журнальные критики, публицисты, литературоведы, лингвисты, историки, социологи, политологи и политики, вплоть до психологов и правоведов. Выделенные диссертантом этапы освоения солженицынского

³⁴⁵ См.: *Войнович В.* Портрет на фоне мифа. М., 2002.

литературного наследия представляются обоснованными. Сегодня, правда, заметен следующий этап — увы, забвения этого писателя. Кроме безусловно гениального «Одного дня Ивана Денисовича» вряд ли что-то ещё из его вещей станут добровольно перечитывать как старшие, так и новые поколения наших читателей. Супружеская чета Солженицыных сейчас затеяла проект переиздания его полного собрания сочинений на Родине — посмотрим, какая часть тиража его будет раскуплена в московских магазинах... (причём тома будут не нумерованы).

Следующая часть работы — это её первая глава. Здесь внятно отмечены основные вехи становления писателя, очерчена общественная обстановка разных периодов его биографии. Удачно показан вклад писателя в принципиально новое (на Родине) прочтение советской истории и особенно этическое, психологическое воздействие прозы А.И. Солженицына на соотечественников. Во многом благодаря этому писателю то, что из-за границы звучало как клевета на Коммунистическую партию и Советское государство, было несколькими поколениями читателей осознано как жестокая правда. Тут есть ещё такой нюанс — полной картины лагерной, да «свободной» советской жизни этот писатель не дал. Её дали другие авторы, вещавшие, что называется, «из бездны». Например, В.Т. Шаламов. Но его «Колымские рассказы» очень тяжело (морально) читать, а тем более перечитывать. Литература не должна копировать жизнь, эстетика этого не выдерживает. Выбранная Солженицыным пропорция правды и вымысла оказалась более литературной и потому более убедительной в своё время. В этом её историческая роль, но отождествлять её с настоящей, научной историей, даже в символически-художественном её воплощении, не стоит.

Диссертант справедливо отмечает значительную заслугу писателя — собрание фонда источников по истории советского тоталитаризма. Сначала эти мемуары узников ГУЛАГа, разные другие документы органично входили в ткань солженицынской беллетристики, а сейчас они пополняют архив его московского фонда. Сюда же примыкает учреждённая им ещё при жизни премия своего имени. При всём утрированном к сегодняшнему дню национализме и антисемитизме писателя, его премии до сих пор удостаивались действительно выдающиеся писатели и учёные. Так что великий писатель не только своими произведениями, но и более практически поучаствовал и в исторической науке, и в её историографии.

Вторая глава составляет последнюю и основную из крупных частей диссертации. Здесь прослеживается эволюция взглядов писателя на историю страны, её движущие силы, её героев и её палачей. Верно отмечен ценный вклад Солженицына в сложный и запутанный вопрос о том, что же такое вообще интеллигенция (стр. 23 автореферата). Основное внимание диссертант вслед за своим автором уделяет интеллигенции литературно-художественной, да ещё инженерно-технической, что понятно и в общем правильно. Стоило бы добавить, хотя бы сносочно, о трагических судьбах представителей гуманитарных наук в сталинские годы (уже вы-

шли в свет довольно полные обзоры репрессированных археологов, этнографов, искусствоведов, литературоведов и прочих специалистов). Ю.Н. Басенко убедительно продемонстрировал приоритет А.И. Солженицына в объективном освещении ключевых моментов советской истории, прежде всего судеб научно-технической интеллигенции, Академии наук и Союзов писателей. Многие из соответствующих оценок, которые сегодня выглядят само собой разумеющимися, проникли в общественное сознание именно из сочинений этого писателя. Произведения профессиональных историков читают в лучшем случае они сами. А у сочинений писателей масштаба Солженицына — миллионы читателей, самых разных по возрасту, социальному положению и месту жительства. Эта незаменимая роль искусства в трансляции исторического знания верно отмечена и лишний раз доказана в диссертации.

Приводимые писателем сведения автор диссертации удачно дополняет собранными лично архивными данными, в том числе по Курской области (впервые вводя их в научный оборот). Источниковая база исследования достаточная для его выводов.

В целом диссертация полно и достаточно глубоко раскрывает заявленную тему, её основные вопросы.

Теперь о замечаниях и предложениях автору диссертации.

Как это свойственно почти всем пишущим в историко-биографическом жанре, диссертант склонен переоценивать героя своего произведения и видеть в нём только хорошее. «Грех» этот понятен и отчасти оправдан — без искреннего уважения к герою биографии её и писать-то не стоит. Но и «наступить на горло собственной песне» в этом случае стоит почаще. Сам Александр Исаевич, как известно, меньше всего склонен в публичной самокритике. Он всегда выступал в печати в ипостаси непогрешимого пророка. Даже о своих провалах (вроде сотрудничества осведомителем с лагерной администрацией; или же неблагодарного «бодания» с А.Т. Твардовским, своим благодетелем) он упоминает со стратегической целью полностью «отмыть» свою репутацию. Но диссертант ведь не панегирист; эту роль с успехом играет вторая, нынешняя супруга Александра Исаевича ³⁴⁶.

Взять к показательному примеру опять же спор двух писателей, один без другого уже немислимых в истории советской культуры — А.Т. Твардовского и А.И. Солженицына. На стр. 26–28 своей работы диссертант с полным пониманием воспринимает аргументы Александра Исаевича и осуждает позиции Александра Трифоновича. Между тем какая-то одна истина в их противостоянии не просматривается. Прочитанный тут же вывод П.Г. Григоренко остаётся, на мой взгляд, в силе. Без Твардовского ни о Солженицыне, ни о многих других диссидентах никто бы попросту не узнал. И спешить выносить сор из литературной избы, как это сделано в «Бодании телёнка с дубом», вряд ли стоило. Перефразируя Гегеля насчёт

³⁴⁶ Ради поучительного сравнения см.: *Решетовская Н.* В круге втором. Откровения первой жены Солженицына. М., 2006.

рассудка и разума, можно сказать, что Солженицын без Твардовского был бы ничто, а вот Твардовский и без Солженицына — нечто (выдающееся в русской культуре).

В диссертации, далее, сочувственно упоминается осуждение Солженицыным своих предшественников по обличению сталинизма — Паустовского и Эренбурга, «видевших мрачную эпоху и не сказавших о ней главного» (с. 14 автореферата). Но любому школьнику понятно, что если бы они такую правду в своё время сказали, её бы никто не услышал (произведения не были бы опубликованы, сами авторы (как О.Э. Мандельштам) стёрты в лагерную пыль). Даже в изуродованном внутренней и настоящей цензурой виде произведения этих и некоторых других авторов сыграли роль тех камешков, с которых начинается лавина (в данном случае — распад СССР и крах советской власти).

Сомнителен тезис, будто статья «Как нам обустроить Россию?» сильнее любых архивных документов выражает «социально-экономическую, нравственную, моральную (чем мораль отличается от нравственности? — С.Щ.) проблематику» (стр. 14 автореферата) конца XX в. Любой памфлет (даже Евангелия или Коран) — для историка всего лишь один из источников реконструкции прошлого, не более. Теперь, когда издана целая библиотека документов из сталинских архивов³⁴⁷, значение художественно-публицистических источников той же эпохи отходит на второй план. Сказанное вовсе не умаляет заслуги писателя как историка — именно он и в нужный момент извлёк из советской истории нравственные уроки (стр. 24 автореферата). А без таковых постсоветское развитие страны могло бы пойти иначе.

В диссертации хорошо показано, как Солженицын пришёл ко взгляду на интеллигенцию как главного виновника революционных катаклизмов, своего рода «козла отпущения» за все грехи русского народа. Историк мог бы и поспорить с таким выводом. Слов нет, интеллигенция пережила немало заблуждений, моментами роковых для неё самой и остальной страны. А разве другие слои русского общества избежали этой участи? Разве дворянство, в своей массе ультрамонархическое, не упустило возможность относительно мирно реформировать империю? Разве отдельные представители купечества не финансировали радикалов (как С.Т. Морозов большевиков)? Разве крестьянские бунты не пускали по ветру массу культурных ценностей из сожжённых помещичьих усадеб? Разве рабочий класс своими забастовками не дестабилизировал тыл воюющей державы? Так называемые трудящиеся после революции надолго увлеклись марксистской утопией. А вот интеллигенция, по крайней мере значительная её часть, многое сделала, чтобы спасти хотя бы остатки русской культуры. Без интеллигенции у Солженицына просто не было бы читателей.

³⁴⁷ Главная заслуга в публикации антисталинской документалистики и аналитики принадлежит издательству РОССПЭН, финансируемому Горбачёв-фондом.

С другой стороны, Ю.Н. Басенко мог бы и усилить аргументацию своего персонажа против так называемых «образованцев», отметив, как далеко не все жертвы сталинского режима его сразу и безоговорочно осудили. Отношения Сталина с интеллигенцией складывались куда драматичнее. Как известно, Булгаков написал «Батум», Пастернак, Ахматова и даже Мандельштам воспели Сталина в отдельных стихах — то ли искренно заблуждаясь на счёт тирана, то ли рассчитывая на новые подачки с его стороны. Эти попытки сблизиться с режимом стоят более органичного (?) позднего советизма Маяковского или Горького.

С точки зрения Солженицына, которую разделяет Ю.Н. Басенко (стр. 22 автореферата), «часть старой технической интеллигенции ... поддержала Советскую власть и приняла участие в реализации программ построения социалистического общества». На самом деле ситуация выглядит сложнее. Какое-то время после революции какая-то часть инженеров и техников могла питать иллюзии о том, что народу будет легче жить при большевиках. Но другая часть интеллигенции этих иллюзий не питала изначально. Просто не все смогли вовремя эмигрировать. Большая часть образованных людей служила не лицам (находящимся у власти), а делу своей жизни — заводам, лабораториям, опытным станциям, университетам, больницам, музеям, архивам, консерваториям, картинным галереям. Большую часть интеллигенции режим репрессировал произвольно, без какой бы то ни было её вины перед ним. Но какая-то часть жертв этого режима действительно пыталась с ним бороться и на словах, и на деле (Так, Л.Д. Ландау действительно сочинял и распространял антисоветские листовки в Харькове, а Мандельштам читал погубившее его стихотворение кому ни попадя).

Я не согласен с тем, что новые, уже советской выделки инженеры и техники были слабее старорежимных. Этот вывод прежде всего означает хулу как раз на старую интеллигенцию — ведь именно она учила советских рабфаковцев. Приводимые Солженицыным отдельные примеры бездарности и приспособленчества (стр. 23) ничего не доказывают. В семье не без урода. Индустриальной и военной сверхдержавой СССР сделали именно новые, послереволюционные кадры учёных и инженеров. Я знал многих из них лично — награды за свой труд они получали не зря.

В диссертации неоднократно привлекается внимание к истории советской повседневности. Делается вывод о том, что именно художественная литература является уникальным историческим источником «нравов, быта, взаимоотношений между героями» (стр. 24). Это, может быть, и так, но Солженицын здесь не монополист и не рекордсмен. О том, как ели, спали, любили, одевались, где и как жили советские люди можно прочитать у самых разных писателей, даже сугубо сервильных, вроде Симонова, или диссидентских, вроде Гроссмана. Приоритет Солженицына, думается, не в бытописании, а в нравственном пафосе, наглядном показе как раз того, что спрятано за густой пеленой повседневности. А именно, глубинных пере-

живаний, идеалов и разочарований героев его произведений. Трагедия не может быть повседневностью, и наоборот. Так что заслуга Солженицына как раз в преодолении повседневной поверхности советской истории и погружении в экзистенциальные её глубины, воспарение его мысли над скудной повседневностью — на историософские высоты.

В тексте диссертации и, особенно, в её автореферате встречаются стилистические обороты, вообще-то не принятые в научной литературе. Автор от первого лица отмечает, что такие-то вопросы «всесторонне раскрыты в его диссертации», «нам удалось проследить» и ещё в том же самоуверенном духе. Такого рода оценки — «всесторонне», «глубоко» и схожие дают обычно рецензенты, оппоненты, а не сами авторы. Авторы на самом деле «пытаются», «стараются» и ещё что-то в этом скромном роде. Не все научные руководители сейчас понимают, что не самохвальные словесные обороты украшают диссертацию, а совсем другое (что, кстати, а рецензируемой диссертации есть — широта и глубина анализа источников в первую очередь).

Отдельно выскажусь о библиографическом аппарате диссертации. Его объём и степень проработки заслуживают уважения. Автор собрал большую часть того, что написано о творчестве А.И. Солженицына в советской, российской и зарубежной печати. За это автора диссертации надо похвалить. Но ежели автор задумает выпустить текст работы отдельным изданием, то при соответствующей доработке ему стоит пополнить список использованной литературы (кроме вышеупомянутой книжки Войновича, в особенности документальная работа писателя В. Шенталинского «Рабы свободы» и намеченные её продолжения; сборники, посвящённые репрессированным этнографам, историкам, филологам, археологам, краеведам). Итоговая библиография в тексте диссертация выстроена не совсем логично. Общее название этого раздела работы — «Список использованной литературы» неправомерно распространено на указанные тут же архивные источники. Деление литературы на «монографии» и «книги» условно и надуманно. Не помешала бы автору и экскурсия по Интернету — в его указателях на слово «Солженицын» наверняка диссертанта ждали бы приятные сюрпризы. Наконец, в Москве уже несколько лет существует Фонд Солженицына (идти минут десять от метро «Китай-город»), а у него наверняка есть свой интернет-сайт. Кстати сказать, диссертационный совет поступит правильно, если найдёт возможность переправить текст диссертации и автореферат в этот Фонд (хотя бы в электронном виде). Ведь премии Солженицына были удостоены К.Д. Воробьёв и Е.И. Носов — знаменитые курские писатели. Так что Курск и куряне Солженицыну теперь не совсем чужие.

Как видно, практически все мои замечания носят не принципиальный, а рекомендательный характер. Они касаются не столько того, что есть в этой диссертации, а того, чтобы можно было туда привнести при дальнейшей работе над темой. Эти пожелания несколько не умаляют об-

щей высокой оценки работы Ю.Н. Басенко. Его диссертация вполне соответствует действующим требованиям Высшей аттестационной комиссии Министерства образования России к такого рода научно-квалификационным работам. Результаты, полученные диссертантом, довольно полно опубликованы в научной печати и апробированы на авторитетных научных конференциях. Автореферат верно передаёт основные положения диссертации.

Полагаю, что представленное к защите исследование Ю.Н. Басенко заслуживает присвоения ему учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07. 00. 02 — отечественная история.

14 февраля 2006 г.

ЗАКЛЮЧЁННОЕ СЛОВО

*Фольклор ГУЛАГа и его мемориально-нравственный потенциал*³⁴⁸

«Который год я вышел из тюрьмы,
А мне побеги, всё побеги снятся...»

А. Жигулин.

Репрессивные зоны любого социума закономерно порождают свою собственную субкультуру, включающую те или иные варианты устного (по механизмам создания и трансляции) творчества своих обитателей. По форме эти тюремные, этапные, лагерные, каторжные, ссыльно- и спецпоселенческие произведения те же, что и на воле: устные рассказы, паремии разного сорта, афоризмы, былички, стихи, песни и тому подобное. Эти произведения так или иначе возвращаются обратно в повседневный мир гражданской свободы и пользуются там популярностью в разных общественных слоях. О причинах такой популярности стоит подумать. Вероятно, тут и сострадание к трагическим судьбам павших и павших сограждан, огромная часть которых — «политические» — ни в чём не виновата; и протест против наглого поведения «хозяев жизни»; и сомнительная романтика криминального авантюризма; и что-то ещё в общественной психологии. Как известно, настоящий фольклор этически нейтрален. В такой нравственной отстранённости заключаются истоки жизненной правды мифа, эпоса, сказки, паремии. Эстетизация настоящего или выдуманного преступления представляет собой один из распространённых путей фольклоризации народной памяти.

В нашей стране учёными и публицистами не раз отмечалась повышенная криминализация фольклора, да и авторской литературы, где тематика каторги и ссылки, наказания и казни, вины и искупления издавна и до сих пор занимает большое место. Этот дискурс о тюрьме родился задолго до М. Фуко с его интеллектуальной манией надзирать и наказывать. Особенно гигантский массив фольклорного материала образовался в условиях политических репрессий, обрушенных советской властью на народы СССР в 1920-е – начале 1950-х гг. До рубежа 1980-х – 1990-х гг. фольклор ГУЛАГа, его крупных частей вроде Дальстроя³⁴⁹ или же других (Соловков, Воркуты, Колымы, казахстанского Джезказгана и тому подобных) оставался именно устным, полуподпольным по способам своего бытования. В годы Перестройки и либерализации 1990-х гг. значительная часть соответствующих произведений была собрана, опубликована или размещена на специальных сайтах Интернета. Ряд общественных фондов (А.Д.

³⁴⁸ Тезисно напечатано (с подзаголовочным названием из этой публикации) в кн.: Фольклорные традиции в контексте современной культуры и образования. Юдинские чтения – 2010. Материалы Всероссийской научной конференции. 25 февраля 2010 г., г. Курск, изд-во Курского гос. ун-та, 2010. С. 241–243.

³⁴⁹ Главное управление строительства Дальнего Востока МВД СССР.

Сахарова, А.И. Солженицына и других) продолжают эту работу и сегодня. Хотя в условиях социально-экономического кризиса рубежа 1990-х – 2000-х гг. интерес к антитоталитарной тематике в российском обществе упал; напротив, наметились тенденции идейной реабилитации тоталитарного опыта³⁵⁰. И всё же идейно-нравственный потенциал произведений узников ГУЛАГа мне представляется до сих пор актуальным, долгосрочным. Он составляет один из наиболее аутентичных источников по изучению и, главное, оценке истории отечественной культуры в переломный период её развития. Преподавание истории России, культурологии, фольклористики, литературоведения без учёта этого материала представляется обеднённым, искажённым.

Литературное наследие ГУЛАГа включает в себя и авторские³⁵¹, и безымянные³⁵², именно фольклорные произведения. Как обычно в духовной культуре, отдельные, наиболее яркие тексты мигрируют из одного раздела в другой. А именно: некоторые авторские произведения воспринимаются и варьируются народом, исполняются нами и ими всеми как свои, общие. Например, стихотворение Бориса Корнилова «Качка на Каспийском море» в народной версии песни изменило свой смысл на противоположный: «Качка в море берёт начало, а бесчинствует (фольклорно: кончается) на земле...».

Наоборот, известны попытки присвоения явно фольклорных текстов позднейшими авторами-исполнителями. Так произошло с песнями: «Поручик Голицын» («приватизированной» позднейшим по сравнению с «белой» эмиграцией исполнителем — полуподпольным в советское время эстрадником Звездинским); «Товарищ Сталин, вы большой учёный...» («Юз» Алешковский услышал это в своём позднем, 1950-х гг., лагере и с тех пор публикует в своих сборниках как собственное сочинение, хотя я лично видел список этой песни, датированный 1940-ми годами); «От злой тоски не матерись, сегодня ты без спирта пьян...» (То же с этим явно фольклорным текстом сделал — присвоил — посетивший Дальний Север на исходе его лагерной эпохи геолог А. Городницкий, у которого немало своих столь же замечательных произведений). Как видно, чем-то притягателен неофициальный, но на практике всенародный фольклор, если к нему примазываются вполне успешные эстрадные исполнители.

Наконец, масса каторжных, а затем особенно гулаговских виршей остались безымянными, хотя вполне ясно, что у их фольклорных прототипов индивидуальные или же в отдельных случаях коллективные авторы были. И мы уже никогда не узнаем, кто сочинил, такой, например, бессмертный стишок: «Колыма ты, Колыма, / Дальняя планета — / Двенадцать месяцев зима, / А остальное лето...»

³⁵⁰ См. попытку понять отмеченную ситуацию: *Марков Б.В., Щавелёв С.П.* Критика тоталитарного опыта. Курск, 2011.

³⁵¹ См., например: *Поэзия узников ГУЛАГа. Антология.* М., 2005 (Россия. XX век. Документы).

³⁵² См., например: *Антология студенческих, школьных и дворовых песен.* М., 2007.

Даже выборочное знакомство с фольклором сталинской каторги и ссылки позволяет заметить важные моменты отношения народа к тем условиям, куда его загнали большевики и коммунисты:

- в своём абсолютном большинстве жертвы ГУЛАГа не виноваты в том, за что их лишили свободы и «стёрли в лагерную пыль» («За что сижу — по совести не знаю, / но прокуроры, видимо, правы...»);

- нельзя простить палачей, мучивших узников; их, чекистов, преступлений, они, как и у фашистов, не имеют срока давности («Будь проклята ты, Колыма, / Что названа «чудной планетой...»»; «... Пулемёты поднял на вагоны / вологодский свирепый конвой»);

- репрессии носили массовый характер, они так или иначе затронули большинство населения страны («Этап на Север, срока огромные. / Кого ни спросишь — у всех указ...»; «... Повезли из Сибири в Сибирь» у В. Высоцкого);

- даже в «перевернутом мире» лагерной зоны продолжалась жизнь, и в ней оставалось место подвигу и преступлению, любви и ненависти, отчаянию и надежде; в памяти народа и то, и другое будет сохранено навечно («Я помню тот Ванинский порт / И крик парохода угрюмый...»);

- как ни далеко зауральская тайга и тундра располагались от родины большинства гулаговских узников, духовная связь с ней сохранялась даже за колючей проволокой; оставшиеся на воле родные люди помнили своих заключённых, сосланных родных и близких, а те даже в нечеловеческих условиях жили мечтой увидеть тех, с кем их разлучили («Но и тех уже сердце не бьётся / Кто командовал: «Прямо иди!» / Если жить у нас счастьем зовётся, / Значит счастье моё впереди...» — Павел Раменский);

- лагерный и тюремный фольклор по типам смыслов схож с современным ему городским и сельским — по правдивости и реалистичности оценок тогдашней жизни («Ах, спасибо Сталину — сделал меня барыню!.. / Я и лошадь, я и бык, / я и баба, и мужик. / Я и сею, я и жну, / на себе дрова вожу...», — кричала частушка времён коллективизации);

- фольклорное творчество контрастировало с официальной пропагандой, которую распространяла советская власть, в том числе в литературе и изобразительном искусстве, кинематографе («И тот кто с песней по жизни шагает, / Тот завсегда к прокурору попадёт...»);

- сочетание фольклорной и авторской литературной традиций в России первой половины XX в. удивительно катализировало то и другое направления литературного творчества; ни до, ни после эпохи массовых политических репрессий не наблюдалось столь масштабного произведения и потребления эстетизированных впечатлений от пережитых народом катаклизмов (Среди множества других примеров — «Попытка к бегству» и т.п. произведения братьев Стругацких).

Пусть же историки культуры и филологи будущих поколений обратят внимание на указанный ресурс достижения исторической и художественной правды.

СЛИШКОМ ЛИЧНОЕ ДЕЛО

*Дело об издании учебного пособия А.Н. Илиади
«Введение в марксистско-ленинскую философию» (1969–1970 гг.)*³⁵³

Светлой памяти Валерия Ивановича Колосова (1936–2011)

Подзаголовок моего сообщения повторяет название одной из единиц хранения Государственного архива Курской области (ГАКО. Ф. Р–3707. Оп. 1. Д. 1440). В этом архивном деле 23 листа. Содержащиеся там документы говорят сами за себя, и я их только резюмирую, сведя комментарий к минимуму. Как говорится, *sapienti sat*.

Итак, в 1968 г. заведующий кафедрой философии Курского государственного педагогического института Александр Николаевич Илиади³⁵⁴ подготовил к печати рукопись учебного пособия «Введение в марксист-

³⁵³ Опубликовано в кн.: Вторые Илиадиевские чтения. Тезисы докладов и выступлений международной научной конференции (г. Курск, 5 мая 1999). Курск, 1999. С. 7–9.

По поводу этого текста меня консультировал Валерий Иванович Колосов, в описываемые в очерке годы — заведующий печатным цехом того самого издательства «Курская правда», в чьей типографии разворачивались здесь изложенные события. Светлой памяти Валерия Ивановича, высококлассного спортсмена (велосипед), полиграфиста, я посвятил некролог: *Щавелёв С.П., Раздорская И.М.* Корпоративный разум врача и провизора. Курск, 2012. С. 3. Этот некролог перепечатан и в начале настоящего издания.

³⁵⁴ См. о нём: *Илиади А.Н. (1921–1980) // Алексеев П.В.* Философы России XIX – XX столетий. Биографии, идеи, труды. 3-е, перераб. изд. М., 1999. С. 316.

А также следующую выписку из его архивированной автобиографии:

«Автобиография Илиади Александра Николаевича

Я родился в г. Одессе в 1921 году. Мой отец — Илиади Николай Николаевич — до революции студент Новороссийского университета, после революции — преподаватель математики в ряде учебных заведений Одессы. Мать — Илиади Мария Николаевна — врач.

В 1929 году я поступил в десятилетку № 48 в г. Одессе, которую окончил в 1938 году. В том же году был принят в Одесский механико-технологический институт им. Сталина. В 1941 году, в июне, был призван в Красную Армию. Окончил Артиллерийское училище им. Фрунзе и по февраль 1945 года находился в Действующей армии. Работал на различных должностях: от командира взвода разведки до пом. нач. оперотдела арткорпуса. В феврале 1945 года был ранен и демобилизован. За период лечения в госпитале окончил механико-технологический институт. В процессе занятий особое внимание я уделял вопросам диалектического и исторического материализма, в частности — теории отражения. В связи с этим начал работу над темой «Ленинская теория отражения и искусство». В целях завершения работы, поступил во Львовский государственный университет им. Франко. В 1951 году я окончил его по филологическому факультету, ибо философского в нём не было. В 1953 году я переехал в г. Москву. Тогда же был прикреплен к кафедре диалектического и исторического материализма философского факультета Московского государственного университета, где прослушал аспирантский курс и сдал кандидатские экзамены.

ско-ленинскую философию». Однако руководство института требовало всё новых и новых рецензий, удостоверяющих благонадёжность данного опуса. Так рукопись успешно прошла все, пожалуй, на тот момент возможные «круги рецензионного чистилища». Положительные отзывы, приобщённые к «Делу», дали:

1) научный редактор книги доцент Курского сельскохозяйственного института В.А. Блюмкин;

коллеги автора по кафедре

2) доцент М.А. Степинский («Диссертация Илиады является для нас в какой-то мере сюрпризом, но в то же время она рождалась на наших глазах»);

и 3) преподаватель В.Т. Мануйлов;

4) заместитель начальника Главного управления учебных заведений Министерства просвещения РСФСР Д. Забродин;

5) экспертная комиссия по гуманитарным наукам ЦЧО во главе с профессором Воронежского государственного университета Б.Я. Пахомовым;

6) декан философского факультета МГУ В.Ф. Овсянников (между прочим, уроженец Тимского уезда Курской губернии);

7) и.о. заведующего кафедрой диалектического материализма того же факультета профессор А.Я. Ильин.

После чего рукопись пособия в июне 1969 г. поступила в типографию издательства «Курская правда» для тиражирования.

Работу уже включённого печатного станка приостановила докладная записка тогдашнему ректору Педагогического института от тогдашнего же проректора по научной работе ³⁵⁵, озаглавленная: «По поводу находящегося в производстве учебного пособия (курса лекций) проф. А.Н. Илиады». В ней говорилось: «После моего возвращения из отпуска (20 сентября) мне стало известно, что учебное пособие разрослось с 15 до 27 печатных листов. Это я узнал в результате посещения типографии и беседы с товарищами Н.Н. Казаковым и Ю.Г. Пойдашевым. Перед ними был поставлен вопрос [явно по совету ректора института — С.Щ.] о том, чтобы институту

В 1956 году мною была подана к защите диссертация «Искусство как познание в свете Ленинской теории отражения». Отзывы на работу имеются и по выходе в свет статьи, охватывающей тему диссертации, я должен буду её защитить.

Я член КПСС с апреля 1943 года. Судимостей и партвзысканий не имел. Награждён орденом «Красная звезда», «Отечественная война I степени» и медалями.

Жена — Илиады Светлана Борисовна, врач-рентгенолог, сотрудник Курского онкологического диспансера.

Дочь — Юлия, 5,5 лет.

10 сентября 1957 года. Подпись».

(Архив КГМИ / КГМУ. Ф. Р-4847. Оп. 3-4. Д. 477. А.Н. Илиады. 11. 09. 1957 – 13. 11. 1958. Лл. 4-4 об.)

³⁵⁵ Имена ректора и проректора внимательный читатель может найти среди персоналий моего словаря «Историки Курского края» (Курск, 2009).

были предоставлены три экземпляра вёрстки указанного учебного пособия (набор уже завершился) для ознакомления. Увеличение объёма учебного пособия проф. Илиади объясняет доработкой рукописи в соответствии с требованиями рецензентов. Однако вряд ли допустим тот факт, что проф. Илиади своевременно не предупредил научную часть института об увеличении размеров учебного пособия. В силу чего научная часть не смогла известить об этом Министерство просвещения РСФСР и получить необходимые разрешения от соответствующих инстанций» [читай — государственной цензуры — С.Щ.]

Директору типографии Н.Н. Казакову на стол легло заявление проректора. «Ректорат КГПИ просит выдать институту на непродолжительное время рукопись учебного пособия. Это вызвано тем, что до сих пор не закончена правка вёрстки названного учебного пособия». На этом заявлении красуется виза начальника производственного отдела издательства: «В связи с существующим положением о работе издательства и заказчика выдача оригиналов находящихся в производстве рукописей заказчику на непродолжительное время запрещена».

Не сумев заполучить рукопись, руководство института запрещает типографии расходовать бумагу, принадлежащую институту и хранящуюся на складе издательства. Директор издательства отвечает на эту санкцию симметрично: «Непредоставление сырья в срок вынуждает нас обратиться в Госарбитраж по поводу иска за пролёживание наборного металла».

Гласное разбирательство, как видно, не устраивало ректора, и он переключает ход осложнившегося дела обратно на проректора: «Прошу предоставить ваши соображения».

Бедолага проректор, в свою очередь, требует очередную объяснительную от Илиади. Тот отвечает по существу: «Работа несколько задержалась в своём выпуске из-за непонятого отношения ректора института, который вместо поддержки работы ... пытается приостановить набор». Автор учебника обещает своему руководству компенсировать стоимость сверхплановой бумаги и увеличенного набора, «если курс лекций не будет мною распространён» среди студентов и других читателей.

После чего у блокираторов издания совсем не осталось аргументов, и в январе 1970 года оно было подписано в печать и благополучно опубликовано издательством ³⁵⁶.

Если практика в самом деле критерий истины (как, должно быть, полагали все участники изложенного эпизода истории советской науки), то надо признать — учебник получился неординарным. Частично устарев за прошедшие десятилетия по содержанию, будучи неказисто перепрелетена и отпечатана, эта книга до сих пор остаётся оригинальной по своему замыслу (курс общей философии несколько раз варьирован по основным факультетам гуманитарного университета), цитируется иногда нынешними

³⁵⁶ См.: *Илиади А.Н.* Введение в марксистско-ленинскую философию. Курск, 1969.

исследователями, а ещё чаще явно или неявно используется преподавателями философии, уже не марксистской.

[Пожалуй, учебник и есть памятник профессору Илиади. Его диссертации и соответствующие им книги ³⁵⁷, в своё время интересные и актуальные у нас в стране, ушли в архив вечности вместе с «марксистско-ленинской теорией отражения». Теперь вот мой учитель и покровитель (по докторской диссертации и вообще в профессии) петербургский профессор Борис Васильевич Марков с ностальгией вспоминает своих старших коллег по философскому факультету Ленинградского университета имени Жданова — Василия Петровича Тугаринова (1898–1978), Василия Павловича Рожина (1908–1986) и других теоретиков послевоенной советской философии. Дескать, по их учебникам училось полмира — весь «социалистический лагерь». Я понимаю и разделяю эту оценку Бориса Васильевича. Стыдно не ценить предшественников. Но обращаю внимание, что по своему содержанию эти учебники устарели практически полностью, будучи построены по примитивному идеологическому канону своего времени и места. Какие-то тогдашние идейные флюктуации, скажем, между ленинградскими онтологистами и московскими гносеологистами, сегодня видятся бурями в стакане воды. А вот у Александра Николаевича Илиади мысленный простор уже тогда же оказался пошире и поглубже. Его учебник и сегодня полезно почитать и студенту, естественнику и гуманитария, и их преподавателям. Ведь в илиадиевском учебнике философия «квантована» неоднократно — для физиков, химиков, биологов и социологов. Разумеется, тоже с поправкой на время и место, когда и кем (по должности) этот учебник писался. Хотя названные науки уже не зависят от идеологии, слава атеистическому богу].

³⁵⁷ См.: *Илиади А.Н.* Практическая природа человеческого познания. М., 1962; *Его же.* Природа художественного таланта. М., 1965.

ЗОЛОТАЯ ЗМЕЯ

Отзыв на кн.: Сапковский А. Змея. М., 2011 ³⁵⁸

Многие думают, что бумажные издания рано или поздно уступят место экранному изображению. По крайней мере, в московском да питерском метро всё меньше заметно пассажиров, коротающих время в пути за книжками да журналами — всё больше с ридерами да айпедами. Но не все согласны с тем, что книги уходят в историю. Автор этого отзыва уверен, что у каждого студента, аспиранта, любого другого представителя молодых поколений должна быть книжная полка. И когда-нибудь наши дети или внуки снимут с неё увесистый томик, подадут своему внуку или внучке со словами: «А я эту книгу ещё в университете прочитал...»

В книжных магазинах российских городов поступил в продажу новый роман Анджея Сапковского «Змея». Поклонники популярного нынче жанра фэнтези знают и любят этого замечательного польского писателя. Его семитомная сага о ведьмаке Геральте, волшебнице Йеннифер и их приёмной дочери, бывшей и будущей принцессе Цири затмила в России по читательской популярности самого Толкиена! Не понизил высокую художественную планку и последовавший затем трёхтомник — «Башня шутов», «Божьи воины», «Свет вечный» — о событиях позднего Средневековья в Европе, войнах чешских таборитов. И вот — долгожданная встреча с новым произведением мастера. Конечно, многоплановым, с непременным в этом жанре налётом мистики. Замысел у писателя родился из немудрёной песенки, сочинённой кем-то из военных «бардов» во время советской войны в Афганистане. Дескать, там на одной из наших застав солдат приручил змею, и в один прекрасный день она спасла ему жизнь...

Главный герой новой повести — прапорщик Леварт. Павел Славомирович — потомок польского революционера, сосланного когда-то в Сибирь и женившегося там на русской дворянке. Их непутёвый правнук вылетел из Ленинградского университета за какой-то диссидентский поступок, попал, разумеется по тогдашним нашим временам в армию, и вот — воюет «за речкой», в Афгане. Воюет храбро, заботится о молодых бойцах. Пока на очередном месте службы в разведке не встречает золотую змею... А она уже видела такого бойца — в его как бы прошлых жизнях. Когда-то раньше появлялись на этой земле и кавалерист Александра Македонского, покорителя мира; и лейтенант армии Британской империи, над которой никогда не заходило солнце. Они нашли там свой последний приют. Что защищает эту забытую богом страну? Неужели её магическая хранительница, рептилия?... И вот Леварту придётся... Впрочем, не стоит пересказывать лихо закрученный сюжет.

³⁵⁸ Напечатано: *Щавелёв С.П.* «Прощай, отчий край!» [Рец. на кн.: *Сапковский А. Змея. М., 2011*] // Вести Курского медуниверситета. Многотиражная газета. 2012. № 7 (103). С. 10.

Автор повести, пан Анджей, принадлежит к тем полякам, которые любят Россию, ценят её культуру и наши вековые, пусть и сложные, связи с братьями-славянами. Не случайно под конец повести, после череды боёв с их кровью и матом; после неоднократной отправки и «груза двести», и «груза триста» (раненые), русские солдаты поют. Неофициальный гимн России (по определению Иосифа Бродского) «Прощание славянки». «Развалившись на броне, парни из 103 Витебской гвардейской воздушно-десантной дивизии ревели, сколько было сил в лёгких:

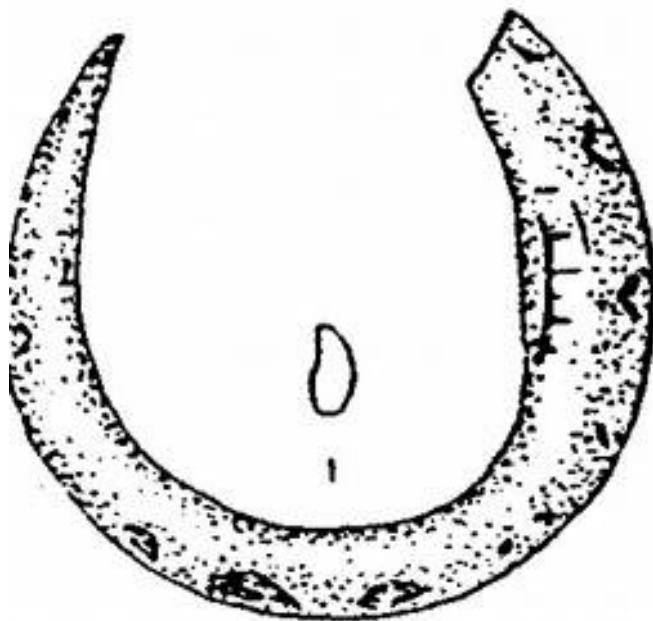
*Лес да степь, да в степи полустанки,
Свет вечерней и новой зари.
Не забудь же прощанье славянки,
Сокровенно в душе сохрани!*

*Проща-а-ай, отчий кра-а-ай!
Ты на-а-а-ас вспомина-а-а-ай!..*

Горы отвечали эхом. На вершинах Гиндукуша ослепительно сверкал снег».

Как всегда у Сапковского, в книге не только события, приключения и загадки. Ещё философия нашей жизни. Что стало с теми, кто выжил в Афгане? Куда идёт Россия? Читайте новую книгу.

А та самая змея теперь встречается польских солдат из натовского контингента, в очередной раз воюющих во всё том же Афганистане. На сей раз — против талибов ...





КУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ул. К. Маркса, 3, г. Курск 305041 Тел.: (4712) 58-81-32; факс.: (4712) 50-73-00, 58-81-37
Интернет-адрес: www.kurskmed.com Электронная почта kurskmed@mail.ru

Медицина - дело на все времена!



Hippocrates



Avicenna

Издательство Курского государственного медицинского университета.
305041, г. Курск, ул. К. Маркса, 3.

Лицензия ЛР № 020862 от 30.04.99 г.
Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии КГМУ.
305041, г. Курск, ул. К. Маркса, 3.
Заказ № 66.